Годъ 1-й. Кн. III.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К⁰, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

I. О природныхъ условіяхъ и особенностяхъ Памира.

Согласно установившемуся въ два послѣднія десятилѣтія мнѣнію многихъ изслѣдователей этой страны, подъ Памиромъ разумѣю я ту часть бассейна Пянджа или верховій Аму-дарьи, долины и ущелья которой лежатъ около 12 т. фут. и выше надъ уровнемъ моря, а равно и бассейны примыкающихъ къ этой территоріи не имѣющихъ истоковъ озеръ не меньшей высоты. Границами Памира должны почитаться, въ общихъ чертахъ, на востокѣ, а также отчасти на сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ Сарыкольскій хребетъ (точнѣе водораздѣлы между аму-дарьинскимъ и таримскимъ бассейнами), на сѣверѣ—Заалайскій хребетъ, на западѣ же и отчасти на югѣ—линія, отдѣляющая Дарвазъ, Рошанъ, Шигнанъ и Ваханъ отъ Памира, по границѣ древесной растительности, около 12 т. фут. или немного ниже. При такомъ опредѣленіи [1]) и границахъ Памира, изъ предѣловъ его исключаются территоріи, принадлежащія таримскому бассейну, и сверхъ того лежащія ниже границы древесной растительности земли аму-дарьинскаго бассейна.

Въ намѣченныхъ такимъ образомъ границахъ, имѣя около 200 вер. протяженія съ востока на западъ и немного болѣе съ сѣвера на югъ, Памиръ является горнымъ поднятіемъ, поверхность котораго состоитъ главнымъ образомъ изъ почти вост.-западныхъ хребтовъ, соединяющихся между

[1]) Оно почти сходится съ „внутреннимъ Памиромъ“ Н. А. Сѣверцова, изъ состава котораго приходится исключить лишь его „нагорье Шигнанское“ („Орографическій очеркъ Памирской горной системы“, Спб., 1886 г. стр. 38—108), и съ „луговымъ Памиромъ“ Д. Л. Иванова („Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.“, 1884, стр. 250).

собою отрогами и раздѣляющихся долинами рѣкъ и озеръ. Такъ какъ долины не составляютъ десятой [1]), а по оцѣнкѣ нѣкоторыхъ хорошо знакомыхъ съ Памиромъ лицъ даже и тридцатой части [2]) общей поверхности страны, то называть Памиръ плоскогорьемъ съ нагроможденными хребтами и горными массивами было бы натяжкой и точнѣе причислять его къ переходнымъ между такимъ плоскогорьемъ и многохребетной горной страною типамъ рельефа [3]).

«Съ геологической точки зрѣнія» Памиръ «есть огромный массивъ, въ основѣ котораго лежатъ гранитныя и гнейсовыя породы. Развитіе послѣднихъ главнѣйше наблюдается въ южной половинѣ, гдѣ онѣ являются преобладающими. Сѣверная половина занята осадочными, часто сильно метаморфизованными породами, среди которыхъ лишь мѣстами обнажаются граниты». «Въ архитектоническомъ отношеніи памирскій массивъ представляетъ рядъ болѣе или менѣе параллельныхъ поднятій, образующихъ складки и сдвиги. Направленіе линій простиранія породъ главнѣйше западное; орографическія же линіи хребтовъ горныхъ цѣпей преимущественно совпадаютъ съ З.-Ю.-З. направленіемъ... т.-е. согласно общей линіи восточнаго Гиндукуша... Другое ясное направленіе... есть сѣв.-западное... главнымъ образомъ въ восточной половинѣ Памира... Это второе, сѣв.-западное поднятіе надо считать новѣйшимъ по отношенію къ первому... Оно проявилось не только въ линіяхъ простиранія палеозойскихъ и гнейсовыхъ породъ, но еще въ цѣломъ рядѣ гранитныхъ жилъ, прорѣзывающихъ основные граниты массива; оно же безъ сомнѣнія обусловило и образованіе восточно-окраинной цѣпи Кашгарскихъ горъ. Значеніе этого поднятія... было весьма важно въ исторіи дальнѣйшей геологической жизни Памира и окрестныхъ странъ. Памиръ оно замкнуло съ В. огромной линіей горъ, достигающихъ своими многочисленными вершинами до 20 слишкомъ тысячъ футовъ; продолженіе къ сѣверу послужило началомъ раздѣленія Алайскаго пролива отъ Восточнаго моря». «Слѣды, оставленные на Памирскомъ массивѣ бывшими ледниками, позволяютъ безошибочно утверждать, что явленія ледниковаго періода были здѣсь необыкновенно грандіозны и, безъ сомнѣнія, выражались въ видѣ сплошного ледяного покрова, изъ-подъ котораго выступали лишь линіи высочайшихъ гребней... Наступившій за ледниковымъ періодомъ озерный еще болѣе повліялъ» на произведенное ледниками разрушеніе верхнихъ горныхъ породъ и из-

---

[1]) The Pamirs and the Source of the Oxus, by George Curzon, London, 1896, p. 16.

[2]) „Очеркъ Памира“ инж.-капитана Серебренникова въ „Военномъ Сборникѣ“, 1899 г., іюль, стр. 219.

[3]) Н. А. Сѣверцовъ. „Орографич. очеркъ Памирской горной системы“, 1886 г., стр. 19.

мѣненіе поверхности Памира, «затянувши моренныя отложенія озерными осадками значительной мощности» [1]).

Таковы нѣкоторыя главныя черты изъ геологической исторіи Памира, которая обнимаетъ, вѣроятно, сотни тысячелѣтій. Исторія человѣческой жизни на Памирѣ, по имѣющимся пока для нея достовѣрнымъ извѣстіямъ, простирается лишь на два съ небольшимъ тысячелѣтія, въ продолженіе которыхъ природныя условія Памира не могли измѣниться сколько-нибудь значительно, такъ какъ для совершенія въ нихъ существенныхъ перемѣнъ требуются долгіе періоды времени. Такъ, «поднятіе Памира, начавшееся еще въ силурійскій періодъ, продолжается и въ настоящее время» [2]), но, конечно, совершается весьма медленно, какъ всѣ геологическія явленія. Величина поднятія юго-западныхъ береговъ Финляндіи опредѣлена, по 20-лѣтнимъ наблюденіямъ, въ 55,2 сант. на сто лѣтъ [3]), что даетъ 5,52 метра на тысячелѣтіе, 11,04 метр. въ 2 тыс. лѣтъ. Конечно, горы поднимаются скорѣе, чѣмъ берега Финляндіи. Можно допустить, что Памиры поднялись въ 2 т. лѣтъ въ 10 разъ больше, т.-е. на 110,4 м. или 362,22 фут., но едва ли было бы вѣроятнымъ предположить въ 100 разъ большее возвышеніе Памира, т.-е. 1.104 метра или 3.622,11 фут. [4]), потому что такой ростъ Памира вызвалъ бы значительное измѣненіе къ худшему природныхъ условій Памира, тогда какъ, по описаніямъ китайскихъ паломниковъ, ѣздившихъ чрезъ эту страну въ Индію 1.500—1.250 лѣтъ тому назадъ, условія эти почти не измѣнились или перемѣнились лишь въ малой степени. Во всякомъ случаѣ, ознакомленіе съ главными природными условіями Памира для растительной и животной жизни въ настоящее время дастъ болѣе или менѣе близкое представленіе объ условіяхъ существованія на Памирѣ и людей въ послѣднія два тысячелѣтія.

---

[1]) „Краткій отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ на Памирѣ“ (въ 1883 г.) Д. Л. Иванова въ „Зап. И. Р. Минер. Общ.“, часть 22, Спб., 1886 г., стр. 255—259, 263—265. По И. В. Мушкетову, „Памиръ, повидимому, представляетъ собою область, гдѣ сходятся и отчасти пересѣкаются двѣ громадныя системы хребтовъ Азіи: Тянь-шань и Гималаи, чѣмъ и объясняется двойственный характеръ хребтовъ, который наблюдается на всей Памирской выси: одни имѣютъ сѣв.-восточное направленіе, характерное для Тянь-шаня, другіе—сѣв.-западное, Гималайское. Перваго рода хребты рельефно выражаются на сѣверныхъ предѣлахъ Памира, вторые—на югѣ; точно также и всѣ большія долины имѣютъ двоякое направленіе“ („Памиръ и Алай“ въ „Живописной Россіи“, изд. Вольфа, томъ X, Спб., 1885 г., стр. 306). „Вся Памирская высь—эта т. наз. колыбель рода человѣческаго—сложена изъ осадковъ, сравнительно новыхъ въ геологическомъ отношеніи“ (тамъ же, стр. 330).

[2]) Н. А. Сѣверцовъ, „Орогр. очеркъ Пам. горн. сист.“, стр. 381.

[3]) „Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 373.

[4]) По свѣдѣніямъ Керзона (The Pamirs etc., p. 81), Н. А. Сѣверцовъ полагалъ, что Памиръ въ послѣднія 12 т. лѣтъ поднялся на 600 футовъ. Безъ сомнѣнія, это не болѣе, какъ предположеніе. Къ сожалѣнію, указанія Керзона на источники его свѣдѣній по этому предмету неопредѣленны и частію ошибочны, самому же мнѣ въ трудахъ Сѣверцова ничего подобнаго не встрѣчалось.

Условія растительной жизни на Памирѣ сводятся главнымъ образомъ къ температурѣ и количеству атмосферныхъ осадковъ, для животной же жизни, сверхъ того, къ количеству подножнаго корма и вліянію высокаго положенія надъ уровнемъ моря. О климатѣ Памира мы имѣемъ данныя устроенной въ 1893 г. въ Памирскомъ укрѣпленіи метеорологической станціи за полные четыре года, именно 1894, 1895 [1]), 1897 и 1898, въ «Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи» за эти года. Средняя температура оказалась за 1894 г.—1,9° Ц., 1895 г.—0,8°, за 1897 и 1898 г.г. по—1,5°; *maximum* температуры за эти четыре года замѣчался отъ 25° до 27,3°, а *minimum* отъ—41,8° до—46, 7° Ц. Температура Памира замѣчательна рѣзкими переходами: въ теченіе самаго теплаго мѣсяца короткаго лѣта, іюля, температура падаетъ ночами нерѣдко ниже 0° и замерзаетъ вода [2]). Еще неблагопріятнѣе условія Памира въ отношеніи атмосферныхъ осадковъ. Количество ихъ составило въ 1894 г. всего 51,0 мил., въ 1895 г. 37,4 мм., въ 1897 г. 81,4 мм. и въ 1898 г. 41,9 мм. [3]), въ среднемъ же за четыре года 52,9 милл., тогда какъ на ближайшей къ Памиру метеорологической станціи въ укр. Иркештамѣ, на верховьяхъ Кашгаръ-дарьи, на высотѣ въ 8.540 ф., количество осадковъ равнялось въ 1898 г. 172,8 милл. («Лѣтоп. Гл. Физ. Обсерв.» за 1898 г.) и даже въ одной изъ бѣднѣйшихъ атмосферными осадками мѣстностей Россіи, въ Петро-Александровскѣ, въ низовьяхъ Аму-дарьи, среднее количество годовыхъ осадковъ, по даннымъ за 16 лѣтъ, опредѣлилось въ 73,6 милл., колеблясь по годамъ отъ 19,3 мм. до 134,7 мм. [4]). Дней съ осадками отмѣчено на Памирскомъ посту въ указанные четыре года отъ 23 до 41 въ годъ, въ томъ числѣ со снѣгомъ отъ 13 до 32. Дней съ бурями показывалось отъ 61 до 97. Вѣтры преобладаютъ Ю.-З. и С.-В., а за ними Ю. и С.; такъ въ 1898 г. о Ю.-З. 190 отмѣтокъ, о С.-В. 157, о Ю. 157 и о С. 106; отмѣтокъ затишья сдѣлано отъ 160 до 513 въ годъ.

Памирскій постъ расположенъ почти въ географическомъ центрѣ Памира, но на западной его окраинѣ и близко къ наименьшей его высотѣ, около 12 т. ф.; сверхъ того, на климатъ его оказываютъ вліяніе топографическія условія, значительно, впрочемъ, разнообразныя во всѣхъ мѣстностяхъ Памира. Вслѣдствіе этого, хотя приведенныя точныя данныя

---

[1]) Въ 1896 г. наблюденія не производились въ теченіе одного мѣсяца, а потому годовыхъ выводовъ сдѣлать нельзя.

[2]) „Очеркъ Памира“ капит. Серебренникова въ „Воен. Сборн.“ 1899 г., авг., стр. 446. Въ іюлѣ нынѣшняго 1900 г., на оз. Зоркулѣ (Викторіи), проф. Станкевичъ констатировалъ ночами морозы въ—4° Ц.(„Туркест. Вѣдом.“,отъ 10 авг.).

[3]) По мѣсяцамъ выпало въ 1898 г. наиболѣе осадковъ въ январѣ—10,5 милл., апрѣлѣ 9,4 мм., маѣ 10,1 мм. и въ іюлѣ 7,6 мм.

[4]) „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьинской обл.“, т. 8, Ташкентъ, 1900 г., статья О. А. Шкапскаго: „Земледѣліе и пр. въ Шураханскомъ участкѣ“, стр. 20.

метеорологической станціи характеризуютъ въ среднемъ климатъ Памира вообще, но для разныхъ мѣстностей неизбѣжно существуютъ болѣе или менѣе значительныя отступленія. Наиболѣе извѣстны въ этомъ отношеніи отступленія въ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, особенно снѣга. Тогда какъ около Памирскаго укрѣпленія слой снѣга, покрывающаго зимою долину, не превышаетъ четверти аршина, случается, что въ другихъ долинахъ глубина снѣга доходитъ до двухъ аршинъ, а на склонахъ горъ даже до двухъ саженъ; особенно глубокій снѣгъ, какого не запомнятъ туземцы, выпалъ въ 1896 г. въ юго-восточной части Памира [1]). Причины накопленія снѣга въ извѣстныхъ мѣстностяхъ заключаются, впрочемъ, главнымъ образомъ не столько въ бо́льшемъ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, сколько въ топографическихъ условіяхъ и въ направленіи вѣтровъ, причиняющихъ снѣжные наносы. Слишкомъ малое количество атмосферной влаги и осадковъ на Памирѣ зависитъ прежде всего отъ несомнѣннаго недостатка влажности въ Средней Азіи вообще, недостатка, медленно, но постоянно увеличивающагося. Исчезновеніе Восточнаго и Западнаго морей, занимавшихъ средину материка Азіи, какъ свидѣтельствуютъ геологическіе факты, показываетъ, что Средняя Азія получаетъ изъ океановъ менѣе влажности, чѣмъ отдаетъ. Однако и изъ имѣющагося остатка Памиръ получаетъ слишкомъ малую долю, такъ какъ съ сѣвера Алайскій и Заалайскій хребты, съ востока Кашгарскій и Сарыкольскій и съ юга Хиндукушъ осаждаютъ на своихъ высяхъ большую часть влажности, приносимой съ этихъ трехъ сторонъ; притокъ атмосферной влажности получается такимъ образомъ Памиромъ главнѣйше лишь съ запада, изъ Арало-каспійской низменности, куда текутъ его воды, но и съ этой стороны горы Бадахшана, Дарваза, Рошана и Шигнана перехватываютъ большую часть влажности.

Холодный климатъ и рѣзкія перемѣны температуры въ продолженіе слишкомъ короткаго лѣта ведутъ за собою невозможность успѣшнаго роста и созрѣванія хлѣбовъ, а равно и существованія на Памирѣ древесной растительности. Растительная жизнь на Памирѣ представляется только немногочисленными травянистыми растеніями, могущими переносить рѣзкіе переходы температуры и ночные заморозки даже въ іюлѣ. Памирская флора настолько скудна количествомъ видовъ, что ботаники англійской памирской разграничительной коммиссіи 1895 г., несмотря на всѣ свои старанія, могли собрать лишь 115 видовъ [2]). Существованіе травяной растительности дозволяетъ жизнь на Памирѣ травоядныхъ животныхъ, а съ ними и человѣка, но пространства пастбищъ, особенно

[1]) „Очеркъ Памира“ кап. Серебренникова въ „Воен. Сборн.“, 1899 г., авг., стр. 448.

[2]) Report on the proceedings of the Pamir boundary commission, by Major-General M. G. Gerard etc., 1896, Calcutta, 1897, p. p. 1, 57 etc.

зимнихъ, значительно на Памирѣ ограничены вслѣдствіе недостатка атмосферныхъ осадковъ. По этой причинѣ растительный покровъ образуется только въ низменныхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ, а также у ключей, большая же часть поверхности Памира или совсѣмъ лишена растительности или имѣетъ крайне рѣдкую и лишь въ продолженіе краткаго теплаго времени года. «Лучшимъ доказательствомъ ограниченности мѣстъ подножнаго корма служитъ то обстоятельство, что киргизы кочуютъ зимою только въ слѣдующихъ мѣстахъ: у озера Б. Каракуля, въ Рангъ-кульской котловинѣ, въ устьѣ Акъ-Байтала, на Кошъ-агылѣ и Акташѣ, и вверхъ по Аксу, верстъ на 20 выше впаденія Беика» [1]). Однако не всѣ домашнія травоядныя животныя могутъ разводиться на Памирѣ. По произведенному въ октябрѣ 1892 г., при переписи памирскихъ киргизовъ, исчисленію скота оказалось у 227 кибитокъ (1.055 душъ об. пола) 1.703 яка, 20.580 барановъ и овецъ, 383 верблюда и 280 лошадей. «Коровы и лошади, благодаря тяжелымъ климатическимъ условіямъ, не родятся на Памирѣ; телята и жеребята не выживаютъ, вслѣдствіе чего первыхъ на Памирѣ совсѣмъ не имѣется, а вторые исключительно приводные изъ Ферганы и съ Алая» [2]).

Можно предполагать, что плохо переносящія обитаніе на Памирѣ животныя подвергаются отчасти слѣдствіямъ разрѣженности воздуха или горной болѣзни, отъ которой страдаютъ на Памирѣ люди. Явленія и причины горной болѣзни пока мало изслѣдованы. Обыкновенно полагаютъ, что причиною болѣзненныхъ явленій на большихъ высотахъ служитъ не уменьшеніе давленія воздуха, равное на уровнѣ моря 76 сант., а на вершинѣ Монблана (4.810 метр., выше Памирской метеорологической станціи, лежащей на высотѣ 3.658 м.), оказывающееся лишь въ 38 сант., т.-е. вдвое меньшимъ, а уменьшеніе въ томъ же объемѣ воздуха количества кислорода. Въ прошломъ году туринскій профессоръ А. Моссо [3]), на основаніи опытовъ, произведенныхъ въ разрѣженномъ воздухѣ пневматической камеры, пришелъ къ заключенію, что причина горной болѣзни состоитъ въ уменьшеніи въ крови углекислоты, происходящемъ, вѣроятно, отъ разлагающаго дѣйствія убавленія барометрическаго давленія на нѣкоторые бикарбонаты, содержащіеся въ крови; объясненіе это подтверждалось тѣмъ, что, по введеніи въ пневматическую камеру углекислоты, находящійся въ камерѣ этой субъектъ, ощущавшій головную

---

[1]) „Памиры“ ген. шт. капитана Кузнецова въ „Сборникѣ матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 8 и 9. Къ лучшимъ же пастбищамъ принадлежатъ долины Аличура, а также Бол. и Мал. Памировъ, но въ продолженіе 4—6 мѣсяцевъ долины эти покрываются глубокимъ снѣгомъ (тамъ же, стр. 8).

[2]) „Памиръ и Памирскія ханства“ инж.-кап. Серебренникова въ „Инжен. Журн.“, 1894 г., стр. 1425.

[3]) Acarpie et le mal des montagnes, par Angelo Mosso, въ „Revue générale des sciences“, № 5, Mars, 1899.

боль и затрудненіе дыханія, сразу чувствовалъ облегченіе. Теорія Моссо встрѣтила возраженія [1]), опирающіяся, между прочимъ, на анализы, несомнѣнно показывавшіе сильное уменьшеніе въ крови на большихъ высотахъ кислорода и слабое убавленіе углекислоты, а также на тотъ извѣстный фактъ, что горная болѣзнь уступаетъ отдыху или, по крайней мѣрѣ, уменьшается подъ его вліяніемъ, тогда какъ, по завѣреніямъ Моссо, болѣзненныя явленія въ пневматической камерѣ усиливаются при абсолютномъ покоѣ. Во всякомъ случаѣ опыты и теорія Моссо напомнили, что причины горной болѣзни еще далеко не изучены и не выяснены. Китайцы приписываютъ горную болѣзнь «зловреднымъ испареніямъ» въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ [2]). Это казавшееся страннымъ объясненіе горной болѣзни, повидимому, встрѣчаетъ нѣкоторое подтвержденіе въ завѣреніяхъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ движеніяхъ нашихъ отрядовъ чрезъ Памиры, о томъ, что горная болѣзнь обнаруживается съ большею силою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, значительно менѣе возвышенныхъ, чѣмъ на близ-лежащихъ перевалахъ и горахъ. Таковы, напр., долина озера Зоръ-куля или Викторіи, окрестности переваловъ Андеманыпъ и Тетерь-су и пр. Проводники—киргизы хорошо знаютъ эти мѣста и часто заранѣе предупреждаютъ. По мнѣнію кап. Серебренникова, «имѣетъ большое значеніе присутствіе въ этихъ мѣстахъ болотъ, испаренія отъ которыхъ, наполняя собою и безъ того рѣдкій и бѣдный кислородомъ воздухъ, дѣлаютъ его вреднымъ для дыханія» [3]). Такое объясненіе загадочнаго явленія, можетъ быть отчасти и не лишенное основаній, слишкомъ однако неопредѣленно и неясно. Во всякомъ случаѣ и тутъ необходимы научныя изслѣдованія.

О вліяніи природныхъ условій Памира на временныхъ его обывателей могутъ дать понятіе наблюденія и свѣдѣнія доктора Н. Н. Третьякова, по заключеніямъ котораго люди всѣхъ выставлявшихся въ 1892—1894 гг. на Памиръ отрядовъ «страдали въ большей или меньшей степени отъ разрѣженности воздуха, но сильнѣе всего это отразилось на первомъ отрядѣ», который, не успѣвъ нисколько акклиматизироваться и утомленный непривычными движеніями въ горахъ, сильно страдалъ отъ горной болѣзни. Во всѣхъ отрядахъ сверхъ того появлялась цынга. По мнѣнію доктора Третьякова, движенія отрядовъ на Памирѣ могутъ быть совершаемы безъ развитія большой болѣзненности лишь при перевозкѣ

---

[1]) Le mal des montagnes, par A. Dastre, въ „Revue des deux mondes“, 1899, 1 Septembre, p. p. 217—228.

[2]) По изданной въ 1823 г., подъ заглавіемъ „Си-юй-шуй-дао-цзи“, гидрографіи Китайскаго Туркестана, Керійскія горы (т.-е. горы въ верховьяхъ Керіядарьи) „издаютъ зловредныя испаренія, такъ что люди ни зимой, ни лѣтомъ не могутъ чрезъ нихъ переѣзжать“ (В. М. Успенскаго „О бассейнѣ Лобъ-нора“ въ „Запискахъ И. Р. Геогр. Общ., по отд. этнографіи“, томъ 6, Спб., 1880 г., стр. 129).

[3]) „Очеркъ Памира“ въ „Военн. Сборн.“, 1899 г., авг., стр. 445.

отстающихъ на лошадяхъ, при облегченіи носимыхъ людьми тяжестей, при сокращеніи нарядовъ въ караулы и при уменьшеніи величины переходовъ, съ частыми притомъ отдыхами [1]). Постоянный обитатель Памира, киргизъ, по словамъ того же д-ра Третьякова, на видъ «худощавъ, нерѣдко съ набухшими, легко кровоточащими деснами, зубною болью, разнаго рода невральгіями, особенно гастральгіей, катарральнымъ конъюктивомъ (повидимому, отъ ослѣпленія, благодаря снѣгу и сильнымъ вѣтрамъ съ пылью), съ потрескавшимися губами и т. п.» [2]). Природныя условія Памира столь же неблагопріятны для размноженія людей, какъ и для разведенія лошадей и рогатаго скота (кромѣ яковъ и барановъ): «новобрачныхъ на медовый мѣсяцъ, а также женщинъ для акта родовъ они (киргизы) посылаютъ въ менѣе высокія мѣста» [3]), внѣ предѣловъ Памира. Имѣвшія случаи много лѣтъ посѣщать Памиръ лица сомнѣваются въ существованіи естественнаго прироста населенія вслѣдствіе перевѣса рожденій надъ смертностью [4]).

2. Нѣсколько словъ о мотивахъ и задачахъ настоящаго изслѣдованія.

Итакъ, по природнымъ условіямъ Памира, вслѣдствіе невозможности земледѣлія и малаго количества пастбищъ, особенно зимнихъ, на немъ можетъ обитать лишь незначительное кочевое населеніе, занимающееся разведеніемъ яковъ, овецъ и козъ, страдающее отъ болѣзней, порождаемыхъ неблагопріятными свойствами страны, и, можетъ быть, неимѣющее перевѣса рожденій надъ смертностью. Такъ какъ природныя условія Памира вообще мало измѣнились въ послѣднія два тысячелѣтія, за которыя существуютъ о немъ историческія свѣдѣнія, то и во весь историческій періодъ населеніе Памира могло состоять лишь изъ небольшого числа скотоводовъ-кочевниковъ. Засимъ, раздѣляя востокъ Средней Азіи отъ запада, Памиръ являлся преимущественно преградой для сообщеній между ними, вслѣдствіе трудностей прохода чрезъ него, а потому великія народныя переселенія и завоевательныя движенія исключительно направлялись по сѣверной сторонѣ Тяньшаня, а не чрезъ Вост. Туркестанъ, торговыя же сообщенія производились преимущественно по долинамъ верховья Кашгаръ-дарьи и верхней Сыръ-дарьи, пересѣкая такимъ образомъ горную страну соединенія Памира съ Тяньшанемъ въ самомъ узкомъ ея про-

[1]) „Къ вопросу объ акклиматизаціи". Дисс. на ст. д-ра мед. Н. Н. Третьякова, Спб., 1897 г., стр. 109 и 111. Пробывшіе на Памирѣ $14^1/_2$ мѣс. нижніе чины гарнизона первой смѣны потеряли въ вѣсѣ въ среднемъ каждый по 3,724 килогр. (стр. 92).

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) Тамъ же, стр. 94.

[4]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженер. Журн.", 1894 г., стр. 1428.

странствѣ, если политическое состояніе прилегающихъ къ этой дорогѣ мѣстностей не побуждало предпочитать болѣе кружные и менѣе удобные пути чрезъ Тяньшань или чрезъ Каратегинъ. Чрезъ Памиръ, правда, лежали кратчайшіе пути для сообщеній между Вост. Туркестаномъ и Китаемъ, съ одной стороны, и Индіею, съ другой, но трудности этихъ путей были столь велики, что торговое движеніе по нимъ было ничтожно, и нужно было такое исключительное обстоятельство, какъ распространеніе въ Китаѣ индійскаго буддизма, чтобы по нимъ установилось на нѣкоторое время движеніе буддійскихъ паломниковъ, численно, впрочемъ, оставшееся незначительнымъ.

Однако самая труднодоступность Памира и неизвѣстность вслѣдствіе того истинныхъ природныхъ его условій, въ связи съ нахожденіемъ на немъ верховій Аму-дарьи, а въ прилегающихъ странахъ вершинъ главныхъ вѣтвей Тарима и истоковъ Инда, дали фантазіи обитавшихъ на западѣ отъ Памира иранцевъ и на югѣ индо-арійцевъ побужденіе окружить эту невѣдомую высь ореоломъ чудеснаго и таинственнаго и обратить, въ нѣкоторыхъ позднихъ легендахъ и толкованіяхъ или варіантахъ болѣе раннихъ миѳологій, въ жилище боговъ и прародину людей. Когда въ началѣ XIX стол. началось въ Европѣ изученіе уцѣлѣвшихъ памятниковъ санскритской и зендской литературы и возникло сравнительное языкознаніе, то въ числѣ другихъ увлеченій явилась теорія о первоначальной прародинѣ индо-европейскихъ народовъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, откуда и произошло разселеніе индо-арійцевъ въ Индію, иранскихъ племенъ въ Иранъ и остальныхъ индо-европейскихъ племенъ въ Европу. По словамъ одного изъ главныхъ основателей и авторитетовъ этой теоріи или гипотезы Клапрота, «нѣкоторыя слабыя указанія историческія, сравненіе языковъ, древнія преданія, скрывавшіяся въ индусской миѳологіи, и наконецъ нѣкоторыя физіологическія свѣдѣнія о племенахъ восточной Азіи заставляютъ думать, что центръ этой части свѣта (Азіи) былъ, въ очень отдаленную эпоху, занятъ предками всѣхъ индо-германскихъ народовъ. Какое-то происшествіе, причинъ котораго мы не знаемъ, разсѣяло эту расу на югъ, на западъ и даже на сѣверъ и востокъ» и т. д. [1]). До какой степени были недостаточны, вслѣдствіе поверхностнаго или неудовлетворительнаго изученія, «слабыя указанія историческія», на которыя опиралась гипотеза, видно, для примѣра, изъ того, что на стр. 132—134 цитированной книги Клапротъ весьма положительно признавалъ юечжей народомъ тибетскимъ, въ концѣ же книги, на стр. 287—289, сталъ уже утверждать, что «вѣроятно» впалъ въ ошибку и что юечжи не тибетскаго происхожденія и принадлежатъ къ бѣлокурой, т. е. индо-европейской расѣ. Сравнитель-

---

[1]) Tableaux historiques de l'Asie etc., par J. Klaproth, Paris, 1826, p. p. 161 — 162.

ное языкознаніе сдѣлало послѣ временъ Клапрота большіе успѣхи, но не дало доказательствъ вѣрности его гипотезы; напротивъ, господствующія въ настоящее время гипотезы о прародинѣ индо-европейцевъ не въ Азіи, а въ Европѣ (на Волгѣ, на Дунаѣ, у Карпатовъ и пр.) зиждутся, между прочимъ, на лингвистическихъ основаніяхъ. Главнѣйшее изъ «преданій», которое имѣлъ въ виду Клапротъ, а еще болѣе его позднѣйшіе послѣдователи, заключается въ 1 фаргардѣ Вендидада (въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ Авесты), въ которомъ исчисляются 16 превосходныхъ странъ («мѣстъ благодати» по прежнимъ переводамъ), созданныхъ Аурамаздомъ. Первою изъ этихъ странъ названа Airyanem Vâejô, орошаемая (рѣкою) Vanuhi Dâitya, второю «долина, гдѣ обитаютъ Sughdha» (Согдъ), третьей Môuru (Мервъ), четвертой Bâkhdhi (Бактра, Балхъ), пятой Nisâya, которая расположена между Моуру и Бакхдхи» и т. д. [1]). Приверженцы гипотезы прародины индо-европейцевъ на верховьяхъ Амударьи помѣстили первую «страну благодати» на Памиръ, считая, что при разселеніи оттуда иранцы послѣдовательно занимали Согдъ, Бактрію, Мервъ и т. д. Въ настоящее время выяснено, что упомянутое исчисленіе есть не болѣе, какъ картина географіи Ирана въ эпоху составленія данной части Авесты, картина притомъ неполная, такъ какъ не упоминаются области, которыя, по неизвѣстнымъ причинамъ, были менѣе интересны для составителя: нѣтъ, напр., Персіи. Airyanem Vâejô тотъ же новѣйшій переводчикъ и изслѣдователь Авесты, которому принадлежитъ это мнѣніе, признаетъ за Карабагъ, древній Арранъ, а Vanuhi Dâitya считаетъ за р. Араксъ [2]). Наконецъ, «физіологическія свѣдѣнія» Клапрота, по которымъ всѣ народы, имѣющіе свѣтлую окраску кожи, волосъ и глазъ, непремѣнно индо-европейцы, оказались несостоятельными, потому что, помимо финновъ, принадлежащихъ, несмотря на свѣтлую окраску, къ урало-алтайской расѣ, въ восточной части Средней Азіи существовала особая, какъ признаютъ антропологи, длинноголовая раса со свѣтлою окраскою кожи и волосъ, съ зелеными или голубыми глазами (динлины, аины).

Окончательно несостоятельность гипотезы о прародинѣ индо-европейскихъ племенъ на Памирѣ была признана уже въ 70-хъ годахъ и съ того времени почти не имѣетъ послѣдователей, кромѣ, конечно, случайныхъ дилетантовъ, въ родѣ покойнаго В. М. Флоринскаго, незнакомыхъ съ движеніемъ науки по исторіи Средней Азіи позднѣе Клапрота и Риттера. Однако, и не будучи прародиной индо-европейцевъ или всего человѣчества, Памиръ имѣетъ немаловажный интересъ въ этническомъ отношеніи, какъ страна, на окраинахъ которой сходились и сталкивались въ продолженіи

[1]) Le Zend-Avesta, traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique, par James Darmesteter, Paris, 1892, vol. II, p. p. 1—15.

[2]) Тамъ же, p. p. 1, 2, 5, 6. Написана Авеста, по заключенію того же ученаго, между I вѣкомъ до Р. Х. и IV послѣ Р. Х. (тамъ же, vol. III, 1893, p. VI).

тысячелѣтій частицы четырехъ изъ числа великихъ отдѣловъ или семействъ народовъ, или расъ человѣчества, именно индо-арійской, иранской, тюркской и тибетской, оставивъ притомъ здѣсь къ настоящему времени своихъ представителей въ видѣ небольшихъ народцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые сохранили въ значительной степени свой коренной типъ и даже свои нарѣчія, притомъ въ архаической формѣ, другіе же являются помѣсями, утратившими свои прежніе языки въ пользу преобладающаго въ сосѣднихъ странахъ языка тюркскаго. Такими народцами являются на южной окраинѣ Памира, въ странахъ по южнымъ склонамъ Хиндукуша, принадлежащія индо-арійской народности племена Канджута, Балтистана, долины Инда, Гилгита, Ясина, Читрала и, вѣроятно, кафиры; на западѣ отъ Памира въ Ваханѣ, восточномъ Бадахшанѣ, въ Шигнанѣ, Дарвазѣ и Каратегинѣ, и, сверхъ того, въ Сарыколѣ племена восточныхъ иранцевъ; на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ и на самомъ Памирѣ племена тюркскія; наконецъ, на востокѣ, именно въ бассейнѣ р. Тизнафа и отчасти Яркендъ-дарьи, народецъ, говорящій нынѣ на тюркскомъ нарѣчіи, но представляющій собою, повидимому, отуреченныхъ тибетцевъ или тибетоидныхъ аборигеновъ. Изъ нихъ народцы группъ индо-арійской и иранской уже подвергнуты начальнымъ и неполнымъ лингвистическимъ и весьма еще слабымъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, для изученія же остальныхъ не сдѣлано пока почти ничего, равно какъ и для антропологическаго изслѣдованія всѣхъ этихъ народцевъ. Кромѣ лингвистическихъ, этнографическихъ и антропологическихъ изслѣдованій, для выполненія которыхъ потребуется много времени и силъ, такъ какъ фактическая сторона требуетъ собиранія данныхъ на мѣстахъ, необходимо и историческое изученіе этническихъ отношеній на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ. Это историческое изученіе встрѣчало до недавняго времени большія затрудненія въ неимѣніи о географіи, природѣ и этническомъ положеніи Памира почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ китайскихъ, весьма скудныхъ и не отличавшихся ни ясностью, ни полнотою, ни даже отчасти достовѣрностью. Въ послѣднія три десятилѣтія географія Памира и прилегающихъ странъ сдѣлалась въ главныхъ чертахъ, а мѣстами и въ подробностяхъ, извѣстною, благодаря многочисленнымъ европейскимъ путешественникамъ, съемкамъ, астрономическимъ и гипсометрическимъ опредѣленіямъ и пр.

Въ настоящемъ трудѣ я именно и желаю сдѣлать опытъ изложенія и критическаго изученія и объясненія историческихъ извѣстій о Памирѣ и непосредственно прилегающихъ къ нему странахъ, главнымъ образомъ съ этнической ихъ стороны, притомъ преимущественно извѣстій, заключающихся въ китайской исторіи, насколько источники ея имѣются въ переводахъ на европейскіе языки. Извѣстія эти обнимаютъ время съ I стол. до Р. Х. по VIII в. послѣ Р. Х. включительно и являются, по большей части, единственными и никакими другими незамѣнимыми, потому что у

западныхъ писателей не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній по исторіи столь отдаленныхъ отъ Европы и запада Азіи странъ, извѣстія же мусульманскихъ писателей начинаются преимущественно лишь съ VII в. по Р. Х., т. е. со времени завоеванія Персіи и Мавераннагра арабами. Хотя и китайскія извѣстія далеко не столь точны и полны, какъ это было бы желательно, тѣмъ не менѣе въ совокупности своей они даютъ настолько ясное представленіе объ этническихъ отношеніяхъ на Памирѣ и въ смежныхъ странахъ, что сильно облегчатъ составленіе очерка дальнѣйшей исторіи этническихъ отношеній до нашего времени на основаніи и тѣхъ рѣдкихъ, случайныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, которыя встрѣчаются по этому предмету въ разныхъ восточныхъ и западныхъ источникахъ.

Большая часть географическихъ и другихъ именъ, которыя встрѣтимъ мы въ древнихъ извѣстіяхъ, теперь не тѣ или неузнаваемы въ китайской транскрипціи. Вслѣдствіе этого для пріуроченія такихъ именъ къ нынѣшнимъ мѣстностямъ,—безъ чего правильное пониманіе и объясненіе древнихъ историческихъ извѣстій невозможно,—необходимо пользоваться всѣми, по возможности, указаніями историческихъ извѣстій о разныхъ природныхъ особенностяхъ упоминаемыхъ владѣній и мѣстностей, о разстояніяхъ между ними, о расположеніи относительно другъ друга и т. под. Поэтому, прежде изложенія и разсмотрѣнія историческихъ извѣстій, я нашелъ полезнымъ помѣстить краткія географическія свѣдѣнія о прилегающихъ къ Памиру земляхъ, а также о путяхъ чрезъ Памиръ и прилегающія страны и о разстояніяхъ. Свѣдѣнія эти приводятся лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требуются для предположенной цѣли. Нѣкоторыя дополнительныя подробности и данныя будутъ сообщаемы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется нужнымъ.

3. Нѣкоторыя краткія географическія свѣдѣнія о непосредственно прилегающихъ къ Памиру земляхъ. Пути чрезъ Памиръ и смежныя страны, разстоянія.

Орошаемая западною р. Кызылъ-су долина Алай имѣетъ протяженія около 150 в.; ширина ея въ верхнемъ концѣ у перевала Тау-Мурунъ (11,200 ф.), отдѣляющаго отъ восточной р. Кызылъ-су (вершина Кашгаръ-дарьи), опредѣляется около 8 вер., въ нижнемъ концѣ, у ур. Большой Карамукъ (7,740 ф.), съуживается до 1 вер., въ самыхъ же широкихъ мѣстахъ доходитъ до 16—17 вер. [1]). Продолженіе долины Кызылъ-су, получающей тутъ названіе Сурхаба, составляетъ, на протяженіи около

[1]) П. С. Назаровъ, „Поѣздка на Памиръ“ въ „Землевѣдѣніи“, 1896 г., кн. I, стр. 115. Не имѣя возможности приводить въ краткомъ очеркѣ всѣ источники, я ограничиваюсь указаніемъ важнѣйшихъ, иногда же лишь тѣхъ, въ которыхъ больше сконцентрированы нужныя данныя.

165 вер., Каратегинъ; долина эта на-много менѣе широка, чѣмъ Алайская, и мѣстами сильно съуживается, отчего, хотя существуютъ пути по обоимъ берегамъ рѣки, дорога мѣстами сильно затрудняется узкими тропинками и тяжелыми подъемами и спусками [1]). На Алаѣ и въ Каратегинѣ атмосферные осадки вообще обильны и снѣга выпадаютъ столь глубокіе, что сплошное сообщеніе крайне затруднительно или прекращается. По Алаю и Каратегину проходитъ «важный путь, соединяющій Вост. Туркестанъ,... Бухару, Мекку и Медину, и въ теплое время года по этому тракту проѣзжаетъ и проходитъ множество купцовъ и паломниковъ» [2]). Съ половины мая Алай служитъ прекраснымъ пастбищемъ для значительной части киргизовъ Ферганской обл., но зимуетъ здѣсь, притомъ лишь въ нижней части, вслѣдствіе глубины снѣговъ, лишь около 250 кибитокъ кара-киргизовъ, имѣющихъ тутъ и небольшія пашни [3]). Травы въ горахъ Каратегина «богаты и представляютъ отличныя пастбища» [4]) лѣтомъ, но хорошихъ зимовокъ мало. Населеніе Каратегина опредѣляется отъ 51 т. д. о. п. [5]) до 60 т. [6]), въ томъ числѣ 3 т. д. кара-киргизовъ въ восточной части страны. Послѣдніе, кромѣ скотоводства, имѣютъ и пашни, остальное же населеніе, называемое галча, какъ и прочіе осѣдлые горцы иранскаго корня, скота держитъ мало, все занимается земледѣліемъ. Урожай хлѣба самъ-5, вслѣдствіе истощенности почвы (Арендаренко). Часть хлѣба вывозится на верхній Зеравшанъ и въ Дарвазъ [7]). За неимѣніемъ значительныхъ предметовъ сбыта и промышленности населеніе бѣдно и большинство ходитъ лѣтомъ на заработки въ Фергану и Ходжентъ (Васильевъ, стр. 21).

Обитаемыя въ непосредственно прилегающихъ къ Памиру съ запада странахъ мѣста расположены: въ Дарвазѣ по Пянджу и притоку Вахшаба р. Хингъ-обу, въ Шинганѣ по Пянджу и его притокамъ Ванчу, Язгулему, Бартангу (долина этой рѣки и ея притоковъ именуется Роша-

---

[1]) По словамъ автора „Тринадцатимѣсячнаго пребыванія русскаго отряда въ Каратегинѣ“ Н. Юхновскаго („Изборникъ Развѣдчика“, т. 7, 1897 г., стр. 78), хотя два русскихъ полковника благополучно проѣхали лѣтомъ 1896 г. по Каратегину, но „для изобрѣтенія временныхъ тропинокъ трудились заблаговременно десятки сотенъ народа“; однако, „самыя услужливыя и заботливыя власти Бухары (Каратегинъ находится въ бухарскомъ управленіи) не въ состояніи ничего подѣлать противъ атмосферическихъ и природныхъ явленій, и... устранить опасности во время проѣзда по осыпямъ, подъемамъ, карнизамъ и балконамъ врядъ-ли кто, кромѣ Бога, въ состояніи“. Глубина снѣговъ бываетъ до восьми аршинъ.

[2]) Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи“ и пр., С.-Пб., 1899 г., т. I, стр. 128.

[3]) П. С. Назаровъ, тамъ же, стр. 116, и стр. 139 дополненія ред.

[4]) „Краткое статист. описаніе Каратегина“ капит. Васильева (1887 г.) въ „Сборн. матеріал. по Азіи“, вып. 33, 1888 г., стр. 16.

[5]) Указанная статья кап. Васильева, стр. 15.

[6]) Г. А. Арендаренко, „Дарвазъ и Каратегинъ“ (въ 1882 г.) въ „Военн. Сборн.“, 1883 г., ноябрь, стр. 157.

[7]) В. Н. Ошанинъ, „Каратегинъ“ (1878 г.) въ „Изв. И. Р. Географ. Общ.“, 1881 г., стр. 46.

номъ) [1]), Гунту и Шахъ-дарѣ (короткое соединенное теченіе послѣднихъ называется Хорогомъ) и въ Ваханѣ по Пянджу и верховью его Ваханъ-дарьѣ. Все это скорѣе ущелья, чѣмъ долины, узкія и глубокія, съ слишкомъ незначительнымъ количествомъ удобной для какихъ-либо культуръ земли и съ недостаточными пастбищами. Ущелья эти раздѣлены притомъ высокими и трудно-проходимыми хребтами. «Количество атмосферныхъ осадковъ зимой и лѣтомъ весьма значительно» въ Дарвазѣ [2]), да не менѣе и въ остальныхъ перечисленныхъ странахъ въ Пянджу. По недостатку пастбищъ скотоводство во всѣхъ этихъ странахъ очень незначительно: хлѣба также производится мало, такъ что населеніе, особенно въ Дарвазѣ, питается главнымъ образомъ тутовыми ягодами, изъ которыхъ на зиму заготовляется мука. Болѣе пашенъ и пастбищъ въ Ваханѣ. Населеніе, состоящее исключительно изъ галча, всюду бѣдно. «Отсутствіе питательной пищи вредно отзывается на здоровьи жителей: они блѣдны, худы, малокровны и недолговѣчны» (Покотило, стр. 499). «Рушанъ—это страна нищихъ» [3]). На Язгулемѣ «жители очень бѣдны. Мясо ѣдятъ какъ рѣдкость, потому что мало скота, соли почти нѣтъ. Пшеницу, ячмень и просо сѣютъ въ незначительномъ количествѣ по недостатку земли... Болѣзненность развита сильно, особенно лихорадки и зобъ» [4]). Населеніе Дарваза оцѣняется отъ 30 т. д. (Покотило, 496) до 40 т. (Арендаренко, 157), Рошана въ 1,779 д. (Ванновскій, 86), Шигнана (1894 г.) безъ Рошана въ 3,779 д. [5]) и Вахана до 1,700 д. [6]).

Описанныя смежныя страны принадлежатъ къ аму-дарьинскому бассейну, какъ и самый Памиръ. Съ остальныхъ сторонъ Памиръ окруженъ Сарыколомъ, воды котораго направляются къ Тариму; именно сѣверная его часть входитъ въ составъ бассейна р. Гези или Яманъ-яра, южная же обнимаетъ бассейнъ Тагдынбашской рѣки и нижняго теченія Раскема. Сарыколъ вообще значительно обильнѣе атмосферными осадками, чѣмъ Памиръ, хотя уступаетъ Алаю [7]), Дарвазу и пр. По высотѣ положенія (10,700 ф. около входа Гези въ ущелье, которымъ она вырывается изъ Сарыкола въ долину Кашгаріи) сѣверный Сарыколъ пригоденъ лишь для кочевыхъ скотоводовъ. Южный Сарыколъ или Ташкурганскій округъ состоитъ

---

[1]) Ген штаба капит. Ванновскій въ „Сборн. матер. по Азіи“, вып. 56, стр. 73—125.

[2]) Н. Н. Покотило, „Путешествіе въ центральную и восточную Бухару въ 1886 г.“, въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 497.

[3]) „Извлеченіе изъ отчета ген. штаба капитана Ванновскаго о рекогносцировкѣ въ Рушанѣ и Дарвазѣ 1893 г.“ въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 86.

[4]) „Обзоръ работъ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ, исполненныхъ въ 1898 г.“ въ „Военн. Сборн.“, 1900 г., апр., стр. 93.

[5]) „Очеркъ Памира“ кап. Серебренникова въ „Военн. Сборн.“, 1899 г., авг., стр. 466.

[6]) Капитанъ Путята, „Очеркъ экспедиціи“ 1883 г. въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 10, 1884 г., стр. 64.

[7]) Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи“ и пр., С.-Пб., 1899 г., т. I, стр. 136.

изъ долинъ Ташкургана, Тагармы, Вача или Уча, Туна и пр., лежащихъ на высотѣ около 10 т. фут. и ниже, на которыхъ существуютъ древесная растительность и земледѣліе; верховья Тагдынбаша являются лишь пастбищами вслѣдствіе высоты надъ уровнемъ моря, хотя атмосферные осадки обильны и ползучіе кустарники тала, по словамъ Б. Л. Громбчевскаго, попадаются уже съ 13.650 ф. [1]). О численности населенія Сарыкола сколько-нибудь полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но, вѣроятно, оно составляетъ около 10 т. душъ, въ томъ числѣ большая часть осѣдлые жители, и изъ нихъ большинство сарыкольцы, говорящіе нарѣчіемъ, близкимъ къ шинганскому.

Лежащая къ востоку отъ южнаго Сарыкола въ бассейнѣ р. Тизнафа горная страна населена особымъ народцемъ, который, повидимому, является отуреченнымъ потомствомъ древнихъ тибетоидныхъ аборигеновъ. Отличительныя природныя особенности страны этой заключаются, между прочимъ, въ томъ, что С.-В.—Ю.-З. простираніе хребтовъ восточной ея части измѣняется въ С.-З.—Ю.-В. въ западной. «Такой двойственный характеръ орографіи горъ выразился и въ крайнемъ расчлененіи отдѣльныхъ хребтовъ; часто невозможно опредѣлить простираніе орографическихъ гребней, такъ какъ горы въ иныхъ мѣстахъ представляютъ группы пиковъ и вершинъ, уловить между которыми орографическую связь невозможно... Въ связи съ характеромъ горъ находится и совершенное отсутствіе здѣсь продольныхъ долинъ при исключительномъ развитіи діагонально-поперечныхъ, постоянно переходящихъ въ непроходимыя ущелья, каковы, напр., низовья всѣхъ лѣвыхъ притоковъ Тизнафа» [2]). Атмосферные осадки, повидимому, рѣдки въ этой странѣ, за исключеніемъ іюля и августа мѣсяцевъ, когда, какъ въ Хотанскихъ и Керійскихъ горахъ, выпадаютъ обильные дожди [3]). По недостатку удобныхъ земель мѣстные горцы, всего около 1.500 дворовъ, хлѣбопашество имѣютъ небольшое, главное же занятіе ихъ состоитъ въ овцеводствѣ; остального скота, за неимѣніемъ подходящихъ пастбищъ, держатъ мало [4]).

Благодаря вообще малому или умѣренному паденію своихъ долинъ, соединяющихся притомъ между собою невысокими большею частію, а нерѣдко и пологими перевалами или водораздѣлами чрезъ отдѣляющіе ихъ хребты, высящіеся надъ долинами до 1 — 5 т. ф., Памиръ не пред-

[1]) „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 452.

[2]) К. И. Богдановичъ въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 474. Замѣчательно также отсутствіе всякихъ слѣдовъ древнихъ ледниковъ, но оказался существующій незначительный ледникъ на вершинѣ Малгымъ-Баша, на высотѣ около 16—17 т. ф. (тамъ же, стр. 475).

[3]) См. ненапечатанные еще дневники Б. Л. Громбчевскаго, іюль, 1890 г., когда дожди и ливни сильно задерживали его движеніе въ горахъ бассейна Тизнафа.

[4]) Тамъ же, и „Вѣсти изъ экспедиціи Б. Л. Громбчевскаго“ въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1890 г., стр. 94 и слѣд.

ставляетъ большихъ затрудненій для вьючныхъ путей на значительнѣйшей долѣ своего пространства. Но пути въ прилегающихъ къ Памиру съ запада горныхъ странахъ принадлежатъ преимущественно къ весьма труднымъ и опаснымъ, такъ какъ идутъ по болѣе или менѣе узкимъ тропамъ въ глубокихъ, тѣсныхъ и скалистыхъ ущельяхъ, съ крутыми подъемами и спусками, иногда по осыпямъ, во многихъ же мѣстахъ по искусственно устроеннымъ изъ дерева и камня карнизамъ и подвѣшеннымъ на прутяныхъ канатахъ или утвержденнымъ на деревянныхъ подпоркахъ и пр. балконамъ [1]). Значительную часть пути,—особенно по Пянджу, гдѣ всякія трудности и опасности значительнѣе и распространеннѣе,—приходится проходить пѣшкомъ; вьюки часто переносятся на рукахъ; крутизны и опасности подъемовъ и спусковъ иногда таковы, что безъ помощи привычныхъ и выносливыхъ мѣстныхъ жителей путники не въ состояніи преодолѣвать ихъ [2]). Главныя неудобства путей на югъ отъ Памира, по спускѣ съ перевaловъ черезъ Хиндукушъ,—между которыми нѣкоторые сравнительно весьма удобопроходимы,—находятся въ ущельяхъ южныхъ склоновъ Хиндукуша, движеніе по которымъ сначала сильно затрудняется ледниками въ ихъ вершинахъ, а затѣмъ такими же условіями, которыя свойственны путямъ по ущельямъ рѣкъ на западѣ отъ Памира, только проявляются здѣсь, въ долинѣ Ярхуна, по которой идетъ кратчайшая дорога въ Пишаверъ и Индію, въ нѣсколько меньшей степени. Пути на сѣверъ и сѣв.-востокъ отъ Памира имѣютъ свои затрудненія, главнымъ образомъ, въ болѣе или менѣе высокихъ перевалахъ черезъ Заалайскій и Сарыкольскій хребты и въ рядахъ такихъ перевaловъ чрезъ Кашгарскій хребетъ. Кратчайшій путь на востокъ отъ Памира (къ Хотану) по Тагдынбашу и Яркендъ-дарьѣ до выхода ея изъ горъ совершенно непроходимъ, такъ какъ Тагдынбашъ, по заворотѣ его изъ Ташкурганской долины на востокъ, а потомъ и Яркендъ-дарья текутъ въ узкомъ и скалистомъ ущельи, не дающемъ мѣста для дороги. Вслѣдствіе этого пути отъ Памира на востокъ весьма кружны и затрудняются многими перевалами, изъ которыхъ нѣкоторые на зимнее время заваливаются снѣгами.

---

[1]) Инж.-кап. Серебренниковъ такъ описываетъ карнизы, по мѣстному аврингн: „Поверхъ жердей укладываются куски каменныхъ плитъ и такимъ образомъ получается искусственная тропа, ширина которой мѣстами едва превышаетъ три четверти аршина". „Но несравненно больше трудностей и риска представляетъ движеніе по висячимъ балконамъ, устраиваемымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится обходить совершенно вертикальную скалу. Балконы висятъ надъ самой водой, иногда на высотѣ 20—25 саж., и состоятъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, частью упирающихся на колья, вбитыя въ расщелины скалы, а частью подвѣшенныхъ посредствомъ вицъ къ кольямъ, вбитымъ въ расщелины скалы на два съ половиною—три аршина выше балкона" („Очеркъ Памира" въ „Военн. Сборн.", 1899, ноябрь, стр. 231).

[2]) „Обзоръ работъ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ, исполненныхъ въ 1898 году", въ „Военн. Сборн.", 1900 г., апр., стр. 83.

Обращаясь къ направленіямъ главныхъ путей изъ смежныхъ странъ чрезъ Памиръ и къ разстояніямъ, начнемъ съ указанія, что главный и наиболѣе удобный путь изъ Ферганы идетъ изъ г. Ошъ чрезъ перевалъ Талдыкъ, долину Алая и перевалъ Кызылъ-аиртъ въ укр. Памирское, всего разстояніемъ въ 389 вер., въ томъ числѣ послѣдняя станція Сарыташъ, на спускѣ отъ пер. Талдыкъ въ долину Алая, отстоитъ отъ Ошъ на 177 в. [1]). «Дорога отъ Памирскаго поста до г. Ошъ, благодаря значительнымъ средствамъ, отпущеннымъ отъ казны, и трудамъ инженеровъ, настолько разработана на всемъ своемъ протяженіи въ 397 вер., что въ текущемъ (1898) году были случаи переѣзда по ней отъ Ошъ на Памирскій постъ не только на телѣгахъ, но и въ конныхъ арбахъ» [2]). Значитъ, протяженіе дороги (противъ 389 в. по маршруту 1894 г.) увеличилось на 8 в. Такъ какъ перевалъ Талдыкъ закрывается для движенія на 2—3 мѣсяца вслѣдствіе заноса снѣгами, то зимою на это время прекращается и сообщеніе, почты же, съ значительными прерывами, доставляются тогда джигитами, съ большими трудностями, чрезъ перевалъ Тенгизбай (съ низовьевъ Алая въ Маргеланъ) [3]). Удобнѣйшій путь отъ поста Памирскаго на югъ, къ Хиндукушу, легко могущій быть обращеннымъ въ колесный, лежитъ вверхъ по долинѣ р. Аксу и Мал. Памиру; тутъ отъ поста Памирскаго до Кызылъ-рабата на рѣкѣ Аксу, близъ границы между русскими и авганскими владѣніями (Михманъюлъ), 122 в. и отсюда по Мал. Памиру, чрезъ Бозай-гумбезъ (75 в.) и по Ваханъ-дарьѣ до селенія Сархада, противъ Барагылскаго перевала въ Читралъ 138 в., итого отъ укр. Памирскаго до Сархада 260 в., а всего отъ Ошъ до Сархада 649 [4]) или съ добавкою 8 верстъ 657 в.

Кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ на Памиръ изъ Кашгара является дорога чрезъ Ташмаликъ, ущелье р. Геза, китайское укрѣпленіе Булюнъ-куль, перевалъ Чонъ-Китай (въ Сарыкольскомъ хребтѣ, около 14 т. ф.), ур. Беляули и постъ Рангъ-кульскій, до котораго отъ Кашгара всего 214 в. [5]); отсюда до укр. Памирскаго около 45 в., такъ что отъ Кашга-

[1]) Капит. Серебренникова „Памиръ и Памирскія ханства“ въ „Инженерн. Журн.“ за 1894 г., стр. 1553.

[2]) „Обзоръ работъ“ и пр. въ „Военн. Сборн.“, 1900 г., апрѣль, стр. 84. Однако, прошедшій въ іюнѣ—іюлѣ изъ Ошъ г. Н. Федоровъ нашелъ, что „выпавшій (предшествовавшей зимою) снѣгъ причинилъ массу вреда т. наз. алайской (она же памирская) дорогѣ, которая съ первыхъ верстъ отъ Гульчи размыта и испорчена мѣстами до неузнаваемости“... „Экипажи придется переносить на рукахъ, въ особенности подъ Талдыкомъ и на Талдыкѣ“ („Туркест. Вѣд.“, 1900 г., 20 іюня).

[3]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженерн. Журн.“, 1894 г., стр. 1550 и 1551. Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи“, т. I, стр. 128.

[4]) Кап. Серебренниковъ, стр. 1554, гдѣ разстояніе отъ Ошъ до Бозай-Гумбеза исчислено въ 586 в. Отъ Бозай-Гумбеза до Сархада 42 англ. мили (The Pamirs and the sourse of the Oxus, by George N. Curzon, London, 1896, p. 58), или 63 в., а потому отъ Ошъ до Сархада составится 649 в.

[5]) Шт.-кап. Бедряга, „Рекогносцировка путей“ и пр., въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 33, 1894, стр. 63—72.

ра до поста Памирскаго оказывается около 260 в. Прежде дорога по Гезу была доступна лишь въ маловодье, зимою, и сообщеніе производилось въ остальное время года черезъ перевалъ Улугъ-артъ [1]). Послѣ постройки китайцами на Гезѣ мостовъ въ ущельи, Кашгаръ ведетъ всю торговлю съ Канджутомъ, Ваханомъ, всѣмъ Памиромъ и нашимъ отрядомъ исключительно по дорогѣ чрезъ Гезъ [2]).

На востокъ отъ Памирскаго поста до рабата Акташъ 119 вер. и отсюда чрезъ перевалы Незаташъ и Стунъ (въ Сарыкольскомъ хребтѣ) до Ташкургана 50 в., итого 169 в. [3]). По другому маршруту, гдѣ отъ укр. Памирскаго до рабата Акъ-Таша 106 в. [4]), отъ укр. Памирскаго выйдетъ до Ташкургана 156 в.

По вѣрному замѣчанію одного китайскаго писателя (1823 г.), Ташкурганъ, который онъ называетъ Сэлэкулемъ (т.-е. Сарыколомъ), «составляетъ главный центръ сообщеній (Вост. Туркестана и Китая) съ юго-западными странами» [5]). Вѣрно это особенно для древности, когда существовала южная дорога изъ Китая чрезъ Лобъ-норъ и Хотанъ, но и теперь въ Ташкурганѣ сходятся дороги со стороны Яркенда и Хотана за Хиндукушъ и въ Бадахшанъ.

Съ Кашгаромъ лучшее сообщеніе Ташкургана идетъ чрезъ Гезъ, именно чрезъ долину Тагармы, перевалъ Улугъ-рабатъ, мимо озера М. Каракуля, до Булунъ-куля 105 в. [6]) и отсюда чрезъ ущелье Геза до Кашгара 140 в. (по шт.-кап. Бедрягѣ), итого изъ Ташкургана до Кашгара 245 вер. По другому болѣе трудному пути чрезъ Кашгарскій хребетъ, именно отъ Ташкургана чрезъ Шинди, Чиль-Гумбезъ, Кинколъ, Янгихиссаръ въ Кашгаръ, разстояніе опредѣляется всего въ 287 вер. [7]).

Упомянемъ еще, что, кромѣ пути изъ Ташкургана въ Ошъ чрезъ постъ Памирскій (156 в.+389 в.) въ 545 в., есть пройденный Д. В. Путятою путь чрезъ Булунъ-куль (105 в.), ур. Мужи (60 в.), мимо Б. Ка-

[1]) Д. Л. Ивановъ, „Памиръ“ въ журн. „Новь“, 1885 г., № 23, стр. 334. Перевалъ Улугъ-артъ найденъ Свеномъ Гединомъ въ іюлѣ 1895 г. очень крутымъ, а спускъ съ него головоломнымъ; тяжести переносили отчасти на рукахъ, хотя наняты были яки; спустился онъ къ ур. Мужи („Въ сердцѣ Азіи“, т. 2, стр. 2 — 9).

[2]) Шт.-кап. Бедряга, указ. книга, стр. 39. Разстояніе отъ поста Памирскаго до Кашгара по дорогѣ чрезъ долину Марканъ-су опредѣлено въ 425 в. (тамъ же, стр. 40, 46—57). Отъ ур. Кокъ-куль, лежащаго въ 10 в. на югъ отъ Кызылъ-рабата на дорогѣ изъ Памирскаго поста въ Ошъ, до Кашгара 271 в. (тамъ же, стр. 57).

[3]) Маршрутное описаніе къ очерку экспедиціи Д. В. Путяты въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 10, 1884 г., стр. 252—262.

[4]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженерн. Журн.“, 1894, стр. 1554.

[5]) „Зап. И. Р. Геогр. Общ.“ по отд. этнографіи, т. 6, В. М. Успенскаго, „О бассейнѣ Лобъ-нора“, стр. 116. По словамъ Д. В. Путяты, Ташкурганъ есть „узелъ путей, сходящихся изъ Вахана, Ферганы, Кунжута и Кашгара“ („Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 56).

[6]) „Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 252—256.

[7]) Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth, Calcutta, 1875, p. p. 430 and 432.

ракуля чрезъ Кызылъ-артъ (158 в.) и отсюда до Оша (168 в.), всего 491 в. [1]).

Вслѣдствіе непроходимости направленія по Тагдынбашъ-дарьѣ и по Яркендъ-дарьѣ сообщеніе Ташкургана съ Яркендомъ производится сѣвернѣе этого направленія или восточнѣе. Извѣстнѣйшій сѣверный путь ведетъ чрезъ Шинди, Чиль-гумбезъ, долину рѣки Чарлына, перевалы Карадаванъ и Кызылъ-даванъ, ур. Арпалыкъ и селеніе Якка-арыкъ. Этимъ путемъ чрезъ Кашгарскій хребетъ отъ Ташкургана до Яркенда всего 188 англ. миль или 282 версты [2]). Огибающій Кашгарскія горы съ востока путь изъ Ташкургана въ Яркендъ извѣстенъ только по маршруту Свена Хедина, который, къ сожалѣнію, не даетъ свѣдѣній о разстояніяхъ. Выступивъ 16 сент. 1895 г. изъ Ташкургана, Свенъ Хединъ перевалилъ чрезъ хребетъ Сергекъ (такъ называетъ онъ горы между долинами Ташкурганской и Вача) и ночевалъ въ поселкѣ Мал. Бельдирѣ, состоявшемъ изъ одного двора. Высшую точку перевала опредѣляетъ онъ въ 4.032 метра. 17 сент. Хединъ шелъ по долинѣ Ичиза (такъ именуетъ онъ долину Вача или Учи всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ путешественниковъ и собирателей свѣдѣній), пока не открылась большая котловина Тенъ-абъ, гдѣ нѣсколько таджикскихъ поселковъ и посѣвы пшеницы, овса (?) и клевера. 18 сентября Хединъ продолжалъ идти той же долиной и затѣмъ долиной Шуйдунъ, и заночевалъ у подножья перевала Кандахоръ. 19 сентября путешественникъ перешелъ чрезъ этотъ перевалъ, имѣющій высоту въ 5.062 метра. По словамъ его, «когда перевалъ оказывается непроходимымъ (зимою обыкновенно заваливается снѣгомъ), въ Ташкурганъ можно попасть лишь кружнымъ путемъ чрезъ Яркендъ и Тагарму». 20 и 21 сентября Хединъ продолжалъ путь къ Тонгу. 22 числа, миновавъ на пути восемь селеній, изъ которыхъ самое красивое Тонгъ, ночевалъ въ сел. Кандалакшъ, находящемся лишь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ р. Яркендъ-дарьи (Раскема). Переправясь 23 сент. чрезъ Яркендъ-дарью, путешественникъ ночевалъ въ сел. Курукъ-Лянгаръ. 24 сентября онъ шелъ по долинѣ Арпаталя до сел. Сугетлыкъ. На слѣдующій день перешелъ чрезъ перевалъ Арпаталя (3.838 метр.) и прибылъ въ сел. Онгуртлыкъ. 26 числа дошелъ до плодородной и густо заселенной мѣстности Ичъ-Бельдиръ. 27 сентября Хединъ вышелъ изъ горъ и переправился чрезъ Яркендъ-дарью около сел. Хушерабъ. Отсюда чрезъ сел. Качунгъ (должно быть, Карчунъ картъ и другихъ свѣдѣній), оставивъ Яркендъ въ сторонѣ,

[1]) „Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 242 — 256. Большая краткость второго маршрута въ 491 в. противъ перваго въ 545 в. есть слѣдствіе того, что въ маршрутѣ Путяты разстояніе отъ Оша до Кызылъ-арта показано по прежнему вьючному пути въ 168 вер., въ маршрутѣ же Серебренникова оно значится въ 222 в. до станціи Кокъ-сай около того же пер. Кызылъ-артъ по колесной дорогѣ.

[2]) Forsyth's Report etc., 1875, p. 435. Въ рукописныхъ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, 3 сентября 1890 г., замѣчено объ этомъ пути: „Это самая употребительная дорога изъ Сарыкола въ Яркендъ“.

Хединъ направился въ Кашгаръ. По его замѣчанію, перевалъ Арпаталя представляетъ демаркаціонную линію религій: къ востоку обитаютъ сунниты, а къ западу шіиты [1]). Такъ какъ Свенъ Хединъ отъ Ташкургана до Хушераба шелъ 11 дней слишкомъ, то, полагая на каждый день въ среднемъ по 20 верстъ, найдемъ, что разстояніе отъ Ташкургана до Хушераба будетъ по пути Хедина около 220 в., съ добавленіемъ же около 80 в. отъ Хушераба до Яркенда [2]) общее разстояніе по этому пути отъ Ташкургана до Яркенда оказывается около 300 в., т.-е. длиннѣе пути чрезъ Кашгарскія горы (282 в.), что происходитъ отъ значительныхъ зигзаговъ пути до Хушераба.

Пути отъ Ташкургана на востокъ къ Хотану имѣютъ особо важное значеніе для выясненія древней исторіи Памира и смежныхъ странъ, потому что здѣсь пролегала древняя «южная дорога» изъ Китая на юго-западъ въ сѣв.-западную Индію, и къ этой именно дорогѣ пріурочены древнѣйшія объ этихъ странахъ китайскія историческія извѣстія. Такъ какъ движеніе по древней южной дорогѣ прекратилось уже многія столѣтія, собственныя же небольшія торговыя потребности Хотана удовлетворяются путями въ Яркендъ, съ одной стороны, и въ Санджу-Ладакъ—съ другой, то хотя, можетъ-быть, прямыя мѣстныя сообщенія между Хотаномъ и Ташкурганомъ существуютъ, я не могъ найти ни одного маршрута такого сообщенія. По историческимъ даннымъ, какъ увидимъ, путь изъ Хотана шелъ сначала до Пишани, нынѣшняго селенія Пишна, чрезъ которое въ 1889 г. прослѣдовала въ Хотанъ экспедиція М. В. Пѣвцова, такъ что пунктъ этотъ нанесенъ на карты и можетъ быть по нимъ опредѣляемъ, хотя эта экспедиція, какъ, къ сожалѣнію, и многіе другіе путешественники, не дала подробнаго маршрута пройденныхъ ею разстояній, лишая тѣмъ возможности пользоваться однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ ея для науки. Между Пишанью и Ташкурганомъ древняя южная дорога должна была, по всей вѣроятности, совпадать съ частью маршрута Свена Хедина, пока онъ сохранялъ направленіе на востокъ, т.-е. до перевала Арпаталя, откуда онъ отклонился на сѣверъ. Отъ Арпаталя путь къ Пишани долженъ былъ, какъ видно по картамъ, лежать въ направленіи между селеніемъ Шихпу на Тизнафѣ и селеніемъ Кокъяръ, хорошо извѣстнымъ, какъ начальный пунктъ одной изъ трехъ дорогъ въ Ладакъ. Близъ направленія отъ Кокъяра въ Ташкурганъ прошли въ 1889 г. пробиравшіеся

---

[1]) „Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина“, т. 2, Спб., 1899 г., стр. 25—38.

[2]) По рукописнымъ дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго, 24—27 августа 1890 г., отъ Хушераба до г. Яркенда по правому берегу рѣки 82 в. Заключающееся въ тѣхъ же дневникахъ, 21 авг., свѣдѣніе о томъ, что отъ сел. Курукъ-лянгаръ противъ устья Туна до ур. Сугетликъ „приблизительно“ 18 в., подтверждаетъ, что я не ошибаюсь, предполагая день пути Хедина въ этихъ мѣстахъ около 20 в., такъ какъ Хединъ на проходъ отъ переправы до Сугетлика употребилъ одинъ день.

съ восточной ладакской дороги для охоты за архарами на Памиръ англичане маіоръ Cumberland и поручикъ Bower и проживающій въ Кашмирѣ французъ Dauvergne. Путь этихъ спортсменовъ лежалъ, по очень гористой странѣ, немного южнѣе Кокъяра на сел. Мому или Момукъ на р. Тизнафѣ, изъ котораго черезъ перевалъ Тахта-даванъ они добрались до р. Раскема, переправились чрезъ него противъ долины Тунъ (Toung у Доверня, Тунгъ у Б. Л. Громбчевскаго, Toung Мохаммедъ-Эмина и англичанъ, Тонгъ у Свена Хедина), и чрезъ долину Вача (Abi-Ouchi у Доверня, который часто путается между англійской и французской транскрипціей, Учи у Мохаммедъ-Эмина и англичанъ) и Тагдынбашъ прослѣдовали на Памиръ [1]). Къ сожалѣнію, описаніе пути у Доверня и особенно у Cumberland'а [2]) крайне поверхностно и не даетъ ни разстояній, ни иныхъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Мнѣ представилась однако возможность составить маршрутъ отъ Пишны до устья Туна чрезъ Кокъяръ при помощи рукописныхъ дневниковъ и маршрутовъ Б. Л. Громбчевскаго, по которому между этими пунктами оказалось около 235 в. [3]) Отъ Туна до Ташкургана приходится обратиться къ маршруту Свена Хедина, принявъ день его пути приблизительно въ 20 в., что въ семь дней пути отъ Ташкургана до Яркендъ-дарьи у Туна составитъ около 140 в. Съ прибавкой этой цифры къ 235 в. разстояніе отъ Пишны-Пишани до Ташкургана опредѣлится въ 375 в.

На югъ отъ Ташкургана, вверхъ по Тагдынбашской рѣкѣ и верховью ея р. Карачукуру, а затѣмъ по притоку послѣдней Минтеке ведетъ дорога въ Канджутъ. Отъ Ташкургана до перевала чрезъ Хиндукушъ Минтеке, по картѣ и рукописнымъ дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго, около 135—140 в., Какъ Минтеке (15.740 ф.), такъ и лежащій далѣе на западъ, верстъ на 20, перевалъ Каликъ (16.100 ф.), удобопроходимы, но дальнѣйшій путь въ Канджутъ чрезвычайно труденъ, такъ что, напр., французскій путешественникъ виконтъ Edmond de Poncins, слѣдовавшій въ 1893 г. чрезъ Памиръ въ Индію, долженъ былъ совершить большую часть пути по спускѣ съ перевала до столицы Канджута Бальтита пѣшкомъ [4]); подобнымъ

[1]) Exploration dans l'Asie centrale, par Henri Dauvergne, въ „Bull. de la Société de Géographie", Paris, 1892, 1 trimestre, p. p. 14—21.

[2]) Sport on the Pamirs and Turkistan Steppes, by major C. S. Cumberland, London, 1895.

[3]) Отъ Пишны до сел. Хасанъ-Бугра-мазаръ-лянгаръ разстояніе приходится взять по картѣ, приблизительно въ 24 в. Отъ этого селенія до сел. Кингъ-сай, по дневн. Б. Л. Громбчевскаго, 10 іюля 1890 г., 30 в.; далѣе, 11 іюля, сел. Кокъяръ 23 в., сел. Услюшъ, на правомъ берегу р. Тизнафа, 4 авг., 19 в., сел. Дунгзоля на Тизнафѣ 8 в., ур. Куль въ верховьи ущелья Кургакъ, 7 авг., 42 в.; отсюда до ур. Тахтъ, принимая разстояніе равнымъ приблизительно, какъ представляется по картѣ, пройденному 22 авг. до сел. Таръ-аузны, 32 в.; далѣе до кургана Игизъ-арыкъ, 21 авг., 20 в. и до сел. Сугетликъ черезъ перевалъ Арпаталя, покрытый глубокимъ снѣгомъ, 21 авг., 19 в.; отсюда, по разспросамъ, до сел. Курукъ-лянгаръ противъ устья Туна 18 в. Итого отъ Пишны до Туна около 235 в.

[4]) Du Turkistan au Kashmir, въ „Bull. de la Société de Géogr." Paris, 1895, 4-me trim., p. p. 516—560.

образомъ въ 1895 г., во время разграниченія Памира англо-русскою коммиссіею, британскій агентъ въ Гильгитѣ лейтенантъ Майльсъ предпочелъ, по трудности дороги, прійти изъ Канджута въ мѣстопребываніе коммиссіи на Памирѣ пѣшкомъ, сдѣлавъ для того около 300 в. [1]).

По Тагдынбашу же и Карачукуру, затѣмъ чрезъ перевалъ Вахджиръ (16.150 ф.) и по Ваханъ-дарьѣ проходитъ самая восточная дорога отъ Ташкургана до сел. Сархада, съ разстояніемъ всего около 283 или 297½ в. [2]) По завѣренію Мохаммедъ-Эмина, перевалъ Карашункарскій (такъ названъ у него или редакторовъ его свѣдѣній Карачукурскій или Вахджирскій перевалъ) «заваливается снѣгомъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году»; однако, караваны, направляющіеся въ Яркендъ изъ Джелальабада (въ Авганистанѣ) и Бадахшана, черезъ Памиръ, сворачиваютъ иногда на этотъ перевалъ съ прямого ихъ пути, избѣгая встрѣчи съ шигнанскими разбойниками [3]). По свѣдѣніямъ Троттера, члена миссіи Форсайта (1874 г.), баджаурскіе купцы (Баджауръ находится въ земляхъ независимыхъ авганскихъ племенъ между р. Пенджкорою и р. Кунаромъ, она же Ярхунъ, а въ низовьяхъ Кама) въ прежніе годы ходили въ Яркендъ по Тагдынбашу и долинѣ Тунъ, держась какъ можно дальше отъ алайскихъ киргизъ, которыхъ боялись болѣе, чѣмъ канджутцевъ [4]).

Прямѣйшій и наиболѣе короткій путь изъ Ташкургана на юго-западъ къ Сархаду и оттуда чрезъ Барагылскій проходъ въ Читралъ и сѣв.-западную Индію идетъ чрезъ Мал. Памиръ. Именно отъ Ташкургана чрезъ Сырыкольскій хребетъ перевалами Стунъ (въ половодье, въ остальное же время ущельемъ Шинди) и Незаташъ до Акташа 52½ в. [5]) и отъ Акташа до Сархада 168½ в. [6]), всего отъ Ташкургана до Сархада 221 в.

---

[1]) П. Е. Панафидинъ въ „Сборн. статист. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 65, Спб., 1896 г., стр. 138.

[2]) Именно, отчасти по картѣ Б. Л. Громбчевскаго, отчасти по рукописнымъ его дневникамъ, отъ Ташкургана до перевала Вахджиръ около 160 или 170 в. и отъ этого перевала до ур. Бозай-гумбеза около 50 в.; съ добавленіемъ 63 в. отъ Бозай-гумбеза до Сархада (42 мили, по Керзону, The Pamirs etc., p. 58) все разстояніе доходитъ до 283 в., при добавкѣ же, вмѣсто 63 в., 77½ в. (по Путятѣ) до 297½ в.

[3]) В. В. Григорьева, „Восточный или Китайскій Туркестанъ“, вып. 2, Спб., 1873 г. стр. 490.

[4]) Forsyth's Report etc., p. 269.

[5]) По маршруту, составленному членомъ миссіи Форсайта Биддельфомъ и пройденному частью миссіи, отъ Ташкургана до Кеншибера 25½ в. и затѣмъ до Акташа 27 в., итого 52½ в. (Forsyth's Report etc., p. p. 432—433). По маршруту Д. В. Путяты („Сборн. по Азіи“, в. 10, стр. 257—259), отъ Ташкургана до Кеншибера 23 в., отсюда до рабата 21 в. и затѣмъ до долины Акташъ 7 в., итого 51 в.

[6]) По Биддельфу (тамъ же), отъ Акташа до Гезъ-куля 69 в., далѣе Лянгаръ 37½ в. и Сархадъ 36 в., итого 142½ в., а всего отъ Ташкургана до Сархада 195 в. По кап. Серебренникову („Инжен. Журн.“, 1894 г., стр. 1554), отъ Акташа до Кызылъ-рабата 16 в., Кара-дюмеръ 26 в., Чакмактынъ-куль 27 в., Бозай-гумбезъ 22 в., итого 91 в., съ добавленіемъ же разстоянія отъ Бозай-гум-

Отъ Сархада чрезъ Барагылскій перевалъ идетъ прямѣйшій и удобнѣйшій путь изъ Ташкургана въ Пишаверъ. Перевалъ Барагылъ имѣетъ высоту въ 12,460 ф. надъ уровнемъ моря, т. е. лежитъ ниже многихъ долинъ Памира, и удобенъ даже для колеснаго пути. По спускѣ къ р. Ярхунъ путь идетъ по ущелью этой рѣки, которую слѣдовавшій въ концѣ 1894 г. Керзонъ въ первый же день долженъ былъ переходить 12 разъ, дабы обойти шесть ледниковъ, спускающихся до самой рѣки то съ одной, то съ другой стороны. Эти переправы въ бродъ возможны лишь въ малую воду, осенью или зимою, въ другое же время крайне трудны и невозможны, и тогда путникамъ приходится пересѣкать съ большими трудностями и опасностями ледники. Достовѣрныхъ и обстоятельныхъ описаній дальнѣйшаго пути по Ярхуну для общаго пользованія не имѣется, такъ какъ англійскіе изслѣдователи не публикуютъ свои свѣдѣнія изъ опасенія облегчить русское нашествіе на Индію [1]). Несомнѣнно однако, что дорога по Читралу, хотя и представляетъ трудности, подобныя путямъ по Пянджу и его притокамъ, но не непроходима для вьюковъ. Возможна она и для движенія небольшихъ военныхъ силъ, такъ какъ Керзонъ, приведя отзывъ читральскаго мехтара о проходимости дороги съ осени до конца весны и признавая поэтому ее однимъ изъ главныхъ возможныхъ путей въ Индію, замѣчаетъ: «Къ счастію въ долинѣ есть, по крайней мѣрѣ, одно мѣсто, гдѣ небольшой отрядъ, пользуясь естественными условіями, можетъ противостоять силѣ, въ десять разъ большей по численности. Впрочемъ, невѣроятно, чтобы вторгающаяся съ сѣвера армія, имѣющая въ виду Читралъ, захотѣла пуститься дорогой, замкнутой въ одномъ ущельи длиною въ 140 миль, когда проходима много лучшая и короткая дорога чрезъ перевалъ Дора» [2]) изъ Бадахшана. Разстояніе отъ Сархада чрезъ Мастуджъ и Читралъ, затѣмъ чрезъ перевалъ Ловари и бассейны Пенджкоры и Свата въ долину низовьевъ Кабулъ-дарьи до Пишавера, по англійскимъ свѣдѣніямъ, составляетъ всего около 570 вер. [3]) Такимъ образомъ

беза до Сархада, по Керзону, 63 в. и отъ Ташкургана до Акташа 51 в., по Путятѣ, выйдетъ отъ Ташкургана до Сархада 205 в.; если же считать, согласно Путятѣ (стр. 275—278), отъ Бозай-гумбеза не 63 в., а $77\frac{1}{2}$ в., и отъ Ташкургана до Акташа, по Биддельфу, $52\frac{1}{2}$ в., а не 51 в., то выйдетъ всего 221 в.

[1]) Въ 1887 г. французы G. Bonvalot, G. Capus и Pepin пробрались съ Памира въ Читралъ, были тамъ задержаны, но затѣмъ отпущены чрезъ Гилгитъ въ Индію. Къ сожалѣнію, данные двумя первыми очерки ихъ путешествія крайне поверхностны и не даютъ ни обстоятельнаго описанія пути по Читралу, ни разстояній (см. Voyage dans l'Asie centrale et au Pamir, par G. Bonvalot, и Pamir et Tchitral, par G. Capus, въ „Bull. de la Soc. de Géogr., Paris, 1890, p. p. 469—498, 499—537, а также книгу Du Caucase aux Indes à travers le Pamir, par G. Bonvalot. Paris, 1889).

[2]) The Pamirs and the Source of Oxus, p. 62.

[3]) Отъ Сархада до пер. Барагылъ 12 миль, отсюда до р. Ярхуна около 6 миль (по картѣ, потому что Керзонъ этого разстоянія не даетъ совсѣмъ), и отсюда до Мастуджа 72 мили (The Pamirs etc., p. p. 61, 62), итого отъ Сархада до Мастуджа 90 миль. Отъ Мастуджа до Читрала 70 миль и отсюда до желѣз-

отъ Пишани—Пишны чрезъ Ташкурганъ и Сархадъ оказывается до Пишавера всего 1.166 в.

Отъ Сархада до столицы Вахана по долинѣ Ваханъ-дарьи, по маршруту Д. В. Путяты, всего 74 в. [1]), а по Биддельфу 82½ в., [2]), такъ что, принимая послѣднюю цифру, ибо Д. В. Путята лично до Калаи-Пянджа не доходилъ, отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа чрезъ Мал. Памиръ и Сархадъ оказывается 303½ в.

Отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа существуетъ еще дорога чрезъ Б. Памиръ. Сначала путь отъ Ташкургана идетъ общій съ путемъ чрезъ Мал. Памиръ, т. е. до Акташа будутъ тѣ же 52½ в.; отъ Акташа же до Калаи-Пянджа чрезъ Б. Памиръ и р. Памиръ до впаденія въ Пянджъ, по Гордону, 235½ в. [3]), а всего, слѣдовательно, отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа чрезъ Б. Памиръ 288 в. Хотя такимъ образомъ дорога чрезъ Б. Памиръ до Калаи-Пянджа короче противъ дороги чрезъ Малый, но зимою предпочитается дорога чрезъ послѣдній, такъ какъ Б. Памиръ покрывается глубокими снѣгами [4]).

Въ Шигнанъ съ Памира существуютъ два главныхъ пути: одинъ по р. Гунту, другой по р. Шахъ-дарѣ. Отъ поста Памирскаго начало обоихъ общее и идетъ на Аличуръ и далѣе до перевала Койтезекъ, всего на протяженіи 169 в.; тутъ происходитъ раздѣленіе, и одинъ путь направляется къ Калаи-Баръ-Пянджу по Гунту на разстояніи 155 в., другой же идетъ къ тому же пункту по Шахъ-дарѣ на протяженіи 176 в. Слѣдовательно, отъ поста Памирскаго до Калаи-Баръ-Пянджа по Гунту 324 в. и по Шахъ-дарѣ 345 в., но послѣднія 14 в. обоихъ путей идутъ по соединенному теченію обѣихъ рѣкъ Хорогу до впаденія въ Пянджъ [5]). Въ Рошанъ до Калаи-Вамара идетъ съ Памирскаго поста путь по Мургабу и Бартангу, о протяженіи котораго точныхъ данныхъ я не нашелъ, но разстояніе должно быть подобное длинѣ дороги по Гунту. Всѣ указанныя три дороги вьючныя и очень трудныя. Изъ нихъ Гунтская дорога съ лѣта 1897 г. «хорошо разработана и вьючное движеніе по ней не встрѣчаетъ затрудненій» [6]). Путь по Бартангу принадлежитъ къ труднѣйшимъ [7]). Долины

ной дороги въ Наушерѣ 192 миль („Сборникъ... по Азіи“, вып. 64, 1896 г., стр. 300 и 114), да отъ Наушеры до Пишавера около 28 миль, а всего отъ Сархада до Пишавера 380 миль или 570 верстъ.

[1]) „Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 70.

[2]) Forsyth's Report etc., p. 433.

[3]) Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879 г., стр. 160.

[4]) По Троттеру, члену миссіи Форсайта, тамъ же, стр. 173.

[5]) „Очерки Шугнана“ инж.-кап. Серебренникова въ „Сборн. по Азіи“, вып. 70, 1896 г., стр. 2—23.

[6]) Серебренникова же „Очеркъ Памира“ въ „Военн. Сборн.“, 1899 г., ноябрь, стр. 233.

[7]) См. описаніе части пути по верхней части Бартанга въ статьѣ М. Гершулина, „Движеніе летучаго отряда полк. Іонова въ Рошанъ въ 1893 г.“ въ „Военн. Сборн.“, 1900 г., апр., стр. 284 и 285. Въ нижней части „отъ кишлака

Язгулема и Ванча, а равно Дарвазъ не имѣютъ прямыхъ сообщеній съ Памиромъ, между собою же соединяются крайне трудными перевалами или путемъ по Пянджу.

По Пянджу отъ Калаи – Пянджа до Калаи-Баръ-Пянджа около 187 в. и отъ послѣдняго до Калаи-Вамара около 55 в., итого около 242 в. [1]). Отъ Калаи-Вамара до столицы Дарваза Калаи-Хума 85 в. [2]) По отчету подполк. Залѣскаго, проходившаго по правому берегу Пянджа въ 1898 г., дорога отъ впаденія въ Пянджъ р. Памира «въ общемъ проходима для вьюковъ почти до сел. Баршоръ» (за нимъ начинается округъ Гаранъ). «Не доходя 3 в. до Баршора, вьючный путь кончается и далѣе по всему Гаранскому и Дармаракскому округамъ ведетъ лишь пѣшеходная, въ высшей степени тяжелая для движенія тропа, на протяженіи почти 90 в. до самаго Хорогскаго поста. Здѣсь (т. е. отъ Баршора до Хорога) горы запираютъ Пянджъ въ узкую щель, и безконечное число отдѣльныхъ отроговъ, упираясь вплотную въ рѣку, оканчивается отвѣсными скалами. Дорога по Пянджу прекращается, а идетъ лишь тропа по горамъ съ безчисленными на каждой верстѣ, крайне крутыми, извивающимися между каменными массами подъемами и спусками... Крутизна многихъ к у т а л е й настолько значительна, что пѣшему человѣку не изъ туземцевъ безъ таджика нѣтъ возможности ни вкарабкаться на нихъ, ни спуститься. Самый тяжелый переходъ находится между сел. Андеръ-объ и Дармаракомъ и совершается кружнымъ путемъ черезъ перевалъ Андеръ-объ» (11,900 ф.). Дорога отъ поста Хорогскаго до Калаи-Вамара «въ настоящее время уже настолько разработана туземными властями, по требованію памирскаго начальства, что вьючное движеніе совершается по ней безпрепятственно и безъ особаго риска...; нести вьюки на рукахъ приходится лишь одинъ разъ..., не доходя до сел. Акъ-дзывъ» [4]).

Имѣ до Суджана дороги не существуетъ, если не считать дорогою рядъ кольевъ, лѣстницъ и всевозможныхъ подпорокъ“ („Обзоръ работъ астрономическихъ и пр., исполненныхъ въ 1898 г.“, въ „Военн. Сборн.“, 1900 г., апрѣль, стр. 95). „Калаи-Вамаръ въ продолженіе почти десяти мѣсяцевъ (года) отрѣзанъ бездорожицею отъ всего міра... Проложеніе дороги возможно по Пянджу..., но потребуетъ большихъ затратъ“ (тамъ же, стр. 97). Въ іюлѣ 1900 г. путешествіе по Бартангу проф. Станкевича (для актинометрическихъ и магнитныхъ наблюденій) „было довольно затруднительно: дорога по руслу рѣки была совершенно залита и приходилось то пробираться по карнизамъ скалъ надъ рѣкою, то спускаться внизъ по теченію рѣки на турсукахъ, то дѣлать болѣе или менѣе утомительные обходы черезъ высокіе перевалы“: багажъ несли на себѣ таджики, а мѣстами сплавляли его по рѣкѣ на турсукахъ („Туркест. Вѣд.“, 10 авг. 1900 г.).

[1]) Forsyth's Report etc., p. p. 435—6, 161½ миль, по свѣдѣніямъ одного развѣдчика.

[2]) По Д. В. Путятѣ („Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 82), отъ Баръ-Пянджа до Калаи-Хума 140 в. За вычетомъ до Калаи-Вамара 55 в. получится разстояніе отъ Калаи-Вамара до Калаи-Хума въ 85 в.

[3]) На картѣ при The Pamirs etc. Керзона, Barshahr означенъ ниже сел. Sumchan. На картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго Баршоръ не нанесенъ.

[4]) „Обзоръ работъ астрономическихъ и проч., исполненныхъ въ 1898 г.“ въ „Воен. Сборн.“, 1900 г., апр., стр. 82—84.

«Могу сказать,—писалъ Н. Н. Покотило о дорогѣ по Дарвазу, куда онъ проникъ со стороны Куляба,—что Вальвалякскій перевалъ и побережная дорога до границы Рошана не пригодны для вьючнаго движенія... Шли почти все время пѣшкомъ, дѣлая 7 вер. въ день... Покидать карнизы или балконы приходилось рѣдко... Наконецъ, въ Курговакѣ предложили намъ... совершить подъемъ при помощи веревокъ на отвѣсную скалу саженъ въ 20—30 высотою, на что я уже не рѣшился... и возвратился въ Калаи-Хумъ» [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческія извѣстія времени первой династіи Хань, относящіяся къ I столѣтію до Р. Х.

Желая пріобрѣсти союзниковъ для борьбы съ могущественными хуннами, Китай, въ ближайшей къ Р. Х. половинѣ II стол. до-христіанской эры, впервые вошелъ въ политическія сношенія съ странами Таримскаго и Арало-каспійскаго бассейновъ. Пристрастіе китайскаго двора къ произведеніямъ западныхъ странъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, вызвало чрезвычайное умноженіе посольствъ на западъ съ цѣлію пріобрѣтенія особенно понравившихся рѣдкостей. «Китайскій дворъ въ иной годъ отправлялъ болѣе десяти, а въ иной отъ пяти до шести посольствъ. Посланники возвращались изъ отдаленныхъ государствъ по прошествіи восьми или девяти, а изъ ближнихъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ». «Изъ посольствъ, отправляемыхъ въ иностранныя государства, большія состояли изъ нѣсколькихъ сотъ, а малыя не менѣе, какъ изъ ста человѣкъ» [2]). Между тѣмъ успѣхи военныхъ дѣйствій противъ хунновъ дозволили раздвинуть владѣнія Китая до Дунь-Хуана (нынѣ Ша-чжеу), а двукратный походъ китайскихъ армій въ Давань (Фергана) въ 104—101 гг. до Р. Х. способствовалъ устраненію подчиненія Вост. Туркестана хуннамъ и замѣнѣ власти послѣднихъ китайскою.

Благодаря обмѣну посольствъ съ западными государствами и владычеству въ Вост. Туркестанѣ, управленіе которымъ съ 59 г. до Р. Х. поручалось особому намѣстнику, китайцы должны были обладать обстоятельными и вѣрными свѣдѣніями о западныхъ странахъ съ половины II стол. до Р. Х. Эти свѣдѣнія сохранились до насъ въ 96 книгѣ «Цянь-Хань-шу» [3]),

[1]) „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 494 и 495.

[2]) 123 книга „Шы-цзи“, т.-е. историческихъ записокъ, составленныхъ Сыма Цянемъ, по переводу о. Іакинфа Бичурина въ „Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, СПб., 1851 г., ч. 3, стр. 17 и 16.

[3]) Эта 96 книга, состоящая изъ двухъ частей, переведена о. Іакинфомъ Бичуринымъ на стр. 33—100 „Собранія свѣдѣній“ и пр., часть 3, подъ заглавіемъ „Повѣствованія о западномъ краѣ. Извлечено изъ Исторіи Старшаго Дома Хань“.

т.-е. исторіи первыхъ или старшихъ Ханей, которая составлена ученымъ Бань Гу, во второй половинѣ I вѣка послѣ Р. Х., такъ какъ онъ умеръ въ 92 г. [1]). Во вступленіи этой книги говорится: «Со времени государей Сюань-ди и Юань-ди (74—39 г.г. до Р. Х.), когда шаньюи (государи хунновъ) признали себя вассалами Китая, западный край остался подъ китайскою державою, почему описано географическое положеніе тамошнихъ земель, изложено число владѣтелей и народонаселенія въ ихъ владѣніяхъ, опредѣлено разстояніе мѣстъ между собою» [2]). Отсюда о. Іакинфъ заключаетъ: «Итакъ, слѣдующее ниже описаніе владѣній въ Западномъ краѣ составлено китайскимъ правительствомъ въ продолженіе 74—39 до Р. Х.» Приведенный текстъ не даетъ категорическаго основанія для такого заключенія. Такъ какъ въ описаніяхъ отдѣльныхъ владѣній приведены свѣдѣнія, относящіяся и къ датамъ позже 39 года, то правильнѣе полагать, что собранныя при названныхъ государяхъ свѣдѣнія находились въ числѣ источниковъ книги 96 «Исторіи династіи Хань», но, кромѣ нихъ, составители ея, безъ сомнѣнія, пользовались донесеніями китайскихъ посланниковъ въ западныя страны, показаніями посольствъ изъ иностранныхъ владѣній и другими свѣдѣніями архивовъ старшихъ Ханей, а также, быть-можетъ, не сохранившимися до насъ литературными источниками ханьскихъ временъ.

Изъ того же вступленія видно, что въ ханьское время существовали два пути для сообщеній Китая съ западомъ, южный и сѣверный. Сѣверная дорога шла возлѣ горъ, окружающихъ таримскую котловину съ сѣвера, нынѣ Тянь-шань, по южной ихъ сторонѣ, до Сулэ (Кашгаръ) и направлялась отсюда чрезъ Луковыя горы (Цунлинъ) въ Давань (Фергана) и далѣе на западъ. Южная дорога проходила у сѣверныхъ подножій Южныхъ горъ (нынѣ Алтынъ-тагъ) до Согюя (Яркендъ) и по переходѣ чрезъ Цунлинъ вела «въ Большой Юечжи и Аньси» [3]), т.-е. въ Бактріану и Парѳянское царство.

I. Владѣніе Пишань, округъ нынѣшняго селенія Пишны.

Самыя описанія западныхъ государствъ или владѣній размѣщены сначала по направленію упомянутой южной дороги, причемъ, кромѣ ле-

Англійскій переводъ той же 96 книги данъ извѣстнымъ, также уже умершимъ, синологомъ А. Wylie въ „Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain and Ireland", 1881, vol. X, p.p. 20—73, подъ заглавіемъ „Notes of the Western Regions, from the „T'sëen Han Shoo", Book 96, Part 1; переводъ 2 части помѣщенъ въ vol. XI того же Journal, 1882, p.p. 83—115. На эти два перевода я и буду преимущественно ссылаться, указывая страницы „Собранія свѣдѣній", ч. 3, и p.p. перевода Wylie безъ означенія тома. Изъ различій въ переводахъ будутъ приводимы лишь имѣющія существенное, болѣе или менѣе, значеніе.

[1]) „Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. I, стр. XV.

[2]) Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 37. У Wylie, p. 23: The extent of the land, the hills and the rivers, the kings and marquises, the number of the people, and the distances by the roads were all carefully examined and noted.

[3]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 34. Wylie, p. 21.

жащихъ на ней, описываются попутно и владѣнія, лежащія въ сторонѣ отъ дороги, но послѣ Пишани (это владѣніе слѣдуетъ за Юйтянемъ, т.-е. Хотаномъ) вмѣсто Согюя описываются владѣнія, лежащія по дорогѣ въ Гибинь, Угэшаньли и Аньси (Парѳія). Отъ Аньси описанія размѣщены уже въ обратномъ направленіи: на востокъ чрезъ Сулэ и затѣмъ по сѣверной дорогѣ. При этомъ описаніе Согюя помѣщено передъ описаніемъ Сулэ въ качествѣ владѣнія, какъ бы лежащаго въ сторонѣ отъ дороги.

Изъ статьи, посвященной описанію отстоявшаго отъ Юйтяня (Хотана) къ западу на 380 ли владѣнія Пишани, видно, что столица его носила также названіе Пишани; населеніе состояло изъ 500 семействъ, 3.500 душъ; войска было 500 ч.; «на юго-западъ до Уто 1.340 (ли), на югѣ смежно съ Тяньду (у Wylie, T'ean—tuh); на сѣверъ до Гули (у Wylie, Koo-tih; у о. Іакинфа, очевидно, опечатка и вмѣсто Гули должно стоять Гумо) 1.450 ли. На юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли. На сѣв.-западъ до Согюя 380 ли» [1]). Древней Пишани въ настоящее время, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ сел. Пишна, находящееся къ З.-Ю.-З. отъ сел. Гума, верстахъ въ 25 [2]): какъ по тождественности имени, такъ и по достаточной соотвѣтственности разстояній и расположенія относительно указанныхъ въ «Хань-шу» пунктовъ. Такъ относительно Хотана Пишна находится почти на западѣ, немного уклоняясь на сѣверъ; Яркендъ также лежитъ почти на сѣв.-западѣ. Древнее владѣніе Гумо, дѣйствительно, расположено было отъ Пишна на сѣверѣ, съ нѣкоторымъ уклоненіемъ на востокъ и разстояніе дано не неподходящее [3]). Смежность Пишани съ Тяньду, т.-е. съ Индіей, слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Индія находилась отъ Пишани дѣйствительно на югѣ: болѣе этого китайцы ханьскихъ временъ не могли сказать, такъ какъ прямыхъ сношеній съ Индіею во время династіи Старшихъ Ханей Китай не имѣлъ

[1]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 45, у Wylie—p. p. 30—31.

[2]) Въ сел. „*Пшна*, вытянувшемся узкой полосой верстъ на 10 по обоимъ берегамъ орошающей его рѣчки" Пишѣ-су, имѣла въ сент. 1889 г. ночлегъ экспедиція М. В. Пѣвцова („Труды Тибетской экспед. 1889—9 гг.", ч. I, С.-Пб., 1895 г., стр. 104). Съ того времени оно и показывается на картахъ съ полной точностью. При настоящей работѣ я пользовался самой лучшей изъ существующихъ картъ тѣхъ мѣстностей, которыхъ она касается, именно изданной въ 1895 г., но не имѣющейся еще въ продажѣ „Картой путешествій подполк. Громбчевскаго въ Дарвазѣ, на Памирѣ, въ Джитышарѣ, въ Канджутѣ, въ Раскемѣ и въ Сѣверо-западномъ Тибетѣ, въ 1885, 1888, 1889 и 1890 годахъ". Карта эта предназначена въ качествѣ приложенія къ описанію путешествій Б. Л. Громбчевскаго 1888—1890 гг., которое предпринимаетъ Имп. Русское Географ. Общество, но едва ли выполнитъ ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

[3]) Владѣніе Гумо лежало въ низовьяхъ рѣки Арбатъ или Ачакара, протекающей между г. Аксу и сел. Караюлгунъ и теряющейся потомъ въ пескахъ. Таково мнѣніе китайскихъ писателей нынѣшней династіи (см. Journal asiatique, 1846, t. VIII, p. 244, Nouvelles Annales des voyages, 1846, t. III, p. 31, и В. М. Успенскаго „О бассейнѣ Лобъ-нора" въ „Зап. И. Р. Геогр. Общ., по отдѣленію этнографіи", т. 6, 1880, стр. 128), которое должно быть признано вѣрнымъ, ибо подтверждается разными данными; приводить послѣднія здѣсь я не могу, потому что потребовалось бы много мѣста.

и свѣдѣнія его объ Индіи ограничивались лишь болѣе или менѣе вѣрными слухами.

При разсмотрѣніи разстояній, показываемыхъ въ китайскихъ извѣстіяхъ, необходимо имѣть въ виду, что величина ли, китайской мѣры разстояній, была въ разныя времена различна. Такъ, по мнѣнію д'Анвиля, въ древности ли были такой величины, что на одинъ географическій градусъ приходилось 455 ли, впослѣдствіи 338 ли, а въ правленіе Канъ-си манчжурской династіи установлена такая величина ли, чтобы въ градусѣ было 200 ли [1]). По Dutreuil de Rhins, который довольно подробно изучалъ этотъ предметъ, ли ханьской династіи полагалось равнымъ 460 метр., ли танской династіи—378 м. и ли нынѣшней манчжурской династіи—444 метр., но въ дѣйствительности въ разное время въ различныхъ мѣстностяхъ величина ли разнообразилась отъ 260 до 430 метр.; съ своей стороны для Тибета онъ предполагалъ ханьское ли равнявшимся 360 метр., а ли описаній путешествій извѣстнаго паломника Сюань Цзана опредѣлялъ въ 416 м. [2]). Сопутствовавшій этому ученому въ совершенномъ потомъ путешествіи по Кашгаріи и Тибету, во время котораго Дютрейль де Ренсъ 5 іюня 1894 г. былъ убитъ тибетцами, Ф. Гренаръ опредѣляетъ нынѣшнюю величину ли въ западной Кашгаріи въ 350 метр., утверждая, что въ сѣверномъ Китаѣ, между Донкыромъ и Пекиномъ, ли равняется 555 метр., т.-е. такихъ ли дѣйствительно приходится 200 на одинъ градусъ [3]). Причинъ различной величины ли, конечно, много и входить въ разсмотрѣніе ихъ я не буду, но не лишнимъ было бы имѣть въ виду, что на окраинахъ Китая, а тѣмъ болѣе внѣ его предѣловъ, разстоянія, безъ сомнѣнія, опредѣлялись обыкновенно не при помощи труднаго и хлопотливаго измѣренія ихъ, а вычислялись преимущественно сообразно времени, употребляемому на проѣздъ или проходъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ болѣе были затруднительны дороги и чѣмъ болѣе требовалось вслѣдствіе этого времени для совершенія пути, тѣмъ большее число ли насчитывалось на одинаковомъ въ дѣйствительности разстояніи. Поэтому въ китайскихъ свѣдѣніяхъ о разстояніяхъ слѣдуетъ ожидать особенно преувеличенныхъ показаній числа ли по путямъ въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ для проѣзда какого-либо даннаго разстоянія требуется весьма часто во много разъ болѣе времени, чѣмъ для выполненія такой же длины пути въ равнинахъ. Такъ какъ пути чрезъ Памиръ и прилегающія страны все горные и трудные, то при разсмотрѣніи китайскихъ показаній о разстояніяхъ по нимъ необходимо имѣть въ виду

---

[1]) Mémoire sur le Li, mesure itinéraire, des Chinois, par M. d'Anville, въ „Mémoires de littérature, tirés de registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres", 1755—1757, t. 28, Paris, 1759, p.p. 487—502.

[2]) L'Asie centrale etc., par J.—L. Dutreuil de Rhins, Paris, 1889, p. p. 90, 166 et 169.

[3]) Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, première partie, Paris, 1897, p. 41.

возможность и частую вѣроятность преувеличеній противъ дѣйствительности. Отсюда очевидна неизбѣжность тщательной повѣрки китайскихъ свѣдѣній о разстояніяхъ съ дѣйствительными разстояніями, которыя въ послѣдніе годы опредѣлены европейскими путешественниками и изслѣдователями по многимъ путямъ интересующихъ насъ здѣсь странъ съ достаточною, болѣе или менѣе, точностью. Нельзя также упускать изъ вида возможности ошибокъ въ тѣхъ текстахъ китайскихъ династійныхъ исторій, которыми мы въ настоящее время пользуемся, съ одной стороны вслѣдствіе опечатокъ и описокъ, неизбѣжныхъ при переписываніи и перепечатываніи ихъ въ продолженіе, для древнѣйшихъ, почти двухъ тысячелѣтій, съ другой же стороны вслѣдствіе недосмотровъ и упущеній въ первоначальныхъ текстахъ. Примѣры тѣхъ и другихъ мы увидимъ. Само собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, что критическое отношеніе къ нашимъ источникамъ должно имѣть фактическія и логическія основанія: китайскія историческія извѣстія большею частію почерпнуты изъ свѣдѣній современныхъ, изъ донесеній правителей пограничныхъ странъ и китайскихъ посланниковъ, изъ показаній иностранныхъ пословъ и торговцевъ и т. д.

При оцѣнкѣ ханьскаго показанія о разстояніи отъ Хотана до Пишани въ 380 ли можно, за неимѣніемъ маршрута европейскаго изслѣдователя между этими именно двумя пунктами, принять въ соображеніе новѣйшія опредѣленія разстояній между другими ближайшими мѣстами. Такъ по Гренару, отъ Кашгара до Хотана 485 килом. [1]), т.-е. 454 $^3/_4$ вер. За вычетомъ изъ послѣдней цифры опредѣленнаго посольствомъ Форсайта въ 171 $^3/_4$ в. разстоянія отъ Кашгара до Яркенда [2]), на разстояніе отъ Яркенда до Хотана останется 283 вер., въ томъ числѣ отъ Яркенда до Гума 133 в. и отъ Гума до Хотана 150 вер. [3]). Такъ какъ отъ Гума до

---

[1]) Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie etc., première partie, Paris, 1897, p. p. 40 et 94. Свенъ Хединъ опредѣляетъ разстояніе отъ Кашгара до Хотана ровно въ 500 в. („Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, Вост. Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина“, т. 2, С.-Пб., 1889, стр. 39), но свѣдѣнія Гренара, проѣхавшаго здѣсь четыре раза, кажутся болѣе надежными. По „Си-юй-вынь-цзянь-лу“, изданному въ 177$^2/_3$ г. сочиненію, содержащему описаніе Кит. Туркестана, отъ Кашгара до Яркенда 420 ли и отъ Яркенда до Хотана 670 ил, итого значитъ 1090 ли („Описаніе Чжуньгаріи и Вост. Туркестана“, перев. монаха Іакинфа, С.-Пб., 1829 г., стр. 240), но итогъ разстояній между станціями даетъ вмѣсто 1090 только 1065 ли, въ томъ числѣ между Хотаномъ и Гума 290 ли и между Гума и Яркендомъ 360 ли. По о. Іакинфу, „ли есть китайская мѣра поверхности земли, содержащая... россійскихъ саженъ 271 $^1/_{11}$“ (тамъ же, стр. XVI).

[2]) Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir F. D. Forsyth, Calcutta, 1875, p. 430.

[3]) Два послѣднихъ разстоянія, за разногласіемъ маршрутовъ, взяты приблизительно по картѣ Громбчевскаго 1895 г., основанной на съемкахъ и астрономическихъ опредѣленіяхъ многихъ пунктовъ. Разногласіе маршрутовъ видно изъ слѣдующаго. По маршрутамъ, напечатаннымъ въ Forsyth's Report, p.p. 424 a. 442, выходитъ, что отъ Яркенда до Гума 153 в. и отъ Гума до Хотана 156$^3/_4$ в., т.-е. въ итогѣ 309$^3/_4$ в., но тутъ маршрутъ отъ Каргалыка чрезъ Гума до Хотана доставленъ агентомъ изъ азіатцевъ, а потому недостаточно достовѣренъ. По маршрутамъ, напечатаннымъ при „Отчетѣ о поѣздкѣ въ

Пишна около 25 в., то отъ Хотана до Пишани, лежавшей западнѣе Гума, слѣдуетъ считать около 170 вер., и такимъ образомъ 380 ханьскихъ ли оказываются соотвѣтствующими 170 в., т.-е. 1 в. равняется немного болѣе, чѣмъ $2^1/_5$ ханьскихъ равнинныхъ ли (2,235). Нѣтъ никакихъ причинъ считать показаніе Хань-шу о разстояніи въ 380 ли отъ Юйтяни до Пишани ошибочнымъ. Между тѣмъ оно находится въ явномъ несоотвѣтствіи съ ханьскими разстояніями отъ Пишани до Согюя (Яркенда) въ 380 же ли, ибо дѣйствительное разстояніе Пишна отъ Яркенда не 170 вер., какъ до Хотана, а только около 120 в. (вмѣсто вышеупомянутыхъ 133 в. до Гума, потому что Пишна западнѣе Гума и ближе къ Яркенду верстъ на 13). Еще болѣе несоотвѣтственно двукратное ханьское показаніе Согюя отъ Сулэ въ 560 ли [1]), когда въ дѣйствительности это разстояніе опредѣлилось нынѣ въ $171^3/_4$ вер. Искать объясненія указываемыхъ несоотвѣтственностей въ трудности или гористости путей изъ Согюя въ Пишань и Сулэ нельзя, потому что дороги эти, какъ и путь изъ Юйтяни въ Пишань, пролегали одинаково по равнинамъ. Не пригодно также объясненіе, что Юйтянь, Согюй и Сулэ занимали въ ханьское время не тѣ мѣста, какъ нынѣ, потому что перемѣщенія означенныхъ городовъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, не могли, однако, превышать десятка, самое большее двухъ десятковъ верстъ, дабы не отдаляться отъ тѣхъ естественныхъ выгодъ и условій, которыя созидали культурное и политическое значеніе означенныхъ городовъ, незначительное же измѣненіе разстояній не въ состояніи объяснить затрудняющія насъ въ данномъ случаѣ большія несообразности. Приходится во всякомъ случаѣ выбирать кажущееся наиболѣе вѣрнымъ

Кашгаръ и южную Кашгарію въ 1885 г. старшаго чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Ферганской области поручика Гронбчевскаго" (г. Новый Маргеланъ, безъ означенія года, стр. 160), отъ Кашгара до Янги-хиссара 66 в. и далѣе до Яркенда 126 в., итого отъ Кашгара до Яркенда 192 в.; отъ Яркенда до Каргалыка 64 в. и далѣе до Гума 87 в., итого 151 в. (въ томъ числѣ отъ Каргалыка до Чулакъ-лянгара 51 в. и отъ него до Гума 36 в.); отъ Гума до Хотана 172 в., итого отъ Яркенда до Хотана 323 в., а всего отъ Кашгара до Хотана 515 в. По маршрутамъ Гренара (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, troisième partie, Paris, 1898, p.p. 216—217), отъ Кашгара до Янги-хиссара 70 километровъ и затѣмъ до Яркенда 113,5 к., итого отъ Кашгара до Яркенда 183,5 к. (т.-е. около 172 в., какъ и по маршруту миссіи Форсайта); отъ Яркенда до Каргалыка 66,5 к., отъ Каргалыка до Чулакъ-лянгара 45,5 к. и отсюда до Гума 31,5 к., итого отъ Яркенда до Гума 143,5 к. (134,5 в.), отъ Гума до Хотана 158 к. (148,1 в.), итого отъ Яркенда до Хотана 301,5 к., а всего отъ Кашгара до Хотана 485 кил. По завѣренію Гренара (тамъ же, p.p. 249—250), начальникъ миссіи и самъ онъ тщательно принимали мѣры для точнаго опредѣленія разстояній, которыя получались при помощи счета шаговъ лошади, производимаго ими лично, а не довѣрявшагося прислугѣ. Такъ какъ въ 1885 г. Б. Л. Громбчевскій лишь начиналъ дѣятельность путешественника-изслѣдователя и не обладалъ еще тою подготовкою, какую имѣли члены французской экспедиціи, то маршрутъ Гренара долженъ быть признанъ болѣе достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что его показанія близко сходятся съ картою, изданною въ 1895 г.

[1]) Въ статьѣ о Согюѣ и въ статьѣ о Сулэ. См. „Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 62 и 63, Wylie, p.p. 47, 48.

изъ этихъ трехъ показаній, дающихъ сравнительно съ дѣйствительными разстояніями разныя величины для ханьскаго ли въ смежныхъ и одинаково равнинныхъ мѣстностяхъ юго-западной Кашгаріи. Слѣдуетъ предпочесть показаніе о разстояніи между Юйтянью и Пишанью, какъ дающее величину ли, наиболѣе подходящую къ размѣрамъ ли на путяхъ въ Усунь и чрезъ Давань въ Большой Юечжы и въ Аньси [1]), ибо съ этими странами Китай имѣлъ всего болѣе частыя сношенія и по путямъ въ Усунь и въ Давань ходили китайскія арміи, почему разстоянія не могли не быть съ точностью установлены. Сверхъ того и разстояніе между Хотаномъ и Пишна должно было быть хорошо извѣстно, какъ лежащее на дорогѣ въ Гибинь и Угэшаньли. Хотя, какъ выше приведено, вступленіе къ описанію Западнаго края утверждаетъ, что южная дорога вела до Согюя и направлялась далѣе въ Б. Юечжы и Аньси, но въ самыхъ описаніяхъ западныхъ странъ нѣтъ о такомъ пути отъ Согюя никакого упоминанія и остается неизвѣстнымъ—гдѣ именно онъ проходилъ. Тогда какъ въ статьѣ о Сулэ (стр. 63) сказано, что чрезъ этотъ городъ „лежитъ большая дорога на западъ въ Давань, Кангюй и Б. Юечжы“, описаніе Согюя (стр. 62) хранитъ о какихъ-либо путяхъ чрезъ него полное молчаніе. Изъ всего этого можно заключить, что хотя, можетъ-быть, и существовала чрезъ Согюй дорога на Аму-дарью, но она рѣдко употреблялась. Той же рѣдкостью сообщеній Китая съ Согюемъ объясняется отсутствіе свѣдѣній о разстояніи между Юйтянью и Согюемъ, а равно ошибочность показанія преувеличеннаго разстоянія въ 560 ли между Согюемъ и Сулэ. Въ виду всего этого представляется вѣроятнымъ, что разстояніе между Согюемъ и Сулэ показано въ 560 ли вмѣсто 360 ли по ошибкѣ или опискѣ и что подобнымъ же образомъ разстояніе между Согюемъ и Пишанью означено въ 380 ли вмѣсто 280 также по опискѣ или ошибкѣ; это тѣмъ болѣе допустимо, что предлагаемыя цифры 360 и 280 ли даютъ при дѣйствительныхъ нынѣшнихъ разстояніяхъ въ 172 вер. и въ 120 в. мѣру ли, близкую къ выводимой изъ разстоянія, показаннаго между Хотаномъ и Пишанью, именно 2,091 ли, 2,333 ли и 2,235 ли въ одной верстѣ.

Что касается до дѣлавшихся доселѣ въ научной литературѣ пріуроченій Пишани, то о. Іакинѳъ, слѣдуя, какъ всегда, мнѣніямъ китайскихъ писателей XVIII и начала XIX стол., но не приводя ихъ основаній, помѣщалъ Пишань на мѣстѣ сел. Пишаная, лежащаго «въ 310 ли отъ Яркяна, на юго-западъ» [2]); на картѣ при «Собраніи свѣдѣній» и пр. Пи-

---

[1]) Недостатокъ мѣста не дозволяетъ мнѣ привести здѣсь фактическія по этому предмету данныя.

[2]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, 1851 г., приложенный къ этой части „Топографическій указатель“, стр. 55. Но въ „Описаніи Чжуньгаріи“ и пр., 1829 г., стр. XXXI, Пишинай показанъ „въ 300 ли отъ Яркяна на юго-востокъ“.

шань-Пишинай показанъ правильно на юго-востокѣ отъ Яркенда-Согюя. В. В. Григорьевъ пріурочивалъ Пишань къ станціи Пишнанъ, значащейся по дорогѣ изъ Хотана въ Яркендъ на Carte de l'Asie centrale Клапрота, 1833 г. [1]). По свѣдѣніямъ Wylie, «Se yih t'ung wan che» (кн. III, fol. 25), китайскій географическій словарь, считаетъ Duwa, Яркендской области, за мѣсто расположенія древняго Pe-shan. Shwuy king choo t'oo tseen kaou (кн. I, fol. 3) помѣщаетъ Пишань на юго-востокъ отъ Яркенда и на западъ отъ Хотана» [2]). Рѣчка Доа упоминалась рядомъ съ рѣчкою Санджу въ описаніи Китайскаго Туркестана, составленномъ при пенджабскомъ управленіи по свѣдѣніямъ яркендца Мохаммедъ-Эмина, въ началѣ 60-хъ годовъ [3]). По картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго,—одинъ изъ маршрутовъ котораго пересѣкъ ее въ горной части ея теченія,—на р. Дуа лежитъ по дорогѣ изъ Хотана въ Яркендъ сел. Піяльма, а въ горахъ сел. Дуа; первое отстоитъ отъ Хотана верстъ на 70, а второе верстъ на 80 [4]), откуда слѣдуетъ, что бассейнъ р. Дуа совершенно не подходитъ для помѣщенія древней Пишани по несоотвѣтственности даннымъ въ «Хань-шу» разстояніямъ. Вѣроятно, составители шестиязычнаго словаря намѣтили Пишань въ Дуа единственно по нахожденію Дуа на юго-западѣ отъ Хотана, о разстояніи же этой рѣки отъ Хотана основательныхъ свѣдѣній не имѣли. По имени, тождественному съ Пишань, по расположенію именно на западъ отъ Юйтяня и на юго-востокъ отъ Согюя, наконецъ, по разстоянію отъ Юйтяня нынѣшнее селеніе Пшна или Пишна, несомнѣнно, было мѣстомъ нахожденія ханьской Пишани.

---

[1]) „Вост. или Кит. Туркестанъ", С.-Пб., 1873, стр. 33

[2]) Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1880, vol. X, p. 30. „Си-юй-тунъ-вынь-чжи" есть географическій словарь на шести главныхъ языкахъ Китая, составленный особымъ официальнымъ комитетомъ и изданный въ 1763 г. (В. В. Григорьевъ, „Вост. или Кит. Туркестанъ", 1873 г., стр. 407 и 356). Приводя списокъ мѣстъ, астрономически опредѣленныхъ миссіонерами около 1760 г., В. В. Григорьевъ призналъ Peicheniia за Пишань (тамъ же, стр. 403). Въ настоящее время выясняется, что это не Пишань,—которая, впрочемъ, и не могла отстоять отъ Хотана на западъ лишь на одну минуту, именно оказаться подъ 35°53′ зап. долг. отъ Пекина при нахожденіи Хотана (Ильчи) подъ тѣмъ же градусомъ и 52′,—а или селенія 300 дворовъ таглыковъ на правомъ притокѣ Каракаша рѣчкѣ Пшнія, о которыхъ упоминаетъ Б. Л. Громбчевскій („Изв. И. Р. Геогр. Общ." за 1890 г., стр. 97), или означенныя на картѣ путешествій Громбчевскаго, почти на меридіанѣ Хотана, въ горахъ къ югу отъ него, въ бассейнѣ Юрункаша, два селенія Пшше. Надо при этомъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что на картѣ этой праваго притока Каракаша съ именемъ Пшинія не оказывается, а есть только рѣчка Пишнія, именуемая въ низовьѣ Ниса-дарьей и составляющая лѣвый притокъ Юрункаша. И Пише, и Пишнія не входили въ маршруты Громбчевскаго и нанесены по разспросамъ или на основаніи болѣе или менѣе разспросной карты или картъ.

[3]) В. В. Григорьевъ, „Вост. или Кит. Туркестанъ", 1873, стр. 487.

[4]) Изъ рукописныхъ дневниковъ Б. Л. Громбчевскаго (подъ 21, 23 и 24 февр. 1890 г.) видно, что по его маршруту отъ сел. Дуа до г. Хотана 100 вер.; но онъ шелъ кружной дорогой, горами, прямымъ же путемъ, который, вѣроятно, существуетъ, отъ Дуа до Хотана не должно быть болѣе 80 вер.

2. Владѣніе Уча, нынѣшній Сарыколъ, и Висячій переходъ.

Какъ приведено уже, отъ Пишани до Уто показано, на юго-западъ, разстояніе въ 1.340 ли, и выяснено, что «на юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли». Въ описаніи Гибини значится: «на востокъ до Уто 2.250 ли» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 48). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Уто находилось отъ Пишани на юго-западѣ въ 1.340 ли, на дорогѣ въ Гибинь, отстоявшую отъ него на западъ въ 2.250 ли. Такъ какъ Гибинь была государствомъ, лежавшимъ, почти безспорно, въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, со столицею около Пишавера, то опредѣленное нами въ главѣ I по кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путямъ отъ Пишны до Пишавера разстояніе въ 1.166 в. должно равняться суммѣ разстояній отъ Пишани до Уто и отъ Уто до Гибини, т.-е. 3.590 ли. Хотя при сличеніи этихъ цифръ на одну версту приходится 3,078 ли, тогда какъ между Хотаномъ и Пишанью на версту причиталось лишь 2,235 ли, но это не должно насъ смущать, потому что вся мѣстность между Пишанью и Гибинью отличается особой гористостью и трудностью путей, а потому всѣ разстоянія показаны въ «Хань-шу» и ея источникахъ преувеличенными противъ дѣйствительныхъ, опредѣляющихся точными измѣреніями. При разстояніи отъ Пишани въ 1.340 ли, Тапъ-курганъ, отстоящій отъ Пишны въ 375 в., или ближайшія къ нему мѣста являются единственно подходящими для помѣщенія ханьскаго У т о.

Обращаясь къ имени этого владѣнія, тождественнаго съ именемъ его столицы, найдемъ, что въ переводѣ 96 книги «Хань-шу», напечатанномъ въ 1829 г. въ «Описаніи Чжунгаріи» и пр. (стр. 18), о. Іакинфъ читалъ это имя Я ч ж а. Всѣ остальные синологи читаютъ не Ячжа и не Уто, какъ сталъ писать Іакинфъ въ «Собраніи свѣдѣній» 1851 г., а У ч а, такъ что правильнымъ чтеніемъ должно быть признано Уча [1]). Если такимъ образомъ истинное чтеніе есть Уча, то явнымъ пережиткомъ этого ханьскаго имени слѣдуетъ почитать селеніе и рѣку В а ч а, какъ зовутъ киргизы, или У ч и, какъ произносятъ мѣстные жители, сарыкольцы [2]).

[1]) Даже французскій синологъ Эмбо Юаръ, слѣдующій сѣверно-мандаринскому произношенію (какъ о. Іакинфъ до „Собранія свѣдѣній“, въ которомъ приблизился къ южно-мандаринскому произношенію, котораго держатся всѣ европейскіе синологи), читаетъ это имя Outcha (Recueil de documents sur l'Asie centrale, par Camille Imbault Huart, Paris, 1881, pp. 195, 199 etc). Однако Abel Rémusat, придерживающійся южнаго произношенія, даетъ, переводя статью о Гибини, не Уча, а Яча: отъ Гибини на востокъ 2250 ли до владѣнія Yaicha (Nouveaux Mélanges asiatiques etc., t. 1, Paris, 1829, p. 205). Положимъ, Ремюза переводилъ не съ подлинника „Цянь-хань-шу“, а съ извлеченій въ сборникѣ Матуаньлиня, но уклоненія послѣдняго отъ подлинныхъ текстовъ рѣдки и почти всегда имѣютъ основанія.

[2]) Exploration in Saricol. by Captain Deasy, въ Geograph. Journal, London, 1899, p. 628. То же имя Учи (Uchi) для селенія, долины и рѣки употреблялось въ свѣдѣніяхъ яркендца Мохаммедъ-Эмина, въ началѣ 60-хъ годовъ, о Сырыколь-

Что долина Учи или Уча была резиденціею правителя и давала свое имя совокупности смежныхъ долинъ, изъ которыхъ важнѣйшими были учійская, тунская и тагдынбашская,—это весьма вѣроятно, такъ какъ она занимала центральное положеніе. Въ описаніи «Хань-шу» говорится: «Народонаселеніе состоитъ изъ 490 сем., 2723 душъ; строевого войска 740 чел. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 4.892 (ли). Сіе владѣніе... лежитъ въ горахъ; хлѣбопашество между каменьями. Домы строятъ изъ камня. Простолюдины пьютъ пригоршнями. Отсюда получаются иноходцы. Находятся ослы, а крупнаго рогатаго скота нѣтъ» [1]). Въ нынѣшнихъ описаніяхъ осѣдлаго Сарыкола встрѣчаемъ почти то же самое или подходящее. Все населеніе, изъ деревень котораго упоминались, кромѣ Ташкургана, между прочимъ Wacha, Kichik Tung, Tung, опредѣлялось миссіею Форсайта (1874 г.) въ 2.500 домовъ, около 17.500 душъ; древесной растительности мало: тополь, ива, есть также можжевельникъ и пр., въ долинѣ Тунъ тутовыя и абрикосовыя деревья. У каждой деревни свои пашни. Сѣютъ пшеницу и ячмень, два сорта бобовъ и пр. Водятъ овецъ, козъ, лошадей, верблюдовъ, коровъ, кутасовъ [2]). Дома выстроены изъ камня и глины [3]). Капитанъ Путята, въ 1883 году, оцѣнялъ численность жителей долины Тагдынбаша и Тагармы въ 1420 душъ, населеніе же всего Сарыкола, считая и всѣхъ киргизъ по М. Каракулю, Рангъ-кулю и Мужи, въ 3.354 д. [4]), но сюда не было включено населеніе долинъ Вача, Туна и нѣкоторыхъ меньшихъ.

скомъ или Ташкурганскомъ владѣніи, помѣщенныхъ въ Davies' Report on the Trade Routes of the North-West Frontier, Appendix, Lahor, 1862 (см. переводъ у В. В. Григорьева „Вост. или Кит. Туркестанъ", 1873 г., стр. 492 и слѣд.).

[1]) „Собраніе свѣдѣній", стр. 45 и 46. У Wylie, p. 31, встрѣчаются слѣдующія отличія въ переводѣ: The hills are surrounded by cultivated fields, and white grass grows among the rocks. The dwelling—houses are built of stone; and the people join hands in drinking. They have small trained horses and asses, but no oxen.

[2]) Forsyth's Report etc., 1875, Calcutta, pp. 55 и слѣд.

По завѣренію французскаго путешественника Доверня, бывшаго въ долинѣ Туна въ 1889 г., „снѣгъ тамъ зимою неизвѣстенъ и климатъ дозволяетъ культуры и плоды умѣренныхъ странъ" („Bull. de la Société de Géographie", 1890, p. 51). По Свену Хедину, въ садахъ долины р. Туна растутъ грецкіе орѣхи, абрикосы, яблони; яковъ и верблюдовъ здѣсь не держатъ, видны только коровы, ослы, лошади, овцы и козы; въ долинѣ Учи (Тенъ-абъ) упоминаются посѣвы пшеницы, овса (?) и клевера, а жилища не мало напоминаютъ Хедину персидскія („Въ сердцѣ Азіи", т. 2, 1899 г., стр. 29 и 32). Въ ненапечатанныхъ еще дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, подъ 12 окт. 1888 г., замѣчено, что пшеница не растетъ въ селеніи (селеніяхъ?) Вача, хотя поспѣваетъ въ Ташкурганѣ, Тагармѣ и Пчанъ-артѣ (10.800 ф.). „Думаю, что это отчасти надо приписать открытому для вѣтровъ положенію ущелья". Въ дневникахъ неоднократно выяснено, что Вача произносятъ также У ч у. Подъ 18 окт. 1888 г. приведены разспросныя свѣдѣнія о нефритовыхъ копяхъ близъ сел. Тунгъ, нѣсколько выше крѣпости, въ которой живетъ х а к и м ъ в с е г о С а р ы к о л а Аблассанъ-бекъ.

[3]) Гордонъ, членъ миссіи Форсайта, см. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ на верховьяхъ Аму-дарьи", С.-Пб., 1879 г., стр. 150.

[4]) „Сборникъ матеріаловъ по Азіи", вып. 10, С.-Пб., 1884 г., стр. 51.

О. Іакинфъ въ «Описаніи Чжуньгаріи» и пр., 1829 г. (стр. XX), признавалъ Ячжа за Бадахшанъ, но въ «Собраніи свѣдѣній», 1851 г., отъ пріуроченія Уто уклонился.

Въ правленіе Цянь-Лунъ, по присоединеніи къ китайскимъ владѣніямъ Чжунгаріи и Восточ. Туркестана, въ началѣ второй половины XVIII в., тогдашній императоръ распорядился о составленіи описанія «Новой Границы», которое возложено было на особый комитетъ изъ 36 ученыхъ и нѣсколькихъ сановниковъ и генераловъ, въ числѣ которыхъ были участники завоеванія Кашгаріи. Труды этого комитета были изданы подъ заглавіемъ «Си-юй-ту-чжи», т.-е. «Описаніе западнаго края», съ введеніемъ, статьи котораго, въ стихахъ и прозѣ, составлены самимъ императоромъ или приписаны его кисти [1]). Излагая современныя событія и описывая западный край, комитетъ приводилъ и историческія свѣдѣнія, при чемъ пріурочивалъ древнія государства и пр. къ современнымъ мѣстностямъ. Пріуроченія эти во многомъ неудачны вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности современныхъ географическихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе, несмотря на умноженіе и улучшеніе географическихъ свѣдѣній въ позднѣйшее время, мнѣнія «Си-юй-ту-чжи» и понынѣ считаются китайцами непреложными. Такъ, официальная географія Китая (Дай-цин-и-тун-чжи) въ описаніяхъ Центр. Азіи составляетъ лишь сокращеніе «Си-юй-ту-чжи» и новыя свѣдѣнія въ ней весьма рѣдки [2]). Уча составители «Си-юй-ту-чжи» пріурочиваютъ къ Бадахшану, разсуждая такимъ образомъ: «Мы видимъ, что отъ владѣнія Пишань, расположеннаго на западѣ отъ владѣнія Юйтянь, о которомъ говорится въ «Исторіи дин. Хань», до владѣнія Уча, въ направленіи къ Ю.-З., 1340 ли. Нынѣ отъ города Хотана, слѣдуя на западъ до столицы Бадахшана, тоже около 1300 ли: очевидно, разстояніе одинаково». Затѣмъ въ описаніи Уча сказано, что «жители обитаютъ въ горахъ, среди полей и скалъ», но и въ Бадахшанѣ то же самое: «очевидно, это владѣніе есть Бадахшанъ нашихъ дней» [3]). Горныхъ странъ на западъ или юго-западъ отъ Хотана или Пишани такъ много, что обитаніе въ горахъ съ пашнями между горъ, камней и скалъ само по себѣ и одно не можетъ опредѣлять мѣстонахожденія древняго Уча и оправдывать пріуроченіе непремѣнно къ Бадахшану. Что же касается разстояній, то очевидность одинаковости ихъ достигнута составителями «Си-юй-ту-чжи» сличеніемъ разстоянія отъ Хотана до Файзабада въ 1300 ли съ разстояніемъ отъ Пишани до Уча въ 1340 ли, а не отъ Хотана же до

[1]) В. В. Григорьевъ, „Вост или Кит. Туркестанъ“, 1873 г., стр 404. Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes. Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, pp. 59—63 Въ послѣдней книгѣ авторъ ея, между прочимъ, помѣстилъ сдѣланные имъ переводы статей „Си-юй-ту-чжи“ о Бадахшанѣ, Коканѣ, Авганистанѣ, странахъ киргизъ-казаковъ, каракиргизовъ и пр.

[2]) Recueil de documents etc., p. 59.

[3]) Recueil de documents etc., p. 203.

Уча, какъ слѣдуетъ: съ прибавкою же 380 ли отъ Юйтяня до Пишани разстояніе отъ Юйтяня или Хотана, по ханьскимъ даннымъ, оказывается равнымъ 1720 ли противъ 1300 ли, которыя считаетъ «Си-юй-ту-чжи» для своего времени. Сверхъ того и разстояніе въ 1300 ли отъ Хотана до Файзабада слишкомъ уменьшено противъ дѣйствительности, ибо это разстояніе по одному изъ кратчайшихъ путей чрезъ Пишна (170 в.), Ташкурганъ (375 в.), Кала-и Пянджъ (288 в.) до Файзабада (211 в.) равняется 1044 в. [1]), т.-е. около 2.100 ли, да притомъ ли не горныхъ, а равныхъ полуверстѣ, по крайней мѣрѣ, каждая.

По мнѣнію Wylie, указанія текста ханьскаго описанія помѣщаютъ территорію Уча (Woo-cha) гдѣ-нибудь около Сарыкола, можетъ-быть близъ нынѣшняго Kurgan-i-Ujadbai (p. 31). Какія именно указанія текста имѣлъ Wylie въ виду, имъ не выяснено, но, вѣроятно, онъ въ особенности разумѣлъ слѣдующее заключеніе описанія Уча, которое мы приведемъ по переводу о. Іакинфа: «Отъ сего владѣнія на западъ лежитъ висячій переходъ (по замѣчанію о. Іакинфа въ китайскомъ текстѣ хюань-ду), отъ кр. Янъ-гуань 5888, отъ мѣстопребыванія намѣстника въ 5020 ли. Висячій переходъ лежитъ чрезъ каменную гору, въ которой нѣтъ ущелій для прохода, а черезъ гору переправляются, взбираясь и спускаясь по веревкѣ» (стр. 46). Wylie, p. 31, переводитъ первую фразу такъ: To the west is the Hindu Cush. Слѣдующая фраза передана одинаково съ о. Іакинфомъ, а затѣмъ: The Hindu Cush is a rocky mountain range. There are gorges and valleys with no connecting road, but having ropes and chains thrown a cross, by means of wich the passage is effected. Такимъ образомъ Wylie вмѣсто хюань-ду прочелъ Хиндукушъ. Между тѣмъ еще Клапротъ и Абель Ремюза читали согласно или близко съ о. Іакинфомъ Hian-tou, а первый еще пояснялъ, что въ переводѣ съ китайскаго это значитъ «висячій переходъ» (passage suspendu) [2]). Эмбо Юаръ перевелъ цитированныя въ «Си-юй-ту-чжи» эти самыя мѣста «Хань-шу» такъ: «На западѣ этой страны il y a des passages suspendus... Ces passages sont des montagnes de rochers. Comme les montagnes sont séparées par des vallées profondes, on passe de l'une à l'autre à l'aide de cordes et de chaines [3]). Въ виду всего этого чтеніе Хиндукушъ вмѣсто «висячій переходъ»,—

---

[1]) Источники первыхъ трехъ цифръ см. въ главѣ I, разстояніе же 211 в. до Файзабада взято изъ маршрута Мирзы, одного изъ англо-индійскихъ развѣдчиковъ (Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи", С.-Пб., 1879 г., стр. 135). По пути отъ Хотана чрезъ Пишань (170 в.), Ташкурганъ (375 в.), укр. Памирское (156 в.), Баръ-Пянджъ (324 в. по Гунту) до Файзабада (100 в.) всего 1125 в.; тутъ разстояніе въ 100 в. взято примѣнительно къ свѣдѣніямъ Н. Н. Покотило („Изв. И. Р. Геогр. Общ." за 1889 г., стр. 502), основанія же остальныхъ приведены въ главѣ I.

[2]) Magazin asiatique etc., publiée par Klaproth, t. 2, Paris, 1826, pp. 93, 95. Nouveaux Mélanges asiatiques, par Ab. Rémusat, t. 1, p. 209.

[3]) „Это T'ie so tç'iao, мосты изъ желѣзныхъ цѣпей или висячіе мосты, какіе существуютъ еще въ Тибетѣ, особенно въ провинціяхъ Вей и Цзанъ. По-

какъ надлежитъ переводить китайскіе знаки хюань-ду или хіань-ту,—не можетъ-быть признано правильнымъ, тѣмъ болѣе, что имя Хиндукушъ, значащее «индоубійца», сколько извѣстно, встрѣчается впервые у арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты въ XIV в. и примѣнялось лишь къ западной части хребта, на восточную же распространено главнымъ образомъ европейскими писателями и мѣстному населенію неизвѣстно. За исключеніемъ обращенія «висячаго перехода» въ Хиндукушъ, переводъ Wylie, близкій къ переводу Эмбо Юара, приходится предпочесть переводу о. Іакинфа, придерживаясь, однако, и версіи французскаго синолога, который, повидимому, отчасти лучше понялъ трудный подлинникъ [1]). Именно „висячій переходъ" есть мѣстность, гдѣ въ скалистыхъ горахъ и ущельяхъ нѣтъ дороги и путешественникамъ и, конечно, ихъ животнымъ и тяжестямъ приходится пробираться при помощи веревокъ и цѣпей. О „висячемъ переходѣ" и вообще о пути отъ Пишани до этой мѣстности есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ докладѣ сановника Дунъ Киня (Тоо Кіп), помѣщенномъ въ статьѣ «Хань-шу» о Гибини, по поводу извинительнаго посольства, присланнаго гибиньскимъ государемъ въ 32 г. до Р. Х. послѣ наложенія его предмѣстникомъ цѣпи на поссорившагося съ нимъ китайскаго посланника и убіенія его товарища и 70 человѣкъ свиты; это посольство было уже второе, такъ какъ первое, являвшееся нѣсколько лѣтъ ранѣе, оставлено было безъ отвѣта. На этотъ разъ предположено назначить для обратнаго препровожденія посольства китайскаго посланца. Дунъ Кинь возражалъ противъ отправки китайскаго посланца на томъ основаніи, что прежній владѣтель Иньмофу, возведенный на престолъ при содѣйствіи одного изъ китайскихъ пословъ, злодѣяніями своими противъ другого посла и его свиты лишилъ Китай возможности имѣть съ Гибинью сношенія. Да и нѣтъ въ нихъ никакой надобности, потому что гибиньское войско „не въ состояніи проникнуть черезъ верхи Висячаго перехода" („Собраніе свѣдѣній", 3, стр. 50) или, скорѣе, чрезъ ущелья Висячаго перехода (the dangerous passes of Hindu Cush—у Wylie, p. 37, и les défilés des Hiantou, по переводу Ab. Rémusat въ Nouveaux mélanges asiatiques etc., t.

тибетски ихъ называютъ lchags zam, гдѣ zam-мостъ, а lchags-желѣзо" (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, p. 199).

[1]) Но съ догадкой его о существованіи въ Висячемъ переходѣ мостовъ изъ желѣзныхъ цѣпей, подобныхъ тибетскимъ, согласиться, на мой взглядъ, невозможно: изъ текста она ни малѣйше не вытекаетъ, предположеніе же объ устройствѣ желѣзныхъ мостовъ въ безлюдныхъ и отдаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ ущельяхъ на Памирѣ или его окраинахъ представляется совершенно невѣроятнымъ. Положимъ, желѣзо въ то время было извѣстно населенію Восточнаго Туркестана. Въ ханьскомъ описаніи владѣнія Жокянъ, о которомъ будетъ сказано ниже, говорится: „Въ горахъ находится желѣзо, изъ котораго (жители) сами для себя дѣлаютъ оружіе" („Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 38). Но все же добыча желѣза и выдѣлка его, вѣроятно, были дороги и трудны, а потому постройка желѣзныхъ мостовъ крайне сомнительна, тѣмъ болѣе, что подобныхъ мостовъ нигдѣ въ предѣлахъ Вост. Туркестана не существуетъ и о существованія ихъ въ прежнія времена никакихъ извѣстій не имѣется.

I, Paris, 1829, p. 208) въ подвластныя Китаю земли. Притомъ же и посольство состоитъ не изъ родственниковъ владѣтеля и сановниковъ его, а изъ купцовъ, которые подъ видомъ посольства явились торговать. Затѣмъ командированіе китайскаго посланца съ соотвѣтствующею свитою для сопровожденія этихъ торговцевъ было бы напраснымъ и тяжкимъ обремененіемъ для посланца и людей его свиты вслѣдствіе большихъ трудностей и опасностей пути въ Гибинь, не говоря уже объ оскорбленіяхъ или худшемъ, которыя возможны со стороны гибиньскаго владѣтеля, судя по бывшему примѣру. «Отъ Пишани на югъ находится до пяти («четыре-пять», по переводу Wylie, p. 37) государствъ, независимыхъ отъ Китая». Сотня людей китайскаго провожатаго должна будетъ днемъ и ночью содержать бдительный караулъ для самозащиты и для охраны ословъ и скота, везущаго съѣстные припасы, отъ похищенія со стороны разбойниковъ, дабы не стать въ полную зависимость относительно пищи отъ мѣстныхъ жителей, ибо если мѣстныя владѣнія слабы и бѣдны, то они не въ состояніи доставить съѣстные припасы, если же богаты и сильны, то отказываютъ доставлять ихъ по жестокосердію. При такихъ обстоятельствахъ китайскимъ посланцамъ и провожатымъ нерѣдко приходится умирать въ горахъ и ущельяхъ съ голоду, ибо не могутъ выпросить пищи, даже въ видѣ милостыни, для спасенія жизни. Часто въ какихъ-нибудь 10—20 дней люди и животныя умираютъ въ пустыняхъ безвѣстно [1]). На пути приходится ѣхать чрезъ двѣ горы головной боли («болиголовныя», у Іакинфа, «Céphalalgiques»—у Аб. Ремюза), большую и малую; земля тамъ красная, склоны же ихъ раскалены до такой степени, что человѣческое тѣло теряетъ отъ жара свой естественный цвѣтъ, люди подвергаются головной боли и рвотѣ [2]). «Это заразительный воздухъ горныхъ долинъ» [3]). Затѣмъ тамъ есть два озера съ скалистыми берегами, вдоль которыхъ пролегаетъ узкая тропинка, шириною въ 16—17 дюйм., на протяженіи 30 ли, надъ пропастью ужасающей глубины; по ней всѣ путешественники,—какъ ѣдущіе на лошадяхъ, такъ и пѣшіе,—связываются

[1]) Я пользовался въ изложеніи досюда всѣми тремя переводами (Іакинфа, Ремюза и Wylie), не придерживаясь котораго-либо исключительно.

[2]) Такъ у A. Rémusat (p. 209): La terre y est rouge; les flancs en sont brulans, au point que les hommes dévorés par la chaleur y perdent leur teint naturel, et qu'on y éprouve un violent mal de tête accompagné de vomissemens. По переводу о. Іакинфа: „Еще надобно проѣзжать двѣ болиголовныя горы, большую и малую. Тамъ на раскаленныхъ услонахъ земля голая, и тѣло человѣческое отъ жара лишается цвѣта; зной производитъ головную боль и тошноту. То же самое дѣлается и со скотомъ".

У Wylie вмѣсто этого слѣдующее: Again, on passing the Great Headache Mountain, the Little Headache Mountain, the Red Land, and the Fever Slope, men's bodies become feverish, they lose colour, and are attacked with headache and vomiting; the asses and cattle being all in like condition (p. 37).

[3]) Эта фраза только у о. Іакинфа (стр. 51).

другъ съ другомъ посредствомъ веревокъ [1]). Пройдя 2000 ли (откуда? надо полагать отъ Пишани, упомянутой въ качествѣ начальнаго пункта), достигаютъ Висячаго перехода, «гдѣ низвергшійся скотъ, не достигнувъ и до половины пропасти, раздробляется на части, людей же упавшихъ и отыскивать трудно. Невозможно изобразить опасностей въ утесистыхъ горахъ тамошнихъ». Послѣдняя фраза взята у о. Іакинфа (стр. 51 и 52); у Аб. Ремюза вмѣсто того находимъ: «Пройдя 2 т. ли, достигаютъ страны Хіань-ту, но препятствія для путешествія далеко и здѣсь не заканчиваются; блуждая въ ущельяхъ, отдѣлившіеся другъ отъ друга путники теряютъ свои послѣднія силы и не могутъ оказывать болѣе другъ другу помощи. Всѣхъ опасностей, которымъ они подвергаются среди страны, столь усѣянной недоступными горами и непроходимыми ущельями, невозможно описать" (p. 209). Переводъ Wylie (p. p. 37—38): After more than 2000 le the Hindu Cush is reached; more than half the cattle having perished by falling down the chasms, their bodies beying scattered about and dashed to pieces. Men lose their grasp, and they are unable to save each other. In fact, viewing the dangers of these precipitous gorges, the difficulties are beyond description".

Приведенное извлеченіе изъ представленія Дунъ Киня, въ связи съ предшествовавшимъ, вызываетъ слѣдующія замѣчанія и заключенія:

1) Въ описаніяхъ почти всѣхъ владѣній означены разстоянія ихъ (т.-е. ихъ столицъ) отъ китайской столицы, а также отъ мѣстопребыванія намѣстника Западнаго края, находившагося въ 350 ли на востокъ отъ гор. Гуйцы [2]) (нынѣшній Куча). Къ сожалѣнію, значительная часть цифръ этихъ разстояній, въ особенности отъ мѣстопребыванія намѣстника, невѣрна, вслѣдствіе описокъ, опечатокъ, а, можетъ быть, иногда и ошибочныхъ свѣдѣній. Такъ, напр., отъ Согюя (Яркенда) до мѣстопребыванія намѣстника означено 4.746 ли, а отъ Сулэ (Кашгара) только 2.210 ли, тогда какъ разстояніе между Согюемъ и Сулэ опредѣлено лишь въ 560 ли [3]), изъ чего ясно, что та или другая цифра разстоянія до мѣстопребыванія намѣстника невѣрна. Такія невѣрности обыкновенно вынуждаютъ избѣгать пользованія цифрами разстояній до мѣстопребыванія намѣстника, но въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ иныхъ способовъ для опредѣленія мѣстности, нельзя отказываться отъ принятія въ соображеніе и этихъ цифръ, въ особенности ежели онѣ даны въ описаніи одного и того же владѣнія и когда, слѣдовательно, можно предполагать, что онѣ

[1]) Это по переводу Аб. Ремюза (p. 209) и Wylie (p. 37), съ тѣмъ различіемъ, что у послѣдняго вмѣсто deux lacs стоитъ three pools. У о. Іакинфа: „Еще есть высочайшая каменная гора, черезъ которую лежитъ узкая тропа шириною не болѣе $1^2/_3$ фута, длиною до 30 ли; подъ тропою пропасти ужасной глубины. На этой тропѣ путешественники и конные, и пѣшіе одинъ за другого держатся, и по веревкѣ ведутъ другъ друга".

[2]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 77. Wylie, p. 95.

[3]) „Собраніе свѣдѣній", стр. 62 и 63. У Wylie, p. p. 47—48.

взяты изъ одного и того же источника и должны были вызывать между собою сличеніе, при несообразности же возможную повѣрку. Именно, какъ приводилось уже выше, въ описаніи Уча (Уто), гдѣ разстояніе этого владѣнія показано въ 4.892 ли отъ мѣстопребыванія намѣстника, значится вмѣстѣ съ тѣмъ, что Висячій переходъ, находящійся на западѣ отъ Уча, лежитъ въ 5.020 ли отъ мѣстопребыванія намѣстника, изъ чего слѣдовало бы заключить, что Висячій переходъ отстоитъ отъ Уча въ 128 ли на западъ, если бы путь отъ резиденціи намѣстника до Висячаго перехода проходилъ чрезъ Уча. Но разстояніе отъ мѣстопребыванія намѣстника до Висячаго перехода могло быть показано чрезъ Сулэ (Кашгаръ), а не чрезъ Уча. Въ описаніи же Уча показано разстояніе до Висячаго перехода въ 5 888 ли отъ китайской пограничной крѣпости Янъ-гуань, путь отъ которой почти несомнѣнно долженъ былъ лежать по южной дорогѣ, чрезъ Уча. Разстоянія Уча отъ Янъ-гуани не означено, но если мы возьмемъ разстояніе Уча отъ китайской столицы 9.950 ли и вычтемъ изъ него разстояніе отъ этой столицы до Янъ-гуань въ 4.500 ли [1]), то разстояніе отъ Янъ-гуани до Уча опредѣлится въ 5.450 ли; въ такомъ случаѣ разстояніе отъ Уча до Висячаго перехода окажется (5.888—5.450) въ 438 ли. Послѣдняя цифра болѣе подходитъ къ цифрѣ въ 2 т. ли, которую намѣчаетъ отъ Пишани до Висячаго перехода, видимо круглымъ счетомъ, Дунъ Кинь, потому что 1.340 ли отъ Пишани до Уча съ добавленіемъ этихъ 438 ли составятъ 1.778 ли.

2) Горы «Головной боли», т.-е. такія, гдѣ у людей и животныхъ обнаруживаются явленія горной болѣзни, находятся во многихъ мѣстностяхъ Памира и его окраинъ, а также въ прилегающихъ къ нему странахъ, такъ что сами по себѣ «Болиголовныя горы» не могутъ служить достаточнымъ указаніемъ на мѣстонахожденіе Висячаго перехода. Раскаленной почвы въ настоящее время на Памирѣ и окрестныхъ странахъ пока нигдѣ не обнаружено, но отвергать утвержденіе Дунъ Киня въ этомъ отношеніи едва ли возможно, такъ какъ и въ настоящее время во многихъ пунктахъ Памира существуютъ горячіе источники высокой температуры. Такъ, по Троттеру (1874 г.), въ горахъ долины Ваханъ-дарьи часты горячіе ключи; температура нѣкоторыхъ, около Сархада, достигаетъ 160° Фаренгейта [2]). Гордонъ, въ то же время, видѣлъ въ 35 миляхъ отъ Сархада сѣрнистый ключъ съ температурою въ 130° Фаренгейта. По его же свидѣтельству, у Ислика (р. Истыкъ), между озеромъ Б. Памира и

---

[1]) Прямого указанія разстоянія отъ Чанъ-ань до Янъ-гуани въ переводахъ 96 книги „Хань-шу“ не встрѣчается, но цифра можетъ быть выведена изъ описанія владѣнія Шаньшань (стр. 38, р. 24), гдѣ сказано, что оно отстоитъ отъ Чанъ-ани въ 6.100 ли, а отъ Янъ-гуани въ 1.600, откуда слѣдуетъ, что отъ Янъ-гуани до Чанъ-ани 4.500 ли.

[2]) И. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, Спб., 1879 г., стр. 179.

долиной Акташа, находятся большіе горячіе ключи [1]). Близъ озера Яшилькуль, при впаденіи въ него р. Аличуръ, на правомъ берегу послѣдней, имѣется источникъ съ температурой около 70—80° Р. и съ ясными признаками нахожденія въ немъ сѣры; на одной рѣчкѣ, впадающей въ Мургабъ западнѣе Шаджана, есть теплый ключъ съ температурою не менѣе 50° Р. [2]). Озеръ на Памирѣ и нынѣ много, двѣ же тысячи лѣтъ назадъ, когда количество влажности въ Средней Азіи было много значительнѣе, было еще больше, въ томъ числѣ и такихъ, около которыхъ пролегали дороги, по кручамъ и карнизамъ горъ. Вслѣдствіе всего этого ни «Болиголовныя горы», ни горячіе источники, ни озера не могутъ служить достаточными признаками для опредѣленія линіи дороги къ Висячему переходу, потому что даже соединеніе этихъ признаковъ можетъ встрѣтиться на многихъ путяхъ.

3) Въ извлеченіяхъ изъ представленія Дунъ Киня нѣтъ ничего, что устраняло бы или дополняло слишкомъ, къ сожалѣнію, краткое и мало опредѣленное описаніе Висячаго перехода въ статьѣ объ Уто-Уча, суть котораго состоитъ въ томъ, что это скалистыя горы и ущелья, въ которыхъ нѣтъ дороги и по которымъ приходится пробираться при помощи веревокъ и цѣпей. Въ «Бэй-шы» (исторія сѣвернаго Китая, обнимающая время съ 386 до 618 г.) есть описаніе владѣнія Агэуцянъ, лежавшаго на юго-западѣ отъ Яркенда, въ которомъ говорится слѣдующее: «Отъ резиденціи на западѣ есть горы съ висячимъ переходомъ. Черезъ горы есть дорога, простирающаяся на 400 ли. На семъ переходѣ часто встрѣчаются боковые мосты, подъ которыми лежатъ ужасныя пропасти. Путешественники идутъ по нимъ, поддерживая другъ друга веревкою, отъ чего и названіе ущелью. Родится всякій хлѣбъ и разные плоды. Въ торговлѣ употребляютъ деньги. Есть дворецъ, есть оружіе. Земля производитъ золото и жемчугъ» [3]). Основываясь на томъ, что Агэуцянъ показанъ въ 13.000 ли отъ Дай, тогдашней столицы сѣвернаго Китая, и что

---

[1]) Тамъ же, стр. 160.

[2]) Кап. Серебренникова „Очеркъ Памира“ въ „Военн. Сборн.“ 1899 г., авг., стр. 463 и 464. Съ ночлега въ рабатѣ Сюме на Аличурѣ, „мы побывали на бившемъ неподалеку горячемъ сѣрномъ источникѣ температуры 60, 6°“ (Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи“, Спб., 1899 г., т. I, стр. 294).

[3]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 174. Есть нѣсколько сокращенный переводъ этого описанія, цитированнаго въ „Си-юй-ту-чжи“, сдѣланный Эмбо Юаромъ въ Recueil de documents sur l'Asie centrale, p. 200. Въ несовсѣмъ, повидимому, точномъ переводѣ Клапрота изъ 421 кн. „Дай-цин-и-тун-чжи“ говорится, что отъ владѣнія Акеукянъ (A keou khiang) „въ 400 ли на западъ была гора Hian tou, дорога чрезъ которую была почти сплошь устроена изъ бревенъ и тянулась надъ бездонными пропастями, черезъ которыя путешественники часто должны были переправляться при помощи веревокъ. Отсюда названіе Хіань-ту, значащее въ переводѣ съ китайскаго passage suspendu (Magazin asiatique, publ. par Klaproth, Paris, 1826, t. I, p. p. 94—95.

въ той же «Бэй-шы» есть описаніе владѣнія Цюаньюймо [1]), древняго Уча, въ 12.970 ли отъ Дай, составители «Си-юй-ту-чжи» нашли, что разница въ разстояніяхъ Агэуцяна и Цюаньюймо отъ Дай равняется лишь 30 ли, и заключили изъ этого, что владѣнія эти были смежны, въ объясненіе же того, что «висячій переходъ» оказывается не въ Цюаньгуймо, а въ Агэуцянѣ, предположили, что ханьское Уча раздѣлилось къ этому времени на двѣ части, образовавшія самостоятельныя владѣнія, изъ которыхъ Цюаньюймо составилось изъ восточной части Уча, а Агэуцянъ изъ западной и потому оказался ближе къ «висячимъ переходамъ» [2]). Такъ какъ древнее Уча пріурочено ими къ Бадахшану, то Агэуцянъ и Висячій переходъ попадаютъ въ западную часть Бадахшана. Неосновательность помѣщенія Уча въ Бадахшанѣ выяснена выше. Критическое обсужденіе статей «Бэй-шы» объ Агэуцянѣ и Цюаньюймо сдѣлано будетъ при разсмотрѣніи остальныхъ свѣдѣній V и VI вв. о Памирѣ. Здѣсь же умѣстно и не лишне задаться вопросомъ—дѣйствительно ли Висячій переходъ «Ханьшу» и висячій переходъ въ Агэуцянѣ одно и то же? Сообразно ханьскому описанію отвѣтъ приходится дать отрицательный, потому что въ описаніи этомъ нѣтъ и намека на «боковые мосты» или балконы, изъ дерева и камня, хотя бы и временные: вся висячесть въ ханьскомъ описаніи состоитъ лишь въ томъ, что спускъ и подъемъ людей, животныхъ и тяжестей производились при помощи веревокъ и цѣпей, и что переправу чрезъ непроходимыя ущелья совершали, быть-можетъ, посредствомъ устраиваемыхъ изъ веревокъ и цѣпей висячихъ мостовъ, подобныхъ тѣмъ, которые и понынѣ существуютъ въ Гилгитѣ, Читралѣ и отчасти въ Кафиристанѣ и дѣлаются изъ прутяныхъ (березовыхъ и иныхъ) канатовъ [3]). «Боковые мосты» и балконы могутъ быть возводимы и содержимы только въ мѣстахъ населенныхъ или близко къ нимъ прилегающихъ; напротивъ, ханьскій Висячій переходъ, судя по свѣдѣніямъ Дунъ Киня, долженъ былъ находиться въ мѣстности безлюдной. Если бы въ ханьскомъ Висячемъ переходѣ существовала сколько-нибудь значительная часть тѣхъ

---

[1]) Вотъ оно: „6. Цюаньюймо есть древнее владѣніе Уто; владѣтель живетъ въ городѣ Уто, отъ Сигюйбани на юго-западѣ, отъ Дай въ 12.970 ли". Для соображенія привожу еще два описанія: „5. Сигюйбань есть древнее владѣніе Сиѣ; иначе оно называется Цзыхэ. Титулъ владѣтеля Цзычжи-хугянь. Сіе владѣніе лежитъ отъ Хотана на западъ, отъ Дай въ 12.970 ли. Въ началѣ правленія Да-янь, 436 (г.), оно отправило (къ Сѣверному Двору) посольство съ дарами и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось". „7. Кюйсо. Кюйсоскій владѣтель живетъ въ древнемъ городѣ Яркянѣ" (въ подлинникѣ конечно стоитъ не въ Яркянѣ, а въ Согюѣ), „отъ Сигюйбани на юго-западѣ" (!?), отъ Дай въ 12.980 ли" („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 147).

[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, p. p. 203—204.

[3]) См. объ этихъ висячихъ мостахъ „Народы, населяющіе Гиндукушъ", Биддельфа, перев. П. Лессара, Асхабадъ, 1886 г., стр. 3—4, а также Kafiristan, by G. S. Robertson, въ Geographical Journal, 1894, September, p. 199.

трудностей, которыя вызываютъ устройство балконовъ и висячихъ мостовъ, то китайскія посольства, конечно, не въ состояніи были бы совершать по нему свое передвиженіе, такъ какъ съ однѣми веревками и цѣпями возможно перебираться лишь чрезъ очень неширокія ущелья и чрезъ очень недлинные карнизы, подъемы и спуски. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что ханьскій Висячій переходъ былъ въ сущности не болѣе, какъ худшей частью пути чрезъ какое-нибудь горное ущелье, гдѣ, на сравнительно небольшихъ пространствахъ, приходилось прибѣгать къ веревкамъ и цѣпямъ на крутыхъ или вертикальныхъ подъемахъ и спускахъ и для переправы чрезъ неширокія щели и рѣчки.

Подобныя трудныя мѣста встрѣчаются и въ настоящее время на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ съ Памира на западъ, еще до вступленія этихъ дорогъ въ предѣлы мѣстностей съ осѣдлымъ населеніемъ, гдѣ съ тѣмъ вмѣстѣ углубленіе водныхъ потоковъ и образуемыхъ ими долинъ и ущелій въ нѣдрахъ горъ и скалъ вызываетъ необходимость устройства длинныхъ и трудныхъ карнизовъ, балконовъ и мостовъ для перехода съ одной стороны рѣки или ущелья на другую. Такъ, на считающейся лучшею для большей части года дорогѣ изъ Ташкургана въ Ваханъ и Читралъ по Малому Памиру, послѣдняя ея часть ниже Башъ-гумбеза, гдѣ Ваханъ-дарья течетъ въ глубокой тѣснинѣ между крутыми съ обѣихъ сторонъ горами, представляетъ значительныя трудности. Между прочимъ, по описанію кап. Путяты (1883 г.), ниже развалинъ Лянгара (12.500 ф.) приходится слѣдовать по узкому и трудно-проходимому карнизу надъ текущей въ глубинѣ рѣкой; въ одномъ мѣстѣ, для подъема по крутой скалѣ, вьюки пришлось «переносить на рукахъ, что заняло времени около трехъ часовъ. Слѣдуя далѣе по карнизу, дорога... пересѣкаетъ глубокій оврагъ» и пр. Далѣе спускъ въ ущелье рѣчки Бачъ-гезъ «очень труденъ, каменистъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ ступеньками по выдающимся скаламъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось разработывать дорогу». Послѣ переѣзда чрезъ недоступную для переправы въ бродъ рѣку по жиденькому мосту «начинается длинный и крутой подъемъ вверхъ. Подъемъ ведетъ вначалѣ по гребню выдающагося въ сторону р. Ваханъ-дарьи хребта, а потомъ по карнизу ската, обращеннаго къ Бачъ-гезу. Подъемъ не безопасенъ, и одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей оборвалась внизъ. Путь далѣе пересѣкается очень глубокими оврагами и состоитъ изъ спусковъ и подъемовъ. Всего должно сдѣлать еще 4 спуска и 3 подъема, не уступающихъ по своимъ трудностямъ высокимъ переваламъ», чтобы достигнуть до Сархада [1]). Проѣзжавшій осенью 1894 г. лордъ Керзонъ потерялъ

[1]) „Сборникъ географ. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 10, 1884 г., стр. 275—278.

здѣсь одну киргизскую (слѣдовательно, привыкшую къ такимъ дорогамъ) лошадь, которая поскользнулась и моментально убилась [1]).

Подходящія къ ханьскому Висячему переходу мѣстности есть и на путяхъ изъ Тагдынбашской долины на Памиръ, пересѣкающихъ Сарыкольскій хребетъ. По описанію кап. Путяты, начинающійся въ 6 вер. отъ Ташкургана подъемъ на перевалъ Стунъ «очень крутъ, еле замѣтная тропинка вьется по карнизу»; «спускъ еще круче, ведетъ по карнизамъ стѣнъ пересѣкающихся овраговъ. Грунтъ рыхлый, обломки камней осыпаются подъ ногами лошади... Вершины горъ остроконечны и были покрыты спустившимися облаками. Внизу далеко въ пропасти слышенъ глухой шумъ Шиндинскаго ручья» и т. д. [2]).

Въ продолженіе 2 т. лѣтъ перемѣны температуры, вліяніе составныхъ частей воздуха, сила вѣтровъ и водъ и т. д. должны были произвести немалыя измѣненія въ поверхности Памира, преимущественно въ смыслѣ выравненія ея, уменьшенія крутизнъ, заполненія или расширенія ущелій и овраговъ и т. п. Многія мѣстности должны были получить другой видъ. Нѣкоторыя ущелья могутъ теперь оказаться долинами, недоступные обрывы—удобопроходимыми спусками и т. д. Вслѣдствіе этого безспорное опредѣленіе мѣстности ханьскаго Висячаго перехода едва ли въ настоящее время достижимо, особенно при неясности указаній на это мѣстонахожденіе и сомнительности разстояній. Однако, для разстоянія въ 128 ли (по разницѣ разстояній отъ мѣстопребыванія намѣстника) Стунскій перевалъ и вообще ущелье Шинди былъ бы подходящей для Висячаго перехода мѣстностью вслѣдствіе разстоянія отъ долины Вача болѣе 50 в. Для разстоянія же въ 438 ли (по разницѣ разстояній отъ Янъ-гуаня) годилась бы мѣстность около Бачъ-геза, находящаяся отъ долины Вача верстахъ въ 150—170 дорогою на перевалы Угру-артъ и Ханъ-юлы и чрезъ Мал. Памиръ.

Относительно Уджадбай-кургана, куда Wylie склоненъ былъ помѣщать столицу владѣнія Уча, вѣроятно, по нѣкоторому сходству имени, у нѣкоторыхъ новѣйшихъ путешественниковъ встрѣчаются слѣдующія свѣдѣ-

[1]) The Pamirs and the Source of the Oxus, p. 59. См. также о трудностяхъ пути между Сархадомъ и Лянгаромъ слишкомъ, впрочемъ, краткія свѣдѣнія д-ра Потагоса, который, отправившись изъ Сархада 5 іюля 1870 г., достигъ Лянгара 7 іюля. Лянгаръ обыкновенно считается брошеннымъ ваханскимъ кишлакомъ, по Потагосу же это киргизская деревня, разрушенная ваханцами и канджутцами за грабежи ея обитателей (Bull. de la Soc. de Géogr., Paris, 1886, p. p. 310—311).

[2]) „Сборникъ матеріа овъ по Азіи“, вып. 10, 1884 г., стр. 257. Кап. Путята ночевалъ въ этотъ день на ур. Кеншиберъ, въ 23 вер. отъ Ташкургана. По словамъ кап. Троттера, слѣдовавшаго здѣсь въ 1874 г., въ недалекомъ разстояніи отъ Кеншибера много горячихъ источниковъ, а съ находящагося далѣе перевала Незаташъ (14.915 ф.) видны „длинные ряды невысокихъ красныхъ холмовъ въ разстояніи около десяти миль. Направо былъ Б. Памиръ, налѣво Малый; прямо къ сѣверу тянулась широкая долина Аксу“ (Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879 г., стр. 174).

нія. Высоту надъ уровнемъ моря кургана Goudjabaï Г. Е. Грумъ-Гржимайло опредѣлилъ въ 12 т. ф. [1]). Изъ рукописнаго дневника Б. Л. Громбчевскаго (между 19 сент. и 6 окт. 1888 г.) можно заключить, что «мѣстность Ходжатъ-бай,—гдѣ стоятъ развалины небольшого укрѣпленія» и гдѣ соединяются рѣки Кара-чукуръ (она же Минтеке) и Мазаръ, образуя р. Тагдынбашъ,—отстоитъ отъ Ташкургана въ 65—70 вер.; отъ дороги г. Громбчевскаго означенныя развалины остались нѣсколько въ сторонѣ и осмотрѣны имъ, видимо, не были. Отъ этихъ развалинъ до перевала Минтеке, ведущаго въ Канджутъ, около 70 вер., а до перевала Вахджиръ, гдѣ водораздѣлъ между Кара-чукуромъ и Ваханъ-дарьею, около 90—100 в. Верстахъ въ 7 выше соединенія р. р. Кара-чукура и Мазара, тамъ, гдѣ Кара-чукуръ круто поворачиваетъ на сѣв.-востокъ, оставляя свое доселѣ восточное направленіе, на правомъ его берегу, противъ впадающей въ Кара-чукуръ съ лѣвой стороны рѣчки Кошъ-ункуръ, находится «нѣсколько разрушенныхъ построекъ, отъ которыхъ въ настоящее время остались только каменные фундаменты. Мѣсто это носитъ названіе Базаръ, и, по преданію, здѣсь, во времена Александра Македонскаго, были обширные караванъ-сараи, въ которыхъ останавливались караваны, слѣдующіе изъ Балха въ Яркендъ и Хотанъ» [2]) (дневникъ подъ 26 сент.). Б. Л. Громбчевскій не замѣтилъ никакихъ посѣвовъ въ долинахъ р. р. Кара-чукура и Мазара [3]), но кап. Юнгхесбандъ, который провелъ въ этихъ мѣстахъ болѣе значительное время, чѣмъ какой-либо другой европеецъ, завѣряетъ, что обитатели нижнихъ частей обѣихъ долинъ (киргизы, сарыкольцы, бѣглые ваханцы),—общую численность которыхъ, считая женщинъ и дѣтей, онъ полагаетъ не свыше 300 душъ [4]),—хотя занимаются скотоводствомъ, но тѣмъ не менѣе пытаются въ боковыхъ долинахъ сѣять хлѣбъ, несмотря на то, что имъ часто приходится выжинать жатву несозрѣвшею. По его же описанію, близъ соединенія названныхъ двухъ рѣкъ находится «древнее укрѣпленіе Kurgan-i-Ujadbai», а на одну или двѣ мили ниже—другое старое укрѣпленіе, построенное высоко на скалѣ лѣваго берега. Оба укрѣпленія никѣмъ не заняты [5]). Доверн (1889 г.) называетъ Ghujabaï «канджутскимъ укрѣпленіемъ» [6]).

Въ виду нахожденія развалинъ Уджабай въ столь высокой мѣстности, что земледѣліе здѣсь невозможно или неуспѣшно, а также удален-

[1]) Le Pamir etc., St.-Petersbourg, 1890, p. 78.

[2]) Ни Ходжатъ-бай, ни Кошъ-ункуръ, ни Базаръ на карту путешествій Б. Л. Громбчевскаго не нанесены.

[3]) По свѣдѣніямъ Б. Л. Громбчевскаго, въ верховьяхъ Тагдынбашской рѣки снѣгъ выпадаетъ обильно, весна же и часть лѣта изобилуютъ дождями („Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 450). Высота мѣстности при устьѣ Беика въ Кара-чукуръ опредѣлена имъ въ 12.150 ф.; а ур. Мазаръ на р. Мазаръ въ 11.880 ф. (тамъ же, стр. 444).

[4]) The Heart of a Continent, London, 1896, p. 274.

[5]) Journey in the Pamirs, въ Proceedings of R. G. S., 1892, April, p. 221.

[6]) „Bull. de la Soc. de Géogr.“, Paris, 1892, p. 22.

ности отъ главныхъ долинъ, составлявшихъ владѣніе Уча, и положенія на границѣ съ болѣе или менѣе пустыннымъ Памиромъ, я считаю помѣщеніе столицы Уча въ мѣстности Уджабай-кургана весьма мало вѣроятнымъ [1]).

3. Цзыхэскія владѣнія и ихъ тибетоидный народъ на Памирѣ и въ прилегающей съ востока горной странѣ.

Послѣ Уча, 1 часть 96 книги «Цянь-Хань-шу» содержитъ описанія четырехъ небольшихъ (по количеству населенія) владѣній, которыя, или столицы ихъ, лежали, видимо, въ сторонѣ отъ дороги изъ Пишани въ Уча. Эти четыре владѣнія, именовавшіяся Сіѣ (у Wylie Se-yay), Пули (P'oo-le), Инай (Enae) и Улэй (Woo-luy), имѣли населеніе, принадлежав-

[1]) По мнѣнію Ф. Гренара, спутника Дютрёйль де Ренса и составителя описанія его путешествія, въ ханьскія времена путь изъ Китая въ „Пишани-Гума" „дѣлился на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направлялась на Гибинь, другая же на маленькое владѣньице Уто, расположенное среди очень крутыхъ горъ. Первая вѣтвь есть (нынѣшняя) дорога чрезъ Санджу, которая начинается отъ Гума или Муджи, или Зангуя и чрезъ Ле и Кашмиръ ведетъ въ Авганистанъ. Вторая вѣтвь должна быть отождествлена съ дорогою, которою нынѣ пользуются одни киргизы и которая идетъ отъ Гума въ Кокъяръ, чрезъ Ойторакъ, и оттуда проходитъ или въ Канджутъ (Уто), Гилгитъ и Авганистанъ, или, обходя Канджутъ на сѣверѣ, въ Ваханъ, Бадахшанъ и Бактріану. Сверхъ того не подлежитъ сомнѣнію, что Памиръ (Цунлинъ) пересѣкали многія дороги, служившія для сообщеній страны Большихъ Юечжей (Бактріаны) съ Западнымъ краемъ (Си-юй). Янъ Юнь говоритъ, что южная дорога шла до Яркенда, откуда направлялась на Бактріану, вѣроятно чрезъ Ташкурганъ, Малый Памиръ и Ваханъ" (Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, partie II, Paris, 1898, p. 210). Мнѣніе о двухъ дорогахъ въ западныя страны изъ Пишани не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ ханьскія исторіи не только не даютъ основаній къ его подкрѣпленію, но содержатъ данныя, опровергающія подобныя предположенія. Такъ, въ содержащемся въ 96 книгѣ „Цянь-Хань-шу" описаніи владѣнія Пишани сказано,—какъ приводилось уже выше,—что изъ Пишани „на юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли", и ни о какой другой дорогѣ изъ Пишани не говорится. Такъ какъ въ той же самой статьѣ о Пишани объяснено, что отъ нея „на юго-западъ до Уто 1340 ли", то это даетъ право заключить, что дорога въ Гибинь „на юго-западъ" шла чрезъ Уто, лежавшее отъ той же Пишани тоже на юго-западѣ. Исторія Младшихъ Ханей устраняетъ въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе, потому что въ ней находимъ: „изъ Пишани на юго-западъ чрезъ Учжя, Висячій переходъ и Гибинь шестьдесятъ дней пути до владѣнія Угэшаньли" (118 книга „Хэу-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа, „Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 114). Тутъ „Учжя" есть, конечно, „Ячжа" Іакинфа въ „Описаніи Чжуньгаріи", 1829 г., „Уто", „Собранія свѣдѣній", „Уча" большей части западно-европейскихъ синологовъ. Напротивъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы объ извѣстности китайцамъ и пользованіи ихъ посольствами или войсками до временъ династіи Танъ какими-либо дорогами въ Ладакъ. Трудности путей въ Канджутъ и изъ него въ Гибинь такъ велики, что уже по одному этому отождествленіе Уто съ Канджутомъ недопустимо, помимо множества другихъ препятствій къ тому. Бань Гу (а не Янь Юнь, оканчивавшій „Шы-цзи", „Историческія записки", составленныя его дѣдомъ Сыма-цянемъ) въ предисловіи къ 96 книгѣ „Цянь-Хань-шу", дѣйствительно, говоритъ, что „южная" дорога изъ Китая чрезъ Си-юй идетъ „на западъ" до Согюя (Яркенда) и, „по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Большой Юечжы и Аньси" („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 34, Wylie, p. 21), но къ сожалѣнію пункты, чрезъ которые про-

шее къ одному и тому же племени «не тюркскаго [1]) происхожденія», ближе подходящее «къ Кянамъ и Ди» [2]). Обычаи были одинаковые, по одеждѣ же лишь улэйцы отличались отъ соплеменниковъ, ибо ихъ «одѣяніе походитъ на усуньское». Населеніе всѣхъ четырехъ владѣній вело жизнь кочевую: «переходятъ со скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ водѣ и травѣ». Въ Сіѣ показано 350 семей, 4.000 д., войска 1.000 чел.; въ Пули—650 с., 5.000 д., войска 2.000; въ Инаѣ—125 с., 670 д., войска 350; въ Улэѣ—1.000 с., 7.000 д., войска 3.000. Всего, слѣдовательно, въ четырехъ владѣніяхъ насчитывалось 2.125 сем., 16.670 д. и 6.350 ч. войска. Сверхъ того, даны слѣдующія разстоянія отъ китайской столицы и отъ мѣстопребыванія намѣстника: Сіѣ—10.250 и 5.046 ли, Пули—9.950 и 5.396 ли, Инай—10.150 и 2.730 ли. Улэй—9.950 и 2.465 ли. Отъ Пули означено до Согюя 540 ли [3]), до Сулэ 550 ли, до Улэя 540 ли; отъ Иная до Согюя и Улэя по 540 ли и до Сулэ 650 ли; отъ Улэя до Пули 540 ли [4]).

Возможно точное опредѣленіе мѣстностей, которыя занимали четыре владѣнія, имѣвшія населеніе тибетскаго или близкаго къ нему племени, весьма важно для правильной оцѣнки и уясненія древнѣйшихъ историческихъ извѣстій объ этническихъ отношеніяхъ на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ, а равно и для установленія вѣрнаго представленія объ этнико-политической географіи этихъ странъ. Выше уже упомянуто, что въ началѣ второй половины XVIII в., послѣ возвращенія подъ власть Китая утраченнаго имъ на цѣлое тысячелѣтіе Вост. Туркестана, было особымъ офиціальнымъ комитетомъ составлено описаніе западнаго края, въ которомъ, кромѣ различныхъ другихъ свѣдѣній, были помѣщены и историко-географическія, при чемъ сдѣланы выясненія, какія именно современныя мѣстности занимали извѣстныя изъ китайской исторіи древнія

легаетъ она между Яркендомъ и Б. Юечжы, нигдѣ не указаны. Въ описаніи Согюя ничего не говорится о какой-либо дорогѣ изъ него въ Б. Юечжы, тогда какъ въ описаніи Сулэ читаемъ, что черезъ него „лежитъ большая дорога на западъ въ Давань, Кангюй и Б. Юечжы“ („Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 62 и 63).

[1]) Такъ у о Іакинфа, у W. differ from the Tartar nations, но въ подлинникѣ, безъ сомнѣнія, стоитъ ху, терминъ, обозначающій западныхъ и сѣверныхъ „варваровъ“, большая часть которыхъ стала относиться съ VI в., когда появилось имя тюркъ, къ племенамъ тюркскимъ.

[2]) У Wylie: being connected by affinity with the Keang and Te-hing. Терминъ д и также служилъ для означенія „варваровъ“, ц я н ъ же или к я н ъ, по южнокитайскому произношенію, есть, по словамъ Bushell'я, пишущаго его Ch'iang, „общее имя для племенъ тибетской расы, живущихъ на западѣ отъ Китая съ отдаленнѣйшихъ временъ“; знакъ, изображающій это имя, составленъ изъ знаковъ ч е л о в ѣ к ъ и о в ц а для означенія, по утвержденію одного древняго словаря, занятія пастьбою овецъ (The Early History of Tibet, by S. W. Bushell, въ Journal of R. Asiatic Society, 1880, vol. 12, p. 527).

[3]) Это въ описаніи Пули (стр. 48), въ описаніи же Согюя (стр. 62) означено до Пули 740 ли.

[4]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 46 и 47, и Wylie, p. p. 31—33.

государства или владѣнія. Офиціальное положеніе и авторитетность составителей «Си-юй-ту-чжи» повели къ тому, что ихъ пріуроченія не только перешли въ офиціальную географію Китая и вообще въ китайскую историко-географическую литературу, но по необходимости служили руководствомъ и для европейскихъ историко-географовъ, которые, за неимѣніемъ европейскихъ источниковъ по современной географіи Вост. Туркестана и Памира, вынуждены были пользоваться китайскими. Вслѣдствіе этого первый переводчикъ 96 кн. «Хань-шу» на одинъ изъ европейскихъ языковъ о. Іакинфъ Бичуринъ, какъ въ переводѣ 1829 г. (въ «Описаніи Чжуньгаріи» и пр.), такъ и въ переводѣ 1851 г. (въ «Собраніи свѣдѣній» и пр.), пріурочивалъ цзыхэ'скія [1]) владѣнія сообразно указаніямъ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», что имъ заявлено на стр. VI предисловія къ «Описанію Чжуньгаріи» и пр. относительно всѣхъ данныхъ имъ объясненій «топографическаго положенія древнихъ владѣній». Сіѣ пріурочивалъ онъ къ сел. Юлъарыку (Юлъ-эрекъ, «въ 300 ли отъ Яркяна на юго-западъ, подъ 99° долг., 39° сѣв. шир.», «Описаніе Чжуньгаріи» и пр., стр. XLIV), Цзыхэ къ Кукъяру („мѣстечко въ 300 ли отъ Яркяна на юго-западъ», тамъ же, стр. XXVII), Пули къ Сэрлыку (городокъ «въ Луковыхъ горахъ; сѣверный истокъ Яркянъ-Даріи протекаетъ чрезъ сіе мѣсто», см. «Топографическій указатель» при «Собр. свѣд.» и пр., стр. 64), Инай къ Ингассару (т.-е. Янги-хиссару, городу между Кашгаромъ и Яркендомъ) и Улэй къ Арачулу («мѣстечко... за юго-западной межою Кашгарскаго округа, на правомъ берегу Помира или Памира, въ 800 ли отъ Кашгара», «Топограф. указатель», стр. 5). На картѣ при «Собраніи свѣдѣній" и пр. (часть 3, 1851 г.) Юлъ-эрекъ (Сіѣ-Цзыхэ) означенъ на юго-западѣ отъ Яркяна-Согюя, на западѣ отъ р. Яркянъ; Сэрлыкъ-Пули на юго-западѣ отъ Юлъ-эрека и на сѣв.-востокѣ отъ вершины р. Яркянъ, на верховьи впадающей въ послѣднюю рѣчки; Арачулъ-Улэй помѣщенъ не на р. Памиръ, а на впадающей, подобно ей, въ Аму дарью рѣчкѣ, названной Кардіаною, при чемъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, между устьями Кардіаны и Памира, означенъ гор. Терметъ; Ингасаръ показанъ на сѣверѣ отъ Юлъ-эрека. Хотя соотвѣтствующія мѣста „Си-юй-ту-чжи" и слѣдовавшихъ ему китайскихъ источниковъ не переведены еще ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ, но о сдѣланномъ въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи" пріуроченіи Цзыхэ къ Кукъяру говоритъ Клапротъ [2]); руководствующійся „Си-юй-ту-чжи" шестиязычный географическій словарь „Си-юй-

[1]) Такъ буду я, для краткости, именовать народъ четырехъ или пяти владѣній въ качествѣ особаго этническаго цѣлаго. Въ „Хань-шу" сказано, что правитель Сіѣ „носитъ титулъ цзыхэскаго владѣтеля; его правленіе въ городѣ Хугянь" (стр. 46), по „Исторіи же младшей династіи Хань", Сіѣ и Цзыхэ были особыми владѣніями, столицы Сіѣ не указано, столицею же Цзыхэ служила Хугянь (стр. 113 и 114).

[2]) Foe koue ki, trad. par Ab. Rémusat, Paris, 1836, p. 25.

тунъ-вынь-чжи" помѣщаетъ Сіѣ въ Юлъарыкѣ, Пули въ Серлыкѣ, Улэй въ Арачулѣ, какъ сообщилъ Wylie, добавляя, что по китайскому же сочиненію Shwuy king choo t'oo shwô tseen kao Пули находилось между нынѣшнимъ Янги-хиссаромъ и Яркендомъ, Инай на южной границѣ янгихиссарскаго округа около 39° сѣв. шир. и 76° вост. долг. (отъ Гринвича), а по одному китайскому географическому атласу Арачулъ показанъ около 39° шир. и 74° вост. долг. (р.р. 31—32).

Гор. Янги-хиссаръ и сел. Юлъарыкъ и Кокъяръ, дѣйствительно, существуютъ и значатся на нынѣшнихъ европейскихъ картахъ, но Сэрлыка [1]) съ Арачуломъ, а равно значащагося на китайскихъ картахъ и въ сочиненіяхъ гор. Карчу, не видалъ ни одинъ европеецъ въ назначенныхъ для нихъ китайцами мѣстностяхъ или гдѣ бы то ни было, а потому не нанесены они и на картахъ, основанныхъ на надлежащихъ источникахъ. Однако, мнѣ кажется, въ настоящее время уже возможнымъ разрѣшеніе загадокъ о Сэрлыкѣ, Арачулѣ и Карчу. Обратившись къ воспроизведенной во французскомъ переводѣ Эмбо Юаромъ изъ «Си-юй-ту-чжи» общей картѣ Вост. Туркестана (см. эту карту въ Recueil de documents sur l'Asie centrale, 1881), найдемъ, что Яркендъ-дарья, по представленію сочинителей карты, составлялась изъ двухъ вѣтвей; около вершины болѣе сѣверной вѣтви надписано Saïr koul (Liri koul), но сама рѣка ниже названа Кара-усу и образуетъ островъ, на которомъ помѣщенъ гор. Яркендъ; болѣе южная вѣтвь названа Ting tsa aрou или Yu ho (нефритовая рѣка) и соединяется съ первою вѣтвью ниже г. Яркенда и острова. Позднѣйшія сочиненія и карты добавили разныя подробности, но образованіе Яркендъ-дарьи изъ двухъ вѣтвей сохранилось: второю продолжалъ считаться Тизнафъ, воды котораго на самомъ дѣлѣ соединялись съ Яркендъ-дарьею развѣ въ весьма отдаленной древности, первая же вѣтвь показывалась текущею съ запада, а такъ какъ Раскемъ-дарья, т.-е. дѣйствительная главная вѣтвь Яркендъ-дарьи, на самомъ дѣлѣ беретъ начало на юго-востокѣ, то очевидно, что китайцы о Раскемъ-дарьѣ или не имѣли понятія, или крайне смутное, главною же вѣтвью Яркендъ-дарьи считали Ташкурганскую или Тагдынбашскую рѣку. На основанной на китайскихъ источникахъ и вообще въ точности имъ соотвѣтствующей Carte de l'Asie centrale Клапрота, 1833 г., въ вершинѣ главной вѣтви Яркендъ-дарьи на правой сторонѣ означенъ городъ или селеніе Katchout или Kartchou [2]) и немного ниже нанесенъ

---

[1]) Wylie нашелъ Sajгук въ нѣсколькихъ миляхъ къ ю.-з. отъ Янгихиссара на русскихъ картахъ, которыхъ въ точности не указываетъ. Я не видѣлъ ничего подобнаго на множествѣ извѣстныхъ мнѣ русскихъ картъ, во всякомъ же случаѣ Седжрыкъ еще не Сэрлыкъ.

[2]) На картѣ о. Іакинфа, вмѣсто Карчу, означенный на лѣвомъ берегу главной вѣтви Яркендъ-дарьи, немного ниже ея вершины, городъ или селеніе наименованъ, вѣроятно по описке, Тарчу, слѣдовало же написать Гарчу, какъ ясно изъ слѣдующаго мѣста „Топографическаго указателя" при 3 ч. „Собранія свѣдѣній" и пр. (стр. 20): „Гарчу, городокъ въ Вост. Туркестанѣ въ Луко-

небольшой сѣверо-западный притокъ, названный Sere koul, съ означеніемъ въ вершинѣ его города Sere koul; въ этотъ притокъ съ правой стороны впадаетъ рѣчка Serlek съ селеніемъ Serlek на ея верховьи; между двумя вѣтвями Яркендъ-дарьи изображена рѣчка Карасу и на ней означено сел. Кукъяръ, а ниже его Юлъарыкъ, тогда какъ въ дѣйствительности Кокъяръ и Юлъарыкъ находятся на востокѣ отъ р. Тизнафа; принадлежавшая нѣкогда къ системѣ Кашгаръ-дарьи, но нынѣ недоходящая до нея, рѣка Яманъяръ показана вытекающею изъ оз. Каракуль, на сѣв.-западѣ отъ котораго изображено оз. Kiang koul.—Въ изданномъ въ 1821 г. бывшимъ главнокомандующимъ Сунъ-Цзюнемъ «Синь-цзянъ-чжи-ліо», т.-е. сокращенномъ историческомъ и географическомъ описаніи Новой границы, приведено слѣдующее мѣсто изъ комментарій къ «Книгѣ водъ» [1]): «Рѣка течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Wou-loui; потомъ она течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Инай; оттуда она течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Пули». «Эти именно страны,—поясняетъ «Синь-цзянъ-чжи-ліо»,—и суть тѣ, которыя проходитъ рѣка Токбуронъ». Этимъ послѣднимъ именемъ въ томъ же сочиненіи называется Яркендъ-дарья въ части ея теченія, которую опредѣлить по его даннымъ я не берусь, по неясности изложенія и употребленію мѣстныхъ названій, отсутствующихъ на европейскихъ картахъ. «Владѣніе Вулуй» (китайскіе знаки, входящіе въ составъ изображенія этого имени, буквально значатъ «безъ грома»)—продолжаетъ то же сочиненіе—«соотвѣтствуетъ нынѣшней территоріи Каракуръ, Пули—нынѣшнему Селекуръ, Инай—территоріи Ингашара. Но теперь рѣки проходятъ всѣ на югѣ отъ этихъ странъ. Это происходитъ или отъ того, что нѣкоторыя древнія рѣки перемѣнили свое ложе, или отъ того, что авторъ «Книги водъ» ограничился указаніемъ столицъ странъ, которыя онѣ пересѣкали. Отсюда и происходятъ небольшія несоотвѣтствія между древними и новыми мѣстностями» [2]). Въ томъ же со-

выхъ горохъ, въ 600 ли отъ Яркяна на западѣ. При дин. Хань сей городокъ принадлежалъ къ владѣнію Дэжо, а въ Троецарствіе составлялъ владѣніе Ижо".

[1]) По свѣдѣніямъ Эмбо Юара, „Шуй-цзинъ" или каноническая книга водъ есть древнѣйшій изъ существующихъ въ Китаѣ трактатовъ по гидрографіи. Первоначальная его редакція приписывается Санъ Цзиню, жившему въ началѣ христіанской эры. Сочиненіе это уже упоминается въ каталогѣ книгъ, помѣщенномъ въ „Хань-шу". Однако, нынѣшній „Шуй-цзинъ", повидимому, новѣе и относится ко времени Трехъ царствъ (см. Wylie, Notes on the Chinese Literature, p. 43). Ученый Ли Тао юань, жившій во время дин. Сѣв. Вэй (386—532 г.), написалъ къ этой книгѣ цѣнный комментарій (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., Paris, 1881, p. 81).

[2]) Такъ какъ свѣдѣнія самихъ составителей „Цянь-Хань-шу" (исторія Старшихъ Ханей) по гидрографіи западныхъ странъ были скудны (знали они только, что по Вост. Туркестану протекаетъ рѣка, впадающая въ Пху-чанъ-хай или Соленое озеро и имѣющая два истока—одинъ изъ Цунлина, другой изъ Хотанскихъ горъ, о существованіи же Кашгаръ-дарьи, повидимому, не вѣдали; (см. вступленіе къ 96 кн. въ „Собраніи свѣдѣній", ч. 3., стр. 33 и 34, у W., p. 20 и слѣд.), то трудно думать, чтобы и „Шуй-цзинъ" ханьскихъ временъ содержала по этому предмету о томъ же отдаленномъ краѣ подробныя и основа-

чиненіи сказано, что западная вѣтвь Яркендъ-дарьи „выходитъ изъ большой горы, расположенной на востокѣ отъ Katchouk“ [1]). По изданному въ 1823 г. описанію водъ Вост. Туркестана подъ заглавіемъ „Си-юй-шуй-дао-цзи“, западная вѣтвь Яркендской рѣки выходитъ „на югѣ отъ города Ка-чу-тэ изъ большихъ горъ“ и потомъ течетъ на востокѣ отъ Сэ-лэ-кулэ, находящагося въ 800 ли на западъ отъ Яркенда и составляющаго главный центръ сообщеній съ юго-западными странами [2]). Упомянутый Ка-чу-тэ не должно смѣшивать съ сел. Ка-чунъ, которое находится въ 220 ли отъ Яркенда [3]). Въ извлеченіи изъ того же сочиненія, сдѣланномъ Химли, вмѣсто Ка-чу-тэ значится Kotschut, который, по словамъ Химли, показанъ въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“ находящимся подъ 37° сѣв. шир. и подъ 42°—43° долг. [4]).

Я полагаю, что приведенныхъ данныхъ, съ добавленіемъ немногихъ другихъ, достаточно для того, чтобы выяснить, что загадочные Арачулъ, Серлыкъ и Карчу суть Аличуръ, Сарыколъ и Кара-чукуръ, что дѣйствительное мѣстонахожденіе послѣднихъ соотвѣтствуетъ указаніямъ китайцевъ о положеніи первыхъ и что извращеніе именъ произошло вслѣдствіе трудностей и неправильностей китайской транскрипціи, случайно усилившихся во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вв., къ которымъ относится появленіе и утвержденіе въ китайской литературѣ упомянутыхъ извращенныхъ именъ.

Несовершенства и неправильности китайской транскрипціи иностранныхъ именъ происходятъ отъ неимѣнія въ китайскомъ языкѣ нѣкоторыхъ звуковъ другихъ языковъ, отъ естественнаго отсутствія письменныхъ знаковъ для сочетаній звуковъ, неупотребительныхъ въ китайскомъ языкѣ,

---

тельныя свѣдѣнія. Тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ дошедшаго до насъ „Шуй-цзина“, составленнаго въ эпоху Трехъ царствъ, когда Китай почти не имѣлъ политическихъ сношеній съ западомъ. Свѣдѣнія комментатора, V или VI в., Ли Тао юаня, можетъ быть и не лишены интереса для его времени, когда начались путешествія буддистскихъ монаховъ въ Индію, но значеніе ихъ относительно ханьскихъ временъ проблематично. Судя по цитированному отрывку о „рѣкѣ“, должно-быть яркендской, которая, можетъ быть, смѣшана съ кашгарской, можно подумать, что въ комментаріяхъ этихъ больше словъ, напыщенности, недоразумѣній и замаскированнаго невѣдѣнія, чѣмъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній. Что касается до пріуроченія составителями „Синь-цзянъ-чжи-ліо“ Вулуя или Улэя къ Каракуру, т. е. Каракулю, то надо имѣть въ виду, что, во-первыхъ, пріуроченіе это ни на чемъ ими не основано, и что, во-вторыхъ, китайскіе географы манчжурской династіи имѣли весьма сбивчивыя свѣдѣнія о Каракулѣ и смѣшивали Большой Каракуль съ Малымъ Каракулемъ: такъ р. Яманъяръ или Гезъ они выводили изъ оз. Каракуля, воображая, что это Б. Каракуль или Драконово озеро китайскихъ пилигримовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Яманъяръ вытекаетъ изъ Мал. Каракуля и съ Б. Каракулемъ не имѣетъ никакой связи.

[1]) Переводъ Ст. Жюльена въ „Nouvelles Annales des voyages et des sciences géographiques, 1846, t. III, pp. 27—28.

[2]) „О бассейнѣ Лобъ-нора“ В. М. Успенскаго, стр. 116, въ „Зап. И. Р. Геогр. Общ, по отд. этногр.“, т. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 118.

[4]) „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1882, B. 17, S. 406.

отъ разнообразія пріемовъ для передачи именъ подходящими китайскими звуками и знаками и отъ отбрасыванія слоговъ и звуковъ длинныхъ иностранныхъ именъ. Обративъ вниманіе на явную для него, какъ для манчжура, неправильность транскрипціи манчжурскихъ и другихъ иноязычныхъ именъ въ китайской письменности, императоръ, именуемый по названію его правленія Цянь-Луномъ, приказалъ составить правила для правильной транскрипціи иностранныхъ именъ, которыя, между прочимъ, помѣщены и въ изданномъ по его повелѣнію шестиязычномъ географическомъ лексиконѣ „Си-юй-тунъ-вынь-чжи“ [1]). Правила эти уже примѣнены въ „Си-юй-ту-чжи“ и позднѣйшихъ китайскихъ сочиненіяхъ, но въ первые, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ отчасти послужили къ еще большему извращенію транскрипціи иностранныхъ именъ, такъ какъ китайскіе писатели, иностранныхъ языковъ не знающіе, въ стараніи своемъ соблюдать предписанныя правила, весьма часто впадали въ ошибки, особенно относительно звуковъ л и р. Послѣдняго въ китайскомъ языкѣ въ сущности нѣтъ, а потому онъ передавался посредствомъ, всего чаще, звука л. Теперь, въ виду правила о непремѣнномъ изображеніи звука р, китайскіе писатели не только замѣняли л посредствомъ р, гдѣ этотъ звукъ имѣлся въ иностранномъ словѣ, но часто помѣщали р и тамъ, гдѣ въ чужомъ словѣ былъ звукъ л.

Аличуръ — рѣка, впадающая въ оз. Ѣшиль-куль, и долина ея — есть мѣстность, весьма памятная въ исторіи завоеванія Вост. Туркестана и укрѣпленія китайской въ немъ власти, такъ какъ здѣсь въ августѣ 1759 г. китайскія войска, подъ начальствомъ ген. Фудэ, догнали утекавшихъ изъ Кашгаріи ходжей, владѣвшихъ страною и боровшихся съ Китаемъ за ея независимость; Фудэ нанесъ тутъ бѣглецамъ окончательное пораженіе, послѣ котораго ходжи лишь съ немногими приверженцами успѣли добраться до Бадахшана. Фудэ, однако, преслѣдовалъ ихъ и тамъ, настоятельно требовалъ ихъ выдачи и не мало способствовалъ этимъ печальному концу обоихъ ходжей, которые были убиты, а тѣла ихъ въ разное время доставлены китайцамъ. Въ донесеніи императору о пораженіи ходжей на Аличурѣ мѣстность эта названа была Альчуръ (Altchour), какъ видно изъ современнаго миссіонерскаго сообщенія [2]). Позднѣе въ орографической части «Си-юй-ту-чжи» Аличуръ оказывается уже въ транскрипціи Арчуръ (Artchour) [3]), а въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», при пріуроченіи къ этой мѣ-

[1]) См. свѣдѣнія, сообщенныя Ст. Жюльеномъ въ „Journal asiatique“, 1846, t. VIII, p. 230.

[2]) Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin, Paris, 1776, t. I, p. 393. У Mailla (Histoire générale de la Chine, Paris, 1780, t. XI, p. 572) имя это оказывается уже въ формѣ Ачуръ (Atchour).

[3]) „Гора Кошику-чукъ, прежде произносившаяся Куосъ Кулукъ, расположена въ срединѣ Цунлина, въ 100 ли на востокъ отъ Арчуръ“ (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, 1881, p. 108).

Собственно это не гора, а перевалъ, судя по полному названію въ текстѣ

стности древняго владѣнія Улэй, уже въ формѣ Арачулъ. Хотя долина Аличуръ въ дѣйствительности, по новѣйшимъ картамъ, находится между 37°40′ и 37°50′ сѣв. шир., а не подъ 39°, какъ значится въ указанномъ Wylie китайскомъ атласѣ, и отстоитъ отъ Янги-хиссара на западъ не на два градуса долготы, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ Wylie китайскихъ показаній (р. 32), а по крайней мѣрѣ на два градуса съ половиною, однако такія неточности въ китайскихъ опредѣленіяхъ положенія Аличура-Арачула нисколько не удивительны, такъ какъ въ спискахъ опредѣленныхъ миссіонерами пунктовъ Аличура-Арачула не имѣется, собственныя же опредѣленія китайцевъ весьма часто ошибочны.

Засимъ значащійся въ спискѣ миссіонерскихъ опредѣленій конца 1750-хъ годовъ подъ 37°48′ сѣв. шир. и 42°24′ зап. долг. отъ Пекина Selekoueulh [1]), а также Селекуле, Селекуръ, Саиркуль вышеуказанныхъ китайскихъ сочиненій, есть, несомнѣнно, Сарыколъ или Ташкурганъ европейскихъ путешественниковъ и картъ, а равно, по всей вѣроятности, Сэрлыкъ китайскихъ пріуроченій владѣнія Пули, такъ какъ Сэрлыкъ-Пули помѣщаются именно на мѣстѣ Сарыкола-Ташкургана. Наконецъ Hatchoule миссіонерскихъ опредѣленій, показанный подъ 37°11′ шир. и 42°32′ долг. [2]), а также Качутъ, Качутэ, Кочутъ, Каршу, Карчу, Гарчу, Качукъ разныхъ китайскихъ источниковъ и переводовъ, признаю я вѣроятнѣйшимъ считать за китайскія транскрипціи имени р. Кара-чукуръ и относить къ тѣмъ остаткамъ старинныхъ построекъ, которыя Б. Л. Громбчевскій нашелъ на урочищѣ Базара. Если сличать іезуитскія опредѣленія для Selekoueulh подъ 37°48′ шир. и 42°24′ зап. долг. отъ Пекина и Hatchoule подъ 37°11′ шир. и 42°32′ зап. долг. отъ Пекина съ дѣйствительнымъ положеніемъ Ташкургана и Базара по новѣйшимъ картамъ, именно по «Картѣ путешествій

и на картѣ—„Куши-кучукъ-д а б а“, такъ какъ монгольское д а б а, д а б а нъ значитъ перевалъ. Дѣйствительное имя должно быть Кушъ или Кошъ-кучукъ. Подходящее имя и находится, верстахъ въ 30—40 отъ Чатыръ таша (въ восточномъ концѣ долины Аличуръ) на югѣ, отъ средины же долины Аличура на Ю. В. В., въ названіи перевала Кукъ-джигитъ (такъ на картѣ путешествій подп. Громбчевскаго) или Куджигитъ (у кап. Путяты и др.), въ которомъ можно видѣть позднѣйшую передѣлку прежняго Кушъ-кучукъ. Разумѣется, это съ моей стороны лишь догадка. „Си-юй-ту-чжи“ цитируетъ изъ „Исторіи династіи Танъ“ слѣдующее: „Идя на юго-западъ отъ Сулэ, входятъ въ долину Jenn mo и видятъ гору Pou jenn“. Это приводится, вѣроятно, изъ географической части „Танъ-шу“, переводовъ которой не имѣется. По поводу этой цитаты составители „Си-юй-ту-чжи“ разсуждаютъ: „Древнее Сулэ есть Кашгаръ нашего времени. Если идти отъ Кашгара на юго-западъ, то встрѣчается рядъ горъ. Кошъ-кучукъ есть самая высокая изъ нихъ. Что касается долины Женьмо и горы Пужень, то онѣ должны быть отсюда близко“. Очевидно, разыскать долину Женьмо и долину Пужень составители описанія западнаго края были не въ состояніи. О положеніи перевала Кушъ-кучука, однако, они должны были имѣть свѣдѣнія или могли имѣть, такъ какъ, по ихъ словамъ, въ этой мѣстности, въ 1759 г., ген. Минъ Жуй разбилъ какое-то непріятельское войско. За подробностями они отсылаютъ къ 17 книгѣ своего сочиненія, но перевода этой книги, сколько извѣстно, не имѣется.

[1]) Histoire générale de la Chine etc., par Mailla, Paris, 1780, t. XI, p. 575.

[2]) Тамъ же.

подп. Громбчевскаго», изд. въ 1895 г., то приблизительно оказываются: Ташкурганъ подъ 37°48′ шир. и 44°50′ долг. отъ Пулкова и ур. Базаръ подъ 37°11′ шир. и 45°2′ долг. отъ Пулкова.

Слѣдовательно, широты сходятся въ точности, несоотвѣтствіе же долготъ, которыя, впрочемъ, у миссіонеровъ большею частью удаляются отъ точности, объясняется ошибочнымъ показаніемъ Сарыкола-Ташкургана на 8′ восточнѣе Хачутъ-Базара, тогда какъ онъ на дѣлѣ на 12′ западнѣе. Въ объясненіе опредѣленія пункта на Кара-чукурѣ можно допустить, что около 1759 г.,—когда миссіонеры, по желанію императора, производили астрономическія опредѣленія въ Кашгаріи, — на Кара-чукурѣ, въ нынѣшнемъ урочищѣ Базара, находилось небольшое селеніе, въ которомъ проживали сарыкольцы, занимавшіеся скотоводствомъ въ долинахъ Кара-чукура и Мазара, ведя и торговлю съ окрестными кочевниками, между прочимъ и съ памирскими, а потому собиратели свѣдѣній для описанія недавно покоренныхъ странъ и производители астрономическихъ опредѣленій, бывшіе въ Ташкурганѣ-Сарыколѣ, сочли нужнымъ опредѣлить точнымъ образомъ и географическое положеніе самаго западнаго и ближайшаго къ границѣ осѣдлаго пункта китайскихъ владѣній на Кара-чукурѣ, который въ китайской транскрипціи обратился въ Качукъ и Карчу.

Выяснивъ такимъ образомъ, что загадочные Сэрлыкъ и Арачулъ суть Ташкурганъ и Аличуръ, мы можемъ теперь обсудить правильность китайскихъ пріуроченій цзыхэскихъ владѣній. Основанія ихъ въ точности намъ неизвѣстны, но, по примѣру пріуроченія Уча къ Бадахшану, можно полагать, что пріуроченія эти вытекли изъ попытокъ примѣненія ханьскихъ данныхъ о положеніи и разстояніяхъ къ дѣйствительнымъ географическимъ даннымъ, которыми обладали китайцы манчжурской династіи о западной части Кашгаріи, Памирѣ и прилегающихъ странахъ. Пріуроченіе Сіѣ и Цзыхэ къ Юлъарыку и Кокъяру можетъ имѣть нѣкоторое основаніе въ указаніи „Хань-шу“ на то, что Сіѣ „на востокѣ смежно“ съ Пишанью (стр. 46, р. 31). Противъ помѣщенія Иная въ горы на западѣ отъ Янгихиссара и Улэя на Аличурѣ, вообще на Памирѣ, ханьскія данныя не представляютъ препятствій. Напротивъ, пріуроченіе Пули къ Ташкургану непримиримо съ ханьскими указаніями. Такъ по „Хань-шу“ Пули, находясь на западѣ отъ Согюя-Яркенда, было смежно съ Сіѣ и Цзыхэ на югѣ: между тѣмъ Ташкурганъ—Сарыколъ лежитъ не на сѣверѣ отъ Юлъарыка и Кокъяра, а на западѣ или юго-западѣ; если бы Пули находилось въ Ташкурганѣ, то разстояніе отъ него до Улэя-Аличура не могло составлять 540 ли, какъ значится въ „Хань-шу“, а было бы значительно меньшимъ и никакъ не равнялось бы съ разстояніемъ до Согюя-Яркенда, показаннымъ тоже въ 540 ли, и съ разстояніемъ до Сулэ-Кашгара, опредѣленнымъ въ 550 ли; при помѣщеніи Пули въ Ташкурганѣ жители его не могли бы получать хлѣбъ для своего продовольствія изъ Согюя-Яркенда

(стр. 47, р. 32) вслѣдствіе большой дальности и трудности горныхъ сообщеній, да не имѣли бы въ этомъ и надобности, ибо долины Ташкургана, Вача, Туна и др. могли доставить его населенію нужный хлѣбъ въ избыткѣ.

Помѣщеніе Пули въ Ташкурганъ было у китайскихъ географовъ слѣдствіемъ ошибочнаго пріуроченія ими Уча къ Бадахшану, при чемъ и пришлось посадить Пули въ Сарыколъ, дабы столь обширная и одаренная большими удобствами для человѣческой жизни страна не оставалась впустѣ. Такъ какъ въ дѣйствительности Уча находилось въ долинѣ Вача и сосѣднихъ, то ханьское Пули, лежавшее на сѣверѣ отъ Уча-Сарыкола, должно было занимать, приблизительно, бассейнъ верховьевъ р. Кинкола, а Инай— бассейнъ р. Кара-таша. О смежности Пули съ Уча „Хань-шу“ молчитъ и, напротивъ, указываетъ на смежность Иная и самого Пули на югѣ (стр. 46—47, р. 32) съ Цзыхэ: отсюда слѣдуетъ, что земли Цзыхэ протягивались на западъ къ сѣверу отъ Уча не только за Тизнафъ, но и за Яркендъ-дарью, дабы быть смежными на сѣверѣ съ Пули и затѣмъ съ Инаемъ. При этомъ было бы выполнено, между прочимъ, и указаніе „Хань-шу“ относительно нефрита: „въ цзыхэской землѣ находится нефритъ“ (стр. 46, у Wylie, p. 32, съ добавленіемъ „и другіе драгоцѣнные камни“); такъ какъ нефритовыя копи находятся въ бассейнѣ Тизнафа и притока Яркендъ-дарьи Азгансала [1]), то бассейны эти должны были входить въ составъ земель Сіѣ и Цзыхэ. При нахожденіи Пули въ бассейнѣ Кинкола и сосѣднихъ земляхъ, оно, вполнѣ согласно съ ханьскими указаніями, лежало на западѣ отъ Согюя-Яркенда, на югѣ отъ Сулэ-Кашгара, на востокѣ отъ Улэя-Аличура, на сѣверѣ отъ Уча-Сарыкола, и смежно было на югѣ съ Цзыхэ. Также въ полномъ согласіи съ ханьскими указаніями, Инай въ бассейнѣ Кара-таша имѣлъ на сѣверѣ Сулэ-Кашгаръ, на югѣ былъ смеженъ съ землями Цзыхэ, и удобно могъ получать хлѣбъ, по недостатку его на собственныхъ пашняхъ, изъ Сулэ и Согюя. Наконецъ, кочевники Улэя, численностью своею въ 1 т. сем. и 7 т. душъ въ нѣсколько разъ превышавшіе нынѣшнее кыргызское населеніе Памира и верховьевъ Гези, несомнѣнно занимали весь Памиръ и доступныя съ него для пастьбы скота части Шигнана и Вахана. Долина Аличура, по центральности положенія на Памирѣ и по богатству пастбищъ, особенно при

[1]) О нефритовыхъ мѣсторожденіяхъ въ этихъ мѣстахъ см. „Труды Тибетской эксп. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова“, часть 2. „Геологическія изслѣдованія въ Вост. Туркестанѣ“ К. И. Богдановича, Спб., 1892 г., стр. 17, 18 и др. Есть также не лишенныя интереса свѣдѣнія въ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго. Въ описаніи владѣнія Согюй сказано: „Здѣсь есть желѣзная гора, производящая зеленоватый нефритъ“ (стр. 62, у Wylie, p. 47, blue jade). Такъ какъ ни разстоянія этой горы отъ Яркенда, ни иныхъ указаній объ ея положеніи въ „Хань-шу“ не дано, о нахожденіи же нефритовыхъ копей въ прилегающихъ непосредственно къ тогдашней яркендской территоріи горахъ свѣдѣній нѣтъ, то можно думать, что гора эта и нефритовыя залежи находились не на собственной территоріи Согюя, а въ цзыхэскихъ земляхъ.

большемъ въ то время количествѣ атмосферной влажности, была подходящимъ мѣстомъ для лѣтняго пребыванія старѣйшины улэйскихъ номадовъ. Занимая Памиръ съ частями Вахана и Шигнана, Улэй, согласно съ «Хань-шу», находился на югѣ отъ Пули и былъ смеженъ на югѣ съ Уча-Сарыколомъ, на сѣверѣ съ Гюаньду и на западѣ съ Б. Юечжы [1]).

Итакъ Памиръ и прилегающія къ нему на востокѣ горныя страны,— за исключеніемъ долинъ ташкурганской, учійской и тунской, составлявшихъ особое владѣніе Уча,—были въ предшествовавшемъ Р. Х. столѣтіи заняты кочевымъ народомъ цзыхэскимъ, не принадлежавшимъ къ тюркскому племени, а ближе стоявшимъ къ кянамъ или тибетцамъ. Этимъ, установленнымъ на основаніи свѣдѣній «Хань-шу», фактомъ я пока и ограничусь, отлагая обсужденіе всего остального относительно этого цзыхэскаго народа до изложенія извѣстій, касающихся его, изъ исторій позднѣйшихъ династій, совокупность которыхъ дастъ большую возможность къ обстоятельному разсмотрѣнію.

Теперь же обратимся къ свѣдѣніямъ «Хань-шу» о занимавшихъ непосредственно прилегающія къ Памиру страны съ сѣвера кочевникахъ сэйскаго племени.

---

[1]) Такъ въ переводѣ о. Іакинфа, „Собр. свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 47. У Wylie смежность Улэя съ Б. Юечжы отсутствуетъ, и съ Гюаньду Улэй сосѣдитъ не только на сѣверѣ, но и на западѣ. Но послѣдняго, какъ увидимъ ниже при выясненіи положенія Гюаньду, быть не могло, а потому въ переводъ англійскаго ученаго вкрались здѣсь недоразумѣніе или ошибка.

Наиболѣе удачно до сихъ поръ произвелъ пріуроченія цзыхэскихъ владѣній В. В. Григорьевъ, хотя онъ располагалъ лишь весьма еще въ его время неудовлетворительными картами. Именно, Цзыхэ и Сіѣ помѣщалъ онъ на Яркендъ-дарьѣ и Тызнафѣ около Якрыка и Кукъяра. Уто отождествлялъ съ Ташкурганомъ—Сарыколомъ, Пули намѣчалъ въ верховьи долины р. Чарлына около Кургани-Тагарма, Улэй—въ верховьи р. Япуара, и Инай въ долинѣ Чаганъ-усу—все по картѣ Walker'a („Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 36 и 37). На нынѣшнихъ картахъ рѣкъ Япуара и Чаганъ-усу не имѣется. Изъ нихъ Чаганъ-усу попала на прежнія карты, въ томъ числѣ и на карту Уокера, изъ Carte de l'Asie centrale Клапрота, взявшаго ее у китайскихъ географовъ; она должна соотвѣтствовать р. Кара-ташу или р. Кинколу нынѣшнихъ европейскихъ картъ. Что касается Япуара, то это имя, повидимому соотвѣтствующей Яманъяру китайцевъ рѣки, заимствовано вмѣстѣ съ другими вымыслами англійскими картографами, начиная, кажется, съ Арроусмита, изъ проданныхъ Клапротомъ за 1 т. гиней въ британское министерство иностранныхъ дѣлъ копій донесенія посланнаго будто бы въ 1801 г. императоромъ Павломъ изъ Семипалатинска на индійскую границу агента и приложенныхъ къ этому донесенію картъ и чертежей; копіи такихъ же документовъ оказались доставленными и русскому правительству въ качествѣ донесенія посылавшагося Остъ-индской компаніей въ Кашгаръ и другія мѣстности Средней Азіи агента. Находившіеся въ русскомъ военномъ министерствѣ документы для картографическихъ цѣлей, повидимому, не употреблялись, но изданіе ихъ М. И. Венюковымъ въ 1861 и 1862 гг., въ качествѣ освѣщающихъ географію Памира данныхъ, послужило въ Англіи поводомъ для обнаруженія подлога. См. по этому предмету „Зап. И. Р. Геогр. Общ.“, 1861 г., кн. 2, стр. 139—168, 1862 г., кн. 2, стр. 1—25 (статьи М. И. Венюкова), Proceedings of R. Geographical Society, vol. XIII, 1869, p. p. 20, 21, а также 1866, № VI, p. 301 и слѣд., Journal of the R. G. S., vol. 42, 1872, p. p. 473—481, 482—484 (статьи Юля и Роулинсона).

4. Владѣнія Гюаньду и Хюсюнь и тюркское племя сэ, сага или сака.

Въ статьяхъ Гюаньду и Хюсюнь [1]), помѣщенныхъ въ I части 96 книги послѣ описанія Давани (Ферганы), содержатся слѣдующія свѣдѣнія: «Отъ Сулэ (Кашгара) на югъ около Луковыхъ горъ (Цунлинъ) мѣста необитаемы, но при подъемѣ на упомянутыя горы съ западной стороны лежитъ Хюсюнь» («Собраніе свѣдѣній», стр. 62, у Wylie, p. 47: To the south is the inhabited region of the Tsung-ling mountains. Ascending the Tsung-ling mountains on the west is Heu-tun). «Правленіе хюсюньскаго владѣтеля въ долинѣ Уфэй (Meaou-fei), по западную сторону Луковыхъ горъ, отъ Чанъ-анъ въ 10.210 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 358 сем., изъ 1.030 д.; строевого войска 480 чел. На востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 3.121, до долины Яньдунь (Yen-tun) въ Гюаньду (у Wylie добавлено in the same direction) 260, на сѣв.-западъ до Давани 920, на западъ до Б. Юечжы 1.610 ли. Обыкновенія и одѣяніе сходны съ усуньскими. Хюсюньцы перекочевываютъ съ своимъ скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ. Они составляютъ отрасль древнихъ Сэсцовъ» (They are originally one of the old Sae tribes). О Гюаньду (Kouen-tûh): «Правленіе... владѣтеля въ долинѣ Яньдунь, отъ Чанъ-анъ въ 9.860 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 380 сем., 1.100 д ; строевого войска 500 чел. На востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 2.861 ли... На сѣв.-западъ до Давани 1.030 ли. На сѣверѣ смежно съ Усунемъ. Одѣяніе жителей походитъ на усуньское. Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ; держатся около Луковыхъ горъ. Составляютъ отрасль Сэсцовъ» (стр. 61, 62, Wylie, p. p. 46—7). Изъ этихъ свѣдѣній должно заключить, что владѣніе Хюсюнь находилось около Оша или скорѣе около Гульчи (4.880 ф. н. ур. м.), «при подъемѣ» на Цунлинъ «съ западной стороны», а Гюаньду занимало земли на востокѣ отъ Хюсюня, такимъ образомъ, что долина Яньдунь приходилась въ 260 ли или верстахъ въ 100 отъ долины Уфэй, слѣдовательно приблизительно около Улугчата (7.620 ф.) [2]). Разумѣется, номады Хюсюни и Гюаньду въ

[1]) Въ переводѣ тѣхъ же статей, цитированныхъ въ „Си-юй-ту-чжи“, у Эмбо Юара, Хюсюнь названа Chieou tounn, съ резиденціею въ долинѣ Niao fei (vol d'oiseau), а Гюаньду—Tçuann tou и въ одномъ мѣстѣ Sounn tou, съ резиденціею въ Yenn tounn (Recueil de documents etc., p. p 164, 165).

[2]) На сѣверѣ отъ Улугчата находится ущелье или долина р. Аркъ-турукъ (на картѣ путеш. Громбчевскаго Аркъ-туркъ); изъ имени Аркъ-турукъ, въ китайской транскрипціи ханьскихъ временъ, легко могло выйти Яньдунь. такъ какъ звукъ *р* часто передавался чрезъ *н*, окончанія же *къ* и *укъ* отбрасывались.— Нынѣ „около Гульчи главное становище киргизскихъ родовъ, кочующихъ на Алаѣ и Памирѣ“ (полк. Жолтановскій въ „Сборн. географ. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 57, 1894 г., стр. 416). Зимовки кочевниковъ Гюаньду могли частію находиться на Кугартѣ и Яссы, ибо, по тому же источнику, зимою „вся долина Кугарта и Яссы представляетъ рядъ сплошныхъ зимовокъ“ (тамъ же, стр. 420).

перекочевкахъ своихъ не ограничивались, особенно въ лѣтнее время, окрестностями Гульчи и Улугчата, а переходили: первые на Алай, спускаясь, можетъ быть, частію и въ Каратегинъ, вторые же въ долину Марканъ-су и на сосѣднее озеро Б. Каракуль. Признать это необходимо, потому что, по «Хань-шу», владѣніе Наньду (нынѣшній Читралъ) было смежно съ Хюсюнью на сѣверѣ [1]): конечно, перекочевки хюсюньцевъ съ Алая едва ли могли доходить до Хиндукуша, а потому вмѣсто смежности Наньду съ Хюсюнью надо предполагать лишь нахожденіе Хюсюни въ направленіи на сѣверъ отъ Наньду. Кочеваніе же гюаньдусцевъ на Марканъ-су и Каракулѣ удостовѣряется смежностью Улэя на сѣверѣ съ Гюаньду («Собр. свѣд.», стр. 47). Соотвѣтственно также предлагаемое пріуроченіе Гюанду съ смежностью этого владѣнія «съ Усунемъ»,—такъ какъ усуни занимали, между прочимъ, весь бассейнъ Нарына, стало быть въ сторонѣ Гюаньду до перевала Суокъ,—а равно и слѣдующему мѣсту ханьскаго описаніи владѣнія Юйту, занимавшаго бассейнъ нынѣшней учъ-турфанской рѣки: «На югѣ смежно съ Сулэ (Кашгаръ), но черезъ горы нѣтъ проѣзда» (у W., p. 48, but road being mountainous, renders intercourse difficult). «На западъ до Гюаньду 1.314 [2]) ли, но прямою дорогою (by a narrow path) два дня конной ѣзды». По переводу о. Іакинфа, кочевники Юйту были скотоводы, имѣвшіе одежду, сходную съ усуньскою (стр. 64); къ этому въ переводѣ Wylie добавлено, что кочевники Юйту имѣли и пашни (p. 48). Безспорно, добрый джигитъ безъ труда доѣдетъ съ Аксая (вершина Учъ-турфанской рѣки) до Улугчата въ два дня, на хорошихъ же лошадяхъ, о дву-конь, вѣроятно, возможно во столько же времени проѣхать до Улугчата и съ Тушканъ-дарьи (названіе той же рѣки по выходѣ Аксая изъ горныхъ тѣснинъ въ долину).

Составители «Си-юй-ту-чжи», на основаніи ханьскихъ свѣдѣній о нахожденіи Хюсюни и Гюаньду между Даванью и Сулэ въ Цунлинѣ, пришли къ заключенію, что владѣнія эти должны были помѣщаться въ земляхъ западныхъ бурутовъ, т.-е. кара-киргизовъ нынѣшней Ферганской обл., но опредѣленныхъ пріуроченій къ какимъ-либо мѣстностямъ не сдѣлали [3]). В. В. Григорьевъ помѣщалъ Гюаньду, «преимущественно по расположенію его на Ю.-В. отъ Давани и по сосѣдству на В. съ Юй-ту», «въ верховья р. Аратумена (текущей къ Кашгару), на В. отъ Алайской степи (по Уокеровой картѣ Туркестана)» [4]). Хюсюнь же отождествлялъ онъ съ нынѣшнимъ Каратегиномъ, не приводя основаній [5]). Съ послѣднимъ пріурочені-

---

[1]) Въ текстѣ о. Іакинфа (стр. 47) стоитъ: „на сѣверѣ съ Сюсюнію“, но у Wylie тутъ Heu-Seun (p. 33).

[2]) У о. Іакинфа 7.344 ли, но это опечатка, такъ какъ и у него въ переводѣ 1829 г., стр. 41, и у W. значится 1.344 ли.

[3]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., p. 165—167.

[4]) „Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, 1873 г., стр. 36.

[5]) Тамъ же, стр. 47.

емъ согласиться, кажется мнѣ, невозможнымъ, такъ какъ разстояніе между резиденціями правителя Хюсюни въ Каратегинѣ и правителя Гюаньду на восточной Кызылъ-су (Аратуменъ) далеко превысило бы ханьскія 260 ли. Сверхъ того, произведенное въ 658 г. однимъ изъ императоровъ династіи Танъ, переименованіе ферганскаго города Гѣсай (вѣроятно, Ахсыкетъ) въ область Хюсюнь [1]) свидѣтельствуетъ, что древнее владѣніе Хюсюнь находилось въ Ферганѣ, а не въ Каратегинѣ; ошибку здѣсь предполагать трудно, потому что въ танское время еще не успѣли такъ основательно забыть мѣстонахожденія западныхъ владѣній ханьскаго времени, какъ это произошло въ послѣдующіе за потерею Вост. Туркестана десять столѣтій.

О народѣ сэ, къ которому принадлежало населеніе Хюсюни, Гюаньду, а можетъ быть и Юйту, въ «Хань-шу» встрѣчаются слѣдующія извѣстія: а) Въ описаніи Усуни: «Первоначально сія страна принадлежала народу Сэ. Б. Юечжы на западѣ разбилъ и выгналъ сэскаго владѣтеля. Сэскій владѣтель перешелъ на югъ за Висячій переходъ; Б. Юечжы удалился на западъ и покорилъ Дахя; Усуньскій Гуньмо остался на земляхъ его: посему-то между Усуньцами находятся отрасли племенъ сэскаго и юечжыскаго» (стр. 65. У Wylie, p. 84: The inhabitants were originally Sae; but the Ta Yuê-she on the west subdued and expelled the king of the Sae; when the latter moving south, crossed the Hindukush; and the Ta Yuê-she occupied the country. At a subsequent period the Kwân-mo of Woo-sun attacked and subdued the Ta Yuê-she, who then went westward, and reduced the Ta-hea to a state of vasselage, while the Kwân-mo of Woo-sun took possession of their country. In consequence of these revolutions, the population was of mixed character, containing, beside those of Woo-sun, Sae and Ta Yuê-she elements also) [2]). б) Въ описаніи Гибини: «Когда хунны разбили Б. Юечжы, то Б. Юечжы занялъ на западѣ государство Дахя, а Сэскій владѣтель занялъ на югѣ государство Гибинь» (у W. послѣднее предложеніе: Sae moved south, and ruled over Kophen). «Сэскія племена разсѣянно живутъ, и болѣе подъ зависимостью другихъ. Отъ Кашгара на сѣверо-западѣ Хюсюнь и Гюаньду суть потомки древнихъ Сэсцовъ» (стр. 48, у Wylie, p. 34: The Sae were scattered, and at times formed several kingdoms. North-west of Soo-lih the Heu-seun,

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, 1851 г., стр. 252.

[2]) Imbault Huart далъ слѣдующій переводъ цитированныхъ въ „Си-юй-тучжи“ тѣхъ же мѣстъ „Хань-шу“: Les Ou sounn occupaient primitivement le territoire de Saï. Le roi de Saï, battu et refoulé à l'ouest par les grands Yué ti, traversa les Passages suspendus, tandis que les vainqueurs s'établissaient sur son territoire. Dans la suite le Kounn mi des Ou sounn battit les grands Yué ti qui, se retirant vers l'ouest, soumirent le Ta chia; le Kounn mi des Ou sounn s'établit sur le territoire des grands Yué ti (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., p. 159). Въ этомъ переводѣ или въ цитатѣ первая фраза передана ошибочно.

Keuen-tûh, and consanguineous nations are all descendan ots of the ancient Sae) [1]).

Приведенныя китайскія извѣстія, не столь, конечно, подробныя, какъ этого можно бы желать для выясненія происходившихъ въ Средней Азіи во II в. до Р. Х. событій, достаточно однако ясны, сообщая, что занимавшій западный Тяньшань народъ сэ, вслѣдствіе нашествія юечжей, изгнанныхъ хуннами изъ принадлежавшихъ имъ земель, вынужденъ былъ оставить свою страну и разсѣяться по разнымъ мѣстамъ, но при этомъ значительная его часть направилась чрезъ Висячій переходъ на югъ и овладѣла Гибинью. Къ сожалѣнію, первый синологъ-историкъ, воспользовавшійся извѣстіями китайской исторіи для освѣщенія прошлаго Средней Азіи, де-Гинь, вслѣдствіе недостаточности и смутности современныхъ ему свѣдѣній о географіи внутренней Азіи и подъ вліяніемъ извѣстій Страбона и другихъ классическихъ писателей о разрушеніи греко-бактрійскаго цар-

[1]) Abel Rémusat перевелъ это мѣсто описанія Гибини (не по подлиннику „Хань-шу“, а по сборнику или энциклопедіи Матуаньлиня) такъ: Anciennement les Hioung-nou ayant défaits les grands Youei-chi, ceux-ci se portèrent à l'ouest pour habiter chez les Ta-hia (Dahae); et le roi des Sai vint au midi demeurer dans le Ki-pin; les tribus des Sai se divisèrent et se dispersèrent de manière á former ça et là différents royaumes. Depuis Sou-le (Kaschghar?) au nord-ouest, toutes les dépendances de Hieou-siun et Siun-tou (Sind) sont habitées par d'anciennes tribus Sai (Nouveaux mélanges asiatiques etc., par M. Ab. Rémusat, Paris, 1829, t. I, p. p. 205—206). Тутъ я остановлюсь на чтеніи Сюньту (Синдъ) вмѣсто Гюаньду. Еще де-Гинь замѣтилъ, что китайская транскрипція имени владѣнія Kuen-to (т. е. Гюаньду о. Іакинфа, Keuen-tûh у W.) имѣетъ большое сходство съ транскрипціей имени Индіи, почему китайскіе писатели ихъ часто путаютъ: il est important de ne pas les confondre (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. LXXXIII). Между тѣмъ Аб. Ремюза въ 1820 г. прочелъ у Матуаньлиня вмѣсто Гюаньду Yun-tou и нашелъ во владѣніи этомъ вмѣсто сэйцевъ индусовъ, тѣхъ самыхъ nomades Indiae, которыхъ поминаетъ Плиній (Recherches sur les langues tartares, par Ab. Rémusat, t. I, Paris, 1820, p. 288). Въ 1825 г. онъ заставлялъ сэйцевъ, побѣжденныхъ юечжійцами á se retirer dans le pays des Hiai-tou, tribu d'Hindous, établie dans la Tartarie (Mémoires sur plusieurs questions relatives à la Géographie de l'Asie centrale, Paris, 1825, p. 115). Еще въ большее заблужденіе впалъ Карлъ Фридрихъ Нейманъ, прочитавшій вмѣсто Гюаньду Yentu и принявшій описаніе маленькой кучки сэйскихъ кочевниковъ, отставшихъ отъ своего народа въ Цунлинѣ, за описаніе Индіи (Zeitschrift für die historische Theologie, B. 3, zweites Stück, Leipzig, 1833, s. s. 134—135). Корень всѣхъ этихъ заблужденій заключается, повидимому, въ слѣдующемъ комментаріи китайскаго ученаго VII вѣка Яня Шыгу, приведенномъ у Матуаньлиня: „Youen-tou есть то же самое, что Chin-tou (Индія); выраженіе sai-tchong (у Іакинфа „отрасль сэйцевъ“) есть то же самое, что chi-tchong (Сакьямуни, изъ рода сакія); тутъ небольшое измѣненіе звуковъ, имени chi въ saï“ (переводъ St. Julien въ Journal asiatique, 1847, t. X, p. 93). Принадлежность Будды къ роду сакія давно извѣстна и подтвердилась надписью на одномъ сосудѣ, найденномъ въ 1898 г. въ мѣстѣ погребенія останковъ Будды (см. Journal of R. Asiatic Society, 1898, p. p. 388, 588), и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что сэйцы ханьской исторіи суть саки персовъ и индійцевъ, но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, что названіе земли части остатковъ сэйцевъ въ Цунлинѣ слѣдуетъ читать не Гюаньду, а Шеньду, Сюньду или Инду; сверхъ того хорошо извѣстно, что индійцы не признавали саковъ единоплеменниками своими, а причисляли ихъ къ м л е ч а, инородцамъ.—Не менѣе неудачно А. Ремюза смѣшивалъ имя Хюсюни (Hieou-siun) съ именемъ народа усуньскаго (Ou-siun), увѣряя безъ всякихъ основаній, что китайцы давали усунямъ до Р. Х. имя Hieou-siun (Mémoires sur plusieurs questions etc., Paris, 1825, p. 96).

ства саками, имя которыхъ было сходно съ китайскими сэ, ошибочно пріурочилъ Гибинь къ Согдіанѣ и заставилъ этимъ способомъ саковъ-сэ (или su, какъ писалъ де-Гинь) разрушить греко-бактрійское царство [1]). Весьма много сдѣлавшій для этнологіи и исторіи Средней Азіи Клапротъ изобразилъ переселеніе сэйцевъ въ такомъ видѣ, что вытѣсненный «съ береговъ р. Или» юечжійцами «народъ szü» удалился въ Трансоксіану, гдѣ напалъ на бактрійскихъ грековъ и разрушилъ ихъ царство» [2]). Неправильность помѣщенія Гибини въ Согдіану указана была Абелемъ Ремюза, но съ этой поправкой, благодаря авторитету Дегиня и Клапрота, а также долгому отсутствію перевода 96 книги «Хань-шу» на зап.-европейскіе языки, ихъ теорія такъ утвердилась, что и теперь еще господствуетъ въ европейской наукѣ. Еще въ 1872 г. В. В. Григорьевъ [3]) и нѣсколько лѣтъ позже Альфредъ фонъ-Гутшмидъ [4]), основываясь на переводахъ о. Іакинфа [5]), выяснили, что ханьскіе сэйцы прошли въ Гибинь чрезъ Памиры и Висячій переходъ [6]), а не чрезъ Согдіану и Бактріану;

---

[1]) Histoire de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres avec les Mémoires de litterature, tirés de registres de cette Académie, t. XXV, Paris, 1759, p. p. 26, 27 etc., а также Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. p. 41, 42 etc.

[2]) Tableaux historiques de l'Asie etc., par J. Klaproth, Paris, 1826, p. p. 132, 133 etc.

[3]) „Изслѣдованіе о скиѳскомъ народѣ Сакахъ“ въ „Трудахъ Восточн. Отдѣл. И. Р. Археол. Общ.“, С-Пб., 1872 г., ч. 16, стр. 234 и др.

[4]) Geschichte Iran's und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tübingen, 1888, S. 59 и слѣд. Эта книга есть нѣмецкій оригиналъ статьи, напечатанной въ Enciclopaedia Britannica въ концѣ 70-хъ годовъ.

[5]) Переводы эти были извѣстны частію Гутшмиду изъ перевода съ русскаго на нѣмецкій языкъ, сдѣланнаго Шоттомъ изъ „Описанія Чжуньгаріи“ и пр. для Риттера, который помѣстилъ его въ своемъ Erdkunde, VII. Th., 3. Buch., s. s. 613—628.

[6]) За недостаткомъ въ его время обстоятельныхъ свѣдѣній о Памирѣ и путяхъ чрезъ него къ Кабулъ-дарьѣ и Индіи, Гутшмидъ пріурочилъ Висячій переходъ къ тому проходу около оз. Ѣшиль-куля, который упоминается въ донесеніи Фудэ о преслѣдованіи ходжей послѣ пораженія ихъ на Аличурѣ (у Mailla, Hist. génér. de la Chine, XI, p. 572). Вмѣстѣ съ тѣмъ Гутшмидъ полагалъ, что сэйцы шли изъ Тяньшаня на Памиръ чрезъ Учъ-Турфанъ и Кашгаръ, за Хиндукушемъ же держали путь чрезъ Читралъ. При отсутствіи по этому предмету историческихъ свѣдѣній и основываясь преимущественно на имѣющихся къ настоящему времени различныхъ свѣдѣніяхъ о природѣ и путяхъ по Тяньшаню и Памиру, я думаю, что слѣдовавшая съ своимъ „владѣтелемъ“ часть сэйцевъ, въ числѣ 30—50 т. кибитокъ, уходила отъ юечжей съ Иссыкъ-куля чрезъ Нарынъ на Алай и Памиръ многими путями, но лежащими все западнѣе Учъ-Турфана и Кашгара. Многими же дорогами шли сэйцы и чрезъ Памиръ, но главная масса ихъ должна была болѣе или менѣе слѣдовать на Памирѣ легчайшимъ направленіемъ по долинѣ Аксу и затѣмъ Мал. Памиромъ и далѣе по Ваханъ-дарьѣ до прохода Барагильскаго и за нимъ по долинѣ Ярхуна на Пенджкору, Сватъ и Пишаверъ. Таково должно бы быть направленіе дороги главной массы, но болѣе или менѣе значительныя части сэйцевъ, для удобствъ подножнаго корма ихъ стадъ, безъ сомнѣнія шли разными побочными путями, какъ по Памиру, такъ и далѣе, переваливая, быть-можетъ, въ Читралъ болѣе западными перевалами и пользуясь дорогою по долинѣ Турихо, соединяющеюся съ Ярхунской ниже Мастуджа.

однако, даже такіе извѣстные ученые, какъ баронъ Рихтхофенъ [1]) и нумизматъ Э. Друэнъ [2]) оказались, какъ многіе другіе, продолжающими повторять ошибочное представленіе де-Гиня и Клапрота, хотя Друэну надлежало бы уже быть знакомымъ съ переводомъ Wylie, 1880 и 1881 гг., и съ книгою Гутшмида.

Умолчаніе «Хань-шу» объ этнической группѣ, къ которой принадлежалъ сэйскій народъ, при указаніи, что сосѣдившіе съ сэйцами Гюаньду цзыхэсцы не были тюрками (ху), а близки были къ тибетцамъ, даютъ основаніе заключить, что сэйцы были народомъ тюркскимъ. Подтверждаютъ это не только сходство одежды и обычаевъ цунлинскихъ сэйцевъ съ усуньскими, отмѣченное въ «Хань-шу», но и самое нахожденіе сэйскаго народа, въ ханьское время, въ западномъ Тяньшанѣ, въ ряду тюркскихъ народовъ, занимавшихъ въ то время всю среднюю Азію отъ Байкала до Аральскаго моря, начиная съ хунновъ и кончая кангюйцами или канглы [3]). Юечжи, и во время пребыванія своего у Наньшаня, не разрывали этого ряда, такъ какъ были лишь выдавшеюся на сѣверъ частью тибетцевъ, значительно смѣшавшеюся съ тюрками и вынужденною ими удалиться сначала въ Тяньшань, а потомъ на Аму-дарью. Народъ, которому китайцы съ II в. до Р. Х. давали имя сай, сэ, su, ssé, szu, sz' (у Рихтхофена), былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, передвинувшихся отъ Алтая въ бассейнъ р. Или и Нарына за многія столѣтія до Р. Х., одновременно съ кангюйцами или канглами. Его остатки уцѣлѣли на востокѣ въ лицѣ племени с а г а й на Енисеѣ и якутовъ, именующихъ себя с а х а, на Ленѣ, остаткомъ же сайцевъ Тяньшаня до нашихъ дней можно почитать кара-киргизское поколѣніе с а я к ъ, которое, по всей вѣроятности, является одною изъ тѣхъ «отраслей» или родовъ, которые находились въ ханьское время «между усуньцами», безъ сомнѣнія на Нарынѣ, гдѣ саяки кочуютъ и теперь. Возможно также, что имя сай, первоначально саха, сага, было источникомъ имени саковъ, какъ персы звали всѣхъ кочевниковъ, обитавшихъ на сѣверныхъ границахъ Ирана, подобно тому, какъ греки называли скифами всѣхъ сѣверныхъ кочевниковъ, какому бы племени—ин-

[1]) China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeten Studien, von Ferdinand Freiherrn von Richthofen, Berlin, 1877, Erster B., S. 448.

[2]) „По современнымъ китайскимъ историкамъ, въ 168 г. до Р. Х., юечжи, выгнанные хуннами изъ Khan-si (?), перешли Яксартъ, проникли въ Согдіану, потомъ въ Бактріану, откуда прогнали ssé'йцевъ", и т. д. (Remarques sur les monnaies frappées dans les prémiers siècles de notre ère par les princes touraniens, par E. Drouin, въ Journal asiatique, 1891, t. XVI, p. 145), „Безполезно припоминать здѣсь извѣстную со времени де-Гиня исторію прибытія Юечжи въ Согдіану, откуда они прогнали ssé или саковъ" и т. д. (Mémoire sur les Huns—Ephthalites dans leurs rapports avec les rois perses sassanides, par E. Drouin, въ Le Muséon, 1895, t. XIV, p. 141).

[3]) Въ „Замѣткахъ объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей", Спб., 1897 г., мною сдѣланъ краткій очеркъ расположенія тюркскихъ народовъ ханьскаго времени на стр. 16—18.

до-европейскому, тюркскому или финскому—они ни принадлежали. Въ такомъ случаѣ персы распространили имя сэйцевъ, сага, на остальныхъ сѣверныхъ кочевниковъ потому, что именно съ ними, какъ занимавшими западный Тяньшань, всего болѣе и чаще должны были они имѣть столкновеній на границахъ Согдіаны, которая, безъ сомнѣнія, подвергалась иногда ихъ набѣгамъ. Именно сайцы были тѣмъ кочевымъ народомъ, съ которымъ долженъ былъ Александръ Великій воевать на Яксартѣ. Историки его походовъ, сохранившіе намъ лишь скудныя и смутныя этническія свѣдѣнія, называютъ этотъ народъ то скиѳами, то саками, по примѣру персовъ и въ томъ же смыслѣ, но у Квинта Курція (VII, 7, 1) приведено имя брата царя этихъ скиѳовъ или саковъ Carthasis, въ которомъ проф. Нёльдеке узналъ тюркское слово к а р д а ш, (сродный) братъ [1]). Во время похода Александра въ 327 г. до Р. Х. въ страны вверхъ по Оксу онъ сдѣлалъ, послѣ движенія въ страну Габаза, набѣгъ на саковъ (sagas pelens, у Кв. Курція), у которыхъ при этомъ отнято было много скота, такъ какъ Александръ подарилъ изъ добычи Сисимитру 30 т. головъ. В. В. Григорьевъ узналъ въ Габазѣ Кобадіанъ, саковъ же предполагалъ обитавшими въ Каратегинѣ и на Алаѣ [2]). Въ Каратегинѣ «богатыя пастбища на сѣверныхъ склонахъ хребта Петра Великаго» [3]), а потому, если въ ханьское время сэйцы Хюсюни несомнѣнно имѣли кочевки на Алаѣ, то весьма возможно, что то же самое имѣли мѣсто и два столѣтія ранѣе и что нѣкоторые роды тѣхъ же сэйцевъ-саковъ, съ которыми Александръ имѣлъ столкновенія на Яксартѣ-Танаисѣ, кочевали въ его время въ Каратегинѣ и, быть-можетъ, даже ниже по Вахшу.

Безъ такихъ кочевокъ сэйскихъ родовъ съ давняго времени трудно и объяснить, какимъ образомъ сэйскій «владѣтель» и родоначальники могли предпринять завершившееся успѣхомъ, но рискованное переселеніе чрезъ столь неудобопроходимыя страны, какъ Памиръ и южные склоны Хиндукуша. Дѣйствительно ли описываемый Птолемеемъ древній торговый путь изъ Бактръ къ серамъ шелъ чрезъ Хиссаръ и Каратегинъ къ Кашгару, какъ полагалъ Н. А. Сѣверцовъ [4]), этотъ вопросъ я буду обсуждать въ другомъ мѣстѣ, но Сѣверцовъ совершенно правильно утверждалъ, что путь чрезъ Каратегинъ былъ для торговыхъ сношеній Балха съ Вост. Туркестаномъ и Китаемъ болѣе краткимъ и удобнымъ, чѣмъ пути чрезъ Памиръ. Правда, движеніе по этому пути совсѣмъ прекращалось на зиму вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ и бурановъ, да и лѣтомъ оно было удобно

[1]) Geschichte Iran's etc., von Gutschmid, 1888. s. 2.
[2]) „Походъ Александра Вел. въ Зап. Туркестанъ“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1881 г., окт., стр. 199
[3]) Б. Л. Громбчевскій въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1891 г., стр. 99.
[4]) Bulletin de la Société de Géographie, Paris, 1890, t. XI, p. p. 417—441.

лишь для небольшихъ каравановъ [1]), но это не могло мѣшать пользоваться имъ въ лѣтнее время. Проходъ по нему, между прочимъ, могъ быть особенно выгоденъ для купцовъ потому, что на немъ, по незначительности населенія, имъ достаточно было заручиться покровительствомъ трехъ-четырехъ владѣтелей или родоначальниковъ, которымъ принадлежала власть въ Каратегинѣ, на Алаѣ и на восточной Кызылъ-су, чтобы пользоваться полной безопасностью до прихода въ Кашгаръ или въ ту Statio mercatorum, гдѣ снаряжались большіе торговые караваны для дальнѣйшей безопасности и удобствъ въ пути до серовъ. Къ этому надо прибавить, что путемъ черезъ Каратегинъ могли ходить и торговцы изъ Индіи не только чрезъ Бактры, но и чрезъ Читралъ и Бадахшанъ. Имѣя отчасти кочевки на Памирѣ и связи съ цзыхэсцами Улэя, которые заимствовали отъ нихъ одежду, сэйскіе роды Гюаньду и Алая, конечно, хорошо знали пути по Памиру, отъ торговцевъ же, шедшихъ чрезъ ихъ земли въ Кашгаръ, не трудно имъ было имѣть свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ сѣверной Индіи и о путяхъ въ нее. Не невозможно также, что алайскіе сэйцы предпринимали грабительскіе набѣги въ Читралъ, а можетъ быть и далѣе, чрезъ Памиръ, и такимъ образомъ ознакомились съ путями за Хиндукушемъ личнымъ опытомъ. Численность сэйскаго народа, конечно, равнялась или лишь немного уступала численности юечжей (100 т. сем., стр. 54) и усуней (120 т. кибитокъ, стр. 64) ханьскихъ временъ. Если съ сэйскимъ владѣтелемъ ушло въ Гибинь 30—50 т. кибитокъ, то движеніе и такой массы кочевниковъ чрезъ Памиръ и Читралъ было, безъ сомнѣнія, сопряжено съ большими бѣдствіями. Вѣроятно, значительная часть дѣтей и женщинъ и болѣе слабые мужчины не выдержали голода, памирскаго холода, индійской жары и пр. и погибли въ пути со всѣмъ почти скотомъ, но противъ напора оставшихся тысячъ, положимъ, тридцати закаленныхъ въ бояхъ и бѣдствіяхъ воиновъ не могли устоять индійскіе раджи и греческіе базилевсы Читрала, Свата и низовьевъ Кабулъ-дарьи, а затѣмъ и Пенджаба, гдѣ главнымъ образомъ найдены монеты цѣлой династіи варварскихъ царей съ признаками, устанавливающими, что монеты эти чеканились, по всей вѣроятности, владыками царства, основаннаго ранѣе другихъ варваровъ вторгшимися въ Индію саками—скиѳами около половины II стол. до Р. Х. Властвованіе сэ'йцевъ въ Гибини и части Индіи продолжалось около 150 лѣтъ. По извѣстіямъ исторіи младшей династіи Хань, Гибинь была около Р. Х. покорена

---

[1]) По словамъ В. Н. Ошанина, совершившаго въ 1878 г. поѣздку въ Каратегинъ, для сколько-нибудь значительнаго военнаго отряда или даже для большого каравана было бы тамъ трудно доставать потребное количество фуража. Подножнаго корма мало въ среднемъ Каратегинѣ. Для небольшихъ партій, человѣкъ въ 30—40, дорога здѣсь довольно хорошая („Изв. И. Р. Географ. Общ.“, 1881 г., стр. 51).

юечжійцами, которые чрезъ нѣкоторое время завоевали и значительную часть Индіи. [1]) Не имѣя возможности излагать здѣсь исторію сэ'йцевъ на югѣ Хиндукуша [2]), я ограничусь замѣчаніемъ, что имена первыхъ царей сакской династіи Мауеса и Азеса могутъ быть почитаемы тюркскими (Май, Асъ) и что, по удостовѣренію Сильвэна Леви, китайскіе переводчики буддистскихъ книгъ Индіи встрѣчавшееся въ нихъ имя сака передавали посредствомъ знака, который служилъ изображеніемъ имени ханьскаго народа сэ: напр., upásaka трансскрибировалось по-китайски ou-po-se, Mahiçâçaka— Mi-cha-se и т. д. [3]).

5. Владѣніе Гибинь на Кабулъ-дарьи и въ сѣверо-западной Индіи и владѣніе Наньду, нынѣшній Читралъ.

Закончимъ теперь извѣстія «Хань-шу» о владѣніяхъ по дорогѣ въ Гибинь и Угэшаньли. Послѣ Улэя помѣщено описаніе владѣнія Наньду (у W. Nan-tow): «Правленіе наньдускаго владѣтеля находится отъ Чанъань въ 10.150 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 5.000 сем., 31.000 д.; строевого войска 8.000 чел. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 2.850, на западъ до Улэя 340, на юго западъ до Гибини 330 ли. Сіе владѣніе на югѣ смежно съ Жокяномъ, на сѣверѣ съ Сюсюнію (Heu-seun), на западѣ съ Бол. Юечжы. Сѣютъ всякой хлѣбъ; есть виноградъ и другіе плоды; есть серебро, мѣдь и желѣзо. Жители сами дѣлаютъ оружіе. Наньду вмѣстѣ съ другими владѣніями состоитъ въ зависимости отъ Гибини» [4]). Изъ помѣщеннаго затѣмъ описанія Гибини приведемъ слѣдующее: «Правленіе гибиньскаго владѣтеля въ гор. Сюньсяни (у W. Sunseen, по Аб. Ремюза Siun-sian), отъ Чань-ань въ 12.200 ли. Онъ не зависитъ отъ намѣстника, и по числу народа и войска считается сильнымъ государемъ. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 6.840, на востокъ до Уча (Уто) 2.250 ли; на сѣв.-востокъ до Наньду девять дней пути. На сѣв.-западъ смежно съ Б. Юечжы, на юго-западѣ съ Угэшаньли... Гибиньскія земли ровны; климатъ умѣренный; растетъ му-су (люцерна) и другія травы; также разныя деревья, свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ; разводятъ виноградъ и другіе плоды. Сады и поля удобряютъ наземомъ. По влажности подпочвенной земли родится са-

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 118—121.

[2]) См., между прочимъ, вышецитированную книгу Гутшмида, S. 107 etc.

[3]) Notes sur les Indo-Scythes, въ Journal asiatique, 1897, t. IX, p. 10. Индійскія преданія въ пуранахъ различаютъ двѣ индо-скиѳскія династіи и расы, властвовавшія въ Индіи: сака (кит. сэ) и тухара или тусара (юечжи или кушаны, тохары); царей сака разныя пураны насчитывали отъ 10 до 18, царей же тухара всѣ считали 24 (тамъ же).

[4]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 47. У Wylie, p. 33, послѣднія двѣ фразы: „Жители сами дѣлаютъ оружіе, какъ другіе народы. Nan-tow is attached to Kepin“.—Переводъ Іакинфа въ данномъ случаѣ, очевидно, вѣрнѣе.

рацинское пшено (у W., p. 35, вѣрнѣе: In the low and damp ground they grow rice). ...Жители искусны въ различной рѣзьбѣ, въ строеніи дворцовъ и зданій, въ тканьѣ шерстяныхъ матерій, въ вышиваніи шелками; хорошо готовятъ кушанья... Въ обращеніи золотая и серебряная монета; на лицевой сторонѣ монеты всадникъ, на задней—лицо человѣка. Гибинь производитъ ...слоновъ..., обезьянъ, ...павлиновъ, ...жемчугъ, кораллы... Сообщеніе между Китаемъ и Гибинью открыто со временъ Вуди» (140—87 гг. до Р. Х.).

Изъ упоминаемыхъ въ описаніи Гибини владѣній территорія Большого Юечжы главнымъ образомъ состояла изъ Бактріаны, т.-е. земель по лѣвому берегу Аму-дарьи со включеніемъ Бадахшана, отъ Ишкашима до Мургаба. Территорія Угэшаньли, вѣроятно, обнимала Кандахарскую область, Сеистанъ, Керманъ и Фарсъ [1]). При такомъ положеніи Б. Юечжы

---

[1]) Угэшаньли (у W. Woo-yih-shan-le) находилось въ 60 дняхъ пути отъ мѣстопребыванія намѣстника, „на востокѣ смежно съ Гибинію, на сѣверѣ съ Бутао (Po-tao—Bactria, по Wylie), на западѣ съ Лиганію и Тяочжи". „Китайскіе посланники, по причинѣ отдаленности, рѣдко доходили туда. Здѣсь конецъ южной дороги... Отселѣ, поворотивъ на сѣверъ, а потомъ на востокъ, прибудешь въ Аньси" („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 52 и 53, W., p. p. 38, 39), т.-е. въ парѳянское царство. Такъ какъ Тяочжи и Лигань (какъ обстоятельно выяснено въ The China and the Roman Orient, by F. Hirth, 1885, Shangai, p.p. 144 и слѣд.) соотвѣтствуютъ Вавилоніи и Сиріи, а Бутао (какъ догадывался, между прочимъ, Parker въ Contemporary Review, 1897, December, p. 868, признавая Puk'ao за Puklah, въ чемъ видѣлъ нынѣшнихъ патановъ) есть земля авгановъ въ Сулеймановыхъ горахъ и Сефидъ-кухѣ, то Угэшаньли оказывается, видимо, Арахозіей, Сеистаномъ, Керманомъ и Фарсомъ въ ихъ совокупности. Хотя во II и I стол. до Р. Х. названныя земли были болѣе или менѣе подвластны парѳянскому царю царей, но, по свѣдѣніямъ Страбона, писавшаго около Р. Х., Парсисъ (Персида, Фарсъ) имѣла собственнаго царя, что подтверждается и отсутствіемъ ея въ числѣ парѳянскихъ областей, описанныхъ Исидоромъ Харакскимъ въ Mansiones Parthicae. Драгіана, Сакастена и Арахозія значатся у Исидора, причемъ Арахозія названа предѣломъ парѳянскаго господства на востокъ. Если такимъ образомъ даже Фарсъ и Керманъ не находились въ I в. до Р. Х. въ прямой зависимости отъ парѳянъ, то, конечно, еще менѣе прочна и постоянна была власть ихъ надъ Арахозіею, сообщенія которой были въ это время отрѣзаны или затруднены саками (особыми отъ сэйцевъ Гибини, хотя въ составѣ ихъ могла находиться и часть разсѣявшихся изъ Тянь-шаня сэйскихъ родовъ), которые захватили часть Драгіаны и усвоили ей имя Сакастана, подъ которымъ она является уже у Исидора. Сверхъ того весьма возможно, что имѣвшія своихъ царей или губернаторовъ, подвластныхъ парѳянамъ, Арахозія, Драгіана, Керманъ и Фарсъ соединялись, во время смутъ у парѳянъ, въ одно цѣлое и что въ это-то время попадали въ Угэшаньли „рѣдко доходившія" сюда китайскія посольства. При династіи Младшихъ Ханей (25—221 гг. по Р. Х.) считалось, по ея исторіи („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 114), отъ Пишани „на юго-западъ чрезъ Учжя, Висячій переходъ и Гибинь 60 дней пути до владѣнія Угэшаньли. Послѣднее владѣніе простирается на нѣсколько тысячъ ли, и въ это время переименовалось Пайчи". Тутъ Пайчи мнѣ кажется Фарс'омъ. Показаніе Бутао, земли патановъ въ Сулеймановыхъ горахъ, на сѣверѣ отъ Угэшаньли, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Арахозія (Кандахарская область) простиралась на востокъ къ Инду; при этомъ она встрѣчалась въ долинѣ Инда съ спускавшимися сюда гибиньскими владѣніями и оказывалась дѣйствительно „на востокѣ смежною съ Гибинію", какъ приведено выше изъ „Хань-шу", Сулеймановы же горы, Бутао, приходились на сѣверѣ. Наконецъ, имя Угэшаньли или Уешаньли представляется, на мой взглядъ, всего скорѣе китайской транскрипціей имени Хорасанъ или Хурасанъ, ибо Арахозія была восточной окраиной Ирана, страной восхода солнца (хора).

и Угэшаньли, Гибинь на юго-востокѣ (въ описаніи Б. Юечжы даже «на югѣ», стр. 54, у W. p. 40) отъ Дахя-Бактріаны-Б. Юечжы и на сѣв.-востокѣ и востокѣ (описаніе Угэшаньли) отъ Кандахарской области могла быть лишь государствомъ, занимавшимъ низовья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Свата и Пенджкоры, часть Пенджаба и долины Инда по обоимъ его берегамъ, какъ ясно это и изъ высокаго развитія культуры и промышленности, существованія монеты и представителей животнаго царства, каковы слоны, павлины, жемчугъ, кораллы и пр., свойственныхъ Индіи. Къ тому же заключенію приводитъ и имя Гибинь, являющееся очевидною китайскою транскрипціею имени Кофенъ (Kubha въ Ведахъ), подъ которымъ нижняя Кабулъ-дарья значилась у историковъ походовъ Александра Великаго. Однако, правильное опредѣленіе положенія Гибини достигнуто не вдругъ и не безъ предварительныхъ ошибокъ. Начали эти ошибки ученые нынѣшней династіи, составлявшіе «Минъ-ши», утверждая въ ней, что «Самаркандъ (Sa-ma-rh-han) есть та самая страна, которая во время династіи Хань называлась Гибинь“ [1]). За ними слѣдуя, вѣроятно, помѣщалъ Гибинь въ «Согдіану или страны, занятыя греками», де-Гинь, какъ уже было приведено. Составители «Си-юй-ту-чжи», основываясь на ханьскихъ данныхъ и на упоминаніи въ исторіи династіи Танъ о смежности Зап. Индіи съ Гибинью, признали послѣднюю за нынѣшній Индустанъ, подъ именемъ же послѣдняго разумѣли они прилегающую «къ границамъ Сѣв. Индіи» страну, находящуюся на юго-западѣ отъ Бадахшана и на востокѣ отъ Авганистана [2]): видимо, они не знали, что въ ихъ время территорія древней Гибини входила въ составъ земель, подвластныхъ шаху авганскому. «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», разумѣется, считаетъ Гибинь за Индустанъ, «владѣніе, лежащее на сѣверныхъ предѣлахъ Индіи» [3]). Абель Ремюза въ 1818 г. считалъ «довольно вѣроятнымъ, что въ ханьское время китайцы давали имя Гибини восточной части Хорасана и собственно т. наз. Бактріанѣ, но при династіяхъ Суй и Танъ то же имя примѣнялось къ области Кандахара» [4]); позже, послѣ бо́льшаго изученія китайскихъ извѣстій по исторіи Средней Азіи, порицая де-Гиня за неосновательное пріуроченіе Гибини къ Согдіанѣ, Ремюза сталъ признавать Гибинь за Кофенъ [5]). Такъ какъ и Клапротъ почиталъ Гибинь за Кофенъ [6]),

---

[1]) Переводъ Э. В. Бретшнейдера въ Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources, by E. Bretschneider, London, 1888, vol. 2, p. 236.

[2]) Recueil de documents etc..., par Imbault-Huart, 188, p.p. 215—216. Резиденція владѣтеля Гибини въ цитатѣ изъ „Хань-шу“ названа здѣсь Tounn sienn. Мѣстонахожденіе и истинное имя столицы до сихъ поръ не опредѣлены.

[3]) Іакинфа Бичурина „Описаніе Чжуньгаріи“ и пр., Спб., 1829, стр. XLIII.

[4]) Remarques sur l'extension de l'empire chinois du côté de l'occident въ Mémoires de l'Institut royale de France, Académie des inscriptions et belles-lettres, Paris, 1827, t. VIII, p.p. 98, 87.

[5]) Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, t. 1, p. XLVI. Nouveaux mélanges asiatiques, Paris, 1829, t. I, p.p. 188, 205.

[6]) Tableaux historiques de l'Asie, etc., Paris, 1826, p p. 133 et IX.

то это пріуроченіе остается и по настоящее время общепринятымъ, за немногими исключеніями, изъ которыхъ я упомяну только о двухъ. В. В. Григорьевъ сначала считалъ Гибинь за юго-западный Авганистанъ, за Сакастену Исидора Харакскаго, на томъ основаніи, что, по «Хань-шу», Гибинь лежала на югѣ отъ Б. Юечжы и что въ составъ послѣдняго входило владѣніе Гаофу, соотвѣтствующее Кабулу, разстояніе же Гибини отъ мѣстопребыванія намѣстника показано въ 6.840 ли, а Гаофу въ 6.041 ли [1]). Такъ какъ по «Хань-шу» же Гибинь показана на юго-востокѣ отъ Б. Юечжы, а разстоянія отъ мѣстопребыванія намѣстника, во-первыхъ, вообще сомнительны вслѣдствіе слишкомъ частыхъ ошибокъ въ цифрахъ, во-вторыхъ же, могутъ быть правильно сравниваемы лишь при извѣстности направленій, по которымъ они исчислены, въ данномъ же случаѣ направленія эти неизвѣстны, то при существованіи вышеприведенныхъ другихъ причинъ признавать Гибинь соотвѣтствовавшею низовьямъ Кабулъ-дарьи и, напротивъ, при непримиримости помѣщенія Гибини въ Сеистанъ съ ханьскими данными, слѣдуетъ признать это пріуроченіе Григорьева несостоятельнымъ. Въ «Изслѣдованіи о скиѳскомъ народѣ Сакахъ» (1872 г., стр. 243 и 244) и самъ Григорьевъ находилъ уже, что «Гибинью скорѣе всего называли китайцы Вост. Кабулистанъ или долину р. Кофена (Кабулъ-дарью), какъ это и предполагалъ первоначально Абель-Ремюза (Nouveaux mélanges asiatiques, I, p. 205)... Самое имя Гибинь представляетъ транскрипцію имени Кофенъ. Но, по разнымъ соображеніямъ, самъ Абель-Ремюза призналъ потомъ, что Гибинь соотвѣтствуетъ скорѣе той части нынѣшняго Авганистана, гдѣ лежатъ города Газна и Кандагаръ (Foe-koue-ki, p. 23)... Принимая во вниманіе неопредѣленность географическихъ свѣдѣній китайцевъ о странахъ къ югу отъ Гиндукуша, позволительно думать, что Гибинь дѣйствительно могла означать какъ страну по теченію р. Кофена въ Кабулистанѣ, такъ и Арахосію съ Драгіаною, ибо р. Арахотовъ (нынѣ Аргандабъ), составляющая одно изъ верховьевъ Гирменда,.. называлась, по свидѣтельству Плинія (H. N., VI, 25), тоже Кофин'омъ; а по Стефану Византійцу, Кофин'омъ же звался самый городъ Арахосіи (или «городъ Арахотовъ» по Страбону — кн. XI, гл. 2, § 9), почему и жители его именовались кофин'цами». Прежде всего, по поводу этого мнѣнія Григорьева, надо замѣтить, что въ переводѣ «Описанія буддійскихъ царствъ» Фа Сяня, изданномъ по смерти А. Ремюза съ примѣчаніями его, Клапрота и Ландреса, упоминается, что одинъ изъ китайскихъ монаховъ, находившійся съ Фа Сянемъ въ Хотанѣ, отправился отсюда въ Кі-пін. По этому поводу А. Ремюза, въ примѣчаніи своемъ, объяснилъ, что Гибинь есть Кофенъ или страна, орошаемая Кофес'омъ, и указалъ на Страбона, Плинія, Стефана и др., у которыхъ

[1]) „Кабулистанъ и Кафиристанъ", СПб., 1867 г., стр. 782 и 783.

встрѣчается послѣднее или близкое имя, но не выяснилъ, что именно у указанныхъ писателей говорится (Foe-koue-ki ou Relation des royaumes bouddhiques, par Chy Fa Hian, traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat, etc., Paris, 1836, p. 22). Засимъ, сказавъ, что Реннель считалъ Кофенъ древнихъ за нынѣшнюю рѣку Cowmull, а Сенъ-Круа думалъ, что это скорѣе Merham-hir (оба неизвѣстно на какихъ основаніяхъ), Абель Ремюза, не приводя съ своей стороны никакихъ доказательствъ и разъясненій, написалъ: «Kipin, которую нѣкоторые китайскіе писатели смѣшивали съ Кашмиромъ (Бянь-и-дянь, кн. LIII) и которую Дегинь принялъ за Самаркандъ, потому что онъ Самаркандъ считалъ за Кипчакъ (Histoire des Huns, t. II, p. LXXXIX), соотвѣтствовала странѣ, гдѣ находятся города Ghizneh и Кандахаръ» (Foe-koue-ki, p. 23). Послѣ этого ни въ переводѣ, ни въ примѣчаніяхъ Гибини (Ki-pin) во всей книгѣ болѣе не встрѣчается, какъ можно видѣть и изъ ея указателя. Такимъ образомъ не только «разныхъ», но совсѣмъ никакихъ соображеній А. Ремюза въ основаніе своего утвержденія о соотвѣтственности Гибини странѣ Газны и Кандахара не привелъ. Между тѣмъ указать эти основанія и выяснить, почему и какимъ образомъ Гибинь есть страна Газны и Кандахара, была настоятельная необходимость, потому что, встрѣтивъ у Фа Сяня упоминаніе о странѣ Kian-tho-wei, А. Ремюза призналъ ее одновременно за Kian-tho-lo китайскихъ писателей, за Гандару индійскихъ пуранъ и за Кандахаръ мусульманскихъ географовъ (p. 66). Эта путаница, имѣвшая своимъ корнемъ ошибочное отождествленіе Kian-tho-lo, Гандары, съ Кандахаромъ, повела къ тому, что Ремюза не въ состояніи былъ сдѣлать ни одного почти правильнаго пріуроченія пунктовъ Вост. Кабулистана, упоминаемыхъ Фа Сянемъ, и, воображая, что Кяньтовей есть Кандахаръ, вынужденъ былъ даже Фулеуша, т.-е. Пурушапуру, нынѣшній Пишаверъ, признать за белучжей (Beloutches, p. 76) и произвести другія несообразныя ни съ чѣмъ отождествленія. Авторитетъ А. Ремюза, при такихъ пріуроченіяхъ, которыя были оставлены въ «Кабулистанѣ и Кафиристанѣ» (стр. 813 и 814) безъ малѣйшаго вниманія, конечно, былъ для В. В. Григорьева очень не великъ и прибѣгнулъ онъ къ нему, повидимому, единственно вслѣдствіе того, что Ремюза, хотя и бездоказательно, пріурочивалъ Гибинь къ Газнѣ и Кандахару, значитъ къ Арахосіи, какъ дѣлалъ это Григорьевъ уже въ «Кабулистанѣ и Кафиристанѣ». За устраненіемъ авторитета А. Ремюза, у Григорьева остается «лишь неопредѣленность географическихъ свѣдѣній китайцевъ», которая, однако,—если бы и оказалась въ данномъ случаѣ, чего нѣтъ,—сама по себѣ не даетъ еще права дѣлать произвольныя пріуроченія, а затѣмъ именованіе Плиніемъ Аргандаба Кофен'омъ и Стефаномъ Византійцемъ города Арахосіи Кофин'омъ. Но вѣдь утвержденія Плинія и Стефана не значатъ еще, что приводимыя ими именованія существовали въ дѣйствительности, а не есть результатъ

какихъ-нибудь ошибокъ, недоразумѣній или путаницы со стороны этихъ писателей или ихъ неизвѣстныхъ, но, несомнѣнно, часто недостовѣрныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ помѣщеніе Гибини ханьскихъ временъ въ низовьяхъ Кабулъ-дарьи основано на достаточно опредѣлительныхъ, вопреки Григорьеву, свѣдѣніяхъ «Хань-шу», почерпнутыхъ изъ современныхъ свѣдѣній, доставленныхъ китайскими и гибиньскими посольствами. Если затѣмъ въ «Вост. или Кит. Туркестанѣ» (1873 г., вып. 2, стр. 47) В. В. Григорьевъ призналъ Гибинь уже только за Арахосію, выбросивъ за бортъ «страну, по теченію р. Кофена въ Кабулистанѣ» вмѣстѣ съ «Драигіаною», то приходится объяснять это лишь тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ склоненъ сэ'йцевъ китайскихъ извѣстій отождествлять съ саками Исидора Харакскаго, а потому естественно тянулъ ихъ съ низовьевъ Кабулъ-дарьи въ Сакастену, въ Сеистанъ.

Въ 1895 г. французскіе синологи Шаваннъ и Сильвенъ Леви, въ комментаріяхъ къ переводу дорожника китайца Укона, сопровождавшаго посольство въ Гибинь въ 750 г., высказали мнѣніе, что ханьская Гибинь есть Кашмиръ. Мнѣніе это основано на томъ, что будто бы китайскіе знаки, служащіе для изображенія имени Гибинь могутъ читаться Касмира или Каспира и что китайскіе сборники «Бянь-и-дянь» и «Хай-го-ту-чжи» отождествляютъ Гибинь съ Кашмиромъ [1]). Но сравнительно новые китайскіе сборники, какъ указанные, никакого авторитета въ подобныхъ случаяхъ не имѣютъ, особенно при отсутствіи основаній къ ихъ отождествленіямъ, догадки же о возможныхъ чтеніяхъ тѣхъ или другихъ китайскихъ знаковъ, по своей произвольности, сами по себѣ ничего доказывать не могутъ.

Обращаясь въ заключеніе къ владѣнію Наньду, которое показано по ханьскимъ свѣдѣніямъ одновременно въ девяти дняхъ пути и въ 330 ли отъ Гибини, нельзя не замѣтить, что переѣздъ въ день 30 ли съ небольшимъ слишкомъ малъ, особенно если ли такія малыя, какъ въ ханьское время. Нормальный путь въ день вообще, за рѣдкими исключеніями, нельзя считать менѣе, чѣмъ въ 50—100 ли. Поэтому девять дней пути должны соотвѣтствовать 450—900 ли, и 330 ли въ «Хань-шу» есть, по всей вѣроятности, ошибка или описка. Такъ какъ 600—900 ли или около 300 верстъ на С.-С.-В. отъ Пишавера приводятъ въ Читралъ, то Наньду соотвѣтствуетъ нынѣшнему Читралу, столица котораго, быть можетъ, находилась тогда въ долинѣ Тури-хо, такъ какъ, повидимому, лежала въ сторонѣ отъ дороги изъ Уча въ Гибинь. Во всякомъ случаѣ верховья читральской рѣки, Ярхуна, должны были входить въ составъ Наньду. Указанія «Хань-шу» о посѣвѣ въ Наньду всякихъ хлѣбовъ, о виноградѣ и другихъ плодахъ, минеральныхъ богатствахъ, заключающихся въ сере-

[1]) L'Itinéraire d'Ou-k'ong (750—791), trad. et annoté par Sylvain Lévi et Ed. Chavannes, въ Journal asiatique, 1895, t. VI, p.p. 372—373.

брѣ, мѣди и желѣзѣ, вполнѣ примѣнимы къ Читралу съ Мастуджемъ [1]). Смежность Читрала на западѣ съ Бадахшаномъ соотвѣтствуетъ ханьскимъ даннымъ о смежности Наньду на западѣ съ Б. Юечжы. Я уже упоминалъ, что смежность Наньду «на сѣверѣ съ Сюсюнію» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ нахожденія Хюсюни на сѣверѣ отъ Наньду. Что касается показаннаго въ «Хань-шу» разстоянія отъ Наньду до Улэя-Арачула-Аличура въ 340 ли, при чемъ о смежности съ послѣднимъ умалчивается, то разстояніе въ 340 ли соотвѣтствуетъ $3^1/_2$ днямъ скораго пути; отъ Аличура можно проѣхать въ одинъ день чрезъ перевалъ Харгоши на р. Б. Памиръ, такъ какъ разстояніе здѣсь составляетъ 52 в. (Д. В. Путята въ «Сборникѣ по Азіи», вып. 10, стр. 269 и 270), откуда, быть можетъ, существуетъ или существовалъ проѣздъ до Барагыла чрезъ Сархадъ въ $2^1/_2$ дня; это приводитъ не къ столицѣ Наньду, имя которой «Хань-шу» не даетъ и мѣстонахожденіе которой неизвѣстно, а только до сѣверо-восточной границы Наньду. Неупоминаніе о смежности Наньду съ Улэемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что нынѣшній Ваханъ или восточная его часть были въ ханьскія времена безлюдны, а потому въ составъ какого-либо владѣнія не входили, по крайней мѣрѣ фактически. Относительно смежности Наньду—Читрала «на югѣ» съ Жокяномъ надо принять въ соображеніе, что подъ именемъ Жокянъ (Chokeang) въ «Хань-шу» описывается ближайшее къ крайней пограничной китайской крѣпости Янъ-гуань (на юго-западѣ отъ нынѣшняго оазиса Ша-чжеу) кочевое владѣніе изъ 450 семей (стр. 37 и 38, W., p. 23), но упоминанія въ описаніяхъ лежащихъ далѣе на западъ владѣній по южной дорогѣ о сосѣдствѣ ихъ съ Жокяномъ «на востокѣ» (именно Сяовани, стр. 43, p. 28, Жунлу и Кюйлэ, стр. 44, p. 29) и «на югѣ» (Хотанъ, стр. 45, p. 30), выясняютъ, что Жокянъ есть собирательное названіе для родовъ тибетскихъ (кянъ) кочевниковъ, занимавшихъ крайнія на сѣв.-западъ окраины тибетскаго нагорья. Смежность Жокяна съ Наньду на югѣ послѣдняго показываетъ, что въ ханьское время, до Р. Х., тибетцы или подвергшіеся смѣшенію съ ними аборигены занимали долину Инда, по крайней мѣрѣ, до поворота теченія этой рѣки на югъ, если даже допустить,—что весьма вѣроятно,—нахожденіе нынѣшнихъ Ясина, Гилгита и Канджута въ составѣ Наньду. Помѣщая Уча въ Бадахшанѣ, китайскіе историки и географы нынѣшней династіи вынуждены были пріурочить Наньду къ восточнымъ землямъ Бухары XVIII в. на Аму-дарьѣ: территорія Бохары смежна на востокѣ съ Бадахшаномъ, Бадахшанъ же есть древнее владѣніе Уча; но, по «Хань-шу», владѣніе Уча было на западѣ смежно съ владѣніемъ Наньду, а потому нынѣш-

[1]) По свѣдѣніямъ одного изъ англо-индійскихъ развѣдчиковъ, въ Читралѣ есть „серебряные рудники, но не разработываются; страна богата также мѣдными рудниками“, а желѣзо добывается, между прочимъ, близъ деревни Ашретъ („Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, И. Минаева, СПб., 1879 года, стр. 143 и 144).

няя Бохара, очевидно, соотвѣтствуетъ древнему владѣнію Наньду [1]). Но гдѣ же въ такомъ случаѣ находилось государство Б. Юечжы? Въ «Исторіи Младшихъ Ханей» сказано, что Тяньчжу расположено на юго-востокѣ отъ Юечжы; но Тяньчжу есть нынѣшній Си-Цзанъ (Зап. Тибетъ), который находится на юго-восточной границѣ Авганистана: слѣдовательно, неопровержимо, что Авганистанъ соотвѣтствуетъ территоріи, которую занимали древніе Юечжы [2]). Обратившись по сдѣланной ссылкѣ къ «Исторіи младшей династіи Хань», найдемъ въ описаніи Тяньчжу, что владѣніе это «иначе называется Шеньду, лежитъ за нѣсколько тысячъ ли отъ Юечжы на юго-востокѣ... Земли низменны и влажны, климатъ жаркій... Заключаетъ въ себѣ... нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ владѣній... Въ это время (т.-е. время младшихъ Ханей, 25—221 гг. по Р. Х.) всѣ находились подъ зависимостью Юечжыскаго государя, который, убивъ индійскаго государя, управленіе Индіею ввѣрилъ своему полководцу. Въ Индіи находятся слоны, носороги...» [3]) Въ подлинникѣ, конечно, вмѣсто словъ «Индія» и «индійскій» стоитъ «Тяньчжу», но тѣмъ не менѣе ясно, что Тяньчжу есть не что иное, какъ Индія. Въ поясненіе приведемъ изъ той же исторіи, что чрезъ сто «съ небольшимъ» лѣтъ послѣ подчиненія юечжійцами Дахя-Бактріаны, слѣдовательно около Р. Х. или въ послѣдней четверти I в. предъ Р. Х., гуйшуаньскій (кушанскій) князь Кіоцзюкю покорилъ остальныхъ четырехъ князей, властвовавшихъ надъ юечжійцами, «началъ воевать съ Аньси (парѳянами), покорилъ Гаофу (Кабулъ), уничтожилъ Пуду (вѣроятно, то же, что Бутао Старшихъ Ханей) и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ». Наслѣдовавшій ему сынъ Яньгаочжень «еще покорилъ Индію, управленіе которою вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ» [4]). Такъ какъ въ «Хань-шу» обо всемъ этомъ нѣтъ и помину, то надо полагать, что почти всѣ эти событія, особенно же позднѣйшія, т.-е. покореніе Гибини и Индіи, произошли уже при Младшихъ Ханяхъ, т.-е. позже 25 г. по Р. Х., и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Кіоцзюкю «жилъ болѣе 80 лѣтъ» [5]), и для выполненія совершеннаго имъ внутренняго переворота и внѣшнихъ предпріятій потребно было не мало времени. Во всякомъ случаѣ приведенныя событія времени Младшихъ Ханей и свѣдѣнія ихъ исторіи не даютъ никакихъ основаній считать Тяньчжу зя нынѣшній Зап. Тибетъ и помѣщать Б. Юечжы времени Старшихъ Ханей вмѣсто бассейна Аму-дарьи на

---

[1]) „Си-юй-ту-чжи“ въ Recueil de documents etc., 1881, p. 209. То же самое въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“, согласно которому (Іакинфъ въ „Описаніи Чжуньгаріи“ и пр., стр. XXXI) „Наньду... соотвѣтствуетъ Бухарѣ по южную сторону Чжейхуни. Ячжа на западѣ смежна была съ владѣніемъ Наньду. Ячжа есть нын. Бадахшанъ, слѣдовательно Наньду должна быть Бухара“.

[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale, 1881, p. 213.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр.119 и 120.

[4]) Тамъ же, стр. 118 и 119.

[5]) Id., стр. 119.

югъ отъ Хиндукуша въ Кабулистанъ или часть Авганистана, которою юечжійцы овладѣли лишь при Младшихъ Ханяхъ.

Wylie (p. 33) находилъ, что разстоянія и положеніе, повидимому, указываютъ на нахожденіе Наньду въ южной части Шигнана (?), гдѣ расположенъ Ишкашимъ; затрудненіе онъ видѣлъ лишь въ смежности Наньду съ Жокяномъ, но «Жокянъ представляется Тибетомъ или, по крайней мѣрѣ, сѣверной его частію, и мы можемъ протянуть границы его на западъ отъ Балтистана или Мал. Тибета, дабы онъ былъ смеженъ съ Наньду». Но трудно допустить, чтобы долина Ярхуна или Камы не была занята арійскими племенами при доступности ея съ обитаемыхъ ими ея низовьевъ. Въ Ишкашимѣ, на высотѣ 8.700 ф. (по картѣ при вышеупоминавшейся книгѣ Минаева), едва ли можетъ успѣшно расти виноградъ; нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи въ его округѣ серебряныхъ и другихъ рудниковъ. Наконецъ, отъ Пишавера до Читрала болѣе 300 в., да оттуда до Ишкашима по прямѣйшему пути чрезъ пер. Нуксанъ и с. Зебакъ 150—200 в., итого 450—500 в. отъ Гибини, т.-е. 15—25 дней пути вмѣсто означенныхъ въ «Хань-шу» 9 дней. Сверхъ того весьма мало вѣроятно, чтобы Гибинь имѣла вассальное владѣніе на сѣверѣ отъ Хиндукуша.

Приведенныя въ настоящей главѣ историческія извѣстія выяснили, что Памиръ и значительное пространство земель въ Кашгарскомъ хребтѣ, а также въ бассейнахъ Яркендъ-дарьи и Тизнафа, были въ I в. до Р. Х. и неизвѣстное время ранѣе заняты цзыхэскимъ, близкимъ къ тибетцамъ, народомъ и что долина Алая и бассейны верховьевъ восточной Кызылъ-су и Кара-дарьи принадлежали въ то же время сэ'йцамъ, племени, всего вѣроятнѣе, тюркскому. Въ историческихъ извѣстіяхъ слѣдующихъ китайскихъ династій, къ изложенію и обсужденію которыхъ вслѣдъ засимъ приступимъ, мы найдемъ дальнѣйшія свѣдѣнія о занятыхъ этими народами странахъ, а также нѣкоторыя данныя для выясненія предшествовавшихъ судебъ цзыхэсцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ новыя извѣстія дадутъ бо́льшій матеріалъ для опредѣленія этническихъ отношеній населенія осѣдлой области Уча-Сарыкола и для выясненія постепеннаго появленія у предѣловъ Памира иранскаго населенія, а также явится большая возможность и удобство опредѣлить предѣлы земель юечжійцевъ въ верховьяхъ Аму-дарьи и отношенія ихъ къ памирскому и при-памирскому населенію.

Спб., 30 августа 1900 г.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 1-й. Кн. IV.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Москва, Петровка, домъ Обидиной.
1900.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(Продолженіе).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Извѣстія временъ династіи Младшихъ Ханей и троецарствія, I, II и III вѣковъ по Р. Х. Краткія свѣдѣнія и необходимѣйшія замѣчанія объ источникахъ китайскихъ извѣстій позднѣйшаго времени до X вѣка.

Со времени двукратнаго похода китайцевъ въ Давань (104—101 г. до Р. Х.) оазисы Вост. Туркестана, составлявшіе ранѣе, почти каждый, особое владѣніе и признававшіе господство хунновъ, перешли постепенно подъ власть Китая. Внутреннее управленіе осталось прежнее. Китайское правительство ограничивалось утвержденіемъ владѣтелей и важнѣйшихъ въ каждомъ владѣніи должностныхъ лицъ, получавшихъ свои мѣста по существовавшимъ издавна порядкамъ, снабжая ихъ отъ себя печатями. Число должностныхъ лицъ Западнаго края, «получавшихъ отъ китайскаго двора печати съ кистями, простиралось (при Старшихъ Ханяхъ) до 376 человѣкъ» [1]). Въ помѣщенныхъ въ «Хань-шу» описаніяхъ подвластныхъ владѣній, съ большою видимо тщательностью, означены полагающіяся въ каждомъ должностныя лица. Въ Пишани показано пять должностныхъ лицъ, съ китайскими названіями, и переводчикъ, но за исключеніемъ Пули, [2])— гдѣ означены должностными лицами мѣстный владѣтель (хэу, т. е. князь, слово китайское) и дуюй (тоже китайское названіе, значащее «начальникъ отдѣльнаго гарнизоннаго отряда» [3]),—въ цзыхэскихъ владѣніяхъ и лежа-

[1]) 96-я книга „Хань-шу“ въ „Собраніи свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 100 и 98.
[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тоже, стр. 102. Wylie, p. 32, переводитъ хэу чрезъ a Marquis, а дуюй чрезъ a Protector General.

щихъ далѣе на западъ должностныхъ лицъ не означено, изъ чего слѣдуетъ заключить, что китайская власть надъ ними была только номинальная. Подтверждаетъ это и приведенное нами выше изъ доклада Дунъ Киня упоминаніе о томъ, что «отъ Пишани на югъ», или, точнѣе, на пути въ Гибинь, «находится до пяти государствъ, независимыхъ отъ Китая» [1]). Во время смутъ, сопровождавшихъ паденіе Старшихъ Ханей, въ началѣ I вѣка по Р. Х., Вост. Туркестанъ отложился и подчинился усилившимся хуннамъ [2]). Хотя уже въ 48 г. послѣ Р. Х. силы хунновъ ослабѣли, вслѣдствіе раздѣленія владѣтельнаго дома и народа на двѣ враждебныя орды, изъ которыхъ южная поддалась китайцамъ [3]), но первая при Младшихъ Ханяхъ попытка возстановленія китайской власти въ Западномъ краѣ была неуспѣшна: въ 75 г. владѣтели Куча и Карашара напали на возстановленнаго въ предшествовавшемъ году намѣстника Западнаго края, убили его и уничтожили состоявшій при немъ китайскій отрядъ [4]). Однако смуты у хунновъ въ 80-хъ годахъ и нанесенныя имъ въ 89 и 90 гг. китайцами пораженія привели къ окончательному паденію хунновъ, и китайское владычество надъ Вост. Туркестаномъ могло, наконецъ, возстановиться въ 91 году [5]). Въ этомъ году находившійся уже передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Юйтяни, «для успокоенія западныхъ владѣній», полководецъ Бань Чао назначенъ былъ правителемъ Западнаго края «въ должности ду-юй», съ пребываніемъ въ Кучѣ [6]). Въ 105 г. «владѣтели въ Западномъ краѣ отложились». Новое возстановленіе китайскаго господства послѣдовало около 123 г., съ назначеніемъ сына вышеупомянутаго Бань Чао Бань Юна управляющимъ Западнымъ краемъ въ должности чжанъ-шы, т.-е. «пограничнаго правителя». Въ 127 г. Бань Юнъ «опять покорилъ Харашаръ», послѣ чего остальныя владѣнія Вост. Туркестана «добровольно поддались, но Усунь и владѣнія, лежащія отъ Луковыхъ горъ на западъ, отторглись совершенно». Съ 133 г. постепенно отложились и владѣнія Вост. Туркестана и владычество въ немъ Китая прекратилось на многіе вѣка [7]).

Въ предисловіи или введеніи къ содержащемуся въ 118 книгѣ «Хэу-Хань-шу» [8]),—т.-е. исторіи второй или младшей династіи Хань,—описанію

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 51. По Li-taï-ni-sse-nian-pao, кн. 27, докладъ Дунъ-Киня относится къ 25 г. до Р. Х. (Ed. Specht, въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. 163).

[2]) Предисловіе къ описанію Западнаго края въ „Исторіи младшей династіи Хань“, по переводу о. Іакинфа, въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 3, стр. 101.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 1, стр. 116 и слѣд.

[4]) Тамъ же, ч. 3, стр. 102.

[5]) Тамъ же, ч. 1, стр. 128 и слѣд., и ч. 3, стр. 103.

[6]) Тамъ же, ч. 3, стр. 103.

[7]) Тамъ же, стр. 103, 104 и 112.

[8]) „Хэу-Хань-шу“ написана ученымъ династіи Лю-Сунъ (420—479 г.) по имени Фань-Хуа (Fan Yeh, по проф. Fr. Hirth, въ China and the Roman Orient, Shanghai, 1885, p. 3), сократившимъ разныхъ историковъ („Собраніе свѣдѣній“ и

Западнаго края, между прочимъ, значится: «Ниже слѣдуютъ записки о Западномъ краѣ, составленныя правителемъ Бань Юнъ» въ 125 г. [1]) Хотя въ помѣщенныхъ затѣмъ описаніяхъ отдѣльныхъ владѣній встрѣчаются свѣдѣнія и даты позднѣе 125 г., значитъ, есть и добавленія къ запискамъ Бань Юна, но такъ какъ Китай при Младшихъ Ханяхъ, повидимому, совсѣмъ не отправлялъ посольствъ въ западныя страны отъ двора и лишенъ былъ вслѣдствіе этого весьма важнаго источника достовѣрныхъ свѣдѣній, которымъ правительство и потомъ историки пользовались за время Старшихъ Ханей, то надо полагать, что записки Бань Юна дѣйствительно были почти единственнымъ матеріаломъ «Исторіи Младшихъ Ханей» для описанія западныхъ странъ. Изъ описанія этого, между прочимъ, видно, что во времена упадка китайскаго владычества между владѣніями Вост. Туркестана возникали войны, вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ владѣній подчинить себѣ сосѣднія. Первымъ усилился и подчинилъ себѣ почти всѣ остальныя Согюй (Яркендъ) при Хянѣ (33—61 гг.), получившемъ отъ подчиненныхъ владѣній титулъ шаньюя, который носилъ государь хунновъ; въ числѣ завоеваній его упоминается владѣніе Сиѣ, владѣльца котораго онъ убилъ, назначивъ на его мѣсто своего племянника; онъ заставилъ также платить себѣ дань владѣльца Давани (Ферганы); когда же тотъ сталъ уплачивать дань неисправно, то Хянь пошелъ съ нѣсколькими десятками тысячъ войска въ Давань, низложилъ явившагося къ нему даваньскаго владѣльца и назначилъ на его мѣсто одного изъ владѣльцевъ Вост. Туркестана, и лишь неоднократныя нападенія на Давань кангюйцевъ побудили его возвратить Давани прежняго владѣтеля, подъ условіемъ исправнаго платежа дани въ прежнемъ размѣрѣ [2]). Въ 60 г. возмутилось противъ Хяня владѣніе Юйтянь (Хотанъ); въ слѣдующемъ году Хянь былъ взятъ въ плѣнъ и черезъ годъ убитъ; Хотану подчинились 13 владѣній, въ томъ числѣ Согюй и Пишань [3]). Съ 120-хъ годовъ преобладаніе перешло къ Сулэ (Кашгаръ [4]).

По выше намѣченнымъ причинамъ, свѣдѣнія Младшихъ Ханей о западныхъ странахъ вообще были довольно скудны, а потому описаніе Западнаго края въ ихъ исторіи во многомъ уступаетъ цянь-ханьскому. Изъ при-памирскихъ владѣній описываются въ немъ только три цзыхэскихъ. Именно, послѣ упоминанія, въ описаніи владѣнія Юйтянь, что изъ него черезъ Пишань «идетъ дорога въ Сиѣ, Цзыхэ и Дэжо», помѣщено слѣдующее: «Сиѣ. Владѣніе Сиѣ иначе называется Піаошa; лежитъ отъ

пр., ч. I, стр. XVI), чрезъ два вѣка послѣ паденія Младшихъ Ханей. Отдѣлъ объ иностранныхъ государствахъ, гдѣ находится описаніе Западнаго края, составленъ ученымъ Chih (Hirth, тамъ же, р. 7).

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 108.

[2]) Тамъ же, стр. 122—125.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 126—128, 122 и 111.

[4]) Тамъ же, стр. 129 и 130.

Ло-янъ въ 14.400 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 2.500 семействъ, 10.000 д.; строевого войска 3.000 человѣкъ. Тамъ растетъ ядовитая бѣлая трава; туземцы варятъ ее и составляютъ ядъ, которымъ намазанное копьецо стрѣлы смертельно уязвляетъ. Въ исторіи старшей династіи Ханч ошибочно сказано, что Сиѣ и Цзыхэ суть одно и то же владѣніе. Нынѣ каждое изъ сихъ двухъ владѣній имѣетъ своего владѣтеля». Претензія составителей хэу-ханьскаго описанія Западнаго края находить ошибки въ цянь-ханьскомъ описаніи, при скудости свѣдѣній даже за собственное время, должна быть признана рѣшительно неосновательною: нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при Старшихъ Ханяхъ владѣтель Сиѣ былъ владѣтелемъ и Цзыхэ, и носилъ титулъ цзыхэскаго, при Младшихъ же Ханяхъ Сиѣ и Цзыхэ составляли отдѣльныя владѣнія. О «бѣлой травѣ», по китайски б а й-ц а о, о. Іакинфъ замѣчаетъ, что это «неизвѣстное растеніе». Можетъ быть, это та же самая бѣлая трава, которая произрастала въ Уча (Уто) по ханьскому описанію [1]), безъ указанія на ея ядовитость и употребленіе. Далѣе: «Ц з ы х э». «Мѣстопребываніе владѣтеля находится въ Хугяни, въ 1.000 ли отъ Сулэ. Народонаселеніе состоитъ изъ 350 семействъ, 4.000 душъ; строеваго войска 1.000 человѣкъ». Наконецъ «Д э ж о. Дэжоское владѣніе имѣетъ около 100 семействъ, 670 душъ; строеваго войска 350 человѣкъ. На востокъ до мѣстопребыванія правителя 3.530, до Ло-янъ 12.150 ли. Земли смежны съ цзыхэскими, да и обыкновенія одинаковы. Изъ Пишиная на юго-западъ чрезъ Учжя, Висячій переходъ и Гибинь 60 дней пути до владѣнія Угэшаньли» [2]). Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что новое маленькое цзыхэское владѣніе Дэжо должно было примыкать къ влад. Цзыхэ съ запада или сѣверо-запада. Если ханьское Сиѣ соотвѣтствуетъ приблизительно нынѣшнему Юлъарыку, а Цзыхэ Кокъяру, то Дэжо должно было находиться гдѣ-нибудь на западѣ или сѣверо-западѣ отъ Кокъяра въ бассейнѣ Яркендъ-дарьи. Въ описаніи владѣнія Согюй (Яркендъ) той же «Хэу-Хань-шу» сказано, что это владѣніе «на западъ простирается черезъ Сэрлыкъ и Цитеръ до Б. Юечжы» [3]). Въ подлинникѣ, вмѣсто Сэрлыкъ и Цитеръ, мѣстностей новаго времени, къ которымъ о. Іакинфъ, слѣдуя составителямъ «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи», пріурочиваетъ ханьскія владѣнія Пули и Улэй [4]), должны стоять эти послѣднія имена, изъ чего оказывается, что цзыхэскія владѣнія Пули и Улэй

---

[1]) Хотя эта бѣлая трава пропущена въ переводѣ о. Іакинфа, но, кромѣ перевода Wylie, она значится и въ переводѣ отрывковъ изъ „Си-юй-ту-чжи“ Эмбо Юара, гдѣ цитировано это мѣсто „Хань-шу“ (Recueil de documents sur l'Asie centrale, etc., 1881, p. 199).

[2]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 113 и 114.

[3]) Тамъ же, стр. 121 и 122.

[4]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3. Топографическій указатель, стр. 65, 5 и 92. О. Іакинфъ смѣшалъ, между прочимъ, два Улэя: одинъ, цзыхэское кочевое владѣніе, находилось на Памирѣ, другой же, служившій резиденціею кит. намѣстника, расположенъ былъ около сѣверн. береговъ Тарима.

продолжали существовать и во время Младшихъ Ханей. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожденіе Пули и Улэя къ западу отъ Яркенда, въ направленіи къ землямъ юечжей, занимавшихъ оба берега Аму-дарьи, показываетъ, что наше пріуроченіе Пули къ Кинколу и Улэя къ Памиру правильно. Упомянутая смежность подвластныхъ Согюю земель съ владѣніями юечжей, — существовавшая, конечно, лишь во время наибольшаго могущества Согюя, при вышеупомянутомъ Хянѣ, властвовавшемъ и надъ Ферганой, — побуждаетъ выяснить предѣлы владѣній юечжей на востокъ, сколько это возможно, по имѣющимся китайскимъ извѣстіямъ.

Если сообразить съ приведеннымъ мѣстомъ хэу-ханьскаго описанія Согюя объясненіе введенія къ описанію Западнаго края той же «Исторіи Младшихъ Ханей» объ южной и сѣверной дорогахъ на западъ, то представляется вѣроятнымъ, что южная дорога, шедшая чрезъ Яркендъ, направлялась далѣе въ Б. Юечжы чрезъ Пули и Улэй. Именно, повторяя такія же свѣдѣнія «Цянь-Хань-шу», введеніе говоритъ, что дорога, «идущая по сѣверную сторону южныхъ горъ по направленію рѣки до Яркяна, называется южною дорогою, которая, по переходѣ за Луковыя горы, ведетъ въ государства Б. Юечжы и Аньси; идущая... подлѣ сѣверныхъ горъ по направленію рѣки на западъ до Кашгара называется сѣверною дорогою, которая, по переходѣ черезъ Луковыя горы, идетъ въ Давань, Кангюй, Яньцай и Харашаръ» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 109 и 110). Невозможное помѣщеніе Харашара [1]) за Луковыя горы не мѣшаетъ пользоваться этими ханьскими извѣстіями въ остальномъ. Если сѣверная дорога вела изъ Кашгара въ Давань и т. д., то она должна была пролегать вверхъ по Кызылъ-су на Ошъ и далѣе по Ферганѣ. Южная же дорога изъ Яркенда, въ виду хэу-ханьскаго указанія на распространеніе яркендскаго владѣнія до Б. Юечжы чрезъ Пули и Улэй, должна была, повидимому, направляться черезъ Кинколъ, Малый Каракуль, Рангъ-куль, Кызылъ-

[1]) Полный переводъ хэу-хяньскаго описанія Западнаго края данъ до сихъ поръ лишь о. Іакинфомъ. Вмѣсто „Харашаръ“ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ „Цянь-Хань-шу“ стоитъ Яньци („Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 34), въ переводѣ же Wylie (p. 21) Yen-ke, причемъ англійскій синологъ перенесъ это имя въ слѣдующее предложеніе: „Въ Янь-ки и другихъ государствахъ Западнаго края ведутъ осѣдлую жизнь“ и т. д. Сдѣлать подобный переносъ въ переводѣ текста „Хэу-Хань-шу“ невозможно, потому что послѣ слова „Харашаръ“ у о. Іакинфа поставлена точка и затѣмъ слѣдующая фраза, къ которой прицѣпить Янь-ки рѣшительно не приходится: „Изъ Юй-мынь“ (крѣпости на границѣ китайскихъ земель около нынѣшняго Ша-чжеу) „по дорогѣ черезъ Шаньшань“ (около Лобъ-нора), „Гюймо и Цзиньгюе 3.000 ли до Гюйми“ (стр. 110), т. е. до нынѣшней Керіи. „Отъ Гюйми на западъ до Хотана 390 ли“ (стр. 111), по Гренару же,—Mission scientifique, partie 2, p. p. 217—218,—отъ Хотана до Керіи $162^1/_2$ килом., т. е. $152^1/_3$ в., такъ что, если Гюйми находилось на мѣстѣ Керіи, то 1 в. равняется 2,56 хэу-ханьскихъ равнинныхъ ли. Если бы Янь-ки находилось только въ текстѣ „Хэу-Хань-шу“, то, быть можетъ, возможно было бы объяснять его появленіе ошибкою или опискою вмѣсто владѣнія Янь, которое описывается, какъ лежащее на сѣверѣ отъ Яньцая (стр. 121), но историкамъ Старшихъ Ханей это Янь было, повидимому, неизвѣстно, потому что совсѣмъ у нихъ не упоминается (см. стр. 58, у Wylie p. 44).

артъ, Алай и Каратегинъ на Аму-дарью. Направленіе изъ Кинкола на Б. или Малый Памиръ, а затѣмъ черезъ Ваханъ и Бадахшанъ, мало вѣроятно, потому что тогда необъяснимъ напрасный крюкъ южной дороги на Яркендъ вмѣсто пути изъ Хотана на Пишань и Уча-Ташкурганъ по гибиньской дорогѣ до Сархада. Нѣкоторую связь съ направленіемъ дороги въ Б. Юечжы должно бы имѣть расположеніе восточныхъ юечжійскихъ княжествъ, а потому будетъ умѣстнымъ разсмотрѣть китайскія о нихъ свѣдѣнія.

Въ «Цянь-Хань-шу» юечжы [1]) описываются, какъ кочевой народъ изъ 100 т. семействъ съ 100 т. войска, покорившій Дахя. «Дахя собственно не имѣетъ верховнаго государя, а каждый городъ поставляетъ своего владѣтеля. Народъ слабъ и боится войны, почему и покоренъ нашедшими юечжысцами. Находится пять Хи-хэу, которые доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы». Таковъ переводъ о. Іакинфа, который перечисляетъ хи-хэу, поясняя, что это «китайскій титулъ княжескаго достоинства» и что «это удѣльные князья юечжыскаго дома», и заканчиваетъ переводъ статьи «Большой Юечжы» слѣдующимъ: «Сіи пять владѣтелей состоятъ въ зависимости отъ Б. Юечжы». По переводу Wylie, въ «Та-Ѣеа изъ-начала (originally) не имѣлось верховнаго главы, а по обычаю поставлялись мелкіе начальники въ городахъ. Но народъ былъ слабъ и боялся войны. Поэтому, когда подступили къ ихъ странѣ юечжійцы, they all become their vassals, and they presented a united petition to Chinese envoy. They have five Heïh-hows». Послѣ перечисленія хи-хэу, въ заключеніе сказано: «These five Heïh-hows are all dependents of the Ta-Yuë-she». Переводъ Ed. Specht: «Первоначально Дахя не имѣли государя или общаго главы (un souverain ou un magistrat principal): каждый городъ, каждое мѣстечко (bourgade) управлялись своимъ (особымъ) начальникомъ (magistrat). Населеніе было слабое и боялось войны. Когда прибыли юечжи, оно покорилось. Есть (Il y a) пять княжествъ» (principautés). Далѣе слѣдуетъ перечисленіе хи-хэу, какъ у Іакинфа и Wylie, съ поясненіемъ, что «эти пять княжествъ зависятъ отъ Б. Юечжы».

Итакъ, въ переводѣ французскаго синолога совсѣмъ отсутствуетъ мѣсто, въ которомъ у русскаго и у англійскаго переводчиковъ упоминается о китайскихъ посланникахъ или послѣ. Нельзя однако допустить, чтобы два послѣднихъ вымыслили это мѣсто, притомъ независимо одинъ отъ другого. Приходится полагать, что оно существуетъ въ подлинникѣ «Цянь-Хань-шу», хотя одинъ изъ двухъ переводчиковъ перевелъ его ошибочно, третій же почему-то пропустилъ, если и имѣлъ предъ глазами подлинный текстъ. Ошибочнымъ представляется переводъ Wylie, такъ

[1]) Имѣются переводы статьи Б. Юечжы изъ I части 96 книги „Цянь-Хань-шу“ въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 3, стр. 54—56, у Wylie, p. p. 40—41, и Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. p. 322—323.

какъ ни о какомъ китайскомъ послѣ въ статьѣ о Б. Юечжы не упоминается ни ранѣе, ни послѣ приведенныхъ строкъ, и сверхъ того въ китайскихъ извѣстіяхъ о первомъ и единственномъ, сколько извѣстно, китайскомъ послѣ, который велъ съ юечжійцами политическіе переговоры, между прочимъ въ біографіи этого посла, именно Чжанъ Цяня, переведенной Wylie (The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1880, vol. X, pp. 66—73), нѣтъ ничего подобнаго. Трудно и допустить, чтобы подвластное юечжійскому государю населеніе Дахя обратилось съ какою-либо общею просьбою къ посланцу иностраннаго государства, безуспѣшно домогавшагося отъ юечжей союза противъ хунновъ и возвращенія въ прежнее мѣсто обитанія этого народа близъ границъ Китая. Напротивъ, разсматриваемое мѣсто въ переводѣ о. Іакинфа представляется въ вполнѣ понятномъ и естественномъ смыслѣ: многочисленные въ царствованіе императора Ву-ди китайскіе посланники, отправлявшіеся въ Аньси (Парфянское царство) и во владѣнія селевкидовъ и римлянъ за рѣдкостями запада, въ передній и обратный путь, вступая въ предѣлы земель юечжей, должны были неизбѣжно обращаться къ пограничнымъ начальникамъ съ просьбами относительно пріобрѣтенія съѣстныхъ припасовъ, проводниковъ и перевозочныхъ средствъ, а потому въ донесеніяхъ своихъ должны были часто упоминать объ этихъ начальникахъ по поводу различныхъ съ ними столкновеній. Этимъ путемъ китайскому правительству и составителямъ описанія западныхъ странъ и должны были сдѣлаться извѣстными пограничные юечжійскіе князья, съ которыми посланники имѣли дѣло.

Изъ текста «Цянь-Хань-шу», въ томъ видѣ, какъ содержаніе его представляется по переводамъ Іакинфа и Specht'a, нельзя основательно заключить, что хи-хэу Хю-ми (Hieou-mi, а у Wylie Heu-mih), имѣвшій пребываніе въ городѣ Хо-мо (Ho-me, у W. Ho-mih), въ 2.841 ли отъ мѣстопребыванія китайскаго намѣстника и 7.802 ли отъ китайской пограничной заставы Янъ-гуань по всѣмъ тремъ переводамъ, Шуанъ-ми (Chouang-mo, Chwang-me) съ резиденціею въ городѣ Шуанъ-ми (3.741 и 7.782 ли отъ названныхъ пунктовъ), Гуй-шуанъ (Kouei-chouang, Kwei-seang), съ резиденціею въ г. Хо-цзо (Hou-tsao, Hwo-tsaou), (въ 5.940 и 7.982 ли), Хэй-тунь (Hi-thun, Heih-tun) въ г. Бо-мо (Po-mao, Po-maou), (въ 5.962 и 8.202 ли) и Гао-фу (Kao-fou, Kaou-foo), съ резиденціею въ г. Гао-фу (6.041 и 9.283 ли), были единственными родоначальниками или князьями у юечжей или даже только то, что пять хи-хэу составляли собою всѣхъ пограничныхъ начальниковъ. Страннымъ образомъ, «Хэу-Хань-шу» не только оказывается въ явномъ противорѣчіи по этому предмету съ «Исторіею Старшихъ Ханей», но въ одномъ случаѣ прямо обвиняетъ послѣднюю въ невѣрности ея утвержденій: «Когда домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на

пять княжескихъ домовъ: Хюми, Шуанми, Гуйшуанъ, Хисѣ (Hi-t'hun) и Думи (Tou-mi). По прошествіи съ небольшимъ ста лѣтъ гуйшуанскій князь Кіоцзюкю покорилъ прочихъ четырехъ князей и объявилъ себя государемъ подъ названіемъ гуйшуанскаго. Онъ началъ воевать съ Аньси, покорилъ Гаофу, уничтожилъ Пуду и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ. Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ. По смерти его сынъ Яньгаочжень получилъ престолъ, и еще покорилъ Индію, управленіе которой вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ». Въ статьѣ о Гаофу говорится между прочимъ: «Владѣніе Гаофу попеременно находилось подъ зависимостью другихъ. Его покоряли Индія, Гибинь и Аньси, когда усиливались; а когда ослабѣвали, то теряли, но никогда еще оно не было подъ зависимостью Б. Юечжы. Исторія Старшаго дома Хань увѣряетъ, что Гаофу находилось подъ зависимостью (одного изъ) пяти юечжискихъ князей. Это несправедливо. Оно было подъ зависимостью Аньси, а Юечжы пріобрѣлъ Гаофу съ покореніемъ Аньси» [1]). Такъ какъ составители «Хэу-Хань-шу» не дали никакихъ доказательствъ правильности своихъ утвержденій, то для возможнаго выясненія—чьи показанія ближе къ дѣйствительности — необходимо остановиться на слѣдующихъ обстоятельствахъ: составитель «Цянь-Хань-шу» Бань Гу и заканчивавшая, за смертію его въ 92 г. по Р. Х., нѣкоторые отдѣлы этой исторіи сестра его [2]), кромѣ собранныхъ въ 74—39 г. до Р. Х. китайскимъ правительствомъ спеціально матеріаловъ для описанія западныхъ странъ, могли пользоваться донесеніями столь многочисленныхъ при Старшихъ Ханяхъ посольствъ, а также, для сличенія архивныхъ данныхъ съ современными свѣдѣніями о Западномъ краѣ, прибѣгать къ словеснымъ и письменнымъ сообщеніямъ младшаго брата Бань Гу, правившаго Западнымъ краемъ съ 83 г. [3]), Бань Чао. Такимъ образомъ составители «Цянь-Хань-шу» обладали очень недурными средствами имѣть вѣрныя свѣдѣнія, и допустить ошибки съ ихъ стороны затруднительно. Напротивъ, весьма мало вѣроятно, чтобы редакторы «Хэу-Хань-шу», составлявшіе послѣднюю чрезъ четыре столѣтія послѣ паденія Старшихъ Ханей, имѣли, помимо «Цянь-Хань-шу» и источниковъ, извѣстныхъ составителямъ послѣдней, достовѣрныя свѣдѣнія за время Старшихъ Ханей, когда даже за время Младшихъ Ханей источники ихъ были скудны, ограничиваясь, главнымъ образомъ, о западныхъ странахъ,

---

[1]) Переводъ Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 3, стр. 118 и 119, а также согласный съ нимъ во всемъ существенномъ переводъ Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p. p. 324—326.

[2]) Іакинфъ въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 1, стр. XV, утверждаетъ, что по смерти Бань-Гу окончаніе его труда поручено было его зятю, но по свѣдѣніямъ Mailla (Histoire générale de la Chine, t. 1, p. XXVIII), Hirth'a (China and the Roman Orient, p. 3), Specht'a (Journal asiatique, 1897, t. X, p. 182) и многихъ другихъ окончаніе „Цянь-Хань-шу“ возложено было на сестру Бань-Гу. По Specht'y (тамъ же), отдѣлъ о западныхъ странахъ былъ написанъ весь рукою самого Бань-Гу, сестрѣ же его привелось оканчивать нѣкоторые другіе отдѣлы.

[3]) Ed. Specht, тамъ же, p. 183.

записками Бань Юна, составленными въ 125 г. по Р. Х. Если затѣмъ принять во вниманіе обязательное у китайцевъ почтительное отношеніе къ старшимъ родственникамъ, то окажется сомнительнымъ, чтобы Бань Юнъ сталъ возводить противъ своего дяди или тетки обвиненія въ допущеніи невѣрностей въ ихъ историческомъ трудѣ, а потому приходится предполагать, что редакторы «Хэу-Хань-шу» сдѣлали свои поправки и опроверженія свѣдѣній «Исторіи Старшихъ Ханей» вслѣдствіе какихъ-нибудь собственныхъ недоразумѣній или полагаясь на какія-нибудь незаслуживающія довѣрія мнѣнія или извѣстія. Такого, надо думать, взгляда держались на разсматриваемыя поправки и опроверженія редакторовъ «Исторіи Младшихъ Ханей» составители «Исторіи династіи Юань-Вэй» (а также составители Бэй-шы, заимствовавшіе изъ «Вэй-шу» отождествленія, о которыхъ будетъ рѣчь сейчасъ), описывая пять современныхъ владѣній V или начала VI вѣка, бывшихъ, по ихъ завѣренію, землями пяти хи-хэу временъ Старшихъ Ханей, причемъ въ числѣ пяти оказывается Гаофу и отсутствуетъ Думи, которымъ Фань Хуа замѣнялъ Гаофу, должно быть для того, чтобы сохранилась цифра пяти. Разумѣется, составителямъ «Цянь-Хань-шу», по описанію которыхъ юечжійцы были народомъ кочевымъ и скотоводческимъ, сходнымъ по обычаямъ съ хуннами («Собр. свѣд.», стр. 54), было не менѣе, чѣмъ редакторамъ «Хэу-Хань-шу», извѣстно, что они дѣлились на роды съ родоначальниками во главѣ или князьями, но, за неимѣніемъ ли полныхъ свѣдѣній или не считая нужнымъ вносить въ исторію перечень многочисленныхъ всегда родовъ у кочевого народа, они ограничились указаніемъ тѣхъ пограничныхъ родоначальниковъ или князей, о которыхъ чаще упоминалось въ донесеніяхъ китайскихъ посланниковъ. Что это были именно пограничные князья, это явствуетъ, какъ изъ того, что они доставляли посланникамъ съѣстные припасы,—въ чемъ внутри страны едва ли была надобность, такъ какъ китайцы могли покупать все нужное на базарахъ городовъ и селеній,—такъ и изъ вѣроятнаго, какъ увидимъ, нахожденія всѣхъ или большей части владѣній пяти хи-хэу [1]) дѣйствительно на границахъ владѣній юечжей времени Старшихъ Ханей.

---

[1]) По догадкамъ проф. Ф. Хиртa (Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, von D-r W. Radloff, zweite Folge, St.-Petersbourg, 1899. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, von Prof. Dr. Friedrich Hirth, S. 47—50), титулъ hi-hou тождественъ съ титуломъ я б-г у древнихъ тюркскихъ народовъ, начиная съ хунновъ, лишь въ иной китайской транскрипціи. Появился этотъ титулъ у китайцевъ, по его мнѣнію, около 123 г. до Р. Х., когда онъ дарованъ былъ передавшемуся китайцамъ знатному хунну Чжао Синь, и могъ быть переводимъ Markgraf von Hi, гдѣ подъ Hi разумѣлась бы одна мѣстность этого имени на правомъ берегу Yang-tzi, къ югу отъ Chin kiang. Но на самомъ дѣлѣ, какъ полагаетъ Хиртъ, это была лишь передача въ китайской транскрипціи тюркскаго титула яб-гу китайскими знаками, имѣющими подходящіе звуки, а не дѣйствительный переводъ. Всѣ эти остроумныя догадки имѣютъ основанія, но могутъ встрѣтить и серьезныя затрудненія (напр., въ отсутствіи титула хи-хэу въ двухъ подробныхъ перечисленіяхъ титуловъ и высшихъ должностей у хунновъ, см. въ „Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 14,

Въ «Бэй-шы»,—по переводу о. Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 171 и 172,—имѣются заимствованныя, видимо, по полной тождественности, изъ «Вэй-шу», составленной на-много ранѣе, описанія пяти владѣній (переводъ изъ 102 книги «Вэй-шу» данъ Ed. Specht'омъ въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p.p. 331 — 332), въ которыхъ однообразно сказано: «Жители обитаютъ въ горныхъ долинахъ» (у Specht'a: les habitants demeurent au milieu des montagnes et des vallées). Въ каждомъ описаніи показано разстояніе резиденціи отъ Дай, т.-е. столицы сѣвернаго Китая временъ династіи Юань-Вэй (386 — 534 г.). Остальное же содержаніе описаній слѣдующее:

Гапэй (у Sp. Kia-pei) есть древній владѣтельный домъ Сюми хи-хэу (по Specht'y principauté de Hieou-mi). Резиденція въ городѣ Хомо (Ho-mo), отъ Яркяна на западѣ, отъ Дай въ 13.000 ли.

Чжесѣмосунь (Tche-sei-mo-sun) есть др. влад. домъ Шуаньми хи-хэу (Chouang-mo). Резиденція въ городѣ Шуаньми, отъ Гапэя на западѣ, отъ Дай въ 13.500 ли.

Цяньдунь (Kien-tun) есть древній влад. домъ Гуйбо хи-хэу (у Sp., какъ и въ его же переводѣ изъ «Цянь-Хань-шу», Kouei-chouang). Резиденція въ городѣ Хоцзао (Hou-tsao), отъ Чжесѣмосуни на западѣ; отъ Дай въ 13.560 ли.

Фудиша (Fo-ti-cha) есть древній владѣт. домъ Ситунь (Hi-thun) хи-хэу. Резиденція въ Бомао (Po-mao), отъ Цяньдуни на западѣ, отъ Дай въ 13.660 ли.

Яньфогѣ (Yen-feou-ye) есть древній владѣт. домъ Гаофу (Kao-fou) хи-хэу. Резиденція въ городѣ Гаофу, отъ Фудиши на югѣ, отъ Дай въ 13.760 ли.

Къ этому надо еще прибавить, что, по введенію къ содержащемуся въ 97 книгѣ «Бэй-ши» описанію Западнаго края, одна изъ дорогъ, ведущихъ за Цунлинъ, «лежитъ отъ Яркяна на западъ до Луковыхъ горъ 100 ли, и отъ Луковыхъ горъ на западъ 1.300 ли до Габей», а другая дорога «идетъ отъ Яркяна на юго-западъ 500 и отъ Луковыхъ горъ на

---

15 и 119). Существованіе титула хи-хэу во всякомъ случаѣ недостаточно для убѣжденія въ принадлежности юечжей къ тюркскимъ народамъ, пока не будутъ представлены другія доказательства, потому что титулъ этотъ могъ быть заимствованъ юечжійцами у сосѣднихъ тюрковъ или и не существовалъ у юечжей, а явился у китайцевъ въ качествѣ перевода юечжійскаго титула на тюркскій языкъ тюркскими переводчиками, которыхъ, вѣроятно, употребляли китайцы въ сношеніяхъ съ юечжійцами. Въ пяти хи-хэу проф. Хиртъ видитъ „пять сатрановъ, правившихъ, въ зависимости отъ главы индо-скиѳскаго царства, именовавшагося сыномъ неба (тянь-цзы), извѣстными пограничными областями, которыхъ положеніе точнѣе описано въ „Вэй-шу“ (S. 49). Ни въ одномъ изъ переводовъ и изложеній китайскихъ извѣстій объ Юечжы титула „сынъ неба“ для юечжійскаго государя доселѣ не встрѣчалось. Хи-хэу считаю я князьями пограничныхъ округовъ или областей на иныхъ, выше указанныхъ, основаніяхъ, но переводъ хэу чрезъ Markgraf (у Wylie—Marquis) это заключеніе подтверждаетъ.

юго-западъ же 1.300 ли до Болу»[1]). Такъ какъ подъ Болу китайцы разумѣли въ данное время и позднѣе горныя страны, лежащія на южныхъ склонахъ Хиндукуша, Мустага и Каракорума отъ Читрала по Ладакъ, то шедшая отъ Яркенда на юго-западъ дорога должна была вести въ Канджутъ и Гилгитъ или въ Ясинъ и Читралъ, т.-е. пролегать не западнѣе Б. Памира; западное же направленіе дороги на Габей показываетъ, что она должна была итти на Кинколъ, Рангъ-куль, Кызылъ-артъ и внизъ по Кызылъ-су на Аму-дарью, или отъ Рангъ-куля, болѣе западнымъ путемъ, на пер. Кокуй-бель и затѣмъ на Алтынъ-мазаръ и отсюда на Кызылъ-су или западнѣе чрезъ ущелье р. Мукъ-су на Сурхабъ. Такимъ образомъ юань-вэйская дорога на западъ отъ Яркенда совпадаетъ съ хэу-ханьскою дорогою отъ Яркенда въ Б. Юечжы и Аньси, пролегавшею чрезъ Пули и Улэй въ Каратегинъ. По новѣйшимъ картамъ, разстояніе по намѣченному пути отъ Яркенда до каратегинскаго города Гарма составляетъ около 600 в. или нѣсколько болѣе, что соотвѣтствовало бы юань-вэйскому разстоянію отъ Яркяна до гапэйской столицы Хомо въ 1.400 ли, если бы тогдашняя мѣра ли нормальнѣе приближалась къ нынѣшней, отъ которой въ иныхъ случаяхъ далеко отклоняется. Разстояніе Гапэя отъ столицы Дай должно бы равняться разстоянію отъ Дай до Яркяна[2]) съ добавленіемъ 1.400 ли отъ Яркяна до Гапэя, т.-е. 14.380 ли; между тѣмъ Гапэй означенъ отъ Дай въ 13.000 ли. Такъ какъ Юйтянь (Хотанъ) показанъ въ 9.800 ли отъ Дай («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 144) и Сулэ (Кашгаръ) въ 11.250 ли (стр. 162), то очевидна ошибка въ разстояніи Кюйсо—Яркяна отъ Дай, а потому разстояніе Гапэя отъ Дай можетъ быть показано не далекимъ отъ истиннаго. Если кромѣ направленія и разстоянія отъ Яркенда, указывающихъ на нахожденіе Хюми-Гапэя съ столицею Хомо около Каратегина и главнаго его пункта Гарма, принять въ соображеніе, что Хомо есть весьма возможная китайская транскрипція имени Гармъ и что имя Хюми ханьскихъ временъ очень близко къ имени владѣнія Гуймитанской династіи, тождественнаго съ Kiu-mi-tho Сюань Цзана и занимавшаго, какъ увидимъ впослѣдствіи, приблизительно мѣстность Каратегина, то представляется весьма вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ, что область юечжійскаго хи-хэу Хюми соотвѣтствовала Каратегину или западной его части со включеніемъ Гарма. Оказывающаяся вѣрность опредѣленія въ «Бэй-ши» мѣстонахожденія перваго юечжійскаго княжества ханьскихъ временъ даетъ основаніе полагать и остальныя опредѣленія въ «Бэй-шы» древнихъ юечжійскихъ пограничныхъ княжествъ болѣе или менѣе достовѣрными, хотя мы и не знаемъ—какими источниками и данными составители «Бэй-шы» или точнѣе «Вэй-шу» при этомъ руководствовались.

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 141.

[2]) Кюйсо, „древній городъ Яркянъ“, показанъ въ „Бэй-шы“ отъ Дай въ 12.980 ли („Собр. свѣдѣній“, ч. 3, стр. 147).

Имени Чжесѣмосунь, какъ и имени Гапэй [1]), не сохранилось, сколько извѣстно, въ употребленіи на мѣстахъ и не встрѣчается въ историческихъ извѣстіяхъ, но къ ханьскому имени Шуанми подходитъ имя Сумань (Souman) у Сюань Цзана и Суманъ или Шуманъ у арабскихъ историковъ и географовъ. По Сюань Цзану, на востокъ отъ владѣнія Тами находилось владѣніе Чигояньна, за нимъ владѣніе Холумо, далѣе Сумань и за нимъ, все на востокъ, Хуша [2]). По сходству именъ и расположенію, въ этихъ владѣніяхъ европейскими комментаторами узнаны встрѣчающіяся потомъ у мусульманскихъ писателей области Тармизъ, Саганіанъ, Ахарунъ, Суманъ или Шуманъ и Вашгирдъ [3]). Такъ какъ по Истахри и Ибнъ-Хаукалу, отъ Тармиза до Чаганіана 4 дня пути, отъ послѣдняго до Шумана 2 дня и отъ него до Вашгирда тоже 2 дня [4]), то,—въ виду нахожденія отъ развалинъ Тармиза въ 120 в. съ небольшимъ [5]) города Денау, отъ него въ 66 в. [6]) Каратага, далѣе въ 50½ в. [7]) Дюшамбе, потомъ въ 30 верстахъ [8]) Кафирнихана и, наконецъ, въ 25½ в. [9]) Файзабада,—слѣдуетъ принять съ В. В. Бартольдомъ, что городъ Саганіанъ находился около нынѣшняго Денау [10]), и съ Томашекомъ, что столицы древнихъ владѣній соотвѣтствовали приблизительно: Холумо—г. Каратагу, Шуманъ—г. Дюшамбе и Вашгирдъ—нынѣшнему г. Файзабаду. Разстояніе Шумана отъ Гарма, равняющееся приблизительно 160 в., не неподходяще къ разстоянію отъ Чжесѣмосуни до Хюми-Гапэя, если опредѣлить его разницею разстояній отъ Дай до Чжесѣмосуни-Шуанми въ 13.500 ли и Гапэя-Хомо въ 13.000 ли, т.-е. въ 500 ли. Для родовичей шуманскаго хи-хэу имѣлись бы хорошія

---

[1]) Имя нынѣшняго Кабадіана или Кобадіана, Kio-ho-yen-na Сюань Цзана-Кувадіана у арабскихъ географовъ и историковъ, могло бы считаться подходя, щимъ къ имени Гапэй, если бы допустить, что въ юаньвэйское время владѣтель Кобадіана обладалъ и Гармомъ, имѣя тамъ, напримѣръ, лѣтнюю резиденцію, но это не совсѣмъ мирится съ пріуроченіемъ Шуанми къ Шуману. Нынѣ отъ Кабадіана до Хиссара 115 в. („Извѣстія И. Р. Г. О“, 1884 г., стр. 597), отъ котораго до Гарма около 180 в

[2]) Mémoires sur les contrées occidentales, etc., trad. par St. Julien, Paris, 1857, t. I, p. p. 22 - 27.

[3]) W. Tomaschek, Centralasiatische Studien. I. Sogdiana, Wien, 1877, S. 41—44.

[4]) Die Post-und Reise-routen des Orients, von A. Sprenger, въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, herausgegeben von der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, B. 3, № 3, Leipzig, 1864, S. 43.

[5]) „Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 57, Спб., 1894, стр. 398.

[6]) Тамъ же, стр. 45.

[7]) Id., стр. 350 и 351. Это разстояніе дано по дорогѣ чрезъ Хиссаръ, но прямой путь короче. Равнымъ образомъ изъ Денау въ Дюшамбе существуетъ прямой и болѣе короткій путь, чѣмъ чрезъ Каратагъ. Вслѣдствіе этого отъ Денау до Дюшамбе по прямому пути должно быть не 116½ в., какъ выходитъ чрезъ Каратагъ и Хиссаръ, а только около 80—85 в.

[8]) Тамъ же, стр. 350.

[9]) Id., стр. 349.

[10]) „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, ч. 2, Спб., 1900 года, стр. 74.

зимовки въ хиссарской долинѣ, а равно въ долинѣ Кафирнихана, и отличныя лѣтовки въ горахъ вершинъ Кафирнихана и его притоковъ.

Въ пріуроченіи остальныхъ областей юечжійскихъ хи-хэу цянь-ханьскихъ временъ юань-вэйскія разстоянія отъ Дай помочь могутъ слишкомъ мало, потому что разницы между 13.500 ли, 13.560 ли, 13.660 ли и 13.760 ли такъ незначительны, что едва ли цифры эти сколько-нибудь вѣрны. Остается поэтому руководствоваться направленіями и именами. Не входя въ подробности, умѣстныя въ особомъ изслѣдованіи по исторіи юечжійцевъ или кушановъ, я ограничусь здѣсь тѣмъ, что имя города Хоцзао или Хоцзо близко къ имени нынѣшняго города Гузаръ [1]) и что, поэтому, цянь-ханьское княжество Гуйшуанъ, т.-е. Кушанъ, находилось, вѣроятно, въ бассейнѣ Гузаръ-дарьи и ея верховьевъ, дѣйствительно на западѣ отъ Шуанми-Шумана, какъ указано въ «Вэй-шу». Въ такомъ случаѣ это княжество приходилось на границѣ юечжійскихъ владѣній съ состоящими въ вассальномъ подчиненіи Кангюю владѣніями по Зеравшану (въ томъ числѣ Согдъ) [2]). Думи, которымъ «Хэу-Хань-шу» замѣнила Гаофу, вѣроятно, соотвѣтствуетъ области нынѣшней Кашка-дарьи (Думо, въ «Собр. свѣд.», 3, стр. 247). Что касается остальныхъ двухъ цянь-ханьскихъ хи-хэу, то имя резиденціи Бомо или Бомао указываетъ на Баміанъ, Гаофу же, на югѣ отъ Баміана, какъ гласятъ свѣдѣнія «Бэй-шы» и «Вэй-шу», есть Кабулъ.

Такимъ образомъ области всѣхъ пяти хи-хэу оказываются лежащими на границахъ земель юечжей. Что это не всѣ пограничныя княжества, а только тѣ, съ которыми преимущественно имѣли дѣло китайскіе посланники по поводу потребностей для продолженія пути, это ясно изъ отсутствія упоминанія хи-хэу, которые, безъ сомнѣнія, были въ Бадахшанѣ и на западныхъ границахъ юечжей съ Парѳянскимъ царствомъ. Отсутствіе хи-хэу въ сторонѣ Бадахшана свидѣтельствуетъ, что китайскіе послы не ѣздили въ Юечжы путями чрезъ Ваханъ и Шигнанъ. Надо думать, впрочемъ, что земли юечжей въ ханьскія времена не простирались на востокъ далѣе западной части Каратегина и Бадахшана, Ваханъ же, Шигнанъ, Рошанъ и Дарвазъ въ составъ ихъ не входили, ибо, по безлюдности или малолюдности, не представляли никакого интереса даже для юечжей-кочевниковъ, по малому количеству пастбищъ, суровости климата и трудности сообщеній. Путь черезъ Каратегинъ могъ китайскими посланцами предпочитаться дорогѣ чрезъ Фергану и Согдіану по той причинѣ, что страны эти, во время обѣихъ ханьскихъ династій, состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Кангюю, а потому китайцамъ было удобнѣе изъ подчиненныхъ владѣній Таримскаго бассейна слѣдовать въ Юечжы чрезъ

[1]) Правильнѣе была бы транскрипція Хузаръ (В. В. Бартольдъ, „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, Спб., 1900, ч. 2, стр. 135).

[2]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 58, 59, 121, 243, 246 и др.

смежный съ ними Хюми-Каратегинъ. Что Фергана находилась въ зависимости отъ Кангюя или, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ его вліянія и интересовъ, это видно изъ того, что, какъ уже упоминалось, кангюйцы воспрепятствовали силою оружія яркендскому владѣтелю Хяню (33—61 гг. по Р. Х.) поставлять владѣльцевъ Ферганы по своему усмотрѣнію. По исторіи же Младшихъ Ханей («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 121) «владѣніе Суи» (цянь-ханьское Сусѣ, у Wylie, p. 44, Soo-heae) состояло «въ зависимости отъ Кангюя», который въ это время еще усилился, такъ какъ ему при Младшихъ Ханяхъ подчинилось владѣніе Янь, на сѣверо-западѣ отъ Яньцая (аланов), вѣроятно угро-финны восточнаго Приуралья, ибо владѣніе Янь платило Кангюю дань мѣхами (тамъ же).

По всей вѣроятности, основанная гуйшуанскимъ Кіоцзюкю воинственная кушанская династія обратила свое оружіе на завоеваніе Гаофу, Гибини и Индіи вслѣдствіе богатства этихъ странъ и военной ихъ слабости, тогда какъ для овладѣнія сравнительно бѣдными Согдіаной и Ферганой пришлось бы вступить въ борьбу съ сильнымъ Кангюемъ, для подчиненія же рѣдкихъ и бѣдныхъ оазисовъ Таримскаго бассейна предстояло войти въ столкновеніе съ Китаемъ.

Въ «Хэу-Хань-шу» есть извѣстіе объ одномъ вооруженномъ столкновеніи юечжей съ китайцами, вызванномъ не завоевательными замыслами, а нанесеннымъ государю юечжей оскорбленіемъ. По содержащейся въ 77 книгѣ «Исторіи Младшихъ Ханей» біографіи Бань Чао [1], этотъ китайскій правитель Западнаго края, въ 84 г. по Р. Х., съ войсками владѣній Юйтяни и Сулэ, выступилъ на Согюй (Яркендъ), но сулэскій владѣтель Чжунъ (Tchong) вошелъ въ тайное соглашеніе съ согюйцами и удалился съ своимъ войскомъ на западъ, къ мятежникамъ, «для обороны города Ou-tsi» [2]. Бань Чао объявилъ Чжуна лишеннымъ престола, возвелъ на его мѣсто другого знатнаго сулэсца и двинулся на мятежника. Чжунъ получилъ помощь отъ Кангюя, выславшаго къ нему войско изъ отборныхъ ратниковъ. Тогда Бань Чао отправилъ посланцевъ къ государю юечжей, вступившему въ это время въ брачную связь съ кангюйскимъ владѣтелемъ, поручивъ посламъ предложить юечжійскому монарху шелковыя матеріи, «давъ понять, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если увѣдомитъ государя Кангюя». Словомъ, Бань Чао просилъ склонить кангюйскаго владѣтеля отказаться отъ поддержки Чжуна. Просьба была уважена. Кангюйскія войска были отозваны и увели съ собою Чжуна [3]. «Тогда городъ

[1]) Переводъ относящихся къ столкновеніямъ съ юечжами мѣстъ этой біографіи данъ Ed. Specht въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. p. 184—187.

[2]) Что это за городъ и какіе это мятежники—переводчикъ не выяснилъ, вѣроятно, за недостаткомъ въ біографіи данныхъ.

[3]) Въ описаніи владѣнія Сулэ, содержащемся въ „Исторіи Младшихъ Ханей“, сказано, что Бань Чао въ 73 г. поставилъ въ тамошніе владѣтели Чжуна, „но Чжунъ послѣ поднялъ бунтъ и Бань Чао отсѣкъ ему голову“ („Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 128).

Ou-tsi покорился Бань Чао». Нѣсколько лѣтъ позже, по словамъ біографіи, «юечжи помогли Ханямъ (т.-е. Китаю) въ нападеніи на Гу-шы (Kiu-sse); это нападеніе увѣнчалось успѣхомъ». Переводчикъ справедливо признаетъ отправленіе юечжійскихъ войскъ къ Турфану и Урумчи, гдѣ находились владѣнія Гушы или Чешы, невѣроятнымъ по дальности разстоянія; онъ предполагаетъ, что упоминаемое нападеніе при помощи юечжійцевъ было совершено не при Младшихъ Ханяхъ, а при Старшихъ, когда юечжы во II вѣкѣ до Р. Х. обитали еще на границахъ Китая. Послѣдняя догадка едва ли основательна, потому что по «Цянь-Хань-шу» «первое» нападеніе китайцевъ на Гушы или Чешы произведено было въ 99 г. до Р. Х. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 89), когда юечжы давно уже находились на Аму-дарьѣ. По описанію Западнаго края въ «Хэу-Хань-шу», «Чешы поддались Китаю» при Младшихъ Ханяхъ въ 73 г., когда китайцы заняли Ивулу (нынѣ Хами), «но когда хунны послали на нихъ войско, то они снова опять покорились сѣвернымъ хуннамъ» и возвратились въ китайское подданство лишь послѣ побѣдъ, одержанныхъ Китаемъ надъ хуннами въ 90 г. («Собр. свѣд.», стр. 133). Послѣ своего столь мало вѣроятнаго извѣстія о помощи юечжей противъ Гушы, біографія Бань Чао продолжаетъ: «Въ этомъ году» (какомъ—не сказано) «юечжы хотѣли представить (китайскому императору) драгоцѣнные предметы, фу-ба (единорога), льва, съ просьбою о бракѣ съ ханьской царевной». Бань Чао нашелъ домогательство юечжійскаго царя неосновательнымъ и роняющимъ достоинство китайскаго двора, задержалъ посла и отослалъ его обратно въ свое государство. Раздраженные этимъ поступкомъ юечжы, во второмъ году правленія Юнъ-юань (90 г. по Р. Х.), отправили противъ Бань Чао вице-короля Сѣ (vice-roi Sie) съ 70 т. войска. Численность войскъ Бань Чао была очень мала, а потому ратники его пришли въ страхъ, но Бань Чао ободрилъ ихъ: армія юечжей многочисленна, но, сдѣлавъ нѣсколько тысячъ ли и перейдя горы Цунлинъ, она окажется изнуренною и не въ силахъ будетъ сражаться; надо собрать весь хлѣбъ страны и охранять его; тогда голодъ доведетъ юечжей до крайности и они должны будутъ смириться. Дѣйствительно, юечжійское войско вскорѣ почувствовало недостатокъ продовольствія, когда же высланная китайцами засада уничтожила посланный юечжійскимъ главнокомандующимъ въ Куча отрядъ для пріобрѣтенія и доставки оттуда продовольствія, а на мѣстахъ добыча съѣстныхъ припасовъ оказалась невозможною, то Сѣ просилъ мира и снабженія арміи его съѣстными припасами на обратный путь. «Юечжы были сильно устрашены такой неудачей и съ того времени ежегодно доставляли дань» Китаю.

Объ этомъ столкновеніи съ юечжійцами и нашествіи большой ихъ арміи на Вост. Туркестанъ нѣтъ въ хэу-ханьскомъ описаніи Б. Юечжы и другихъ владѣній Западнаго края никакого упоминанія, а потому ска-

заніе біографіи Бань Чао легко можетъ быть вымысломъ или, по крайней мѣрѣ, большимъ преувеличеніемъ, хотя отвергать возможности подобнаго неудачнаго похода юечжей нельзя. Какъ бы то ни было, юечжійцы не отказывались отъ вмѣшательства въ дѣла таримскихъ владѣній, когда находили нужнымъ. Такъ, по описанію владѣнія Сулэ, по смерти тамошняго владѣтеля Аньго, не оставившаго дѣтей, вдова его и вельможи намѣревались возвести на престолъ ея племянника; услышавъ объ этомъ, высланный въ 116 г. покойнымъ Аньго за какую-то вину и проживавшій при дворѣ юечжійскаго государя, который къ нему благоволилъ, шуринъ Аньго, по имени Чеиьпань, представилъ кушанскому царю, что онъ болѣе имѣетъ правъ на престолъ Сулэ, чѣмъ племянникъ его, и потому просилъ содѣйствія. Юечжійскій государь призналъ его претензію основательною и отправилъ его въ Сулэ съ своимъ войскомъ. «Кашгарскіе старѣйшины любили и уважали Чеиьпаня, и притомъ боялись Юечжы, почему, по общему приговору, приняли Чеиьпаня и объявили его государемъ [1])».

Во второй четверти II вѣка по Р. Х. фактическое господство Китая въ Таримскомъ бассейнѣ прекратилось. За отсутствіемъ политическихъ сношеній съ западомъ, естественно изсякъ главнѣйшій источникъ китайскихъ свѣдѣній о западныхъ странахъ, дошедшихъ до насъ въ исторіяхъ двухъ ханьскихъ династій. Враждующимъ между собою царствамъ, на которыя раздѣлился Китай послѣ паденія младшей династіи Хань, было не до запада. Тѣмъ не менѣе и въ исторіяхъ нѣкоторыхъ династій, царствовавшихъ надъ частями имперіи до возстановленія ея единства при династіи Суй (581—619 гг.), помѣщены кое-какія свѣдѣнія о западныхъ странахъ, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что династія Старшихъ Ханей сдѣлалась образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ династій, потому что при ней Китай достигъ высокой степени могущества, культуры и благосостоянія. Такъ какъ Хани обмѣнивались съ западными странами многочисленными посольствами, то наиболѣе честолюбивые императоры частей раздѣлившейся имперіи считали долгомъ, не отправляя своихъ пословъ на западъ,— что обходилось бы дорого, не вознаграждаясь никакими реальными выгодами,—принимать съ почетомъ посольства, прибывающія изъ западныхъ странъ. Если и при могущественныхъ Ханяхъ западныя посольства состояли часто изъ купцовъ, прибывавшихъ для торга подъ видомъ посольствъ, чтобы пользоваться льготами политическихъ миссій, то, конечно, при позднѣйшихъ малосильныхъ династіяхъ, не имѣвшихъ политическихъ сношеній съ западомъ, посольства изъ западныхъ странъ были исключительно купеческими предпріятіями. Ихъ однако принимали за дѣйствительныя посольства отъ западныхъ государей

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 128 и 129. Переводъ Ed. Specht'a въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. p. 187—188.

съ данью, такъ какъ купцы, разумѣется, охотно представляли часть своихъ товаровъ «въ дань», получая вознагражденіе въ видѣ отвѣтныхъ подарковъ и различныхъ льготъ для распродажи остальныхъ товаровъ. Благодаря отбираемымъ отъ этихъ посольствъ показаніямъ, и составители исторій мелкихъ династій имѣли иногда возможность помѣщать въ своихъ исторіяхъ отдѣлы о западныхъ странахъ, какъ ханьскіе историки. Таковы, вѣроятно, были источники, скудныхъ конечно, свѣдѣній о западныхъ странахъ Исторіи или Записокъ о трехъ царствахъ («Сань-го-чжи»), на которыя дѣлился Китай въ 221—264 гг. По этимъ свѣдѣніямъ, во время трехъ царствъ, «государь Сулэ», т.-е. Кашгара, «считалъ своими данниками слѣдующія владѣнія: Tching-tchoung, So-tchhe, Ko-chi, Kiu-cha, Si-ye, I-naï, Man-li, I-jo, Iu-ling, Siun-tou, Hieou-siun и Kin». Большая часть этихъ странъ, по мнѣнію заимствовавшаго вышеприведенное свѣдѣніе изъ сборника «Бянь-и-дянь» Аб. Ремюза, не указавшаго основаній этого утвержденія, были расположены «въ Бухаріи» [1]). Послѣднее едва ли вѣрно, потому что изъ 12 перечисленныхъ владѣній извѣстны намъ шесть, которыя находились въ Цунлинѣ или прилегали къ нему съ востока, слѣдовательно не въ Бухаріи, именно Сіѣ, Инай, Мань-ли, Ижо, Гюаньду (Siun-tou) и Хюсюнь (Hieou-siun). Изъ этихъ шести мѣстонахожденіе Сіѣ,

---

[1]) Recherches sur les langues tartares etc., par M. Abel Rémusat, Paris, 1820, p. 291. „Бянь-и-дянь“ есть отдѣлъ свѣдѣній объ иностранныхъ государствахъ одной огромной энциклопедіи, изданной при нынѣшней династіи. „Сань-го-чжи“ составлена ученымъ Ch'ên Shou, умершимъ въ 297 г. (China and the Roman Orient, by Hirth, 1885, p. 13). Свѣдѣнія о западныхъ странахъ берутся обыкновенно изъ содержащагося въ этой исторіи отрывка изъ „Вэй-ліо“, т.-е. сокращенной исторіи династіи Цао-Вэй (220—264 гг.), составленной ученымъ Ю Хуанъ (Iu Houang) и до насъ не сохранившейся (тамъ же, p. 13—14, и Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p. 327). Странно, что въ томъ же, повидимому, „Бянь-и-дянь“ есть, со ссылкою на какую-то Histoire des Wei, извѣстіе о томъ, что во время троецарствія владѣніе Сулэ (которому платили дань, по вышеприведенному свѣдѣнію, 12 владѣній), Юйми, Жунлу и нѣкоторыя другія (имена не приведены) зависѣли отъ владѣнія Юйтянь (Histoire de la ville de Khotan, trad. par M. Abel Rémusat, Paris, 1820, p. 10). Въ 222 г., по поводу прибытія посольствъ отъ Юйтяня, Гуйцы и Шань-шаня, цао-вэйскій императоръ Вэнь-ди издалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Нынѣ всѣ иностранцы западныхъ странъ прибываютъ съ искренними просьбами о присоединеніи ихъ къ имперіи. Будемъ принимать и поддерживать посланниковъ, которыхъ они къ намъ присылаютъ“ (тамъ же, p. 11). Эта „поддержка“, при минской, напр., династіи, заключалась, между прочимъ, въ томъ, что, по вступленіи посольствъ въ предѣлы имперіи, имъ, конечно безвозмездно, „доставлялись въ изобиліи всякаго рода съѣстные припасы; для перевозки по сухому пути поставлялись экипажи, перемѣщеніе же по водянымъ путямъ производилось на судахъ; для проживанія ихъ устроены были станціи и гостинницы; заботились объ удовлетвореніи ихъ самомалѣйшихъ нуждъ. Народъ и войска изнурялись доставкою „даней“, когда же дѣло доходило до отправленія въ обратный путь, то всегда оказывались отсталые, которые задерживались въ торговыхъ городахъ съ товарами, которыхъ не успѣли распродать“ (тамъ же, p. p. 104—105). По свидѣтельству Гоеса, прибывшаго въ Китай въ началѣ XVII вѣка съ посольствами изъ Кашгаріи, „что посольства эти фальшивыя, сами китайцы знаютъ какъ нельзя лучше; но они допускаютъ обманъ изъ лести къ своимъ государямъ, чтобы думали, будто вся вселенная несетъ имъ дань“ (В. В. Григорьевъ, „Восточный или Китайскій Туркестанъ“, вып. 2, 1873 г., стр. 340).

Иная, Гюаньду и Хюсюни опредѣлено нами выше, относительно же Маньли и Ижо приходится имѣть въ виду, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, что составители оффиціальной географіи нынѣшней династіи «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи» пріурочиваютъ Дэжо и Маньли къ территоріи ханьскаго Пули, а Ижо помѣщаютъ въ верховьяхъ Тагдынбашъ-дарьи, какъ можно заключить изъ «Топографическаго указателя» при «Собраніи свѣдѣній» о. Іакинфа (часть 3, стр. 20 и 64) и приложенной къ послѣднему труду карты.

Отъ эпохи троецарствія сохранились, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія о продолжавшемся существованіи сэйскихъ владѣній Хюсюня и Гюаньду и нѣсколькихъ цзыхэскихъ, но за слѣдующіе полтора вѣка у китайцевъ почти совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было свѣдѣнія о западныхъ странахъ. Въ это время южный Китай, гдѣ существовала національная династія Цзинь (265—420 г.г.), былъ отрѣзанъ отъ западныхъ странъ Тибетомъ и сѣвернымъ Китаемъ, въ которомъ происходили непрерывныя смуты и войны между захватывавшими власть надъ частями его хуннскими и сяньбійскими династіями. Два первые государя династіи Юань-Вэй (386 — 534), подчинившей, наконецъ, своей власти сѣверъ Китая, «не приглашали и не принимали (посольствъ) заграничныхъ владѣтелей», когда же при третьемъ прибыло нѣсколько посольствъ съ запада, то императоръ Тай-ву (424—452 г.г.) не хотѣлъ сначала отвѣчать, не видя въ томъ «ни малой пользы», но уступилъ настояніямъ своихъ министровъ, ссылавшихся на «примѣръ династіи Хань». Но отправленные вслѣдствіе этого юань-вэйскіе послы были задерживаемы въ нынѣшней провинціи Гань-су, гдѣ властвовала хуннуская династія Цзюйкюй. Тай-ву завоевалъ владѣнія Цзюйкюй и посылалъ успѣшную экспедицію для наказанія владѣтеля Яньки (Карашаръ), который грабилъ и притѣснялъ китайскихъ пословъ. На нѣкоторое время сношенія съ западными странами вслѣдствіе этого облегчились, но такъ какъ юань-вэйская династія не искала утвержденія своей власти въ Вост. Туркестанѣ, то сношенія съ западомъ вскорѣ ограничились пріемомъ прибывавшихъ оттуда посольствъ. Притомъ, «со времени Юань-Вэй никто не составлялъ записокъ; записывали одни названія пріѣзжавшихъ къ сѣверному двору, а описывать народные обычаи не могли. Срединное государство волновалось при раздѣленіи дома Юань-Вэй на восточный и западный (534 г.), а когда образовались династіи Ци и Чжеу» (первая 550—578 г.г. и вторая 557—582 г.г.), «то уже не имѣли сношеній съ Западнымъ краемъ»[1]).

При династіи Суй (581—618 г.г.), объединившей весь Китай подъ своею властью, только императоръ Янъ-ди (605—616 г.г.) отправилъ одно посольство на западъ и привлекалъ посольства изъ-за границы; «впрочемъ, большая часть дѣлъ по сей части пропала», замѣчаютъ со-

[1]) Введеніе къ описанію Западнаго края въ „Бэй шы“, по переводу Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 136—141.

ставители «Исторіи династіи Суй» во введеніи къ своему описанію Западнаго края [1]).

Танская династія (618—907 г.г.) возстановила владычество Китая надъ Вост. Туркестаномъ, стремилась къ подчиненію земель западныхъ тюрковъ и достигла этого на нѣкоторое время, воевала за господство въ Таримскомъ бассейнѣ и надъ тюрками съ тибетцами и арабами, посылала свои войска въ Фергану, Ташкентъ и Балтистанъ и вела политическія сношенія со многими государствами запада. Поэтому китайскія свѣдѣнія о западныхъ странахъ вообще и о при-памирскихъ въ частности, за танское время обильнѣе, чѣмъ за времена предшествующихъ и послѣдующихъ династій.

Кромѣ оффиціальныхъ свѣдѣній, весьма важнымъ источникомъ за время съ конца IV до IX вѣка являлись путешествія китайскихъ буддистовъ въ Индію, совершавшіяся большею частію чрезъ Памиръ или прилегающія къ нему страны. Описанія путешествій знаменитѣйшихъ изъ такихъ паломниковъ сохранились и до нашего времени. Сверхъ того, цѣнныя свѣдѣнія должны были содержаться въ довольно многочисленныхъ, особенно въ танское время, сочиненіяхъ, описывавшихъ западныя страны въ географическомъ, этнографическомъ и пр. отношеніяхъ [2]); эти сочиненія до насъ большею частію не сохранились, но конечно, какъ и описанія путешествій буддійскихъ паломниковъ, употреблялись составителями династійныхъ исторій въ числѣ матеріаловъ для описаній Западнаго края.

Основнымъ источникомъ, изъ котораго могутъ быть нынѣ почерпаемы китайскія свѣдѣнія о западныхъ странахъ, служатъ во всякомъ случаѣ династійныя исторіи, для оцѣнки же качества этихъ свѣдѣній необходимо, между прочимъ, имѣть въ виду время составленія этихъ династійныхъ исторій, такъ какъ, чѣмъ позднѣе послѣ паденія данной династіи составлена ея исторія, тѣмъ менѣе шансовъ составители ея имѣли воспользоваться надлежащими матеріалами въ наибольшей ихъ полнотѣ, такъ какъ архивы павшей династіи съ теченіемъ времени исчезали, сочиненія ея времени утрачивались и т. д.

Исторія династіи Юань-Вэй, «Вэй-шу», была первоначально составлена ученымъ Вэй Шеу во время династіи Ци (550 — 577 г.г.), но до насъ сохранилась лишь ея передѣлка, относящаяся ко времени суйской династіи [3]). Впрочемъ, трудъ Вэй Шеу, вѣроятно, служилъ въ относящемся

[1]) Тамъ же, стр. 141, 142 и 191.

[2]) Renseignements bibliographiques sur les relations des voyages dans l'Inde et les descriptions de Si-yu, qui ont été composées en chinois entre le V-e et le XVIII-e siècle de notre ère, par St. Julien, въ Journal asiatique, 1847, t. X, p. p. 265—295.

[3]) „Собраніе свѣдѣній", ч. I, стр. XVI. Histoire générale de la Chine etc., par de Mailla, Paris, 1777, t. I, Préface, p. XXXIV и слѣд. Ueber die chinesischen Quellen zur Kentniss Central-Asiens unter der Herrschaft der Sassaniden etwa in der Zeit 500 bis 650, von Friedrich Hirth, въ „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes", X. Band, 1896, S. 230.

о исторіи юань-вэйской династіи матеріаломъ для «Бэй-шы», исторіи сѣверныхъ дворовъ или династій Юань-Вэй, Чжеу, Ци и Суй, написанной ученымъ танской династіи Ли Яньшеу въ срединѣ VII в. и являющейся компиляціею изъ написанныхъ ранѣе исторій этихъ династій.

«Суй-шу», исторія суйской династіи, составлена во второй четверти VII в. двумя танскими учеными подъ руководствомъ ученаго Вэй Чжена.

Первая редакція исторіи дин. Танъ (Kiu-tang-schu) принадлежитъ ученому младшей династіи Танъ (926—939 г.г.) Лю Хэй. Новая «Танъ-шу» написана ученымъ династіи Сунъ Эу Янъ-хю въ срединѣ XI в. и отличается отъ старой нѣкоторыми дополненіями [1]).

Какъ и слѣдовало, въ виду неподчиненности Таримскаго бассейна и отсутствія политическихъ сношеній, ожидать, описанія Западнаго края вообще и при-памирскихъ странъ въ частности въ «Вэй-шу» и «Суй-шу», а также и въ повторяющей ихъ извѣстія «Бэй-шу», скудны и отрывочны. Описаніе западныхъ странъ въ «Тань-шу» значительно болѣе богато, но также страдаетъ отрывочностью. Стремясь изложить свой огромный матеріалъ въ самомъ сжатомъ видѣ, составители «Танъ-шу» упускали весьма важныя и интересныя свѣдѣнія и давали своимъ сокращеніямъ нерѣдко очень неудачную, даже непонятную и невѣрную редакцію, какъ все это обнаруживается при сличеніи, напр., сохранившихся описаній путешествія Сюань Цзана съ сдѣланными изъ нихъ въ «Танъ-шу» извлеченіями. Есть значительные пробѣлы, объяснимые, быть-можетъ, утратой части государственныхъ архивовъ во время смутъ, обнимавшихъ почти всю вторую половину періода танской династіи. Несмотря на все это, династійныя исторіи и описанія путешествій буддійскихъ паломниковъ содержатъ за V—VIII вѣка довольно значительное количество географическихъ, историческихъ и этническихъ данныхъ о при-памирскихъ странахъ, изложеніе которыхъ и будетъ сдѣлано въ слѣдующихъ главахъ.

Н. А. Аристовъ.

Спб., 8 ноября 1900 г.

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. I, стр. XVII—XIX. Hirth, тамъ же, p. 230—231.

Годъ 2-й. Кн. VI.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1901 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Китайскія свѣдѣнія V—VIII в.в. о прилегающихъ къ Памиру съ востока странахъ.

1) Свѣдѣнія династійныхъ исторій.

а) Время династіи Юань-Вэй (386—581 гг.).

За неимѣніемъ перевода описанія Западнаго края, содержащагося въ 102 книгѣ «Вэй-шу», на одинъ изъ европейскихъ языковъ, приходится пока обращаться только къ «Бэй-шы», соотвѣтствующая 97 книга которой имѣется въ переводѣ о. Іакинфа («Собраніе свѣдѣній» и пр., часть 3, стр. 136—189). Едва ли отъ этого мы много теряемъ, такъ какъ помѣщающаяся въ собраніи династійныхъ исторій редакція «Вэй-шу» принадлежитъ ученому Лѣу-Шу (1052—1078 гг.) [1]), предшествовавшія же не сохранились, тогда какъ составленіе «Бэй-шы» относится къ срединѣ VII в., когда, конечно, еще существовала «Вэй-шу», написанная Вэй Шеу, самая ранняя и считающаяся лучшею, а потому редакторы «Бэй-шы», вѣроятно, ею пользовались, какъ и нѣкоторыми другими источниками, до Лѣу-Шу, можетъ-быть, и не дошедшими. Сверхъ того, извѣстныя изъ переводовъ и отзывовъ синологовъ отдѣльныя статьи «Вэй-шу» сохранившейся редакціи оказывались почти тождественными съ статьями о Западномъ краѣ въ «Бэй-шы». Будучи компиляціею изъ существовавшихъ до нея исторій династій Юань-Вэй, Чжеу, Ци и Суй, описаніе Западнаго края

---

*) См. „Русск. Антроп. Журн." 1900 г., кн. III и IV.

[1]) Ed. Specht, въ Journ. asiat., 1883, t. 2, p. 339.

въ «Бэй-шы», при помощи сличенія съ соотвѣтствующимъ описаніемъ «Суй-шу»,—которое имѣется въ переводахъ Іакинфа и Пфицмаера [1]), — и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, даетъ возможность опредѣлять время, къ которому данныя свѣдѣнія относятся, и иногда источникъ ихъ.

Самыя раннія изъ имѣющихся въ «Бэй-шы» и относящихся къ припамирскимъ странамъ свѣдѣнія содержатся въ описаніяхъ четырехъ владѣній, помѣщенныхъ непосредственно послѣ описаній Шаньшани, Цзюймо и Юйтяни, которыми начинается «Повѣствованіе о Западномъ краѣ» въ «Бэй-шы», по переводу о. Іакинфа. Привожу ихъ цѣликомъ: «4. *Пушань.* Пушань есть древнее владѣніе Пишань (или Пишинай) [2]). Владѣтель живетъ въ городѣ Пи, отъ Хотана на югѣ, отъ Дай въ 12.000 ли. Въ трехъ ли отъ помянутаго города на юго-западъ есть мерзлая гора [3]). Впослѣдствіи сдѣлалось зависимымъ отъ Хотана.

5. *Сигюйбань.* Сигюйбань есть древнее владѣніе Сиѣ; иначе оно называется Цзыхэ. Титулъ владѣтеля *Цзычжи-хутянь.* Сіе владѣніе лежитъ отъ Хотана на западъ, отъ Дай въ 12.970 ли. Въ началѣ правленія Дянь, 436, оно отправило (къ Сѣверному Двору) посольство съ дарами; и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось.

6. *Цюаньюймо.* Цюаньюймо есть древнее владѣніе Уто; владѣтель живетъ въ городѣ Уто, отъ Сигюйбани на западъ, отъ Дай въ 12.970 ли.

7. *Кюйсо.* Кюйсоскій владѣтель живетъ въ древнемъ городѣ Яркянѣ [4]), отъ Сигюйбани на юго-западѣ, отъ Дай въ 12.980 ли»[5]).

При разсмотрѣніи этихъ описаній обращаетъ на себя вниманіе, что только одно изъ четырехъ владѣній имѣло сношенія съ юань-вэйскимъ дворомъ, именно Сигюйбань, древнее Сиѣ-Цзыхэ, отъ котораго было посольство въ 436 г. Утвержденіе: «и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось», есть стереотипная фраза, встрѣчающаяся во многихъ описаніяхъ; иногда это только преувеличеніе, но часто это есть, по всей вѣроятности, голословное предположеніе. Если бы дѣйствительно были изъ Сигюйбани посольства послѣ 436 г., о которыхъ сохранились положительныя свѣдѣнія, то о нихъ были бы даны даты, отсутствіе же датъ побуждаетъ подозрѣвать, что если и были посольства послѣ 436 г., то записей о нихъ не сохранилось. При отсутствіи упоминаній о посольствахъ изъ

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 190—206, и Die fremdenländ. Reiche zu den Zeiten der Sui, von Dr. A. Pfizmaier, въ Sitzungsber. der Akad. der Wissensch., Phil.—hist. Classe, Wien, 1880, 97. B., S. 411—490.

[2]) Это „или Пишинай", вѣроятно, есть лишь собственное мнѣніе переводчика, отсутствующее въ подлинникѣ „Бэй-шы".

[3]) Сюда относится сдѣланное о. Іакинфомъ примѣчаніе: „На кит. *Дунъ-лынъшань*".

[4]) Конечно, въ подлинникѣ стоитъ „Согюѣ", ибо Яркянъ есть имя новое и употребляется переводчикомъ потому лишь, что онъ пріурочиваетъ древній Согюй къ нынѣшнему Яркенду.

[5]) „Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 147.

остальныхъ трехъ владѣній, приходится полагать, что значащіяся въ описаніяхъ ихъ свѣдѣнія почерпнуты изъ разспросовъ у посольства 436 г. изъ Сигюйбани, смежной съ ними, а о Пушани, можетъ-быть, и изъ показаній одного изъ юйтяньскихъ посольствъ, такъ какъ Пушань зависѣла отъ Юйтяни. Далѣе, Пишань, нынѣшнее селеніе Пишна, находилось отъ Юйтяни на западѣ, а не на югѣ, какъ юань-вэйская Пушань; сверхъ того, около Пишани, лежавшей не въ горахъ, а на равнинѣ, не могло находиться «мерзлой горы», т.-е. чего-нибудь въ родѣ постоянно мерзлой земли съ прослойками льда, оказавшейся на Памирѣ около озеръ Б. Каракуля и Шоръ-куля и на Музколѣ [1]), или вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ; вслѣдствіе этого надо думать, что составителей «Бэй-шы» (или «Вэй-шу», откуда, вѣроятно, взяты всѣ эти описанія) ввело въ ошибку имя Пушань, нѣсколько похожее на Пишань, съ которою они и отождествили Пушань. На самомъ дѣлѣ показанія посольства юйтяньскаго или сигюйбаньскаго, отъ котораго получены свѣдѣнія, относились, вѣроятно, къ существующимъ понынѣ, верстахъ въ 100 на югъ отъ Хотана, въ горахъ верховій Юрункаша, селеніямъ Пише или къ лежащему недалеко отъ нихъ селенію Бушія на рѣчкѣ Пишнія (см. Карту путешествій подполк. Б. Л. Громбчевскаго, 1895 г.): около нихъ, дѣйствительно, могутъ находиться горы съ вѣчными снѣгами, ледниками, а быть-можетъ, и съ «мерзлой» землей. Странно затѣмъ превращеніе Согюя въ Кюйсо, гдѣ первый слогъ древняго имени сдѣлался вторымъ, а второй (гюй или кюй) первымъ, а также показаніе Кюйсо-Согюя на юго-западѣ отъ Сигюйбани-Цзыхэ, тогда какъ древній Согюй лежалъ на сѣв.-западѣ, наконецъ, чрезмѣрная лаконичность свѣдѣній о столь въ древности значительномъ владѣніи. Къ этому Кюйсо мы еще возвратимся ниже. Остается еще одинаковое разстояніе Сигюйбани-Цзыхэ и Цюаньюймо-Уча въ 12.970 ли отъ Дай, тогда какъ подобное равенство, а также большее отдаленіе Кюйсо отъ Дай одинаково на 10 ли противъ Сигюйбани и Цюаньюймо рѣшительно невѣроятны: тутъ, очевидно, произошли ошибки или описки въ цифрахъ, встрѣчавшіяся намъ иногда и въ ханьскихъ разстояніяхъ. Остается такимъ образомъ изъ разсмотрѣнныхъ юань-вэйскихъ свѣдѣній существованіе древняго владѣнія Уча подъ именемъ Цюаньюймо и Сиѣ-Цзыхэ подъ именемъ Сигюйбани, изъ которыхъ послѣднее, видимо, сдѣлалось значительнымъ, по крайней мѣрѣ по торговлѣ, такъ какъ отправило въ Китай въ 436 г. посольство, конечно, съ товарами, подъ видомъ дани.

Въ 56—62 статьяхъ «Повѣствованій о Западномъ краѣ» въ «Бэй-шы» снова встрѣчается серія изъ семи при-памирскихъ владѣній: Чжугюй, Гкѣпаньто, Бохо, Бочжи, Шеми, Учанъ и Кяньто, безъ всякихъ датъ (кромѣ упоминанія въ описаніи Шеми, что «въ правленіе Си-пьхинъ, 516—

[1]) М. М. Воскобойниковъ, Изъ наблюденій на Памирѣ, „Землевѣдѣніе", 1899 г., кн. 3, стр. 35—47.

517, китайскій посланникъ Сунъ Юнь не могъ пройти туда»—во владѣніе Болулэ) и безъ какого-либо указанія источниковъ этихъ описаній. [1]) Но въ предшествующей 55 статьѣ, содержащей описаніе владѣнія Ѣда, [2]) говорится: «Во время правленія Си-пьхинъ (императоръ) Минъ-ди, 516, отправилъ посольство въ Западный край для пріобрѣтенія буддайскихъ священныхъ книгъ. При семъ посольствѣ находилось два буддайскихъ монаха Фали и Хойшенъ. Посольство возвратилось въ срединѣ правленія Чженъ-гуань, 523. Хойшенъ не принесъ никакихъ свѣдѣній ни о состояніи пройденныхъ имъ государствъ, ни о разстояніи дорогъ, а кратко сообщилъ общія понятія». Соотвѣтственное мѣсто, по переводу Ed. Specht'a, въ «Вэй-шу», гдѣ также приведены описанія тѣхъ же семи владѣній того же содержанія, таково: «Въ правленіе Hi-p'ing (516—517), So-ti отправилъ (чиновниковъ) Wang-fei, Thseuthoung, саманейцевъ (т.-е. буддійскихъ монаховъ) Soung-yun, Fa-ti и другихъ въ западныя страны, для собиранія свѣдѣній о буддійскихъ книгахъ. Съ ними отправился также саманеецъ Hoei-Seng, который возвратился въ правленіе Tching-kouang (520—527). Мы не можемъ занести (сюда) всѣ подробности, относящіяся до государствъ, горъ, рѣкъ и разстояній, которыя онъ прошелъ; мы представимъ лишь краткое содержаніе» [3]). По сохранившемуся въ «Исторіи храмовъ въ Лоянѣ» описанію означеннаго посольства, пустилось оно въ путь изъ Лояна въ 518 г., направилось же въ обратный путь въ Китай въ 521 г. Въ этомъ описаніи, по переводу Неймана, составителемъ исторіи храмовъ въ Лоянѣ Яномъ Хюэнемъ объяснено, что оно основано на критически разсмотрѣнныхъ свѣдѣніяхъ Хой Сена, недостающее же добавлено изъ описанія, составленнаго Сонъ Юнемъ [4]). По переводу Биля, описаніе is principally drawn from the private records of To Yung and Sung Yun. The details given by Hwui Seng were never wholly recorded [5]). Итакъ три нашихъ источника или четыре переводчика не совсѣмъ сходятся, но содержаніе описаній семи владѣній въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» показываетъ, что описанія или отчеты посольства не даютъ почти никакихъ свѣдѣній «ни о состояніи пройденныхъ государствъ, ни о разстояніи дорогъ, а кратко сообщаютъ общія понятія», слишкомъ кратко и слишкомъ общія.

Такъ, по «Бэй-шы», «владѣніе *Чжуюй* лежитъ отъ Хотана на западѣ. Жители обитаютъ въ горахъ. Есть пшеница; много лѣсныхъ плодовъ. Поклоняются Буддѣ. Языкъ сходенъ съ хотанскимъ. Зависитъ отъ

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 179—181.
[2]) Тамъ же, стр. 179.
[3]) Journal asiatique, 1883, t. 2, p. 343.
[4]) Pilgerfahrten Buddhistischer Priester von China nach Indien, von C. F. Neumann, въ Zeitschrift für die histor. Theologie, B. 3, 1833, S. 177.
[5]) Travels of Fah-hian and Sung-yun buddhist pilgrims, etc., translated by Samuel Beal, London, 1869, p. 208.

Ѣды» [1]). Далѣе, «владѣніе *Гкѣпаньто* лежитъ отъ Луковыхъ горъ на востокъ. Рѣка *Чжугюйбоси* протекаетъ чрезъ сіе владѣніе на сѣв.-востокъ. Есть высокія горы, на которыхъ и лѣтомъ бываютъ инеи и снѣги. Жители слѣдуютъ Буддайскому закону. Находятся подъ зависимостью Ѣды». Затѣмъ «владѣніе *Бохо* лежитъ отъ Гкѣпаньто на западѣ. Сія страна еще холоднѣе. Люди и скотъ живутъ вмѣстѣ. Обитаютъ въ выкопанныхъ землянкахъ. Еще есть большія снѣжныя горы, вершины которыхъ представляются серебренными. Жители питаются печенымъ хлѣбомъ и киселемъ; пьютъ хлѣбное вино. Одѣяніе носятъ мѣховое и валяное изъ шерсти. Двѣ дороги ведутъ въ сіе владѣніе: одна идетъ на западъ на Ѣду, другая на юго-западъ на Учанъ, находящійся подъ властію Ѣды» [2]). Тутъ вмѣсто «двѣ дороги ведутъ въ сіе владѣніе», очевидно, переводчику надлежало сказать: «изъ этого владѣнія идетъ дорога на западъ на Ѣду и другая—на юго-западъ на Учанъ». Приведенныя свѣдѣнія о Гкѣпаньто и Бохо представляютъ собою сокращеніе извѣстій Сонъ Юня и Хой Сена, гдѣ первое названо Нап-рап-ѣо, а второе Ро-ho или Роh-ho (стр. 160 и 161 у Неймана и 181—183 у Биля).

Несмотря на краткость свѣдѣній «Бэй-шы» о трехъ владѣніяхъ и опущеніе свѣдѣній о путешествіи чрезъ нихъ Сонъ Юня и Хой Сена, которыя еще болѣе выяснили бы положеніе этихъ владѣній, не трудно только изъ свѣдѣній «Бэй-шы» вывести, что *Чжугюй*, по сходству имени и нахожденію отъ Хотана на западѣ, есть тотъ же *Сигюй*-бань, который выше описанъ по свѣдѣніямъ посольства 436 г., а теперь, въ 518 г., описывается по извѣстіямъ посольства Сонъ Юня и Хой Сена. Такъ какъ Сигюйбань есть ханьское Цзыхэ, то Чжугюй или Чжугюйбо (см. ниже) должно было занимать предгорья и часть горной страны бассейновъ Тизнафа и Яркендъ-дарьи. Дѣйствительно, жители Чжугюя—горцы, «обитаютъ въ горахъ». Рѣка, протекавшая чрезъ западную часть Чжугюйбо (*си*—по-китайски западъ), могла быть лишь Яркендъ-дарья, откуда слѣдуетъ, что Гкѣпаньто или Ханьпаньто,—чрезъ которое она протекала на сѣв.-востокъ и которое лежало на востокъ отъ Луковыхъ горъ, т.-е. отъ Сарыкольскаго хребта,—занимало долины Тагдынбашъ, Вача, Тунъ, т.-е. соотвѣтствовало нынѣшней Ташкурганской области. Что касается до Бохо, находившагося отъ Гкѣпаньто на западъ, то и по положенію этому, и по сходству имени, а также и по прочимъ условіямъ это могъ быть лишь нынѣшній Ваханъ, гдѣ у Сархада одна дорога отдѣлялась на западъ въ Бадахшанъ, другая же шла на юго-западъ въ Учанъ и Гибинь.

Чтобы закончить съ юань-вэйскими извѣстіями, остается сказать, что въ «Бянь-и дянь» цитированы изъ «Вэй-шу» (изъ біографіи императора Сюань Ву-ди, а не изъ описанія Западнаго края) упоминанія о при-

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 179.
[2]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 179 и 180.

бытіи при этомъ императорѣ, въ 502 и 511 гг., посольствъ «съ данью изъ страны Tchu-kiu-phan» [1]).

Въ «Суй-шу» есть упоминанія о нахожденіи владѣнія *Чжугюйбо* на югѣ отъ Сулэ (Кашгаръ) въ 900 ли («Собраніе свѣдѣній», 3, стр. 201) и отъ Юйтяня на западъ въ 1.000 ли (стр. 202), описаній же ни этого, ни какихъ-либо другихъ памирскихъ и смежныхъ владѣній нѣтъ. Круглоту цифръ приведенныхъ разстояній, очевидно, превышающихъ дѣйствительность, можно объяснить тѣмъ, что почерпнуты онѣ изъ разспросовъ давшихъ количества дней пути, и эти дни переведены на ли, полагая по 100 ли на день.

б). Извѣстія исторіи династіи Танъ.

Въ «Повѣствованіи о Западномъ краѣ», которое извлечено изъ «Исторіи династіи Тханъ», неизвѣстно старой или новой редакціи, есть, въ переводѣ Іакинфа, свѣдѣнія о Чжугюйбо, помѣщенныя въ статьѣ, описывающей сначала владѣніе Сулэ (Кашгаръ). Въ этой статьѣ о Сулэ говорится, между прочимъ, что въ немъ «строевого войска 2.000 человѣкъ» и что «въ девятое лѣто правленія Чженъ-гуань, 635, владѣтель отправилъ посольство къ Двору съ славными лошадьми. Черезъ четыре года, т.-е. 639, еще съ *чжугюйбоскимъ Ганьтанемъ* представилъ дань изъ мѣстныхъ произведеній». Въ концѣ статьи читаемъ слѣдующее: «*Чжугюйбо*, иначе *Чжугюйбань*, есть древнее владѣніе *Цзыхэ*, бывшее при старшей династіи Хань. Находятся еще четыре владѣнія: Юлъэрекъ, Сэрлыкъ, Ингасаръ и Дэжо. Земли, простирающіяся на 1.000 ли отъ Хотана прямо на западъ, на 300 ли отъ Луковыхъ горъ на сѣверъ, на западъ по сѣверную сторону владѣнія Гэпаньто на 900 ли, принадлежатъ Кашгару. Черезъ 3.000 ли отъ него на югъ лежитъ Женское царство. Строевого войска 2.000 человѣкъ [2]); исповѣдуютъ Буддайскій законъ; письмо индійское» [3]). Полагая, что этотъ переводъ Іакинфа во многомъ ошибоченъ. В. В. Григорьевъ призналъ съ своей стороны достовѣрнымъ, неизвѣстно почему, что Кашгару принадлежали «всѣ земли на западъ отъ него и на сѣверъ отъ владѣнія Гѣбаньдо, протяженіемъ на 900 ли, равно какъ и всѣ земли прямо на западъ отъ Хотана, протяженіемъ на 1.000 ли, въ томъ числѣ и владѣніе Чжугюйбо» [4]). Соглашаясь, что переводъ Іакинфа (въ зависимости, быть-можетъ, отъ текста) теменъ и неясенъ, я, однако-же, не вижу никакихъ основаній допустить произвольное толкованіе Григорьева относительно принадлежности земель Чжугюйбо Кашгару. Думаю, что ошибочный

---

[1]) Foe-koue-ki, trad. par Abel Rémusat, Paris, 1836, p. 24.
[2]) Тутъ о. Іакинфъ въ выноскѣ замѣтилъ: „Относится къ Кашгару".
[3]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 224 и 225.
[4]) „Вост. или Кит. Туркестанъ", вып. 2, 1873 г., стр. 168.

переводъ или темный текстъ Іакинфа слѣдуетъ замѣнить случайно упущеннымъ Григорьевымъ изъ вида переводомъ соотвѣтственнаго описанія Чжугюйбо, сдѣланнымъ въ примѣчаніяхъ Аб. Ремюза къ его переводу Foe-koue-ki, т.-е. «Записокъ о буддійскихъ государствахъ» паломника Фа Сяня. Переводъ Аб. Ремюза сдѣланъ не прямо изъ «Танъ-шу», а изъ цитатъ, сдѣланныхъ въ 60 книгѣ «Бянь-и-дянь», но цитаты этого сборника обыкновенно вѣрны. Владѣніе «Tchu-kiu-pho, именуемое также Tchu-kiu-phan, представило дань въ правленіе Ву-дэ (618—626 г.г.); это страна, которую при Ханяхъ называли Цзыхэ (Tseu-ho). Есть четыре страны (извѣстныя во время Ханей), которыя присоединены къ нему (т.-е. къ Цзыхэ-Чжугюйбо): Сіѣ, Пули, Инай, Дэжо (Si-ye, Phou-li, I-naï, Te-jo). Чжугюйбо находится въ 1.000 ли, какъ разъ на западъ, отъ Хотана и въ 300 ли на сѣверъ отъ горъ Цунлинъ. На западѣ оно смежно съ страною Kho-phan-tho; на сѣверѣ, въ 900 ли, находится граница Сулэ. На югѣ, въ 3 т. ли, лежитъ Женское царство. Въ Чжугюйбо 2 т. войска. Въ немъ почитается законъ Будды. Письмена тѣ же, что у брахмановъ» [1]). Согласно той же 60 книгѣ «Бянь-и-дянь», Tou-chi, въ своей Thoung-tian (Общей исторіи Китая), добавляетъ къ свѣдѣніямъ «Танъ-шу», что владѣтель Чжугюйбо былъ родомъ изъ Кашгара; что дань изъ этого владѣнія представлялась во все время дин. Танъ; что языкъ населенія походилъ на хотанскій, съ небольшими отличіями, по типу же населеніе сходно было и съ китайцами, и съ сулэ'сцами [2]).

Изъ частностей этого описанія обращаетъ вниманіе нахожденіе «на сѣверѣ» отъ Чжугюйбо «границы Сулэ» въ 900 ли, тогда какъ по «Суй-шу» разстояніе это показано до самаго Сулэ, а не до границы его, при тождественности разстоянія въ 1.000 ли до Юйтяня, такъ что слѣдовало бы признать танскій текстъ или переводъ подлежащими исправленію въ этомъ смыслѣ. Но указываемая ошибка или разница во всякомъ случаѣ не велика, потому что, при включеніи въ составъ Чжугюйбо пяти цзыхэскихъ владѣній ханьскихъ временъ, между прочимъ самаго сѣв.-западнаго Иная, располагавшагося на р. Кара-ташѣ,—какъ надо полагать,—отъ границы Чжугюйбо, при выходѣ Кара-таша въ Таримскую котловину, до Кашгара оставалось не болѣе 60 верстъ. Затѣмъ, если Чжугюйбо есть ханьское Цзыхэ, то столица его должна была находиться въ предѣлахъ прежняго Цзыхэ или даже соотвѣтствовать положенію его древней столицы. Я допускалъ въ главѣ второй настоящаго изслѣдованія возможность пріуроченія столицы Цзыхэ къ нынѣшнему сел. Кокъяру, какъ это предполагали ученые манчжурской династіи, за неимѣніемъ данныхъ для опроверженія ихъ предположенія, ничѣмъ, впрочемъ, не подкрѣплявшагося, но

[1]) Foe-koue-ki etc., traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat etc., Paris, 1836, p. 24.

[2]) Тамъ же.

теперь суйскія и танскія свѣдѣнія о разстояніяхъ Чжугюйбо отъ Сулэ и Юйтяня даютъ нѣкоторую возможность попытаться установить мѣсто нахожденія ея на основаніи фактическихъ данныхъ. По приведеннымъ въ главѣ I нынѣшнимъ опредѣленіямъ, разстояніе отъ Хотана черезъ Пишну (170 в.) до Кокъяра (77 в.) выяснилось въ 247 в., а отъ Кашгара чрезъ Яркендъ (172 в.) до того же Кокъяра ($136^1/_2$ в., по маршруту Белью въ Forsyth's Report, p. p. 424—425) въ $308^1/_2$ в. Складывая эти двѣ цифры, получимъ $555^1/_2$ в., что въ среднемъ даетъ на 19 дней пути (1.000 ли+900 ли) $29^{12}/_{19}$ или почти 30 в. на день. Чтобы получилось соотвѣтствующее китайскимъ историческимъ даннымъ соотношеніе между разстояніемъ Чжугюйбо отъ Юйтяня (1.000 ли или 10 дней) и отъ Сулэ (900 ли или 9 дней) столица эта должна отстоять, полагая 30 в. на день пути, отъ Юйтяня въ 300 в. и отъ Сулэ въ $255^1/_2$ в. Этимъ разстояніямъ Кокъяръ не отвѣчаетъ, такъ какъ находится на $53^1/_2$ в. ближе къ Хотану и дальше отъ Кашгара, чѣмъ требуютъ китайскія данныя. Вслѣдствіе этого мѣстоположеніе столицы Чжугюйбо приходится искать на два почти дня западнѣе Кокъяра, принимая притомъ въ соображеніе, что по вышеприведеннымъ юань-вэйскимъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ реляціи посольства Сонъ Юня и Хой Сена, жители Чжугюйбо были горцы, а потому столица владѣнія должна была находиться у горъ, если не внутри самой горной страны. Такимъ условіямъ удовлетворяетъ мѣстность на правомъ берегу Яркендъ-дарьи между селеніями Актамомъ и Чимду. О переходѣ изъ Чимду до Актама, въ рукописныхъ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, 25 августа 1890 г., читаемъ: «Сегодня мы вышли въ долину, окончательно распростившись съ горами. На ночлегѣ (т.-е. въ Актамѣ, до котораго отъ Чимду 29 в.), несмотря на 1.200 метр. высоты, воздѣлываются рисъ и хлопокъ, виноградъ, персики» и т. д. Разстояніе отъ Хотана чрезъ Каргалыкъ (220 в.) [1]) до Актама (около 40 в.) равняется 260 в., а отъ Кашгара черезъ Яркендъ (172 в.) до Актама (36 в. по Б. Л. Громбчевскому) 208 в. Эти разстоянія почти соотвѣтствуютъ 10 днямъ пути отъ Хотана и 9 днямъ отъ Кашгара, полагая на день $24^{12}/_{19}$ в., слѣдовательно сообразны съ суйскими и танскими данными. Если допустить, что дорога изъ Кашгара шла не черезъ Яркендъ, оставшійся въ сторонѣ отъ прямого пути, а потому разстояніе было менѣе верстъ на 20—30, то столицу Чжугюйбо надо помѣщать въ Чимду или между этимъ селеніемъ и Актамомъ, вслѣдствіе чего разстояніе отъ Кашгара останется въ выше намѣченной цифрѣ, но и разстояніе отъ Хотана сохранится почти то же самое, такъ какъ отъ Каргалыка или Пишны, вѣроятно, существовалъ путь чрезъ предгорья, не превышавшій своимъ протяженіемъ разстоянія отъ Каргалыка до Акъ-тама. Согласно также пріуроченіе столицы Чжугюйбо къ

[1]) По Гренару, отъ Хотана до Каргалыка 235 килом. (Dutreuil de Rhins. Mission Scientifique etc., partie 3, 1898, p. 217), т.-е. почти 220 в.

Чимду или пункту между этимъ селеніемъ и Актамомъ танское указаніе о нахожденіи Чжугюйбо «въ 300 ли на сѣверъ отъ горъ Цунлинъ»: дѣйствительно, въ 300 ли или въ трехъ дняхъ пути, т.-е. въ 60—75 в. отъ намѣченной для столицы Чжугюйбо мѣстности, дорогою по долинѣ Яркендъ-дарьи и затѣмъ по долинѣ притока ея р. Учъ-Бельдыръ, достигается перевалъ Арпаталя (12.546 ф.), отъ котораго для путниковъ, слѣдовавшихъ на западъ чрезъ Чжугюйбо, начинались горы Цунлинъ. Выше, изъ реляціи о посольствѣ Сонъ Яня и Хой Сена, было приведено, что владѣніе Чжугюйбо проходилось въ пять дней; надо полагать, что первые два дня приводили отъ восточной границы въ сторонѣ Юлъ-арыка или Каргалыка въ столицу, остальные же три дня вели изъ столицы къ перевалу Арпаталя, за которымъ уже начинались земли владѣнія Копаньто, съ которымъ Чжугюйбо было смежно «на западѣ».

Въ той редакціи «Танъ-шу», изъ которой о. Іакинфъ перевелъ описаніе западныхъ странъ [1]), нѣтъ особаго описанія влад. Ханьпаньто или Копаньто. Владѣніе это лишь упоминается («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 250) въ одномъ мѣстѣ, состоящемъ изъ весьма сокращеннаго и не вполнѣ вѣрнаго изложенія свѣдѣній Сюань Цзана о странахъ на обратномъ его пути изъ Индіи отъ Хиндукуша до Лобъ-нора. Однако, особое, и весьма притомъ интересное и важное, описаніе этого владѣнія въ «Танъ-шу» существуетъ, такъ какъ оно цитировано въ «Си-юй-ту-чжи» и въ «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи». Описаніе это, въ переводѣ Эмбо Юара, съ варіантами перевода Клапрота, гласитъ слѣдующее: «Владѣніе K'o pann t'o (у Клапрота Kho phan tho) носитъ также имена Hann to, K'o kouann t'ann и K'o lo to. Идя на юго-западъ отъ Sou lo (по Кл., оно находится на юго-западѣ отъ Chou le), вступаютъ въ долину Tçienn mo (К., Kian mo), проходятъ черезъ гору Pou jenn (по К., «черезъ очень трудную для прохода гору», имени же горы этой нѣтъ) и, сдѣлавъ 600 *ли* (lieues есть, безъ сомнѣнія, описка Эмбо Юара вмѣсто *ли*, какъ правильно значится у

---

[1]) По завѣренію В. В. Григорьева, о. Іакинфъ назвалъ „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, своимъ „сочиненіемъ“, но „ему принадлежитъ лишь только введеніе и небольшое число примѣчаній; самыя же свѣдѣнія, имъ переведенныя, извлечены изъ источниковъ не имъ самимъ: онъ перевелъ готовый уже китайскій сборникъ такихъ извлеченій, извѣстный подъ заглавіемъ *Вай-го-чжуань*“ („Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 18). Я до сихъ поръ не встрѣчалъ опроверженій этихъ свѣдѣній В. В. Григорьева, такъ что надо считать ихъ вѣрными. Во всякомъ случаѣ сборникъ „Вай-го-чжуань“ составленъ весьма добросовѣстно, такъ какъ почти при всѣхъ сличеніяхъ перевода Іакинфа съ переводами другихъ синологовъ обнаруживалось согласіе съ подлинными династійными исторіями сдѣланныхъ изъ нихъ въ сборникѣ этомъ извлеченій. Однако, какъ показываютъ, напр., два обнаруженныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи случая, сборникъ этотъ не совсѣмъ полонъ, потому что пропущены почему-то два танскихъ описанія владѣній Чжугюйбо и Копаньто. Вѣроятно, это случилось вслѣдствіе того, что составитель „Вай-го-чжуань“ иногда пользовался лишь одной какой-нибудь редакціей „Танъ-шу“, старой или новой.

Клапрота), прибываютъ въ это владѣніе. Оно находится въ 4.500 ли отъ Гуа-чжеу, *какъ разъ на западъ отъ Tchou tçu po. На югъ находятся горы съ висячими переходами* (у Клапрота, вмѣсто отмѣченнаго курсивомъ: Dans la direction du Tchu kiu po, on a au sud-ouest la montagne de Hian tou); на сѣверѣ это владѣніе смежно съ Sou lo (К., Chou le), на западѣ съ страною Hou mi (К., Ho my), на сѣв.-западѣ съ страною Pann hann (Кл., Phouan han). Это владѣніе господствуетъ надъ центральной частью Цунлина (у Кл.: il est situé au milieu du Thsoung-ling). Его столица прилагаетъ къ нѣсколькимъ рѣкамъ (у К., находится между двумя рѣками). Государь его происходитъ отъ одной семьи изъ Sou lo; престолъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ его семьѣ (у Кл., его государи родомъ изъ Chou le и царствуютъ уже много поколѣній). На юго-западѣ находится гора T'éou t'ong (du mal de tête). Цунлинскія горы окружаютъ эту страну со всѣхъ сторонъ. Владѣніе это начало сношенія съ Китаемъ въ правленіе Тай-янь (435—440 гг.) династіи (Юань-)Вэй. Оно присылало посла ко двору въ 9-й годъ правленія Чень-гуань (635 г.) династіи Танъ. Въ правленіе Кай-юань (713—742 г.г.) это владѣніе было вполнѣ подчинено: тамъ учреждено главное управленіе Цунлинскихъ горъ, для военной охраны крайнихъ границъ Аньси», т.-е. Кит. Туркестана (по Клапроту, учреждена была должность охранителя—gardien—Цунлина») [1]).

Долина Цяньмо или Кяньмо (подъ именемъ Jenn mo) и гора Пужень встрѣчались уже въ цитатахъ изъ орографической части «Си-юй-ту-чжи» (см. гл. II, стр. 54, примѣч., настоящаго изслѣдованія), но не могли быть пріурочены за неимѣніемъ для этого необходимыхъ данныхъ. Теперь эта возможность представляется. Такъ какъ по приведенному танскому описанію путь изъ Сулэ-Кашгара направлялся прежде всего въ юго-западномъ направленіи по долинѣ Цяньмо, а затѣмъ пересѣкалъ трудный хребетъ или гору Пужень, то долина Цяньмо должна соотвѣтствовать лежащей на юго-западъ отъ Кашгара долинѣ низовьевъ р. Гези или долинѣ окрестностей сел. Упалъ, образуемой низовьями текущихъ съ Кашгарскаго хребта рѣчекъ, горою же или хребтомъ Пужень, и понынѣ весьма труднымъ для пересѣченія, оказывается Кашгарскій хребетъ. Какимъ бы путемъ, въ юго-западномъ направленіи, ни пересѣкала хребетъ Кашгарскій-Пужень,— черезъ ущелье ли Гези (гдѣ могла быть устроена и поддерживаема китай-

---

[1]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par Camille Imbault-Huart, Paris, 1881, переводъ статьи „Си-юй-ту-чжи“ о Бадахшанѣ, р.р. 200—201. Magazin asiatique etc., par Klaproth, Paris, 1826, t. I, переводъ 421 гл. „Цай-Цинъ-итунъ-чжи“, р.р. 95—96. Въ главѣ II, отд. I (стр. 37 и 42) настоящаго изслѣдованія, при ссылкѣ на эту самую статью Клапрота, ошибочно означенъ Magazin asiatique, t. II: слѣдовало указать на t. I. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы дополнительно привести одно мѣсто изъ „Хань-шу“ о влад. Уча въ переводѣ Клапрота (р. 94): „Этотъ проходъ (Hian tou) находился въ высокой и крутой горѣ, которую трудно было пройти. Переходили трещины въ скалахъ (les crevasses) и пропасти при помощи веревокъ, шедшихъ отъ одного края до другого“.

цами дорога не хуже нынѣшней) [1]) или черезъ одинъ изъ переваловъ къ востоку и западу отъ ущелья Гези,—танская дорога изъ Кашгара въ Копаньто, во всякомъ случаѣ она за хребтомъ должна была попадать въ долину, образуемую Зап. Гезью и встрѣчающеюся съ нею Вост. Гезью, и слѣдовать къ верховьямъ послѣдней, а потомъ, чрезъ нетрудный перевалъ Улугъ-рабатъ (13.700 ф.), проникать въ долину Тагармы и изъ нея въ долину Ташкургана. Отсутствіе дальнѣйшаго описанія дороги въ Копаньто по пересѣченіи хребта Пужень легко объясняется тѣмъ, что дорога эта для вьючнаго движенія никакихъ препятствій не представляетъ. Разстояніе отъ Кашгара до Ташкургана черезъ ущелье Гези равняется 245 в. и черезъ р. Кинколъ 287 в. (см. гл. I, стр. 18); по пути черезъ Улугъ-артъ или другіе сосѣдніе съ нимъ перевалы къ западу отъ ущелья Гези разстояніе должно увеличиться противъ пути чрезъ ущелье верстъ на 30, такъ что разстояніе будетъ около 275 в. Разстоянія по всѣмъ тремъ дорогамъ достаточно близки къ данному танскимъ описаніемъ разстоянію отъ Сулэ до Копаньто въ 600 ли, считая ли приближающимся къ полуверстѣ, такъ какъ при частомъ проходѣ войскъ изъ Сулэ къ охранителю Цунлина въ Копаньто китайцы должны были опредѣлить это разстояніе точно, а не днями пути. Такимъ образомъ танскія указанія относительно пути отъ Сулэ въ Копаньто и разстояніе приводятъ въ Ташкурганъ. Изъ названныхъ въ «Танъ-шу» смежныхъ владѣній страна Хуми, какъ увидимъ мы ниже, есть нынѣшій Ваханъ, а въ странѣ Паньхань можно узнать Фергану, именовавшуюся у китайцевъ въ танское время «Боханьна, иначе Бохань» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 251), Pa-han-na у Аб. Ремюза и другихъ. Этимъ окончательно подтверждается тождество танскаго Копаньто съ Ташкурганской областью, ибо она дѣйствительно имѣетъ на сѣверѣ Сулэ—Кашгаръ, на востокѣ смежна, какъ выше выяснено, съ Чжугюйбо, на западѣ съ Ваханомъ и имѣетъ на сѣв.-западѣ Фергану, находившуюся въ танское время во власти тюрковъ, которые, вѣроятно, пользовались для лѣтовокъ Алаемъ, а можетъ-быть и Памиромъ. Сверхъ того Ташкурганская область, въ предѣлахъ отъ перевала Арпаталя на востокѣ до Сарыкольскаго хребта на западѣ, окружена со всѣхъ сторонъ горами, какъ Копаньто по танскимъ свѣдѣніямъ, и занимаетъ господству-

---

[1]) Проходившій по дорогѣ черезъ ущелье Геза 25—27 ноября 1892 г. лордъ Денморъ нашелъ путь очень труднымъ и опаснымъ; черезъ утлые деревянные мосты лошадей приходилось проводить по одной (The Pamirs, by the Earl of Dunmore, London, 1893, p.p. 201—210). Черезъ годъ дорога получила другой видъ По словамъ проходившаго въ ноябрѣ 1893 г. капитана Бедряги, дорога чрезъ ущелье Геза „можетъ считаться образцовымъ вьючнымъ путемъ: на бродахъ выстроены отличные мосты, карнизы разработаны, полотно уширено, поставлены указатели съ надписями на китайскомъ языкѣ и вообще видна заботливость правительства объ улучшеніи пути, получившаго особое значеніе въ виду событій послѣднихъ годовъ на Памирахъ“ („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 67, а также 35 и 36).

ющее положеніе надъ Цунлиномъ и путями чрезъ него, почему именно въ Ташкурганѣ и долженъ былъ стоять китайскій гарнизонъ, съ «охранителемъ Цунлина» для отраженія вторженій тибетцевъ изъ Балтистана въ Китайскій Туркестанъ и для поддержки союзившаго съ Китаемъ противъ Тибета Гилгита (Малаго Болюя). Въ разсматриваемомъ описаніи Копаньто учрежденіе въ этомъ владѣніи «охранителя Цунлина» отнесено къ 713—742 гг. Оно, безъ сомнѣнія, было послѣдствіемъ упоминаемой въ танскомъ описаніи Мал. Болюя личной въ 713 г. явки владѣтеля Мал. Болюя Мугиньманя къ китайскому двору съ просьбою о помощи противъ тибетцевъ, которые стремились подчинить его страну единственно для того, чтобы имѣть «свободный проходъ для нападенія» на Кит. Туркестанъ («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 253). Вѣроятно, также именно «охранителя Цунлина» и китайскій гарнизонъ въ Копаньто-Ташкурганѣ имѣетъ въ виду «Танъ-шу» въ описаніи Шини, т.-е. Шигнана, говоря: «на востокъ 500 ли до караула въ проходѣ черезъ Луковыя горы» [1]). Копаньто — Ташкурганъ дѣйствительно находится въ 500 ли или 5 дняхъ пути на востокъ отъ Боми (Pouo-mi) или Памира, составлявшаго и тогда восточную границу Шигнана. Наконецъ, указаніе танскаго описанія Копаньто на то, что столица этого владѣнія обнималась двумя рѣками, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Ташкурганъ въ то время былъ расположенъ между рукавами Тагдынбашской рѣки, или скорѣе почти въ углу, образуемомъ рѣкою долины Тагармы и Тагдынбашъ-дарьею.

Изъ упоминаемыхъ въ танскомъ описаніи на юго-западѣ отъ Копаньто горы Головной боли и на югѣ горъ съ висячими переходами только первая, быть-можетъ, соотвѣтственна съ ханьской Болиголовной горой. Висячій же переходъ находился по «Хань-шу» не на югѣ, а на западѣ отъ Уча, съ которымъ составители «Танъ-шу», очевидно, отождествляютъ Копаньто.

Хотя, такимъ образомъ, танскія свѣдѣнія, несомнѣнно, вынуждаютъ помѣщать Копаньто, древнее Уча или Уто, въ нынѣшней Ташкурганской области, но составители «Си-юй-ту-чжи», неправильно пріурочивъ Уча къ Бадахшану, отождествили съ послѣднимъ и Копаньто. Указавъ, что по «Танъ-шу» Копаньто отстояло отъ Сулэ въ 600 ли, они писали: «Нынѣшній Кашгаръ есть древній Сулэ; отъ Кашгара на юго-востокъ до Бадахшана дѣйствительно 600 ли: разстоянія вполнѣ сходятся. Столица расположена среди горъ и рѣка обнимаетъ ея восточную часть: это именно и желаетъ выразить (танская) фраза—*она господствуетъ надъ Цунлиномъ и прилегаетъ къ нѣсколькимъ рѣкамъ*. Все это можно провѣрить на самой мѣстности» [2]). Всѣ остальныя танскія данныя оставлены безъ вся-

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 258.

[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault - Huart, Paris, 1881, p. 204.

каго обсужденія и объясненія. Между тѣмъ и два единственныя обстоятельства, принятыя въ основаніе пріуроченія Копаньто къ Бадахшану, совершенно несостоятельны. На самомъ дѣлѣ столица Бадахшана Файзабадъ находится отъ Кашгара не на юго-востокѣ, а на юго-западѣ, въ разстояніи по кратчайшему пути чрезъ ущелье Гези, постъ Памирскій, Аличуръ, Гунтъ и Калаи-Баръ-Пянджъ не 600 ли, а 684 в. (см. гл. I, стр. 17, 18, 24 и 37), т.-е. болѣе чѣмъ вдвое большемъ, принимая наибольшую величину ли. Файзабадъ, лежащій на высотѣ 3.950 ф., расположенъ въ тѣсной долинѣ р. Кокши, въ ширину имѣетъ не болѣе полуверсты, въ длину же тянется по берегамъ рѣки болѣе 7 верстъ, причемъ сообщеніе одного съ другимъ производится по находящемуся въ срединѣ города мосту («Поѣздка полк. Матвѣева въ 1877 г.» въ «Сборникѣ топограф. и пр. матеріаловъ по Азіи», вып. 5, стр. 9). Такимъ образомъ, хотя Файзабадъ находится въ горной долинѣ, но рѣка Кокша не обнимаетъ только его восточную часть, а тянется по всей длинѣ города. Въ танское время, какъ знаемъ мы изъ описанія путешествія Сюань-Цзана, слѣдовавшаго чрезъ него на обратномъ пути изъ Индіи во второй четверти VII в. и называющаго его Po-to-tch'oang-na [1]), это было одно изъ нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ владѣній въ верховьяхъ Аму-дарьи, со столицею, расположенною на скатахъ горы, какъ Файзабадъ, и ни по положенію своему на юго-западной окраинѣ Цунлина, ни по политической своей ничтожности оно не могло претендовать ни на какое господство надъ Цунлиномъ. Сверхъ того Бадахшанъ не былъ отнюдь тождественъ съ Копаньто и потому, что Сюань Цзанъ въ послѣднее попалъ, сдѣлавъ отъ Бадахшана 1.000 ли до Хуми (Ваханъ), затѣмъ 700 ли до озера на Памирѣ и отсюда 500 ли до Копаньто, итого 2.200 ли или 22 дня пути, все въ общемъ направленіи на востокъ, каковое разстояніе отъ Файзабада чрезъ Калаи-Пянджъ и Бол. Памиръ до Ташкургана нынѣ оказывается равнымъ почти 500 в. [2]).

О политическомъ положеніи прилегающихъ къ Памиру съ востока странъ разсмотрѣнныя танскія описанія Чжугюйбо и Копаньто не даютъ почти никакихъ свѣдѣній, но изъ другихъ отдѣловъ «Танъ-шу» и исторій предшествовавшихъ династій извѣстно, что покорившимъ въ половинѣ VI в. Маверанагръ и вообще Зап. Туркестанъ ханамъ тюрковъ сдѣлались подвластными и владѣнія Вост. Туркестана. Китайская власть на всемъ пространствѣ послѣдняго установилась лишь послѣ покоренія Китаемъ западныхъ тюрковъ, въ 658 г., но тюрки вскорѣ отложились и вступили въ союзъ съ тибетцами, которые въ 676—678 гг. отняли у Китая почти

[1]) Mémoires sur les contrées occidentales etc., trad. par St. Julien, Paris, 1858, t. II, p. 199.

[2]) Именно, отъ Файзабада до Калаи-Пянджа 211 в. (см. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верх. Аму-Дарьи“, стр. 134 и 135), да отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана 288 в. (см. выше, главу I, стр. 24).

всѣ его владѣнія въ Таримскомъ бассейнѣ. Въ 692 г. китайцы снова ихъ завоевали («Собраніе свѣдѣній», ч. 3. стр. 222), но власть ихъ удержалась только до конца перваго десятилѣтія второй половины VIII столѣтія. Въ танскихъ свѣдѣніяхъ о западныхъ тюркахъ есть два слѣдующія извѣстія, касающіяся при-памирскихъ странъ: 1) Около 646 г., ханъ западныхъ тюрковъ Иби-Шегуй обратился къ китайскому двору съ просьбою о выдачѣ за него китайской царевны. «Императоръ потребовалъ, чтобы ханъ для сговорныхъ даровъ уступилъ ему пять княжествъ: Кучу, Хотанъ, Кашгаръ, Чжуцзюйбо и Цунъ-Линъ» [1]). 2) Назначенные въ 658 г. въ ханы покоренныхъ западныхъ тюрковъ «Мише и Бучжень не имѣли способности къ управленію, и большая часть подчиненныхъ была недовольна ими, почему Сыгѣ-думань съ Кашгаромъ, Чжугюйбо и Гэпаньто отложились и разбили Хотанъ. Указано (императоромъ китайскому) военачальнику Су Динъ-фану выступить противъ него. Думань съ войскомъ занялъ Матхэу-чуань. Въ...660 (году) Динъ-фанъ устремился на городъ и принудилъ къ сдачѣ» [2]). Два извѣстія эти интересны, во-первыхъ, какъ свидѣтельство о существованіи владѣнія Цунъ-линъ, и во-вторыхъ, какъ указаніе на самостоятельность названныхъ владѣній въ отношеніи другъ къ другу. Возможно было бы предположеніе, что подъ именемъ владѣнія Цунъ-линъ разумѣется въ приведенномъ извѣстіи Копаньто, но по завѣренію Гобиля есть историческія извѣстія о прибытіи въ 635 г. къ китайскому двору посольствъ отъ владѣній Юйтяни, Сулэ, Цунъ-лина (Tsong-ling) и Копаньто, причемъ Гобиль поясняетъ, что Цунъ-линомъ назывались великія горы, отдѣляющія Трансоксіану отъ Кашгара, но въ данномъ

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. I, стр. 354. То же самое у Visdelou (Bibliothèque orientale, par d'Herbelot, continuée par Visdelou et Galand, La Haye, 1779, t. IV, p. 114). По Mailla, „императоръ согласился (на выдачу за хана царевны) и велѣлъ этимъ татарамъ дать обыкновенные подарки, равно какъ и посламъ владѣній Kiu-tsé, Yu-tien, Chou-le, Tchu-ku-po и Tsong-ling, которые также въ то время прибыли съ данями“ (Histoire générale de la Chine etc., Paris, 1778, t. VI, p. 113): по всей вѣроятности, Mailla не понялъ своего китайскаго текста или впалъ въ какое-нибудь недоразумѣніе или ошибку. По Дегиню, l'Empereur demandoit pour présent de nôçes les royaumes d'Acsou, de Kaschgar, de Khoten et les autres provinces voisines de l'Inde qui appartenoient au Khan. La Princesse resta à la Chine et le Khan garda ces provinces (Histoire générale des Huns etc., t. I, partie 2, p. 480). Напротивъ, по Паркеру, Ilvi Shihkwi (такъ пишетъ онъ по своему вмѣсто Иби-Шегуй) arranged to cede to China Kuche, Khoten, Kashgar, Yularik (Shu-chu-po) и другія мелкія памирскія владѣнія или, можетъ быть, „контроль“ надъ Белурскими проходами (Tsung-ling). См. A Tousand Years of the Tartars, by E. H. Parker, London, 1895, p. 239.

[2]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. I, стр. 362. По Visdelou, подданные хановъ Мише и Бучженя „намѣревались соединиться съ Tou-man, который, ставъ во главѣ трехъ татарскихъ владѣній, именно So-le, Tchu-kiu-po и Kho-pan-tho, возмутился. Они объявили войну владѣнію Юйтянь“. Китайскій военачальникъ Су-динъ-фанъ выступилъ для ихъ усмиренія. „Тумань укрѣпился на берегахъ рѣки Ma-theou-tchouen. Въ 660 г. Су-динъ-фанъ явился предъ городомъ, который захватилъ Тумань, напалъ и заставилъ сдаться“ (Bib. orientale, t. IV, p. 119). Кто такой былъ Думань и что такое за рѣка или городъ Матхэу-чуань—ни въ одномъ изъ существующихъ переводовъ и изложеній не выяснено.

случаѣ это—имя находящагося въ тѣхъ горахъ государства, лежавшаго къ востоку отъ Балха, Газны и другихъ странъ сѣверной Индіи и смежныхъ съ нею [1]). Обращаясь къ значенію и происхожденію имени Цунъ-линъ, находимъ, между прочимъ, что по одному древнему китайскому сочиненію «Си-хэ Цзю-ши», цитируемому ученымъ VII в. Янь Шугу, на вершинахъ Цунъ-лина «повсюду растетъ лукъ, отчего и названіе горамъ» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 33). По словамъ Сюань Цзана, «такъ какъ земля производитъ большое количество луку, то отсюда имя Tsong-ling. Прибавимъ, что эти горы имѣютъ голубоватый цвѣтъ, а потому имя Цунъ-линъ могло произойти и отсюда» (Mémoires sur les contrées occidentales etc., II, p. 194, гдѣ переводчикъ поясняетъ, что по-китайски Tsong значитъ и *лукъ*, и *голубой*). Однако, большая часть мѣстныхъ именъ въ китайскихъ историческихъ извѣстіяхъ заимствована у мѣстныхъ жителей, у туземцевъ, а потому и имя Цунъ-линъ могло быть взято у туземцевъ, хотя и изображено китайскими знаками, имѣющими сходство не только фонетически, но и по значенію, по крайней мѣрѣ отчасти. Населеніемъ Цунъ-лина, въ I в. до Р. Х., когда китайцы впервые съ Западнымъ краемъ знакомились, были цзыхэсцы, народъ, близкій къ тибетцамъ. Дѣйствительно, есть тибетскія слова: tsong, которое пишется по-тибетски btsong, а выговаривается tsong и значитъ дикій лукъ, и ling (пишется gling)—страна, мѣстность (region) [2]). Такимъ образомъ цзыхэско-тибетское названіе Цзунъ- или Цунъ-линъ значило «Страна дикаго лука» и, вѣроятно, примѣнялось къ Памиру и отдѣляющему его отъ Таримской котловины Кашгарскому хребту. Въ этихъ предѣлахъ, но въ значеніи уже «Луковыхъ *горъ*» употребляли это имя и китайцы при Ханяхъ. Такъ по «Исторіи Старшихъ Ханей», «на южной и сѣверной сторонахъ Западнаго края находятся большія горы», т.-е. Алтынъ-тагъ и Тяньшань, «между которыми рѣка» [3]), (Таримъ) «протекаетъ»; «на западѣ ограничивается Луковыми горами». «Рѣка имѣетъ два истока: одинъ изъ Луковыхъ горъ, другой изъ Хотана». Ведущая «по направленію рѣки» до Яркяна дорога, называемая южною, «по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Бол. Юечжы и Аньси». Сѣверная дорога «подлѣ Сѣверныхъ горъ, по рѣкѣ, идетъ до Кашгара» и, «по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Давань»

---

1) Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin, t. XV, Paris, 1791, Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang, par le p. Gaubil, p. 446. По Дегиню (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, part. 1, Tables chronologiques, p. 55), l'an 635, les peuples de Khoten, de Kaschgar et de Tçong-ling, vers les sources de Sihon,... envoyent des Ambassadeurs.

2) Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans le Haute Asie, partie 3-ème, 1898, p.p. 318 et 390, гдѣ помѣщены приводимыя Ф. Гренаромъ по разнымъ случаямъ тибетскія слова.

3) Wylie, p. 21, даетъ рѣкѣ имя Ро, котораго въ переводѣ о. Іакинфа нѣтъ.

и т. д. [1]). «Отъ Кашгара на югъ около Луковыхъ горъ мѣста необитаемы, но при подъемѣ на упомянутыя горы съ западной стороны лежитъ Хюсюнь» [2]). Не совсѣмъ ясно—знали ли ханьскіе историки о существованіи Яркендъ-дарьи и особо Кашгаръ-дарьи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Луковыми горами именовали они горы между Хотанскими горами и Тяньшанемъ. Впослѣдствіи предѣлы Цунъ-лина у китайцевъ расширились. Такъ юань-вэйскій посланникъ въ 436 г. нашелъ усуньскаго владѣтеля въ Луковыхъ горахъ, куда онъ переселился, вслѣдствіе набѣговъ жужаней, изъ окрестностей Иссыкъ-куля; такъ какъ усуньскій государь рекомендовалъ посланнику посѣтить владѣнія Полону (Фергану) и Чжеше (Ташкентъ) и далъ ему «толмачей и вожаковъ для препровожденія въ помянутыя два государства» [3]), то надо полагать, что кочевки подвѣдомственныхъ ему усуней находились въ бассейнѣ Нарына и, можетъ-быть, верховьевъ Таласа и Чирчика, такъ какъ, конечно, онъ могъ заботиться объ устройствѣ сношеній Китая лишь съ дружественными своими сосѣдями. Значитъ, въ юань-вэйское время въ предѣлы Цунлина стали включать часть Тяньшаня. Въ «Бэй-шы», въ описаніи Сулэ, значится, что владѣніе это «съ сѣв.-запада облегаютъ Луковыя горы» [4]). По Сюань Цзану горы Цунлинъ «на югѣ простираются до великихъ снѣжныхъ горъ; на сѣверѣ доходятъ до Теплаго моря и до Тысячи ключей; на западѣ простираются до владѣнія Хуо, а на востокѣ до владѣнія Уша» [5]), т.-е. границами Цунлина считались на югѣ Хиндукушъ, на сѣверѣ Иссыкъ-куль и Каратау, на западѣ Кундузъ и на востокѣ долины Вача, Туна и пр. Однако, расширенное значеніе термина Цунлинъ, конечно, принадлежало лишь китайскимъ писателямъ, на мѣстѣ же, вѣроятно, сохраняло древнее, цзыхэское. Поэтому владѣніе Цунлинъ, упоминаемое въ «Танъ-шу», должно было занимать лишь Памиръ, такъ какъ прилегающія къ Памиру собственно страны составляли особыя владѣнія, соотвѣтствующія нынѣшнимъ Ташкургану, Вахану, Шигнану, Каратегину и Чжугюйбо въ его танскихъ предѣлахъ, когда въ составъ его входила значительная часть Кашгарскаго хребта. Природныя условія Памира, какъ мы знаемъ, таковы, что и въ танское время на немъ могло обитать лишь небольшое количество кочевниковъ-скотоводовъ. Но въ такомъ случаѣ вѣроятная со стороны другихъ перечисленныхъ Гобилемъ владѣній, съ осѣдлымъ населеніемъ и, стало-быть, имѣвшихъ торговый классъ, присылка въ 635 г. посольствъ къ китайскому двору весьма мало объяснима и допустима со стороны кучки кочевниковъ Памира. По этой

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 33 и 34. Почти тоже самое, что приведено въ „Цянь-Хань-шу“, повторяется въ „Исторіи Младшихъ Ханей“ (см. тамъ же, стр. 109).

[2]) Тамъ же, стр. 62.

[3]) Тоже, стр. 162, 138 и 139.

[4]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 163.

[5]) Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. II, p. 194.

причинѣ свѣдѣнія Гобиля о посольствѣ отъ Цунъ-лина представляются сомнительными.

По поводу вышеприведеннаго упоминанія въ переводѣ о. Іакинфа о представленіи въ 639 г. владѣтелемъ Сулэ «съ чжугюйбоскимъ Ганьтанемъ» надо упомянуть, что, по Гобилю, въ 636 г. къ китайскому двору прибыли посольства изъ странъ Tchou-ku-po и Kan-tang»; послѣдняя, по свѣдѣніямъ Гобиля, находилась на югѣ Великаго моря [1]), т.-е. Восточнаго океана.

2) Извѣстія китайскихъ буддистовъ, путешествовавшихъ въ Индію.

а) Фа-Сянь.

Отправившійся изъ Чанъ-аня, столицы южнаго Китая, при послѣднемъ императорѣ династіи Цинь или Цзинь, въ концѣ 399 или началѣ 400 г., Фа-Сянь, какъ и другіе китайскіе паломники, встрѣчавшіеся въ немаломъ числѣ на пути, питался подаяніями буддистовъ проходимыхъ странъ, вслѣдствіе чего, для сбора запасовъ на переходы странъ безлюдныхъ или малолюдныхъ, проживалъ подолгу въ предшествовавшихъ мѣстностяхъ. Этимъ, а также пѣшимъ способомъ передвиженія нѣкоторыхъ спутниковъ объясняется медленность путешествія Фа-Сяня и незначительность проходимаго въ день пути разстоянія. Отъ Юйтяня (Хотанъ) до страны Цзыхэ (Tsei-ho) Фа-Сянь находился въ дорогѣ 25 дней [2]). О Цзыхэ описаніе путешествія не сообщаетъ ничего, кромѣ того, что тамошній государь былъ твердо приверженъ къ буддизму и что въ странѣ этой было около 1 т. монаховъ. Отправясь въ дальнѣйшій путь послѣ 15-ти-дневнаго пребыванія въ Цзыхэ, Фа-Сянь шелъ 4 дня на югъ, вступилъ въ горы Цунлинъ и прибылъ въ страну Юй-хоей (Iu-hoeï у Ab. Rémusat, Iu-hwui или Iu-tai у Beal). Никакихъ свѣдѣній объ этой странѣ не дано. Отдохнувъ здѣсь, путники шли 25 дней во владѣніе Кѣ-ча (Kie-tcha у A. R., Kie-cha и Kie-sha у B.). Въ странѣ этой есть около 1 тыс. монаховъ. Она находится въ серединѣ горъ Цунлинъ и такъ холодна, что изъ хлѣбныхъ растеній производится одна пшеница, да и та иногда не дозрѣваетъ. Высту-

[1]) Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, t. XV, p.p. 446—447.

[2]) Изложеніе пути Фа-Сяня сдѣлано мною по переводамъ сохранившагося описанія его путешествія Абеля Ремюза (Foe koue ki ou Relation des royaumes bouddhiques, par Chy Fa Hian, traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat etc. Paris, 1836, p.p. 22—45) и Биля (Travels of Fah-hian and Sung-yun, buddhist pilgrims, from China to India, translated from the Chinese by Samuel Beal, Chaplain in Her Majesty Fleet, London 1869, p.p. 13—26). Я пользовался также цитатами Керзона (The Pamirs and the source of the Oxus, p. 64) изъ новаго изданія перевода Биля (Buddhist Records of the Western World, London, 1890, vol. I).

пивъ изъ Кѣ-ча и направляясь на западъ [1]) къ Сѣверной Индіи, путешественники употребили мѣсяцъ пути для прохода (или пересѣченія) Цунлина. Снѣгъ здѣсь и зимою, и лѣтомъ. Есть тамъ также ядовитые драконы, которые, будучи раздражены, извергаютъ ядъ, вѣтры, дождь, снѣгъ, летучій песокъ и булыжникъ. Изъ 10 тысячъ, подвергшихся этому бѣдствію, ни одинъ не спасается. На границахъ Сѣв. Индіи путешественники вступили въ небольшую страну по имени Толи (Tho-li, To-li), гдѣ находилась чудотворная статуя Будды изъ дерева; въ странѣ этой значительное число монаховъ. Отсюда путешественники шли вдоль Цунлина на юго-западъ 15 дней по трудной дорогѣ между пропастями и крутыми скалами. Съ одной стороны возвышающіяся на 10 т. футовъ въ видѣ каменной стѣны горы, съ другой, внизу, рѣка, именуемая Синту. Здѣсь въ старину, для устройства дороги, въ скалахъ была высѣчена тропа, расширенная устроенными съ боку мостками (échelles, ladders). Пройдя семь сотенъ такихъ мостковъ, путешественники пересѣкли рѣку по висячему канатному мосту; между берегами рѣки разстояніе не менѣе 80 шаговъ. По переходѣ чрезъ рѣку Фа-Сянь вступилъ въ страну Учанъ.

Пріуроченіе пути Фа-Сяня, — описаніе котораго не даетъ точныхъ указаній о направленіи его движенія въ нѣкоторыхъ частяхъ маршрута и употребляетъ отчасти такія имена странъ, которыя не встрѣчаются ни раньше, ни позже, при отсутствіи притомъ этническихъ и политическихъ свѣдѣній,—представляетъ задачу трудно разрѣшимую. Аб. Ремюза склоненъ былъ принять Кѣ-ча за Кашмиръ, но Клапротъ справедливо находилъ, что климатъ Кашмира не такой холодный, чтобы страну эту возможно была принять за Кѣ-ча по описанію Фа-Сяня; съ своей стороны Клапротъ думалъ, что Фа-Сянь шелъ по Тизнафу и затѣмъ чрезъ Каракорумскій перевалъ въ Ладакъ, а отсюда на западъ по Балтистану, и принималъ Юй-хоей за Ладакъ, Кѣ-ча же признавалъ находившимся гдѣ-нибудь въ Балтистанѣ или по сосѣдству (Foe koue ki etc., p. 29). Кеннингамъ первый узналъ въ Толи долину Дарелъ, но признавалъ Кѣ-ча за Ладакъ (Ladak etc. London, 1854, p. 2). В. В. Григорьевъ готовъ былъ пріурочить Юй-хуй къ ханьскому Ухо (Уча), отъ опредѣленія же Кѣ-ча уклонился («Вост. Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 114). Состоявшій членомъ посольства Форсита къ Якубъ-беку въ 1873 г. и бывшій впослѣдствіи англо-индійскимъ агентомъ въ Гилгитѣ, а потому лично знакомый съ значительною частью странъ и путей между Вост. Туркестаномъ и Индіею, Биддельфъ находилъ, что Фа-Сянь не шелъ чрезъ Ладакъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ продолжалъ бы свой путь на Кашмиръ; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ тамъ не былъ. Полагая,

---

[1]) Слова „на западъ“ въ цитатахъ Керзона изъ новаго изданія перевода Биля отсутствуютъ, но, по завѣренію Паркера (Contemporary Review, 1897, December, p. 879), въ китайскомъ подлинникѣ они существуютъ.

что Цзыхэ соотвѣтствуетъ Яркенду, а Кѣ-ча Сарыколу, онъ думалъ, что Фа-Сянь долженъ былъ пройти въ Сарыколъ по кушерабской дорогѣ, «и ю-хвуи должны были быть кочевники, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ киргизамъ». Изъ Сарыкола въ долину Дарелъ (Толи) Фа-Сянь прошелъ, по его мнѣнію, чрезъ Гилгитъ, куда прибылъ или чрезъ Канджутъ, или чрезъ Памиръ: послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ соотвѣтствовало бы указанію о направленіи пути на западъ. («Народы, населяющіе Гиндукушъ. Сочиненіе майора Биддельфа. Перевелъ П. Лессаръ», Асхабадъ, 1886 г., стр. 145—147). Изъ новѣйшихъ авторовъ Керзонъ,—указывая, между прочимъ, что Ладакъ по своему положенію отнюдь не лежитъ въ срединѣ Цунлина, какъ Кѣша (Кѣ-ча) Фа-Сяня, и что климатъ и природныя условія Цунлина, какъ описываетъ ихъ Фа-Сянь, тождественны съ извѣстными намъ климатомъ и природою Памира,—склоняется къ тому мнѣнію, что Фа-Сянь проходилъ черезъ часть Памира, но мы не имѣемъ средствъ выяснить, какою именно дорогою онъ шелъ и какими перевалами пересѣкъ Хиндукушъ, слѣдуя въ долину Дарелъ (The Pamirs and the source of the Oxus, 1896, p. p. 65—66). По мнѣнію Паркера, путь Фа-Сяня съ достовѣрностью можетъ быть опредѣленъ лишь до Хотана и отсюда до Кокъяра «или до какого-нибудь мѣста между нимъ и Ташкурганомъ; какое бы это ни было мѣсто, онъ употребилъ для прохода къ нему отъ Хотана 25 дней, и населеніе этой страны описывается, какъ и шесть столѣтій ранѣе, имѣющимъ типъ болѣе сходный съ тибетскимъ, чѣмъ съ тюркскимъ». На самомъ дѣлѣ, по существующимъ переводамъ, въ описаніи путешествія Фа-Сяня о сходствѣ типа населенія Цзыхэ, въ которое прибылъ онъ чрезъ 25 дней пути отъ Хотана, съ тибетскимъ, рѣшительно ничего не говорится, такъ что тутъ Паркеръ впалъ въ ошибку. Дальнѣйшій путь Фа-Сяня, по мнѣнію Паркера, лежалъ чрезъ Каракорумскій перевалъ въ Кашмиръ. «Предшествовавшіе (Фа-Сяню) путешественники не посѣщали Кашмира, Индіи и Кафиристана, и проходили чрезъ Памиры въ Кабулистанъ. Фа-Сянь же ясно говоритъ намъ, что онъ былъ тамъ, гдѣ не были два самыхъ знаменитыхъ между ними, т.-е., какъ я полагаю, прошелъ чрезъ Каракорумъ и чрезъ Кашмиръ, который значится подъ именемъ Kiaŀ-ts'a или Kasya» (China and the Pamirs, by E. H. Parker, въ Contemporary Review, 1897, December, p. p. 268 — 269). Однако, вопреки Паркеру, сдѣланное въ описаніи путешествія Фа Сяня (послѣ упоминанія о переходѣ чрезъ Синту по висячему мосту на пути изъ Толи въ Учанъ) замѣчаніе о томъ, что китайскіе посланцы ханьскихъ временъ Чжанъ Цянъ и Гань Инъ «не доходили до этого пункта» (Foe-koue-kі, p. 35), т.-е. до Инда, ни малѣйше не служитъ доказательствомъ, что Фа-Сянь шелъ чрезъ Каракорумъ и Кашмиръ. Что Фа-Сянь не былъ въ Кашмирѣ, это ясно, между прочимъ, изъ того, что онъ ничего не говоритъ о тѣхъ буддійскихъ святыняхъ, ступахъ, храмахъ и легендахъ, которыя описы-

ваются и разсказываются Сюань Цзаномъ въ описаніи Кашмира (см. Mém. sur les contrées occid., t. 2, pp. 167—186). Отождествлять такую страну, какъ Кѣ-ча Фа-Сяня, гдѣ и пшеница иногда не дозрѣваетъ, на столько она холодна, съ Кашмиромъ, гдѣ три четверти обрабатываемой земли засѣваются рисомъ, дающимъ превосходные по количеству и качеству урожаи и составляющимъ главную пищу многочисленнаго населенія (Travels in Kashmir, Ladak etc., by G. T. Vigne, London, 1842, vol. 1, p. 308), отнюдь не приходится.

Не приводя мнѣній многихъ другихъ писателей, касавшихся вопроса объ опредѣленіи пути Фа-Сяня, такъ какъ за неимѣніемъ до послѣднихъ лѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній о горной странѣ между Ташкурганомъ и Каргалыкомъ выясненіе пути Фа-Сяня было почти невозможно, я попытаюсь опредѣлить этотъ путь на основаніи описанія путешествія и имѣющихся въ настоящее время новѣйшихъ данныхъ. Начать надо съ того, что Цзыхэ Фа-Сяня находилось не на мѣстѣ Яркенда и Кокъяра, въ какомъ-нибудь пунктѣ между Актамомъ и Чимду, какъ выяснено мною на предшествующихъ страницахъ, сообразно династійнымъ исторіямъ V—VIII столѣтій. Прямое разстояніе между Хотаномъ и Цзыхэ составляетъ только 260 в., такъ что на 25 дней Фа-Сяня приходится около 10 в. въ день, но, во-первыхъ, и такое разстояніе для дневнаго пути питающихся подаяніями и пѣшихъ паломниковъ не невѣроятно, во вторыхъ же, весьма возможно, что Фа-Сянь и его спутники слѣдовали отъ Хотана до Цзыхэ не по прямой дорогѣ равниною, а чрезъ Дуа, Санджу, Киліанъ и Кокъяръ по предгорьямъ, гдѣ осѣдлыя поселенія чаще, населеннѣе и богаче, хотя протяженіе пути значительно дальше, можетъ быть, въ полтора раза противъ прямого разстоянія. Четыре дня пути отъ Цзыхэ на югъ до вступленія въ горы Цунлинъ и страну Юй-хоей должны были привести Фа-Сяня по долинѣ Яркендъ-дарьи и затѣмъ или по долинѣ р. Азгансала до сел. Шауширъ, или по долинѣ р. Учъ-Бильду до сел. Унгурлыкъ.

Свѣдѣнія объ обоихъ путяхъ имѣются въ рукописныхъ дневникахъ и маршрутныхъ описаніяхъ Б. Л. Громбчевскаго, который, первымъ изъ европейцевъ, прошелъ по нимъ въ 1890 г. Послѣ него въ 1895 г. шелъ по дорогѣ отъ перевала Арпаталя до Кушераба Свенъ Хединъ, но помѣщенныя имъ въ его «Въ сердцѣ Азіи» (Спб., 1899 г., т. 2, стр. 37) свѣдѣнія слишкомъ кратки и не даютъ разстояній; не включена эта часть его маршрутовъ и въ вышедшемъ во второй половинѣ 1900 г. трудѣ: Die geographisch-wissenschaftlichen Ergebnisse meiner Reisen in Asien 1894—1897 въ Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, Nr. 131, Gotha, 1900, откуда узнаемъ (S. 259), что путь отъ Ташкургана до Кушераба будетъ описанъ въ особомъ сочиненіи о поѣздкахъ Хедина по Памиру, т.-е. можетъ появиться не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи Хедина изъ предпринятаго имъ новаго путешествія въ Ср. Азію. Послѣ Хедина по

обоимъ путямъ проходилъ капит. Deasy, цѣлью котораго, повидимому, было топографическое изслѣдованіе тѣхъ мѣстностей въ бассейнѣ Яркендъ-дарьи (въ средней и нижней частяхъ его горной части) и въ бассейнѣ Тагдын-башъ-дарьи, которыя не были посѣщены Громбчевскимъ; описанія и разстояній путей по Учъ-Бильду и Азгансалу кап. Дизи въ изданномъ имъ пока описаніи путешествій его не дано (Journey in Central Asia, въ Geographical Journal, 1900, August and November, съ картою). Вслѣдствіе всего этого почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ упомянутыхъ путяхъ и о разстояніяхъ по нимъ остаются рукописные дневники и маршрутныя описанія Б. Л. Громбчевскаго.

По пути отъ Чимду чрезъ долину р. Учъ-Бильду дорога идетъ вверхъ по Яркендъ-дарьѣ 17 в. до сел. Кушераба [1]) на устьѣ р. Учъ-Бильду (400 дворовъ). Отъ Кушераба вверхъ по р. Учъ-Бильду до сел. Дамсиль (Damsal у Deasy), гдѣ, на высотѣ 5.870 ф., разводится виноградъ, персиковыя и другія плодовыя деревья, около 8 в. по картѣ [2]). Отъ Дамсиля, чрезъ сел. Учъ-Бильду (въ 10 вер., 50 дворовъ) до кургана Игизъ-арыкъ 32 в. (днев. 20 авг.). Итого отъ Чимду до кургана Игизъ-арыкъ 57 в., что даетъ по $14^1/_4$ в. на каждый изъ 4-хъ дней пути Фа-Сяня; но въ виду вѣроятнаго нахожденія столицы Цзыхэ не въ самомъ Чимду, а ниже его на день пути, между Чимду и Акъ-тамомъ, надо полагать, что четвертый ночлегъ свой Фа-Сянь имѣлъ между Учъ-Бильду и Игизъ-арыкомъ, выше устья р. Каинлыкъ (9 в. отъ сел. Учъ-Бильду), гдѣ долина расширяется (дн. 20 авг.), въ сел. Онгурлыкъ Свена Хедина, находящемся, повидимому, ниже уроч. Гурумликны-аузы карты Б. Л. Громбчевскаго, верстъ 12 не доходя Игизъ-арыка, такъ что ночлегъ этотъ находился верстахъ въ 45 отъ Чимду [3]).

---

[1]) Дневн. 24 авг. 1890 г. У Хедина Kuscher-ab. Deasy помѣщаетъ на мѣстѣ Кушераба сел. Taklay (Geogr. Journal, 1900, November, p. 501), на картѣ же стоитъ Takla.

[2]) На картѣ путешествій подп. Громбчевскаго проведена и линія пути его отъ Дамсиля къ Чимду, но это мнѣ кажется ошибкой, такъ какъ изъ дневниковъ 19 и 24 авг. видно, что между Дамсилемъ и Кушерабомъ онъ не проходилъ.

[3]) На картѣ путешествій Хедина, приложенной къ Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 131, путь Хедина отъ перевала Арпаталя показанъ на юго-востокъ къ Игизъ-арыкъ-караулу и оттуда на сѣв.-востокъ чрезъ Unkurluk, Uetsch-Beldir, Damsir и Kuscher-ab; но упомянутое первоначальное направленіе на Ю.-В. находится въ противорѣчіи съ описаніемъ Хедина, который, послѣ нѣсколькихъ словъ о перевалѣ Арпаталя, говоритъ: „Дорога повела на ONO къ селенію Онгурлукъ (овраги), гдѣ какъ разъ происходила молотьба“ и т. д. („Въ сердцѣ Азіи“, т. 2, стр. 37). Такъ какъ не только на картѣ путешествій Хедина, превосходно составленной д-ромъ Хассенштейномъ, пользовавшимся маршрутными съемками Хедина, но и на картахъ Громбчевскаго и Дизи (у котораго Игизъ-арыкъ-караула нѣтъ, а означенъ Karol, на высотѣ въ 9,100 ф., вѣроятно на мѣстн. Игизъ-арыка, которому карта Громбчевскаго даетъ 9.058 ф. выс.) первоначальное направленіе дороги съ Арпаталя означено юго-восточное, то можно пока думать, что представляющееся противорѣчіе явилось слѣдствіемъ краткости описанія Хедина. По причинѣ той же краткости и неясности, въ изложеніи пути Хедина въ гл. I (стр. 19) я означилъ его прибытіе въ Онгуртлыкъ (описка

По дорогѣ чрезъ долину р. Азгансалъ [1]) отъ Чимду до сел. Торъ-аузы на Азгансалѣ 37 в. (дн. 23 авг.); отсюда до уроч. Тахтъ близъ мазара Шейхляръ по рр. Азгансалу и Шауширу 32 в. (дн. 22 авг.); затѣмъ до кургана Игизъ-арыкъ чрезъ перевалъ Тахтъ 20 в. (дн. 21 авг.). Итого отъ Чимду до Игизъ-арыкъ-кургана 89 в. Но такъ какъ первый изъ 4-хъ дней пути привелъ, вѣроятно, Фа-Сяня въ Чимду, то три остальные дня должны были довести его чрезъ 45 в. приблизительно въ урочище Бильду-лянгаръ между сел. Торъ-аузы и Шауширомъ, гдѣ дорога мѣняетъ южное до Бильду-лянгара направленіе на западное къ Шауширу, Тахту и далѣе [2]).

Итакъ, какъ путь чрезъ Учъ-Бильду, такъ и дорога чрезъ Азгансалъ соотвѣтствуютъ пути Фа-Сяня изъ Цзыхэ, находившагося между Чимду и Актамомъ, ибо по обоимъ четыре дня пути ведутъ на югъ, на пятомъ же переходѣ начинается дорога горная — вступленіе въ горы Цунлинъ. Этому условію не удовлетворяютъ ни сел. Шихпу, которое по нѣкоторымъ соображеніямъ (о нихъ ниже) могло бы претендовать на пріуроченіе къ нему Цзыхэ, ни сел. Кокъяръ, съ которымъ отождествляли Цзыхэ китай-

---

вмѣсто Онгурлыкъ) 25 сент., тогда какъ изъ текста Хедина этого въ точности не видно: можетъ быть,—что вѣроятнѣе,—онъ 25 сент. имѣлъ ночлегъ около Игизъ-арыка, а чрезъ Унгурлыкъ проходилъ 26 сент. Слово унгуръ или ункуръ, онгуръ, онкуръ значитъ „пещера“ (см. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, partie 3, p. 74), а потому названіе Унгурлыкъ или Онгурлыкъ имѣетъ связь съ находящимися на мѣстѣ пещерою или пещерами, быть можетъ прежде служившими для обитанія буддійскихъ монаховъ. Deasy, p. 501, называетъ долину Учъ-Бильду, по которой онъ поднимался къ пер. Арпаталя, долиною Chiung-Say, т.-е. Чёнъ-сай, что значитъ „большое ущелье“ или долина; его *Karol*, вѣроятно, Игизъ-арыкъ-*караулъ*.

[1]) Въ незамѣнимомъ доселѣ описаніи горной части Яркендскаго окр. и Ташкурганской обл. караванбаша Мохаммедъ-Эмина, р. Азгансалъ названа Инишчипаномъ и показана текущею изъ горъ Мида; онъ же показываетъ текущими съ перевала Арпаталя рѣчки Кушрабъ и Ушбалдыръ (В. В. Григорьева „Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, стр. 485). Можно думать, что Кушрабъ и Ушбалдыръ суть два названія рѣки Учъ-Бильду или Учъ-Бильдыръ новѣйшихъ картъ и путешественниковъ. На р. Азгансалѣ первое отъ Чимду вверхъ селеніе называется у Громбчевскаго Инышъ, у Дизи Innis. Горы Мида Мохаммедъ-Эмина есть, по всей вѣроятности, находящаяся въ 230 ли отъ Яркенда, по китайскимъ извѣстіямъ XVIII стол., „гора Мирчжай, которая вся состоитъ изъ разноцвѣтной яшмы, но иная въ корѣ, а другая содержитъ внутри себя частицы кварца“ и т. д. (Іакинфа „Описаніе Чжуньгаріи и В. Туркестана“, Спб., 1829 г., стр. 137). На многихъ прежнихъ картахъ гора Мирчжай и показывалась между Тизнафомъ и Яркендъ-дарьею, но со времени карты Б. Л. Громбчевскаго исчезла съ картъ, такъ какъ у него не значится. Вѣроятно, названіе Мида случайно не дошло до свѣдѣнія названнаго путешественника, но быть можетъ оно существуетъ и понынѣ. На картѣ 1895 г. въ самыхъ вершинахъ Азгансала Б. Л. Громбчевскимъ отмѣчены „Нефритовыя копи“: тутъ и должны быть горы Мида или Мирчжай Мохаммедъ-Эмина и китайскихъ извѣстій. По рукоп. маршруту Б. Л. Громбчевскаго 23 авг. 1890 г., ниже сел. Торъ-аузы рѣка Азгансала называется Чипанъ и течетъ 20 в. по культурной полосѣ чрезъ многочисленныя селенія; послѣ этого долина съуживается въ тѣснину и дорога идетъ 14 в. по правому высокому и травянистому берегу.

[2]) По рукоп. маршруту 22 авг. 1890 г., дорога Б. Л. Громбчевскаго отъ ур. Тахтъ вошла въ ущелье р. Шаушира на 13 в. и достигла ущелья р. Азгансала на 22 в., выше ур. Бильду-лянгаръ.

скіе историки и географы манджурской династіи. Дорога изъ Шихпу идетъ на юго-западъ только около 23 в. (именно до сел. Услюшъ около 5 в., по картѣ, далѣе 8 в. до сел. Дунгзоля и отсюда около 10 в. до ущелья Кургакъ, все по картѣ и рукоп. дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго), а затѣмъ направляется на западъ и сѣв.-западъ къ Арпаталя, такъ что шедшій изъ Шихпу-Цзыхэ Фа-Сянь двигался бы на югъ только полтора дня, а не четыре. Что касается до Кокъяра, то южное направленіе дороги изъ него въ Ташкурганъ сохраняется лишь 9 в. до сел. Псаръ (дн. 13 іюля 1890 г.), откуда направляется на сел. Момукъ на р. Тизнафѣ и по ущелью Кургакъ—все на сѣв.-западъ.

По чрезмѣрной краткости изложеннаго мною въ главѣ I описанія Хедина, считаю здѣсь необходимымъ, для ознакомленія съ страною и путемъ между Тизнафомъ и Ташкурганомъ, привести разсказъ французскаго негоціанта Доверня о пути его между Тизнафомъ и Тагдынбашъ-дарьей въ первой половинѣ сентября 1889 г. [1]) Изъ сел. Мому (Момукъ Б. Л. Громбчевскаго) направился онъ на западъ вверхъ по сухому руслу (ущелье Кургакъ, т.-е. сухое, у Б. Л. Г.) и дошелъ до урочища Kiol (по Гр., дн. 7 авг., ущелье Кургакъ совершенно безжизненно и лишено воды; лишь въ самыхъ вершинахъ его есть небольшой родникъ, растетъ еловый лѣсъ и склоны покрыты травою; эти вершины названы у него ур. Куль), до котораго отъ вышеупомянутаго сел. Дунгзоля на Тизнафѣ, по дн. 7 авг., 42 в , гдѣ нашолъ много каргалыкцевъ, пріѣхавшихъ рубить лѣсъ, ибо только тутъ во всемъ Куэнь-лунѣ встрѣчаются ели. Такъ какъ воды оказалось на ур. Куль мало и притомъ загрязненная, то Довернь пошелъ въ сосѣднюю долину съ небольшой рѣчкой. Отсюда направился онъ на сѣв.-западъ до небольшой деревни Asgam Salgam, съ посѣвами пшеницы и овса; тутъ оказался и хорошій подножный кормъ для лошадей (это дер. Азгансалъ на р. того же имени, въ 50 дворовъ, дн. Гр. 18 авг.). Пройдя потомъ по рѣчкѣ на С.-З. и поднявшись по другой рѣчкѣ на Ю.-З. до небольшой деревни Chuchu (это у Б. Л. Гр., по дн. 22 авг., селеніе изъ 20 отдѣльныхъ «фермъ» на р. Шауширъ или Шухши) и затѣмъ сталъ лагеремъ на плато Donya среди кочевыхъ *киргизъ-ваханіевъ*: такъ Довернь постоянно называетъ кочевниковъ, вышедшихъ изъ Вахана, съ арійскими чертами наружности. Въ плато Донія можно узнать ур. Тахтъ Б. Л. Громбчевскаго, на картѣ котораго показанъ перевалъ Дуни, по-видимому на сѣверѣ отъ этого урочища; близъ этого урочища кочуетъ 30 кибитокъ кара-киргизовъ рода кара-саадакъ, перешедшихъ сюда съ р. Пасъ-рабатъ, сѣвернаго притока Тагдынбашъ-дарьи (дн. 21 авг. [2]). На

---

[1]) Exploration dans l'Asie centrale, par Henri Dauvergne, въ Bull. de la Soc de Géogr., Paris, 1892, 1-re trimestre, p.p. 15—22.

[2]) По рукоп. маршруту Б. Л. Громбчевскаго (18 авг. 1890 г.) отъ ур. Куль до р. Азгансала 4 в.; отсюда до дер. Азгансала 8 в. и отсюда до устья р. Шау-

слѣдующій день Довернь перешелъ перевалъ Takta Dawan (13.400 ф.= 4100 м.), гдѣ горы обросли пихтами, можевельникомъ и березами [1]), и спустился въ глубокое ущелье; островерхія скалы были черноватаго и краснова-таго цвѣта, было много желѣзистыхъ и магнезіальныхъ источниковъ. Встрѣтивъ идущую съ запада рѣчку, впадающую, кажется, у Косараба въ р. Зерафшанъ (это должна быть р. Учъ-Бильду), путешественникъ поднялся по ней до Egizarak kourgan, небольшого укрѣпленьица квадратной формы, занятаго нѣсколькими служащими китайцамъ туземными чиновниками. Тамъ въ трехъ горнахъ выплавляли довольно первобытнымъ способомъ мѣдь изъ руды. Въ слѣдующемъ 1890 г. (дн. 20 авг.) Б. Л. Громбчевскій нашелъ укр. Игизъ-арыкъ-курганъ уже полуразрушеннымъ и обитаемымъ лишь однимъ джигитомъ съ семьею, сѣявшимъ немного ячменя: выплавка мѣди была уже брошена, такъ какъ не окупала расходовъ. Поднявшись по долинѣ Эгизаракъ-кургана, Довернь перевалилъ чрезъ Arpataliik Dawan (12.500 ф.=3.790 м. [2]) и спустился въ очень глубокое ущелье, образуемое черными скалами, съ пиками въ видѣ колоколенъ, стрѣлъ и другихъ фантастическихъ формъ. На ночлегъ путешественникъ прибылъ въ дер. Лянгаръ на устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Зерафшанъ, текущій въ недающихъ мѣста для дороги утесистыхъ скалахъ. При деревнѣ мазаръ Baba-Ialimalik, окруженный многочисленными гробницами, масса зелени и сады изъ абрикосовыхъ, яблонныхъ и дикихъ масличныхъ деревьевъ, называемыхъ въ Индіи Behr. Слѣдующій день занятъ былъ приготовленіями къ переправѣ чрезъ Зеравшанъ, которая произведена была на державшемся на надутыхъ воздухомъ козьихъ шкурахъ плоту и потребовала около 4 час. времени, причемъ животныя переплавлены вплавь. Пробравшись на лѣвомъ берегу чрезъ ограду утесовъ довольно труднымъ путемъ километра въ два, Довернь прибылъ на устье р. Toung въ Зерафшанъ съ деревней того же имени, но на ночлегъ остановился послѣ нѣсколькихъ часовъ пути въ дер. Наёkaragh (?). Выступивъ отсюда черезъ два дня, путешественникъ поднялся по долинѣ Тунъ, прошелъ дер. Лянгаръ и Кандлакшъ, въ направленіи на З. и З.-Ю.-З., чрезъ довольно трудныя ущелья, потомъ на Ю.-Ю.-З. и остановился на ночлегъ

шира $4^1/_2$ в. Ниже, на протяженіи 6 в., р. Азгансалъ пробивается чрезъ узкую тѣснину.

[1]) Пер. Тахтъ на картѣ путешествій подп. Громбчевскаго показанъ въ 10.669 ф., а въ дневникѣ 21 авг. замѣчено, что онъ поросъ травою. Онъ въ 3 в. отъ ур. Тахтъ.

[2]) Пер. Арпаталя на картѣ Громбчевскаго означенъ на высотѣ 12.546 ф. и 21 авг. покрытъ былъ глубокимъ снѣгомъ, что онъ приписывалъ исключительному по обилію влажности году, который лишилъ его возможности пробраться въ долину р. Тунъ по затруднительности переправы чрезъ Яркендъ-дарью. По тому же маршрутному описанію, вершина перевала Арпаталя отстоитъ отъ Игизъ-арыкъ-кургана въ 7 в.; подъемъ и спускъ довольно круты, но лишь около вершины. Въ ур. Сугетлыкъ, гдѣ ущелье отъ перевала соединяется съ ущельемъ р. Сугетлыка, посѣвы ячменя.

на высотѣ 11.500 ф. Отсюда, по оврагу на Ю.-В., Довернь поднялся на крутой Kotli Kandar, 16.350 ф.=5.000 м., по замерзшему снѣгу, съ большими трудностями; лошадей пришлось развьючивать и поднимать каждую на веревкахъ. Спустились по небольшой рѣчкѣ и остановились на ночлегъ въ долинѣ Abi-Ouchi. На слѣдующій день, спускаясь по долинѣ, прибыли въ сел. Khaгakh (вѣроятно, это Крагъ карты Громбчевскаго), наняли здѣсь проводниковъ и направились на перевалъ Ogriart Dawan, 13.050 ф.=3.980 м., чрезъ который и спустились въ долину Тагдынбашъ-дарьи, по которой на слѣдующій день дошли до ур. Dabdar, оставивъ Kash-kurgan (т.-е. Ташъ-курганъ) въ сторонѣ. На картѣ Доверня перевалъ Огри-артъ показанъ почти на паралели Ташъ-кургана, но въ дѣйствительности, какъ видно изъ карты Громбчевскаго, онъ находится верстъ на 25 южнѣе.

Разстоянія по пройденному Довернемъ пути приблизительно можно опредѣлить такъ: 1) Отъ Момука до Донія (ур. Тахтъ), по дневникамъ и картѣ Б. Л. Громбчевскаго, около 62 в. (именно, отъ Момука до ур. Куль около 30 в. и отъ ур. Куль до ур. Тахтъ около 32 в.). 2) Отъ ур. Тахтъ до сел. Курукъ-Лянгаръ у переправы черезъ Яркендъ-дарью 57 в. (по дневн. Г., отъ ур. Тахтъ до Игизъ-арыкъ-кургана 20 в., отъ него до ур. Сугетлыкъ 19 в. и, по разспросамъ Г., отъ послѣдняго до Курукъ-Лянгара 18 в.). 3) Отъ сел. Курукъ-Лянгара до сел. Наёkagagh, котораго ни у Хедина, ни у Дизи не значится, примѣрно 15 в. 4) Отъ Наёkagagh до ночлега у подножія перевала Кандаръ около 50 в.: Хединъ, послѣ ночлега, по спускѣ съ перевала Кандахоръ, въ рабатѣ Кочкаръ-бекъ-бай, шелъ до сел. Кандалакшъ три дня (20, 21 и 22 сент., съ ночлегами въ березовой рощѣ Терсекъ, въ сел. Лянгаръ и въ сел. Кандалакшъ), да отъ сел. Кандалакшъ до мѣста переправы прошелъ еще нѣсколько километровъ («Въ сердцѣ Азіи», Спб., 1899 г., т. 2, стр. 30—34); хотя по картѣ Deasy разстояніе отъ переправы чрезъ Яркендъ-дарью до пер. Кандаръ не превышаетъ 30 миль, по масштабу карты очень малъ и относительно долины Туна она столь неудовлетворительна, что не показываетъ въ ней ни одного селенія за исключеніемъ пункта Khurak у подножія перевала Кандаръ. 5) Отъ ночлега у подножія перевала Кандаръ до ночлега по спускѣ въ долину Тагдынбашъ-дарьи около 60 в.: Хединъ употребилъ четыре дня, но въ этомъ числѣ слѣдуетъ одинъ день пути положить на разстояніе между Ташкурганомъ и паралелью Угри-арта. Такимъ образомъ протяженіе пути Доверня отъ сел. Момука на Тизнафѣ до долины Тагдынбашъ-дарьи составляетъ около 244 в., а отъ Игизъ-арыкъ-кургана до Тагдынбашъ-дарьи около 162 в. Съ добавленіемъ къ послѣдней цифрѣ 25 в. до Ташкургана получится 187 в. или, для круглаго счета, 190 в., а это довольно подходитъ къ 10 днямъ пути Хедина отъ Ташъ-кургана по 20 в. въ день.

Такъ какъ путь по долинѣ Учъ-Бильду въ 57 в. до Игизъ-арыкъ-кургана у подножія пер. Арпаталя значительно короче пути по долинѣ Азгансала, равняющагося отъ того же Чимду 89 в., и избѣгаетъ довольно высокаго перевала Тахтъ, то слѣдуетъ полагать, что Фа-Сянь шелъ изъ Цзыхэ четыре дня на югъ по долинамъ Яркендъ-дарьи и Учъ-Бильду, а не Азгансала, въ пятый же день поднялся до мѣстности Игизъ-арыкъ-кургана предъ переваломъ Арпаталя, которымъ начинались въ его глазахъ горы Цунлинъ. Въ такомъ случаѣ мѣстность Игизъ-арыка должна считаться страной или владѣніемъ Юй-хоей, или, точнѣе, тою частью этой страны, которой коснулся на пути своемъ Фа-Сянь, такъ какъ однѣ вершины р. Учъ-Бильду, гдѣ находится Игизъ-арыкъ-курганъ, не могли называться страной или владѣніемъ и въ составъ ея, вѣроятно, входили смежныя верховья р.р. Азгансала, Чупа, Пиля и Тизнафа, все горныя мѣстности, подобно вершинамъ Учъ-Бильду, пригодныя главнымъ образомъ лишь для скотоводства. Если имя Юй-хоей китайское или передѣланное на китайскій ладъ туземное и если въ немъ звукъ *юй*, значащій *нефритъ*, поставленъ сознательно, то нефритовыя копи и гора Мирчжай въ вершинѣ Азгансала указываютъ отчасти на его происхожденіе. Во всякомъ случаѣ скотоводческія условія страны этой и несомнѣнное въ ханьскія времена цзыхэское ея населеніе побуждаютъ полагать, что и въ началѣ V в. она продолжала быть обитаема вѣтвями цзыхэскаго племени, будучи кочевымъ владѣніемъ или волостью, независимымъ или подвластной земледѣльческому владѣнію Цзыхэ, занимавшему низовья Учъ-Бильду, Азгансала и Тизнафа. Разстояніе въ 25 дней пути отъ Юй-хоей до столицы *Кѣ-ча* (можетъ-быть, первый знакъ этого имени *Кѣ* есть описка или опечатка вмѣсто знака *У*, такъ что истинное имя было *У-ча*, какъ въ ханьское время, близко къ нынѣшему Вача или Учи), т.-е., вѣроятно, Ташкургана, слѣдуетъ признать соотвѣтствующимъ разстоянію въ 200 в. отъ Игизъ-арыкъ-кургана до Ташкургана, если принять во вниманіе трудности горныхъ дорогъ, особенно же тѣ промедленія и задержки, которыя должны были, даже при благопріятныхъ условіяхъ времени года и погоды, представлять перевалы Арпаталя и Кандахоръ и переправа чрезъ Яркендъ-дарью. Такъ, лѣтомъ переправа на бурдюкахъ или невозможна, или очень опасна, зимою же мѣшаетъ ледъ, который рѣдко достаточно крѣпокъ для перехода по нему. Довернь и Хединъ въ 1889 и 1895 гг. въ сентябрѣ переправились не безъ приключеній и опасностей на бурдюкахъ, пользуясь, въ качествѣ знатныхъ иностранцевъ, всѣмъ содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, которое трудно ожидать для нищенствующихъ чужеземныхъ монаховъ. Въ 1890 г. Б. Л. Громбчевскій не попалъ въ долину Туна вслѣдствіе высоты воды, не дозволявшей брода на верблюдахъ, при затруднительности переправы другимъ способомъ. Deasy въ февралѣ 1898 г перешелъ рѣку по льду и достигъ подножія перевала Кандаръ, но выпавшій въ теченіе ночи и слѣ-

дующаго дня большой снѣгъ совершенно завалилъ перевалъ и вынудилъ предпринять обратный путь, при которомъ ледъ на переправѣ оказался почти исчезнувшимъ. При новой попыткѣ проникнуть чрезъ Кандаръ, 9 ноября 1898 г., за отсутствіемъ льда, переправа была произведена на верблюдахъ, доставленныхъ мѣстными властями, лошади же пущены вплавь; Кандаръ на этотъ разъ былъ пройденъ, хотя на очень крутой въ концѣ перевалъ лошадей съ полувьюками, а ословъ безъ вьюковъ, пришлось поднять при помощи людей, вслѣдствіе скользскости выпавшаго недавно снѣга (Geogr. Journal, 1900, Nov., p.p. 501, 507). Вообще горная страна между Тагдынбашъ-дарьею и Азгансаломъ, для съемки нѣкоторыхъ частей которой Дизи сдѣлалъ въ 1897—1899 гг. четыре поѣздки, характеризуется имъ въ видѣ множества долинъ, очень глубокихъ и весьма узкихъ, частію съ пашнями, частію же столь наполненныхъ кустарными зарослями, что движеніе по нимъ вьючныхъ животныхъ сопряжено съ чрезвычайными трудностями; промежуточные между долинами хребты очень высоки и трудно проходимы (тамъ же, p. 521).

По своей гористости и холодному климату, въ которомъ едва дозрѣваетъ пшеница, вл. Кѣча Фа-Сяня вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшней области Ташкургана со включеніемъ долинъ на востокъ до Арпаталя. Что касается до дальнѣйшаго пути, при которомъ въ теченіе мѣсяца онъ прошелъ отъ Кѣча до Толи, пересѣкши Цунлинъ, то, за отсутствіемъ особыхъ указаній о пройденныхъ мѣстностяхъ, представляется вѣроятнѣйшимъ, что китайскій паломникъ этотъ двигался или чрезъ Б. Памиръ, или по Кара чукуру и Ваханъ-дарьѣ, во всякомъ же случаѣ чрезъ проходъ Барагылъ, перевалъ Даркотъ и чрезъ Ясинъ и часть Гильгита въ долину р. Дарелъ, притока Инда. По крайнимъ трудностямъ дороги черезъ Канджутъ едва ли она употреблялась буддійскими паломниками, въ случаѣ же прохода по ней нельзя думать, чтобы описаніе путешествія Фа-Сяня умолчало объ особыхъ трудностяхъ прохода чрезъ преграждающіе дорогу многочисленные ледники и невозможность прохода для животныхъ. Отъ Ташкургана до Сархада, по Б. Памиру (какъ выяснено въ главѣ I, стр. 22, 221 в.; отсюда по намѣченному пути до Дарела приблизительно почти такое же разстояніе, такъ что отъ Ташкургана до Дарела составится около 450 в. или до 15 в. въ день [1]). Дальнѣйшій путь Фа-Сяня изъ Дарела на западъ внизъ по Инду, вѣроятно, привелъ его къ пункту около долины Горбандъ: «хорошая и много посѣщаемая купцами дорога ведетъ изъ Горбанда въ долину Свата; по ней отъ Инда до Седу 4 дня пути» (Биддельфъ, «Народы, населяющіе Гиндукушъ», стр. 10). По картамъ (напр., по «Картѣ Туркестанскаго воен. окр. и сосѣднихъ владѣній», 1894—1895 гг.) пере-

[1]) Англійская комиссія по разграниченію Памира употребила на путь отъ Сархада до Гильгита чрезъ Барагылъ и Ясинъ 12 дней (Gerard's Report etc., 1897, p.p. 26—27).

валъ Горбандъ находится близко, почти на В.-С.-В., отъ Манглаура на Сватѣ, который слѣдуетъ признавать за Moung-kie-li Сюань Цзана, столицу Ou-tchang-na, т.-е. Учана, или Удіяны (Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. I, p. 132). Сюань Цзанъ, для посѣщенія Tha-li-lo (видимо Дарелъ), направился изъ Мунгели на С.-В., перевалилъ чрезъ гору и поднялся около 1 тыс. ли вверхъ по Инду по очень трудной дорогѣ, описывая ее довольно сходно съ Фа-Сянемъ; онъ говоритъ также и о деревянной статуѣ Будды (тамъ же, p. 149), такъ что его Талило есть, несомнѣнно, Толи Фа-Сяня. Нѣкоторое затрудненіе является лишь въ упоминаніи Фа-Сяня только объ одной переправѣ его чрезъ Синту (Индъ), тогда какъ при нахожденіи Дарела на правой сторонѣ Инда ему надлежало совершить двѣ переправы, чтобы очутиться въ Учанѣ. Но весьма возможно, что о первой переправѣ своей чрезъ Синту изъ долины Дарела или смежной съ нею долины Тангира Фа-Сянь не упомянулъ потому, что она совершена была на поромѣ или вообще не представляла никакихъ опасностей, тогда какъ вторая переправа по висячему мосту вызвала особую о ней замѣтку по своей опасности и необычайности. Сюань Цзанъ и совсѣмъ не говоритъ о переправахъ своихъ чрезъ Индъ, тогда какъ на нынѣшнихъ картахъ (напр., на картахъ Керзона, Биддельфа и вышеуказанной туркестанской) по правому берегу Инда нѣтъ дороги отъ Тангира почти до Горбанда, а показанъ путь лишь по лѣвому берегу.

Такимъ образомъ, сдѣланное нами пріуроченіе пути Фа-Сяня къ дорогѣ чрезъ Ташкурганъ и Сархадъ кажется вполнѣ примиримымъ съ данными описанія путешествія этого буддиста. Противъ направленія же его пути на Ладакъ и Балтистанъ говоритъ многое. Такъ, даже допуская ничѣмъ недоказанное существованіе регулярныхъ сообщеній Хотана и другихъ странъ Таримскаго бассейна съ Ладакомъ и Балтистаномъ во времена Фа-Сяня, все же является сомнительнымъ такое процвѣтаніе буддизма въ тибетскихъ Ладакѣ и Балтистанѣ, какое описывается Фа-Сянемъ въ Кѣча, въ виду утвержденія буддизма въ Тибетѣ лишь въ VII, какъ извѣстно, вѣкѣ. Кажется также страннымъ большой крюкъ, сдѣланный Фа-Сянемъ на пути изъ Хотана въ Ладакъ движеніемъ его чрезъ Цзыхэ, тогда какъ ему естественно было идти изъ Хотана чрезъ Санджу, не менѣе удобнымъ путемъ, но далеко болѣе краткимъ. Отъ Кокъяра до Леха 538½ в. (Forsyth's Report etc., p.p. 421—426), за вычетомъ же 45 в. отъ Кокъяра до перевала Тупа-даванъ, съ котораго нельзя не признать путь горнымъ, остается на 25 дней пути до Кѣча-Леха 493½ в., т.-е. почти по 20 в. на день,—разстояніе едва ли возможное для Фа-Сяня и его спутниковъ по труднымъ горнымъ дорогамъ. Далѣе отъ Кѣча-Леха до Толи-Дарела около 555 в. [1]) еще болѣе труднаго пути по долинамъ или скорѣе

[1]) Отъ Леха до Скардо 370 миль, въ томъ числѣ 162 м. отъ Скардо до Гильгита (по E. F. Knight, см. „Сборникъ топогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“,

ущельямъ Шейока и Инда, гдѣ дорога мало отличается отъ описаннаго Фа-Сянемъ пути изъ Дарела въ Учанъ; $18^1/_2$ в. въ день (555 : 30) такого пути были бы не по силамъ паломникамъ. Странно затѣмъ, почему описаніе путешествія Фа-Сяня упоминаетъ о Синту лишь на пути отъ Дарела, тогда какъ и дорога отъ Леха, если онъ по ней шелъ, также обилуетъ утлыми балконами [1]), подъ которыми на огромной глубинѣ стремится Индъ.

Если предположить, что Фа-Сянь шелъ на Балтистанъ, а не въ Ладакъ, и помѣщать Кѣча въ Балтистанѣ, то разстоянія, конечно, окажутся болѣе подходящими и возможными, но существовалъ ли путь въ Балтистанъ чрезъ ледники Мустага? По свѣдѣніямъ Миръ-Иззетъ-ул-Лаха, въ 1812 г. дороги чрезъ ледники Мустагъ не существовало, такъ какъ ущелья были непроходимы изъ-за ледниковъ, хотя, по увѣренію туземцевъ, прежде проходъ былъ возможенъ (В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 418). По свѣдѣніямъ Дрью, со словъ туземцевъ, путь изъ Яркенда въ Скардо употреблялся до 1863 г., когда набѣги канджутцевъ на пользовавшихся этимъ путемъ прекратили по нему движеніе; однако, это движеніе возможно было лишь лѣтомъ, на короткое время, и притомъ только на якахъ, лошадей же, прибывавшихъ изъ Яркенда, приходилось перетаскивать чрезъ трещины ледниковъ при помощи веревокъ, которыя держали по восьми человѣкъ съ каждой стороны; лошадей этихъ, впрочемъ, надо было оставлять затѣмъ въ горахъ до приближенія зимы, когда уменьшеніе воды въ рѣкахъ дозволяло провести ихъ въ жилыя мѣста (Jummoo and Kashmir, p.p. 370—371). Пытавшійся въ 1887 г. пройти съ Раскема чрезъ Мустагъ въ Балтистанъ капит. Юнгхесбандъ едва не погибъ и хотя самъ кое-какъ пробрался, но людей своихъ и животныхъ долженъ былъ направить на Каракорумъ [2]). Если въ XIX стол. путь чрезъ Мустагъ совершенно прекращался или возобновлялся лишь на краткое время и сопровождался крайними трудностями, то надо полагать, что во времена Фа-Сяня, когда количество влажности въ центральной Азіи было болѣе или менѣе значительнѣе, а потому развитіе ледниковъ мощнѣе нынѣшняго, дороги чрезъ Мустагъ, по всей вѣроятности, не существовало.

Н. А. Аристовъ.

вып. 54, 1893, стр. 81 и 126) и 209 м. отъ Леха до Скардо (The Jummoo and Kashmir territories, by F. Drew, London, 1875, p. 539).

[1]) Указанная книга Drew, p.p. 262, 355, 373 и др. См. также Найта въ „Сборникѣ по Азіи", вып. 54, стр. 126 и др.

[2]) The Heart of a Continent, etc. By Captain Frank E. Younghusband, London, 1896, p.p. 188—213.

Годъ 2-й. Кн. VII—VIII.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1901 г., №№ 3 и 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(Продолженіе)*

б) Посольство Сонъ Юня и Хой Сена[1]*).*

Посольство это прибыло изъ Юйтяня въ Чу-ку-по (или Tsch̆u-kiu-po у Неймана, S. 159, Ch̆u-ku-po или Shih̆-ku-po у Биля, p. 181) 29 числа 7 луны (519 г. по Р. Х.) Населеніе этой страны состоитъ изъ горцевъ. (Всѣ) пять сортовъ хлѣбовъ и фрукты родятся въ изобиліи. Пища растительная. Животныхъ убивать запрещено, но ѣсть мясо умершихъ естественною смертью животныхъ дозволяется. Языкъ духовенства и народа сходенъ съ хотанскимъ, но письмо то самое, что у брахмановъ. Отъ границы до границы владѣніе это пересѣкается въ 5 дней. Въ первой трети 8 мѣсяца посольство вступило въ предѣлы владѣнія Хань-пань-то и, идя на западъ 6 дней, поднималось на Цунлинскія горы; продолжая идти на западъ еще 3 дня, оно прибыло въ Кюе-юй или Гунъ-юй (Kiueh̆-yuor Kong-yu), а еще черезъ 3 дня въ горы Пу-хои (Puh̆-hoi). Это мѣсто чрезвычайно холодное. Снѣга скопляются и зимою, и лѣтомъ. Въ серединѣ горъ есть озеро, въ которомъ обитаетъ злой драконъ. Приводится легенда объ его укрощеніи. Отъ этого мѣста на западъ, дорога представляетъ постоянный подъемъ самаго пересѣченнаго (precipitous) характера; на тысячу ли тутъ воздымаются утесы въ 10 т. саженъ высоты, достигающіе самаго неба... Послѣ вступленія въ Цунлинскія горы, посольство тащилось шагъ за шагомъ 4 дня и достигло тогда высочайшей части хребта... Владѣніе Хань-пань-то простирается по гребень этихъ горъ. Люди говорятъ, что это середина между небомъ и землею... На востокъ отъ столицы этой страны есть быстрая рѣка (или, можно перевести, p. Mang-tsiu), текущая на С.-В.

---

*) См. „Русск. Антроп. Журн.“ 1901 г., кн. VI.

[1]) Изложеніе сдѣлано мною по переводу Биля въ изд. 1869 г., p. p. 181—184, но я пользовался также цитатами Керзона (p. p. 66—67) изъ изд. 1890 г. и имѣлъ въ виду переводъ Неймана въ Zeitschr. f. die histor. Theologie, B. 3, 1833, S. S. 159—162.

къ Sha-leh (или къ «окраинѣ песковъ»). Выси Цунлинскихъ горъ не производятъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ. Въ это время, въ 8 мѣсяцѣ, было очень холодно, и сѣверный вѣтеръ разносилъ снѣжныя вьюги на тысячу ли. Наконецъ, въ средней трети 9 мѣсяца, посольство вступило во владѣніе Бо-хо (Po-ho). Горы здѣсь были столь же высоки и ущелья столь же глубоки, какъ доселѣ... Страна эта чрезвычайно холодна, почему населеніе занимаетъ горныя пещеры, но снѣжныя метели часто загоняютъ въ нихъ не только людей, но и животныхъ. На югѣ этой страны находятся великія снѣжныя горы... Отсюда посольство прибыло въ первой трети 10 мѣсяца въ страну Ѣ-та для представленія ея государю, которому подвластны были всѣ земли отъ Хотана до Индіи, а затѣмъ продолжало свой путь къ Индіи.

Несмотря на безалаберность изложенія описанія путешествія посольства, въ составѣ котораго слѣдовали Сонь Юнь и Хой Сенъ, описанія, являющагося неудачною компиляціею двухъ или болѣе реляцій, и на неозначеніе большею частію числа дней пути, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что путь его лежалъ изъ Чжугюйбо на Ташкурганъ, Ваханъ и Бадахшанъ. Вступленіе въ предѣлы владѣнія Ханьпаньто, по выходѣ изъ Чжугюйбо, совершило оно, видимо, около перевала Арпаталя. 6 дней пути отсюда должны были привести его къ перевалу Кандахоръ, гдѣ и закончился пока подъемъ на Цунлинъ. Отсюда въ 3 дня посольство могло достигнуть г. Кюе-юй, конечно, столицы владѣнія Ханьбаньдо, т. е. нынѣшняго Ташкургана. Оффиціальное китайское посольство, снабженное, разумѣется, удовлетворительными средствами для передвиженія и пользовавшееся содѣйствіемъ мѣстныхъ владѣтелей, навѣрное, шло гораздо быстрѣе Фа-Сяня. Проходило оно притомъ между Чжугюйбо и Ханьпаньто осенью, когда вода въ рѣкахъ наименьшая, переправа черезъ Яркендъ-дарью всего удобнѣе (на верблюдахъ) и перевалы еще не завалены снѣгомъ. Поэтому посольство могло идти съ большею скоростью, чѣмъ Свенъ-Хединъ, въ такое же время года въ обратномъ направленіи, и употребить на проходъ отъ Игизъ-арыкъ-кургана у подножія перевала Арпаталя до Ташкургана 9 дней, вмѣсто 10, какъ онъ. Kiueh-yu или Kong-yu, вѣроятно, былъ столицею владѣнію Ханьпаньто. Подъ рѣкою, текущею на С.-В. и находящеюся на востокѣ отъ столицы, разумѣлась Тагдынбашъ-дарья или Раскемъ. Великія снѣжныя горы на югѣ Бохо, т.-е. Вахана, могутъ быть лишь Хиндукушемъ. Употребленіе болѣе 2-хъ мѣсяцевъ на путь между Чжугюйбо и Бадахшаномъ объясняется, вѣроятно, если не ошибками датъ въ текстахъ или у переводчиковъ, то долгимъ пребываніемъ посольства въ столицахъ Ханьпаньто и Вахана. Что касается до горъ Пухои, то это не можетъ быть Сарыкольскій хребетъ, потому что столица, отъ которой посольство шло 3 дня до Пухои, лежитъ у самаго хребта, и хребетъ этотъ пересѣкается въ первые же 2 дня пути (отъ Ташкургана

до Акташа 52½ в.), такъ что до Пухои остается еще день пути, достаточный, чтобы дойти до начала Б. Памира или до водораздѣла между нимъ и долиною Акташа или Аксу, если идти отъ Акташа прямо на Ю.-З. (нѣкоторыя разъясненія и данныя по этому предмету см. ниже, въ обсужденіи пути Сюанъ Цзана чрезъ Памиръ). Я думаю, что вмѣсто „горъ Пухои“ въ текстѣ описанія путешествія посольства слѣдуетъ читать горы, мѣстность или долина „Пуоми“, т.-е. Памиръ, въ каковой транскрипціи Памиръ встрѣчается въ содержащемся въ „Танъ-шу“ описаніи владѣнія Шини, т.-е. Шигнана, какъ увидимъ при изложеніи китайскихъ извѣстій о Шигнанѣ. Подтверждается это тѣмъ, что въ переводѣ Неймана вмѣсто горъ Пухои значится „городъ Po-meng“ (S. 160) вслѣдствіе того, что Нейманъ пользовался испорченнымъ текстомъ, какъ это констатировано Стан. Жюльеномъ (Journ. asiat., 1847, t. X, p. 273). Если такимъ образомъ текстъ Неймана оказался испорченнымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и текстъ Биля, вообще болѣе исправный, содержитъ нѣкоторыя погрѣшности, между прочимъ относительно имени Пухои. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что кратчайшій путь посольства, слѣдовавшаго изъ Ташкургана въ Бадахшанъ для испрошенія разрѣшенія государя Ѣ-та на дальнѣйшій путь въ Индію, лежитъ именно чрезъ Б. Памиръ съ его озеромъ Дракона, которое означено въ текстѣ Биля „въ срединѣ горъ“ Пухои, какъ у Сюань Цзана Драконово озеро занимаетъ средину долины Помило. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, по переводу Биля, говорится о постоянномъ отъ горъ Пухои на западъ подъемѣ, тогда какъ въ дѣйствительности на западъ отъ Памира горы и долины естественно понижаются. Въ переводѣ Неймана говорится только: „Отсюда дорога на 1 т. ли идетъ по крутизнамъ и косогорамъ, опасна и окружена безчисленными пропастями“ (S. 160). Тутъ порча въ текстѣ Биля, а не Неймана. Наличности ошибокъ во всѣхъ текстахъ безъ сомнѣнія много способствовала безпорядочность и нескладность редакціи описанія, неумѣло компилированнаго изъ нѣсколькихъ реляцій: сказавъ о подъемѣ на Цунлинскія горы въ теченіе 6 дней, о прибытіи въ столицу и въ горы Пухои, редакторы описанія чрезъ нѣсколько строкъ снова говорятъ о вступленіи въ Цунлинскія горы и о достиженіи въ 4 дня высочайшей части или гребня хребта, а потомъ опять говорятъ о столицѣ и снова о Цунлинѣ.

Изъ комментаторовъ пути посольства Сонъ Юня и Хой Сена упомяну я Риттера, потому что онъ заподозрилъ въ Po-meng Памиръ („Вост. или Кит. Туркестанъ“, перев. В. В. Григорьева, вып. I, 1869 г., стр. 241). Юль, отождествляя за другими Чукупо съ Яркендомъ, признавалъ Хапьпаньто за Ташкурганъ и Похо за Ваханъ и полагалъ, что посольство слѣдовало чрезъ Памиръ, не опредѣляя точнаго направленія дороги за неимѣніемъ для того данныхъ (A Journey to the source of the river

Oxus, by J. Wood, Lond., 1872, p. XL—XLI, а также The Book of Ser Marco Polo, Lond., 1875, vol. I, p. 184). Керзонъ находитъ, что озеро Дракона, расположенное въ срединѣ горъ, есть озеро Б. Памира (Виктоpiи), гребень же или высочайшую часть Цунлина готовъ онъ считать за одинъ изъ раздѣляющихъ Памиры хребтовъ, которые ниже нѣкоторыхъ переваловъ Хиндуша, но производили на древнихъ путешественниковъ впечатлѣніе высочайшихъ высей, какъ бы вершины міра (The Pamirs etc., p. p. 67—68).

в) Сюань Цзанъ.

Для возможно вѣрнѣйшаго выясненія совершеннаго Сюань Цзаномъ, при возвращеніи изъ Индіи въ Китай, пути чрезъ Памиръ и прилегающія страны необходимо принимать въ соображеніе, что, имѣя цѣлью своего путешествія (629—645 г. г.) ознакомленіе съ святынями, ученіемъ и т. д. буддизма, онъ не могъ лично посѣтить всѣ тѣ владѣнія и страны, описываемыя въ его „Запискахъ“, которыя лежали въ сторонѣ отъ его главныхъ путей, преслѣдовавшихъ основную задачу путешествія. Вслѣдствіе этого въ его „Запискахъ“ о западныхъ странахъ, написанныхъ во исполненіе желанія императора, содержатся описанія западныхъ странъ, не только лично посѣщенныхъ, но и тѣхъ, свѣдѣнія о которыхъ онъ могъ получить изъ разспросовъ и письменныхъ источниковъ своего времени. Для различенія первыхъ отъ послѣднихъ въ „Запискахъ“ употреблены два термина: одинъ—hing, идти,—съ послѣдующимъ означеніемъ пройденныхъ разстояній, означаетъ лично посѣщенныя страны, другой же — tchi, прибыть, указываетъ на страны, описанныя по устнымъ или письменнымъ свѣдѣніямъ[1]). По этимъ примѣтамъ установлено, что изъ 138 владѣній, описанныхъ Сюань Цзаномъ, 28 не были имъ лично посѣщены[2]), но на самомъ дѣлѣ число странъ, описанныхъ по чужимъ свѣдѣніямъ, должно быть больше, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ, показанныхъ въ разрядѣ лично посѣщенныхъ, есть обстоятельства, побуждающія полагать, что онѣ остались отъ путей Сюань Цзана въ сторонѣ, хотя по недосмотру или опискамъ и опечаткамъ въ текстѣ употребленъ терминъ, означающій личное посѣщеніе.

Путь чрезъ Памиръ.

За основной пунктъ для опредѣленія пути Сюань Цзана чрезъ Памиръ слѣдуетъ взять его Po-to-tch'oang-na, несомнѣнно Бадахшанъ,

---

[1]) Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu. en 645, par Hoeï-li et Yen-thsang, etc. trad. par St. Julien, Paris, 1853, p.p. XXVII, XXXIX.

[2]) Тамъ же, p. 463. Въ числѣ 28 лично не посѣщенныхъ странъ находятся, между прочимъ, Chi-khi-ni (Шигнанъ) и Chang-mi. Въ переводѣ Ст. Жюльена указанные термины очень часто не соблюдены, какъ замѣчено проф. Хиртомъ (China and the Roman Orient, 1885, p. 35).

округъ нынѣшняго Файзабада; столица этого владѣнія, въ которомъ паломникомъ упоминается 3—4 монастыря съ небольшимъ числомъ монаховъ, была „расположена на скатахъ горы“ [1]), какъ нынѣшній Файзабадъ, вѣроятно на его мѣстѣ. Слѣдуя отсюда на Ю.-В., путешественникъ сдѣлалъ около 200 ли и пришелъ во владѣніе In-po-kien (Mém., p.p. 199—200, а въ Histoire de vie de Hiuen-thsang etc., p. 270, Kie-po-kien), въ которомъ Юль узналъ Ямганъ или Хамаганъ, старинное именованіе долины р. Кокчи вверхъ отъ сел. Джермъ [2]). Продолжая путь на Ю.-В., ли чрезъ 300, Сюань Цзанъ достигъ владѣнія Khiu-lang-na, въ которомъ, между прочимъ, добывается золото (p. 200); это, конечно, округъ Курана или Куранъ, иначе Горанъ, въ верховьяхъ Кокчи, посѣщенный Вудомъ, осматривавшимъ тамъ копи ляписъ-лазури [3]). Направляясь отсюда на С.-В. и пройдя около 500 ли, путешественникъ достигъ владѣнія Ta-mo-si-t'ie-ti, именуемаго иначе Tchin-khan, туземцами же называемаго Hou-mi, со столицею Hoen-tho-to (Mém., t. II, p. p. 201—205). Хуми, какъ увидимъ ниже, по „Танъ-шу“, есть юань-вэйскій Бохо, т. е. Ваханъ, въ имени же столицы, приведенномъ Сюанъ Цзаномъ, легко узнать сел. Хандутъ (16 миль или 24 в. ниже Калаи-Пянджа), какъ догадался еще Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ (Mém., II, p. 425). Англійскій развѣдчикъ Мирза въ 1858—9 г. сдѣлалъ отъ Файзабада до Хандута 125 миль или $187^1/_2$ в. въ 11 переходовъ (отъ 5 до 19 миль каждый [4]), слѣдуя болѣе восточнымъ и нѣсколько болѣе короткимъ путемъ, чѣмъ Сюань Цзанъ. Если такимъ образомъ 1.000 ли пути Сюань Цзана отъ Файзабада до Хандута составляютъ около 200 в., то, полагая, что, какъ въ „Суй-шу“ и „Танъ-шу“, за нѣкоторыми исключеніями, 100 ли этого путешественника выражаютъ день его пути [5]), найдемъ, что 1.000 ли соотвѣтствуетъ 10 днямъ пути, а потому на день придется 20 верстъ.

Изъ владѣнія Хуми, по Сюань Цзану, „прибываютъ“, съ одной стороны, на сѣверъ, перейдя находящіяся тутъ горы, во владѣніе Chi-khi-ni (Шигнанъ), съ другой же, пройдя на югъ большія горы (Хиндукушъ)—

[1]) Mémoires sur les contrées occidentales, traduites du sanscrit en chinois en l'an 668, par Hiouen-Thsang, etc., t. II, Paris, 1858, p. p. 198—199.

[2]) Notes on Hwen Thsang's account of the Principalities of Tokharistan, by colonel Henry Yule, въ The Journal of the R. Asiatic Society of G. Br. and Ireland, new series, vol. VI, 1873, p. 110.

[3]) Тамъ же, p. 111. Оно описывается и въ „Танъ-шу“ („Собр. свѣдѣній“, 3, стр. 256).

[4]) Минаевъ. „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879, стр. 134—135.

[5]) По мнѣнію Юля, ли употребляются у Сюань Цзана „сотнями“, и выраженіе „сто ли“ большею частію означаетъ „одинъ день пути“, какъ это и теперь въ употребленіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая (вышеупомянутыя Notes etc., p. p. 92—93). Подобнаго же мнѣнія Гренаръ, по которому „внимательное изученіе древнихъ китайскихъ географическихъ сочиненій о мало извѣстныхъ странахъ показываетъ ясно, что разстоянія опредѣлялись сообразно времени, употребляемому на переѣздъ, и что сто ли условно считается за добрый день пути“ (Dutreuil de Rhins. Mission scientif. dans la Haute Asie, III, 1898, p. 148).

во владѣніе Chang-mi (Мастуджъ или сѣв.-восточная часть Читраля); оба эти владѣнія и описываются (р. р. 205—207), но, какъ выше указано, Сюань Цзанъ лично въ нихъ не былъ, а потому слѣдующія затѣмъ направленіе и разстояніе должны считаться отъ столицы Хуми Хандута: „На сѣв.-восточныхъ границахъ владѣнія онъ пересѣкъ горы и долины, переходилъ чрезъ пропасти и, сдѣлавъ около 700 ли, достигъ долины Po-mi-lo. Она имѣетъ около 1 т. ли съ В. на З. и 100 ли съ Ю на С. Въ своей самой узкой части она не болѣе 10 ли шириною. Она лежитъ между двумя снѣжными хребтами. Поэтому въ ней царитъ леденящій холодъ и жестокіе вѣтры. Снѣгъ падаетъ (даже) весною и лѣтомъ; вѣтеръ яростно бушуетъ и днемъ, и ночью. Почва пропитана солью и покрыта множествомъ мелкихъ камней. Хлѣба и плоды не растутъ, травы же (по переводу Биля „кустарники“) и деревья очень рѣдки. Въ дикихъ пустыняхъ этихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ человѣческаго обитанія. Въ центрѣ долины Помило лежитъ большое Драконово озеро, которое имѣетъ около 300 ли съ В. на З. и 500 ли съ Ю. на С. Оно расположено внутри Великаго Цунлина и въ центрѣ Джамбудвипы. Бассейнъ озера очень возвышенъ. Воды его чисты и прозрачны, какъ зеркало. Никто не могъ измѣрить его глубины. Цвѣтъ водъ темно-синій, вкусомъ же прѣсны и пріятны. Въ ихъ безднахъ обитаютъ акулы, драконы, крокодилы и черепахи, на поверхности же плаваютъ утки, дикіе гуси, журавли (?) и пр. Въ прилегающихъ пустыняхъ, а иногда и въ болотистыхъ мѣстахъ и на песчаныхъ островахъ, находятъ большой величины яйца. На западѣ изъ озера выходитъ широкій потокъ, который, протекая на З., достигаетъ восточныхъ предѣловъ владѣнія Тамоситѣти, соединяется съ рѣкою Пó-тсу и течетъ на З. И всѣ воды направо (т.-е. на З.) отъ озера текутъ на З. На В. изъ озера выходитъ широкій потокъ, направляющійся на С.-З., доходящій до западныхъ предѣловъ владѣнія Kie-cha (Кашгаръ), соединяющійся съ р. Si-to и текущій на В. И всѣ воды налѣво отъ озера текутъ на В... По выходѣ изъ средины этой долины на всемъ пути на Ю.-В. не встрѣчается ни одной деревни. Онъ (Сюань Цзанъ) пересѣкъ горы, шелъ чрезъ пропасти и видѣлъ повсюду лишь скопленія льда и снѣга. Сдѣлавши около 500 ли, онъ прибылъ во владѣніе Khie-pouan-t'o“ (Mém. etc., t. 2, p. p. 207—209; ср. переводъ Биля, 1890 г., по цитатамъ въ Curzon's The Pamirs etc., p. p. 68 - 69).

При соображеніи заключающихся въ приведенномъ описаніи данныхъ о направленіи и разстояніяхъ пути Сюань Цзана выясняется, что, двигаясь отъ сѣв.-восточныхъ границъ Хуми или Шанми (большой разницы то или другое не составитъ, потому что сѣв.-восточныя клинья Вахана и Мастуджа въ вершинахъ своихъ близко сходятся) на В. (такъ въ Histoire de la vie etc., 1853, p. 271) или точнѣе (слѣдуетъ это допустить) на С.-В. 700 ли (конечно, считая отъ столицы Хуми Хандута)

до средины долины Помило (или средины ея озера, что одно и тоже, ибо озеро лежало въ центрѣ долины) и затѣмъ отсюда на Ю.-В. (въ Histoire de la vie, etc., p. 273: „выйдя изъ долины съ восточной стороны“) или, допустимъ для точности, на В.-С.-В. 500 ли, онъ долженъ былъ достигнуть Ташкургана. Относительно направленія пути это видно при взглядѣ на нынѣшнія карты. Что же касается разстояній, то 100 ли означаетъ у Сюань Цзана, какъ видѣли мы выше и будемъ видѣть ниже, одинъ день пути. Поэтому 1.200 ли соотвѣтствуютъ 12 днямъ пути, а это близко къ обычному числу дней пути отъ Хандута до Ташкургана. Такъ англійскій развѣдчикъ Мирза въ январѣ 1869 г. совершилъ путь отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана чрезъ Мал. Памиръ въ 12 дней или переходовъ, а съ добавкою дня пути отъ Хандута 13, показавъ въ своемъ маршрутѣ общее разстояніе въ 186 миль или 279 в. (Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879 г., стр. 135—139). Члены англійской миссіи Форсайта, въ апрѣлѣ и маѣ 1874 г., употребили на проходъ разстоянія отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана чрезъ Б. Памиръ 11 дней (см. маршруты Троттера и Биддельфа въ „Сборн. матер. по Азіи“, вып. 10, стр. 115—118). Такъ какъ по современнымъ свѣдѣніямъ разстояніе отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана опредѣлилось чрезъ Б. Памиръ въ 288 в. и чрезъ Мал. Памиръ въ 303½ в., (см. выше, гл. I, стр. 24), а съ добавленіемъ 24 в. отъ Кандута до Калаи-Пянджа въ 312 и 327½ в., то на каждый изъ 12 дней пути Сюань Цзана отъ Хандута до Ташкургана придется въ среднемъ чрезъ Б. Памиръ 26 в. и чрезъ Малый 27¼ в., т.-е. разстоянія для Сюань Цзана возможныя. Затрудненіе отъ опредѣленія движенія между Файзабадомъ и Хандутомъ только по 20 ли въ день можетъ быть устранено исключеніемъ поѣздки въ Куранъ, какъ будетъ выяснено въ главѣ VI.

Послѣ направленія и разстоянія пути между Хуми и Кѣпуаньто, для точнаго пріуроченія маршрута Сюань Цзана, имѣютъ важное значеніе протяженія долины Помило и ея озера. Тутъ прежде всего обращаетъ вниманіе протяженіе озера съ Ю. на С. въ 500 ли, тогда какъ сама долина, въ центрѣ которой лежитъ озеро, имѣетъ ширину съ С. на Ю. только около 100 ли. Эта несообразность можетъ и должна быть устранена допущеніемъ описки или погрѣшности въ текстѣ описанія путешествія: вмѣсто 500 съ Ю. на С. въ переводѣ Биля (1890 г., см. цитаты въ The Pamirs etc., by George Curzon, p. 68) значится, какъ и въ переводѣ Жаке (см. „Землевѣдѣніе К. Риттера. Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. I, 1869 г., стр. 237, а также замѣчанія В. В. Григорьева въ вып. 2, 1873 г., стр. 491) только 50 ли; эту цифру и слѣдуетъ принять, такъ какъ лишь она сообразна съ шириною долины въ 100 ли. 300 ли длины озера съ З. на В. соотвѣтствуютъ 78 в., такъ какъ представляютъ у

Сюань Цзана 3 дня пути, а день пути чрезъ Б. Памиръ опредѣленъ выше въ 26 в. По мнѣнію Д. Л. Иванова, который остается до сихъ поръ единственнымъ геологомъ, лично ознакомившимся съ Памиромъ на всемъ его пространствѣ, озеро Б. Памира есть Драконово озеро Сюань Цзана; нынѣ (1883 г.) оно имѣетъ въ длину не болѣе 20 в. и въ ширину около 2 в., но нѣкогда „протягивалось (хотя, быть можетъ, и въ видѣ цѣпи озеръ) на 100 в. отъ З. къ В., т.-е. начиналось примѣрно въ низовьи(?) р. Памира и оканчивалось на В. у оз. Кизилъ-рабата, что и подтверждается существованіемъ непрерывной связи въ озерныхъ отложеніяхъ на всемъ этомъ пространствѣ“ (журн. „Новь“, 1885 г., № 23, стр. 323, и „Записки И. Р. Минералог. Общ.“, вып. 22, 1886 г., стр. 264). Оз. Кизилъ-рабатъ г. Иванова называется на картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго Салангуръ-куль и на картѣ Турк. в. округа 1894—5 г.г. озеромъ Салагундуръ-куль, и даетъ одинъ изъ правыхъ притоковъ р. Истыка. Высота озера Б. Памира опредѣлена была Вудомъ въ 15.600 ф. и Троттеромъ (1874 г.) въ 13.950 ф., но по тригонометрическому измѣренію коммиссіи Джерарда (1895 г.) оказалась только въ 13.390 ф. (Report... by Major-General Gerard, 1897, p. 19). Вѣроятно, сообразно этому, должна быть уменьшена и опредѣленная Троттеромъ высота водораздѣла между нынѣшнимъ бассейномъ озера Б. Памира и ближайшимъ истокомъ р. Истыка въ 14.320 ф. (Минаевъ, „Свѣдѣнія“ и пр., стр. 181: „долина была покрыта глубокимъ снѣгомъ и такъ ровна, что Троттеръ съ великимъ трудомъ опредѣлилъ водораздѣлъ“). По словамъ Д. В. Путяты, „водораздѣльная точка обоихъ бассейновъ едва замѣчается и, быть можетъ, въ раннее время года, при обиліи стекающей съ горъ воды, она совсѣмъ исчезаетъ, и тогда переполнившіяся водой верхнія озера изливаютъ свои воды въ обѣ стороны“ („Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 273). Незначительная высота водораздѣла надъ нынѣшнимъ уровнемъ озера лишь въ 370 ф. указываетъ на полную основательность предположенія Д. Л. Иванова о прежнемъ протяженіи озера на В. до оз. Салангуръ-куля, которое отстоитъ отъ восточной оконечности оз. Зоркуля около 60 в. (по картѣ путешествій подп. Громбчевскаго). Такъ какъ нынѣшнее озеро имѣетъ наибольшую длину въ 18 в. (въ августѣ, Д. В. Путята, стр. 272), то указанная Сюань Цзаномъ длина озера достигается однимъ продленіемъ его на В. въ 60 в. Едва ли озеро въ VII в. удлинялось на значительное протяженіе на З., потому что, по свидѣтельству Гордона, „истокъ озера первыя 16 миль течетъ въ высокихъ берегахъ“, а „въ трехъ миляхъ отъ начала стока высокій мысъ выдвигается съ С. и приближается къ южному берегу менѣе, нежели на одну милю“ (Минаевъ, стр. 158), а по Д. В. Путятѣ (стр. 272), за 10 в. до озера, „рѣка протекаетъ у подножія каменистаго горнаго выступа съ лѣвой стороны, дорога проходитъ по карнизу послѣдняго около 100 (саженъ), и вслѣдствіе

крутизны ската это мѣсто затруднительно для движенія вьючныхъ лошадей", почему „одна изъ лошадей оборвалась въ рѣку": отсюда можно заключить, что въ 5—10 в. отъ нынѣшняго западнаго конца озера существуетъ преграда для распространенія его на З. Представляется поэтому вѣроятнымъ, что во время Сюань Цзана западная оконечность озера находилась не далѣе 5—10 в. отъ нынѣшней; съ добавленіемъ 18 в. нынѣшней длины озера получимъ 23—28 в.; слѣдовательно, озеро должно было простираться на В. еще 55—50 в., чтобы образовалось полное протяженіе озера въ 78 в., причемъ средина его находилась бы въ 16—11 в. на В. отъ его нынѣшней восточной оконечности.

Чтобы выяснить, насколько дѣйствительныя разстоянія соотвѣтствуютъ даннымъ Сюань Цзана, необходимы точныя данныя о разстояніяхъ отъ Калаи-Пянджа съ одной стороны и отъ Ташкургана съ другой до средины озера Б. Памира времени Сюань Цзана. Для полученія общей длины пути отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана я до сихъ поръ пользовался даннымъ членомъ посольства Форсайта Гордономъ разстояніемъ отъ Калаи-Пянджа до Акташа въ 157 миль ($235^1/_2$ в.) и маршрутомъ другого члена Биддельфа, у котораго взято разстояніе отъ Акташа до Ташкургана въ $52^1/_2$ в. Получалось разстояніе отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана въ 288 в. (см. гл. I, стр. 24). Взять цифру Гордона побудило меня то обстоятельство, что хотя и имѣется маршрутъ третьяго члена посольства Троттера отъ Калаи-Пянджа до Акташа (Forsyth's Report etc., p. 434), но въ немъ пропущено или не означено разстояніе отъ ночлега въ Іолъ-мазарѣ до ночлега въ Билаоръ-басѣ, а потому для подведенія итога казалось недостающимъ разстоянія за цѣлый переходъ. Если сложить остальные показанные у Троттера переходы, то получается 222 в., менѣе противъ Гордона на $13^1/_2$ в., причемъ точная причина разницы остается неизвѣстною, потому что разница эта могла произойти не только отъ разстоянія въ $13^1/_2$ в. отъ Іолъ-мазара до Билаоръ-баса, но также и отъ того, что, по объясненію Троттера (p. 285), онъ одинъ слѣдовалъ на послѣднемъ переходѣ къ Акташу по р. Ислигу (Истыку или, вѣрнѣе, Иссыку, ибо названіе происходитъ отъ „горячихъ" ключей) до ея устья въ Аксу, сдѣлавъ по этой причинѣ крюкъ противъ остальныхъ членовъ, которые прошли къ Акташу болѣе прямой дорогой: вслѣдствіе этого въ $235^1/_2$ в. Гордона разстояніе отъ Іолъ-мазара до Билаоръ-баса составляетъ $13^1/_2$ в. съ добавкою разстоянія, на которое сокращенный путь остальныхъ членовъ посольства на послѣднемъ переходѣ къ Акташу короче кружнаго пути Троттера. За неимѣніемъ ни у Гордона, ни у Троттера свѣдѣній о разстояніи, пройденномъ членами посольства по ихъ болѣе прямому пути на послѣднемъ переходѣ къ Акташу, Forsyth's Report etc. не даетъ возможности опредѣлить разстояніе между Іолъ-мазаромъ и Билаоръ-басомъ и точно выяснить разстоянія отъ Калаи-Пянджа и Таш-

кургана до озера Б. Памира, пользуясь единственно существующимъ для пути между Калаи-Пянджемъ и Ташкурганомъ чрезъ Б. Памиръ маршрутомъ Троттера. Вслѣдствіе этого приходится принять въ соображеніе, что по Д. В. Путятѣ („Сборн. матер. по Азіи", в. 10, стр. 271—273), отъ Юлъ-мазара до восточнаго конца озера 78 в., и что по маршруту Троттера отъ Билаоръ-баса до восточнаго же конца озера $54^{3}/_{4}$ в., а потому переходъ отъ Іолъ-мазара до Билаоръ-баса выходитъ $23^{1}/_{4}$ в. (т.-е. 78—$54^{3}/_{4}$) и сокращеніе пути остальныхъ членовъ посольства на послѣднемъ переходѣ къ Акташу противъ пути Троттера ($23^{1}/_{4}$—$13^{1}/_{2}$) $9^{3}/_{4}$ в. Вставивъ $23^{1}/_{4}$ в. въ маршрутъ Троттера,—по которому отъ Калаи-Пянджа до восточной оконечности озера $110^{1}/_{4}$ в. безъ разстоянія отъ Іолъ-мазара до Билаоръ-баса,—получимъ отъ Калаи-Пянджа до восточнаго конца нынѣшняго озера Б. Памира $133^{1}/_{2}$ в. Засимъ разстояніе отъ восточнаго конца озера до Ташкургана опредѣлится, по маршруту Троттера, до Акташа въ $111^{3}/_{4}$ в. за вычетомъ $9^{3}/_{4}$ в. (сокращенія пути членовъ посольства), т.-е. въ 102 в., и по маршруту Биддельфа отъ Акташа $52^{1}/_{2}$ в., итого $154^{1}/_{2}$ в., а въ общемъ отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана 288 в.

Выше выяснено, что средина озера Сюань Цзана находилась на 16—11 в. восточнѣе нынѣшней восточной оконечности, а потому для опредѣленія разстоянія, пройденнаго Сюань Цзаномъ отъ Хандута до средины озера, надо прибавить, кромѣ разстоянія отъ Калаи-Пянджа до Хандута, т.-е. 24 в., еще 16—11 в., вслѣдствіе чего разстояніе отъ Хандута до средины озера окажется въ $173^{1}/_{2}$ в. и въ $168^{1}/_{2}$ в., которыя на каждые изъ 7 дней пути даютъ въ среднемъ $24^{5}/_{7}$ в. и 24 в. Уменьшая соотвѣтственно разстояніе отъ нынѣшняго восточнаго конца озера до Ташкургана въ $154^{1}/_{2}$ в. на 16—11 в., получимъ отъ средины озера Сюань Цзана до Кѣпуаньто $138^{1}/_{2}$ в. и $143^{1}/_{2}$ в., т.-е. на каждые изъ пяти дней пути въ среднемъ $27^{2}/_{5}$ в. и $28^{3}/_{5}$ в. Полученную разницу между протяженіемъ средняго дневнаго пути между Хандутомъ и озеромъ съ одной стороны и между озеромъ и Ташкурганомъ съ другой было бы трудно объяснить меньшей трудностью дороги отъ озера до Ташкургана; трудности дороги до озера и отъ него въ общемъ почти одинаковы, если только путь чрезъ Сарыкольскій хребетъ между озеромъ и Ташкурганомъ не будетъ тяжелѣе. Обнаруживающаяся несообразность показываетъ, что путь Сюань Цзана отъ озера былъ короче пути членовъ англійскаго посольства, а это легко было достигнуто тѣмъ, что вмѣсто принятаго англичанами отъ озера направленія на С.-В. и В. съ поворотомъ по выходѣ въ долину р. Аксу на Ю.-Ю.-В. къ Акташу, Сюань Цзанъ шелъ отъ средины озера на В.-Ю.-В., по прямѣйшему направленію къ Акташу: раздѣляющій долины Б. и М. Памировъ хребетъ тутъ сильно понижается и даетъ много не особенно трудныхъ переваловъ, означенныхъ на картахъ. Объ одномъ изъ нихъ, именно о перевалѣ Кизылъ-рабатскомъ, Б.

Л. Громбчевскій, въ своемъ рукоп. маршрутѣ (24 сент. 1889 г.), на основаніи собранныхъ на мѣстѣ въ долинѣ Аксу разспросныхъ свѣдѣній, говоритъ, что этотъ перевалъ «одинъ изъ самыхъ доступныхъ и употребительныхъ для движенія съ вьюками изъ долины р. Аксу въ долину р. Истыка и Большой Памирской рѣки». Если Сюань Цзанъ шелъ на В.-Ю.-В. чрезъ перевалъ Кизылъ-рабатъ, то путь его долженъ былъ сократиться, какъ видно по картамъ, верстъ на 15, а этого достаточно, чтобы средній путь каждаго изъ 5 дней уменьшился на 3 в., т.-е. сравнялся съ среднимъ дневнымъ путемъ отъ Хандута до озера.

Въ «Записках» Сюань Цзана сказано: «Отправясь отъ средины этой долины (т.-е. долины Помило), на всей дорогѣ на Ю.-В. онъ не встрѣтилъ ни одной деревни» (р. 209). Поэтому приближающееся къ восточному направленіе дороги чрезъ перевалъ Кизылъ-рабатъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ описанію путешественника. Нелишне, вслѣдствіе этого, разсмотрѣть, куда привело бы движеніе Сюань-Цзана по юго-восточному направленію въ пять дней его пути. Юго-восточному направленію наиболѣе соотвѣтствуетъ дорога съ Б. Памира въ долину р. Аксу, чрезъ перевалъ Андемынъ или Бендерскаго. По нему прошелъ въ сент. 1889 г. Б. Л. Громбчевскій, сдѣлавъ отъ восточной оконечности озера Б. Памира до восточной стороны оз. Куркунтай 26 в., и оттуда чрезъ перевалъ Андемынъ (15.463 ф.) на правый берегъ р. Аксу 35 в.[1]), итого 61 в. Съ долины Аксу противъ перевала Андемынъ ближайшій юго-восточный путь былъ бы чрезъ перевалъ Вахджиръ или ближайшіе къ нему на В. перевалы чрезъ Сарыкольскій хребетъ, но путешественнику, слѣдующему изъ Калаи-Пянджа или Хандута на Вахджиръ или смежные перевалы, было бы странно идти сюда чрезъ Б. или М. Памиры, ибо это значило бы дѣлать огромный и притомъ лишній крюкъ безъ всякой надобности, тогда какъ онъ могъ пройти къ Вахджиру, слѣдуя все вверхъ по Ваханъ-дарьѣ къ истоку ея у Вахджира. Путь отъ Кандута чрезъ Б. Памиръ на перевалъ Вахджиръ далъ бы слѣдующія разстоянія: отъ Хандута до восточной оконечности озера, какъ выяснено выше, наименьшее $168^1/_2$ в.; отъ озера до долины Аксу чрезъ перевалъ Андемынъ 61 в.; отсюда до Бозай-гумбеза (рукоп. маршрутъ Б. Л. Громбчевскаго 14 сент. 1889 г.) 25 в.; далѣе до перевала Вахджиръ около 50 в., и отсюда по Кара-чукуру и Тагдынбашу до Ташкургана (гл. I, стр. 22) около 160 в., всего $464^1/_2$ в., что на каждый изъ 12 дней пути даетъ въ среднемъ $38^3/_4$ в., т.-е. раз-

[1]) Отсюда до ур. Кизылъ-рабатъ, въ долинѣ той же Аксу, 36 в. (рукоп. маршруты). Засимъ до Акташа 16 в. и отъ Акташа до Ташкургана $52^1/_2$ в. (см. гл. I, стр. 22 и 23). Всего, слѣдовательно, отъ озера до Ташкургана этимъ путемъ $165^1/_2$ в., за вычетомъ же 16—11 в, до средины озера Сюань Цзана, получится $149^1/_2$ и $154^1/_2$ в., что дастъ $29^1/_5$ и $30^1/_3$ в. на каждый изъ 5 дней пути: крюкъ на Ю. чрезъ Андемынъ получается большій, чѣмъ даже по пути на С.-В. англичанъ.

стояніе для Сюань Цзана въ горахъ невозможное. Получилось бы болѣе подходящее разстояніе для средняго дневного пути, если бы помѣстить столицу Кѣпуаньто на ур. Базаръ (см. гл. II, стр. 46), или около Уджабай-кургана: отъ Хандута до нихъ чрезъ Андемынъ составилось бы (464½—65 в.) около 400 в., но и тутъ на день пути приходилось бы въ среднемъ (400 : 12) болѣе 33 в., средній переходъ едва ли для Сюань Цзана допустимый. Притомъ же, помимо другихъ препятствій, не дозволяетъ помѣщать столицу Кѣпуаньто или Копаньто далѣе Ташкургана отъ Сулэ-Кашгара исторія династіи Танъ, которая (см. выше, въ I отд. настоящей главы) опредѣляетъ разстояніе ея отъ Кашгара только въ 600 ли [1]).

Такимъ образомъ, въ случаѣ слѣдованія Сюань Цзана черезъ Б. Памиръ, путь его отъ озера, примѣрно черезъ перевалъ Кизылъ-рабатъ, вообще же болѣе южный, чѣмъ путь англичанъ, и болѣе восточный, чѣмъ дорога чрезъ Андемынъ, представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ даннымъ Сюань Цзана относительно разстояній; засимъ, хотя направленіе этого пути, будучи сначала вост.-юго-восточнымъ и переходя потомъ въ сѣв.-восточное, не вполнѣ сходится съ довольно, впрочемъ, неяснымъ упоминаніемъ объ отсутствіи деревень на всей дорогѣ къ Ю.-В., но путешественникъ могъ тутъ сдѣлать ошибку, подъ впечатлѣніемъ первоначально юго-восточнаго направленія пути отъ средины озера. Кромѣ разстояній и направленія, и всѣ остальныя данныя описанія Сюань Цзана достаточно соотвѣтствуютъ пути именно чрезъ Б. Памиръ. Такъ, на первый взглядъ, длина долины Помило въ 1 т. ли кажется непримиримой съ дѣйствительной длиной Б. Памира, по опредѣленію Троттера, отъ Бохарака (2 м. выше устья р. Масъ), въ 90 м. (Минаевъ, стр. 161), или 135 в., по 1000 ли соотвѣтствуетъ 10 днямъ пути, день же пути между Хандутомъ и Ташкурганомъ опредѣлился въ 24—25 в., а потому 1 т. ли означаетъ 240—250 в.; затѣмъ, если мы сообразимъ, что Сюань Цзанъ прошелъ лишь половину долины и остальное ея протяженіе могъ знать лишь по чужимъ свѣдѣніямъ, то окажется легко допустимымъ и вѣроят-

[1]) Можетъ казаться, что путь чрезъ перевалъ Беикъ достаточно соотвѣтствуетъ общему юго-восточному направленію отъ озера Б. Памира. Мы уже привели, по рукоп. маршрутамъ Б. Л. Громбчевскаго, разстояніе въ 61 в. отъ озера до долины Аксу чрезъ перевалъ Андемынъ. По тому же источнику, отсюда до ур. Тегермень-су 40 в., далѣе до ур. Ауташъ, въ ущельи Беикъ, 12 в., потомъ чрезъ перевалъ до устья Беика въ р. Кара-чукуръ 43 в., откуда до ур. Базаръ 13 в. и далѣе до Уджабай-кургана 7 в., отсюда же до Ташкургана 65 в. Итого выходитъ отъ озера до Ташкургана 241 в., т.-е. болѣе 44 в. на день пути. До Уджабай-кургана въ общей цифрѣ 176 в.; за вычетомъ же 16 в., для достиженія средины озера, останется 160 в., что даетъ на каждый изъ 5 дней 32 в.,—разстояніе, все еще превышающее нормальный день Сюань Цзана въ горахъ. Б. Л. Громбчевскій проходилъ чрезъ перевалъ Беикъ 29 сент. 1889 г., опредѣлилъ высоту его 15.988 ф., и нашелъ его для движенія удобнымъ, за исключеніемъ крутого спуска. Описаніе его въ общемъ сходится съ тѣмъ, которое далъ лордъ Денморъ, проходившій чрезъ Беикъ съ Кара-чукура до Акташа и обратно въ окт. 1892 г. (The Pamirs etc., by the Earl of Dunmore, London, 1893, vol. 2, pp. 101—110).

нымъ, что сообщенныя путешественнику свѣдѣнія или были относительно длины Б. Памира преувеличены, или включали въ продолженіе этой долины часть долины Аксу отъ устья Истыка до Акъ-байтала и даже долину оз. Рангъ-куля, упуская изъ вида или умалчивая сѣв.-западное направленіе этой части долины Аксу и сѣв.-восточное котловины Рангъ-куля, вмѣсто зап.-восточнаго протяженія долины Помило. Что касается восточнаго истока озера, текущаго на С.-З. къ предѣламъ Кяша (Кашгара) и соединяющагося потомъ съ р. Сито (Яркендъ-дарьей), тогда какъ въ настоящее время никакого истока изъ восточной оконечности озера Б. Памира не существуетъ, то и здѣсь не трудно дать удовлетворительныя объясненія: если озеро Б. Памира въ VII в. имѣло въ длину 300 ли, или 72—75 в., то оно захватывало верховья Истыка, и рѣка эта составляла его восточный истокъ. Хотя Истыкъ есть притокъ р. Аксу, которая впадаетъ въ Пянджъ съ именемъ р. Бартанга, и къ таримскому бассейну, по крайней мѣрѣ, въ историческія времена, принадлежать не могла, но, не видавъ этого восточнаго истока Драконова озера лично, Сюань Цзанъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе сообщенными ему ошибочными свѣдѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ у него, повидимому, сложилось представленіе, что восточный истокъ озера, послѣ сѣв.-западнаго отклоненія, принимаетъ восточное и проходитъ на сѣверѣ отъ столицы Кѣпуаньто, близко отъ нея (столица эта имѣетъ «сзади себя», т.-е. на сѣверѣ, ибо у китайцевъ лѣвый соотвѣтствуетъ восточному, правый—западному, передній—южному и сѣверный—заднему направленіямъ странъ свѣта, рѣку Сито, Mém., t. 2, p. 209), такъ что рѣку долины Тагармы, впадающую въ Тагдынбашъ-дарью ниже Ташкургана, онъ принималъ за истокъ Драконова озера и за вѣтвь р. Сито. Сообразно этому представленію, на старинныхъ китайскихъ картахъ (о нихъ скажу я нѣсколько словъ ниже), основанныхъ главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ Сюань Цзана, западная вѣтвь р. Сито течетъ изъ Драконова озера и соединяется съ восточною вѣтвью (истинная Яркендъ-дарья) ниже владѣнія Кѣпаньто, которое отмѣчено между двумя этими вѣтвями и на обоихъ ихъ берегахъ. Наконецъ, не противорѣчитъ пріуроченію пути Сюань Цзана къ Б. Памиру и слѣдующее замѣчаніе путешественника (Mém., t. 2, p. 209): «Пересѣкши гору на югѣ долины Помило, встрѣчаютъ владѣніе Ро-lo-lo, откуда вывозится золото и серебро; золото—красное, какъ огонь». Это владѣніе Пололо или Болоръ, несомнѣнно, заключало въ себѣ Ясинъ съ Гилгитомъ, Хунзою и Нагаромъ, но въ такомъ случаѣ, чтобы попасть въ него, надо пересѣчь не одну гору или хребетъ, а два: сначала хребетъ, отдѣляющій Б. Памиръ отъ Малаго, а затѣмъ хребетъ Гиндукушъ. Это можетъ служить аргументомъ въ пользу пути Сюань Цзана чрезъ М. Памиръ вмѣсто Большого, но аргументомъ весьма слабымъ, такъ какъ Сюань Цзанъ самъ не проходилъ въ Пололо съ С. и пробрался въ него съ З. изъ Талило, т.-е.

Дарела (Mém., t. I. p. p. 150—151), а потому о нахожденіи Пололо за одной горой узналъ изъ чужихъ свѣдѣній, которыя могли быть ошибочны или плохо поняты.

Большинство комментаторовъ Сюань Цзана пріурочивало путь его къ Б. Памиру, но я не буду приводить ихъ мнѣній, такъ какъ почти всѣ комментаріи сдѣланы не только до 1883 г., когда экспедиція Д. В. Путяты и Д. Л. Иванова впервые доставила точныя свѣдѣнія о географіи всего Памира, но даже до 1874 г., въ которомъ члены миссіи Форсайта дали маршруты чрезъ Б. и М. Памиры и свѣдѣнія о Ташкурганѣ, а потому означенные комментаріи, не опиравшіеся на точныя географическія данныя, за ихъ отсутствіемъ, въ настоящее время утратили значеніе. Изъ новѣйшихъ комментаторовъ не лишне упомянуть о лордѣ Керзонъ-Кедльстонѣ, который, напомнивъ, что за пріуроченіе дороги Сюань Цзана къ Б. Памиру высказывались Клапротъ, Ландрессъ, Стан. Жюльенъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, Пакье, Биль и пр., находитъ пріуроченіе къ Б. Памиру не подлежащимъ никакому сомнѣнію; съ своей стороны, онъ основывается, однако, лишь на двухъ аргументахъ, которые едва ли можно считать достаточно убѣдительными, именно на томъ предположеніи, что озеро Б. Памира было нѣкогда, несомнѣнно, много обширнѣе, чѣмъ нынѣ, и затѣмъ на томъ обстоятельствѣ, что Сюань Цзанъ шелъ отъ озера къ Кѣпаньто въ юго-восточномъ направленіи: «если бы онъ шелъ путемъ чрезъ М. Памиръ, то онъ долженъ былъ идти отъ Чакмака (т.-е. озера М. Памира) до Акташа на С.-В., а не на Ю.-В.» (The Pamirs and the Source of the Oxus, by George N. Curzon, London, 1896, pp. 69—70) [1]).

За направленіе мало-памирское стоялъ отчасти Юль. Онъ находилъ, что, за исключеніемъ непомѣрныхъ размѣровъ озера, превосходящихъ величину всѣхъ озеръ Памира, кромѣ Каракуля, описаніе долины Помило Сюань Цзана вообще сходится съ свѣдѣніями Мирзы (вышеупомянутый англо-индійскій развѣдчикъ 1869 г., прошедшій, между прочимъ, изъ Калаи-Пянджа въ Ташкурганъ), о долинѣ М. Памира, даже относительно двухъ истоковъ изъ ея озера, восточнаго и западнаго, вѣрны или нѣтъ свѣдѣнія Мирзы объ этихъ истокахъ (сомнѣнія Юля, писавшаго въ 1873 г., въ слѣдующемъ году подтвердились, такъ какъ Троттеръ констатировалъ, что западнаго истока не существуетъ); между прочимъ, Болоръ, Полуло,

---

[1]) Пріурочиваетъ путь Сюань Цзана къ Б. Памиру и Ташкургану также Паркеръ, но, во-первыхъ, бездоказательно и, во-вторыхъ, помѣщая, безъ всякихъ объясненій, переводъ или изложеніе, значительно несогласныя съ сходными между собою переводами Стан. Жюльена и Биля: Working his way east, he (Сюань Цзанъ) alludes to Shikini (i. e. Shignan), lying to his north; travels along the bleak valley of the Po-mi-lo (Pamir), with a lake (Victoria), in the middle of it, whence a river (the Pamir) runs west into Oxus. „Beyond the mountains south of this valley is the kingdom of Pololo (Bolor); east from the valley, across the mountains, it is 500 li (165 миль) to Khavanda“ No discription could possibly be more definite than this (China and the Pamirs въ Contemporary Review, 1897, Dec., p. 870).

дѣйствительно, оказывается отдѣленнымъ отъ М. Памира лишь горами, ограничивающими его на югѣ. Сообщеніе Сюань Цзана о юго-восточномъ направленіи пути его отъ озера, повидимому, указываетъ [1]), по мнѣнію Юля, на то, что китайскій паломникъ не шелъ къ Ташкургану чрезъ весь М. Памиръ, какъ Мирза, на С.-В., а оставилъ долину М. Памира близъ озера и направился на Ю.-В., къ перевалу Karachunkur (это пер. Вахджиръ, именовавшійся въ свѣдѣніяхъ Мохаммедъ-Эмина, которыми пользовался въ данномъ случаѣ Юль, Кара-чункуромъ, вѣрнѣе Кара-чукуромъ, такъ какъ лежитъ въ вершинѣ р. Кара-чукура). Относительно величины озера М. Памира Юль склонялся къ предположенію, что оно прежде имѣло болѣе обширные размѣры: «иначе мы должны думать, что въ этомъ случаѣ, вопреки своей вообще удивительной точности, Сюань Цзанъ перемѣшалъ видѣнное со слышаннымъ» (Notes on Hwen Thsang account etc., въ Journal of the R. Asiatic Society, 1873, vol. VI, new series, p. 115—116). Мнѣніе Юля о значительно большихъ размѣрахъ озера М. Памира (Чакмактынъ-куль) въ прежнее время справедливо, такъ какъ это доказывается рядомъ небольшихъ озеръ, составляющихъ его восточное продолженіе, а также отмѣченнымъ Троттеромъ (Forsyth's Report, p. 271) паденіемъ мѣстности на В. отъ Чакмактынъ-куля только въ 233 ф. на протяженіи 24 м. до ур. Онкуль (у Минаева, стр. 175, Ойкуль вслѣдствіе описки или опечатки). Такъ какъ и дальнѣйшій уклонъ долины р. Аксу незначителенъ, то весьма вѣроятно, что озеро М. Памира простиралось нѣкогда на нѣсколько десятковъ верстъ на С.-В. На З., напротивъ, удлиненіе его не могло быть значительно, такъ какъ, хотя находящійся въ 2 мил. водораздѣлъ не выше 150 ф. надъ поверхностью нынѣшняго озера, но паденіе отъ него на З. слишкомъ значительно и быстро, такъ что Троттеръ считаетъ даже начало долины М. Памира лишь въ 7 м. отъ водораздѣла въ ур. Бозай-гумбезъ (p. 272), а потому надо полагать, что, въ историческія по крайней мѣрѣ времена, озеро М. Памира не простиралось на З. далѣе Бозай-гумбеза. Если бы Сюань Цзанъ шелъ отъ Хандута вверхъ по Ваханъ-дарьѣ до озера, какъ предполагалъ Юль, т.-е. до Бозай-гумбеза, и затѣмъ направился на перевалъ Вахджиръ и далѣе по Кара-чукуру и Тагдынбашу до Ташкургана, то разстояніе между Хандутомъ и Ташкурганомъ составило бы, какъ показано мною выше, около 465 в. и средній переходъ на день оказался бы въ $38^{3}/_{4}$ в., (а на участкѣ между озеромъ и Ташкурганомъ разстояніе въ 210 в. на 5 дней

---

[1]) Hwen Thsang's account under № 33 apparently makes him leave the valley somewhere near the lake, and strike to the south-east (p. 116). Но подъ № 33 (параграфъ о владѣніи Тамоситѣли) ничего подобнаго нѣтъ. Это, вѣроятно, опечатка, вмѣсто № 38, гдѣ дѣйствительно читаемъ: The Traveller departing from the middle of the valley of Pamir, i. e. from the lake on Pamir Khurd, proceeds south-east for five days' journey, meeting with no village all the way... He then reaches the kingdom of Khia-pwan-to (p. 117).

даетъ даже 42 в.), что едва ли было бы для Сюань Цзана возможно; сверхъ того, свертывать на Вахджиръ путешественнику приходилось бы не отъ средины долины, какъ у него означено, а у ея начала, въ Бозай-гумбезѣ, и направленіе отъ Бозай-гумбеза на Вахджиръ не юго-восточное, какъ намѣчено Сюань Цзаномъ, а почти восточное. Поэтому мнѣніе Юля оказывается въ настоящее время несостоятельнымъ. Если допустить, что Сюань Цзанъ шелъ по озеру М. Памира до его средины, т.-е. около 35 в. къ С.-В. отъ Бозай-гумбеза (вмѣсто востока) и здѣсь свернулъ бы на Ю.-В., то это приводило бы его въ мѣстности нынѣшней долины р. Аксу, къ пункту на 10 в. восточнѣе устья ущелья Андемынъ (это устье, по маршруту Б. Л. Громбчевскаго 14 сент. 1889 г., находится въ 25 в. отъ Бозай-гумбеза), откуда на Ю.-В. лежатъ перевалы Кокъ-турукъ, Кипчакъ, Михманъ-юлы, все, какъ констатировала англійская разграничительная коммиссія 1895 г., трудно доступные (Gerard's Report etc., p. 39) и, вѣроятно, для Сюань Цзана невозможные; притомъ такой крюкъ на Ю.-В. отъ озера М. Памира на пути въ Ташкурганъ трудно допустимъ по своей несообразности, когда прямой путь лежалъ на Акташъ. Такимъ образомъ путь чрезъ М. Памиръ вообще непримиримъ съ нѣсколькими обстоятельствами описаннаго Сюань Цзаномъ пути его чрезъ долину Помило, и надлежитъ полагать, что шелъ онъ Б. Памиромъ, который достаточно удовлетворяетъ описанію кит. путешественника.

Кѣпуаньто-Ташкурганъ.

Описаніе владѣнія *Кьпуаньто* (Khavandha, по догадкѣ Стан. Жюльна) гласитъ у Сюань Цзана, что «царство это имѣетъ около 2 т. ли въ окружности. Столица его построена въ большомъ горномъ проходѣ, изсѣченномъ въ скалѣ (sur un grand passage de montagne, taillé dans le roc); сзади нея находится р. Сито; окружность ея десятка въ два ли. Горы образуютъ сплошные хребты; долины и плоскія выси очень узки. Сборъ риса весьма посредственный, но бобовыя растенія и пшеница родятся обильно. Лѣсныя деревья разбросаны; цвѣты и фрукты рѣдки. Долины, и высокія и низкія, пустынны, города же и деревни (почти) безъ обитателей. Нравы не управляются правилами объ обрядахъ. Людей, изучающихъ литературу, мало. Такъ какъ характера населеніе суроваго и склоннаго къ насилію, то оно обладаетъ и пылкимъ мужествомъ. Наружности некрасивой и подлой. Одежда шерстяная. Письмена и языкъ много походятъ на кашгарскіе (Kie-cha). Они (однако) умѣютъ выражаться съ искренностью и выказываютъ большое почтеніе къ закону Будды. Имѣется десятокъ монастырей, въ которыхъ насчитываютъ около 500 монаховъ... Со времени основанія этого царства протекло много лѣтъ. Царь даетъ себѣ титулъ

Tchi-na-ti-p'o-k'iu-ta-lo (Чина Дева Готра), т.-е. потомокъ (царевны изъ династіи) Хань и бога солнца. Въ древнія времена это царство было пустынною долиною, расположенною среди горъ Цунлинъ». Далѣе приводится легенда о ханьской царевнѣ, высватанной царемъ Персіи (Po-li-sse), ѣхавшей къ нему и чудеснымъ образомъ забеременѣвшей во время случайной остановки въ этой горной долинѣ; отъ ея сына и происходитъ царскій домъ этого владѣнія. Этотъ первый царь погребенъ въ пещерахъ большой горы, въ 100 ли на Ю.-В. отъ столицы. Одинъ изъ его потомковъ совершилъ военный походъ въ Индію, въ царство Та-ча-ши-ло (Таксила историковъ Александра Македонскаго), чтобы овладѣть однимъ славнымъ буддійскимъ учителемъ, котораго и водворилъ у себя, построивъ для его пребыванія монастырь. Сюань Цзанъ, «сдѣлавъ около 300 ли на Ю.-В. отъ города, прибылъ къ большой горѣ, въ бокахъ которой находилось двѣ комнаты, содержавшія каждая по одному Lo-han (архатъ), погруженному въ полный экстазъ» болѣе 700 лѣтъ. Идя отсюда на С.-В., «онъ пересѣкъ горные проходы, прошелъ чрезъ пропасти и, сдѣлавши около 200 ли, прибылъ къ благотворительному дому, именуемому Pun-jang-chê-lo (Pounyaçâlâ). Въ центрѣ четырехъ горъ, составляющихъ часть восточнаго хребта Цунлина, есть пространство земли, занимающее около 100 цин'овъ (K'ing, всего немного болѣе 100 р. десятинъ). Въ этомъ мѣстѣ и весною, и лѣтомъ видны огромные наносы снѣгу и царятъ бураны и леденящій холодъ. Почва пропитана солью; хлѣба не растутъ. Деревья совершенно отсутствуютъ и попадаются только кое-какія тощія травы. Даже въ пору большихъ жаровъ здѣсь вьюги и снѣгъ. Едва путешественники попадаютъ въ это мѣсто, какъ оказываются въ туманахъ и облакахъ. Проходящіе торговцы жестоко страдаютъ въ этихъ трудныхъ и опасныхъ мѣстностяхъ». По разсказу старожиловъ, въ этомъ мѣстѣ нѣкогда погибъ большой караванъ торговцевъ, въ числѣ 10 т. человѣкъ, съ нѣсколькими тысячами верблюдовъ. Когда видѣвшій издалека ихъ бѣдственное положеніе, проживавшій въ это время въ Кѣпаньто архатъ прибылъ къ нимъ на помощь, то всѣ торговцы оказались уже умершими. Онъ собралъ ихъ драгоцѣнности и имущество и употребилъ на устройство убѣжища для путешественниковъ и торговцевъ. Описаніе владѣнія Кѣпуаньто оканчивается такъ: «Отправясь изъ этой страны на В., онъ спустился съ восточнаго хребта горъ Цунлинъ, прошелъ опасные перевалы, пересѣкъ глубокія долины и слѣдовалъ тропами, кишащими пропастями. Одолѣваемый то вѣтромъ, то снѣгомъ, онъ сдѣлалъ около 800 ли, вышелъ изъ горъ Цунлинъ и прибылъ во владѣніе У-ша». (Mém. sur les contrées occident. etc., t. 2, pp. 209—216).

Изъ комментаторовъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ находилъ (1858 г.) относительно мѣстонахожденія Кѣпуаньто, что «направленіе и разстояніе приводятъ насъ къ городу, котораго имя въ устахъ киргизовъ есть *Кар-*

чу; рѣка, протекающая у Карчу, есть одна изъ главныхъ вершинъ Яркенда» (Mém. sur les contrées occid., t. 2, pp. 426—427). Это Карчу взято французскимъ географомъ изъ карты Центр. Азіи Клапрота, гдѣ, какъ приведено уже мною въ главѣ II (стр. 50), на вершинѣ главной вѣтви Яркендъ-дарьи показанъ городъ или селеніе Katchout ou Kartchou. Юль справедливо призналъ этотъ «Karchu ошибочной передачей имени Hatchut [1]) или Ketchut, которое значилось въ таблицахъ іезуитскихъ астрономическихъ опредѣленій на югѣ Сарыкола и было, со стороны наблюдателей, лишь показаніемъ положенія границы съ Канджутомъ или Хунзой. Карчу же, полагаю (продолжалъ Юль), ни на какихъ китайскихъ картахъ не значится» (статья Юля о географіи и исторіи верховьевъ Окса въ A Journey to the source of the river Oxus, by Captain John Wood, London, 1872, p. LV), т.-е. оно является неудачной догадкой Клапрота. Самъ Юль (Notes on Hwen Thsang's account of the principalities of Tokharistan, въ Journal of the R. A. S., 1873, new series, vol. VI, p. 118), присоединяясь къ мнѣнію Коннингэма, который за 23 года ранѣе пріурочилъ Кѣпуаньто къ Сарыколу, находилъ, что вообще имѣвшіяся свѣдѣнія о Сарыколѣ согласны съ описаніемъ Сюань Цзана, но положеніе его столицы, Ташкургана, не отвѣчаетъ свѣдѣніямъ кит. путешественника. Съ своей стороны, я полагаю, что, какъ выше подробно выяснено, разстоянія и направленія пути Сюань Цзана, дѣйствительно, удостовѣряютъ, что его Кѣпуаньто есть нынѣшній южный Сарыколъ, съ главнымъ пунктомъ около Ташкургана. За исключеніемъ помѣщенія столицы въ горномъ проходѣ, высѣченномъ въ скалѣ, и посѣвовъ риса, хотя бы и дающаго весьма посредственный урожай, всѣ свѣдѣнія о природныхъ условіяхъ Ташкурганскаго округа, кратко намѣченныя мною на стр. 15, 35 и др. гл. I и II [2]),

[1]) Въ гл. II (стр. 54) я пріурочивалъ Hatchoute іезуитовъ къ мѣстности Базаръ, на р. Кара-чукурѣ, и признавалъ вѣроятнѣйшимъ считать это имя за китайскую транскрипцію имени Кара-чукуръ. Если допустить, что Hatchoute означаетъ границу съ Канджутомъ, т.-е. перевалъ Минтеке, то положеніе этой границы подъ 37° 1′ шир. значительно разнится отъ положенія Hatchoute подъ 37° 11′, причемъ нельзя ссылаться на ошибку іезуитовъ, потому что именно широтныя ихъ опредѣленія отличаются вѣрностью. Вслѣдствіе этого, я считаю болѣе правильнымъ пріуроченіе Hatchoute къ Базару, какъ къ послѣднему осѣдлому пункту въ китайской территоріи близъ границы, и потому отстаиваю транскрипцію изъ Кара-чукура, хотя транскрипція изъ Канджутъ, конечно, фонетически ближе.

[2]) Не лишнимъ будетъ привести здѣсь свѣдѣнія лорда Денмора, слѣдовавшаго чрезъ Ташкурганъ въ концѣ августа и началѣ сентября 1892 г.: Долина ташкурганская (начало онъ считаетъ отъ Уджабай-кургана) имѣетъ въ длину около 50 м. и ширину въ 5—6 м. Населенія около 6 т. д. Климатъ здоровый, но холодный. Зимы длинныя. Уже 1 сент. выпалъ снѣгъ, который, впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней исчезъ. Много хорошихъ пастбищъ. Деревьевъ нѣтъ, кромѣ ивъ, которыя растутъ по берегамъ рѣкъ. Пашенъ много и всѣ искусственно орошаются. Сѣютъ много пшеницы и ячменя; случалось встрѣчать и посѣвы овса; разводятся еще горохъ и бобы и изъ стручковыхъ растеніе, называемое makh. Выдѣлывается много войлочныхъ ковровъ (numdahs), которые прочнѣе производимыхъ въ Индіи, и домашнее сукно для одежды. (The Pamirs etc., by the Earl of Dunmore, London, 1893, vol. 2, pp. 25, 26, 38).

совпадаютъ съ описаніемъ Сюань Цзана. Помѣщеніе столицы, имѣющей 20 ли въ окружности, въ изсѣченномъ въ скалѣ горномъ проходѣ, трудно допустить вообще, по невѣроятности гигантскихъ работъ для подобнаго предпріятія, предпринятаго въ малонаселенной странѣ, безъ какихъ-либо оправдывающихъ цѣлей. Необходимо, поэтому, предположить какую-нибудь ошибку, погрѣшность, недоразумѣніе или порчу въ текстѣ описанія въ «Запискахъ», тѣмъ болѣе, что въ Histoire de la vie etc. (p. 273) читаемъ: La capitale s'appuie sur le flanc d'une haute montagne. Au nord elle a derrière elle le fleuve Si-to. Это подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что Сюань Цзанъ представлялъ себѣ рѣку долины Тагармы, текущую съ З. и впадающую въ Тагдынбашъ ниже Ташкургана, восточнымъ истокомъ Драконова озера; въ такомъ случаѣ Ташкурганъ, дѣйствительно, оказывался имѣющимъ вѣтвь рѣки Сито на сѣверѣ, сзади, прилегая притомъ къ Сарыкольскому хребту, по положенію своему на правой сторонѣ Тагдынбаша. Что касается риса, то, по невѣроятности производства риса въ столь холодномъ климатѣ и на такой высотѣ, какъ долины Ташкургана и Тагармы, приходится думать, что, видя въ обращеніи незначительное количество риса, кит. путешественникъ заключилъ, что рисъ родится плохо, не догадавшись, что онъ привозный.

Въ Пуньясалѣ Юль (Notes etc., p. 119) не прочь видѣть Brungsal, встрѣчающееся въ свѣдѣніяхъ Мохаммедъ-Эмина (см. В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, 1873, стр. 493), имя одного изъ шести кишлаковъ долины Тунъ. По картѣ подп. Громбчевскаго, это лѣвый притокъ Раскема Буромсалъ, съ деревнею того же имени; на картѣ Deasy-Burangsal. Есть еще (на картѣ Громбчевскаго) двѣ рѣчки Буронсалъ, текущія съ перевала Караташъ (въ Кашгарскомъ хребтѣ), одна на С. въ р. Мерки, другая на Ю., въ р. Пасъ-рабатъ; послѣднюю встрѣтившій ее на пути своемъ изъ Яркенда въ Ташкурганъ лордъ Денморъ называетъ Bramsal (The Pamirs etc., vol. 2, p. 12). Я сомнѣваюсь, чтобы Бурапсалъ или Буромсалъ происходило отъ санскритскаго *пуньясала*, потому что встрѣчаются другія мѣстныя имена, какъ Азгансалъ (не разъ упомянутая рѣка), Чамасалъ (селеніе на Яркендъ-дарьѣ, по картѣ Громбчевскаго, упоминаемое и Мохаммедъ-Эминомъ, стр. 485) и, можетъ-быть, сел. Дамсиль, которое у Мохаммедъ-Эмина (стр. 493) названо Дамсаръ, у Дизи—Damsal [1]). Я думаю, что гору съ двумя архатами не мѣшало бы поискать на р. Кошъ-унгурѣ, имя которой значитъ «двѣ пещеры» и которая впадаетъ въ Кара-чукуръ съ лѣвой стороны, противъ ур. Базаръ; до этой рѣчки отъ Ташкургана около 70—75 в., т.-е. показанные Сюань-

[1]) Вѣроятно, слово Бурансалъ взято изъ тибетскаго языка: въ маршрутахъ изъ Ладака въ Яркендъ чрезъ Каракорумъ значатся два Brang-sa, одинъ у подножія ледника и перевала Сасер-ла, другой—у сѣвернаго подножія перевала Каракорумъ. Sa—по-тибетски земля, мѣсто.

Цзаномъ 300 ли, или три дня пути, въ юго-юго-восточномъ направленіи, а не юго-восточномъ, какъ у кит. путешественника. Отъ Кошъ-уикура Бурансалъ находится на С.-В., но не въ 200 ли, или 2 дняхъ пути, а значительно дальше. Б. Л. Громбчевскій не могъ попасть въ Буромсалъ съ праваго берега Раскема, вслѣдствіе большой воды (10 авг. 1890 г.), изъ свѣдѣній же его и Deasy и картъ обоихъ можно заключить, что небольшая долина Бурансала окружена со всѣхъ сторонъ трудно проходимыми горами и съ долиною Тунъ, напр., населеніе ея можетъ имѣть сношенія лишь чрезъ посредство долины Вача. При такомъ положеніи Бурансала, въ сторонѣ отъ единственнаго въ этой странѣ употребительнаго пути чрезъ перевалъ Кандахоръ, долину Туна, Курукъ-лангаръ и перевалъ Арпаталя, трудно объяснить существованіе на Бурансалѣ описываемаго кит· буддистомъ убѣжища. Сверхъ того, Histoire de la vie etc. (p. 274) совершенно о немъ умалчиваетъ, хотя даетъ краткія свѣдѣнія о возвышающейся въ видѣ стѣны, въ 300 ли на Ю.-В. отъ города, большой скалѣ: on y voit, *dit-on*, deux chambres creusées dans le roc, dont chacune renferme un Lo-han... Такимъ образомъ, по этому источнику, Сюань Цзанъ узналъ о двухъ арханахъ только изъ разсказовъ, а потому нѣтъ причинъ не присоединиться къ основанному на этомъ обстоятельствѣ заключенію В. В. Григорьева («Вост. Туркестанъ», вып. 2, стр. 140) о томъ, что Сюань Цзанъ лично горы съ двумя арханами не посѣщалъ. Конечно, и о Пуньясалѣ онъ разсказываетъ тоже по слухамъ.

Уша, древнее Уча, нынѣшнія долины Вача, Туна и пр.

О владѣніи *Уша* (Ou-cha) Сюань-Цзанъ сообщаетъ, что оно имѣло около 1 т. ли въ окружности, а столица его около десятка ли. Съ южной стороны оно сосѣдило съ р. Сито. Жирная и плодородная почва давала обильныя жатвы. Лѣсная растительность была богата, цвѣты и плоды весьма обильны. Изъ этой страны вывозилось большое количество нефрита разныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, чернаго и зеленаго. Климатъ умѣренный; вѣтры и дожди наступали въ свое время. Жители были по природѣ суровы и жестоки, весьма склонны къ кражамъ и обманамъ и рѣдко испытывали стыдъ отъ порока. Письмо ихъ и языкъ походили немного на кашгарскія (Kie-cha). Наружность у нихъ безобразная и пошлая. Для одежды употребляли шкуры и шерстяныя матеріи. Однако, они твердо вѣрили въ законъ Будды и соблюдали его съ почтеніемъ. Было съ десятокъ монастырей, въ которыхъ жило менѣе 1 т. монаховъ. Царскій родъ этого владѣнія прекратился уже нѣсколько столѣтій. Онъ не имѣетъ своего особаго государя и состоитъ въ зависимости отъ царства Кѣпуаньто (Mém. sur les contrées occident., t. 2, pp. 216—217).

800 ли, т.-е. восемь дней пути, на В. отъ Кѣпаньто-Ташкургана, должны были привести Сюань Цзана къ восточной оконечности долины р. Туна. Шелъ онъ, конечно, не скорѣе Свена Хедина, который, какъ знаемъ мы (гл. 1, стр. 19), употребилъ на проходъ отъ Ташкургана до Курукъ-Лангара (съ переправою) 8 дней. При разсмотрѣніи путешествія Фа Сяня, выяснено, что протяженіе этого пути около 150 в., а это даетъ въ среднемъ на каждый изъ 8 дней пути около 19 в.; но не надо упускать изъ вида, что на этомъ разстояніи два хребта и трудный перевалъ Кандахоръ, и что Сюань Цзанъ, вѣроятно, шелъ здѣсь зимою, такъ какъ кит. путешественникъ потому, быть можетъ, ничего не говоритъ о переправѣ чрезъ Сито-Раскемъ, что перешелъ черезъ рѣку по льду, вообще безъ опасностей и задержекъ. Всѣ свѣдѣнія Сюань Цзана объ Уша въ точности соотвѣтствуютъ географическимъ и природнымъ условіямъ долины Туна и Вача и нѣсколькихъ смежныхъ съ ними, болѣе мелкихъ, долинъ. Раскемъ-Сито, дѣйствительно, протекаетъ частію на югѣ этой страны, дѣлая изгибъ на В. Плодородіе почвы, отличныя жатвы, богатая древесная растительность, обиліе разныхъ сортовъ фруктовъ, умѣренный климатъ—все это вѣрно относительно долины Туна и болѣе мелкихъ, а также отчасти и долины Вача. При всей малоизвѣстности страны, мы, однако, знаемъ, что въ ней много нефрита: Б. Л. Громбчевскій въ окт. 1888 г. совершилъ поѣздку изъ долины Вача къ нефритовымъ копямъ на лѣвомъ берегу Раскема (см. И. В. Мушкетова «Замѣтки о нефритѣ и жаденитѣ въ Вост. Памирѣ», въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1889 г., стр. 254 и слѣд.); кромѣ того, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, есть нефритовыя залежи на ур. Сарыгъ-еръ, близъ сел. Тунъ, нѣсколько выше крѣпости, въ которой живетъ правитель всего Сарыкола, Аблассанъ-бекъ (рукоп. дневн. 18 окт. 1888 г.). Самое имя *Уша* не только близко, но есть лишь иная транскрипція имени древняго владѣнія ханьскихъ временъ *Уча* (Уто, Яджа), занимавшаго эту самую страну и получившаго свое названіе отъ рѣки и долины, которыя и нынѣ сохраняютъ имя Вача, Учи. Подтвержденіемъ того, что Уша есть лишь иная кит. транскрипція Уча, можетъ служить употребленіе этой послѣдней формы въ сдѣланной въ «Си-юй-ту чжи» цитатѣ изъ «Записокъ» Сюань Цзана: по крайней мѣрѣ, у Эмбо Юара въ переводѣ этой цитаты стоитъ Ou tcha вмѣсто Ou cha (Recueil de documents etc., 1881, p. 105). Не лишне привести это мѣсто Сюань Цзана, такъ какъ оно подтверждаетъ пріуроченіе Уша: «Горы Цунлинъ расположены въ центрѣ Джамбудвипы. На Ю. они касаются великихъ снѣжныхъ горъ (Хиндукушъ); на С. они доходятъ до Теплаго моря (Иссыкъ-куль) и Тысячи источниковъ; на З. простираются до владѣнія Хуо (около Кундуза) и на В. до владѣнія *У-ша*» (Mém. etc., t. 2, p. 194). Такимъ образомъ владѣніе Уша находится внѣ Цунлина, но на его границѣ, какъ выражено и въ приведенномъ уже другомъ мѣстѣ «Записокъ», гдѣ сказано: «онъ сдѣлалъ

800 ли, вышелъ изъ горъ Цунлинъ и прибылъ во владѣніе У-ша» (p. 216). Повидимому, пересѣкавшій Цунлинъ съ З. на В. Сюань Цзанъ считалъ его послѣднимъ хребтомъ высокій хребетъ Кандахорскій, считая лежавшія далѣе на В. на пути его горы, въ томъ числѣ перевалъ Арпаталя не входящими въ составъ Цунлина. Напротивъ, для Фа-сяня, подошедшаго съ В. и не пересѣкавшаго еще высокихъ горъ, хребетъ Арпаталя представлялся уже началомъ Цунлина.

О дальнѣйшемъ своемъ пути изъ Уша Сюань Цзанъ говоритъ слѣдующее: «Выйдя изъ этой страны, онъ направился на С., сдѣлалъ около 500 ли чрезъ каменистыя горы и пустынныя равнины и, сдѣлавъ около 500 ли (такъ у Ст. Жюльена; вѣроятно, повтореніе сдѣлано по опискѣ), прибылъ въ царство Кіе-сha» (Mém., t. 2, p. 219). «Выйдя изъ этой страны (Кіе-сha), онъ сдѣлалъ около 500 ли на Ю.-В., переправился чрезъ р. Си-то, прошелъ большой горный проходъ (passage), покрытый пескомъ, и прибылъ въ царство Чо-кеу-кя» (Tchо-keou-kia, pp. 220—221). «Отправясь изъ этого царства (Tchо-keou-kia), въ направленіи на В., онъ прошелъ высокіе горные перевалы (passages) и пересѣкъ долины. Сдѣлавъ около 800 ли, онъ прибылъ въ царство «Khiu-sa-la-na», т.-е. Хотанъ (p. 223). По Histoire de la vie etc. (pp. 274—275), Сюань Цзанъ «пробылъ во владѣніи Ко-pan-to дней 20 и пустился отсюда въ путь въ сѣв.-западномъ направленіи. Черезъ 5 дней онъ встрѣтилъ шайку разбойниковъ. Сопровождавшіе его торговцы перепугались и забрались на горы. Нѣсколько (plusieurs) слоновъ, ожесточенно преслѣдуемыхъ (разбойниками?), попадали въ воду и погибли. Когда разбойники ушли, Сюань Цзанъ пошелъ съ купцами медленно впередъ, спустился съ высотъ съ восточной стороны и, не смущаясь жестокимъ морозомъ, продолжалъ свой путь среди тысячи опасностей. Сдѣлавъ такимъ образомъ 800 ли, онъ вышелъ изъ горъ Цунлинъ и прибылъ въ царство У-ша». «Отсюда онъ направился на С., сдѣлалъ около 500 ли и прибылъ въ царство Кіе-сha» (p. 277). Дальнѣйшія направленія пути и разстоянія не отличаются отъ показанныхъ въ «Запискахъ», но въ описаніи пребыванія кит. путешественника въ Хотанѣ встрѣчаются отсутствующія въ «Запискахъ» свѣдѣнія о томъ, что, вслѣдствіе утраты части добытыхъ въ Индіи буддійскихъ книгъ при переправѣ черезъ Индъ, Сюань Цзанъ, во время пребыванія своего въ Хотанѣ, посылалъ отсюда людей въ Куча и Кашгаръ поискать тамъ другіе экземпляры взамѣнъ утраченныхъ; однако, онъ уѣхалъ изъ Хотана, не дождавшись возвращенія посланныхъ людей (pp. 284—285).

Изъ выдающихся комментаторовъ, Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, принимавшій Кѣпаньто за несуществующее Карчу, упуская изъ вида указаніе Сюань Цзана на восточное направленіе пути въ Уша, помѣщалъ это послѣднее между Карчу и Кашгаромъ на мѣстѣ нынѣшняго города Янги-хиссара, на пути къ Кашгару, Чжо-кеу-кя же пріурочивалъ къ Яркенду (Mém., t. 2, p.

427). Юль, мимоходомъ, обратилъ вниманіе на сходство имени Уша съ названіемъ долины Учи или Вача у Мохаммедъ-Эмина, но, въ виду слѣдованія Сюань Цзана въ Кашгаръ, счелъ подходящимъ помѣстить Уша въ Чихиль-гумбезъ на пути изъ Ташкургана въ Кашгаръ и Яркендъ въ Кашгарскомъ хребтѣ (Notes etc., p. 119). В. В. Григорьевъ, угадывавшій, что Кѣпуаньто «Сюань Цзана несомнѣннымъ обзазомъ тождественно съ Ханьбандо Сонъ-юня», и есть «Уто-ханьскихъ временъ, нынѣшній Ташкурганъ», заподозрилъ, что кит. путешественникъ ни въ Кашгарѣ, ни въ Чжогэу-цзя (который принимаетъ за Яркендъ) не былъ, а описалъ по чужимъ свѣдѣніямъ, какъ и многія другія владѣнія, и направился изъ Уша прямо въ Хотанъ. Въ качествѣ подтвержденія своего мнѣнія онъ указалъ на вышеприведенную, по Histoire de la vie etc., посылку людей за книгами, между прочимъ, въ Кашгаръ, разсуждая, что если бы кит. путешественникъ былъ лично въ Кашгарѣ, то посылать туда людей за книгами изъ Хотана не было надобности, ибо «нужныя ему книги пріобрѣлъ бы онъ въ этомъ владѣніи въ продолженіе своего тамъ пребыванія». «Принимая во вниманіе, что Уша сосѣдитъ къ Ю. съ р. Сидо, а индѣйскимъ именемъ этимъ (Sitâ) называется постоянно у Сюань Цзана Яркянь-дарья, не могу я теперь считать У-ша ни за что иное, кромѣ Цзыхэ ханскихъ временъ и Фасянева путешествія. Ингаисару... У-ша соотвѣтствовать не можетъ, потому что Ингашарскій-Округъ не сосѣдитъ къ Ю. съ Яркянь-дарьею». Цзыхэ же Григорьевъ сажалъ «на Яркянь-дарьѣ и Тизнифѣ, около Якрыка и Кукъяра» («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 141—143, 147 и 37). Съ своей стороны я полагаю, что если дѣйствительно, какъ разсказываютъ составители исторіи жизни Сюань Цзана, путешественникъ этотъ направился изъ Копаньто-Ташкургана на С.-З., шелъ въ этомъ направленіи 5 дней до встрѣчи съ разбойниками и только послѣ нея двинулся на В. («спустился съ высотъ, съ восточной стороны») и прибылъ чрезъ 800 ли въ Уша, то можно допустить, что Сюань Цзанъ направлялся на Кашгаръ, но нападеніе разбойниковъ побудило его возвратиться назадъ въ Ташкурганъ и отсюда предпринять дальнѣйшій путь на В., на Уша. Сюань Цзанъ могъ въ своихъ «Запискахъ» умолчать объ этомъ приключеніи, такъ какъ и вообще лично о себѣ онъ, безъ необходимости, въ „Запискахъ“ говорить избѣгалъ. Какъ бы то ни было, и „Записки“, и „Исторія жизни“ ведутъ путешественника изъ Ташкургана въ Уша; если же Уша есть ханьское Уча и несомнѣнно, по многимъ основаніямъ, мною приведеннымъ и разсмотрѣннымъ, является долинами Туна и Вача съ нѣсколькими смежными меньшими долинами, то представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Сюань Цзанъ отправился изъ Уша-Туна прямо въ Кашгаръ, такъ какъ прямой путь повелъ бы его обратно въ Ташкурганъ, требуя на переѣздъ снова 8 дней, и затѣмъ изъ Ташкургана въ Кашгаръ, при разстояніи въ

245 в. по не особенно легкому горному пути, нужно было бы ѣхать еще 10 дней, итого не менѣе 18 дней. Между тѣмъ путь изъ Уша въ Кашгаръ чрезъ Чжо-кеу-кя потребовалъ бы ни какъ не болѣе 10 дней и пролегалъ бы лишь дня 2—3 горами, высотою и трудностями далеко уступающими цунлинскимъ, остальное же время лежалъ по долинамъ. Въ виду этого, по моему мнѣнію, слѣдуетъ полагать, что если Сюань Цзанъ былъ лично въ Кашгарѣ, то прошелъ онъ туда изъ Уша чрезъ Чжо-кеу-кя, т.-е. Чжогуйбо «Танъ-шу», древнее Цзыхэ. Былъ или нѣтъ Сюань Цзанъ лично въ Кашгарѣ, это большого значенія не имѣетъ, но въ виду засвидѣтельствованнаго въ описаніи Сюань Цзана процвѣтанія буддизма въ этомъ царствѣ (въ немъ „насчитывали нѣсколько сотъ монастырей, въ которыхъ жило 10 т. монаховъ“, Mém., t. 2, p. 220), я склонился бы къ мнѣнію, что кит. паломникъ посѣтилъ его лично изъ Чжогюйбо, не пожалѣвъ потратить на проѣздъ туда 5 дней и столько же обратно, если бы, съ другой стороны, не побуждало къ обратному заключенію отсутствіе въ описаніи Кашгара указанія буддійскихъ святынь и изложенія соотвѣтственныхъ легендъ, безъ которыхъ не могло обойтись такое гнѣздо буддизма и которыхъ не могъ не слышать Сюань Цзанъ въ Кашгарѣ, если бы посѣтилъ его.

Чжокеукя или Чжугюйбо, древнее Цзыхэ.

Помѣстивъ Уша въ Цзыхэ, В. В. Григорьевъ пріурочилъ Чжо-гэу-цзя къ Яркенду, не приведя никакихъ основаній («Вост. или Кит. Туркестанъ», в. 2, 1873 г., стр. 142). Юль нашелъ, что хотя Чжокеукя обыкновенно отождествляютъ съ Яркендомъ, но переправа чрезъ р. Сито-Яркендъ и горный затѣмъ проходъ на пути изъ Кашгара въ Чжокеукя препятствуютъ признавать Чжекеукя за Яркендъ, лежащій на кашгарской сторонѣ Яркендъ-дарьи; но, съ другой стороны, 5 дней пути отъ Кашгара и 8 дней до Хотана совпадаютъ съ нашими новѣйшими маршрутами: So I am unable to suggest a resolution of the difficulty—заключилъ Юль (Notes etc., въ J. of R. A. S., 1873, vol VI, p. 120). Конечно, если бы Григорьевъ и Юль располагали тѣми свѣдѣніями по географіи страны между Ташкурганомъ и Тизнафомъ, которыя пріобрѣтены не ранѣе, какъ въ послѣднія 12 лѣтъ, и которыя, въ главныхъ чертахъ, изложены выше при обсужденіи путешествія Фа-сяня, то они не затруднились бы пріурочить Уша къ Туну и Чжогэукя къ мѣстности между сел. Чимду и Актамомъ на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, куда помѣщаю я Цзыхэ Фа-сяня и Чжугюйбо Сонъ Юня и династійныхъ исторій, въ томъ числѣ „Танъ-шу“, несомнѣнно тождественное съ Чжокеукя Сюань Цзана. Путь изъ Ташкургана чрезъ долины Вача и Туна, Курукъ-Лянгаръ, пер. Арпаталя и долину Учъ-Бильду въ Чимду и Яркендъ, Кашгаръ или Хотанъ не только возмо-

женъ и практикуется въ настоящее время, какъ удостовѣрилъ, между прочимъ, проходъ по нему Свена Хедина изъ Ташкургана въ Кушерабъ, Карчунъ и далѣе въ Кашгаръ, но существовалъ и прежде. Такъ, по свѣдѣніямъ Мохаммедъ-Эмина, относящимся къ самому началу 60-хъ годовъ, караванная дорога въ Бадахшанъ проходила, между прочимъ, чрезъ Ушъ-Балдыръ (В. В. Григорьева «Вост. или К. Туркестанъ», вып. 2, стр. 485 и 486) или Учъ-Бильду. Изъ приведенныхъ Паркеромъ изъ „Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи", новѣйшаго изданія свѣдѣній видно, что когда около 1828 г. китайское правительство лишило коканскихъ торговцевъ льготъ, которыми они пользовались въ Кашгаріи, то со стороны Яркенда, на торговой дорогѣ изъ Бадахшана, въ Лянгарѣ, гдѣ производился досмотръ товаровъ и взиманіе пошлинъ, выставленъ былъ сильный китайскій караулъ (China and the Pamirs, by E. H. Parker, въ Contemporary Review, 1897, Dec., p. 874); такъ какъ это сел. Лянгаръ, по Валиханову „(О состояніи Алтышара" и пр. въ „Зап. И. Р. Геогр. О." 1861 г., кн. 3, стр. 59), находилось въ 40 в. отъ Яркенда, то это могъ быть лишь Ханъ-Лянгаръ при выходѣ дороги изъ Ташкургана чрезъ Тунъ, и Чимду изъ горъ въ Таримскую равнину, въ 40—45 вв. до Яркенда, между Ястуномъ и Актамомъ: слѣдовательно, путь изъ Ташкургана чрезъ Тунъ, Арпаталя и Чимду былъ въ то время караваннымъ. Отсутствіе или крайняя скудость историческихъ извѣстій за предшествующіе 10 столѣтій лишаютъ возможности удостовѣрить существованіе этого пути въ теченіе этихъ вѣковъ, но китайскія извѣстія показали намъ, какъ выяснено въ настоящемъ изслѣдованіи, что еще до Р. Х. Китай сносился съ Гибинью и пр. по части этого пути между Пишанью и Уча и что Фа-Сянь и Сонъ Юнь шли по нему же. Весьма, поэтому, вѣроятно, что и во время Сюань Цзана путь этотъ существовалъ, а потому и послужилъ ему для прохода изъ Уша въ Чжокеукя или Чжугюйбо «Танъ-шу». Какъ уже было приводимо, по этому пути отъ переправы чрезъ Яркендъ-дарью въ Курукъ-Лянгарѣ до Сугетлика 18 в., затѣмъ чрезъ пер. Арпаталя до Игизъ-арыкъ-кургана 19 в., Учъ-Бильду 23 в., Кушерабъ 18 в., Чимду 17 в. и до столицы Чжугюйбо, примѣрно между Ястуномъ и Актамомъ, около 20 в., всего около 115 в. или 5 дней пути по 23 в. въ среднемъ. Именно эти 5 дней пути или 500 ли и означены въ описаніяхъ путешествія Сюань Цзана отъ Уша до Кашгара, тогда какъ въ дѣйствительности они относятся къ пути его отъ Уша до Чжокеукя, ибо отъ Уша до Кѣша онъ долженъ былъ бы идти чрезъ Ташкурганъ не менѣе 18 дней, тогда какъ чрезъ Чжокеукя потребно было только 10 дней, а чрезъ Кушерабъ и Карчунъ, оставивъ столицу Чжокеукя немного въ сторонѣ, не болѣе 9 дней. Что касается разстояній отъ Чжокеукя до Кашгара и Хотана, то они были уже опредѣлены выше приблизительно въ 208 и 260 в., и даютъ на 5 дней по первому разстоянію около 41 в. и на 8 дней по

второму около $32^1/_2$ в. въ среднемъ на день пути. Это цифры вполнѣ возможныя, такъ какъ въ обѣ стороны пути лежали по равнинамъ меньшіе по разстоянію переходы къ Хотану могутъ быть объяснены тѣмъ, что кит. путешественникъ шелъ не по кратчайшему прямому пути, по которому исчислено разстояніе, а черезъ Кукъяръ, Киліанъ и Санджу или нѣкоторые изъ нихъ, вообще около предгорьевъ, гдѣ селенія чаще и средства продовольствія обильнѣе. Нахожденіе столицы Чжокеукя послѣ переправы чрезъ Сито на пути изъ Кашгара подтверждаетъ расположеніе ея на правой сторонѣ Яркендъ-дарьи. Но прохожденіе пути послѣ переправы чрезъ „большой горный проходъ (или ущелье? перевалъ?), покрытый пескомъ“, можетъ указывать на болѣе южное или юго-восточное положеніе столицы, чѣмъ я доселѣ принималъ; если считать такимъ проходомъ или ущельемъ узкую долину между ложемъ Яркендъ-дарьи и окончаніемъ горъ на ея правой сторонѣ, то столицу эту можно предположить въ Яступѣ или между нимъ и Чимду; если же считать его настоящимъ ущельемъ или даже переваломъ, то пришлось бы искать эту столицу между Яркендъ-дарьей и Тизнафомъ, быть можетъ около Шихпу. Во всякомъ случаѣ точное опредѣленіе мѣстонахожденія этой столицы требуетъ изысканій на мѣстѣ, гдѣ могутъ дать указанія не только топографическія подробности, но и древнія развалины, особенно при раскопкахъ.

«Владѣніе Чжокеукя имѣетъ въ окружности около 1 т. ли, окружность же столицы—съ десятокъ ли. Столица защищена высокими и крѣпкими стѣнами. Населеніе многочисленно. Горы и холмы касаются другъ друга (т.-е., иными словами, страна очень гориста). Обширныя пространства покрыты пескомъ и камнями. Царство это прилегаетъ къ двумъ рѣкамъ. Культура хлѣбовъ и плодовыхъ деревьевъ въ немъ процвѣтаетъ. Особенно изобилуютъ виноградъ, груши и сливы. Вѣтеръ и холодъ случаются (règnent) во всякое время года. Люди вспыльчивы и жестоки; они только и стремятся къ обману и мошенничеству и открыто предаются воровству и разбойничеству. Письмена тѣ же, что въ Хотанѣ, но языкъ населенія отличенъ. Народъ этотъ мало обращаетъ вниманія на законы приличія и нравственности; вліяніе литературы отразилось на немъ въ весьма посредственной степени. Но онъ искренно вѣритъ въ *три драгоцѣнности* (буддійскихъ: Будда, его ученіе и община, или церковь) и желаетъ практиковать *добродѣтель* (въ будд. смыслѣ). Есть нѣсколько десятковъ монастырей, которые большею частію обратились въ развалины; насчитываютъ въ нихъ съ сотню монаховъ, которые изучаютъ ученіе *Великаго Пути*. На южныхъ границахъ этого царства есть большая гора (горы?), съ высокими перевалами и нагроможденными другъ на друга вершинами. Ростъ травъ и *деревьевъ* задерживается тамъ холодомъ. Но съ весны до осени повсюду являются рѣчки въ долинахъ и ключи на вы-

сотахъ. Въ скатахъ горъ виднѣются ниши и въ скалахъ кельи. Онѣ расположены правильно (въ шахматномъ порядкѣ, при буквальномъ переводѣ кит. текста) между пещерами и лѣсами. Большая часть индійцевъ, достигшихъ *плода* (степени *архата*), пользуясь своими сверхъестественными способностями, поднимаются для дальняго путешествія на воздухъ и достигаютъ этихъ мѣстъ, гдѣ и водворяются. Множество архатовъ вступили здѣсь въ *нирвану*. По этой причинѣ здѣсь построено большое количество *ступъ*. Даже и теперь есть здѣсь три архата, которые пребываютъ въ пещерахъ. Они погружены въ экстазъ, производящій прекращеніе мышленія. Тѣло ихъ подобно тѣлу отощавшаго человѣка; борода и волосы (на головѣ и пр.) продолжаютъ расти, но (мѣстные?) монахи по временамъ обриваютъ (или остригаютъ) ихъ. Въ этомъ царствѣ сочиненія по *Великому Пути* многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ мѣстахъ, куда достигъ законъ Будды, нѣтъ ни одного, гдѣ ученіе *Махаяны* было бы столь процвѣтающимъ. Оно содержитъ десять сборниковъ, заключающихъ каждый по 100 тыс. шлокъ (çlokâ). Со времени его введенія въ эту страну до нашихъ дней оно расширилось замѣчательнымъ образомъ» (Mém., t. 2, pp. 221—223).

Это описаніе Чжокеукя относительно природы страны и населенія сходится со свѣдѣніями Сонъ Юня и Хой Сена о Чжугюйбо, повторенными въ «Вэй-шу» и «Бэй-шы»: небольшая горная страна, обильная хлѣбами и фруктами, съ населеніемъ, исповѣдывавшимъ буддизмъ и употреблявшимъ индійскія письмена. О языкѣ населенія свѣдѣнія Сюань Цзана, считавшаго этотъ языкъ отличнымъ отъ хотанскаго, расходятся съ свѣдѣніями Сонъ Юня и Хой Сена, по которымъ языкъ чжугюйбоскій былъ сходенъ съ хотанскимъ: истина, вѣроятно, въ серединѣ, въ свѣдѣніяхъ Ту Ши о томъ, что при сходствѣ были и небольшія различія. Во время Фа Сяня въ странѣ считалось около 1 т. монаховъ, Сюань Цзанъ же нашелъ монастыри въ развалинахъ и монаховъ лишь около сотни. Завѣренія Сюань Цзана о наибольшемъ противъ всѣхъ буддійскихъ странъ процвѣтаніи въ странѣ изученія Махаяны должны быть относимы, вѣроятно, ко времени, задолго предъ тѣмъ минувшему, по все же фактъ существованія десяти огромныхъ сборниковъ, которые кит. путешественникъ, конечно, видѣлъ хотя частію, свидѣтельствуетъ, что это процвѣтаніе въ Чжугюйбо одной изъ буддійскихъ доктринъ не было вымысломъ или легендою. Относительно «буддійской Өиваиды», какъ В. В. Григорьевъ окрестилъ скопленіе архатовъ и ступъ въ горахъ, на южныхъ границахъ Чжокеукя, нельзя не принять въ соображеніе, что свѣдѣнія Сюань Цзана о буддійскихъ святыняхъ въ Индіи и Кабулистанѣ блистательно подтвердились, а потому нельзя пока не думать, что онъ даетъ не менѣе вѣрныя свѣдѣнія и о святыняхъ Вост. Туркестана. Изъ малочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ, касавшихся мимоходомъ странъ между Памиромъ и Тиз-

нафомъ, ни одинъ не ставилъ себѣ задачею археологическихъ въ ней изслѣдованій, и всѣ могли проходить вблизи буддійскихъ ступъ и пещеръ архатовъ, не только не видя ихъ, но и не подозрѣвая объ ихъ существованіи. Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобы новые путешественники въ этихъ странахъ озаботились произвести разспросы и личные осмотры въ указываемыхъ Сюань Цзаномъ мѣстностяхъ въ Кѣпуаньто [1]), Уша [2]) и Чжокеукя пещеръ и слѣдовъ жилищъ архатовъ, а также остатковъ ступъ, которые надо искать въ верховьяхъ рр. Учъ-Бильду (особенно около Унгурлука Свена Хедина) и Азгансала, соотвѣтствующихъ южнымъ предѣламъ древняго Чжокеукя, но которыя могли распространяться и по притокамъ Тизнафа, гдѣ мѣстами дѣйствительно оказались остатки лѣсовъ (еловыхъ), на которые намекаетъ Сюань Цзанъ, говоря о ростѣ деревьевъ.

Свѣдѣнія Сюань Цзана въ «Танъ-шу».

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ содержащагося въ «Исторіи династіи Танъ» описанія Западнаго края встрѣчаются заимствованія изъ «Записокъ» Сюань Цзана. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, явно воспроизводящемъ, безъ указанія источника, маршрутъ обратнаго пути знаменитаго паломника изъ Индіи, послѣ краткаго упоминанія о владѣніи Шаньми (вмѣсто Шанъ-ми, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки у переводчика), читаемъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 250): «На «С.-В., черезъ 700 ли, горною дорогою пріѣдешь въ страну *Ботуань-лочуань*, имѣющую отъ В. къ З. до 1000, отъ Ю. къ С. около 100 ли. Здѣсь весною и лѣтомъ идутъ дожди и снѣга». Это, конечно, долина *Помило*. Чтобы понять, какимъ образомъ это имя обратилось въ Ботуань-лочуань, надо принять въ соображеніе, что, по объясненію Стан. Жюльена (Mém., t. 2, p. 207), онъ перевелъ слово *чуань* чрезъ слово «долина», хотя *чуань* ни въ одномъ словарѣ не имѣетъ такого значенія. Отнявъ, вслѣдствіе этого, *чуань* изъ приведеннаго названія, мы увидимъ, что *Ботуань-ло* должно соотвѣтствовать *Помило*.

---

[1]) На Кошъ-ункурѣ, какъ выше предположено, относительно двухъ пещеръ съ двумя архатами.

[2]) По Mém., t. 2, pp. 217—219, въ 200 ли приблизительно отъ столицы владѣнія Уша (которая находилась, вѣроятно, около нынѣшняго сел. Тунъ), есть большая гора, окутанная густыми парами, изъ которыхъ среди скалъ образуются облака; на вершинѣ ея возвышается ступа, воздвигнутая по тому случаю, что за нѣсколько вѣковъ предъ путешествіемъ Сюань Цзана часть горы обрушилась и внутри оказался *бикшу* огромнаго роста, съ исхудалымъ тѣломъ и покрывающими его плечи и лицо (длинными) волосами; когда его привели, съ извѣстными предосторожностями, въ чувство и сообщили на его вопросы о достиженіи нирваны не только тѣмъ буддою, при которомъ онъ погрузился въ экстазъ, но и слѣдующимъ его воплощеніемъ, то архатъ этотъ поднялся на воздухъ и воспламенился, такъ что на землю упали лишь его раскаленныя кости; эти кости были собраны мѣстнымъ царемъ, очевидцемъ чудеснаго событія, и помѣщены въ построенную на мѣстѣ чуда ступу.

Разница произошла отъ того, что или въ текстѣ «Танъ-шу» ошибочно поставленъ знакъ *туань* вмѣсто знака *ми*, или переводчикъ прочелъ этотъ знакъ, по какому-нибудь недоразумѣнію, ошибочно. Замѣнивъ слогъ *туань* слогомъ *ми*, получаемъ *Бо-ми-ло*, т.-е. *По-ми-ло*. «Танъ-шу» продолжаетъ: «На югѣ есть поколѣніе *Болу*. Здѣсь много червоннаго золота». Это владѣніе *Пололо* «Записокъ» Сюань Цзана. Далѣе: «Еще черезъ 500 ли лежитъ *Гьпаньто*; на В. черезъ 800 ли Луковыя горы». Тутъ въ текстѣ «Танъ-шу» или у переводчика ошибка, такъ какъ по «Запискамъ» Сюань Цзана чрезъ 800 ли онъ *вышелъ изъ Цунлина* и прибылъ во владѣніе Уша. Затѣмъ: «Еще чрезъ 800 ли страна *Уша*, имѣющая 1000 ли окружности. Отсюда выходитъ нефритъ трехъ видовъ: бѣлый, темный и зеленый. Владѣтели числятся вассалами гэпаньтэскаго государя. На С. черезъ 500 ли дорогою черезъ песчаную пустынь пріѣдешь въ Кашгаръ. На В. чрезъ 500 ли надобно переправляться черезъ р. Сидо, а потомъ, перешедъ большую цѣпь песчаныхъ горъ, пріѣдешь въ родъ *Гиньгюйга*, иначе *Гюйкюй*. Сія страна содержитъ 1000 ли пространства; на В. 800 ли горною дорогою до Хотана». Въ Гиньгюйга или Гюйкюй В. В. Григорьевъ правильно угадалъ Чжокеукя или Чжугюйбо («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 169). Въ приведенныхъ мѣстахъ «Танъ-шу» довольно ошибокъ, но, заставляя дорогу изъ Кашгара, послѣ переправы чрезъ Сидо, идти черезъ цѣпь песчаныхъ горъ вмѣсто un grand passage de montagne couvert de sable, «Танъ-шу», можетъ быть, пользовалась лучшимъ текстомъ Сюань Цзана, чѣмъ дошедшіе до насъ.

Китайско-буддійскія карты.

Карты, составленныя въ Китаѣ и изображающія Индію и страны, которыя на пути въ нее проходили кит.-буддійскіе паломники, могутъ имѣть важное значеніе въ исторической географіи Сред. Азіи, особенно въ сомнительныхъ случаяхъ, когда описанія путешествій темны и возбуждаютъ недоумѣнія. Въ европейской литературѣ, сколько извѣстно, изданы три такихъ карты, все во французскихъ переводахъ: 1) Карта изданной въ 1714 г. японской энциклопедіи, помѣщенная Клапротомъ въ его Mémoires relatifs á l'Asie, t. 2, Paris, 1826; 2) Carte de l'Inde, d'après, les Chinois, приложенная къ Foe-koue-ki etc., trad. par Ab. Rémusat, при участіи въ послѣдовавшемъ послѣ смерти А. Ремюза изданіи этой книги въ 1836 г. Клапрота и Ландресса; 3) Carte de l'Asie centrale et de l'Inde, publiée au Japon en 1710, d'après les voyages de Fa-hien et de Hiouen-thsang, reduite á moitié par P. Bineteau, geographe, 1852. Эта послѣдняя карта приложена къ 2 т. Mémoires sur les contrées occid. etc., trad. par Stan. Julien, Paris, 1858. Въ относящейся къ ней особой замѣткѣ (въ томъ же томѣ, p. 576) Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ говоритъ,

между прочимъ: «Клапротъ имѣлъ въ рукахъ уменьшенную копію нашей карты, которая находится въ японской энциклопедіи, но литографія, которую распорядился онъ изготовить для Foe-koue-ki, выполнена слишкомъ грубо, чтобы дать вѣрное понятіе объ оригиналѣ», а потому признано было необходимымъ приложить къ Mémoires уменьшенную же, но вполнѣ точную копію японской карты. Съ своей стороны Ст. Жюльенъ, въ Préface къ тому же 2 тому (р. X), упоминаетъ объ этой картѣ лишь какъ объ уменьшенной копіи большой карты, изданной въ Японіи въ 1710 г. и составленной при помощи почти ста сочиненій, названія которыхъ приведены на ея поляхъ, главнымъ образомъ на основаніи описаній путешествій Фа Сяня и Сюань Цзана. Первыя двѣ карты и мнѣ кажутся копіями одного и того же подлинника, но обѣ отличаются отъ третьей не только по размѣрамъ и внѣшности, но отчасти и по содержанію. Такъ, напр., въ нихъ есть владѣніе Khi-pin, отсутствующее въ третьей картѣ или, скорѣе, замѣненное въ ней влад. Kia-chi-mi-lo, котораго нѣтъ въ двухъ первыхъ; напротивъ, въ этихъ двухъ есть Wa-la, не попавшее въ карту 1710 г. Общаго въ двухъ картахъ, основанныхъ на картѣ японской энциклопедіи 1714 г., съ картою 1710 г. такъ много, что надо полагать, что карты 1710 и 1714 г. имѣли, посредственно или не посредственно, одинъ общій источникъ, но отличаются варіантами, указывающими на особые дополнительные источники. На картахъ какъ 1710, такъ и 1714 г. нанесены разныя владѣнія и народы, совсѣмъ неупоминавшіеся у Фа Сяня и Сюань Цзана и сдѣлавшіеся извѣстными китайцамъ раньше или послѣ ихъ времени. Напр., упомянутые Wa-la,—т.-е. ойраты, цзунгары, какъ угадалъ Клапротъ,—появились въ странѣ, куда помѣстила ихъ карта 1714 г. лишь въ XV стол.; «даши, одѣтые въ бѣлое», и «черно-одежные даши», т.-е. послѣдователи Моканны и приверженцы абассидскихъ халифовъ, появились на свѣтъ въ VIII в., значитъ много позже Сюань Цзана; разныя древнія владѣнія ханьскихъ временъ, не существовавшія уже во время Фа Сяня и Сюань Цзана и не встрѣчающіяся совсѣмъ въ описаніяхъ ихъ путешествій, могли быть нанесены на карты лишь на основаніи древнихъ свѣдѣній китайской исторіи и литературы. Вообще разсматриваемыя карты представляютъ, видимо, собою образчики многихъ картъ, составлявшихся на основаніи свѣдѣній, главнымъ образомъ, Сюань Цзана, но въ разное время дополнявшихся на основаніи древнихъ и новыхъ свѣдѣній, имѣвшихся о помѣщаемыхъ въ нихъ странахъ въ китайской исторіи и географическихъ сочиненіяхъ. Это, однако, не препятствуетъ имъ быть интересными и полезными для выясненія—какъ понимали китайцы, болѣе или менѣе близкіе къ времени Сюань Цзана и пользовавшіеся свѣдѣніями, которыя отчасти до насъ не дошли, описанія путешествій Сюань Цзана и какъ они размѣщали описанныя Сюань Цзаномъ и упоминаемыя въ династійныхъ исторіяхъ владѣнія и географи-

ческія данныя. При разсмотрѣніи этихъ картъ (причемъ я буду имѣть въ виду преимущественно карту 1710 г. въ переводѣ Ст. Жюльена, какъ наиболѣе близкую къ одному изъ китайскихъ подлинниковъ) оказывается, что сдѣланныя мною выше въ настоящей главѣ пріуроченія и объясненія вообще содержаніемъ картъ подтверждаются. Въ долинѣ Помило изображено оз. Лунъ-чи (Long-tchi), изъ западнаго конца котораго вытекаетъ рѣка (конечно, Аму-дарья, По-цзу Сюань Цзана) съ расположеннымъ на ней владѣніемъ Тамоситѣти (столица означена на лѣвомъ берегу); изъ восточной оконечности озера течетъ на В. и потомъ на Ю.-В. рѣка, соединяющаяся съ изображенной восточнѣе р. Сито въ мѣстности, гдѣ надписано владѣніе Tsie-kiu, должно быть ханьское Согюй. На Ю. отъ послѣдняго надписано Чжокеукя; на Ю.-З отъ него Цзыхэ (Tseu-ho); прямо на Ю. отъ послѣдняго Сіѣ (Si-ye) и еще южнѣе Дэжо (Te-jo), а къ В. отъ нихъ Пули (Pou-li); всѣ эти пять владѣній помѣщены (по крайней мѣрѣ надписаны, такъ какъ границъ и столицъ не показано) на правой (восточной) сторонѣ р. Сидо. На Ю.-З. отъ Цзыхэ, между рѣкою изъ Лунъ-чи и р. Сидо, а также на обоихъ ихъ берегахъ надписано владѣніе Kie-pan-tho. На З. отъ Tsie-kiu, на С. отъ Кѣпаньто и на С.-З. отъ восточнаго истока оз. Лунъ-чи написано вл. Си-сha (на картахъ 1714 г. Kie-cha, т.-е. Кашгаръ). Сюань Цзану здѣсь принадлежитъ ошибочное представленіе о восточномъ истокѣ озера долины Помило, всѣ же остальныя несообразности съ «Хань-шу» и прочими династійными исторіями составляютъ ошибки китайскихъ ученыхъ, дополнявшихъ свѣдѣнія Сюанъ Цзана. Изъ нихъ особенно выдаются помѣщеніе Пули на Ю.-В. отъ Кѣпаньто, древняго Уча, и ханскаго же Хюаньду (Hiuen-tou) на Ю. отъ Кѣпаньто и отъ р. Сито. Все же остальное изъ приведеннаго соотвѣтствуетъ имѣющимся извѣстіямъ и дѣйствительности. Владѣнія Уша не означено, вѣроятно, потому, что оно составляло часть Кѣпаньто, какъ вассальное.

Послѣ сдѣланнаго въ настоящей главѣ изложенія и объясненій китайскихъ историческихъ извѣстій V—VIII в. о странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ В., можно было бы обратиться къ этническимъ и другимъ имѣющимъ съ ними связь выводамъ изъ приведенныхъ свѣдѣній, но, во избѣжаніе повтореній и вслѣдствіе необходимости, для разсмотрѣнія возникающихъ вопросовъ, имѣть въ виду историческія и этническія извѣстія и данныя за тѣ же столѣтія объ остальныхъ странахъ, примыкающихъ къ Памиру, представляется удобнѣйшимъ отложить этническіе выводы и ихъ разсмотрѣніе до окончанія изложенія историческихъ извѣстій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Этнико-историческія свѣдѣнія о прилегающихъ къ Памиру странахъ и народностяхъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и Мустага.

I). Столкновенія Китая съ тибетцами въ смежныхъ съ Памиромъ странахъ.

Тибетцы были сосѣдями китайцевъ съ самыхъ древнихъ временъ и именовались ими преимущественно кянами (или цянами). Пользуясь раздѣленіемъ цяновъ на многочисленныя племена и роды, находившіеся часто во враждѣ между собою, Китай постепенно овладѣлъ многими тибетскими землями и подчинялъ ближайшихъ тибетцевъ, почти безпрепятственно, вплоть до VII в. послѣ Р. Х., когда произошло объединеніе тибетскихъ земель и племенъ въ единое могущественное государство, называвшееся въ китайской исторіи Ту-фань или Ту-фа [1]). Первое посольство изъ Туфани прибыло въ Китай въ 634 г. [2]). Въ 663 г. туфани овладѣли всѣми землями тхугухуней [3]), государь которыхъ бѣжалъ въ Китай. «Незадолго

---

[1]) Ту-фа или ту-ба представляются китайскою транскрипціею тибетскихъ словъ Stod и Bod, значащихъ „Верхній Бодъ“. какъ тибетцы называютъ центр. и запад. Тибетъ въ отличіе отъ Män Bod, „Нижняго Бодъ“, т.-е. вост. Тибета (Notes on the Ethnologie of Tibet, by W. W. Rockhill, въ Annual Report of the Boards of Regents of the Smithsonian Institution for 1893. Report of the U. S. National Museum, p. 669).

[2]) Содержащаяся въ „Танъ-шу“ исторія туфаней, переведенная о. Іакинфомъ Бичуринымъ въ его „Исторіи Тибета и Хухунора“, Спб., 1833 г., ч. I, стр. 130, а также The Early History of Tibet, by G. S. Bushell (въ Journ. R. Asiat. Soc. of G. Brit. and I., 1880, vol. XII, p. 438), представляющая собою переводъ тѣхъ же книгъ „Танъ-шу“. Я буду указывать на мѣста перевода англійскаго синолога лишь въ важныхъ случаяхъ различій съ переводомъ Бичурина.

[3]) „Исторія Тибета и Хухунора“, ч. I, стр. 135 и 95. Считая тхугухуней (Tukuhun) монголами, Бичуринъ постоянно именовалъ ихъ тогонами, утверждая, что имя тхугухунь есть монгольское слово—тогонъ, значащее котелъ (тамъ же, стр. 73). Эти тхугухуни переселились сюда, въ бассейнъ озера Кукунора, съ сѣвера около 310 г. по Р. Х. составляли часть сяньбійскихъ племенъ, сяньбійцы же принадлежали, какъ полагаютъ многіе европейскіе ученые, къ тунгузскимъ народностямъ, или, по нѣкоторымъ, къ корейскимъ. Изъ китайскихъ историческихъ извѣстій о тхугухуняхъ имѣютъ интересъ, въ отношеніи при-памирскихъ странъ, слѣдующія: въ 445 г., вслѣдствіе движенія на него сильной юань-вейской арміи сѣв. Китая, государь тхугухуней Мулянь „ушелъ въ Хотанъ, убилъ тамошняго короля и побилъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ; послѣ началъ войну съ Лобинію (Бѣдакшанъ). Отселѣ отправилъ посланника съ богатыми дарами къ Лю-и-лунь, полководцу южнаго Китая, и просилъ у него помощи. Лю-и-лунь отблагодарилъ ему колесницами. Въ слѣдующемъ (446) году тогоны возвратились на прежнія земли“, къ Кукунору („Исторія Тибета и Хухунора“, ч. I. стр. 82). Тоже самое, но значительно сокращеннѣе и безъ упоминанія о Лобини, которую Бичуринъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, считалъ за Бадахшанъ, повторено въ описаніи Юйтяни въ „Бэй-шы“ („Сбор. свѣд.“ и пр., ч. 3, стр. 145). Къ сожалѣнію, кромѣ перевода Бичурина, другого перевода на одинъ изъ европейскихъ языковъ вышеприведеннаго мѣста „Вэй-шу“ или „Бэй-шы“, въ которомъ говорится о войнѣ съ Лобинію, не имѣется, сколько мнѣ извѣстно, а потому нельзя имѣть полной увѣренности въ правильной передачѣ имени Лобинь, нигдѣ, кажется, для Бадахшана не встрѣчающагося.

предъ симъ (662) покорились туфани десять колѣнъ Западныхъ Тулгасцевъ. Въ 1-е лѣто правленія Сянь-пхынъ (670) Туфаньцы покорили 18 областей, и въ Западномъ краѣ, соединившись съ Хотанцами, разрушили стѣны г. Кучи. Симъ образомъ Китайскій дворъ потерялъ четыре инспекціи (въ Вост. Туркестанѣ)». Въ поясненіе этихъ краткихъ извѣстій («Исторія Тибета и Хухунора», ч. I, стр. 138, Bushell, p. 448, съ нѣкоторыми различіями, не имѣющими для насъ здѣсь большого значенія) слѣдуетъ имѣть въ виду, что, разрушивъ въ 630 г. вост.-тюркское ханство, Китай приступилъ затѣмъ къ возвращенію своего владычества надъ Вост. Туркестаномъ и къ подчиненію западныхъ тюрковъ. Составляя свои завоевательныя арміи преимущественно изъ подчинявшихся дотолѣ восточнымъ тюркскимъ ханамъ племенъ, при небольшомъ добавленіи китайскихъ войскъ, Китай, между 640 и 648 г. г., въ нѣсколько походовъ покорилъ владѣнія Гаочанъ (нынѣ Турфанъ), Яньки (Карашаръ) и Куча, а за ними подчинились и остальныя владѣнія таримскаго бассейна. По примѣру произведеннаго по завоеваніи земель восточныхъ тюрковъ административнаго устройства («Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 310), большія владѣнія Вост. Туркестана обращены были въ ду-ду-фу (области или «губернаторства»), а меньшія въ чжеу и сянь (округа и уѣзды разныхъ степеней), при чемъ владѣтели утверждены правителями, съ оставленіемъ внутренняго управленія на прежнихъ основаніяхъ, но главное завѣдываніе Западнымъ краемъ предоставлено было намѣстнику (Ань-си ду-хо-фу), должность котораго, съ резиденціею въ Гаочанѣ, учреждена была первоначально въ 640 г. («Собр. свѣд.», 3, стр. 214); въ 647 г. намѣстникъ перемѣщенъ въ Куча и учреждено четыре военно-окружныхъ управленія (чжень у Бичурина въ «Топограф. указателѣ», «Собр. свѣд.», 3, стр. 96, Tchin у Гобиля,—который переводилъ это чрезъ garnison въ Mém. concernant l'histoire etc des Chinois, t. XVI, p. 387, places d'armes, t. XV, p. 478, или places de sureté, тамъ же, p. 493,—chên у Bushell, p. 529), китайскіе начальники которыхъ, завѣдуя китайскими и туземными войсками округа, вѣроятно пользовались правами надзора и по туземному управленію, особенно въ военное время. Послѣ завоеванія въ 657 г. земель западныхъ тюрковъ и плѣненія ихъ хана Ашины-Хэлу, изъ завоеванныхъ земель образованы были два намѣстничества: одно изъ пяти родовъ дулу (нынѣ главное поколѣніе Большой орды дулатъ), кочевавшихъ на востокъ отъ р. Или, и другое изъ пяти поколѣній нушиби (вѣроятно, роды кангловъ и кара-киргизовъ), обитавшихъ на западъ отъ Или. Намѣстниками назначены были враждовавшіе съ Ашина-Хэлу члены ханскаго рода Ашина-Мише и Ашина-Бучжень («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 360 и 361). Въ виду незначительности китайскихъ военныхъ силъ и невозможности содержать въ отдаленности отъ внутренняго Китая большія арміи, осѣдлыя владѣнія Вост. Туркестана и западные тюрки не замедлили сдѣлать попытки возвратиться къ неза-

висимости. Такъ уже въ 660 г. китайцамъ пришлось усмирять владѣнія Кашгаръ, Чжугюйбо и Гэпаньто и, вѣроятно, тюркскаго вождя, Сыгѣ-думаня (тамъ же, стр. 362). Въ 662 г., во время похода съ китайскими войсками «для усмиренія Кучи» (стало быть, владѣніе Куча возмутилось). ханъ Бучжень оклеветалъ другого, поставленнаго китайцами, хана Мише «въ умыслѣ на бунтъ», и военный совѣтъ, созванный китайскимъ главнокомандующимъ, рѣшилъ отрубить голову какъ Мише, такъ и «всѣмъ его подчиненнымъ до пастуха». Весьма естественно, что послѣ казни Мише (тамъ же, стр. 362) западные тюрки обратились за помощью, для освобожденія отъ ига китайцевъ, къ туфанямъ, соглашаясь признать за эту помощь ихъ покровительство или власть. Отсюда, по дошедшимъ до Китая въ то время извѣстіямъ, въ исторіи туфаней въ «Танъ-шу» значится, какъ выше приведено, что въ 662 г. «покорились Туфани десять колѣнъ Западныхъ Тулгасцевъ», т.-е. пять поколѣній дулу и пять поколѣній нушиби. На самомъ дѣлѣ, по отдаленности Тибета отъ земель западныхъ тюрковъ и трудности сообщеній, въ 662 г., вѣроятно, начались лишь переговоры между тибетцами и тюркскими вождями. Какъ бы то ни было, въ 670 г. туфани овладѣли четырьмя чженями, т.-е. всѣмъ Вост. Туркестаномъ, кромѣ Хами и Турфана, и китайцы возвратили утерянное лишь въ 692 г., удержавъ Вост. Туркестанъ за собою и по миру, заключенному съ тибетцами въ 718 г. («Исторія Тибета и Х.», ч. I, стр. 147 и 162).

Еще въ 713 г. являлся лично къ китайскому двору владѣтель Малаго Болюя (Гилгита, какъ выяснено будетъ ниже) Мугиньманъ съ просьбою о покровительствѣ противъ тибетцевъ, которые желали его подчинить единственно, будто-бы, для свободнаго прохода чрезъ его земли въ Вост. Туркестанъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 253). Въ 722 г., когда тибетскія войска произвели нападеніе на Мал. Болюй и отняли у Мугиньмана девять городовъ, китайскій правитель В. Туркестана отправилъ на помощь Мугиньманю 4 т. войска; тибетцы были разбиты и отнятые у Мугиньмана города возвращены ему (тамъ же, стр. 253, и «Исторія Тибета и Х.», ч. I, стр. 163). Въ 736 г. (Bushell, p. 469) тибетцы вновь напали на М. Болюй; китайскій дворъ потребовалъ прекращенія враждебныхъ дѣйствій, «но Туфаньскій дворъ не послушалъ его, и владѣніе Болюйское наконецъ раззорено» («Исторія Т. и Х.», ч. I, стр. 169). Владѣтель его Сушиличжи поддался Тибету, женился на тибетской царевнѣ и прекратилъ сношенія съ Китаемъ; китайскій намѣстникъ предпринималъ противъ него три похода, но ни въ одномъ не имѣлъ успѣха. Въ 747 г., по распоряженію императора, помощникъ намѣстника Гао Сянь-чжи предпринялъ новый походъ, при помощи подкупленныхъ старшинъ проникъ въ Болюй, отрѣзалъ Сушиличжи путь къ бѣгству, овладѣвъ охраняемымъ небольшимъ тибетскимъ отрядомъ мостомъ чрезъ р. Сои, и уговорилъ владѣтеля М. Болюя сдаться, такъ какъ вслѣдствіе захвата моста пришедшія на помощь ти-

бетскія войска не могли переправиться; плѣненный Сушиличжи отосланъ былъ въ Китай, владѣніе же его «превращено въ инспекцію Гуй-жень, и занято тысячью человѣкъ китайскаго гарнизона» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 254).

Во время смутъ въ Китаѣ, послѣдовавшихъ за извѣстнымъ возстаніемъ Аньлушаня (755 г.), тибетцы овладѣли многими китайскими землями, между прочимъ большею частью нынѣшней провинціи Гань-су, пресѣкши сообщенія Китая съ В. Туркестаномъ и дальнѣйшимъ западомъ; большая часть этихъ завоеваній окончательно уступлена была Тибету по мирному договору 781 г. («Исторія Т. и Х.», ч. I, стр. 190), а потому Китай потерялъ почти на десять столѣтій всякое политическое значеніе въ припамирскихъ странахъ до половины XVIII в. Но и могущество Тибета продолжалось только до половины IX в.: въ 843 г. въ немъ возникли внутреннія смуты, вслѣдствіе которыхъ тибетское царство распалось на части (тамъ же, стр. 228 и слѣд.).

Объ отношеніяхъ Тибета къ В. Туркестану и при-памирскимъ странамъ съ 756 г. почти никакихъ историческихъ свѣдѣній не сохранилось. Вѣроятно, китайскій гарнизонъ былъ взятъ изъ М. Болюя не позже 756 или слѣдующаго г., и владѣніе это возвратилось подъ власть Тибета и оставалось вассальнымъ до распаденія туфаньскаго государства.

2) Историческія извѣстія о странахъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша. Владѣніе Болу, Болуло, Болюй, Болоръ китайскихъ свѣдѣній.

По содержащемуся въ «Танъ-шу» описанію Болюя, «*Большой Болюй*, иначе *Булу*, лежитъ отъ Тибета прямо на западѣ, въ смежности съ Мал. Болюй; на западѣ граничитъ съ Сѣв. Индіею и Учаномъ; находится въ зависимости отъ Тибета». Упоминаются три посольства изъ этого владѣнія при династіи Суй и еще два, какъ будто, уже при дин. Танъ, именно: «Когда слава государя Минъ-ди въ правленіе Кхай-юань, 581—601, всюду прогремѣла, Б. Болюй три раза присылалъ посольство къ Двору: почему и владѣтелю его Суфошели Чжылиши данъ титулъ государя. По смерти его, сынъ Силиньтоичжи грамотою утвержденъ на престолѣ. Онъ два раза посылалъ въ Китай своихъ главныхъ старѣйшинъ съ данью изъ мѣстныхъ произведеній» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 252). Этимъ описаніе Б. Болюя кончается, въ слѣдующемъ же за нимъ описаніи Мал. Болюя, послѣ свѣдѣній о разстояніяхъ, столицѣ и пр., которыя приведены будутъ ниже, изложеніе событій начинается съ того, что «въ первое лѣто правленія Кхай-юань, 713, владѣтель Мугиньманъ пріѣхалъ къ Двору», послѣ чего изложены относящіяся къ столкновеніямъ съ тибетцами свѣдѣнія. Далѣе, «по смерти Мугиньмана сынъ его Наньни поставленъ; по смерти Наньни старшій его братъ Малайси поставленъ. По

смерти Малайси Сушиличжи возведенъ. Онъ женился на тибетской царевнѣ» и т. д., какъ выше изложено («Сбор. свѣд.», 3, стр. 253. Кромѣ перевода Бичурина есть еще переводъ статьи о Болюѣ (Grands Pholin-Pourouts) Аб. Ремюза, только не непосредственно изъ «Танъ-шу», а изъ компиляціи Матуаньлиня (XIII в.); въ этомъ переводѣ (Nouveaux mélanges asiatiques, Paris, 1829, t. I, p.p. 194—196) почти все, относящееся къ Мал. Болюю, и извѣстія о Мугиньманѣ выпущены; посольства изъ Б. Болюя отнесены ко времени между 696 и 741 гг.; Нап-пі сдѣланъ сыномъ не Мугиньмана, а Sou-lin-tho (т.-е. больше-болюйскаго Сулиньтоичжи перевода Бичурина), и пр. Такъ какъ извѣстія о владѣтелѣ М. Болюя Мугиньманѣ, кромѣ танскаго описанія Болюя, есть и въ отдѣлѣ «Танъ-шу», содержащемъ исторію туфаней («Исторія Тибета и Хухунора» І. Бичурина, Спб., 1833 г., ч. I, стр. 162 и 163), то въ общемъ переводъ Бичурина долженъ быть правиленъ, и Матуаньлинь, видимо, не только упустилъ привести изъ танскаго описанія Болюя весьма важныя свѣдѣнія о событіяхъ времени Мугиньмана, но въ дальнѣйшемъ обратилъ сына Мугиньмана Наньни въ сыновья больше-болюйскаго Сулиньтоичжи. Поэтому слѣдуетъ держаться перевода Бичурина, за исключеніемъ одной необходимой поправки: о. Іакинфъ отнесъ три посольства изъ Б. Болюя ко времени правленія Кхай-юань, къ 581—601 гг., т.-е. ко времени перваго императора династіи Суй; между тѣмъ правленіе Кхай-юань въ дѣйствительности обнимало 713—741 гг. царствованія танскаго императора Сюань-цзуна, — какъ это видно между прочимъ изъ стр. 253, 254 и др. «Собр. свѣд.», ч. 3, а также изъ стр. 467 и др. части I,—и правленіе перваго императора суйской династіи, 581—600 г., именовалось не Кхай-юань, а Кхай-хуанъ (см. того же «Собр. свѣд.», стр. 193, ч. 3, и стр. 277, 340 и др. части I). Такимъ образомъ Бичуринъ смѣшалъ Кхай-юань съ Кхай-хуанъ и приписалъ ошибочно годы второго первому. Вслѣдствіе этого посольства изъ Б. Болюя имѣли мѣсто не въ 581—601, а въ 713—741 гг.

«*Малый Болюй* лежитъ слишкомъ за 9.000 ли отъ столицы (Китая); на В., нѣсколько къ Ю., 3.000 ли» [1]) до мѣстопребыванія тибетскаго кяньбу (государя), и на З. 800 ли до Учана. «На Ю.-В. 300 ли до Б. Болюй; на Ю. 500 ли до Гэшими (Кашмиръ), на С. 500 ли до Данхумискаго города Солэ. Владѣтель живетъ въ г. Ѣдо при р. Сои. Отъ Ѣдо на З. есть на вершинѣ горы обширный городъ, называемый Габуло», т.-е. Кабулъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 253). У другихъ синологовъ находимъ

[1]) Далѣе у Іакинфа: „до Тибета, на В. 800 ли до мѣстопребыванія Кяньбу. Находится въ зависимости отъ Учана". Такъ какъ разстоянія въ кит. описаніяхъ показываются до мѣстопребыванія владѣтеля, то означеніе 3 т. ли до Тибета и одновременно 800 ли до мѣстопребыванія владѣтеля недопустимо; далѣе, хотя Болюй, какъ увидимъ ниже, находился въ зависимости отъ Учана, но было это задолго до Танской династіи. Вслѣдствіе всего этого, взамѣнъ части перевода Бичурина, соотвѣтствующее мѣсто изложено согласно переводамъ Schott'a (Ueber die ächten Kirgisen, Berlin, 1865, s. 467) и Bushell'я (p. 530).

нѣкоторыя отличія. У Imbault-Huart(Recueil de documents sur l'Asie centrale, p. 156), вмѣсто «Дапхумискаго города Солэ» значится городъ Po lo des H'ou mi; вмѣсто Ѣдо и Габуло Nié to на p. So y и г. Tçia pou lo; у Ab. Remusat (Mem. de l'Acad. des Inscript. etc., t. VIII, 1827, p. 99), городъ Nieï-to близь p. So-i, на З. отъ котораго горный хребетъ, а за нимъ большой городъ Кабулъ; у Bushell'я (p. 530), the Hunï city of Solo.

Когда въ половинѣ XVIII стол. китайцы завоевали Туркестанъ и вошли въ столкновенія съ припамирскими странами, то въ помѣщенныхъ въ «Си-ю-й-ту-чжи» описаніяхъ этихъ странъ были сдѣланы пріуроченія ихъ къ извѣстнымъ, по китайскимъ династійнымъ исторіямъ, древнимъ владѣніямъ. Въ горахъ а) на З. отъ Кашгара, между Кашгаромъ и Коканомъ, на Алаѣ и на Памирѣ, съ одной стороны, и б) на С. отъ Кашгара въ Тяньшанѣ, съ другой, обитали въ это время кара-киргизы; китайцамъ они сдѣлались извѣстными подъ заимствованнымъ у цзунгаровъ (калмаковъ) именемъ б у р у т'овъ; первую изъ двухъ только-что намѣченныхъ группъ кара-киргизскихъ родовъ китайцы стали звать западными бурутами, вторую же (тяньшаньскую)—восточными бурутами. По мнѣнію составителей «Си-юй-ту-чжи», западные буруты занимаютъ земли владѣній ханьскихъ временъ Гюань-ду и Хюсюнь (см. гл. II настоящаго изслѣдованія, стр. 59), восточные же б у р у т ы суть Б о л у юань-вэйскихъ временъ и Б о л ю й танской династіи. Къ этому послѣднему заключенію, приведя выдержки изъ «Бэй-шы» о владѣніи Болу и изъ «Танъ-шу» о Болюѣ (описаніе Болюя только-что приведено мною), пришли они на основаніи такого разсужденія: такъ какъ Болу «Бэй-шы» находилось на С.-З. отъ Агэуцяна, который долженъ былъ быть очень близокъ къ нынѣшнему Бадахшану (занимая даже западную часть послѣдняго, см. выше, стр. 43 гл. II), то это Болу, тождественное съ танскимъ Болюй, лежало въ земляхъ нынѣшнихъ восточныхъ бурутовъ; не только сходны описанія, но тождественны и имена, ибо Бо-лу и Бу-лу (бурутъ) синонимы (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., 1881, pp. 158, 160, 161).

Описаніе Агэуцяна, лежавшаго на Ю.-З. отъ Яркяна, въ 13.000 т. ли отъ кит. столицы, было уже приведено мною (гл. II, стр. 42). Вслѣдъ за Агэуцяномъ «Бэй-шы» описываетъ Болу: «Владѣніе Б о л у лежитъ отъ Агэуцяна на С.-З., отъ Дай (кит. столица) въ 13.900 ли. Климатъ влаженъ и жарокъ. Есть лошади губерніи Сычуань», т.-е. сходныя съ сычуаньскими, которыя, по словамъ Іакинфа, отличаются малымъ ростомъ и горячностью. «Мѣстоположеніе ровное. Мѣстныя произведенія и обычаи народные сходны съ Агэуцянскими» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 175). Объ Агэуцянѣ упоминаній болѣе нѣтъ, Болу же встрѣчается въ «Бэй-шы» еще въ трехъ мѣстахъ: 1) въ предисловіи къ описанію Западнаго края, гдѣ сказано, что четвертая дорога на З. «идетъ отъ Яркяна на Ю.-З.

500 и отъ Луковыхъ горъ на Ю.-З. же 1.300 ли до Болу» (тамъ же, стр. 141). 2) Въ помѣщенномъ вслѣдъ за Болу описаніи владѣнія Малый Юечжы,—которое по столицѣ Фулэуша (конечно, Пурушапура, нынѣшній Пишаверъ) и по ступѣ въ 10 ли на В. отъ нея слѣдуетъ признать за область низовьевъ Кабулъ-дарьи,—сказано, что «оно лежитъ отъ Болу на Ю.-З.» [1]). 3) Въ слѣдующемъ за нимъ описаніи влад. Гибинь значится, что его резиденція находится «отъ Болу на Ю.-З.» (тамъ же, стр. 175). Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что Болу юань-вэйскихъ временъ и свѣдѣній находилось на Ю.-З. отъ Яркенда, имѣя отъ себя на Ю.-З. же владѣнія М. Юечжы и Гибинь, лежавшія во всякомъ случаѣ въ долинѣ Кабулъ-дарьи; иными словами, Болу слѣдуетъ искать на линіи между Яркендомъ и Пишаверомъ и притомъ на Ю. отъ Хиндукуша, такъ какъ на С. по этой линіи нѣтъ никакой мѣстности, гдѣ климатъ былъ бы влаженъ или, по крайней мѣрѣ, жарокъ, какъ въ юань-вэйскомъ Болу; къ Ю. же отъ Хиндукуша, приблизительно притомъ именно на прямой линіи между Яркендомъ и Пишаверомъ, находится Гилгитъ, который обладаетъ жаркимъ климатомъ, съ значительными атмосферными осадками въ окружающихъ горахъ, и сверхъ того занимаетъ самую большую (около 100 в. длины) [1]) долину изъ имѣющихся на этой линіи отъ Хиндукуша до долины низовьевъ Кабулъ-дарьи. Если Болу оказывается,—по точному соображенію данныхъ «Бэй-шы» съ дѣйствительными географическими условіями, выясненными европейскими изслѣдователями во второй половинѣ XIX в.,—соотвѣтствующимъ странѣ нынѣшняго Гилгита, то сѣв.-западное положеніе Болу-Гилгита относительно Агэуцяна опредѣляетъ пріуроченіе послѣдняго къ нынѣшнему Балтистану, столица котораго находится отъ Гилгита на Ю.-В. въ 162 англ. миляхъ кратчайшаго пути по долинѣ или, скорѣе, ущелью Инда. По описанію двигавшагося этимъ путемъ, въ янв. 1891 г., Найта, «рѣка Индъ на этомъ протяженіи стремительно прорывается въ горахъ по длиннымъ и настолько узкимъ дефиле, что, слѣдуя по сказанному пути, путешественникъ часто на протяженіи нѣсколькихъ миль ничего не видитъ, кромѣ отвѣсныхъ утесовъ, неба и пѣнящейся воды. Часто встрѣчающіеся подъемы и спуски, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ, очень затрудняютъ слѣдованіе. Мѣстами приходится взбираться на утесы по лѣстницамъ или по стволамъ деревьевъ, приставленныхъ къ кручи, или же при помощи колышковъ, втыкаемыхъ въ небольшія трещины въ ска-

[1]) „Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 175. Давшій переводъ того же описанія изъ „Вэй-шу“ (откуда оно заимствовано въ „Бэй-шы“) Ed. Specht призналъ Po-lou за Bolor, не выясняя, что такое и гдѣ находится этотъ Болоръ, и сославшись на кит. сочиненіе нынѣшней династіи Haï-koue-thou-tchi (Journal asiat., 1883, oct.-déc., p. 330).

[2]) Рѣка Гилгита протекаетъ по Ясину 60 англ. миль, по Поніялу (еще недавно входившему въ составъ Гилгита) 25 миль и по собственно Гилгиту 35 миль, итого 120 миль (The Jummoo and Kashmir territories, by Fred. Drew, Lond., 1875, p. 406).

лахъ» [1]). Несмотря на видимо не совсѣмъ удачный переводъ этого описанія, нельзя не видѣть, что эта дорога по Инду обилуетъ такими же балконами и карнизами, какіе отличаютъ пути по Пянджу въ предѣлахъ Дарваза, Рошана, Шигнана и отчасти Вахана, и что она вполнѣ соотвѣтствуетъ описанію «висячаго перехода» въ Агэуцянѣ: «Отъ резиденціи на 3. есть горы съ висячимъ переходомъ. Черезъ горы лежитъ дорога, простирающаяся на 400 ли. На семъ переходѣ часто встрѣчаются боковые мосты, подъ которыми лежатъ ужасныя пропасти. Путешественники идутъ по нимъ, подпирая другъ друга веревкою, отъ чего и названіе ущелья». «Мѣстныя произведенія», именно «всякій хлѣбъ и разные плоды», а также добыча «золота» «сходны» и нынѣ въ Гилгитѣ и Балтистанѣ, какъ было въ Болу и Агэуцянѣ [2]). Сходство «народныхъ обычаевъ», которое констатируетъ «Бэй-шы» въ Болу и Агэуцянѣ, наблюдается и понынѣ въ значительной степени между балти и населеніемъ Гилгита, хотя первые говорятъ нарѣчіемъ тибетскаго языка, а гилгитцы на индо-арійскомъ языкѣ шина. Такъ какъ балти и физически нѣсколько отличаются отъ своихъ тибетскихъ сосѣдей Ладака, то сходство ихъ обычаевъ съ гилгитскими въ юань-вэйскія времена, безъ сомнѣнія, еще большее, чѣмъ нынѣ, имѣетъ не малое значеніе при рѣшеніи вопроса объ этническомъ происхожденіи этихъ балти. Къ сожалѣнію, въ описаніяхъ Болу и Агэуцяна «Бэй шы» нѣтъ никакихъ датъ, отсутствіе же указаній на посольства изъ этихъ владѣній заставляетъ полагать, что свѣдѣнія, помѣщенныя въ описаніяхъ, получены были или изъ разспросовъ посольствъ изъ смежныхъ или недальнихъ владѣній, напр. изъ М. Юечжы или изъ Гибини [3]), или изъ ре-

---

[1]) Извлеченіе изъ книги Where three empires meet. By E. F. Knight, 1893, помѣщенное въ „Сборн. геогр. и пр. матер. по Азіи", вып. 54, С.-Пб., 1893, стр. 126.

[2]) См. вышеупомянутыя книги Дрью и Найта, а также Travels in Kashmir, Ladak, Iscardo etc., by G. T. Vigne, London, 1842. По Биддельфу („Народы, населяющіе Гинду-кушъ", перев. П. Лессара, Асхабадъ, 1886 г., стр. 26), „Гилгитъ, лежащій въ 24 м. отъ Инда, на высотѣ 4.890 ф., совмѣщаетъ выгоды хорошаго климата, значительнаго количества плодородной земли и центральнаго положенія, и, повидимому, съ древнихъ временъ служилъ мѣстопребываніемъ цѣлаго ряда правителей, которые, въ большей или меньшей степени, властвовали надъ окружающими долинами и странами. Древнее имя этой мѣстности было Саргинъ. Позже ей было дано имя Гилитъ, которое было измѣнено въ Гилгитъ завоевателями сикхами и догра; но среди мѣстныхъ жителей она и нынѣ называется Гилитъ или Саргинъ-гилитъ. До настоящаго времени существуютъ остатки древнихъ каменныхъ построекъ, повидимому, такого же характера, какъ храмы Мартундъ и Пандретанъ въ Кашмирѣ. Они указываютъ на значительное богатство и (развитіе) искусства, о которыхъ въ настоящее время не сохранилось даже преданія". Многія рѣчки въ области Гилгита золотоносны; промываніе золота производится только зимою, первобытными способами, но „трудъ иногда очень хорошо окупается" (тамъ же, стр. 29). При туземныхъ правителяхъ (до завоеванія сейками и догра въ 40-хъ годахъ XIX в.) добываніе золота облагалось податями (стр. 54). „Балтистанъ представляетъ собою наиболѣе цвѣтущую общину въ сѣв.-западной части Гималаевъ. Вездѣ, гдѣ есть вода, склоны холмовъ отдѣланы террасами и весьма тщательно обработаны, но земли не хватаетъ для чрезвычайно густого населенія" (стр. 65).

[3]) О посольствахъ въ Китай изъ М. Юечжы нѣтъ совсѣмъ упоминаній, изъ Гибини же, по завѣренію Шаванна и Леви (Journ. asiat., 1895, t. VI, p. 374), въ

ляцій какихъ-нибудь кит. буддистовъ, путешествовавшихъ въ Индію, описанія поѣздокъ которыхъ до насъ не сохранились или, по крайней мѣрѣ, остаются для европейской науки неизвѣстными. Наконецъ, не лишне имѣть въ виду, что въ составъ самого имени Агэуцянъ или Акеукянъ (Akèou tçiang, A keou khiang) входитъ имя цянъ или кянъ, которое китайцы въ древности давали западнымъ тибетцамъ, а потому можно, пожалуй, думать, что названіе влад. Агэуцянъ имѣло связь съ принадлежностью части его населенія къ тибетскому племени или съ сосѣдствомъ съ обитаемою имъ территоріею: Балтистанъ несомнѣнно находился въ древности на юго-западной границѣ распространенія тибетскаго народа [1]).

Изъ прилегающихъ къ Памиру съ Ю. странъ составители «Си-юй-ту-чжи» дали описанія Балти и Болора. Свѣдѣнія свои о Балтистанѣ китайцы почерпнули изъ произведенныхъ въ 1760 г. разспросовъ торговцевъ изъ этой страны, прибывшихъ въ Яркендъ и объяснявшихъ, что по срединѣ страны ихъ протекаетъ длинная рѣка, что страна ихъ граничитъ на Ю. съ На pou loupn (Капулуръ?) и что лично они принадлежатъ къ двумъ общинамъ, каждая приблизительно въ 8 т. д., управляемымъ одна Момессепар'омъ, другая Усуван'омъ. На основаніи смутныхъ свѣдѣній этихъ торговцевъ, составители «Си-юй-ту-чжи» заключили, что страна Балти находится на южныхъ границахъ современнаго Индустана, соотвѣтствующаго древней Гибини (Recueil de documents, etc., p. 218). Составители «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», на основаніи тѣхъ же свѣдѣній, нашли, что страна Балти находится на Ю. отъ Болора и что она въ древности китайцамъ не была извѣстна (Magaz. asiat. etc., t. I, p.p. 97,98). Страна Болоръ, по «Си-юй-ту-чжи», находится на В. отъ Бадахшана, окружена со всѣхъ сторонъ горами и имѣетъ около 30 т. семействъ населенія, обитающаго въ городахъ и селеніяхъ; въ сѣв.-западной части его есть рѣка. Старѣйшина или царь ея Шахъ-Шамодъ покорился Китаю одновременно съ Бадахшаномъ (въ 1759 г.); когда въ 1764 г. на его земли сдѣлалъ нашествіе владѣтель Бадахшана Султанъ-ша, то Шахъ-Шамодъ обратился съ просьбою о защитѣ къ китайскимъ властямъ Яркенда и послѣднія предписали бадахшанскому владѣтелю прекратить враждебныя дѣйствія. Составители

„Вэй-шу“ означено посольство въ 452 г.. На основаніи этой даты можно извѣстія, послужившія основаніемъ для описаній Болу и Агэуцяна, относить къ половинѣ V в.

[1]) Биддельфу,—которому не удалось лично посѣтить селенія т. наз. брокпа (горцевъ), проживающихъ въ долинѣ Дехъ-хану въ восточной части Балтистана,—передавали, что этотъ исповѣдующій буддизмъ, среди мусульманъ-балти, и говорящій на діалектѣ языка шина народецъ называетъ себя ардеркаро, балти же даютъ ему имя кіанго (kyango). Биддельфъ полагаетъ, что „они составляютъ остатокъ расы, занимавшей нѣкогда долину Инда отъ Леха до Гилгита, и что этой расѣ балти обязаны примѣсью арійской крови“ („Народы, насел. Гинду-кушъ“, стр. 72). Вѣрно послѣднее предположеніе или нѣтъ, но возможно, что не имя кянъ, а имя кіанго входило въ составъ имени Акеукянъ; однако и въ этомъ случаѣ имя Агэуцянъ опять оказывается связаннымъ съ страною нынѣшняго Балтистана.

«Си-юй-ту-чжи» нашли, что страна Болоръ, какъ сосѣдящая съ Бадахшаномъ, должна была въ древности составлять часть владѣнія Уча (Rec. de docum. sur l'Asie centr. etc., p.p. 206—207). По «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», не приводящему основаній, лежащій на Ю.-З. отъ Яркенда и на В. отъ Бадахшана Болоръ составлялъ при Ханяхъ часть владѣнія Уча, при династіи же Юань-Вэй это было владѣніе А кеу кянъ (Magaz. asiat. etc., t. I, 1825, p. p. 96—97). Въ новѣйшемъ изданіи «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», которымъ пользовался Паркеръ, встрѣчаются о Болорѣ нѣкоторыя подробности и дополненія, отсутствующія въ «Си-юй-ту-чжи и въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» изданія 1790 г., отрывки изъ котораго переведены Клапротомъ въ Magazin asiatique: Болоръ (въ 1763 г.) просилъ помощи Китая вслѣдствіе нападеній Бадахшана на Ts'i-t'e-la-rh (Читралъ). Императоръ отвѣтилъ (на представленіе по этому поводу подлежащаго начальства): «такъ какъ эти государства намъ подвластны, то сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія». Правитель Бадахшана отозвался въ 1764 г. на сдѣланное ему сообщеніе, что Читралъ принадлежалъ его предкамъ и что не слѣдуетъ вѣрить ложной жалобѣ Шахъ-Хушамета, правителя Болора, ибо онъ убилъ его (бад. влад.) брата, тѣмъ болѣе, что угрожаетъ вмѣшательство авганцевъ. На это императоръ возразилъ: «Читралъ принадлежитъ собственно Болору; во время джунгарскаго владычества (въ Туркестанѣ) вашъ предокъ Шахъ-Махмудъ овладѣлъ имъ, Шахъ Хушаметъ же лишь отвоевалъ его у него обратно». Оправдываясь, бадахшанскій правитель высказывалъ опасеніе нашествія авганцевъ на его страну. Въ 1768 г. императору было донесено, что авганцы ушли (изъ Бадахшана) и что Султанъ-шахъ снова занялъ свою столицу (Файзабадъ)[1]. Изъ этихъ извѣстій для насъ важно здѣсь то, что китайцы считали Читралъ принадлежащимъ Болору, т. е. частью его или вассальнымъ владѣніемъ. Какая же страна была собственно Боломъ или главной его составной частью? Для разрѣшенія этого вопроса могутъ, между прочимъ, послужить слѣдующія свѣдѣнія изъ изданнаго въ 1823 г. подъ заглавіемъ «Си-юй-шуй-дао-цзи», т. е. гидрографіи В. Туркестана, сочиненія одного китайца: отъ Гань-чжу-тэ (Канджутъ или Хунза) «на З. въ 4-хъ дняхъ пути лежитъ Бо-лу-ло (Болоръ, по объясненію переводчика), отъ котораго на Ю. находится Балти [2]». Такъ какъ отъ столицы Кан-

[1]) China and the Pamirs, by E. H. Parker, Contemp. Review, 1897, Dec., p. 872. Общины Metespar и Usuwan, къ которымъ принадлежали торговцы балти 1760 г., Паркеръ находитъ или какою-нибудь неизвѣстною страною между Мустагомъ и Искардо, или Хунзою и Нагаромъ (p. 872). Послѣднее предположеніе лишено всякаго вѣроятія, потому что, во-первыхъ, кунджутцы не назвали бы себя балти, и во-вторыхъ, данныя торговцами свѣдѣнія къ Хунзѣ и Нагару рѣшительно не подходятъ и могутъ относиться лишь къ части Балтистана: на З. (на дѣлѣ на Ю.-З.) отъ ихъ страны (Балтистана) лежали Кашмиръ и за нимъ Индустанъ (Пенджабъ, по мнѣнію Паркера), на Ю.-Хапулунъ (Khapuloг, какъ думаетъ Паркеръ) и на В.—Тибетъ.

[2]) „О бассейнѣ Лобъ-нора“ В. М. Успенскаго въ „Зап. И. Р. Г. Общ.“, по отд. этнографіи, т. 6, 1880 г., стр. 117. Есть китайское описаніе Болора въ

джута въ 4-хъ дняхъ пути находится на Ю.-З. Гилгитъ, ибо разстояніе до него отъ Балтита опредѣляется отъ 52 (Биддельфъ, стр. 30) до 60 англ. миль (Найтъ, стр. 108), т. е. отъ $19^1/_2$ до $22^1/_2$ в. въ день, при трудной дорогѣ, особенно въ лѣтнее время (Найтъ, стр. 107), то Болуло оказывается Гилгитомъ, имѣющимъ на Ю.-В. отъ себя Балтистанъ.

Вслѣдствіе крайней скудости современныхъ свѣдѣній по географіи и этнографіи при-памирскихъ странъ, европейскіе ученые первой половины прошлаго вѣка подчинились авторитету составителей «Си-юй-ту-чжи» и слѣдовавшей ихъ пріуроченіямъ официальной географіи Китая [1]), тогда какъ отождествленіе Болу и Болюя съ бурутами было основано лишь на случайномъ и обманчивомъ сходствѣ части звуковъ этихъ именъ и тогда какъ второе основаніе—пріуроченіе Агэуцяна къ западной части Бадахшана—было совсѣмъ неправильно, да и въ случаѣ вѣрности не дозволяло отождествлять территорію Болу-Болюя,—находившуюся на С.-З. отъ Агэуцяна, западнаго Бадахшана,—съ территоріею восточныхъ бурутовъ, лежащею не на С.-З., а на С.-В. отъ западнаго Бадахшана, и тогда какъ отъ объясненія—подходятъ ли къ территоріи бурутовъ многія другія обстоятельства истори-

---

„Си-юй-вынь-цзянь-лу“ т. е. „Описаніи Западнаго края“, изданномъ около 1773 г. Положеніе страны опредѣлено въ немъ лишь указаніемъ, что она находится на З. отъ Яркенда. Болорцы описываются, какъ племя, не понимающее тюркскаго языка, съ густыми бородами, впалыми глазами, высокимъ носомъ, придерживающееся поліандріи („четыре и пять братьевъ берутъ одну жену“), живущее деревнями, въ глиняныхъ домахъ, и платящее подать своему владѣльцу, именуемому би, людьми изъ своей среды, для продажи въ рабство въ сосѣднія страны [мон. Іакинфа „Описаніе Чжуньгаріи или В. Туркестана“, Спб., 1829 г., стр. 150 и 151). Повидимому, этотъ китайскій авторъ подъ Болоромъ разумѣлъ страны на З. и Ю. отъ Памира до Бадахшана и Кашмира, обитаемыя народами арійскаго происхожденія или являющимися помѣсями съ другими расами; такъ какъ поліандрія въ XVIII в. невѣроятна у мусульманскихъ народовъ, каковыми были уже задолго передъ этимъ вѣкомъ народы на Ю. и З. Памира, то слѣдуетъ полагать, что поліандрія, существовавшая только у тибетцевъ Ладака, приписана болорцамъ на основаніи ошибочныхъ свѣдѣній; съ другой стороны, приходится думать, что въ составъ Болора авторъ этотъ зачислялъ Каратегинъ, Дарвазъ, Шигнанъ и Ваханъ, такъ какъ, по его словамъ, „буруты“ часто похищаютъ у „болорцевъ“ людей и продаютъ ихъ въ другія мѣста: такія похищенія кыргызы Алая, Памира и Сарыкола могли дѣлать преимущественно въ упомянутыхъ сосѣднихъ съ ихъ кочевками странахъ. Во всякомъ случаѣ авторъ этотъ рѣзко отличаетъ болорцевъ отъ бурутовъ (кыргызовъ) по тюркскому языку, кочевому образу жизни и обитанію послѣднихъ между Ферганою и Кашгаромъ (стр. 147). Онъ упоминаетъ Сарыколъ подъ именемъ Саколо, находившагося въ вѣдомствѣ китайскихъ правителей Яркенда и лежавшаго „за 10 дней конной ѣзды отъ Яркенда къ З. въ смежности съ Бѣдакшанію“ (стр. 135).

[1]) О. Іакинфъ шелъ даже, повидимому, дальше „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“, авторитету которой слѣдовалъ: „Нынѣшніе Киргизцы прежде обитали по южную сторону Хотанскихъ горъ, не подалеку отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета, и уже въ IV в. появились на нынѣшнихъ мѣстахъ, подъ китайскими именами Болу, Булу и Болюй. Болу и Булу сходствуютъ съ словомъ Бурутъ: слѣдовательно, Бурутъ есть древнее имя Кэргизцовъ, которымъ Китайцы и Монголы и донынѣ называютъ ихъ“ („Опис. Чжуньгаріи и В. Туркестана“ и пр., Спб., 1829 г., стр. XXVIII). Къ второй половинѣ прошлаго вѣка Бичуринъ, вѣроятно, усомнился въ этомъ тождествѣ Болу и Болюй съ бурутами, потому что въ „Собр. свѣд“. и пр., 1851 г., онъ отъ пріуроченія къ какой-либо мѣстности и народу Болу и Болюя совершенно уклонился.

ческихъ описаній Болу и Болюя, составители «Си-юй-ту-чжи» уклонились, явно по невозможности утверждать соотвѣтствіе этихъ обстоятельствъ условіямъ западнаго Тяньшаня. Лишь въ началѣ 70-хъ годовъ выясненіе дѣйствительной географіи при-памирскихъ странъ и изученіе имѣющихъ къ нимъ отношеніе историческихъ извѣстій,—какъ китайскихъ, такъ и европейскихъ и мусульманскихъ,—настолько подвинулись, что Юль могъ прійти къ рѣшительному заключенію объ ошибочности отождествленія Болу и Болюя съ бурутами и утверждать, что Бололо Сонъ Юня и Сюань Цзана соотвѣтствуетъ Гилгиту, Канджуту и Балтистану, и что Болюй «Танъ-шу» есть Ладакъ, а М. Болюй соотвѣтствуетъ Балтистану, причемъ Сои есть Шайокъ, а Габуло есть Капалу или Капалоръ (The Journ. of the R. Asiat. Soc., 1872, vol. 42, p. p. 474—480). Эти мнѣнія Юля остаются и доселѣ болѣе или менѣе общепринятыми и во всякомъ случаѣ неопровергнутыми, но съ дальнѣйшими успѣхами ознакомленія съ географіею и этнографіею странъ при-памирскихъ и лежащихъ на верхнемъ Индѣ, а также изученія исторіи этихъ странъ, обнаружилась, по моему мнѣнію, необходимость измѣненія пріуроченій Юля.

Относительно Болу мною уже выяснено, нѣсколькими страницами выше, что это владѣніе, свѣдѣній половины V в., соотвѣтствуетъ Гилгиту. Въ Болуло, которое извѣстно лишь по свѣдѣніямъ Сонъ Юня и Хой Сена, конца первой четверти VI в., приходится видѣть то же Болу и пріурочивать къ Гилгиту, такъ какъ по «Бэй-шы» Болулэ находилось на В. отъ Шеми («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180), т. е. отъ Читрала, ибо это Шеми лежало въ горахъ на Ю. отъ владѣнія Бочжи, которое приходилось на Ю.-З. отъ Бохо-Вахана (тамъ же) и на пути Сонъ Юня изъ Бадахшана, гдѣ посольство представлялось владѣтелю ѣда, въ Учанъ (Сват) черезъ Шеми (Neumann, S. S. 164, 165, Beal, p. p. 186—188). Шеми описывается, повидимому, въ «Танъ-шу» подъ именемъ Гюй-вэй, съ поясненіемъ, что иначе оно называется Шанми (Changmi): «Владѣтель живетъ въ городѣ Хэше Ишыдо (A-che-iu-sse-to) въ большихъ снѣжныхъ горахъ, на сѣверной сторонѣ р. Болюй» (у Ab. Rémusat: на С. отъ большихъ снѣжныхъ горъ и р. Pou-rouï). «Климатъ холодный. Родится всякой хлѣбъ, виноградъ, кислые гранаты. Зимою живутъ въ пещерахъ. Жители сего владѣнія всегда помогали М. Болюю въ содѣйствіи Срединному государству» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 267, и Mél. asiat., t. I, p. 225), очевидно противъ тибетцевъ. Изъ этого владѣнія упомянуто посольство въ Китай въ правленіе Тхянь-бао (742—755 г.г., тамъ же), а потому описаніе, вѣроятно, основано на показаніяхъ этого посольства. По Сюань Цзану, изъ влад. Тамоситѣти (Вахана), перейдя на Ю. черезъ большую гору, прибываютъ во влад. Шанъ-ми, имѣющее отъ 2.500 до 2.600 ли въ окружности. Страна очень гориста. Въ ней обработываютъ разные хлѣба, но наиболѣе обильны бобы и пшеница. Много винограду. Духи горъ

очень злы и жестоки; если не умилостивить ихъ жертвами и молитвами, то они причиняютъ большія бѣдствія, насылая бури и градъ. Климатъ холодный. Жители носятъ, большею частію, шерстяныя одежды. Ума они ограниченнаго, въ ремеслахъ искусны посредственно; характера вспыльчиваго, но прямодушны. Письмена тѣ же, что во влад. Тухоло, но языкъ особый. Вѣры буддійской; есть два монастыря съ небольшимъ количествомъ монаховъ (Mém. sur les contrées occident., t. 2, p. p. 206—207). Сюань Цзанъ самъ въ Шанъ-ми не былъ, а потому описаніе его взято изъ чужихъ свѣдѣній. Однако его описаніе воспроизведено въ сокращенномъ видѣ въ «Танъ-шу», гдѣ, между прочимъ, упоминается и о добычѣ «краснаго мышьяка» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 250), orpiment latinaire перевода Стан. Жюльена (p. 206).

Если основываться на свѣдѣніяхъ Сюань Цзана, то Шанъ-ми, отдѣленное отъ Вахана большой горой или хребтомъ, конечно Хиндукушемъ, долженъ быть признанъ Мастуджемъ; не противорѣчитъ этому и нахожденіе, по свѣдѣніямъ посольства VIII в., Шанъ-ми на С. отъ р. Болюй: это, всего вѣрнѣе (да и нѣтъ основаній къ иному пріуроченію), рѣка Гилгита, отъ наиболѣе западнаго истока которой Мастуджъ приходится на сѣверѣ. Говоритъ въ пользу Мастуджа и существованіе въ Читралѣ, котораго Мастуджъ составляетъ обыкновенно часть, «опермента высшаго качества», о добычѣ котораго упоминаетъ Биддельфъ («Народы, насел. Хинду-кушъ», стр. 82). Если Шанъ-ми есть также и Шеми, то противъ пріуроченія къ Яссину,—кромѣ нахожденія послѣдняго на Ю. отъ Вахана за двумя хребтами, а не за однимъ, какъ Шанъ-ми Сюань Цзана,—говоритъ и необходимое направленіе пути посольства Сонъ Юня, которому идти изъ Бадахшана въ Сватъ чрезъ Яссинъ значило бы дѣлать большой крюкъ. Во всякомъ случаѣ, М. Болюй, которому оказывала помощь страна Шанъ-ми, лежавшая на С. отъ р. Болюй, долженъ былъ, видимо, лежать въ низовьяхъ этой рѣки, стало быть это Гилгитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это Болу половины V в., а также Болулэ (Po lu la у Неймана, S. 165, Po-lu-lai у Биля, p. 187) «Бэй-шы», находившееся отъ Шеми на В.: «Дорога стремнистая; переходятъ, держась за желѣзную цѣпь. Внизу дна не видно. Въ правленіе Си-пьхинъ, 516—517, кит. посланникъ Сунъ Юнь не могъ пройти туда» (Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180). Въ переводахъ описанія путешествія посольства Сонъ Юня вмѣсто желѣзныхъ цѣпей говорится о мостахъ на желѣзныхъ цѣпяхъ; у Неймана положеніе Полула отъ Шеми показано къ Ю., у Биля же совсѣмъ не опредѣлено: слѣдуетъ отдать предпочтеніе показанію «Бэй-шы», составители которой (или «Вэй-шу», откуда они, вѣроятно, взяли описаніе Шеми, какъ и многое другое) могли пользоваться болѣе исправными редакціями описанія поѣздки Сонъ Юня съ товарищами, чѣмъ дошедшія до нашего времени.

Былъ въ Болуло (Po-lou-lo) и Сюань Цзанъ въ 30-хъ годахъ VII стол. Попалъ онъ сюда изъ Дарела (Tha-li-lo), куда прибылъ, сдѣлавъ около 1 т. ли, изъ Учана, т. е. Свата (см. выше въ гл. IV). Слѣдуя изъ Талило въ восточномъ направленіи, онъ прошелъ горные перевалы (или ущелья), пересѣкъ долины и поднимался вверхъ по р. Синьту (Индъ). Пробираясь по висячимъ мостамъ и утлымъ подмосткамъ надъ безднами и пропастями, онъ сдѣлалъ сколо 500 ли и прибылъ во влад. Болуло, имѣющее около 4 т. ли въ окружности и лежащее среди большихъ снѣжныхъ горъ. Оно протягивается въ вост.-западномъ направленіи, ширина же его съ Ю. на С. много менѣе. Производится много пшеницы и фасоли, добывается золото и серебро. Благодаря доходамъ съ золотопромышленности, средства владѣнія весьма обильны. Климатъ постоянно холодный. Населеніе по характеру своему сурово и склонно къ насиліямъ, о гуманности и справедливости понятіе имѣетъ слабое, о правилахъ же приличія и не слыхивало; наружности оно безобразной и пошлой. Одежды употребляетъ изъ грубой шерсти. Письмена очень сходны съ индійскими, но языкъ отличенъ отъ языковъ другихъ владѣній. Есть нѣсколько сотенъ монастырей съ нѣсколькими тысячами монашествующихъ, не выказывающихъ большого рвенія къ изученію закона и часто уклоняющихся отъ правилъ монашескаго поведенія. Отсюда Сюань Цзанъ возвратился въ г. Утаканду (Ou-to-kia-ĥan-tch'a, столица Гандары, нынѣ Ундъ) и переправился черезъ Индъ во владѣніе Тачашило (Mém., t. 1, p. p. 150—151). 500 ли или пять дней пути китайскаго паломника отъ Дарела вверхъ по Инду не могли увести его далѣе устья Гилгитской рѣки. Тутъ въ долинѣ Сай, о которой будетъ рѣчь ниже, или гдѣ-нибудь на Гилгитской рѣкѣ и должна была находиться столица Болуло, которой Сюань Цзанъ не даетъ ни имени, ни описанія. Тысячи монаховъ показываютъ въ странѣ десятки, по крайней мѣрѣ, тысячъ населенія, 40 же дней въ окружности указываютъ, что Болуло имѣло не менѣе 15-ти дней въ длину, изъ которой, вѣроятно, около половины приходилось на долину Инда вверхъ по теченію, слѣдовательно въ Болуло, кромѣ Гилгитской долины, входилъ и нынѣшній Балтистанъ или значительная его часть, составлявшая два столѣтія ранѣе особое владѣніе Агэуцянъ. Трудный путь по Инду съ висячими мостами, балконами и карнизами (мѣстный терминъ п а р и или п а р р и) могъ лежать для Сюань Цзана между Дареломъ и долиною Сай (противъ Бунджи). Что же касается до «стремнистаго пути» въ Болулэ, о которомъ значится по слухамъ въ описаніи путешествія Сонъ Юня, то это можетъ быть путь по Гилгитской рѣкѣ между Яссиномъ и Поніаломъ (гдѣ «движеніе крайне затруднительно», см. «Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 73), или дорога вверхъ по Инду чрезъ Тангиръ и Дарелъ, или, наконецъ, путь по Инду отъ Гилгита до Скардо. Можетъ быть, во время Сонъ Юня Болу и Агэуцянъ составляли уже одно влад. Болулэ, какъ при Сюань Цзанѣ Болуло. Менѣе, чѣмъ

чрезъ столѣтіе послѣ Сюань Цзана, вмѣсто одного государства, оказываются въ первой половинѣ VIII в. два владѣнія Большой и Малый Болюй, о географическомъ положеніи которыхъ, вслѣдствіе участія ихъ въ столкновеніяхъ Китая съ тибетцами, «Танъ-шу» даетъ довольно обильныя данныя.

Данныя эти—слѣдующія: разстояніе въ 800 ли отъ М. Болюя на З. до Учана, 300 ли на Ю.-В. отъ М. Болюя до Б. Болюя, 500 ли отъ М. Болюя на Ю. до Кашмира, 500 ли отъ того же М. Болюя на С. до Хуми, нахожденіе столицы М. Болюя (отъ которой должны быть показаны, по общему правилу китайцевъ, разстоянія) въ г. Ѣдо на р. Сои, на В. отъ г. Габуло, наконецъ смежность Б. Болюя на З. съ Сѣв. Индіею и Учаномъ. Помѣщеніе М. Болюя въ Балтистанѣ и Б. Болюя въ Ладакѣ непримиримо съ приведенными данными «Танъ-шу»: отъ центра Балтистана Скардо до Манглаора, гдѣ была столица Учана не менѣе 500—600 в. [1]), а такъ какъ 800 ли отъ М. Болюя до Учана не могли составлять болѣе 400 в., принимая наибольшую длину ли (т.-е. $^1/_2$ в.), то М. Болюй не могъ соотвѣтствовать Балтистану, ибо столица его лежала западнѣе Балтистана (центра его) на 100—200 в.; затѣмъ Б. Болюй отъ Малаго отстоялъ на Ю.-В. въ 300 ли, т.-е. не болѣе 150 в , между тѣмъ отъ Леха до Скардо 312 в. [2]); разстояніе отъ столицы М. Болюя означено въ 500 ли, т.-е. около 250 в., что, пожалуй, не далеко отъ кратчайшей дороги между Сринагаромъ и Скардо въ 237 в. [3]), но Гэшими означено отъ М. Болюя на Ю., тогда какъ Сринагаръ находится отъ Скардо на Ю.-З.; вмѣсто 500 ли или до 250 в. отъ М. Болюя до Хуми отъ Балтистана, т.-е. отъ Скардо, до Вахана не менѣе 400 в. [4]); тогда какъ г. Габуло находился

[1]) Теченіе Инда отъ Бунджи до выхода въ долину Индіи не было до сихъ поръ изслѣдовано ни однимъ европейцемъ. Вслѣдствіе враждебности обитающихъ въ этой странѣ племенъ доступомъ въ нее пользуются лишь мусульманскіе торговцы и муллы. Первая, и пока кажется единственная, съемка этой части теченія Инда произведена была, по порученію управленія англо-индійскими съемками, въ 1876 г. нѣкимъ муллою (см. краткую замѣтку объ этой съемкѣ полк. Walker въ Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, 1878, vol. 47, P. I, p. 78—80). За неимѣніемъ иныхъ свѣдѣній, приходится поэтому опредѣлять разстоянія отъ Скардо до Манглаора на р. Сватѣ приблизительно по картѣ, основанной на съемкѣ муллы (приложена къ упомянутой замѣткѣ), и новѣйшимъ картамъ, на которыхъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій противъ съемки муллы на пройденной имъ части теченія Инда не замѣчается. По картамъ же разстояніе отъ Скардо до Манглаора опредѣляется не менѣе, какъ въ 500—600 в., если принимать въ соображеніе изгибы Инда, а также необходимые обходы, когда идти по берегамъ рѣки невозможно.

[2]) По Найту отъ Леха до Гилгита 370 англ. миль; за вычетомъ изъ этой цифры разстоянія отъ Гилгита до Скардо въ 162 м., получается отъ Леха до Скардо 208 м. или 312 в. („Сборн. ... матер. по Азіи“, вып. 54, стр. 81 и 126). По Drew, отъ Леха до Скардо $209^1/_2$ м. (The Jummo and Kashmir, 1875, p. 530).

[3]) Отъ Сринагара до Скардо, по Drew, p. 530, чрезъ Deosai 158 миль.

[4]) Изъ приведенныхъ выше разныхъ переводовъ одного и того же мѣста „Танъ шу“ я считаю возможнымъ заключить, что во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о какомъ-то пунктѣ въ Хуми, т.-е. Ваханѣ. Такъ какъ отъ Скардо до Гилгита, по Найту, 162 м., а отъ Сархада до Гилгита англійская разграничительная ком-

отъ г. Ѣдо на З., г. Капалоръ лежитъ отъ г. Скардо на В.; наконецъ, если М. Болюй есть Балтистанъ, то Б. Болюй, Ладакъ, не могъ бы быть смежнымъ ни съ Сѣв. Индіей, ни съ Учаномъ, потому что былъ бы отдѣленъ отъ нихъ Балтистаномъ. Не устранило бы непримиримость данныхъ «Танъ-шу» съ географическимъ положеніемъ Балтистана относительно окрестныхъ странъ допущеніе столицы М. Болюя-Балтистана не въ Скардо, а въ какихъ-либо пунктахъ на З. или на В. отъ Скардо въ предѣлахъ Балтистана, потому что при большей соотвѣтственности одной части данныхъ неизбѣжно проявлялась бы увеличившаяся несоотвѣтственность остальныхъ. Напротивъ, если допустить, что М. Болюй есть Болу половины V в. и соотвѣтствуетъ области Гилгита, а Б. Болюй есть Агэуцянъ и соотвѣтствуетъ Балтистану, то вышеприведенныя данныя оказываются достаточно подходящими, особенно ежели принять, что столица находилась не на мѣстѣ нынѣшняго поселенія Гилгита, а въ лежащей напротивъ Бунджи долинѣ Сай [1]): отъ столицы М. Болюя при этомъ оказывается до Учана менѣе 400 в. [2]), т.-е. около 800 ли; до Б. Болюя, столицу котораго необходимо предполагать не въ Скардо, а въ Рондо, около 150 в. [3]), т.-е. 300 ли; до Сринагара едва ли болѣе 250 в. [4]) или 500 ли, а до Вахана также подобное разстояніе; смежность Б. Болюя-Балтистана съ Учаномъ была на лѣвомъ берегу Инда возможна, такъ какъ М. Болюй, занимая бассейнъ Гилгитской рѣки, могъ совсѣмъ не имѣть земель на лѣвой сторонѣ Инда. Главнымъ, повидимому, побужденіемъ пріурочивать

миссія 1895 г. шла 12 дней (Report... of the Pamir boundary commission, 1897, Calcutta, p. 27), то отъ Скардо до Сархада около 400—500 в.

[1]) До недавняго времени переправа чрезъ Индъ, на пути изъ Кашмира и Ладака чрезъ Асторъ, производилась на паромѣ немного выше Бунджи, противъ долины Сай (Sai), по которой шла далѣе дорога въ Гилгитъ. Долина Сай была нѣкогда сильно заселена, но большая часть деревень давно опустѣла вслѣдствіе неурядицъ и грабежей, производимыхъ горцами лежащаго ниже по Инду Чиласа. Однако и теперь древесная растительность, луга и отчасти сохранившіяся фруктовыя деревья представляютъ пріятный контрастъ среди окружающихъ пустынь (Найтъ въ „Сборн... по Азіи", вып. 54, стр. 101 и 102). Во время путешествія Найта (1891 г.) уже предполагалось замѣнить паромную переправу висячимъ мостомъ. Мостъ этотъ на картѣ при книгѣ The Making of a Frontier, by col. Alg. Durand, London, 1899, показанъ существующимъ около устья Гилгитской рѣки.

[2]) Именно изъ 500—600 в. отъ Манглаора до Скардо надо убавить разстояніе между Скардо и Гилгитомъ или долиною Сай.

[3]) За вычетомъ изъ 243 в. между Скардо и Гилгитомъ разстоянія между Скардо и Рондо въ 100 в. (приблизительно, по картамъ) останется между Рондо и Гилгитомъ 143 в. Владѣтели Рондо иногда далеко распространяли свою власть: такъ, напр., въ началѣ XVI в. одинъ изъ нихъ подчинилъ Читралъ („Народы, насел. Гинду-кушъ", стр. 192 и 193), а потому нахожденіе столицы Балтистана въ Рондо, временами, весьма возможно.

[4]) По Найту, отъ Сринагара до Гилгита по новой дорогѣ, шириною полотна не менѣе 10 ф. и съ уклономъ не болѣе 1 : 10, приблизительно 240 миль (тамъ же, стр. 90). Изъ этой цифры, предполагая нахожденіе столицы М. Болюя въ долинѣ Сай, надо вычесть разстояніе отъ Сай до Гилгита около 30 м. Останется 210 м. или 315 в., но новая дорога, по поставленнымъ ей требованіямъ, конечно, значительно длиннѣе старой, а потому можно полагать, что отъ Сринагара до Сай было не болѣе 250 в. или 500 ли.

М. Болюй къ Балтистану было нѣкоторое сходство имени Сои съ Шайокомъ. Между тѣмъ пока никто, кажется, не высказывался за помѣщеніе столицы М. Болюя на Шайокѣ, конечно потому, что чѣмъ далѣе на В. пріурочивать г. Ѣдо, тѣмъ болѣе будутъ несоотвѣтственны съ такимъ его положеніемъ данныя «Танъ-шу». Кромѣ разстояній и оріентацій относительно окружающихъ владѣній нельзя также не имѣть въ виду, что китайцы захватили мостъ чрезъ р. Сои, чтобы лишить тибетскія войска возможности оказать помощь владѣтелю, засѣвшему въ своей резиденціи. Очевидно, резиденція эта не можетъ быть помѣщаема ни въ Скардо, ни въ Рондо, такъ какъ оба города лежатъ на лѣвомъ берегу соединеннаго съ Шайокомъ Инда и для прохода къ нимъ нѣтъ надобности переправляться чрезъ Шайокъ, если тибетскія войска находились въ Ладакѣ. Другое дѣло, если столица М. Болюя находилась въ Гилгитѣ или въ долинѣ Сай: идущимъ изъ Ладака войскамъ, если они слѣдуютъ уже правымъ берегомъ Инда, необходимо переправиться чрезъ р. Гилгитъ, что въ лѣтнее время,—когда рѣки многоводны и когда совершонъ былъ, вѣроятно, походъ китайцевъ въ М. Болюй,—невозможно или крайне трудно, если мостъ чрезъ рѣку захваченъ непріятелемъ; столь же важенъ мостъ чрезъ Индъ для войска, идущаго изъ Ладака по лѣвой сторонѣ Инда, или чрезъ Асторъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о походѣ 747 г. въ содержащихся въ «Танъ-шу» исторіи туфаней и описаніи Болюя столь скудны, что больше извлечь изъ нихъ нечего. Въ примѣчаніяхъ Bushell'я къ его переводу исторіи туфаней находимъ о томъ же походѣ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія, источникъ которыхъ имъ не указанъ: Изъ Аньси (т.-е. изъ Куча) Гао Сянь-чжи съ войскомъ шелъ чрезъ города Polman, Wushihtê (Ush, по мнѣнію В., вѣрность котораго сомнительна, такъ какъ Ушъ-Турфанъ лежитъ въ сторонѣ отъ дороги изъ Куча въ Кашгаръ) и Sulê (Kashgar), поднялся на Цунлинъ и слѣдовалъ чрезъ долину Pomi (Pamir) въ Шигнанъ, гдѣ онъ раздѣлилъ свои войска и проникъ въ Balti тремя проходами (р. 530). У Паркера, тоже не означившаго источника, сказано, что Гао Сянь-чжи, оставивъ Кашгаръ, перешелъ чрезъ Луковыя горы, пересѣкъ долину Po-mi-lo и остановился лагеремъ на рѣкѣ De-le-man, находящейся во владѣніи пяти Шикини (Cont. R., 1897, Dec., p. 870). «Балти», конечно, есть собственное предположеніе Bushell'я, въ подлинникѣ же, вѣроятно, значится М. Болюй. Во всякомъ случаѣ, идущее съ Памира войско, раздѣлившееся на три отряда, чтобы пройти тремя проходами, т.-е. вѣроятно чрезъ Яссинъ, долину Карумбера и Канджутъ, должно было соединиться около Гилгита. Значеніе захвата моста показываетъ, что М. Болюй не Балтистанъ, а Гилгитъ, потому что доступъ къ Рондо, Скардо и другимъ мѣстамъ Балтистана не можетъ быть прекращенъ для врага съ В. посредствомъ завладѣнія какимъ-нибудь мостомъ, такъ какъ къ городамъ этимъ ведутъ вездѣ нѣсколько дорогъ, не находящихся въ

зависимости отъ переправъ или такихъ, для движенія по которымъ можно пользоваться многими переправами.

Имя резиденціи владѣтеля М. Болюя Ѣдо или Нѣто (у Паркера, всегда, хотя и безъ малѣйшихъ успѣховъ, пытающагося опредѣлить истинное древнее произношеніе именъ въ китайскихъ извѣстіяхъ при помощи нынѣшнихъ кантонскаго и другихъ южныхъ китайскихъ діалектовъ, Gerta или Niarta) есть несомнѣнно тибетское, какъ Рондо, Скардо въ Балтистанѣ и какъ имена городовъ и областей въ Тибетѣ Джіякундо, Чамдо, Амдо, Камдо и т. д. [1]) Изъ этого однако не слѣдуетъ непремѣнно, что населеніе М. Болюя было тибетское. Тибетское имя столицы резиденціи могло быть результатомъ тибетскаго вліянія, особенно усилившагося между 736 747 гг., когда владѣтель женился на тибетской царевнѣ и поддался Тибету; можетъ быть, въ это время устроена новая резиденція, на новомъ мѣстѣ, съ новымъ тибетскимъ именемъ. Возможно, что эта новая столица находилась не на мѣстѣ нынѣшняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древняго Гилгита, а въ долинѣ Сай, которая, во-первыхъ, болѣе Гилгита подходитъ къ разстоянію столицы М. Болюя отъ Кашмира, и, во-вторыхъ, именемъ своимъ близка къ Сои, рѣкѣ, на которой лежала столица; такъ какъ рѣчка долины Сай небольшая и, конечно, не на ней находился мостъ, овладѣніе которымъ лишило тибетскія войска возможности своевременно подать помощь владѣтелю М. Болюя, то можно предполагать, что имя Сай распространялось на всю окрестную мѣстность и на самую рѣку Индъ и близъ лежащую р. Гилгитъ. Всѣ эти, не отличающіяся простотою, но невѣроятныя, предположенія кажутся мнѣ необходимыми, дабы текстъ «Танъ-шу» соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ географическимъ условіямъ. Въ одномъ однако пунктѣ невозможно обойтись безъ допущенія въ этомъ текстѣ описки или ошибки: я имѣю въ виду нахожденіе г. Габуло на З. отъ резиденціи М. Болюя. Габуло по сходству имени и положенію на горѣ справедливо признается за Капалу [2]), но по разстояніямъ и оріентаціи столица М. Болюя никакъ не могла лежать на В. отъ Капалу, будь это

---

[1]) Утверждая, что имя г. Да-цзянь-лу есть китайская передѣлка мѣстнаго названія Даръ-чжэ-до, Рокхилль выяснилъ, что „до“ по-тибетски значитъ „сліяніе“: приведенное имя значитъ сліяніе (рѣкъ) Даръ и Чжэ („Въ страну ламъ. Путеш. по Китаю и Тибету В. Рокхилля“, С.-Пб., 1901 г., стр. 171). Но есть еще тибетское слово m'to, которое произносится t'o и означаетъ „высокій, возвышенный“ (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. Paris, 1898, partie 3, p. 393).

[2]) По описанію Виня, оазисъ Копалу занимаетъ площадь около 2 или 3 миль протяженія на лѣвомъ возвышенномъ берегу Шайока; изъ зелени посѣвовъ и плодовыхъ деревьевъ замѣтно выдѣляется крѣпостца, занимающая скалу, которая поднимается надъ рѣкою болѣе чѣмъ на 1 т. футовъ. Khopalu значитъ the place of the rock (Travels in Kashmir etc., by G. T. Vigne, London, 1842, vol. 2, p. 317). По Найту, Капалу служилъ резиденціею наслѣдственныхъ раджей, потомки которыхъ и теперь въ немъ проживаютъ, пользуясь почетомъ отъ населенія, хотя лишены всякой власти подъ кашмирскимъ управленіемъ („Сборн.... по Азіи“, 54, стр. 86).

Скардо, Рондо или Гилгитъ, а потому неизбѣжно предполагать въ „Танъ-шу» ошибку или описку и вмѣсто отъ Ѣдо «на западѣ» читать «на востокѣ».

Изъ 10-вѣкового промежутка между китайскими свѣдѣніями VIII и XVIII вв. имѣются о странахъ между Хиндукушемъ извѣстія двухъ мусульманскихъ писателей. Въ своемъ сочиненіи объ Индіи Абу-Риханъ Аль-Бируни говоритъ, что земли на З. отъ Кашмира «принадлежатъ многимъ царямъ, ближайшій изъ которыхъ есть Belour—schah. Далѣе слѣдуютъ Шакнанъ-шахъ, Ваханъ-шахъ (такъ исправляетъ переводчикъ Reinaud значащееся въ подлинникѣ «Духанъ-шахъ») до границъ Бадахшана. Земли же съ С. и отчасти съ В. принадлежатъ тюркамъ, сдѣлавшимся властителями Хотена и Тибета». По его же свѣдѣніямъ, «Индъ беретъ начало въ горахъ Оннанакъ [1]), на границахъ стороны тюрковъ. Когда пройдешь ущелье, образующее входъ, и проникнешь въ долину (la campagne) [2]), то налѣво будешь имѣть горы Белура и Шемилана [3]): въ двухъ дняхъ разстоянія находятся тюрки, именуемые бхатауарійскими (Bhataouaryan), которыхъ царь носитъ титулъ Бхатъ-шаха (Bhat-chah). Страны, которыя эти тюрки занимаютъ, именуются Гилгитъ, Асурахъ и Шалтасъ. Языкъ ихъ тюркскій. Жители Кашмира много терпятъ отъ ихъ вторженій» (Journ. asiat., 1844, t. IV, pp. 257, 259, 260) [4]). При пользованіи этими свѣдѣніями Аль-Бируни необходимо имѣть въ виду, что самъ Аль-Бируни въ Кашмирѣ и въ упомянутыхъ странахъ не былъ и основывается на чужихъ сообщеніяхъ, можетъ быть изъ десятыхъ рукъ, а потому точности извѣстій ожидать нельзя, тѣмъ болѣе, что арабскіе географы вообще имѣли смутныя представленія о Тибетѣ и тибетцахъ, смѣшивая тибетцевъ съ тюрками. До Ибнъ-аль-Асиру, завоеваніе Хотана и утвержденіе въ немъ ислама совершено Кадыръ-ханомъ (В. В. Бартольдъ,

---

[1]) По мнѣнію Рено, это гора Нанга-Парва. Въ новѣйшее время вмѣсто Нанга-Парва встрѣчается у путешественниковъ и на картахъ Нанга-Парбатъ.

[2]) Рено думалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о долинѣ Кашмира. Цитируемое находится дѣйствительно въ описаніи Кашмира и выше говорится, между прочимъ, о входѣ (entrée) въ страну Кашмира чрезъ селеніе „Баберханъ, на одинаковомъ разстояніи между Индомъ и Джилюмомъ. Отъ этого селенія до моста, построеннаго у устья (au confluent) рѣкъ Косари и Нахри, текущихъ изъ горъ Шемиланъ и впадающихъ въ Джилюмъ, восемь фарсанговъ. Другимъ входомъ (въ страну Кашмира) служитъ ущелье, которымъ выходятъ воды Джилюма“ (p. 258) изъ Кашмира въ долину Инда.

[3]) Изъ приведенной въ предшествующемъ примѣчаніи цитаты можно заключить, что горами Шемиланъ названы, повидимому, горы, лежащія между рр. Джилюмомъ и Индомъ.

[4]) Биддельфъ цитируетъ изъ Elliot's Ancient Historians of India англійскій переводъ того же мѣста Аль-Бируни въ нѣсколько иномъ видѣ, вѣроятно въ зависимости отъ другой рукописи: „Въ два дня пути вы прибываете въ другую часть Туркестана, гдѣ обитаютъ Бхотіи и дайяны (the Bhotyas and Dyan). Ихъ царь именуется Bhot Shah и города ихъ Gilgit, Asurah (Hasora или Astor), Salsas (Chilas), языкъ же ихъ тюркскій. Жители Кашмира сильно страдаютъ отъ ихъ вторженій и грабежей“. Въ другомъ мѣстѣ они наименованы Bhotyawari Turks (Tribes of the Hindoo koosh, by Major I. Biddulph, Political Officer at Gilgit, Calcutta, 1880, p. 160).

«Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. 2, стр. 296); есть монеты, чеканенныя въ 1013 г. въ Яркендѣ и въ 1014 г. въ Кашгарѣ съ именемъ Кандыръ-хана Юсуфа (тамъ же); Кадыръ-ханъ, по Ибнъ-аль-Асиру, умеръ въ 1032 г. (тамъ же, стр. 311); изъ «Исторіи дин. Сунъ» извѣстно, что въ ряду посольствъ изъ Хотана, прибывшій въ 971 г. буддійскій монахъ привезъ письмо отъ своего государя съ предложеніемъ прислать императору въ даръ слона, обученнаго въ пляскѣ, которымъ хотанцы овладѣли, воюя съ Кашгаромъ; первое послѣ того посольство прибыло въ Китай лишь въ 1009 г. и во главѣ его стоялъ не хотанецъ, а хой-ху; слѣдующее посольство явилось въ 1025 г., за нимъ слѣдовало посольство въ 1063 г., съ 1068 г. посольства участились (В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 261). Въ виду этихъ данныхъ и принимая въ соображеніе, что Утби уже въ разсказѣ о войнѣ караханидовъ съ газневидомъ Махмудомъ 1007—8 гг. называетъ Кадыръ-хана владѣтелемъ Хотана (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 296), слѣдуетъ полагать, что завоеваніе Хотана совершилось между 971 и 1007 г., вѣроятно до первой попытки, произведенной караханидскимъ Богра-ханомъ въ 992 г., овладѣть царствомъ саманидовъ (тамъ же, стр. 271), такъ какъ едва ли караханиды затѣяли бы послѣднее предпріятіе, требовавшее употребленія всѣхъ ихъ силъ, ранѣе окончанія войнъ съ Хотаномъ и его покоренія. Такимъ образомъ въ то время, когда писалъ Аль-Бируни (около 1030 г.), тюрки дѣйствительно властвовали въ Хотанѣ, но Тибетъ добавленъ имъ лишь потому, что вслѣдствіе единовѣрія (буддизмъ) съ тибетцами и вѣроятной помощи, которую хотанцы должны были искать (а быть можетъ, и получали) отъ сосѣднихъ тибетскихъ племенъ въ борьбѣ за вѣру и независимость противъ мусульманъ-караханидовъ, предшествовавшіе и современные мусульманскіе писатели смѣшивали Хотанъ съ Тибетомъ. Тѣ же писатели часто считали тибетцевъ однимъ изъ племенъ тюркскихъ. Этимъ и объясняется, что Аль-Бируни называетъ бат'овъ, видимо бот'овъ, тибетцевъ, тюрками, заставляя ихъ и говорить по-тюркски. Завоевать Гилгитъ, Асторъ и Чиласъ караханиды, конечно, имѣли возможность, тѣмъ болѣе, что Ладакъ (и вѣроятно, Балтистанъ) раздѣленъ былъ въ это время на нѣсколько небольшихъ царствъ (Em. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, S. 813), но трудно было бы удержать владычество надъ этими отдаленными отъ Кашгаріи землями, сообщенія съ которыми весьма затруднительны.

Болѣе точныя и обильныя свѣдѣнія объ интересующихъ насъ здѣсь странахъ даетъ авторъ «Тарихи-Рашиди», лично съ ними знакомый, хотя и его сообщенія далеки отъ желательной полноты. По словамъ Мохаммедъ-Хайдера, Белуристанъ граничитъ на В. съ областями Кашгара и Яркенда, на С. съ Бадахшаномъ, на З. съ Кабуломъ и Лемганомъ, на Ю. съ землями, подвластными Кашмиру; весь онъ состоитъ изъ горъ, долинъ и

ущелій, такъ что на пространствѣ всего Белуристана не встрѣчается ровной площади протяженіемъ даже въ одинъ фарсахъ (6—8 вер.); состоящее изъ «невѣрныхъ», не имѣющихъ никакой религіи, населеніе многочисленно, но ни одна деревня не живетъ въ мирѣ съ сосѣдними и всѣ находятся въ постоянной враждѣ и войнахъ другъ съ другомъ; жители каждой долины говорятъ на особыхъ языкахъ; скота имѣютъ мало по недостатку пастбищъ, но фруктовъ большое обиліе. Мохаммедъ-Хайдеръ принималъ участіе въ совершенномъ въ 935 г. х. (1528—9 по Р. Х.) въ эту страну тогдашнимъ владѣтелемъ Кашгаріи Султанъ-Саидъ-ханомъ грабительскомъ походѣ и говоритъ между прочимъ: «Мы провели всю зиму въ Белуристанѣ и одержали верхъ въ нѣсколькихъ кровавыхъ бояхъ. Весною мы возвратились благополучно (въ Кашгарію)...; по прибытіи въ Сарыгъ-Чупанъ (Ваханъ) выдѣлена была изъ добычи пятая часть (въ казну Султанъ-Саидъ-хана) и составила болѣе тысячи вьюковъ»(The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat,... an English version, edited... by N. Elias; the translation by E. Denison Ross, London, 1895, p. p. 384—386). Въ описаніи Кашгаріи сказано о долинѣ р. Шахпаза (Гезъ), что по ней идетъ дорога въ Бадахшанъ (p. 396), а потому можно думать, что походъ въ Белуристанъ совершенъ былъ чрезъ долину Геза, Памиръ и Ваханъ. Въ указаніи границъ Белуристана пропущенъ Балтистанъ, но этотъ пропускъ можетъ быть пополненъ изъ описанія границъ Тибета, въ составъ котораго входилъ весь Балтистанъ: «его (Тибета) граница со стороны С.-З. прилегаетъ къ Белуристану» (p. 404). Такимъ образомъ, судя по границамъ, Белуристанъ заключалъ въ себѣ весь бассейнъ Гилгитской рѣки, Читралъ съ Мастужемъ и Кафиристанъ. Западную часть Тибета, въ завоеваніи которой Мохаммедъ-Хайдеръ принималъ въ 1532—1534 г.г. участіе, составляла страна Балти, дѣлившаяся на округа: Пурикъ, Khapula, Ashigar (Шигаръ), Askardu (Скардо), Runk (Рондо?) и Ладакъ (p. 410). Крѣпость Шигаръ названа «столицею Балти» (p. 422). По словамъ Мохаммедъ-Хайдера, «Бадахшанъ находится на З. отъ Яркенда, отдѣляясь отъ него тѣми самыми горами, которыя принимаютъ имя Памира. По проходѣ чрезъ Памиръ встрѣчаются мѣстности, гдѣ нѣкоторыя изъ Яркендскихъ горъ сходятся съ Белуромъ, каковы мѣстности Раскемъ и Тагдынбашъ. Слѣдуя далѣе, вступаютъ въ земли Тибета... Тотъ же самый хребетъ простирается между Яркендомъ и Кашмиромъ и называется здѣсь Балти; эта область принадлежитъ къ Тибету... Ширина Балти—20 дней пути. При подъемѣ изъ Яркенда идутъ чрезъ проходъ (pass) Санджу; на спускѣ же въ сторону Кашмира находится проходъ Аскарду. Отъ прохода Санджу до прохода Аскарду 20 дней пути» (p. 405 [1]). По замѣчанію Мохаммедъ-Хайдера, мусульманскіе эмиры и

[1]) Издатель англ. перевода „Тарихи-Рашиди“ N. Elias признаетъ этотъ проходъ (pass) находившимся на дорогѣ чрезъ Мустагъ. Я сомнѣваюсь въ этомъ и думаю, что проходъ этотъ или перевалъ лежалъ на пути черезъ Каракорумъ,

прежде нерѣдко грабили и нападали на эту страну, но утвержденіе ислама не было достигнуто, такъ какъ оставалось въ Тибетѣ множество невѣрныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ эмиры успѣвали подчинить (р. 403). Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ эмировъ или полководцевъ владѣвшаго Кашгаріей предъ Султанъ-Саидъ-ханомъ Аба-Бекра, который въ концѣ XV в. посылалъ свои войска въ Тибетъ и Белуръ для грабежей, страшно опустошилъ эти страны и заставилъ платить себѣ подати (р. р. 253, 254, 320 и др.). Конечно, Султанъ-Саидъ-ханъ предпринялъ свой походъ съ тѣми же цѣлями. Ограбивъ и подчинивъ, съ обложеніемъ податьми Балтистанъ и Ладакъ, Султанъ-Саидъ-ханъ послалъ Мохаммедъ-Хайдера съ однимъ изъ своихъ сыновей на Кашмиръ, но возвращеніи же оттуда отправилъ его на Урсенгъ (Ursang), вѣроятно Лхасу; за изнуреніемъ лошадей отъ недостатка корма, Мохаммедъ-Хайдеръ долженъ былъ возвратиться назадъ, не достигнувъ Урсенга, до котораго оставалось лишь 8 дней пути; между тѣмъ Султанъ-Саидъ-ханъ умеръ отъ горной болѣзни, преемникъ же его Рашидъ прислалъ приказъ о возвращеніи войскъ въ Кашгарію (р. р. 410, 411, 437 и слѣд., 450–455) [1]).

Сообразно вышеизложенному, Болу китайскихъ извѣстій V в., Болуло Сонъ Юня и Хой Сена VI стол. и Сюань Цзана VII в. а также М. Болюй «Танъ-

---

а не черезъ Мустагъ, ибо передній свой путь въ Балтистанъ Мухаммедъ-Хайдеръ держалъ черезъ Каракорумъ, такъ какъ первою тибетскою областью, которой онъ достигъ, была Нубра (р. 417); правда, первыя военныя дѣйствія, въ которыхъ принялъ участіе самъ Султанъ-Саидъ-ханъ, были направлены на Шигаръ (р. 422), но и онъ, быть можетъ, двигался чрезъ Каракорумъ и Нубру, а затѣмъ правымъ берегомъ Шайока. Умеръ Султанъ-Саидъ-ханъ, при возвращеніи въ Кашгарію, на томъ же пути, не доходя немного перевала Каракорумъ, въ урочищѣ, называемомъ съ того времени Даулетъ-бекъ-ульды; могила предшествовавшаго владѣтеля Кашгаріи Аба-Бекра также указывается путешественникамъ на Каракорумской дорогѣ, около становища Али-назаръ, гдѣ онъ былъ убитъ при возвращеніи изъ Ладака, куда бѣжалъ онъ послѣ потери Кашгаріи, думая найти убѣжище въ подчиненномъ Балтистанѣ, но не встрѣтивъ благопріятнаго пріема (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, par Grenard, partie I, Paris, 1897, p. p. 137, 142). Что Султанъ-Саидъ-ханъ слѣдовалъ чрезъ Нубра на пути своемъ въ Балтистанъ, это видно изъ перевода относящейся сюда части „Тарихи-Рашиди“, сдѣланнаго маіоромъ Раверти (Journal of As. Soc. Bengal, vol. 64, Part I, 1895, p. 101).

[1]) По обращающейся въ Ладакѣ „Генеалогіи царей Тибета“, изданной и переведенной Эмилемъ Шлагинтвейтомъ, при 16-мъ царѣ ладакской династіи (основанной въ первой полов инѣ X в. потомкомъ туфаньскаго дома), когда совершилось новое раздѣленіе Ладака на мелкія царства (въ серединѣ XIV в., по мнѣнію переводчика), въ первый разъ упоминается Ле, нынѣшняя столица. При одномъ изъ позднѣйшихъ царей, мусульмане, завоевавшіе сосѣднее царство, подчинили и Ладакъ, управленіе которымъ они поручили одному изъ мѣстныхъ царей, согласившемуся платить имъ подать; однако цари всѣхъ частей Ладака присоединились къ царю Bha-gan, „нижней области“, и изгнали ставленника мусульманъ, послѣ чего царь „нижней области“ сдѣлался властителемъ всего Ладака. Наибольшаго процвѣтанія Ладакъ достигалъ въ серединѣ XVI в., когда поддерживались дружественныя сношенія съ Лхасою, возстановлена была цитадель въ Ле и поражены тюрки, дѣлавшіе вторженія съ С. (Die Könige von Tibet, von Shlagintweit, въ Abhandl. der Philos.—philolog. Classe der K. Bauer. Akad. der Wiss., B. X., 1864, S. 814; другой переводъ части, относящейся къ царямъ Ладака, въ

шу» VIII стол., отчасти Белуръ XI в. Аль-Бируни,—въ эпоху котораго Гилгитъ находился, повидимому, во временномъ обладаніи тибетскаго или балтистанскаго князя, властвовавшаго также въ Асторѣ и Чиласѣ,—Белуръ и Белуристанъ Мохаммедъ-Хайдера XVI в. и, наконецъ, Болоръ у китайцевъ XVIII стол. оказываются бассейномъ Гилгитской рѣки съ Читраломъ, Мастуджемъ и даже, у Мохаммедъ-Хайдера, съ Кафиристаномъ. Но почему, въ такомъ случаѣ, „Танъ-шу“ называла Балтистанъ Б. Болюемъ? Почему «въ Гилгитѣ, Хунзѣ, Нагерѣ и всѣхъ долинахъ на З. названія Скардо почти не знаютъ и страна называется Palor, Balors или Balornts»? (Tribes of the Hindoo koosh, p. 146). Съ другой стороны, по Шау, кара-киргизы именемъ Болоръ называютъ Читралъ, что Биддельфъ объясняетъ тѣмъ, что «Читралъ, будучи большою дорогою отъ Верхняго Оксуса въ Пенджабъ, по необходимости былъ лучше остальныхъ странъ на Ю. отъ Гиндукуша извѣстенъ обитателямъ сѣвернаго склона этого хребта, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что именемъ страны чужестранцы и путешественники называли только то, что составляло часть ея» («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 195). По сдѣланному нами вопросу надо принять въ соображеніе, что д-ръ Лейтнеръ, спеціально собиравшій свѣдѣнія о дардахъ, какъ наименовалъ онъ арійскія племена бассейна верхняго Инда, сообщалъ Паркеру, что дарды и понынѣ употребляютъ для балтіевъ, въ качествѣ общаго для нихъ имени, терминъ Pololê (Contemp. Review, 1897, Dec., p. 870 [1]). Въ то же время, по завѣренію Биддельфа, балти обитателей Гилгита, Астора и пр. называютъ блоиль (Bloyil), и въ Скардо и Рондо сохранилось преданіе, по которому прежніе жители Балтистана были блоиль, и когда предокъ династіи Макпоновъ, правившихъ до подчиненія Кашмиру въ XIX в. въ Скардо, Рондо, Асторѣ и пр., Ибрагимъ-шахъ явился въ Балтистанъ (около XIII в.), то страною управляли правители изъ блоилей, но тибетцы уже начали въ ней селиться («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 64). Такъ какъ мало вѣроятно, чтобы китайцы присвоили Балтистану названіе Б. Болюя, не имѣя къ тому основанія въ существованіи подобнаго мѣстнаго имени страны или народа, то разрѣшеніе поставленнаго вопроса слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать въ томъ, что такое мѣстное названіе для совокупности Балтистана и страны между Индомъ и Хиндукушемъ дѣйствительно существовало. Такимъ именемъ является Блоиль, Бололе, Болоръ:

Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, vol. LX, 1891, p. 124). Въ срединѣ XVI в., съ 1533 по 1566 г., въ Кашгаріи властвовалъ Султанъ-Рашидъ-ханъ; можетъ быть, онъ дѣйствительно пытался возстановить свою власть въ Ладакѣ, завоеванномъ его отцомъ Султанъ-Саидъ-ханомъ, но утерянномъ послѣ отозванія войскъ въ 1533 г.

[1]) По Кеннингэму, дарды называютъ балтіевъ Palolo (The Ancient Geography of India, by A. Cunningham, London, 1871 p. 84); онъ признаетъ Baltistan за Po-lu-lo Сюнь Цзана и за Bolor (тамъ же, p. 83). По д-ру Лейтнеру, чиласцы зовутъ балтіевъ Paloye, а гилгитцы Polôle (Imp. and Asiatic Quarterly Review, 1893, January, p. 170).

близость именъ Блоиль и Бололе, Бололо достаточно очевидна, Болоръ же находится къ Бололо въ такомъ же отношеніи, какъ Читралъ къ Читлалъ, и объяснено можетъ быть сходнымъ образомъ, именно жители Читрала «всегда вмѣсто Читралъ произносятъ и пишутъ Читраръ или Читлалъ; это, какъ кажется, происходитъ отъ странной неспособности отличать буквы р и л», чему достаточно и другихъ примѣровъ («Народы, насал. Гинду-кушъ», стр. 82). Блоиль и Бололе есть имя населенія, а потому это, всего вѣроятнѣе, должно быть имя племени или народности. Но, съ другой стороны, Болу, Бололо, Болоръ употребляются у китайцевъ въ качествѣ имени страны, какъ Белуръ, Белуристанъ у Мохаммедъ-Хайдера, Белоръ у Марка Поло, Белуръ у Бакуи.

По словамъ Марко Поло, если (отъ долины Pamier) направитъ путь на В.-С.-В., то приходится двигаться добрыхъ 40 дней, проходя чрезъ горы и холмы или долины и пересѣкая рѣки и пустынныя мѣстности; и на всемъ этомъ пути нѣтъ ни человѣческихъ жилищъ, ни какой-либо зелени, такъ что надо везти съ собою все, что необходимо (путешественникамъ и животнымъ при нихъ). Страна эта—Болоръ (по инымъ рукописямъ Белоръ). Населеніе живетъ выше въ горахъ и состоитъ изъ дикарей—идолопоклонниковъ, которые питаются звѣроловствомъ и носятъ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ. Очень дурные это люди (The Book of Ser Marco Polo, by colon. H. Yule, Second edit., Lond., 1875, vol. 2, p. 181, а также Le livre de Marc Polo, publié par G. Pauthier, Paris, 1865, p. p. 131—134). Немедленно вслѣдъ за этимъ помѣщено описаніе Кашгара, изъ чего обыкновенно заключаютъ, что Марко Поло называетъ Болоромъ страну между долиною Памира и Кашгаромъ, куда отъ нея и лежалъ его путь. Юль не нашелъ,—для объясненія приведеннаго мѣста Марко Поло,—сказать ничего другого кромѣ того, что, приведя часть свѣдѣній о Malaur (т. е. Белурѣ) «Тарихи-Рашиди», по одному изъ прежнихъ переводовъ, и выведя изъ нихъ, что Болоръ Мохаммедъ-Хайдера могъ содержать въ себѣ Сарыколъ и всю пустынную страну между долиною Памира и Кашгаромъ, а также Балтистанъ, Гилгитъ, Яссинъ, Читралъ, и можетъ быть, Кафиристанъ, заключилъ: «Это даетъ намъ возможность понять употребленіе этого термина Маркомъ Поло» (p. 188); сообразно этому, на картѣ путешествія М. Поло Юль помѣстилъ Болоръ на пространствѣ отъ Кафиристана и Балтистана до перевала Чичикликъ въ Кашгарскомъ хребтѣ. Но на самомъ дѣлѣ Белуръ или Белуристанъ Мохаммедъ-Хайдера, согласно новѣйшему и точнѣйшему переводу Д. Росса, находясь на Ю. отъ Бадахшана, обнимаетъ лишь Хиндукушъ и его южные склоны въ предѣлахъ Кафиристана, Читрала, Яссина и Гилгита съ Хунзою и Нагеромъ, и въ него не входятъ ни Памиръ, ни Сарыколъ и страна отъ него и Памира къ Кашгару, а также и Балтистанъ; хотя по Мохаммедъ-Хайдеру горы Балтистана составляютъ продолженіе Белура (Хиндукуша), отроги котораго

сходятся съ отрогами Яркендскихъ горъ въ Раскемѣ и Тагдынбашѣ, Белуру эти горы уже не принадлежатъ и отнесены имъ къ горамъ Балтистана. Что касается Марко Поло, то, по точному смыслу его описанія, Болоръ или Белуръ простирается отъ долины Памирской на В.-С.-В., т. е. дѣйствительно въ направленіи Кашгара, на 40 большихъ дней пути, слѣдовательно, полагая на день только 20 в., не менѣе 800 в., но такое разстояніе увело бы путешественника не менѣе, какъ вдвое далѣе Кашгара, потому что отъ Б. или М. Памира до Кашгара не болѣе 400 в. Затѣмъ ближайшее къ пути между долиною Памира и Кашгаромъ населеніе могло состоять лишь изъ кочевниковъ, питающихся преимущественно скотоводствомъ и лишь отчасти занимающихся звѣроловствомъ, какъ это было въ ханьскія времена и продолжается нынѣ, и изъ земледѣльцевъ на Тагдынбашѣ и Тагармѣ, но во всякомъ случаѣ тѣ и другіе весьма мало походятъ на тѣхъ дикарей-звѣролововъ, которыхъ описываетъ Марко Поло; не могло также это населеніе обитать въ горахъ выше Памирской долины, потому что этого не дозволили бы климатическія условія, мало отличавшіяся отъ нынѣшнихъ. Марко Поло сообщилъ въ XIII в. такую массу вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, оказавшихся вообще вѣрными и точными, что заслуги его останутся великими, если и признать, что въ нѣкоторыхъ, немногихъ, случаяхъ онъ впадалъ въ ошибки, смѣшивая, напр., лично видѣнное съ слышаннымъ и т. п. Въ данномъ случаѣ, проѣзжая изъ Бадахшана черезъ Ваханъ и Памиръ въ Кашгаръ, оно, конечно, слышалъ объ оставшейся въ сторонѣ отъ его пути на югѣ странѣ Болоръ, населеніе которой изображено было разсказчиками болѣе дикимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, и ошибочно заставилъ его обитать между Памиромъ и Кашгаромъ, присвоивъ этой странѣ имя Болора [1]).

Въ географическомъ сочиненіи Бакуи, писателя начала XV в., есть нѣсколько строкъ о странѣ Белуръ, которая сосѣдитъ съ Кашмиромъ и въ которой есть одна мѣстность, гдѣ дождь и снѣгъ не прекращаются въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ года, такъ что все это время не видно солнечнаго диска (Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi, Paris, 1789, t. 2, p. 475). Такой мѣстности на южныхъ склонахъ Хиндукуша пока, сколько извѣстно, не обнаружено, но въ горахъ верховьевъ Тизнафа и въ Керійскихъ горахъ, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ (Пржевальскій, Громбчевскій, Гренаръ) въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ идутъ иногда непрерывные почти дожди. Можетъ быть, до Бакуи дошли слухи о чемъ-нибудь подобномъ, перенесенные на Белуръ.

Приписывая ошибочно Бакуи (Extraits etc., t. II, p. 472, куда сдѣлана ссылка, ничего подобнаго нѣтъ) свѣдѣніе о томъ, что горы Болоръ

---

[1]) Подобное мнѣніе о толкованіи текста М. Поло было уже высказано В. В. Григорьевымъ („Вост. Туркестанъ“, вып. I, Спб., 1869 г., стр. 501).

получили свое имя Berour на персидскомъ и тюркскомъ языкахъ отъ тамошнихъ горныхъ кристалловъ рѣдкой красоты (L' Asie Centrale etc., Paris, 1843, t. 2, p. 369), А. фонъ Хумбольдтъ привелъ затѣмъ изъ Tableaux historiques de l' Asie (p. p. XVII et 142) утвержденіе Клапрота о томъ, что владѣніе Пу-ло-ло оставалось независимымъ и послѣ средины VIII в. вплоть до XIII стол., «сохраняя свои границы на Ю.-З. отъ истоковъ Джихуна» (Asie Centrale, II, p. 370). Добыча въ Читралѣ горнаго хрусталя для вывоза въ Китай существуетъ или существовала еще недавно, и производство названія страны Белуръ или Белуристанъ отъ имени горнаго хрусталя на персидскомъ языкѣ практикуется въ народныхъ, ненаучныхъ этимологическихъ догадкахъ (см. „Кабулистанъ и Кафиристанъ" В. В. Григорьева, Спб., 1867 г., стр. 505, 503 и 630, а также его же „Вост. или Кит. Туркестанъ", 1869 г., вып. I, стр. 244 и 502), но отсюда еще не слѣдуетъ, что имя Болоръ дѣйствительно происходитъ отъ персидскаго слова *белуръ*, горный хрусталь, а не принадлежитъ языку аборигеновъ или одного изъ древне-обитавшихъ въ странѣ народовъ. Что же касается до существованія владѣнія Болуло въ прежнихъ границахъ и въ независимости до XIII в., то это мнѣніе Клапорта есть не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее, сколько мнѣ извѣстно, фактическихъ основаній, за исключеніемъ выше приведеннаго и относящагося лишь къ началу XI в. упоминанія Аль-Бируни о Белуръ-шахѣ въ числѣ царей земель на западѣ отъ Кашмира.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 3-й. Кн. IX.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

3) Этническія отношенія въ странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ юга.

А. Мнѣнія главныхъ изслѣдователей по этому предмету.

На основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ (Кеннингэма, Шау, Дрью и др.) и личнаго изученія языковъ, нравовъ и обычаевъ народностей Хиндукуша, бывшій членомъ посольства Форсайта въ Кашгарію и состоявшій потомъ британскимъ политическимъ агентомъ въ Гилгитѣ маіоръ Биддельфъ предложилъ, преимущественно по лингвистическимъ признакамъ, раздѣленіе народностей Хиндукуша на четыре группы: 1) иранскую, именуемую сосѣдями галча и состоящую изъ осѣдлаго населенія Сарыкола, Вахана, Шугнана, Мунджана, Санглича, Ишкашима и сѣверной части долины Лудхо (бассейна р. Камы или Читральской); къ этой же группѣ полагалъ онъ принадлежащимъ горское населеніе Дарваза, Каратегина и Хиссара; 2) индо-арійскую, состоящую изъ шиновъ и разныхъ другихъ мелкихъ племенъ или кастъ, языки которыхъ происходятъ отъ санскритскаго и которыя заселяютъ долину Инда отъ Бунджи до Горбенда, а также нижнія части долинъ бассейна Гилгитской рѣки; 3) промежуточную между двумя первыми группу изъ заселяющаго Читралъ племени хо и изъ занимающихъ Кафиристанъ племенъ сіяхъ-пушей; 4) не-арійскую группу, представляемую іешкунами (Ueshkuns) или буришами («Народы, насел. Гиндукушъ», стр. 209—211). Вообще іешкуны обитаютъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и обществахъ, какъ и шины, но преобладаютъ надъ шинами по численности въ наиболѣе труднодоступныхъ верхнихъ долинахъ Гилгит-

---

[1]) См. „Рус. Антр. Журн.“, 1901 г., кн. VII—VIII.

скаго бассейна. Такъ, въ Хунзѣ шины составляютъ лишь 5% общей цифры населенія, не считая кашмирцевъ и другихъ недавнихъ переселенцевъ, а іешкуны 80%, въ Нагерѣ 20% и 60%, въ долинѣ Сай 30% и 65%, въ Гилгитѣ 35% и 55%; въ большей части общинъ по Инду шины преобладаютъ, но зато въ Яссинѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ (стр. 45). Шины женятся на дочеряхъ іешкуновъ, но не даютъ за нихъ своихъ; опредѣленнаго типа они не представляютъ, но Биддельфу кажутся характернымъ типомъ расы шиновъ «небольшіе, худощавые люди, съ тонкими и рѣзкими чертами лица, выдающимися носами и узкими подбородками»; малорослость этого типа онъ объясняетъ, какъ «продуктъ длиннаго періода заключенія браковъ въ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленныхъ кастъ» (стр. 48). Наиболѣе рѣзкая отличительная черта шиновъ есть отвращеніе ихъ къ коровѣ; хотя мусульмане, они не ѣдятъ скотскаго мяса, не пьютъ коровьяго молока и т. д. (стр. 49). Тогда какъ нарѣчія языка шиновъ мало отличаются другъ отъ друга и отъ языковъ пенджабскаго и индустани, языкъ іешкуновъ «вполнѣ самостоятеленъ и не похожъ ни на одинъ изъ дардскихъ языковъ» (стр. 207). «Основѣ этого языка приписывалось туранское происхожденіе [1]), но, насколько я въ состояніи судить, очень мало или нѣтъ основаній зачислять его въ число языковъ тюркскихъ [2]), и въ немъ есть формы, которыя встрѣчаются только у самыхъ первобытныхъ расъ. Кромѣ того, въ какой-то періодъ, онъ сдѣлалъ широкія позаимствованія изъ какого-то арійскаго языка, принявъ изъ него многія грамматическія формы» (The tribes of Hindoo-Koosh, p. 156). Въ Хунзѣ и Нагерѣ, обладающихъ болѣе холоднымъ климатомъ, буриши имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи; блондины и даже рыжеволосые субъекты не рѣдкость. Буриши Нагера нѣсколько отличаются по типу; многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкими бородами. Эти признаки, вмѣстѣ съ невоинственнымъ характеромъ, указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской (тибетской) крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпонамъ, правителямъ Скардо. Если буриши первоначально и принадлежали туранской расѣ, то они должны были нѣкогда получить настолько значительную прибавку арійской крови, что она поглотила почти вполнѣ всѣ ихъ первобытные признаки («Народы, насел. Гинду-к.», стр. 50 и 51). Придерживаясь гипотезы о прародинѣ арійцевъ въ верховьяхъ Окса, Биддельфъ думалъ, что племена первой изъ установленныхъ имъ группъ (галча) суть потомки оставшихся въ вершинахъ Аму-дарьи арійцевъ, племена же второй и третьей группъ принадлежатъ къ тѣмъ арійцамъ, ко-

---

[1]) The foundation of this language has been identified as of Turanian origin.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Биддельфъ писалъ: It has, I believe, been pronounced on good autority to belong to the Turanian family of languages (p. 38).

торые въ глубокой древности двинулись изъ общей прародины на югъ; изъ нихъ племена хо и сіяхъ-пушей, по переходѣ черезъ Хиндукушъ и вытѣсненіи или уничтоженіи аборигеновъ, заняли горы по южнымъ склонамъ Хиндукуша, племена же шиновъ спустились еще ниже, къ долинамъ Пенджаба. Буриши или іешкуны, по мнѣнію Биддельфа, вѣроятно, суть малые юечжи, завоевавшіе Гандару въ началѣ V в. и имѣвшіе столицею Пишаверъ, «Пурушу»; въ «іешкунъ», можетъ быть, сохранилось имя «юечжи», «буришъ» же соотвѣтствуетъ имени столицы; повидимому, поглотивъ арійскія племена (сіяхъ-пушей), занимавшія страну, они пріобрѣли примѣсь арійской крови, достаточную для измѣненія ихъ типа; къ нимъ, безъ сомнѣнія, относятся вышеприведенныя извѣстія Аль-Бируни о бхотіяхъ, дайанахъ и бхотіавари. Слѣдующими послѣ юечжей-іешкуновъ завоевателями явились,—съ началомъ мусульманскихъ завоеваній въ Индіи или, вѣрнѣе, еще ранѣе,—шины, которые распространились до Ладака, водворяясь въ плодороднѣйшихъ съ наименѣе суровымъ климатомъ мѣстахъ и вытѣсняя іешкуновъ въ болѣе холодные и гористые участки: если бы шины прибыли въ качествѣ переселенцевъ, а не завоевателей, то едва ли бы они успѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ и занять положеніе высшаго класса среди народа, превосходящаго ихъ числомъ (стр. 211—214) [1]). Засимъ важныя этническія измѣненія произведены были движеніемъ тибетцевъ внизъ по Инду, съ утвержденіемъ тибетскаго языка въ населеніи Балтистана: «въ то время здѣсь, безъ сомнѣнія, было смѣшанное населеніе изъ шиновъ и іешкуновъ; эти послѣдніе, при отсутствіи кастовыхъ ограниченій, были, конечно, первые поглощены скрещиваніемъ съ побѣдителями» (стр. 217).

Значительнѣйшую часть приведенныхъ мнѣній Биддельфа я, съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками, признаю правильными, какъ изложено будетъ ниже. Здѣсь же я остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи іешкуновъ отъ юечжей, которую считаю лишенною всякихъ дѣйствительныхъ основаній. Происхожденіе (какъ во многомъ и исторія) юечжей до сихъ поръ удовлетворительно не выяснено. Одни считаютъ ихъ арійцами (гетами, готами и т. д.), другіе—тибетцами, третьи—тюрками. Но котораго бы изъ этихъ мнѣній ни держаться, признанію іешкуновъ за потомковъ юечжей препятствуетъ языкъ іешкуновъ, отнюдь не арійскій, не тибетскій и не тюркскій. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе и оцѣнку единственнаго историческаго извѣстія о завладѣніи юечжійцами около V стол. по Р. Х. землями на югѣ Хиндукуша съ образованіемъ владѣнія Мал. Юечжи, имѣвшаго столицею г. Фуляуша (вѣроятно, Пурушапура, нынѣш-

[1]) W. M. Conway (Climbing and exploration in Karakoram-Himalayas, London, 1894, p. 242) слышалъ въ Нагерѣ отъ мѣстныхъ жителей, что шины находились ужъ въ ихъ странѣ, когда пришли іешкуны изъ Вахана. Но это весьма мало вѣроятно.

ній Пишаверъ), такъ какъ на это потребовалось бы слишкомъ много мѣста (означенное извѣстіе находится въ «Вэй-шу», откуда заимствовано въ «Бэй-шы» и переведено Бичуринымъ на стр. 175 и 172 «Собранія свѣдѣній» и пр., ч. 3). Достаточно указать на то, что предположеніе о томъ, что юечжи, «вѣроятно», «занимали Шигарскую долину, всѣ притоки Инда и долину самой рѣки внизъ до Джалкота», рѣшительно не имѣетъ никакихъ историческихъ основаній и само по себѣ невѣроятно: упомянутое китайское извѣстіе представляетъ юечжей кочевниками-скотоводами, между тѣмъ исчисленныя мѣстности совершенно непригодны для обитанія кочевниковъ-скотоводовъ, а потому трудно допустить, чтобы юечжи въ такихъ мѣстахъ дѣйствительно водворились. Затѣмъ въ именахъ юечжи и іешкунъ нѣтъ ничего сходнаго, происхожденіе же имени буришъ отъ Пурушапура мало вѣроятно.

Къ довольно сходнымъ съ Биддельфомъ заключеніямъ, въ лингвистическомъ отношеніи, пришелъ и проф. Томашекъ въ изданномъ въ томъ же, какъ и книга Биддельфа, 1880 г. трудѣ «Die Pamir-Dialekte» (Centralasiat. Studien, II, Wien, 1880), который, по мнѣнію акад. К. Г. Залемана, «несмотря на излишнюю смѣлость и отчасти неудачность этимологическихъ сопоставленій, еще нынѣ слѣдуетъ признавать за самый полный сводъ нашихъ свѣдѣній въ этой отрасли иранской филологіи» («Восточ. замѣтки», Спб., 1895 г., стр. 271). Изъ памирскихъ, или точнѣе изъ при-памирскихъ, діалектовъ Томашекъ считаетъ мунджанскій ближайшимъ къ языку Авесты, къ бактрійскому, діалектъ сангличи—примыкающимъ къ нему; діалекты ваханскій и близкій къ нему ишкашимскій признаетъ онъ за иранскіе діалекты, значительно отличающіеся отъ новоперсидскаго; діалекты сарыкольскій и шигнанскій являются родственными иранскими нарѣчіями, относящимися другъ къ другу, какъ восточныя и западныя нарѣчія авганскаго языка, съ которымъ они имѣютъ нѣкоторую связь (стр. 6—10). Языкъ населенія Читрала Томашекъ признаетъ за очень оригинальный и древній пракритскій языкъ, отъ котораго башгали, діалектъ ближайшихъ къ Читралу кафировъ, составляетъ переходную ступень къ грубымъ западнымъ кафирскимъ нарѣчіямъ (161—164). Шины, по мнѣнію Томашека, попали въ мѣста, нынѣ ими обитаемыя, съ юга по Инду или вдоль границъ Кашмира, и связи ихъ съ индусами Пенджаба никогда не прекращались (167—168). На іешкуновъ или буришей проф. Томашекъ, излагая въ другомъ замѣчательномъ трудѣ гипотезы свои о древнѣйшихъ размѣщеніяхъ и переселеніяхъ народовъ Сред. Азіи, высказалъ слѣдующій взглядъ: Хиндукушъ, Памирское плато и западная часть Таримской котловины были первоначально обитаемы аборигенами, занимавшими по географическому положенію, по языку и по типу средину между кавказскими и мазендеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетоидными народами Хималая, съ другой; при переселеніи арійцевъ изъ Европы эти аборигены

были поглощены или уцѣлѣли лишь на окраинахъ небольшими частями: нынѣшніе буриши составляютъ единственный остатокъ этого до-арійскаго населенія (Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden, I, въ Sitzungberichte der Wien. Akad. der Wissensch., Philos.-histor. Cl., B. CXVI, 1888, S. 776).

Произведя въ 1881 г. въ Симлѣ, Сринагарѣ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Балтистана антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ народностей, Уйфальви опредѣлилъ средній головной указатель балти въ 72,85, дардовъ въ 73,62 и ладакцевъ въ 77,00 и пришелъ къ заключенію, что балти—отнюдь не тибетская раса, а арійская, находящаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсномъ антропологическомъ родствѣ съ буришами (Aus dem Westlichen Himalaja, von K. E. von Ujfalvy, Leipzig, 1884, S.S. 244, 245, 250, 252). Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-couch» (Paris, 1896), сдѣлавшись послѣдователемъ антропологическихъ теорій Ваше-де-Ляпужа, Уйфальви утверждаетъ, что племена хо (читральцы), сіяхъ-шуши, шины, іешкуны и балти представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ индуса Хиндукуша, которому присвоиваетъ именованіе H. Himalayensis и который является результатомъ смѣшенія «H. Europaeus, нѣкоторыхъ элементовъ H. Arabicus (можетъ быть, также одного изъ гомологовъ H. Mediterranensis) и смуглыхъ аборигеновъ Запад. Хималаевъ»; ладакцы же принадлежатъ къ долихоцефаламъ одной разновидности H. Asiaticus (p. 50) [1]). Эти утвержденія Уйфальви весьма мало и слабо имъ съ антропологической стороны обоснованы, отчасти по недостаточности антропологическихъ измѣреній, которыя онъ произвелъ, отчасти же по неудовлетворительности обработки и пользованія собранными имъ антропологическими данными. Со стороны исторической, хотя для объясненія появленія въ Хиндукушѣ H. Europaeus онъ кстати перешелъ изъ приверженцевъ гипотезы о прародинѣ арійцевъ на верховьяхъ Окса въ ряды послѣдователей теоріи прародины арійцевъ въ Европѣ, но выясненія—какимъ образомъ попалъ въ Хиндукушъ H. Arabicus, совсѣмъ не далъ, а о смуглыхъ аборигенахъ Зап. Хималаевъ не могъ сообщить ни историческихъ, ни антропологическихъ данныхъ. Въ виду всего этого, а также и того обстоятельства, что теоріи и расовая систематика Ваше-де-Ляпужа, не лишенныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интереса, не имѣютъ достаточныхъ фактическихъ основаній, односторонни и во многомъ произвольны, а потому не приняты авторитетными антропологами, я считаю излишнимъ входить въ обсужденіе приведенныхъ мнѣній Уйфальви, тѣмъ

[1]) Уйфальви цитировалъ слѣдующія опредѣленія Ляпужа признаковъ упомянутыхъ расъ: H. Europaeus—высокорослый (около 170 сант.) и долихоцефальный блондинъ, съ головнымъ указателемъ отъ 72 до 78, съ голубыми глазами (p. 453); H. Mediterranensis (или Arabicus)—длинноголовый, довольно малаго роста, au nez busqué ou brisé, брюнетъ (p. 487); H. Asiaticus—долихоцефалъ, съ желтой окраской кожи, черными глазами и волосами и пр. (p. 483).

болѣе, что это заняло бы, безъ необходимости, слишкомъ много времени и мѣста. Остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи балти. Средній ростъ балти опредѣленъ Уйфальви въ 1582 мм. и потому значительнѣе отличаетъ ихъ отъ дардовъ съ среднимъ ростомъ въ 1687 мм., чѣмъ отъ ладакцевъ съ ростомъ въ 1630 мм. Для устраненія этого затрудненія Уйфальви прибѣгъ къ гипотезѣ о происхожденіи балтіевъ отъ арійцевъ-саковъ, занимавшихъ, будто бы, до II в. до Р. Х. Кашгарію и затѣмъ частью вытѣсненныхъ изъ нея юечжійцами; оставшіеся въ Кашгаріи саки слились въ ней впослѣдствіи съ уйгурами, изъ вытѣсненныхъ же часть утвердилась въ Сарыколѣ и Шигнанѣ, другая же часть перешла черезъ перевалъ Каракорумъ, свободный во всякое время года отъ снѣговъ и льдовъ, вторглась въ сѣв.-западную Индію и основала здѣсь въ I в. до Р. Х. царство саковъ; отъ этихъ-то саковъ, смѣшавшихся съ аборигенами, а также съ тибетцами и дардами, и происходятъ балти (р.р. 63, 64, 327), получившіе свою малорослость отъ саковъ, которыхъ Уйфальви надѣляетъ низкимъ ростомъ лишь на томъ основаніи, что такой ростъ «нисколько неудивителенъ для народа наѣздниковъ» (р. 426). Водвореніе саковъ въ Балтистанѣ и происхожденіе отъ нихъ балтіевъ суть собственныя догадки Уйфальви, относительно же обитанія саковъ въ Вост. Туркестанѣ и ихъ иранства онъ ссылается на свидѣтельство китайскихъ лѣтописцевъ о длинныхъ лошадиныхъ лицахъ съ глубоко лежащими въ ихъ орбитахъ глазами и на авторитетъ А. Н. Куропаткина и проф. Томашека (р. 63). «Длинныя лица наподобіе лошадиной морды» пущены въ оборотъ Риттеромъ «отъ себя», какъ выяснено В. В. Григорьевымъ («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. I, 1869 г., стр. 60 и 348), потому что ни въ китайскомъ подлинникѣ, ни въ переводѣ Аб. Ремюза, которымъ пользовался Риттеръ, ничего такого нѣтъ. Въ «Вэй-шу» (откуда повторено въ «Бэй-шы», перев. Бичурина въ «Собр. свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 145) говорится только: «Отъ Гао-чанъ», т.-е. отъ нынѣшняго Турфана, «на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза, высокій носъ; только въ Хотанѣ обликомъ не-походятъ на Туркистанцевъ» (въ подлинникѣ должно быть «ху», т.-е. западныхъ варваровъ), «а болѣе походятъ на китайцевъ». Это извѣстіе принадлежитъ V вѣку послѣ Р. Х., но если и допустить, что населеніе В. Туркестана было и семь вѣковъ ранѣе то же самое, т.-е. имѣло типъ, близкій къ иранскому, то все-таки надо доказать, что оно не состояло изъ перешедшихъ въ Таримскую котловину иранцевъ сосѣднихъ Согдіаны и Бактріаны,—какъ полагать вполнѣ естественно, ибо китайскія извѣстія представляютъ населеніе Таримской котловины осѣдлымъ, живущимъ въ городахъ и селеніяхъ и т. д.,—и что оно, напротивъ, состояло изъ саковъ, которые и классическимъ писателямъ, и китайцамъ извѣстны лишь какъ кочевники. Уйфальви и самъ признаетъ саковъ народомъ наѣздниковъ, т.-е. кочевниками, дабы приписать имъ малый ростъ

и тѣмъ объяснить низкорослость балтіевъ, ихъ, будто бы, потомковъ, забывая, что многіе изъ кочевниковъ, изъ народовъ - наѣздниковъ или всадниковъ, имѣютъ ростъ выше средняго и даже высокій, каковы, напр., оказались, по увѣренію Уйфальви, на основаніи имъ самимъ произведенныхъ измѣреній, кара-киргизы съ среднимъ ростомъ въ 1707 мм. (Les Aryens, p. 419) [1]). А. Н. Куропаткинъ, дѣйствительно, называлъ саковъ «обитателями В. Туркестана» («Кашгарія. Ист.-географ. очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля», Спб., 1879 г., стр. 75), но дѣлалъ это на тѣхъ страницахъ вступленія къ историческому очерку Кашгаріи, о которыхъ справедливо предупреждалъ, что не можетъ «имъ придавать серьезнаго научнаго значенія» (стр. 74). О взглядахъ проф. Томашека на саковъ я буду имѣть случай говорить въ продолженіе настоящаго изслѣдованія.

Въ своемъ недавнемъ весьма цѣнномъ трудѣ «Les races et les peuples de la terre» (Paris, 1900, p.p. 477—478) Деникеръ признаетъ кафировъ или сіяхпушей и дардовъ имѣющими, по типу и языку, связи съ народами индо-арійскими. Шины, изъ которыхъ состоитъ большинство дардовъ, отличаются, по его мнѣнію, своимъ малымъ ростомъ и темной окраской и напоминаютъ индусовъ провинцій сѣв.-запада, тогда какъ іешкуны говорятъ на языкѣ, который, по Биддельфу, имѣетъ сродство съ тюркскими языками (?!), а по Лейтнеру (The Hunza and Nagar Handbook, London, 1893) есть языкъ не-арійскій, агглютинативный, представляющій аналогіи съ дравидскими нарѣчіями. 44 іешкуна и шина, измѣренные Уйфальви, имѣли ростъ ниже средняго (1 м. 61 с.), долихоцефалы (75,8), съ довольно темной кожей, съ черными, волнистыми волосами и тонкимъ носомъ, тогда какъ «тюрки-дарды» изъ Хунзы-Нагара и Яссина, измѣренные Рислеемъ (ниже указана въ числѣ источниковъ книга Tribes and castes of Bengal, by Risley, Calcutta, 1891) и Капю (Capus, рукописныя замѣтки), дали ростъ выше средняго (1 м. 69 с.) и головной указатель почти мезоцефальный (77); они приближаются, слѣдовательно, къ 6 читрали, измѣреннымъ Рислеемъ, у которыхъ ростъ опредѣленъ въ 1 м. 67 с. и головной указатель въ 76,9. Балти, какъ и пахпулуки на другой сторонѣ Каракорума, «суть продукты скрещиванія расъ индо-арійской и тюр-

---

[1]) Въ 1878 г. Уйфальви приписывалъ кара-киргизамъ, на основаніи измѣреній 26 ч., ростъ „средній“; въ 1880 г. онъ опредѣлилъ ихъ ростъ въ 1705 мм. (см. статью мою объ этническомъ составѣ киргизъ - казаковъ Большой орды и кара-киргизовъ въ „Живой Старинѣ“, 1894 г., книжки 3 и 4, стр. 471). Въ 1896 г., все на основаніи тѣхъ же измѣреній, ростъ кара-киргизовъ показывается уже въ 1707 мм. Положимъ, Уйфальви измѣрилъ подъ именемъ кара-киргизовъ субъектовъ, къ этому племени въ большинствѣ не принадлежащихъ (какъ выяснено мною въ упомянутой статьѣ), но все же это были кочевники (большею частію племени кипчакъ, Средней орды), народъ наѣздниковъ.

ской [1]). Напротивъ, въ странѣ Гималаевъ, непальцы» и пр. «произошли отъ смѣшенія расъ индо-авганской [2]) и монгольской» (тибетской). Въ приложеніяхъ въ книгѣ Деникера, гдѣ собраны цифровыя данныя о результатахъ антропологическихъ измѣреній, средній ростъ 45 дардовъ (Ghouraiz, Hunza, Ghilgit) показанъ въ 1611 мм., 83 балти въ 1612 (р. 660); головной указатель 103 балти—73,6, 45 дардовъ 75,6, 12 ладакцевъ 77,0, 17 жителей Нагера, Хунзы и Ясина 77,0 (р. 669); носовой указатель 20 кашмирскихъ (?) балти, по Уйфальви, 71,4 (р. 685). Источники приведенныхъ въ приложеніяхъ цифръ вообще не указаны (кромѣ относящихся къ носовому указателю), но такъ какъ въ текстѣ (р. 478) была упомянута книга Уйфальви «Aus dem Westlichen Himalaja», къ которой приложены три таблицы антропологическихъ измѣреній: а) 36 ладакцевъ, б) 45 дардовъ и в) 83 балти, а въ Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, 1882, помѣщены были, во-1-хъ, докладъ Деникера отъ лица коммиссіи, разсматривавшей часть предварительно посланныхъ Уйфальви листковъ антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ въ Симлѣ, въ каковомъ докладѣ коммиссія опредѣлила (р. 75) ростъ 12 ладакцевъ въ 162 с. при головномъ указателѣ въ 76,9 (значитъ, почти въ 77), и во-2-хъ, сообщеніе Уйфальви о путешествіи въ Зап. Гималаи, гдѣ, между прочимъ, приведенъ головной указатель 103 балти въ 72,85, 45 дарду (Gouraiz) 73,62 (р. 219), то происхожденіе у Деникера цифръ 45 дардовъ, 83 и 103 балти и 12 ладакцевъ для насъ выясняется. Сверхъ того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) нѣкоторыя среднія цифры роста и головного указателя Деникера не сходятся съ со-

---

[1]) Эти предположенія Деникера о происхожденіи балти и пахпулыковъ ни на чемъ не основаны и не могутъ быть признаны правильными. О пахпулыкахъ я буду имѣть случай говорить въ заключительной главѣ настоящаго изслѣдованія. О балти же достаточно пока сказать, что никакихъ данныхъ въ подтвержденіе обитанія въ Балтистанѣ тюрковъ не имѣется, за исключеніемъ вышеприведеннаго и разсмотрѣннаго сказанія Аль-Бируни, который считалъ тибетцевъ тюрками.

[2]) Въ столь огромномъ трудѣ, какъ тотъ, который выполненъ Деникеромъ, нѣкоторыя ошибки, конечно, неизбѣжны. Одною изъ такихъ ошибокъ считаю я „индо-авганскую расу“. Было время, когда, по недостаточности изученія авганскаго языка, многіе ученые причисляли его къ нарѣчіямъ индійскимъ. Въ настоящее время признано, что авганскій языкъ принадлежитъ къ иранской группѣ. Только по недостаточности изученія исторіи авганскаго народа и по крайне пока ничтожному количеству антропометрическихъ и вообще антропологическихъ изслѣдованій авганскихъ племенъ возможно соединеніе авгановъ въ одну расу съ индо-арійцами. Въ продолженіе тысячелѣтій сосѣдства и совмѣстной жизни съ индо-арійцами восточныя авганскія племена не могли не получить значительной примѣси индійской крови, но примѣсь эта не мѣшаетъ имъ все же оставаться иранцами, какъ и западнымъ авганскимъ племенамъ, которыя также имѣли метисаціи съ различными чуждыми народами. Я имѣлъ случай разсматривать вопросъ о происхожденіи авгановъ и ихъ племенъ въ изслѣдованіи „Англо-индійскій Кавказъ“, помѣщенномъ въ „Живой Старинѣ“ 1899 и 1900 гг. Приводя въ главѣ II этого изслѣдованія антропометрическія данныя, я упустилъ упомянуть объ измѣреніяхъ Уйфальви, по которымъ у 18 авгановъ-хайберовъ (т.-е. обитающихъ въ ущельи Хайберъ, племя же не указано) средній головной указатель опредѣленъ въ 74,81 (Les Aryens etc., 1896, p. 387).

отвѣтствующими цифрами Уйфальви, а потому надо выяснить—какія цифры вѣрны. 2) Относительно достаточности компетентности Уйфальви для правильнаго пользованія результатами производимыхъ имъ антропологическихъ измѣреній въ средѣ парижскаго антропологическаго Общества существуютъ, повидимому, нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ въ засѣданіи 16 марта 1882 г., послѣ сообщенія Уйфальви о его путешествіи 1881 г., Топинаръ счелъ нужнымъ просить разъяснить—даны ли имъ средніе головные указатели въ точности сообразно цифрамъ, полученнымъ при измѣреніяхъ субъектовъ, или за убавкою двухъ единицъ, какъ сдѣлано было имъ въ трудахъ о Ферганѣ и Кульджѣ. Уйфальви категорически отвѣтилъ, что данныя имъ цифры указателей получены изъ цифръ измѣреній живыхъ субъектовъ безъ всякихъ убавокъ (Bulletin, 1882, p. 230). Между тѣмъ,—какъ обнаружилось въ Les Aryens etc., p. 387,—тѣ цифры указателей, которыя были помѣщены въ сообщеніи 1882 г., даны были относительно балти и дардовъ за вычетами двухъ или полуторыхъ единицъ [1]). 3) Въ сообщеніи 1882 г. Уйфальви приводилъ средніе головные указатели, какъ результаты измѣреній 103 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ (p. 219); между тѣмъ въ Aus dem W. Himalaja объяснилъ, что измѣрилъ всего 100 балти, 50 дарду и 51 ладакца, въ трехъ таблицахъ же, приложенныхъ къ книгѣ, помѣщены измѣренія только 83 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ, притомъ отчасти неполныя. Въ виду всего этого обнаруживается необходимость подвергнуть цифры Уйфальви возможно подробному разсмотрѣнію, которое удобнѣе произвести по каждой народности особо, приведя при этомъ и данныя другихъ изслѣдователей, частью еще не упомянутыя, съ оцѣнкою, по возможности, и ихъ.

Б. Разсмотрѣніе имѣющихся антропометрическихъ данныхъ.

а) *Ладакцы.* Въ Ладакѣ Уйфальви не былъ. Изъ таблицы антропологическихъ измѣреній «ладакцевъ», при Aus dem W. Himalaja, въ которой помѣщено 36 лицъ, видно, что въ числѣ измѣренныхъ находились двѣ женщины и что ростъ трехъ мужчинъ (какъ и двухъ женщинъ) измѣ-

---

1) Уйфальви объяснилъ относительно убавокъ, что, слѣдуя наставленіямъ Брока, вычитаетъ двѣ единицы у брахицефаловъ и полторы у долихоцефаловъ изъ головного указателя, чтобы получить черепной (céphalique, p. 387). На самомъ же дѣлѣ онъ поступилъ наоборотъ, убавляя у брахицефаловъ полторы единицы и у долихоцефаловъ двѣ; у долихоцефаловъ балти головной указатель показанъ имъ 74,75, за убавкою же 72,75, у дардовъ 75,83 и 73,83, у ладакцевъ 77 и 75, а у брахицефаловъ кара-киргизовъ 85,47 и 83,97, у галча 86,50 и 85,00 и т. д. (Les Aryens etc., p. 387—388). Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія, что въ 1882 г., показавъ за убавками головной указатель балти и дардовъ, Уйфальви оставилъ указатель ладакцевъ безъ убавки, вслѣдствіе чего указатель ладакцевъ представлялся особенно значительно отличающимся отъ указателей балти и дардовъ, данныхъ за вычетомъ двухъ единицъ. Въ именныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, имѣются двѣ графы Breitenindex и Reducirter Breitenindex.

ренъ не былъ; изъ остальныхъ 31 лицъ 14 были измѣрены въ Симлѣ (лѣтней резиденціи британскаго управленія Индіи) и 17 въ Балтистанѣ въ мѣстности Каргиль. Такъ какъ въ числѣ 31 измѣренныхъ было два тибетца (уроженцы Лхасы), то число измѣренныхъ ладакцевъ упадаетъ до 29. Это незначительное количество измѣренныхъ людей не можетъ быть признано несомнѣнно дающимъ вѣрное представленіе объ антропологическихъ признакахъ ладакцевъ, такъ какъ измѣренные въ Каргилѣ принадлежали ближайшимъ отъ него мѣстностямъ, въ числѣ же 14 измѣренныхъ въ Симлѣ могло не быть представителей наиболѣе многолюдныхъ мѣстностей Ладака. Поэтому значеніе измѣреній Уйфальви для характеристики ладакской народности проблематично. При сложеніи значащихся въ таблицѣ цифръ роста 31 измѣренныхъ людей получается итогъ 5055 с., при раздѣленіи котораго на 31 средній ростъ выходитъ 1630 мм.; сумма 36 головныхъ указателей составляетъ 2769,80, такъ что средній указатель равенъ 76,93, т.-е. почти 77, какъ у Уйфальви и Деникера. Однако, остановиться на этой цифрѣ для средняго головного указателя ладакцевъ едва ли было бы правильно по слѣдующимъ причинамъ: о всѣхъ субъектахъ, помѣщенныхъ въ таблицѣ Уйфальви, въ графѣ «народность или племя», сдѣлана отмѣтка Ladaki за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, оставленныхъ безъ измѣренія роста, двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ, о которыхъ въ помянутой графѣ значится Besser. Такъ какъ Уйфальви нигдѣ не объяснилъ, что это за племя или народецъ, то легко можетъ быть, что эти бессеры суть одно изъ хималайскихъ племенъ, ничего общаго, въ отношеніи народности, съ ладакцами неимѣющее. Осторожнѣе, поэтому, исключить ихъ изъ числа ладакцевъ и также поступить съ вышеупомянутыми двумя уроженцами Лхасы. По исключеніи головныхъ указателей этихъ семи лицъ, составляющихъ сумму 563,40, средній головной указатель 29 несомнѣнныхъ ладакцевъ опредѣлится лишь въ 76,08. Для точнаго опредѣленія средняго роста изъ вышеупомянутыхъ 31 лицъ слѣдуетъ исключить 2-хъ уроженцевъ Лхасы, но и тогда средній ростъ 29 ладакцевъ оказывается 1630 мм.

б) *Балти.* Изъ числа 83 балтіевъ таблицы Уйфальви первые 23 были измѣрены въ Симлѣ, гдѣ (какъ и всѣ почти измѣренные въ Симлѣ) пользовались медицинской помощью, заболѣвъ на производимыхъ въ британскихъ владѣніяхъ дорожныхъ работахъ; изъ нихъ 8 были родомъ изъ Шигара, 5 изъ Скардо, 5 изъ Кармана, 4 изъ Киреса и 1 изъ Туркуна; общій итогъ роста 21 изъ 23 этихъ балти (у двухъ, значащихся подъ №№ 6 и 7, ростъ не измѣренъ) оказывается 34600 мм., что при дѣленіи на 21 даетъ средній ростъ въ 1647 мм., итогъ же головныхъ указателей равняется 1766,90, т.-е. при раздѣленіи на 23 выясняется головной указатель въ 76,82. Итогъ роста остальныхъ 60 балти,—которые измѣрены въ Скардо, Шигарѣ и Паркута и родомъ изъ этихъ самыхъ мѣстъ или

окрестностей,—составляетъ 95680 мм., а итогъ головныхъ указателей 4451,55; слѣдовательно, средній ростъ 60 балти будетъ 1594 мм., а головной указатель 74,19. Общій итогъ роста всѣхъ 81 балти будетъ 130280 мм. и головныхъ указателей 83 балти 6218,45, такъ что средній ростъ балти выходитъ 1608 мм. и средній головной указатель 74,92. Такъ какъ количество измѣренныхъ балти все-таки не велико, то я полагаю, что различнаго рода уроды не должны быть принимаемы въ разсчетъ при опредѣленіи среднихъ: я имѣю въ виду находящагося въ числѣ группы 60 балти подъ № 75 карлика Курбана, ростъ котораго означенъ въ 112 с. [1]); за исключеніемъ роста этого карлика средній ростъ остальныхъ 80 балти опредѣлится въ 1614,5 мм. вмѣсто 1608 мм. для 81 балти. Низкій ростъ балти и усиленная долихоцефальность ихъ въ нѣкоторой степени зависятъ отъ малаго роста измѣренныхъ въ Паркута, гдѣ средній указатель роста (безъ Курбана) для 19 балти оказывается 1573 мм., при головномъ указателѣ для 20 человѣкъ (съ Курбаномъ) въ 73,46.

Уйфальви въ Bulletin, 1882, p. 219, опредѣлялъ головной указатель 103 балти (хотя въ Aus dem W Himalaja, S. 246, потомъ завѣрялъ, что измѣрилъ «всего» 100 балти) въ 72,85; въ Aus dem W. Himalaja указатель этотъ (Schädelindex), S. 184, данъ 103 балти въ 72,52, а на стр. 250 головной указатель (Breitenindex) балти (безъ указанія числа измѣреній) приводится снова въ 72,85; въ Les Aryens, p. 387, головной указатель 82 балти данъ 74,75, а за убавкою 72,75. О среднемъ ростѣ балти у Уйфальви также встрѣчаются разныя цифры: въ Les Aryens, p. 419, значится 1582, черезъ четыре же страницы, p. 424,—1580. Такъ какъ никакихъ объясненій своихъ разнорѣчій Уйфальви не даетъ и такъ какъ сдѣланные мною выше выводы изъ именныхъ таблицъ произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣреній я повѣрялъ нѣсколько разъ, то остается держаться послѣднихъ, разнообразныя же показанія Уйфальви о числѣ измѣренныхъ и о головномъ указателѣ и ростѣ балти считать результатомъ его ариѳметическихъ ошибокъ или иныхъ видовъ недосмотра и неаккуратности.

в) *Шины.* Уйфальви именуетъ шиновъ, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе близкими къ нимъ кастами или мелкими племенами (краминъ, домъ и пр.) и съ іешкунами, *дардами* или *дарду*. Имя дардовъ началъ первый употреблять д-ръ Лейтнеръ, примѣняя его къ шинамъ, читральцамъ, кафирамъ и вообще ко всѣмъ арійскимъ племенамъ, обитающимъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша, а также и къ іешкунамъ, и желая возобновить, на тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, имя *дарада* Пуранъ, *дард*'овъ Арріана, Dardae Плинія, *дарадр*'овъ на истокахъ Инда Птолемея. По словамъ Бид-

[1]) Утверждая, что наименьшій ростъ у балти 147 с. (Les Aryens, p. 427), Уйфальви, очевидно, упустилъ изъ вида этотъ ростъ Курбана, значащійся въ его таблицѣ.

дельфа, Лейтнеръ «ошибочно принялъ, что всѣ племена, названныя имъ дардами, одной и той же расы, и далъ общее имя Дардистана странѣ, населенной нѣсколькими народами, говорящими на разныхъ языкахъ и весьма существенно другъ отъ друга отличающимися. Но, принимая во вниманіе, что никакое имя не можетъ быть вполнѣ правильно приложено вмѣстѣ ко всей группѣ этихъ народовъ или странъ, нѣтъ причины не сохранить именъ дарды и Дардистанъ для обозначенія совокупности означенныхъ племенъ и населяемыхъ ими странъ» («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 12). Я, напротивъ, думаю, что есть достаточныя причины устранить искусственное и лишнее имя дардовъ, а также и Дардистанъ. Во-первыхъ, по завѣренію же Биддельфа, «имя дардъ не признается ни однимъ изъ племенъ, къ которымъ его прилагаютъ. Въ одномъ только случаѣ... именемъ этимъ одно изъ племенъ называетъ своихъ сосѣдей» (стр. 208), именно населеніе долинъ Кандіи, Путтуна и пр. части праваго берега Инда зоветъ дардами жителей противоположной стороны Инда въ долинахъ Коли, Паласъ и пр., которые, однако, этого имени не признаютъ; они говорятъ на нарѣчіяхъ языка шиновъ (стр. 15 и 16). Во-вторыхъ, авторы, употребляющіе терминъ дарды, даютъ его примѣненію различный объемъ. Такъ уже Кеннингэмъ (The Ancient Geography of India, by A. Cunningham, London, 1871, p. 83) и Биддельфъ (стр. 166 и слѣд.) уклоняются отъ зачисленія кафировъ въ число дардовъ, а Уйфальви, исключая кафировъ изъ числа дардовъ (Les Aryens, p. 238), колеблется включать въ группу дардовъ читральцевъ (хо, p. 273). Въ-третьихъ, искусственное присвоеніе общаго имени племенамъ разнаго происхожденія и языковъ не только совершенно неосновательно, но влечетъ за собою напрасныя путаницы и недоразумѣнія [1]).

Во второй изъ таблицъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, помѣщены антропологическія измѣренія «дарду». Въ графѣ, служащей для означенія народности или племени измѣренныхъ субъектовъ, о лицѣ подъ № 23 отмѣчено «кафиръ», остальныя же 44 лица названы «дарду». Такъ какъ мы знаемъ, что ни одно изъ мѣстныхъ племенъ себя дардами или дарду не называетъ, то очевидно, что далъ измѣреннымъ названіе дарду

[1]) Въ одной изъ своихъ статей 1893 г. Лейтнеръ самъ замѣтилъ, что терминъ дарды употребляется нѣкоторыми въ тѣсномъ смыслѣ для означенія народностей, обитающихъ въ странѣ шиновъ, но самъ онъ примѣняетъ его не только къ населенію Чиласа, Гилгита, Астора, Дарела, но и къ племенамъ Хунзы, Нагера, Читрала и Кафиристана. При этомъ онъ удостовѣрилъ, что сами „дарды“ имени этого не знаютъ, и хотя на вопросъ его—дарды ли они? спрошенные отвѣчали утвердительно, но происходило это вслѣдствіе того, что предполагали у него ошибочное произношеніе слова dada, значащаго „дикій, независимый“ (Imp. a. Asiatic Quarterly Rewiew, 1893, January, pp. 168). Биддельфъ думаетъ, что имя „дардъ“ дано всѣмъ вообще горнымъ племенамъ долины Инда кашмирцами и что оно происходитъ отъ персидскаго слова *додъ*, т.-е. „хищное животное“, или отъ *дирендъ*, „свирѣпый“ („Народы, насел. Гинду-кушъ“, стр. 208 и 209). но съ какой стати индійцы-кашмирцы станутъ употреблять персидскія слова, имѣя соотвѣтствующія свои?

самъ Уйфальви вмѣсто того, чтобы записать то племенное имя, которое сказалъ ему каждый изъ измѣренныхъ субъектовъ, если былъ спрошенъ. Далѣе, по отдаленности читральцевъ отъ Симлы и Балтистана, гдѣ производилъ свои измѣренія Уйфальви, невѣроятно, чтобы въ числѣ измѣренныхъ были хо. Засимъ въ числѣ измѣренныхъ могли быть лишь шины, крамины съ мелкими кастами и, наконецъ, іешкуны, такъ какъ для Уйфальви все это дарды. Для выясненія—какому изъ этихъ племенъ принадлежатъ люди, которыхъ Уйфальви надѣлилъ кличкою «дарду», можетъ послужить имѣющаяся въ таблицѣ о субъектѣ подъ № 21, родомъ изъ Хунзы, отмѣтка, въ которой сказано, что онъ «по отцу своему іешкунъ»: изъ отсутствія подобныхъ объясненій относительно остальныхъ 43 «дарду» можно заключить, что у всѣхъ ихъ отцы не іешкуны и что они принадлежатъ къ шинамъ и близкимъ къ нимъ кастамъ. Это заключеніе подтверждается незначительнымъ количествомъ іешкуновъ и преобладаніемъ шиновъ въ Ольтинтанѣ, гдѣ измѣрена большая часть «дарду» (22 чел.), тамошнихъ уроженцевъ, такъ какъ Ольтинтанъ расположенъ около впаденія въ Индъ р. Драса и потому, вѣроятно, входитъ въ составъ округа Драса, который балти называютъ Химбапсомъ, въ Химбапсѣ же шины составляютъ 52% населенія, а съ домами (одна изъ мелкихъ кастъ) даже 53%, изъ остального населенія 34% принадлежатъ балти и лишь 13% приходится на долю іешкуновъ («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 60). Сел. Гуресъ, гдѣ произведены измѣренія 17 «дарду», расположено на р. Кишеньгангѣ, притокѣ орошающей Кашмиръ рѣки Джелюма, а потому здѣсь нельзя предполагать обитанія іешкуновъ, живущихъ лишь въ бассейнѣ Гилгитской рѣки и отчасти въ долинѣ Инда; по географическому положенію Гуреса, въ немъ слѣдуетъ предполагать населеніе индусскаго происхожденія: дѣйствительно, по мнѣнію Лейтнера, шины окрестностей Гуреса имѣютъ признаки смѣшенія съ кашмирцами и тѣ же касты, что у послѣднихъ (I. and Asiatic Quarterly Review, 1897, January, p. 173).

Считая вслѣдствіе всего сказаннаго всѣхъ 43 «дарду» за шиновъ, мы получаемъ средній ростъ ихъ (70100 : 43) 1630 мм., но такъ какъ въ числѣ измѣренныхъ подъ № 17 имѣется карликъ ростомъ въ 1010 мм., то за исключеніемъ его истинный средній ростъ 42 шиновъ опредѣлится въ 1645 мм. Головной указатель 43 шиновъ равняется (3272,46:43) 76,10.

За исключеніемъ 1 кафира, котораго Уйфальви и самъ за дарда не считаетъ, во второй таблицѣ Уйфальви содержатся измѣренія 44 «дарду», въ числѣ которыхъ 1, какъ выше выяснено, есть іешкунъ, а не шинъ, какъ всѣ остальные, почему мною и исключенъ при опредѣленіи средняго роста и головного указателя шиновъ. Если же мы сосчитаемъ полностью результаты измѣренія всѣхъ 44 «дарду», то средній ростъ ихъ (71740:44) будетъ 1630 мм., головной же указатель (3346,30:44) 76,05, но объ эти

цифры не сходятся съ цифрами, которыя даетъ Уйфальви для своихъ «дарду», вѣроятно, по причинѣ ариѳметическихъ ошибокъ и различныхъ недоразумѣній: въ Les Aryens средній ростъ дардовъ данъ въ 1687 мм. (р. 419), а средній головной указатель для 44 дардовъ 75,83, за убавкою же 73,83 (р. 387); въ Bulletin, 1882, p. 219, головной указатель 45 Dardous (Gouraiz) означался имъ въ 73,62 и та же цифра повторена въ Aus dem W. Himalaja, S. 250, но безъ поясненія, къ какому числу измѣренныхъ «дарду» она относится.

г) *Іешкуны* или *буриши*. Единственный у Уйфальви буришъ «по отцу» отъ неизвѣстнаго племени матери (ростомъ 1640 мм., съ голов. указателемъ въ 73,84), конечно, не можетъ характеризовать антропологическій типъ іешкуновъ. Хотя я не нашелъ въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ книги Рислея, на которую ссылается Деникеръ (р. 478), и тѣмъ болѣе не имѣлъ возможности пользоваться рукописными замѣтками Капю, а потому не могъ ни опредѣлить, гдѣ и сколько измѣрено Рислеемъ и Капю въ отдѣльности «тюрковъ-дардовъ», а также войти въ необходимыя оцѣнки и сличенія отдѣльныхъ измѣреній, такъ какъ располагалъ лишь приведенными Деникеромъ среднимъ ростомъ и среднимъ головнымъ указателемъ 19 измѣренныхъ субъектовъ, но тѣмъ не менѣе я пришелъ было къ заключенію, что эти «тюрки-дарду» суть не иные кто, какъ іешкуны или буриши, потому что, какъ знаемъ мы изъ свѣдѣній Биддельфа, въ Хунзѣ, Нагерѣ и Ясинѣ, къ обитателямъ которыхъ принадлежатъ «тюрки-дарды» Рислея и Капю, никакихъ ни тюрковъ, ни «тюрковъ-дардовъ» не живетъ, а есть лишь шины, — съ мелкими кастами и нѣкоторымъ количествомъ кашмирцевъ,—и іешкуны или буриши. Шиновъ съ кашмирцами именовать тюрками-дардами никоимъ образомъ невозможно, а потому оставалось думать, что этимъ именемъ названы іешкуны на томъ основаніи, быть можетъ, что языкъ ихъ относится къ «туранскимъ», а этотъ терминъ смѣшивается съ «тюркскимъ»; кромѣ того Биддельфъ производилъ іешкуновъ отъ юечжей, которые многими считаются народомъ тюркскимъ.

Въ виду всего этого мнѣ оставалось констатировать, что 19 іешкуновъ, названныхъ по какому-то недоразумѣнію «тюрками-дарду», имѣютъ средній ростъ въ 1690 мм. и средній головной указатель въ 77,00. Но, просматривая статьи Рислея, встрѣчающіяся въ антропологическомъ отдѣлѣ Journal of the Asiatic Society of Bengal, я случайно встрѣтилъ тѣ самыя, кажется, измѣренія, которыя служили источникомъ для Деникера. Именно въ означенномъ Journal за 1893 г. (vol. LXII, Part III [1]), p. p. 33—45) есть статья Measurements of Cingalese Moormen and Tamils, taken at

[1]) Въ № 3 той же Part III и того же года помѣщены Anthropometric Instructions, интересныя, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что служили руководствомъ туземнымъ помощникамъ Рислея при выполненіи тѣхъ тысячъ измѣреній, которыя имъ опубликованы.

Ceylon in November 1892. By H.H. Risley. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ предварительныхъ свѣдѣній и засимъ изъ таблицъ измѣреній нѣсколькихъ цейлонскихъ племенъ, но въ концѣ ея (pp. 44—45) неожиданно оказываются три таблицы измѣреній трехъ хиндукушскихъ племенъ, которыя къ содержанію статьи не имѣютъ никакого отношенія и въ текстѣ статьи совсѣмъ даже и не упоминаются. Три таблицы эти содержатъ антропологическія измѣренія 7 нагерцевъ (Nagar Tribe), 9 хунзинцевъ (Hanza Tribe) и 6 кафировъ (Kafir Tribe). Таблицу кафировъ разсмотрю я ниже, общій же итогъ роста нагерцевъ (11538 мм.) и хунзинцевъ (15380 мм.) равняется 26918 мм. и головныхъ указателей (528,10 + 706,10 =) 1234,20, а при раздѣленіи этихъ цифръ на 16 получается средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ въ 1682,37 мм. и средній головной ихъ указатель въ 77,13. Эти цифры немного разнятся отъ цифръ, данныхъ Деникеромъ для 19 «тюрковъ-дарду» въ текстѣ и для 17 жителей Хунзы, Нагера и Яссина (только головной указатель 77,00) въ Appendices, но Деникеръ пользовался еще рукописными замѣтками Капю, относившимися къ очень, вѣроятно, небольшому количеству измѣреній населенія Яссина (должно быть, іешкуновъ), а потому при добавленіи къ 16 измѣреніямъ Рислея 3-хъ измѣреній Капю для роста и 1 для головного указателя Деникеръ легко могъ получить данныя имъ цифры. Такъ какъ у Рислея въ таблицахъ и статьѣ нѣтъ ничего подобнаго «тюркамъ-дарду», какъ нѣтъ такого термина и въ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ статьяхъ Капю, то это именованіе принадлежитъ, повидимому, лично Деникеру.

Въ заглавіяхъ таблицъ измѣреній значится, что измѣренія произведены въ Калькуттѣ. Даты нѣтъ, но по отдаленности Калькутты отъ Нагера и Хунзы надо полагать, что 16 жителей этихъ странъ были привлечены въ столицу Британской Индіи какими-нибудь исключительными обстоятельствами, каковы, напр., были война съ Нагеромъ и Хунзою и завоеваніе этихъ странъ въ концѣ 1891 г.: 6 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ были, вѣроятно, представителями завоеванной страны, отправленными въ 1892 г. въ столицу Индіи для изъявленія покорности и ходатайства о нуждахъ своихъ странъ, и ихъ свитою. Къ сожалѣнію, ни племенъ, ни общественнаго, правительственнаго или сословнаго положенія каждаго изъ изслѣдованныхъ лицъ въ таблицахъ не означено. Между тѣмъ изъ свѣдѣній Биддельфа и другихъ мы знаемъ, что населеніе какъ Нагера, такъ и Хунзы состоитъ не изъ однихъ іешкуновъ, но также и изъ шиновъ: первые составляютъ въ Нагерѣ 60% населенія, шины же 20%; въ Хунзѣ іешкуновъ 80% и шиновъ 5%; но кромѣ іешкуновъ и шиновъ въ Нагерѣ есть высшее сословіе, именуемое харо, неизвѣстнаго, чуждаго происхожденія, достигающее 5% населенія. Вслѣдствіе этого въ числѣ измѣренныхъ хунзинцевъ легко могутъ быть не только іешкуны, но и шины, а въ числѣ нагерцевъ сверхъ

того и харо. Однако, іешкуны составляютъ слишкомъ значительное большинство въ обѣихъ странахъ, чтобы не образовали вѣроятнаго большинства и въ измѣренныхъ 16 лицахъ, а потому мы можемъ правильно, не упуская, конечно, изъ вида возможности нѣкоторой посторонней примѣси, именовать ихъ іешкунами. Средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ опредѣлился, какъ приведено выше, въ 1682,37 мм. и головной указатель въ 77,13, но истиннымъ типомъ іешкуновъ слѣдуетъ считать скорѣе однихъ хунзинцевъ, такъ какъ въ средѣ ихъ харо совсѣмъ нѣтъ, шины же составляютъ вчетверо меньшій процентъ населенія, чѣмъ въ Нагерѣ. У 9 хунзинцевъ, возрастомъ отъ 22 до 43 лѣтъ, средній ростъ равняется 1708,88 мм. (отъ 1648 до 1800 мм. у отдѣльныхъ лицъ) и головной указатель 78.45 (отъ 75,80 до 83,90), тогда какъ у 7 нагерцевъ (6 изъ нихъ отъ 22 до 38 лѣтъ) средній ростъ (отъ 1606 до 1900 мм.) будетъ 1649,28 (а за исключеніемъ несовершеннолѣтняго Раджа-Хозру-хана, 17 лѣтъ, который къ тому же, судя по имени, изъ владѣтельнаго дома, слѣдовательно чуждаго происхожденія, съ ростомъ 1634 мм., получается средній ростъ 6 нагерцевъ 1650,66 мм.) и средній головной указатель 77,13 (отъ 71,7 до 78,8). Отвергавшій предположеніе Лейтнера о происхожденіи іешкуновъ отъ метисаціи шиновъ съ какою-нибудь первобытною расою Биддельфъ замѣтилъ отличіе іешкуновъ Нагера отъ остальныхъ: «многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкою бородою. Эти признаки, вмѣстѣ съ ихъ невоинственнымъ характеромъ» (поправляю: сравнительно съ хунзинцами), «указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпону, правителю Скардо» (стр. 50 и 51). Такъ какъ тибетцы, которыхъ Биддельфъ называетъ татарами, имѣютъ ростъ не низкій, а средній, то это предположеніе Биддельфа требуетъ съ моей стороны поправки, заключающейся въ томъ, что меньшій ростъ нагерцевъ можетъ быть приписываемъ помѣсямъ ихъ съ балтистанцами, которые получили его главнымъ образомъ отъ дравидовъ, какъ изложено будетъ ниже.

Измѣреніями Капю я воспользоваться не могу за неизвѣстностью ихъ, но есть два измѣренія іешкуновъ д-ра Лейтнера: первый, по имени Matavalli, родомъ изъ Хунзы, 30 (въ другомъ мѣстѣ 32) лѣтъ, имѣетъ ростъ 1640 мм. и головной указатель 73,84; второй—Худояръ, родомъ изъ Нагера, 24 лѣтъ, ростомъ 1820 мм. при головномъ указателѣ 78,8 (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1893, October, pp. 426—433). Изъ нихъ Matavalli, привезенный Лейтнеромъ въ Англію, есть, очевидно (хотя Лейтнеръ ничего объ этомъ не говоритъ), по лѣтамъ, росту и головному указателю тотъ самый «іешкунъ по отцу» изъ Хунзы, который былъ измѣренъ Уйфальви и названъ имъ Metavalli, будучи помѣщенъ въ таблицѣ измѣреній 45 «дарду»; вѣроятно, происхожденіемъ его отъ іеш-

куна и иноплеменной женщины (быть можетъ, балти) и объясняется его отличный отъ хунзинцевъ Рислея ростъ и головной указатель. Съ добавленіемъ къ суммамъ роста и головныхъ указателей 7 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ результатовъ измѣреній Метавали и Худояра средній ростъ 18 нагерцевъ опредѣляется въ 1687,66 мм. и средній головной указатель ихъ въ 77,04. Но, по указаннымъ выше причинамъ, слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать характеристичными для іешкуновъ сдѣланные выше выводы для 9 хунзинцевъ, не добавляя Метавали, какъ метиса.

Для полноты обзора антропологическихъ измѣреній, относящихся къ іешкунамъ, можно еще упомянуть объ изслѣдованіи череповъ изъ Нагера, произведенныхъ Duckworth'омъ и Garson'омъ. Первый изучилъ два черепа, доставленные изъ Нагера Conway'емъ, и нашелъ, что одинъ изъ нихъ мужской и имѣетъ черепной указатель 68,28, а другой женскій съ черепнымъ указателемъ 69,64. По его отзыву, описанные д-ромъ Garson'омъ пять череповъ изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ Нагера въ 30—100 миляхъ,—изъ которыхъ два оказались долихоцефальными (наиболѣе долихоцефальный имѣетъ указатель въ 72,30) и три мезоцефальными,—въ общемъ слегка походятъ на изученные имъ два черепа (The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1893, vol. 23, pp. 125—129). По поводу сходства, которое признавалъ Уйфальви у измѣреннаго имъ хунзинца (это вышеупомянутый Metavalli, съ головнымъ указателемъ въ 73,84), съ населеніемъ Герцеговины Duckworth указалъ, что герцеговинцы, по Вейсбаху, имѣютъ головной указатель въ 87,2 (р. 128). Къ сожалѣнію, по неизвѣстности—какому времени и какому племени или племенамъ принадлежатъ изслѣдованные семь череповъ, результаты изученія этихъ череповъ ничего не выясняютъ относительно антропологіи іешкуновъ, такъ какъ эти черепа могли принадлежать не только іешкунамъ, но шинамъ, а также рабамъ самыхъ различныхъ народностей и племенъ, потому что въ странахъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша до самаго недавняго времени существовало рабство, причемъ въ невольники обращались люди всевозможныхъ народностей, которыхъ удавалось захватить.

д) Племя *хо*. Для этого племени, составляющаго главное населеніе Читрала, Деникеръ даетъ средній ростъ 6 читральцевъ, измѣренныхъ Рислеемъ и имѣющихъ средній ростъ около 1670 мм. и средній головной указатель «почти» 77,00. Но тутъ Деникеръ, повидимому, впалъ въ ошибку или въ недоразумѣніе, такъ какъ 6 лицъ, измѣренныхъ Рислеемъ и оказавшихся съ среднимъ ростомъ въ 1671,3 мм. при головномъ указателѣ 76,9 (Journal of the Asiatic Society of Bengal, v. LXII, Part III, pp. 44—45), т.-е. около 1670 мм. и почти 77,00, названы кафирами, а не читральцами, и хотя одинъ изъ нихъ показанъ родившимся «на читральской границѣ», но это еще не дѣлаетъ его читральцемъ. Означенныя въ таблицѣ мѣста родины каждаго изъ 6 измѣренныхъ кафировъ подтверждаютъ,

что они дѣйствительно кафиры, такъ какъ это все мѣстности Кафиристана. Такъ три лица (подъ нумерами 1, 2 и 4) означены уроженцами Башкалъ (Baskal), которая, по Робертсону, находится въ западной части Кафиристана и заселена сіяхпушскими племенами катаръ, камъ и др.; изъ остальныхъ одинъ (№ 6) показанъ уроженцемъ неизвѣстной мѣстности на границѣ съ Читраломъ (Chitral Border), одинъ уроженцемъ долины Utsun и еще одинъ уроженцемъ Presingal Valley, т.-е. долины кафирскаго племени пресунъ.

Если,—что кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ,—Деникеръ ошибочно принялъ кафировъ Рислея за читральцевъ, то антропологическихъ измѣреній племени хо пока не имѣется. Въ противномъ же случаѣ для характеристики хо могутъ служить приведенные Деникеромъ средніе указатели роста и головы читральцевъ, племя которыхъ, впрочемъ, остается для меня неизвѣстнымъ, хотя, вѣроятно, это хо.

е) *Кафиры.* Изъ числа шести кафировъ Рислея два (нумеръ 5, уроженецъ границы съ Читраломъ, 19 лѣтъ отъ роду, 1660 мм. росту и 77,50 по головному указателю, и нумеръ 6, уроженецъ долины Utsun, 14 лѣтъ, ростомъ 1560 мм., съ головнымъ указателемъ 73,3) несовершеннолѣтни, а потому подлежатъ исключенію при выводѣ роста взрослыхъ кафировъ. Еще одинъ (нумеръ 3, уроженецъ долины Пресунъ, 22 лѣтъ, ростомъ 1738 мм., при головномъ указателѣ 74,60) къ сіяхпушамъ не принадлежитъ, ибо пресуны, какъ ниже увидимъ, не арійцы, а вѣроятно аборигены. Для характеристики кафировъ индо-арійцевъ или сіяхпушей остаются такимъ образомъ три измѣренныхъ лица, имѣющія возрастъ отъ 22 до 30 лѣтъ, съ ростомъ 1730 мм., 1654 и 1686 мм., въ среднемъ, значитъ, 1690 мм., при головныхъ указателяхъ 75,30, 78,00 и 82,40, въ среднемъ 78,56. При добавкѣ къ указателямъ этихъ трехъ сіяхпушей головныхъ указателей двухъ несовершеннолѣтнихъ сіяхпушей средній головной указатель пяти сіяхпушей получится въ 77,30.

Сверхъ того, Уйфальви, какъ видѣли мы, въ таблицѣ измѣреній «дарду» помѣстилъ одного кафира по имени Али-хана, родомъ изъ Katoks Kalascha, 30—40 лѣтъ отъ роду, ростомъ 1660 мм.; цифра головного указателя въ таблицѣ не выведена, но въ Les Aryens, p.p. 374—375, онъ показанъ въ 65,5, причемъ Уйфальви говоритъ, что этотъ кафиръ родился въ Katdesch, въ Кафиристанѣ, и принадлежитъ племени камъ. Наконецъ, доставлены измѣренія еще одного кафира д-ромъ Лейтнеромъ: Джемшидъ, сіяхпушъ племени катаръ, ростомъ 1619 мм., при головномъ указателѣ 86,7. Лейтнеръ, привезшій съ собою этого кафира въ Англію, почему-то (не въ виду ли воображавшагося нѣкоторыми авторами происхожденія кафировъ отъ македонянъ или грековъ Александра Македонскаго?), предполагалъ, что его типъ близокъ къ типу ославяненныхъ македонцевъ (?) Герцеговины (I. and. A. Quarterly Review, 1893, October, p.

430), но д-ръ медицины Beddoe призналъ болѣе основательнымъ отнести этого Джемшида къ расѣ *галча*, полагая, что нѣкоторыя племена кафировъ могутъ быть не индо-арійцы, а бадахшанцы (тамъ же, p. 434), т.-е. принадлежали къ восточно-иранскимъ горцамъ. Впрочемъ, оба эти кафира, какъ можно заключить изъ свѣдѣній о нихъ Уйфальви и Лейтнера, являются какими-то авантюристами или проходимцами, а потому показанія ихъ о племенномъ происхожденіи сомнительны.

Въ вышеупомянутомъ докладѣ Деникера (Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris, 1882, I, p. 78) приведенъ указатель двухъ кафирскихъ череповъ въ 76,9, опредѣленный Daois въ Crania ethnica.

Итакъ, на основаніи имѣющихся антропологическихъ измѣреній, по возможности провѣренныхъ и оцѣненныхъ, могутъ быть представлены слѣдующіе цифровые выводы:

	Ростъ.		Голов. указатель.	
	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.
Ладакцы	29	1630	29	76,08
Балти.	80	1614	83	74,92
Шины	42	1654	43	76,10
Іешкуны (изъ Хунзы) . . .	9	1708	9	78,45
Хо (читральцы)	—	—	—	—
Кафиры-сіяхпуши племени башгали	3	1690	3	78,56

Эти антропологическія данныя,—отчасти по незначительности числа измѣренныхъ субъектовъ, частью же вслѣдствіе малой аккуратности и сомнительной компетентности Уйфальви, которому принадлежитъ наибольшее количество измѣреній,—не могутъ считаться достаточными для полной и прочной характеристики народностей, къ которымъ относятся, но все же онѣ даютъ хотя нѣкоторую фактическую опору для начальныхъ попытокъ изученія этногеніи народностей южныхъ склоновъ Хиндукуша и Мустага до того времени, когда болѣе обстоятельныя и обширныя антропологическія изслѣдованія доставятъ удовлетворительные и всесторонніе матеріалы.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 3-й. Кн. X.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(*Продолженіе* *).

В. Попытка опредѣленія происхожденія народностей на южныхъ склонахъ Хиндукуша, Мустага и Каракорума и историческій обзоръ ихъ судебъ въ этническомъ отношеніи.

Обсуждая происхожденіе народовъ, обитающихъ на югѣ отъ Памира и Хиндукуша, я начну съ того положенія, что долины бассейновъ Гилгитской рѣки, а равно и Инда съ притоками въ горной части его теченія, по природнымъ своимъ условіямъ (теплому климату и произрастанію дикихъ фруктовыхъ деревьевъ съ плодами, могущими служить пищею, по обилію звѣрей и пр.) благопріятствовали существованію первобытнаго человѣка, а потому слѣдуетъ признавать весьма вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, что страны эти были обитаемы съ глубочайшей древности. При этомъ надо также имѣть въ виду, что горная природа, облегчая самозащиту, обезпечивала древнѣйшимъ обитателямъ этихъ странъ, аборигенамъ, особую возможность удержать свою независимость или, по крайней мѣрѣ, этническую обособленность. По этимъ причинамъ кажется весьма возможнымъ, что занимающія наиболѣе труднодоступныя мѣстности племена іешкуновъ въ бассейнѣ Гилгитской рѣки и въ долинѣ Инда, а также пресуновъ и эшкуновъ въ Кафиристанѣ суть остатки племенъ древнихъ аборигеновъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на неизбѣжныя метисаціи съ сосѣдними и властвовавшими надъ ними народами, они сохранили и антропологическія отличія, и особые языки, существенно отличные отъ языковъ другихъ мѣстныхъ народностей. Іешкуны, въ частности, имѣютъ средній ростъ (хунзинцы 1708 мм.), превышающій ростъ прочихъ мѣстныхъ на-

*) См. IX кн. „Русск. Антроп. Журн.“.

родностей, и головной указатель, наименѣе близкій къ долихоцефальности, сходясь въ этомъ отношеніи лишь съ сіяхпушами, которые, однако, ниже ростомъ (1690 мм.); еще болѣе обособляетъ іешкуновъ ихъ языкъ, не принадлежащій къ арійскимъ и отличающійся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тюркскихъ и тибетскихъ, а равно и дравидскихъ нарѣчій. Хотя д-ръ Grierson, не объясняя почему, въ своей классификаціи языковъ сѣв.-западной границы Индіи, причисляетъ пресунскій языкъ къ кафирскимъ діалектамъ особой группы индо-арійскаго семейства языковъ (Journal of Asiatic Society, 1900, p. 508), но главный пока изслѣдователь Кафиристана, пробывшій въ странѣ въ 1889—1890 гг. болѣе года, Робертсонъ утверждаетъ, что въ Кафиристанѣ три главныхъ языка—сіяхпушскій, вайскій и пресунскій, и что хотя молодые сіяхпуши легко усвоиваютъ вайскій языкъ, но языку пресуновъ никто изъ нихъ выучиться не могъ, да и самъ Робертсонъ, сколь ни внимательно прислушивался къ пѣснямъ пресуновъ при жертвоприношеніяхъ, не въ состояніи былъ не только запомнить, но даже повторить ни одного изъ слышанныхъ словъ. Робертсонъ полагаетъ, что пресуны, отличающіеся отъ другихъ кафирскихъ племенъ болѣе смуглой окраской кожи, суть аборигены, успѣвшіе уберечься отъ поглощенія пришельцами, каковыми являются остальные кафиры, происходящіе,—думаетъ онъ,—отъ древне-индійскаго населенія нынѣшняго восточнаго Авганистана, удалившагося въ X в., предъ напоромъ мусульманскихъ завоевателей, въ горы Кафиристана (The Kafirs of Hindu-kush, by sir G. S. Robertson, London, 1896, pp. 169, 157, 78). Что касается эшкуновъ (Ashkuns), которые по слухамъ, дошедшимъ до Робертсона, говорятъ на языкѣ, сходномъ съ вайскимъ (тамъ же, p. 81), то предположить пока, до ознакомленія науки съ языкомъ вайцевъ и эшкуновъ, что эшкуны аборигены, побуждаетъ меня сходство ихъ имени съ именемъ іешкуновъ, тогда какъ слухи о сходствѣ языка эшкуновъ съ вайскимъ могутъ оказаться ошибочными.

Языки остальныхъ нынѣшнихъ народностей и племенъ, а также антропологическіе ихъ признаки показываютъ, что, за исключеніемъ балти и ладакцевъ, племена эти индо-арійскаго происхожденія, съ большей или меньшей примѣсью покоренныхъ аборигеновъ. Однако уже меньшій ростъ (1654 мм.) сравнительно съ іешкунами (1708 мм.), при высокомъ вообще ростѣ у арійцевъ Индіи (отъ 1716 мм. у сейковъ до 1656 мм. у брахмановъ Бенгала, Journal of the Anthrop. Institute, 1891, vol. 21, p. 340), указываетъ на метисацію съ какой-то низкорослой народностью. Только еще болѣе сильной метисаціей съ низкорослой и вмѣстѣ съ тѣмъ долихоцефальной народностью можетъ быть объяснена низкорослость балти (1614 мм.) и ладакцевъ (1630 мм.), а также большая долихоцефальность балти (74,92) и даже ладакцевъ (76,08), чѣмъ шиновъ (76,10), такъ какъ чистые тибетцы брахицефалы и средній ростъ имѣютъ около 5 ф.

5 д. (Notes on the Ethnologie of Tibet, by W. W. Rockhill, въ Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, for the year 1893. Report of the U. S. National Museum, Washington, 1895, p. 674), т.-е. около 1651 мм. Прибѣгнуть къ гипотезѣ существованія аборигеновъ, особой отъ іешкуновъ расы, низкорослыхъ и долихоцефаловъ, мѣшаетъ отсутствіе всякихъ остатковъ этихъ аборигеновъ. Поэтому предпочтительнѣе допустить, что низкорослость и долихоцефальность были занесены на сѣверные склоны Хималаевъ дравидами.

Давно уже выяснено, что населеніе Индіи до прибытія арійцевъ состояло главнымъ образомъ изъ дравидскихъ племенъ. Подтвердили это и произведенныя во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ обширныхъ количественно размѣрахъ, антропометрическія изслѣдованія. Одинъ изъ выдающихся англо-индійскихъ этнологовъ Крукъ считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, что въ самыя древнія времена Верхняя Индія была занята дравидскою черною расою, которая жила въ каменномъ вѣкѣ; что этотъ народъ былъ негритскаго типа, прибылъ, можетъ-быть, на югъ полуострова изъ Африки и Меланезіи и прошелъ на сѣверъ чрезъ плато Декана; что онъ былъ покоренъ послѣдовательными волнами нашествія арійцевъ и скифовъ, и что это произошло постепенно и потребовало громаднаго періода времени. Антропометрія не подтвердила распространеннаго мнѣнія о томъ, что нынѣшнее населеніе Индіи состоитъ изъ стоящей во главѣ бѣлокожей расы и изъ массы подъ нею черныхъ илотовъ. Дравидскій элементъ оказался, при численномъ преобладаніи, настолько устойчивымъ, что пришельцы были поглощены, какъ португальцы въ Индіи, норманны во Франціи и т. под. Антропометрія показала, что даже у брахмановъ есть примѣсь дравидской крови (The North-Western Provinces of India. Their History, Ethnologie, and Administration, by W. Crooke, London, 1897, pp. 199—201, 205). Дравидскія племена имѣютъ ростъ отъ 1562 до 1621 мм. при большой долихоцефальности (Journal of Anthropol. Institute, 1891, vol. 21, p. 340; по Деникеру, ростъ дравидовъ опредѣленъ отъ 1577 мм. до 1634, а головной указатель дравидо-индусовъ отъ 67,00, pp. 659, 661 и 675). Въ виду этого представляется весьма возможнымъ, что или еще до прихода арійцевъ въ Индію, или во время нашествія ихъ, нѣкоторая часть дравидовъ перешла на сѣверные склоны Хималая и водворилась здѣсь въ ближайшихъ изъ наиболѣе плодородныхъ мѣстностей по Инду, преимущественно въ предѣлахъ нынѣшняго Балтистана и Ладака, вытѣснивъ или поглотивъ аборигеновъ. Впослѣдствіи дравиды эти были покорены шинами, которыхъ затѣмъ замѣнили тибетцы, надѣлившіе населеніе Балтистана и Ладака своимъ языкомъ, хотя въ Балтистанѣ населеніе осталось дравидскимъ въ своей основѣ и примѣсей шинскихъ, а потомъ тибетскихъ приняло въ себя довольно мало, и болѣе значительная подбавка тибетской крови совершилась лишь въ Ладакѣ.

Остатками шинскаго господства являются въ Балтистанѣ горцы въ Дехъ-Хану, которыхъ балтіи называютъ *кіанго*, быть-можетъ, по имени племени шиновъ, властвовавшихъ въ Балтистанѣ, или основаннаго ими государства [1]). Такимъ же дравидскимъ происхожденіемъ можно объяснить малый ростъ говорящихъ тибетскими діалектами племенъ Сиккима (1570 мм.) и Непала (отъ 1590 мм.), отличающій которыхъ отъ балти и ладакцевъ головной указатель (80,70 по Деникеру, р. 442) можетъ быть приписанъ большой примѣси короткоголовыхъ тибетцевъ.

По нынѣшнему расположенію арійскихъ племенъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и по сравнительно большей или меньшей близости ихъ языковъ къ языкамъ западной Индіи—кашмирскому и пенджабскому, слѣдуетъ полагать, что во время перехода за Индъ главной массы арійцевъ, относимаго обыкновенно ко времени около 1500 лѣтъ до Р. Х. (H. Hale въ Journal of the Anthrop. Institute, v. 21, p. 442), самое западное изъ индо-арійскихъ племенъ, нынѣшніе сіяхпуши, осталось въ верхней части бассейна Кабулъ-дарьи, слѣдующее племя хо заняло среднюю часть этого бассейна и, наконецъ, племя шиновъ—нижнюю. Племенамъ этимъ пришлось вести многовѣковую борьбу за свои земли, независимость и народность съ слѣдовавшими за индо-арійцами иранскими народами. Не всегда получая своевременную помощь отъ заиндскихъ соплеменниковъ, сіяхпуши, хо и шины постепенно теряли свои земли въ долинѣ Кабулъ-дарьи и частію оставались на утраченныхъ мѣстахъ въ качествѣ покореннаго населенія, частію же выселялись въ горныя страны по лѣвымъ притокамъ Кабулъ-дарьи и по Инду. Сіяхпуши были такимъ образомъ вытѣснены въ Кафиристанъ, гдѣ и продолжали свою борьбу съ иранцами,

---

[1]) Въ „Танъ-шу“, въ описаніи тибетскаго владѣнія или племени Янтунъ (Yang-Thoung) упоминается, что имя княжескаго его дома или рода есть Кіанго (переводъ Аб. Ремюза, изъ сборника Матуаньлия, въ Nouveaux mélanges asiatiques, 1829, t. I, p. 191). Это имя, видимо, тождественно съ кіанго. По означенному описанію, племя или владѣніе Янтунъ раздѣляется на два: Большой и Малый Янтунъ. Б. Янтунъ расположенъ на западѣ отъ туфаней и на востокѣ отъ М. Янтунъ, „прямо на югѣ отъ Хотана“. Страна ихъ простирается на 5 т. ли съ В. на З. Считаютъ отъ 80 до 90 т. воиновъ. Занимаются скотоводствомъ. Въ странѣ ихъ бываютъ великіе вѣтры, падаетъ много снѣгу, а ледъ достигаетъ толщины до 10 кит. футовъ. Произведенія страны такія же, какъ въ другихъ частяхъ Тибета. Владѣніе Янтунъ было неизвѣстно китайцамъ до 641 г., когда прибыло ко двору отъ нихъ посольство (тамъ же, pp. 190—191), отъ котораго, вѣроятно, и получены всѣ эти о немъ свѣдѣнія. По исторіи Тибета и Хухунора (І. Бичурина, 1833 г., стр. 144), туфаньцы привели въ подданство всѣхъ Янтунскихъ цяновъ въ 681 г.; по свѣдѣніямъ 822 г. горы вершинъ Желтой рѣки лежатъ противъ владѣнія Большой Янтунъ (тамъ же, стр. 222). Изъ всего этого можно заключить, особенно въ виду положенія относительно Хотана, что оба Янтунъ находились на С.-В. отъ Балтистана и Ладака и что Большой Янтунъ отдѣлялся отъ нихъ Малымъ. Такъ какъ имя кіанко носилъ лишь княжескій домъ, то мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что княжескій родъ Янтуна происходилъ изъ племени или страны кіанго, а имя властвовавшаго въ Балтистанѣ или издревле здѣсь обитавшаго народа кіянго произошло отъ имени княжескаго рода тибетскаго племени кіанко.

представителями и преобладающимъ племенемъ которыхъ сдѣлались съ XIV в. авганы; упорная самозащита кафировъ [1]) сокрушена была лишь въ 1895 г., когда эмиръ Абдэррахманъ-ханъ овладѣлъ оставшеюся независимою частію Кафиристана, вырѣзавъ значительную часть населенія и обративъ остальную въ мусульманство. Занимающее Читралъ и состоящее нынѣ изъ 150—200 т. душъ племя хо, вѣроятно, вытѣснено было изъ долины Кабулъ-дарьи давно и прошло оттуда на нынѣшнія земли по р. Камѣ, иначе Кашкарской или Читральской; владѣтельный домъ Читрала и привилегированные классы (зундре, около 300 семействъ, и ашимадеки) иноплеменнаго, неизвѣстнаго (частію изъ иранцевъ верховьевъ Аму-дарьи и Бадахшана) происхожденія; есть также пришельцы иранскихъ (1 т. семействъ переселенцевъ изъ Мунджана въ верхней части долины Лудхо и пр.) и индо-арійскихъ племенъ (сіяхпуши, родственные шинамъ дангарики и пр.) [2]), но Читралъ избѣгалъ до сихъ поръ объавганенія, такъ какъ отдѣленъ былъ отъ Авганистана съ запада Кафиристаномъ и съ юга труднопроходимымъ горнымъ хребтомъ. Племя шиновъ, кажется, болѣе многочисленное и, вѣроятно, дѣлившееся на отдѣлы, обратившіеся потомъ въ племена, занимало сначала низовья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Свата и Пенджкоры (въ верховьяхъ этихъ рѣкъ уцѣлѣли донынѣ торвальцы и бушкарцы, говорящіе на діалектахъ, близкихъ къ шинскому) и оба берега Инда [3]).

---

[1]) Численность кафировъ опредѣлялась различно: отъ 350 т. (Эльфинстонъ) до 100 т. д. о. п. (см. между прочимъ Le Kafiristan et les Siahpouches, par G. Capus въ Revue scientifique, 1889, t.t. 43 et 44). Едва ли въ 1895 г. она превышала послѣднюю цифру.

[2]) Почти всѣ эти свѣдѣнія заимствованы у Биддельфа, который, между прочимъ, высказываетъ предположеніе, что имена рѣкъ Кофена, Хоаспа и Хоеса, горъ Комедскихъ и города Андхо (Андхой?) происходятъ отъ имени племени хо („Народы, населяющіе Гинду-кушъ“, стр. 217). Относительно именъ названныхъ рѣкъ эта догадка кажется вѣроятною, если, согласно съ В. В. Григорьевымъ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, Спб., 1867 г., стр. 751), считать Кофенъ историковъ Александра (Кофъ или Кофесъ Страбона) за р. Каму, и Хоаспъ Страбона (Коэсъ Арріана, Коасъ Птолемея) за Лендай-Синдъ (соединенное теченіе р.р. Пенджкоры и Свата до впаденія въ Кофенъ-Каму). Что же касается горъ Комедскихъ Птолемея, то почитать ихъ съ Биддельфомъ за „кряжъ въ вершинѣ долины Сватъ“ было бы неосновательно и несогласно съ свѣдѣніями Птолемея, которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ мною разсмотрѣны. Поэтому горы Комедскія и городъ Андхой едва ли имѣютъ какія-либо дѣйствительныя соотношенія съ племенемъ хо.

[3]) Слѣдъ самаго западнаго мѣстообитанія шиновъ сохранился, кажется, въ лицѣ нынѣшняго авганскаго племени *шинвари*, которое, по Белью (An Inquiry into Ethnography of Afghanistan, 1891, Woking, p.p. 95—96), состоитъ изъ 15 т. семействъ и занимаетъ сѣверные склоны и подножія Сефидъ-куха (хребетъ праваго берега Кабулъ-дарьи) на западѣ отъ Хайберскаго ущелья, имѣя небольшіе свои отдѣлы въ долинѣ Кашанъ (вѣроятно, это — долина, ведущая изъ долины р. Горбенда къ извѣстному перевалу Кашанъ въ Хиндукушѣ) и въ долинѣ Сайгалъ, орошаемой притокомъ Камы, того же имени, въ Кафиристанѣ. Кстати можно здѣсь упомянуть, что Белью считалъ іешкуновъ или буришей за ассакеновъ, упоминаемыхъ Арріаномъ, и полагалъ, что они выселились въ Читралъ (?) и Яссинъ въ XIV в., во время завоеванія низовьевъ Кабулъ-дарьи и бассейна Свата и Пенджкоры юсуфзіями; по его мнѣнію, другая часть ассакеновъ ушла на лѣвый берегъ Инда въ мѣстность Пакли нынѣшняго округа Хезаре, гдѣ из-

Надо думать, что еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., подъ напоромъ ли пранцевъ, или по другимъ причинамъ (недостатокъ земель, внутренніе раздоры, иноплеменныя нашествія и т. п.), часть шиновъ двинулась вверхъ по Инду и подчинила или вытѣснила какъ мѣстныхъ аборигеновъ, такъ и образовавшіяся изъ аборигеновъ и пришлыхъ дравидовъ племена, водворившись въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Преобладаніе шиновъ въ бассейнѣ горнаго теченія Инда продолжалось, какъ увидимъ ниже, до образованія въ VII в. туфаньскаго государства. Тибетцы отняли у шиновъ Ладакъ и Балтистанъ, населеніе которыхъ приняло тибетскій языкъ и получило, особенно въ Ладакѣ, примѣсь тибетскаго элемента. Остававшіеся въ низовьяхъ Кабулъ-дарьи и прилегающихъ мѣстностяхъ шины подвергались послѣдовательнымъ нашествіямъ и владычеству персовъ (по Геродоту, кн. III, 93, гандары входили въ составъ 7 персидской сатрапіи), македонянъ, греко-бактрійскихъ царей, саковъ, юечжей-кушановъ, арабовъ, тюрковъ, саманидовъ, газневидовъ, гуридовъ, монголовъ и пр.; около же XV в. они были окончательно порабощены и лишены своихъ земель авганами и вошли въ составъ той массы земледѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ и пр., большею частію индійскаго происхожденія, которые, проживая на авганскихъ земляхъ, находятся въ отношеніи къ авганскимъ племенамъ въ тяжкой зависимости и вообще извѣстны подъ именемъ хиндковъ. Обитающіе по Инду, въ сосѣдствѣ съ авганами, шины постепенно объавганиваются. Такъ, жители обоихъ береговъ Инда вверхъ отъ Дербенда, гдѣ Индъ выходитъ изъ горъ въ долину Пенджаба, до Горбанда, зовутъ себя патанами, хотя лишь правый берегъ рѣки занятъ авганцами, лѣвый же заселенъ бывшими шинами, которыхъ авганы зовутъ *нимча* („Народы, населяющіе Гинду-кушъ“, стр. 10). На слѣдующихъ вверхъ отъ Горбанда 50 миляхъ теченія Инда населеніе также говоритъ на авганскомъ языкѣ, хотя сохраняетъ еще и собственныя нарѣчія, имѣя вообще „видъ исчезающей расы, въ періодѣ поглощенія другою, болѣе сильною“ („Народы, насел. Г.“, стр. 12).

Обратимся теперь къ историческимъ извѣстіямъ, изложеннымъ во 2-мъ отдѣленіи настоящей главы и отчасти въ предшествующихъ, дабы убѣдиться, насколько древнія извѣстія, относящіяся къ южнымъ склонамъ

вѣстна подъ именемъ „свати“ по мѣсту прежняго своего жительства (р.р. 75—76). Но сходство именъ ассакеновъ и іешкуновъ слишкомъ отдаленно, а такъ какъ ассакены были, несомнѣнно, народцемъ арійскимъ (вѣроятно, однимъ изъ племенъ шиновъ), іешкуны же, какъ явствуетъ изъ сохраненнаго ими языка, не арійцы, то іешкуны не могутъ быть признаваемы за ассакеновъ. Что касается до „свати“ въ Пакли, то имя это могли занести переселившіеся въ эту мѣстность шины изъ Свата: Биддельфъ даже считаетъ Пакли, разумѣется преувеличенно, тѣмъ пунктомъ, изъ котораго вышли шины, двинувшіеся вверхъ по Инду и завоевавшіе Гилгитъ и Балтистанъ (стр. 113): конечно, для завоеванія этого было бы слишкомъ недостаточно силъ незначительнаго количества шиновъ, которое обитало въ подобномъ небольшомъ округѣ, и предпріятіе это было выполнено значительною массою шиновъ обоихъ береговъ Инда.

Хиндукуша, соотвѣтствуютъ только-что сдѣланному очерку судебъ трехъ западныхъ индо-арійскихъ племенъ, основанному главнымъ образомъ на имѣющихъ значеніе фактахъ, но не на прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ; при этомъ означенный очеркъ будетъ нѣсколько дополненъ при помощи историческихъ свѣдѣній.

Въ главѣ второй (стр. 66) было приведено относящееся къ I вѣку до Р. Х. описаніе владѣнія Наньду, находившагося въ зависимости отъ сейцевъ Гибини, которые подчинили его на пути своемъ чрезъ Памиръ въ долину Кабулъ-дарьи во II вѣкѣ до Р. Х.; по имѣющимся въ описаніи даннымъ я призналъ это владѣніе соотвѣтствующимъ Читралу съ Мастуджемъ, съ возможнымъ нахожденіемъ въ его составѣ бассейна Гилгитской рѣки (стр. 71 и 72). Въ населеніи Наньду, сѣявшемъ всякій хлѣбъ, разводившемъ виноградъ и пр., добывавшемъ металлы и выдѣлывавшемъ оружіе, нѣтъ причинъ не видѣть индо-арійское племя хо, донынѣ населяющее Читралъ: трудно думать, что аборигены достигли такого развитія культуры, изъ индо-арійскихъ же племенъ всего вѣроятнѣе признавать это населеніе за племя хо. О бассейнѣ Свата и Пенджкоры и его населеніи ханьскія извѣстія молчатъ, быть-можетъ, потому, что страна находилась въ непосредственномъ управленіи сейцевъ Гибини и послѣдніе держали на тамошнихъ пастбищахъ свои стада; но, конечно, тутъ уже найдено было сейцами индо-арійское населеніе, всего вѣроятнѣе, изъ племенъ шиновъ, какъ въ Бунирѣ и на Кабулъ-дарьѣ, такъ какъ Фа-Сянь въ началѣ V в., посольство Сонъ Юня въ концѣ первой четверти VI стол. и Сюань Цзанъ, чрезъ сто съ небольшимъ лѣтъ позже, нашли въ бассейнѣ Свата обширное и многолюдное владѣніе съ арійскимъ населеніемъ, съ именемъ Уланъ или Уланна, по-санскритски Удіяна. Что населеніе Улана было индо-арійскимъ, это видно изъ свидѣтельства Сюань Цзана о томъ, что какъ письмена, такъ и языкъ этого населенія, а равно обычаи (или точнѣе правила общежитія, les règles de la civilité) сильно походили на индійскія (Mém. sur les contrées occidentales etc., t. 2, p.p. 131—132). Это были, всего вѣроятнѣе, племена шиновъ, нарѣчія которыхъ наиболѣе близки къ языкамъ кашмирскому и пенджабскому. Подтвержденіе тому, что это населеніе уже многіе вѣка занимало Уланъ, можно вывести изъ свѣдѣній о положеніи въ немъ буддизма. Сюань Цзанъ приводитъ свѣдѣнія о многочисленныхъ въ Уланѣ буддійскихъ святыняхъ и относящіяся къ нимъ легенды, но замѣчаетъ, что изъ существовавшихъ ранѣе 1400 монастырей съ 18 т. монаховъ большая часть находилась уже въ его время въ развалинахъ и число монаховъ сильно уменьшилось (p. 132). Изъ описаній Фа-Сяня и Сонъ Юня съ товарищами видно, что буддизмъ въ Уланѣ еще находился въ процвѣтаніи. Но для достиженія такого процвѣтанія нужны были, конечно, вѣка, а потому слѣдуетъ полагать, что насажденіе въ странѣ буддизма произошло много вѣковъ ранѣе,

и относится еще ко временамъ Асоки (половина III в. до Р. Х.) и Канишки (I в. послѣ Р. Х.) и что въ теченіе этихъ вѣковъ населеніе было то же самое, кто бы ни были его властители. Относительно населенія бассейна Гилгита и верхняго Инда весьма важно свѣдѣніе Сюань Цзана о томъ, что древняя столица Учана находилась въ Талило, т.-е. въ долинѣ Дарела. Это извѣстіе указываетъ на то, что нѣкогда Учанъ входилъ въ составъ обширнаго царства, которое, кромѣ собственно Учана, по нахожденію столицы его въ долинѣ Дарела, должно было заключать въ себѣ бассейнъ Гилгитской рѣки и Балтистанъ, быть-можетъ, и Ладакъ. Господствующимъ въ этомъ царствѣ племенемъ могли быть лишь шины. Существованіе этого царства должно было много предшествовать путешествію Фа-Сяня, который вступилъ въ *Учанъ* лишь чрезъ 15 дней пути изъ Толи (долина Дарела) на югъ-западъ, а тѣмъ болѣе посольству Сонъ Юня. Китайскія описанія V в. владѣній Болу и Агэуцяна (см. выше), соотвѣтствующихъ Гилгиту и Балтистану, свидѣтельствуя о довольно высокомъ развитіи въ этихъ странахъ земледѣлія и плодоводства, объ употребленіи въ торговлѣ денегъ и пр., подтверждаютъ этимъ, что отдѣлившіяся части прежняго Дарельскаго царства господствующимъ населеніемъ имѣли индо-арійцевъ шиновъ, такъ какъ едва ли аборигены и помѣси ихъ съ дравидами могли достигнуть такой степени культуры. Правда, о населеніи владѣнія Полуло (замѣнившаго Болу и Агэуцянъ) Сюань Цзанъ сообщаетъ, что, при очень сходныхъ съ индійскими письменахъ, оно имѣетъ языкъ, отличный отъ языковъ другихъ владѣній, но отличія могли заключаться лишь въ разницѣ діалекта, если онъ не имѣлъ въ виду языкъ аборигеновъ и помѣсей ихъ съ дравидами, составлявшихъ, конечно, большинство населенія, хотя и подчиненнаго господствующимъ шинамъ.

Для опредѣленія времени образованія и распаденія Дарельскаго государства нѣтъ почти никакихъ фактическихъ указаній и возможны лишь предположенія. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ пока допускать, что царство это возникло за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. въ результатѣ движенія шиновъ вверхъ по Инду, распалось же во II в. до Р. Х. вслѣдствіе завоеванія сейцами, на пути къ низовьямъ Кабулъ-дарьи, всей западной половины царства, между прочимъ Наньду и Учана, причемъ восточныя области остались болѣе или менѣе независимыми и въ нихъ со-временемъ образовались владѣнія Болу и Агэуцянъ. Важнымъ указаніемъ на отдѣленіе сіяхпушей, хо и шиновъ отъ главной массы индо-арійцевъ до перехода послѣдней за Индъ,—слѣдовательно, очень задолго до Р. Х., такъ что и движеніе шиновъ вверхъ по Инду могло совершиться за много вѣковъ до Р. Х., а съ нимъ и образованіе Дарельскаго царства,—считаю я отсутствіе внутри всѣхъ трехъ названныхъ племенъ четырехъ главныхъ существующихъ у арійцевъ Индіи и возникшихъ у нихъ на индійской почвѣ кастъ. Не видя кастъ внутри шиновъ, Биддельфъ утверждаетъ, что «шины—

брахманская раса, успѣвшая, несмотря на свою численную слабость, ввести среди другихъ расъ свой языкъ и въ значительной степени свои обычаи» (стр. 54). Обративъ такимъ образомъ шиновъ въ брахманскую касту, онъ считаетъ «слѣдующею и наиболѣе многочисленною кастою іешкуновъ» (стр. 50) и низшими кастами краминовъ, домовъ, шота и гуджоровъ (стр. 51), допуская, что эти низшія касты прибыли вмѣстѣ съ шинами или послѣ (стр. 52). Если низшія касты прибыли позже, происходя изъ индійскихъ низшихъ кастъ, спеціализирующихся по ремесламъ и занятіямъ, и будучи привлечены въ земли шиновъ выгодными заработками, какъ ремесленники и пр., то къ кастамъ у самихъ западныхъ индо-арійскихъ племенъ эти низшія и весьма малочисленныя касты никакого отношенія не имѣютъ. Остаются, слѣдовательно, каста іешкуновъ и сами шины, но іешкуны явно являются лишь покоренною народностью, занимающею низшее въ отношеніи къ завоевателямъ положеніе и сохранившею даже въ значительной своей части особый свой языкъ. Существенно лишь то, что въ средѣ самихъ шиновъ, какъ сіяхпушей и хо, кастъ нѣтъ. Утвержденіе Биддельфа о принадлежности всѣхъ шиновъ къ брахманской кастѣ или расѣ, по его выраженію, опровергается слѣдующимъ мѣстомъ описанія Учана въ «Бэй-шы», основаннаго главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ Хой Сена и Сонъ Юня, но, вѣроятно, имѣвшаго и другіе источники: «Индійскіе брахманы составляютъ высшее сословіе. Брахманы болѣе занимаются астрологіей и предсказаніемъ счастія и несчастія. Государь при каждомъ предпріятіи спрашиваетъ ихъ рѣшенія» («Собр. свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 180 и 181). Такимъ образомъ, хотя въ Учанѣ, землѣ шиновъ, имѣлись брахманы, составляя высшій классъ надъ остальнымъ шинскимъ населеніемъ, но это были брахманы пришлые, «индійскіе», попавшіе въ Учанъ въ качествѣ ученыхъ, преимущественно придворныхъ астрологовъ; религіознаго значенія брахманской касты въ Учанѣ они не могли имѣть, такъ какъ жители страны «поклоняются Буддѣ. Много храмовъ. Священные обелиски» (т.-е. ступы) чрезвычайно великолѣпны (стр. 181). Подтвержденіемъ же ранняго отдѣленія шиновъ съ хо и сіяхпушами отъ заиндскихъ арійцевъ и большихъ ихъ вслѣдствіе этого отличій можетъ служить также причисленіе ихъ Сюань Цзаномъ къ *млеча*, т.-е. къ народамъ, считаемымъ индійцами за варваровъ: «Отъ царства Лань-по» (нынѣшній Лемганъ) «до этой страны» (цитируемое мѣсто находится въ описаніи владѣнія Ко-ло-ше-пу-ло, которое расположено было на югѣ отъ Кашмира, имѣя на востокѣ р. Чебанъ) «населеніе имѣетъ наружность пошлую и подлую (commune et ignoble), характера буйнаго и дикаго, языкъ же его простонароденъ (vulgaire) и грубъ. Оно чуждо справедливости и правиламъ приличія. Собственно страна его не принадлежитъ къ Индіи; она имѣетъ порочные нравы млеча», пограничныхъ варваровъ (Mém. sur les c. o., t. I, p. 188).

Въ главѣ II (стр. 72), въ виду указанія ханьскаго описанія Наньду на смежность этого владѣнія «на югѣ» съ Жокяномъ и употребленія послѣдняго имени для означенія земель западныхъ тибетскихъ племенъ, я сдѣлалъ заключеніе, что въ ханьское время тибетцы или подвергшіеся смѣшенію съ ними аборигены занимали долину Инда, по крайней мѣрѣ, до поворота теченія этой рѣки на югъ. Теперь, въ виду изложенныхъ въ настоящей главѣ свѣдѣній, данныхъ и соображеній, я признаю нахожденіе тибетскаго элемента въ Балтистанѣ въ столь раннее время сомнительнымъ и ничѣмъ, кромѣ указываемаго замѣчанія «Хань-шу», не доказываемымъ. Между тѣмъ весьма возможно, что извѣстіе о смежности Наньду съ Жокяномъ есть простое слѣдствіе недоразумѣнія, проистекшаго отъ смѣшенія *кян*'овъ съ *кіянго*, именемъ населенія Балтистана во время владычества шиновъ. При такомъ объясненіи ханьскаго извѣстія очень древнее распространеніе тибетцевъ по Инду дѣлается сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что кочевникамъ-тибетцамъ, раздѣлявшимся на слабыя племена, едва ли могло удаваться проникать внизъ по Инду и прочно утверждаться въ Балтистанѣ и бассейнѣ Гилгитской рѣки, когда доступы въ эти страны съ востока почти непроходимы при малѣйшемъ сопротивленіи мѣстнаго населенія одинаковой или нѣсколько низшей культуры. Такъ какъ кромѣ разсмотрѣннаго ханьскаго извѣстія въ китайскихъ династійныхъ исторіяхъ и описаніяхъ путешествій паломниковъ, насколько извѣстно, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на тибетцевъ на Индѣ, то,—по крайней мѣрѣ до обнаруженія доказательствъ противнаго,—слѣдуетъ полагать, что распространеніе тибетской расы и вліянія внизъ по Инду послѣдовало лишь послѣ путешествія Сюань Цзана и послѣ образованія туфаньскаго царства, которое, объединивъ тибетскія племена и опираясь на ихъ общія силы, расширило во всѣ стороны распространеніе и господство тибетскаго народа.

Образованіе изъ Болуло Сюань Цзана двухъ владѣній, Большого Болюя или Балтистана и Малаго или Гилгита, могло совершиться лишь послѣ начала 30-хъ годовъ VII в., времени путешествія Сюань Цзана въ Болуло, но вслѣдствіе какихъ причинъ и въ какое именно время совершилось раздѣленіе Болуло на Большой и Малый Болюи—неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе относить это раздѣленіе ко времени усиленія туфаньской династіи, конечно, послѣ перваго ея посольства въ Китай, относящагося къ 634 г. Весьма возможно, что послѣ подчиненія въ 681 г. янтунскихъ цяновъ, сосѣдившихъ съ Болуло съ сѣв.-востока, туфани привели отъ себя въ зависимость и Болуло. Едва ли шины оставили покушеніе Тибета на свои владѣнія безъ сопротивленія. Отложеніе западной части Болуло, названной китайцами Мал. Болюемъ, отъ восточной части, оставшейся подъ властію туфаней, съ именемъ Б. Болюя, было, вѣроятно, или могло быть проявленіемъ борьбы шиновъ противъ тибетскаго владычества. Напрягая свои силы для борьбы съ Китаемъ, туфаньцы могли оставить отло-

женіе Мал. Болюя до окончанія войны съ Китаемъ безъ усмиренія, но приступить къ мѣрамъ подчиненія, какъ только оказалась возможность. Какъ бы то ни было, М. Болюю естественно было, предвидя опасность со стороны туфаней, обратиться за помощью къ Китаю, который въ 692 г. выказалъ свою силу, отнявъ обратно у тибетцевъ В. Туркестанъ. Мы видѣли, что въ 713 г. государь М. Болюя лично явился въ китайскую столицу и принятъ въ подданство. Третій преемникъ Мугиньмана передался, однако, на сторону тибетцевъ, и хотя въ 747 г. китайцы успѣли завоевать М. Болюй, но во время возстанія Аньлушаня (756 г.) и послѣдующихъ смутъ, когда туфани захватили множество китайскихъ земель, М. Болюй, конечно, былъ навсегда потерянъ для Китая и долженъ былъ находиться подъ владычествомъ Тибета, по крайней мѣрѣ, столѣтіе, до распаденія туфаньскаго царства въ половинѣ IX в. Результатомъ почти двухвѣкового нахожденія Балтистана подъ туфаньскимъ владычествомъ и близости этой страны къ Тибету было принятіе главною массою населенія тибетскаго языка и большей или меньшей примѣси тибетской крови. Въ Гилгитѣ, напротивъ, тибетскій языкъ не утвердился и метисаціи съ тибетцами были незначительны, вслѣдствіе большей отдаленности отъ Тибета и меньшей продолжительности туфаньскаго господства, продолжавшагося около столѣтія.

Въ части первой половины VIII в. даже Ваханъ признавалъ власть Тибета («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 254), а потому возможно, что и Яссинъ съ Читраломъ не вполнѣ избѣгли туфаньскаго владычества или его опасности; въ упомянутомъ уже описаніи владѣній Шанъ-ми или Гюйвей [1]) говорится: «жители сего владѣнія всегда помогали М. Болюю въ содѣйствіи Срединному государству» (тамъ же, стр. 267), т.-е. Китаю противъ тибетцевъ.

Наиболѣе вѣрное понятіе о главныхъ чертахъ судебъ странъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и Мустага послѣ паденія туфаньскаго царства до нашихъ дней можно составить себѣ изъ свѣдѣній Мохаммедъ-Хайдера о Белуристанѣ и отчасти изъ ладакской части «Генеалогіи царей Тибета».

---

[1]) По мнѣнію Юля (Notes on Hwen Thsang's Account of the Principalities of Tokharistan, въ Journal of R. Asiatic Society, 1873, vol. 6, p. 114), Khiu-wei, быть можетъ, представляетъ собою китайскую транскрипцію имени Kobi, которое Эльфинстонъ даетъ народу Читрала (vol. 2, ed. 1839, p. 389). Но со времени Эльфистона никто, сколько извѣстно, не подтверждалъ существованія имени *кобя* для читральцевъ. Если въ такой формѣ достигло до Эльфистона имя *хо*, то, пожалуй, и въ Гюй-вэй можно видѣть тоже хо: въ такомъ случаѣ имя Гюй-вэй могло бы служить доказательствомъ обитанія въ Читралѣ во время Танской династіи племени хо, что, конечно, не могло препятствовать нахожденію его въ той же странѣ и многіе вѣка ранѣе. Если д-ръ Grierson правильно выдѣляетъ языки шиновъ и хо въ группу шино-ховарскую, особую отъ группы языковъ кафирскихъ, по близости между собою шиновъ и хо (Journal of the Royal Asiatic Society of G. Br. and Ireland, 1900, July, p. 508), то можно допустить, что племя хо первоначально входило въ составъ племенъ шинскихъ и обособилось отъ нихъ впослѣдствіи.

Именно, не подвергаясь во все это время никакому внѣшнему продолжительному и прочному владычеству, мѣстные народы вели жизнь, обусловливаемую горными условіями и низкой степенью культуры, образуя вообще мелкія общины въ каждой долинѣ, сообщенія которой со смежными долинами значительно затруднялись естественными препятствіями. Это нормальное распаденіе странъ, насъ интересующихъ, на мелкія независимыя другъ отъ друга, часто враждебныя и ведущія между собою войны долины, нарушалось временами честолюбіемъ или жадностью нѣкоторыхъ мѣстныхъ князьковъ, которымъ иногда удавалось на болѣе или менѣе долгое время подчинять часть сосѣднихъ владѣньицъ, пока послѣднія не достигали успѣха въ своихъ неминуемыхъ возстаніяхъ. Значительныхъ этническихъ измѣненій во все это время, повидимому, не произошло, такъ какъ факторами ихъ могли быть лишь сами мѣстныя народности, которыя, можно думать, настолько уже установились въ туфаньскій періодъ, что только внѣшнія этническія или культурныя силы въ состояніи были нарушить достигнутое равновѣсіе или, точнѣе, медленную внутреннюю эволюцію мѣстныхъ этническихъ силъ.

Изъ историческихъ частностей мною приведены были извѣстія XI в. Аль-Бируни, изъ которыхъ можно заключить, что около его времени Гилгитъ, Асторъ и Чиласъ были подчинены однимъ изъ балтистанскихъ владѣльцевъ или авантюристовъ, который за его тибетскій языкъ принятъ былъ за бота, тибетца, и ошибочно оказался въ представленіи Аль-Бируни тюркомъ. Свѣдѣнія Мохаммедъ-Хайдера сообщаютъ о грабительскихъ нашествіяхъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ Кашгаріи, которые, однако, по слабости своихъ силъ, не въ состояніи были утвердить свою власть на югѣ Мустага и Каракорума. Имѣется, сверхъ того, въ разныхъ источникахъ довольно много свѣдѣній и преданій о странахъ на югѣ отъ Хиндукуша и Мустага въ XIX стол., но интереса для насъ здѣсь они не представляютъ, потому что относятся главнымъ образомъ къ нападеніямъ однихъ мѣстныхъ владѣльцевъ на другихъ и къ распрямъ въ средѣ владѣльческихъ фамилій, съ убійствами, отравленіями и безчеловѣчіемъ, характеризующими притомъ не столько мѣстныя народности, сколько нравы потомковъ разныхъ, частію пришлыхъ, авантюристовъ, отъ которыхъ происходили владѣтельныя фамиліи всѣхъ этихъ странъ.

О внутренней эволюціи и нынѣшнихъ внѣшнихъ этническихъ факторахъ можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ замѣчаній Биддельфа о «дардахъ», заканчивающихъ его книгу: «Они представляютъ собою расу въ періодѣ упадка. Съ юга и запада патаны, съ востока татары и въ меньшей степени кашмирцы и, наконецъ, съ сѣвера таджики постоянно тѣснятъ ихъ. Въ долинахъ Свата, Пенджкоры и Инда они оказываютъ лишь пассивное сопротивленіе и всегда уступаютъ, когда давленіе достигнетъ извѣстной степени. Ихъ недостатокъ энергіи и способно-

сти приспособляться, нежеланіе заняться чѣмъ бы то ни было, кромѣ земледѣлія, незначительный приростъ населенія и отсутствіе связи между собою, повидимому, указываютъ, что имъ суждено быть поглощенными болѣе сильными расами. Люди другихъ расъ поселяются среди нихъ, богатѣютъ и размножаются, между тѣмъ какъ владѣтели земли довольствуются бѣдностью, которая удовлетворяла ихъ прадѣдовъ, и остаются нечувствительными къ контрасту между ихъ собственнымъ положеніемъ и возрастающимъ благостояніемъ новыхъ поселенцевъ. На нимча въ долинѣ Инда можно наблюдать начало процесса исчезновенія дардовъ какъ расы» («Народы, населяющіе Гинду-кушъ», стр. 217 и 218). Въ примѣненіи къ шинамъ, наиболѣе знакомымъ ему, замѣчанія и заключенія Биддельфа кажутся безспорными, но въ отношеніи остальныхъ народностей южныхъ склоновъ Хиндукуша требуютъ, по меньшей мѣрѣ, оговорокъ. Такъ Хунза, Нагеръ и Ясинъ, въ которыхъ населеніе состоитъ почти исключительно изъ іешкуновъ, съ успѣхомъ отстаивали свою независимость отъ кашмирскаго махараджи и вообще отличались воинственностью, такъ что энергія ихъ характера значительно отличаетъ іешкуновъ отъ шиновъ. Сохраненіе іешкунами своего языка и части земель, несмотря на многовѣковое господство шиновъ, также свидѣтельствуетъ объ энергіи и способности іешкуновъ къ охранѣ своей народной самобытности. Поэтому возможно, что іешкуны, если судьба ихъ не подвергнется особо неблагопріятнымъ случайностямъ, въ состояніи сохранить свою племенную самобытность еще на долгое время. Точно также воинственные сіяхпуши продолжали бы еще много времени сохранять свою народную самобытность, если бы Англія не рѣшила ихъ гибель, отдавъ въ 1893 г. Кафиристанъ авганскому эмиру взамѣнъ отказа его отъ притязаній на Читралъ, который обращенъ въ британское владѣніе для охраненія безопасности Индіи. По Биддельфу, читральцы племени хо «физически отличаются отъ остальныхъ дардовъ. Они—индо-арійцы весьма совершеннаго типа, подобно шинамъ въ долинѣ Инда, у Коли, но они красивѣе, имѣютъ овальныя лица и тонкія черты, и вообще выдержатъ сравненіе съ красивѣйшими типами въ Европѣ». Главное отличіе ихъ—«большіе прекрасные глаза» и «прекрасные волосы» (стр. 97). Во всякомъ случаѣ британское владычество гарантируетъ это племя хо отъ объавганенія на неограниченное время. Съ востока шинамъ и отчасти іешкунамъ угрожаетъ опасность отъ поглощенія не со стороны собственно татаръ, т. е. тибетцевъ, а со стороны балтіевъ. «Результаты скрещиванія арійской и монгольской крови получились весьма хорошіе: балти не потеряли терпѣнія и прилежанія, свойственныхъ татарамъ, а пріобрѣли большое умственное развитіе и предпріимчивость, качества, которыя существуютъ у дардовъ, не принося имъ особой пользы, вслѣдствіе отсутствія у нихъ энергіи и привычки къ труду. Балтистанъ представляетъ собою наиболѣе цвѣтущую общину въ сѣв.-западной части Гималаевъ.

Вездѣ, гдѣ есть вода, склоны холмовъ отдѣланы террасами и весьма тщательно обработаны; но земли не хватаетъ для чрезвычайно густого населенія, которое подъ покровительствомъ Кашмира стремится распространиться на округа, до настоящаго времени почитавшіеся исключительно дардскими» (стр. 64 и 65). Наконецъ, тѣсноту для «дардовъ» со стороны таджиковъ съ сѣвера отъ Хиндукуша Биддельфъ сильно преувеличилъ. Кромѣ поселенія мунджанцевъ въ долинѣ Лудхо нѣтъ никакихъ слѣдовъ переселеній таджиковъ или, точнѣе, галча на южные склоны Хиндукуша. Галча верховьевъ Аму-дарьи не превосходятъ кафировъ, читральцевъ, іешкуновъ и шиновъ ни численностью, ни степенью культуры, ни воинственностью и силою характера. Поэтому на югѣ отъ Хиндукуша могутъ они появляться лишь въ качествѣ изгнанниковъ, одиночками или большими группами, ища убѣжища отъ притѣсненій на родинѣ, которую, какъ всѣ горцы, покидаютъ лишь въ крайности.

Н. А. Аристовъ.

1 сентября 1901 г.

Годъ 3-й. Кн. XI.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстія VI—VIII вѣковъ о странахъ, непосредственно прилегающихъ къ Памиру съ запада и сѣвера.

I. Вахань.

Въ главѣ четвертой мною уже было приводимо изъ «Бэй-шы» описаніе владѣнія Бохо, которое «лежитъ отъ Гкѣпаньто», т.-е. нынѣшня Ташкургана, «на западѣ. Сія страна еще холоднѣе. Люди и скотъ живутъ вмѣстѣ. Обитаютъ въ выкопанныхъ землянкахъ. Еще есть большія снѣжныя горы, вершины которыхъ представляются серебряными. Жители питаются печенымъ хлѣбомъ и киселемъ; пьютъ хлѣбное вино. Одѣяніе носятъ мѣховое и валяное изъ шерсти» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 180). Свѣдѣнія эти, несомнѣнно, имѣли своими источниками описанія путешествія китайскаго посольства 518—521 г., составленныя состоявшими при посольствѣ этомъ Сонъ Юнемъ и Хой Сеномъ и дошедшія до насъ въ болѣе или менѣе испорченныхъ текстахъ. Имѣющіеся пока переводы послѣднихъ, изданные Нейманомъ (1833 г.) и Билемъ (1869 г.), во многомъ противорѣчивы и не вполнѣ надежны, но ни въ чемъ почти имѣющемъ важное значеніе отъ сдѣланнаго въ «Бэй-шы» и приведеннаго въ переводѣ о. Іакинфа изложенія не отличаются, а потому помѣщать эти переводы Неймана и Биля излишне. Такъ какъ китайское посольство 518 г., слѣдуя въ Бохо съ востока изъ Ташкургана, продолжало отсюда путь свой на западъ во владѣніе Ѣда, котораго владѣтеля нашло оно несомнѣнно на зимовкахъ въ нынѣшнемъ Бадахшанѣ, то Бохо, очевидно, соотвѣтствуетъ Вахану и есть, вѣроятно, лишь китайская транскрипція послѣдняго имени.

---

*) См. X кн. „Русск. Антроп. Журн."

Ниже мы увидимъ, что, по «Танъ-шу», имя Бохо въ китайскихъ извѣстіяхъ VI в. носило владѣніе, именовавшееся въ танскія времена Хуми, которое можетъ соотвѣтствовать лишь нынѣшнему Вахану.

У Сюань Цзана, проѣзжавшаго здѣсь въ концѣ первой половины 640-хъ годовъ, Ваханъ значится подъ именемъ Ta-mo-si-tie-ti, но въ примѣчаніи китайскаго текста сказано: «Его называютъ также Tchin-Khan. Туземцы именуютъ его Hou-mi». По описанію Сюань Цзана, владѣніе это расположено между двумя горами; въ древности оно входило въ составъ царства Ту-хо-ло. Оно имѣетъ около 1500—1600 ли съ В. на З.; ширина его съ Ю. на С. отъ 400 до 500 ли (это ошибка переводчика вмѣсто «отъ 4 до 5 ли», какъ выяснили C. Levi и Ed. Chavannes въ своихъ комментаріяхъ къ дорожнику Укона, см. Journal asiatique, 1895, t. VI, p. 347), въ самой же узкой части не болѣе 1 ли. Владѣніе это лежитъ по рѣкѣ Po-ts'ou (Оксъ), слѣдуя ея извилинамъ и поворотамъ. Виднѣются бугры и холмы разныхъ высотъ, и долины, покрытыя пескомъ и каменьями; на нихъ царитъ леденящій вѣтеръ. Сѣютъ немного пшеницы, культивируютъ въ небольшомъ количествѣ овощи и разводятъ довольно цвѣтовъ и плодовыхъ деревьевъ. Страна эта производитъ отличныхъ лошадей, небольшого роста, но легко выдерживающихъ долгія путешествія. Нравы не управляются обрядами (т.-е. правилами китайскихъ церемоній). Населеніе имѣетъ отъ природы склонность къ насилію и грубости; черты лица—пошлыя и подлыя; одежды употребляются шерстяныя. Глаза у большей части жителей зелено-голубые, чѣмъ и отличаются отъ другихъ народовъ. Есть съ десятокъ монастырей, въ которыхъ очень немного монаховъ. Столицей этого владѣнія служитъ (городъ) Hoen-tho-to [1]). Въ центрѣ города высится монастырь, построенный первымъ царемъ этой страны, который для возведенія этого зданія повелѣлъ срыть скатъ горы и засыпать долину. Прежде эта страна не знала ученія Будды и поклонялась злымъ духамъ, но уже нѣсколько столѣтій въ ней распространилось счастливое вліяніе закона (Будды) [2]).

Свѣдѣнія Сюань Цзана, несомнѣнно, послужили однимъ изъ источниковъ описанія Вахана въ «Танъ-шу», которое приведу я въ переводѣ о. Іакинфа («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 259 и 260), пользуясь для повѣрки изложеніемъ Леви и Шаванна въ ихъ комментаріяхъ къ дорожнику Укона (Journal asiatique, t. VI, 1895, p.p. 341—384). «Владѣніе

---

[1]) Въ текстѣ, которымъ пользовался Стан. Жюльенъ, все нижеслѣдующее отнесено къ владѣнію Ши-ки-ни, но переводчикъ, повидимому совершенно основательно, призналъ это ошибкою переписчиковъ первоначальнаго текста.

[2]) „Mémoires sur les contrées occident.", t. 2, p.p. 201—202. Далѣе (p.p. 203—205) у Сюань Цзана приводится легенда о поводѣ къ постройкѣ монастыря и введеніи буддизма въ странѣ, а затѣмъ описывается статуя Будды съ куполомъ надъ ней, который вращался надъ обходящими кругомъ статуи по мѣрѣ ихъ движенія.

Хуми, иначе *Дамоситеди* и *Хокань*, при династіи Юань-вэй называлось *Бохо;* оно занимаетъ часть древняго Тухолоскаго владѣнія; лежитъ отъ столицы (Китая) на С.-З. слишкомъ за 9000 ли; содержитъ до 1000 ли широты; длина различная, отъ 4 до 5 ли». О. Іакинфъ замѣтилъ тутъ: «Здѣсь должна быть ошибка»: дѣйствительно, «широта» поставлена видимо вмѣсто «длины» и обратно. «Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ *Сайгашенъ*, который сѣверною стороною прилегаетъ къ рѣкѣ У-ху». По Леви и Шаванну, р. 347, въ «Танъ-шу» городъ названъ Нап-kia-chen, по нѣкоторымъ же изданіямъ Saï-kia-chen, и показанъ на югѣ отъ У-ху, т.-е. Окса. «Климатъ холодный. Земля изрѣзана холмистыми цѣпями, повсюду покрыта песками и каменьями. Родятся бобы и пшеница. Почва хороша для плодовыхъ деревъ. Водятъ превосходныхъ лошадей. Жители имѣютъ голубые глаза. Въ правленіе Хянь-кинъ, 656—660 (г.г.(, сіе владѣніе переименовано округомъ Уфэй (Nyao-feï), а владѣтель Шаболо Гѣлифа утвержденъ правителемъ [1]). Географическое положеніе страны пре-

---

[1]) Послѣ подчиненія Китаю между 640—457 гг. Вост. Туркестана и земель, подвластныхъ ханамъ западныхъ тюрковъ, китайское правительство производило болѣе или менѣе номинальное обращеніе покоренныхъ осѣдлыхъ владѣній и племенъ и родовъ кочевниковъ въ губерніи и уѣзды разныхъ степеней, наподобіе существовавшаго во внутреннемъ Китаѣ административнаго раздѣленія, облекая мѣстныхъ владѣтелей и родоначальниковъ китайскими названіями губернаторовъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія владѣнія были надѣлены новыми и оставшимися, вѣроятно, большею частію на мѣстѣ неизвѣстными именованіями, преимущественно архаическаго свойства, напр. именами, которыя эти владѣнія носили во времена дин. Хань. Такъ какъ опредѣлить, какія имена носили данныя страны при Ханяхъ за многія столѣтія до дин. Танъ, было не легко, то частію при переименованіяхъ, частію же у редакторовъ „Танъ шу“ могли происходить недоразумѣнія и ошибки. Въ описаніи Ферганы, содержащемся въ той же книгѣ „Танъ-шу“, значится, что около 660 г. тамошній городъ Гѣсай (Kho-se у Аб. Ремюза) „переименованъ областью Хюсюнь“ („Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 252). Такъ какъ владѣніе Хюсюнь находилось около Оша или Гульчи (см. главу вторую, „Русск. Антр. Журн.“ 1900 г., № 3, стр. 58), т.-е. занимало часть земель Ферганы, то переименованіе округа ферганскаго города Гѣсая въ Хюсюнь не представляетъ собою явной несообразности. Напротивъ, приведенное переименованіе Хуми-Вахана въ округъ Уфэй слишкомъ неосновательно, ибо Ваханъ столь отдаленъ отъ Оша или Гульчи, гдѣ находилась при Ханяхъ долина Уфэй, въ которой имѣлъ резиденцію свою государь Хюсюни, что включеніе его въ составъ Хюсюни не вѣроятно. Я думаю, что составитель статьи „Танъ-шу“ о Хуми смѣшалъ это имя съ именемъ *Гуйми*, какъ назывались нѣкогда Каратегинъ и Алай: переименовать Гуйми въ Уфэй не было несообразностью, потому что долина Уфэй, дѣйствительно, находилась (въ Ошѣ или Гульчѣ) смежно съ Алаемъ и Каратегиномъ, которые, по всей вѣроятности, служили (особенно Алай, въ качествѣ превосходныхъ лѣтовокъ) для кочевокъ номадовъ Хюсюни. Что переименовано было въ Уфэй не Хуми-Ваханъ, а Гуйми-Каратегинъ, это подтверждается тѣмъ, что въ другой книгѣ „Танъ-шу“, въ перечисленіи учрежденныхъ въ 661 г. въ западномъ краѣ губерній и областей значится область Уфэй (Niao-feï), которой это имя дано при образованіи ея изъ страны или владѣнія Ху-ми-до (Hou-mi-to; см. Remarques sur l'extension d l'empire chinois du côté de l'occident, par M. Ab. Rémusat, въ Mémoires de l'Institut royal de France, Académie d s inscriptions etc., t. VIII, Paris, 1827, p. 88). Хумидо это есть, конечно, не Хуми-Ваханъ, а Кюмито (Kiu-mi-tho) Сюань Цзана, Кумидъ или Кумедъ арабскихъ писателей, страна комедовъ Птолемея, Гуйми „Танъ-шу“, какъ увидимъ ниже.

граждаетъ четыремъ инспекціямъ [1]) дорогу въ Тухоло; по сей причинѣ поддались Тибету [2]). Въ восьмое лѣто правленія Кхай-юань, 720 (г.), владѣтель по имени Лолюйито-Гудулу-Дэпилэ-Мохэду-Мосаръ (Lo-lu-i-t'o Kou-tou-lou; въ Кутулу Леви и Шаваннъ узнали тюркское слово *кутлук*, счастливый, часто встрѣчающееся въ титулахъ тюркскихъ и уйгурскихъ хановъ), грамотою признанъ въ царскомъ достоинствѣ. Въ шестнадцатое лѣто, 728, владѣтель вмѣстѣ съ мѣскимъ старѣйшиною Михухань [3]) прислалъ Двору мѣстныя произведенія. Въ слѣдующемъ году, 729, Угудагань (Ou-ĥou Ta-kan, т.-е. тарханъ Уху, по мнѣнію Леви и Шавана, р. 347), одинъ изъ главныхъ старѣйшинъ, опять пріѣхалъ ко Двору. По смерти владѣтеля Дворъ грамотою утвердилъ владѣтелемъ родственника (cousin, р. 348) его Хучженьтаня (Hou-tchen-tan), который въ двадцать девятомъ году, 741, самъ пріѣхалъ ко Двору, угощенъ столомъ во внутренней тронной, почтенъ титуломъ высшаго военнаго чина, пожалованъ порпуровымъ кафтаномъ и золотымъ поясомъ. Въ первое лѣто правленія Тьхянь-бао, 742, Гегифу (Hie-ki-fou), сынъ владѣтеля, изъявилъ желаніе отдѣлиться отъ Тибета, и пожалованъ былъ желѣзною грамотою. Въ весьмое лѣто, 749, Хучженьтань пріѣхалъ ко Двору изъявилъ желаніе служить въ корпусѣ тѣлохранителей и принятъ былъ высшимъ военнымъ чиномъ. По прошествіи нѣкотораго времени обратно отпущенъ, и еще одного изъ старѣйшинъ прислалъ къ Двору съ данію. Въ первое лѣто правленія Кянь-юань, 758, владѣтель Гэше Игюйбиши (Ho-che-i-kiu-pi-che) пріѣхалъ ко Двору, и былъ удостоенъ прозванія Ли»: «въ это время царствующій въ Китаѣ Домъ прозывался Ли», поясняетъ отъ себя о. Іакинфъ. На этомъ свѣдѣнія «Танъ-шу» о Хуми-Ваханѣ оканчиваются [4]),

---

[1]) Т.-е. китайскимъ военнымъ силамъ Вост. Туркестана, который раздѣленъ былъ въ это время въ военно-административномъ отношеніи на четыре военныхъ округа или „инспекціи“, какъ переводилъ Іакинфъ кит. терминъ „чжень“ (см. главу пятую, „Русс. Антр. Журн.“, 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 140).

[2]) Такъ какъ Хуми-Ваханъ входилъ въ составъ Тохаристана-Тухоло, то, дѣйствительно, сообщенія Вост. Туркестана съ Ваханомъ были вслѣдствіе труднопроходимости Памира затруднительны. Однако, подданство Вахана Тибету, по всей вѣроятности, совершилось не по причинѣ этой трудности сообщеній, ибо пути изъ Тибета были едва ли лучше, а вслѣдствіе отнятія тибетцами у китайцевъ въ 670 г. большей части Вост. Туркестана (см. тамъ же).

[3]) Mi-ĥou-han Леви и Шаваннъ передаютъ чрезъ „хаканъ владѣнія Ми“ (р. 347). По имѣющимся въ „Танъ-шу“ о владѣніи Ми свѣдѣніямъ („Собр. свѣд.“ и пр., ч. 3, стр. 245, 238 и 240), оно находилось въ 100 ли на Ю.-В. отъ Самарканда, а потому должно было помѣщаться на мѣстѣ нынѣшняго Ургута. Несмотря на нѣкоторое сходство въ имени, Ми не можетъ быть отождествляемо, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи, съ извѣстнымъ изъ мусульманскихъ источниковъ *Маймургомъ*, такъ какъ столица послѣдняго Ривдадъ находилась по Сам'ани (В. В. Бартольдъ „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, стр. 96), только въ одномъ фарсахѣ, т.-е. въ 6—7 вер. отъ Самарканда.

[4]) Владѣніе Хуми упоминается еще въ „Танъ-шу“ въ одномъ мѣстѣ, составляющемъ какъ бы краткое изложеніе свѣдѣній о владѣніяхъ, лежавшихъ на обратномъ пути Сюань Цзана изъ Индіи: На сѣв.-востокъ чрезъ 500 ли (отъ *Гюйкань*) горною дорогою лежитъ *Хумибо-чжани;* на югѣ есть родъ *Шаньми*...

такъ какъ вслѣдъ затѣмъ вост. Туркестанъ былъ для Китая потерянъ и сношенія съ западомъ, въ томъ числѣ и съ Хуми, прекратились.

Приведенныя китайскія извѣстія VI—VIII вв. [1]) даютъ возможность установить съ несомнѣнностью, что въ нихъ идетъ рѣчь объ одной и той же странѣ, лишь подъ разными именами, и что страна эта есть нынѣшній Ваханъ съ нѣкоторымъ распространеніемъ его предѣловъ внизъ по Пянджу.

Первое положеніе, кромѣ нижеслѣдующихъ данныхъ, опирается на удостовѣреніе «Танъ-шу», по которому владѣніе Хуми именовалось иначе Тамоситѣти и Хокань, въ извѣстіяхъ же VI в. называлось Бохо. Послѣднее имя легко можетъ быть китайской транскрипціей имени Ваханъ, въ которомъ окончаніе *анъ* является суффиксомъ этническимъ [2]) или означающимъ страну или мѣстность (какъ и въ именахъ сосѣднихъ странъ: Рошанъ, Шиги-анъ, Бадахш-анъ), такъ что кореннымъ именемъ оказывается *Вах*. Подтверждается это именемъ *Вах-абъ*, которое давалось Ваханъ-дарьѣ и Пянджу въ арабское время [3]), а также именемъ *Вех-ротъ* для Аму-дарьи у армянскаго писателя VII в. Себеоса [4]). Хотя Вех-ротъ армянской транскрипціи переводятъ «славная рѣка» [5]), но истинное, коренное имя, конечно, вѣрнѣе сохранилось на мѣстѣ въ формѣ *Вах* и не поддается объясненіямъ и производству отъ извѣстныхъ языковъ, а потому надо считать его принадлежащимъ языку древнѣйшихъ, до-иранскихъ аборигеновъ [6]). Въ названіи *Хуми* слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть одну изъ китай-

---

На сѣв.-востокъ черезъ 700 ли горною дорогою пріѣдешь въ страну *Ботуань-лочуань*"... („Собр. свѣд." и пр., ч. 3, стр. 250). Гюйланъ тутъ есть Куранъ или Гаранъ въ верховьяхъ р. Кокчи, Ботуань-Лочуань—долина Помило (см. главу четвертую, „Русск. Антр. Журн.", 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 136); какимъ же образомъ Хуми превращено въ Хумибожчжани—я не знаю.

[1]) Подробные комментаріи къ нимъ потребовали бы слишкомъ много мѣста, а потому я ограничусь самыми существенными, частію сдѣлавъ уже ихъ выше въ примѣчаніяхъ, частію же помѣщая ниже.

[2]) Такое мнѣніе высказывалъ, напр., объ окончаніи ân G. Gartez, допуская, что это могъ быть также суффиксъ множественнаго числа (Journal asiatique, 1869, t. XIII, p. 181).

[3]) По Ибнъ-Русте (начало X в.), Джейхунъ (Аму-дарья) образуется изъ сліянія четырехъ рѣчныхъ системъ, изъ которыхъ первая есть система „истиннаго Джейхуна, берущаго начало въ Тибетѣ и текущаго на западъ чрезъ Ваханъ подъ именемъ Вахаба; вторая есть система Вахшаба, берущаго начало въ высокой странѣ тюрковъ-карлыковъ и проходящаго послѣдовательно области Памиръ, Раштъ и Кумидъ къ знаменитому Каменному мосту, соединяясь (затѣмъ) съ Вахабомъ у переправы Миле" (The Journal of the Royal Geographical Society, 1872, vol. 42, p. CXCIX).

[4]) „Исторія императора Ираклія, сочиненіе епископа Себеоса", перев. съ армянскаго К. Паткановъ, С.-Пб., 1862 г., стр. 73.

[5]) „Опытъ исторіи сассанидовъ" и пр. К. Патканова, стр. 55, въ „Трудахъ Вост. Отд. И. Р. Археол. Общества", ч. 14, 1869 г.

[6]) Достояніемъ языка тѣхъ же аборигеновъ должно быть и имя *Вахшъ* для нынѣшняго Сурхаба, на Алаѣ носящаго имя Кызылъ-су. Справедливо утверждая, что различныя именованія Аму-дарьи въ древности (*Оксосъ* у грековъ, *Оксусъ* у латинскихъ писателей, *Вакшу* въ Пуранахъ, *Фо-цзу* у китайскихъ историковъ, наконецъ *Вахшъ* или *Вахшабъ* у арабскихъ и персидскихъ географовъ) происхо-

скихъ транскрипцій (другія Хюми, Кюйми, Гуйми и пр.) имени *Кумидъ*, комедовъ Птолемея, о чемъ будетъ рѣчь ниже. На происхожденіе названія *Тамоситѣти*, въ которомъ Стан. Жюльенъ предполагалъ китайскую транскрипцію санскритскаго Tamasthiti, указываетъ, полагаю я, существующее понынѣ на Пянджѣ, между Калаи-Баръ-Пянджемъ и округомъ Гараномъ, селеніе и округъ *Дармарахтъ*, каковое имя въ китайской транскрипціи легко могло выйти въ видѣ Тамоситѣти. Имя DarmarakhI появилось, кажется впервые, на картѣ при Forsyth's Report etc., 1875. Въ маршрутѣ посланнаго изъ Калаи-Пянджа для развѣдокъ внизъ по Пянджу съемщика изъ туземцевъ Индіи Абдулъ-Субхана, въ $11^1/_2$ миляхъ ниже Burshar'a, значится на правомъ берегу Пянджа сел. Дармарахтъ; Пянджъ имѣетъ тутъ только 150 ярдовъ ширины; селеніе это сообщается съ лѣвымъ берегомъ Пянджа при помощи деревяннаго моста; въ двухъ миляхъ ниже, на лѣвомъ берегу Пянджа, Абдулъ-Субханъ переходилъ, также по деревянному мосту, чрезъ рѣчку AracHt, истокъ озера Шива и притокъ Пянджа, а еще чрезъ $5^1/_2$ миль дошелъ до столицы Шигнана Калаи-Баръ-Пянджа (Forsyth's Report, pp. 276, 435, 436). Затѣмъ Дармарахтъ упоминается въ «Путешествіи въ Шигнанъ д-ра А. Э. Регеля» («Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», 1884 г., стр. 273) и на картѣ къ этому путешествію («Извѣстія» 1883 г.). На картѣ Туркестанскаго военнаго округа 1894—5 гг. селеніе это названо Дармаракъ [1]). Въ имени *Хокань*, которое встрѣтимъ

дятъ отъ одного и того же мѣстнаго имени и что нынѣшнее имя этой рѣки произошло отъ имени города, лежавшаго на большой чрезъ эту рѣку переправѣ, сэръ Г. Роулинсонъ высказалъ предположеніе, что древнее имя этой рѣки произошло отъ имени обитавшаго на ея берегахъ племени *Вай* или *Вей*, которое сохранилось въ имени извѣстнаго города *Вайкенда* или *Бейкенда*, древнѣйшаго поселенія Согдіаны (Monograph on the Oxus, въ Journal of the R. Geograph. Society, 1872, v. 42, p. 495). Не говоря уже о томъ, что предположеніе о существованіи племени (tribe) Вей или Вай рѣшительно ни на чемъ не основано, какъ и производство отъ его имени названія города *Пейкенда* (см. о немъ у В. В. Бартольда—„Туркестанъ“ и пр., стр. 121; китайцамъ этотъ городъ съ его округомъ былъ извѣстенъ въ качествѣ особаго владѣнія, находившагося въ ста ли, т.-е. въ днѣ пути, на западѣ или юго-западѣ отъ Бухары, съ населеніемъ не болѣе 1 т. семействъ, подъ именемъ владѣнія Би,—у Іакинфа въ „Собр. свѣд.“ и пр., ч. 3, стр. 197 и 240, или *Ши*, по транскрипціи западно-европейскихъ синологовъ), нельзя согласиться и съ производствомъ именъ Ваханъ, Вахабъ и Вахшабъ отъ имени Вай, такъ какъ *Вай* отличается отъ *Вах* своимъ вторымъ согласнымъ звукомъ, а отъ *Вахш* даже двумя. Объясненіе, почему наиболѣе распространеннымъ именемъ для Аму-дарьи въ древности было не имя главной вершины, Вахъ-рѣки, Вахаба, а имя главнаго ея притока, Вахшаба, можетъ весьма правдоподобно состоять въ томъ, что населенію Бактріаны и Согдіаны былъ болѣе извѣстенъ Вахшабъ по близости и доступности, тогда какъ Ваханъ-дарья и Пянджъ были извѣстны плохо вслѣдствіе отдаленности и трудности путей не только вверхъ по Пянджу, но и чрезъ Бадахшанъ.

[1]) Въ 1872 г., не имѣя свѣдѣній о существованіи селенія и округа Дармарахтъ, сэръ Х. Роулинсонъ предположилъ, что имя Тамоситѣти происходитъ отъ имени значащагося у Ибнъ-Хордадбеха города *Термистатъ*, находившагося, какъ онъ думалъ, на мѣстѣ нынѣшняго Куляба (Journal of R. Geogr. S., 1872, v. 42, pp. 508—510). Въ настоящее время выяснено (В. В. Бартольда „Туркестанъ“ и пр., стр. 70 и 71), что городъ *Темліятъ* (а не Термистатъ) арабскихъ географовъ находился въ 4 фарсахахъ отъ „Каменнаго моста“ (на Вахшабѣ), по пути отъ Каменнаго моста къ городу Мунку, нынѣшнему Бальджуану, отстоявшему отъ „Каменнаго моста“ въ двухъ дняхъ пути.

мы въ танскомъ описаніи Шигнана въ формѣ *Ку-ханъ* (K'ou-han), кажется всего вѣроятнѣе видѣть имя существующаго и понынѣ городка или волости *Хохонъ*, самой юго-западной изъ дарвазскихъ волостей лѣваго берега Пянджа, отошедшихъ въ 1895 г. подъ власть эмира авганскаго. Юль не прочь былъ видѣть въ Tching-Khan китайскаго примѣчанія къ тексту Сюань Цзана какую-нибудь связь съ именованіемъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Мастуджа Шигнаномъ (Notes on Hiouen Thsang's Account etc. p. 113), но Шигнанъ звучитъ слишкомъ отдаленно отъ Чинъ-хань, а потому я считаю болѣе вѣроятнымъ допустить въ китайскомъ текстѣ описку, заключающуюся въ ошибочномъ помѣщеніи знака *Чинъ* вмѣсто *Ба* или *Ва*, такъ что вмѣсто Чинъ-хань должно бы быть Ва-хань, т.-е. Ваханъ.

Въ имени столицы владѣнія Тамоситѣти Hoen-tho-to еще Вивіенъ де-С.-Мартенъ узналъ имя нынѣшняго селенія Хандутъ, которое, по Тротгеру (Forsyth's Report etc., p. 275), съ нѣсколькими сосѣдними селеніями составляло одну изъ трехъ волостей или сотенъ, на которыя дѣлился Ваханъ въ первой половинѣ XIX стол.,—Садъ-и-Хандутъ. Изъ варіантовъ имени столицы въ «Танъ-шу» правильнѣйшимъ слѣдуетъ признавать Сайгашенъ, потому что у мусульманскаго писателя XI в. Аль-Бируни (см. карту № 13 при Die Post-und Reiserouten des Orients, von A. Sprenger, Leipzig, 1864) значится столицею Шигнана (вѣроятно, по ошибочнымъ свѣдѣніямъ, вмѣсто Вахана) *Sekaschen*. Въ этомъ имени можно узнать (какъ, напр., Роулинсонъ въ Proceedings of R. Geograph. Society, 1884, vol. VI, p. 505) имя нынѣшняго сел. *Ишкашимъ*, находящагося, какъ Сайгашенъ, на лѣвомъ или южномъ берегу Окса [1]).

Обиліе различныхъ именъ Вахана можетъ быть съ вѣроятностью и почти несомнѣнностью объяснено только въ такомъ случаѣ, если признать, что имена эти измѣнялись въ связи съ постепенной колонизаціей земель вверхъ по Пянджу. Древнѣйшее изъ исторически извѣстныхъ именъ Вахана, державшееся въ памяти мѣстнаго населенія еще во времена династіи Танъ, есть Хуми, такъ какъ въ формѣ Хюми, пограничнаго юечжійскаго княжества, оно извѣстно по китайскимъ извѣстіямъ I в. до Р. Х. и оказывается у Птолемея въ видѣ горъ и народа комед'скихъ. Географическія данныя Птолемея даютъ основаніе полагать, какъ увидимъ ниже, что комеды занимали не только бассейнъ Вахшаба, но распространялись и вверхъ по Пянджу-Вахабу, а потому вполнѣ понятно, что имя Кумидъ, Хуми въ китайской транскрипціи, держалось еще въ VII в. Однако, страна по Ваханъ-дарьѣ еще въ VI в. носила уже свое нынѣшнее имя Ваханъ, потому

[1]) На картахъ 1714 г., изданныхъ Клапротомъ (см. о нихъ въ главѣ четвертой, „Русск. Антр. Журн.“, 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 136 и слѣд.), вмѣсто Tamo-si-tie-ti, какъ значится на картѣ 1710 г., изданной Стан. Жюльеномъ (см. тамъ же), нынѣшній Ваханъ названъ Nan tching koue (т.-е. владѣніе южнаго города?). Если столица Вахана находилась въ Хандутѣ или Ишкашимѣ, то владѣніе могло, быть можетъ, именоваться царствомъ южнаго города или столицы.

что реляціи о посольствѣ Сонъ Юня и Хой Сена именуютъ ее Бохо, т.-е. Ваханъ. Такъ какъ ханьскія свѣдѣнія умалчиваютъ о населенности страны между Ташкурганомъ и Мастуджемъ, гдѣ лежалъ путь китайскихъ посольствъ въ Гибинь, то можно думать, что въ ханьское время Ваханъ не имѣлъ населенія, по крайней мѣрѣ осѣдлаго. Начало его заселенія, однако, относится ко времени ранѣе VI в., ибо Хой Сенъ и Сонъ Юнь нашли населеніе, питавшееся хлѣбными продуктами. Откуда пришли въ Ваханъ колонисты, это выясняетъ именованіе Вахана Хокань: изъ Хохона, мѣстности южнаго Дарваза. Такъ какъ и Шигнанъ первоначально зависѣлъ отъ Хохона, то слѣдуетъ заключить, что какъ Шигнанъ, такъ и Ваханъ имѣли первыхъ своихъ осѣдлыхъ засельниковъ изъ Хохона [1]). Имя Дармарахтъ, въ кит. транскрипціи Тамоситѣти, даетъ понять, что, по от-

---

[1]) По наиболѣе обстоятельнымъ и достовѣрнымъ изъ существующихъ печатныхъ свѣдѣній о дарвазскихъ волостяхъ лѣваго берега Пянджа, собраннымъ въ 1886 г. капитаномъ Покотило, волостей этихъ было пять: Хохонская, Куфская, Шикайская, Мой-майская и Джумарчская. Волости эти отдѣлены отъ Бадахшана высокимъ снѣжнымъ хребтомъ, который проходимъ только по одному перевалу Ишъ, дорога по которому легко могла быть испорчена и всякое движеніе прекращено. Съ правымъ берегомъ Пянджа, на которомъ Хохону соотвѣтствовалъ Кулябъ, а выше Дарвазъ, сообщенія были не легки, но возможны лѣтомъ при помощи наполняемыхъ воздухомъ шкуръ, зимою же по льду Пянджа. Вверхъ по Пянджу идетъ отъ Хохона по всему лѣвому берегу пѣшеходная дорога, по которой переносятся, за неимѣніемъ скота, людьми и тяжести. Изъ всѣхъ четырехъ волостей, состоящихъ изъ 75 селеній, 2620 дворовъ и 7860 д. о. п. (полагая три души на дворъ), только въ Хохонской и Мой-майской имѣются небольшія количества земли, годной для земледѣлія, на которой и производится незначительное количество пшеницы; за неимѣніемъ хлѣба и мяса (скота нѣтъ по отсутствію пастбищъ), населеніе питается исключительно тутовыми ягодами въ сыромъ и сушеномъ видѣ. Такъ какъ пространства между хребтомъ и рѣкою вообще незначительны, то въ нѣкоторыхъ болѣе удобныхъ для обитанія мѣстностяхъ населеніе скучено до $2^1/_2$ тыс. душъ на одну квадратную милю. Въ Хохонской волости всего 13 селеній, въ которыхъ считались 531 дворъ; изъ нихъ въ самомъ селеніи или городкѣ Хохонѣ 260 дворовъ („Очеркъ бухарскихъ владѣній на лѣвомъ берегу р. Пянджа, 1886 г.“, капитана Покотило въ „Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 25, 1887 г., стр. 267—278).

Недоступность со стороны Бадахшана и трудность попадать въ Хохонъ съ праваго берега Пянджа чрезъ глубокую и быструю рѣку должны были уже въ древности сдѣлать эту мѣстность довольно населенною, такъ какъ она обезпечивала жителямъ безопасность отъ грабежей и нашествій, которыя опустошали берега Аму-дарьи почти во всѣ времена, о которыхъ имѣются историческія извѣстія. Весьма также естественно и вѣроятно, что за недостаткомъ на хохонскомъ берегу Пянджа земель для земледѣлія и скотоводства размножавшееся населеніе Хохона должно было искать мѣстъ для поселенія вверхъ по Пянджу, въ мѣстахъ, столь же мало доступныхъ, какъ хохонскія. Вслѣдствіе этого и явились хохонскія селенія въ Шигнанѣ и Ваханѣ, которыя первоначально признавали власть метрополіи, впослѣдствіи же отдѣлились и сдѣлались независимыми странами.

Въ новѣйшихъ картахъ, вмѣсто имени *Хохонъ*, которое значится въ „Очеркѣ“ г. Покотило и картѣ его, послужившей главнымъ основаніемъ для послѣдующихъ, значится *Хогонъ* (Калаи-Хогонъ), но я считаю болѣе вѣрною транскрипцію г. Покотило, слышавшаго это имя изъ устъ старшинъ Хохона и другихъ волостей лѣваго берега Пянджа и отъ мѣстнаго населенія, чѣмъ неизвѣстно на чемъ основанную транскрипцію позднѣйшихъ картъ, источникомъ измѣненій именъ въ которыхъ нерѣдко являются плохіе толмачи, служащіе авторитетомъ для незнающихъ туземныхъ языковъ топографовъ.

дѣленіи отъ Хохона и образованіи особаго царства, Ваханъ имѣлъ столицу въ Дармарахтѣ. Перенесеніе столицы въ Сайгашенъ, т.-е. Ишкашимъ, и въ Хандутъ указываетъ не дальнѣйшее движеніе колонизаціи къ верховьямъ Пянджа, которое завершается столицею въ Калаи-Пянджѣ, ибо выше по Ваханъ-дарьѣ годныхъ для успѣшнаго земледѣлія земель уже мало: граница хлѣбопашества лежитъ въ 74 в. въ Сархадѣ, на высотѣ въ 10.800 футовъ.

Что страна, именовавшаяся въ китайскихъ свѣдѣніяхъ Бохо, Хуми, Тамоситѣти и пр., есть географически именно нынѣшній Ваханъ, это ясно также изъ извѣстій объ ея положеніи, о топографическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ. Такъ Бохо лежало «на западѣ» отъ Гкѣпаньто-Ташкургана, и дальнѣйшій путь Сонъ Юня и Хой Сена отсюда въ Ѣда направлялся снова на западъ. По направленію на западъ отъ Ташкургана до Бадахшана находятся только Ваханъ и Шигнанъ, но имя Бохо говоритъ, что это былъ Ваханъ, хотя, можетъ-быть, Шигнанъ въ это время входилъ въ составъ Вахана. Свѣдѣнія Сюань Цзана и «Танъ-шу», въ которыхъ описываются особо, какъ Шигнанъ, такъ и Хуми (Ваханъ), не оставляютъ уже сомнѣнія, что Тамоситѣти или Хуми, прежній Бохо, есть именно Ваханъ, а не Шигнанъ: только Ваханъ соотвѣтствуетъ владѣнію Тамоситѣти или Хуми, тянувшемуся на протяженіи около 1500—1600 ли (т.-е. 15—16 дней пути) по Оксу узкой полосою отъ 1 ли до 4—5 ли шириною. Отъ вершины Ваханъ-дарьи (у перев. Вахджиръ) до Калаи-Баръ-Пянджа (ибо Дармарахтъ еще долженъ былъ входить въ составъ владѣнія, носившаго его имя) около 374—386 верстъ [1]), т.-е. 23—24 в. на каждый изъ 15—16 дней пути, что, по трудности дорогъ, весьма подходяще. Ширина ваханской долины въ одномъ изъ наиболѣе широкихъ ея мѣстъ, именно у Сархада, оцѣняется около 2 в. (кап. Путята въ «Сборникѣ матеріаловъ и пр. по Азіи», вып. 10, 1884 г., стр. 68), т.-е. 4—5 ли. Одно изъ узкихъ мѣстъ, у Бабатенги, опредѣляется въ треть англ. мили (Троттеръ у Минаева «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», стр. 177), т.-е. въ половину версты или въ одно ли. По Вуду, ширина долины Окса отъ Ишкашима до Хандута измѣняется отъ нѣсколькихъ ярдовъ до одной мили (тамъ же, стр. 117). Какъ населеніе Тамоситѣти или Хуми сѣяло пшеницу и бобы и разводило отличныхъ лошадей, такъ и нынѣшніе ваханцы воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, горохъ, бобы, изрѣдка рѣпу и табакъ, но главное ихъ богатство образуютъ стада рогатаго скота и овецъ; лошадей мало (кап. Путята, стр. 61), но, хотя «очень невзрачныя и низкорослыя», онѣ отличаются замѣчательной выносливостью и во время путешествій въ горахъ незамѣнимы («Очеркъ Памира» кап.

---

[1]) См. данныя, приведенныя въ главѣ I настоящаго изслѣдованія, на стр. 22, 23 и 24.

Серебренникова въ «Ежегодникѣ Ферганской обл.», т. I, 1902 г., стр. 146): въ этомъ, конечно, и могли только заключаться тѣ качества ваханскихъ лошадей, которыя побуждали китайскихъ писателей признавать этихъ лошадей превосходными, ибо лошади высокой, горной, съ холоднымъ климатомъ, страны не могли обладать ни высокимъ ростомъ, ни красивыми статями.

Въ этническомъ отношеніи весьма важно свидѣтельство Сюань Цзана и «Танъ-шу» о зелено-голубыхъ или голубыхъ глазахъ населенія, ибо это, несомнѣнно, указываетъ на арійское его происхожденіе. Въ связи съ вышеизложенными и объясненными данными, указывающими, что заселеніе Вахана и Шигнана произведено изъ Хохона, съ низовьевъ Пянджа, слѣдуетъ полагать, что ваханцы принадлежали къ сѣверной части восточнаго отдѣла иранскаго племени. Нынѣшніе ваханцы должны быть прямымъ потомствомъ этихъ древнихъ колонистовъ, такъ какъ говорятъ на одномъ изъ восточно-иранскихъ діалектовъ и «свѣтлые волосы и голубые глаза не рѣдкость между ними» понынѣ, по свидѣтельству англійскихъ путешественниковъ (Минаевъ, стр. 194).

2. *Шигнанъ*.

Эта страна сдѣлалась извѣстною китайцамъ впервые изъ «Записокъ» Сюань Цзана, который лично въ ней не былъ (какъ выяснено Стан. Жюльеномъ въ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang etc., 1853, p.p. 463, 466) и описываетъ по чужимъ, разспроснымъ или письменнымъ, свѣдѣніямъ такъ: «Владѣніе Chi-khi-ni имѣетъ въ окружности около 2 т. ли; окружность столицы отъ 5 до 6 ли. Страна состоитъ изъ ряда горъ и долинъ, а равно площадей, покрытыхъ пескомъ и камнями. Собираютъ много овощей и пшеницы, рису же мало. Лѣсная древесная растительность очень рѣдка, какъ цвѣты и фрукты. Климатъ холодный (glacial). Населеніе грубое, но храброе; оно совершаетъ убійства съ полнымъ хладнокровіемъ и занимается кражами и грабежами. Не имѣетъ понятія объ обязанностяхъ, предписываемыхъ *правилами обрядовъ*, и не умѣетъ различать добро отъ зла. Оно не вѣдаетъ о предстоящемъ счастіи и несчастіи и страшится только бѣдствій въ сей бренной жизни. Наружности пошлой (commune) и подлой (ignoble); одежды (носитъ) изъ шкуръ и шерсти. Письмена сходны съ тухоло'скими, но языкъ отличенъ» (Mémoires etc., t. 2, p.p. 205—206).

По «Танъ-шу», «*Шини* (Che-ni по переводу Леви и Шаванна въ Journal asiatique, 1895, septembre-octobre, p. 346), иначе *Шицини* (Che-k'i-ni) и *Сени*, лежитъ отъ столицы (Китая) на сѣв.-западъ («на юго-западъ», по Л. и Ш.) за 9000 ли; на востокъ 500 ли до караула въ проходѣ черезъ Луковыя горы (по Л. и Ш., «съ восточной стороны

оно отстоитъ на 500 ли отъ мѣстопребыванія охранителя Цунлина», т.-е. китайскаго чиновника, которому поручено начальствованіе надъ стражею на границахъ Белуръ-тага); на югъ 300 ли до владѣнія Хуми (Houmi); на сѣв.-западъ 500 ли до Гюйми (Kiu-mi). Владѣтель вначалѣ имѣлъ пребываніе въ городѣ Кухань (K'ou-han), впослѣдствіи жилъ по разнымъ горнымъ долинамъ (у Л. и Ш., «первоначально оно имѣло столицу въ городѣ Кухань, но впослѣдствіи населеніе разсѣялось и водворилось въ горныхъ ущельяхъ»). Находится пять старѣйшинъ въ большихъ горныхъ долинахъ. Они сами управляютъ своими землями подъ названіемъ пяти Шини (по Л. и Ш.: «есть пять старѣйшинъ ущельевъ, присвоившихъ себѣ власть; ихъ называютъ пять Che-ni»). Земли ихъ въ окружности содержатъ около 2000 ли. Хлѣба не сѣютъ, а жители занимаются войною и грабятъ проѣзжающихъ купцовъ. Въ четырехъ долинахъ по рѣкѣ Боми не слушаютъ приказаній владѣтеля. Живутъ въ пещерахъ». По переводу Леви и Шаванна, вмѣсто «хлѣба не сѣютъ» и т. д.: «производятъ пять родовъ хлѣбовъ; такъ какъ мѣстные люди любятъ нападать на торговцевъ и грабить ихъ, то совсѣмъ перестали пользоваться четырьмя ущельями долины Pouo-mi», т.-е. Памира. Этимъ переводъ Л. и Ш. кончается, переводъ же Іакинфа продолжаетъ: «Въ двадцатое лѣто правленія Чженъ-гуань, 646, они съ посланниками владѣній *Сыму* и *Ипань* сами пріѣхали къ китайскому Двору. Въ двѣнадцатое лѣто правленія Кхай-юань, 724, владѣтель Бучжебо Изыгинь получилъ отъ Двора военный чинъ. Въ шестое лѣто правленія Тхянь-бао, 747, владѣтель Дѣшигаянь ходилъ въ китайскомъ войскѣ въ Болюй, и палъ на сраженіи. Достоинство его переведено на сына его. Владѣніе *Сыму* на сѣверѣ граничитъ съ владѣніемъ Ипань; также въ сосѣдствѣ съ Каномъ. Отсюда получаютъ превосходныхъ лошадей» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 258 и 259).

Имя Шикини или Шини и нахожденіе въ 300 ли или трехъ дняхъ пути на сѣверъ отъ Хуми или Вахана и въ 500 ли или пяти дняхъ пути на юго-востокъ отъ Гюйми, т.-е. Кумида или Каратегина, свидѣтельствуютъ, что это нынѣшній Шигнанъ. Первоначальная столица или подчиненность Кухани показываютъ, что, какъ и Ваханъ, страна Шигнана была колонизована переселенцами изъ Хохона. Пять большихъ горныхъ долинъ, старѣйшины которыхъ сдѣлались независимыми, по отпаденіи отъ Хохона, вѣроятно, суть долины Шахъ-дары, Гунта, Бартанга, Язгулема и Ванча или самого Пянджа. Такъ какъ рѣка Боми, т.-е. Памиръ, текущая изъ озера Зоркуля или Викторіи, не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ притоковъ, которые образовали бы ущелья или долины, и протекаетъ отъ озера до сліянія съ Ваханъ-дарьею въ одномъ ущельи, которое въ настоящее время (и, конечно, прежде) необитаемо по значительной высотѣ надъ уровнемъ моря и обилію снѣговъ, то приходится полагать, что или въ

текстѣ «Танъ-шу», или въ переводахъ произошли ошибки или недоразумѣнія въ мѣстѣ, упоминающемъ о четырехъ долинахъ по р. Боми или четырехъ долинахъ по р. Пуоми. Можно думать, что въ текстѣ «Танъ-шу» подъ четырьмя долинами или ущельями, упоминаемыми въ связи съ Памирами, разумѣются долины или ущелья рѣкъ Шахъ-дары, Гунта, Бартанга и Язгулема, вытекающихъ съ Памира или изъ окраинныхъ памирскихъ хребтовъ; чрезъ всѣ эти четыре ущелья или долины могли пролегать пути на Памиръ, по которымъ проходили и торговцы, пока грабежи населенія этихъ долинъ, не признававшихъ власти владѣтеля, которому повиновалась лишь долина Пянджа, не вынудили торговцевъ прекратить пользованіе путями по столь небезопаснымъ долинамъ, и торговое движеніе не сосредоточилось исключительно на пути изъ Вахана по р. Памиру, ущелье которой всегда должно было входить въ составъ Вахана, а не Шигнана, такъ какъ дебушируетъ въ Ваханъ. Относительно хлѣбовъ слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ переводъ Леви и Шаванна, такъ какъ еще Сюань Цзанъ сообщалъ свѣдѣнія о посѣвахъ въ Шигнанѣ пшеницы и овощей и даже нѣкотораго количества риса. О владѣніяхъ Сыму и Ипань въ китайскихъ извѣстіяхъ о западныхъ странахъ, насколько извѣстно изъ переводовъ на европейскіе языки, упоминаній болѣе нѣтъ; между тѣмъ одного указанія о сосѣдствѣ Сыму съ Каномъ, т.-е. съ Самаркандомъ, и нахожденія Ипани на сѣверѣ отъ Сыму совершенно недостаточно для выясненія—гдѣ оба эти владѣнія находились, тѣмъ болѣе, что имена ихъ, повидимому, столь измѣнены въ китайской транскрипціи, что я не могъ найти сколько-нибудь подходящихъ нынѣшнихъ и извѣстныхъ исторически именъ. По всей вѣроятности, владѣніи эти не были смежны съ Шигнаномъ, ибо о сосѣдствѣ было бы упомянуто, а потому одновременное прибытіе посольствъ изъ этихъ двухъ владѣній и изъ Шигнана могло быть простою случайностью, а не истекало изъ особыхъ между тремя владѣніями отношеній. Посольство 646 г. было, конечно, слѣдствіемъ завоеванія китайцами въ 640 г. Гаочана (нынѣ Турфанъ) и въ 644 г. Яньки (Карашаръ); видя въ этомъ начало возстановленія кит. власти въ Таримскомъ бассейнѣ, ближайшія владѣнія на западѣ естественно могли заботиться о заблаговременномъ установленіи благопріятныхъ отношеній къ Китаю. Въ борьбѣ Китая съ Тибетомъ Шигнанъ держалъ сторону китайцевъ и, повидимому, не испыталъ подчиненія тибетцамъ, тогда какъ владычество Тибета надъ Вахаломъ было довольно продолжительно и оставило свой слѣдъ, между прочимъ, въ титулѣ владѣтеля Вахана еще XIII в., такъ какъ, по Марко Поло, государь *Вохана*, вассалъ владѣтеля Бадахшана, носилъ титулъ *Ноне*; Юль справедливо видѣлъ въ этомъ титулѣ тибетское *ноно*, младшій, употребляемое въ качествѣ титула младшаго брата государя или подчиненнаго владѣтеля (The Book of Ser Marco Polo..., by colonel Henry Yule, Second edition, London, 1875, vol. I, p. 183).

3. Гуйми или Кумидъ (Каратегинъ-Дарвазъ).

По «Танъ-шу», «владѣніе Гуйми лежитъ въ горахъ, отъ Тухоло на сѣв.-востокъ; на югѣ прилежитъ къ черной рѣкѣ. Владѣтель происходитъ изъ дулгаскаго дома Яньто. Въ шестнадцатое лѣто правленія Чженъгуань, 642 (г.), онъ отправилъ посланника къ Двору; въ правленіе Кхайюань, 713—741 (г.г.), прислалъ тюркистанскихъ танцовщицъ. (При этомъ) владѣтель Налоянь очень жаловался, что дашискій (т.-е. арабскій) государь обременяетъ его податьми. Сынъ неба отвѣчалъ ему утѣшительными совѣтами. Въ правленіе Тхянь-бао, 742—755, владѣтель Исилань Хэугинь еще прислалъ лошадей» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 259). Мы уже знаемъ изъ описанія Шигнана, что Гуйми (Kiu-mi) находилось въ 500 ли на сѣв.-западъ отъ Шигнана; это разстояніе въ данномъ направленіи должно было приводить въ пять большихъ дней пути въ Каратегинъ, а потому Гуйми есть Каратегинъ, что подтверждается и многими другими данными, которыя видны будутъ ниже. Отъ Тухоло, т.-е. отъ столицы Тохаристана Балха, Каратегинъ, дѣйствительно, находится на сѣв.-востокѣ. Каратегинъ занимаетъ оба берега Сурхаба (т.-е. «Красной рѣки»), но большая часть его земель и главныя поселенія находятся на сѣверной сторонѣ Сурхаба, такъ что, пожалуй, можно бы о немъ сказать, что «на югѣ прилежитъ къ» Сурхабу. На югѣ отъ Каратегина находятся притокъ Сурхаба Хингобъ («Мутная рѣка», по переводу Б. Л. Громбчевскаго въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1891 г., стр. 99) и затѣмъ Пянджъ, а потому, если выраженіе «прилежитъ» понимать въ смыслѣ «граничитъ», за «Черную рѣку» можно принимать Хингобъ или Пянджъ. Недоразумѣніе должно быть разрѣшено въ пользу Пянджа, такъ какъ по Сюань Цзану владѣніе Кюмито на юго-западѣ прилегаетъ къ рѣкѣ По-цзу (т.-е. къ Оксу или Пянджу), а на югѣ оно смежно съ царствомъ Шикини (Mémoires etc., t. I, p. 27). Коль скоро Гуйми или Кюмито было смежно съ Шигнаномъ и прилегало на ю.-з. къ Пянджу, то въ составъ его долженъ былъ входить нынѣшній Дарвазъ, который въ танское время, повидимому, не былъ особымъ владѣніемъ, ибо не упоминается ни въ «Танъ-шу», ни у Сюань Цзана. Въ китайскомъ подлинникѣ танцовщицамъ, присланнымъ кит. двору отъ владѣтеля Гуйми, данъ эпитетъ, вѣроятно, не «тюркистанскихъ», а варварскихъ, *ху*. Вѣроятно, это были рабыни, такъ какъ, по арабскимъ географамъ, изъ «странъ невѣрія», расположенныхъ въ верховьяхъ Окса, вывозились главнымъ образомъ «мускусъ и рабы». Дарвазцы и нынѣ любятъ музыку, пѣніе и пляски; подъ вліяніемъ мусульманства и запрещенія имъ публичнаго участія женщинъ въ танцахъ, танцуютъ нынѣ одни мужчины, которые становятся въ кругъ и отбиваютъ темпъ руками; танцоры продѣлываютъ жесты и движенія довольно красиво, употребляя нѣчто въ родѣ кастаньетъ. Между женщинами Дарваза встрѣчаются очень

красивыя (Karatégĥin et Darwoz, par F. de Rocca, въ Revue de Géographie, 1895, p. 180).

Въ «Танъ-шу» есть еще слѣдующее мѣсто: «На сѣверѣ», повидимому отъ владѣнія Тухоло, простирающагося отъ Луковыхъ горъ до Боцысы, т.-е. до Персіи, «есть родъ *Гюйми*, который также составляетъ самостоятельное владѣніе. Отъ В. къ З. простирается на 600 ли» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 247 и 248). Вѣроятно, это Гуйми, по какимъ-нибудь другимъ свѣдѣніямъ, не узнанное составителями «Танъ-шу» въ иной транскрипціи имени.

По свѣдѣніямъ Сюань Цзана, «владѣніе Kiu-mi-ĥo простирается съ В. на З., тысячи на двѣ ли и съ Ю. на С. ли на двѣсти. Оно расположено въ срединѣ великихъ горъ Цунлинъ. Окружность столицы—десятка два ли. На юго-западѣ владѣніе это сосѣдитъ (est voisin) съ рѣкою Po-tsou; на югѣ оно соприкасается съ владѣніемъ Шикини» (Mémoires etc., t. I, p. 27).

Дабы точнѣе выяснить положеніе владѣнія Кюмито и воспользоваться извѣстіями Сюань Цзана о ближайшихъ къ этой странѣ владѣніяхъ праваго берега Аму-дарьи для цѣлей настоящаго изслѣдованія, я нахожу необходимымъ привести здѣсь кратко его свѣдѣнія объ этихъ владѣніяхъ (Mémoires etc., t. I, p.p. 25—27): имѣющее протяженія съ В. на З. около 600 ли и съ Ю. на С. около 400 ли влад. Ta-mi простирается на В. до влад. Tcĥ'i-ĥo-yen-na. Послѣднее имѣетъ около 400 ли съ В. на З. и около 500 ли съ Ю. на С. На В. оно простирается до влад. Ho-lou-mo, имѣющаго около 100 ли съ В. на З. и около 300 ли съ Ю. на С. Оно простирается на В. до влад. Sou-man, имѣющаго съ В. на З. около 400 ли и съ Ю. на С. около 100 ли; на Ю.-З. страна эта сосѣдитъ съ р. По-цзу и простирается до влад. Kio-ĥo-yen-na, имѣющаго протяженія съ В. на З. около 200 ли и съ Ю. на С. около 300 ли. На В. влад. Сумань простирается до влад. Hou-cha, которое имѣетъ около 300 ли съ В. на З. и около 500 ли съ Ю. на С. На В. влад. Хуша простирается до влад. Kho-tou-lo, которое имѣетъ около 1000 ли съ В. на З. и столько же съ Ю. на С. На В. Хотуло прилегаетъ къ горамъ Цунлинъ и простирается до влад. Kiu-mi-ĥo, свѣдѣнія о которомъ приведены выше. Если къ этому прибавить, что всѣ эти владѣнія находятся въ числѣ 27 владѣній, на которыя распалось древнее царство Тухоло; что населеніе послѣдняго отличалось характеромъ мягкимъ и трусливымъ и наружностью пошлою и подлою (commune et ignoble), имѣя особый, отличающійся немного отъ другихъ странъ, языкъ и особыя же письмена, съ довольно значительной литературой (p. 24); что во влад. Тами находилось около десятка цзялановъ или буддійскихъ монастырей, въ которыхъ насчитывалось около тысячи духовныхъ лицъ, возлѣ же ступъ и священныхъ статуй Будды совершалось множество чудесъ; что въ Чигояньна было пять цзялановъ съ

небольшимъ числомъ монаховъ, въ Холумо два съ сотней духовныхъ, въ Суманѣ то же два съ малымъ числомъ монашествующихъ и въ Кіохояньна три съ сотней монаховъ; и наконецъ, что столицы владѣній имѣли въ окружности: въ Тами два десятка ли, въ Чигояньна десятокъ, то же въ Холумо, въ Суманѣ 6—7 ли, въ Кіохояньна около 10 ли, въ Хуша 16—17 ли и въ Хотуло около 20 ли,—то свѣдѣнія Сюань Цзана о владѣніяхъ Тохаристана на правомъ берегу Аму-дарьи почти сполна исчерпываются. Отсутствіе разстояній между этими владѣніями и вообще краткость свѣдѣній объясняются, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что лично Сюань Цзанъ въ нихъ не былъ, прослѣдовавъ отъ Желѣзныхъ Воротъ прямо на лѣвую сторону Аму дарьи во владѣніе Хуо, какъ и значится въ Histoire de la vie etc., 1853, p. 67.

Хотя имена свѣдѣній Сюань Цзана нынѣ на мѣстахъ не существуютъ, но ко времени завоеванія бассейна Аму-дарьи арабами въ VIII в. они еще сохранялись, а потому, при помощи свѣдѣній и маршрутовъ арабскихъ географовъ и пріобрѣтенныхъ въ послѣдней четверти XIX стол. точныхъ географическихъ и топографическихъ данныхъ о восточной части бухарскаго ханства, въ настоящее время пріуроченіе владѣній, описанныхъ Сюань Цзаномъ, можетъ быть произведено почти съ несомнѣнностью. Свѣдѣнія арабскихъ географовъ о разстояніяхъ въ этой дальней части владѣній халифовъ, къ сожалѣнію, отчасти разнорѣчивы. По Истахри и Ибнъ-Хаукалу (въ X в.), отъ Тармиза до Чаганіана 4 дня пути, отъ Чаганіана до Шумана 2 дня, отъ Шумана до Вашгирда 2 дня; отсюда до Илана 1 день, потомъ до Дербенда 1 день, затѣмъ до Гавкана 1 день и, наконецъ, до замка, принадлежащаго Рашту, 2 дня (Die Post-und Reiserouten des Orients, von A. Sprenger, 1864, S. 43). По Ибнъ-Хордадбеху (IX в.), отъ Тармиза до ас-Саганіана четыре перехода, составляющіе въ сложности 24 фарсаха; отъ ас-Саганіана до Бундхи 6 ф., Хамаверанъ 7 ф., Абанъ-казаванъ 8 ф., до Шумана 5 ф. и отсюда до Вашджирда 4 ф., откуда до Рашта 4 дня. По слѣдующему вообще Ибнъ-Хордадбеху Кодамѣ разстоянія тѣ же самыя, кромѣ перехода отъ ас-Саганіана до Бундхи, который показанъ въ 3 ф. (Bibl. geographorum arab., ed. de Goeje, t. VI, p.p. 24, 162). Такимъ образомъ 4 днямъ пути Истахри и Ибнъ-Хаукала отъ Тармиза до Саганіана соотвѣтствуютъ у Ибнъ-Хордадбеха 24 фарсаха, что даетъ по 6 ф. или по 30—36 вер. на день, т.-е. разстояніе вполнѣ подходящее для средняго дня обычнаго караваннаго пути; напротивъ, 26 или 24 фарсаха не могутъ соотвѣтствовать 2 днямъ пути, потому что на день приходилось бы по 13 или 12 ф., т.-е., даже считая только по 5 в. на 1 ф., по 65—60 в.,—разстояніе, невѣроятное для караваннаго пути. Такъ какъ Ибнъ-Хордадбехъ лично на мѣстахъ не былъ и пользовался чужими свѣдѣніями, которыя относительно этой отдаленной части владѣній халифовъ могли быть ошибочны, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе

свѣдѣніямъ Истахри, провѣреннымъ Ибнъ-Хаукаломъ, какъ бывшихъ на мѣстахъ путешественниковъ [1]). Это заключеніе подтверждается и тѣмъ, что только при руководствѣ свѣдѣніями Истахри пріуроченія Саганіана и Шумана и прочихъ пунктовъ могутъ быть произведены безъ затрудненій и сообразно дѣйствительнымъ географическимъ условіямъ. Такъ долина Сурхана, естественно, должна была быть особымъ владѣніемъ и именно Саганіаномъ, Чихояньна Сюань Цзана, по нахожденію на сѣв.-востокѣ (вмѣсто востока) отъ Тами-Тармиза, и на западѣ отъ Холумо и Шумана; естественнымъ же центральнымъ пунктомъ главной части долины Сурхана является нынѣ г. Денау: около него и должна была лежать столица владѣнія, находившаяся, по Истахри, въ 4 дняхъ или 24 фарсахахъ, по Ибнъ-Хордадбеху, т.-е. въ 120—144 в., какъ Денау и лежитъ отъ развалинъ Тармиза въ разстояніи около 120—127 в. («Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи», вып. 57, стр. 398). Разстояніе въ 2 дня пути отъ Саганіана до Шумана, соотвѣтствующее 60—70 вер., указываетъ для Шумана приблизительное положеніе около нынѣшняго Хиссара или около Каратага, до котораго нынѣшніе маршруты даютъ чрезъ Сары-Джуй и Регаръ 64 в. (тамъ же, стр. 275—277) и 66 в. (тамъ же, стр. 45), а прямою дорогою по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи 54 в. (стр. 284); маршрутныхъ разстояній отъ Денау до Хиссара мнѣ не встрѣчалось, но разстояніе должно быть, по картамъ, сходное съ разстояніемъ отъ Денау до Каратага, особенно дорогой по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи. Томашекъ, намѣтившій (какъ уже упомянуто мною въ главѣ третьей, стр. 12) мѣстность г. Каратага для помѣщенія Холумо-Ахаруна, пріурочивалъ Шуманъ къ Дюшамбе, а не къ Хиссару, на томъ основаніи, что Хиссаръ-Шадманъ есть городъ новый, получившій впервые значеніе въ эпоху гузовъ, въ арабскихъ же маршрутахъ фигурировалъ онъ лишь въ качествѣ, вѣроятно, станціи Абаръ-Казръ (Sogdiana, S. 41), какъ, повидимому, Томашекъ читалъ имя Абанъ-Казаванъ маршрутовъ Ибнъ-Хордадбеха и Кодамы. Но трудно допустить, чтобы занимаемое Хиссаромъ мѣсто, въ центрѣ огромной равнины, образуемой соединяющимися долинами р.р. Кафирнихана и Сурхана, оставалось незанятымъ соотвѣтствующимъ значенію его и преимуществамъ городомъ съ глубокой древности. Нынѣшнее укрѣпленіе Хиссара описывается такъ: «Это укрѣпленіе по природѣ очень сильное: оно расположено на высокомъ холмѣ съ обрывистыми боками, который командуетъ какъ городомъ Гиссаромъ, такъ и окружающею мѣстностью. Укрѣпленіе построено террасами на холмѣ, причемъ нижнія террасы обстрѣливаются съ верхнихъ; на самомъ верху, на небольшой площадкѣ, расположена цитадель съ бекскимъ домомъ. Укрѣпленіе состоитъ изъ тол-

[1]) По историку Гардизи (XI в.), разстояніе между Саганіаномъ и Шуманомъ равнялось 12 фарс. (В. В. Бартольдъ „Туркестанъ“ и пр., стр. 76), т.-е. двумъ днямъ пути Истахри.

стыхъ и высокихъ глинобитныхъ стѣнъ съ бойницами... Штурмъ холма (и) безъ всякихъ стѣнъ, по крутости его ската, уже весьма труденъ» («Сборникъ» и пр., вып. 57, стр. 319 и 320). Вѣроятно, этотъ холмъ и занимала та крѣпость, въ которой царь Шумана и Ахаруна Али-шахъ, прогнавшій послѣ пятилѣтней покорности арабамъ ихъ сборщика, былъ осажденъ мусульманскимъ войскомъ въ 91 году; хотя арабы не могли взять этой крѣпости силою, но за истощеніемъ запасовъ продовольствія, не желая сдаться и зарывъ въ землю свои сокровища, Али-шахъ вышелъ изъ крѣпости и велъ отчаянный бой съ осаждавшими, пока не былъ убитъ (Chronique de Tabari, version persane de Belámi, trad. par H. Zotenberg, 1874, t. IV, p.p. 172—173). Самое имя Хиссаръ-Шадманъ, т.-е. «счастливый» Хиссаръ, можетъ служить указаніемъ, что Шуманъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Хиссара, ибо Шадманъ, можетъ быть, есть измѣненіе имени Шуманъ, какъ полагалъ сэръ Роулинсонъ (Proceedings of the R. Geographic. Society, 1884, p. 511): Хиссари-Шуманъ (крѣпость Шумана) обратилось въ Хиссари-Шадманъ (Счастливый Хиссаръ или Счастливая крѣпость).

Что касается *Холумо,* то, конечно, это есть китайская транскрипція имени *Харунъ* или *Ахарунъ* арабскихъ историковъ, упоминаемаго въ качествѣ особой области или владѣнія вышеуказаннаго Али-шаха, государя Шумана и Ахаруна. Въ свѣдѣніяхъ о доходахъ за 211 и 212 гг. значится съ Ахаруна 32 т. дирхемовъ и съ Саганіана 48.500 дирхемовъ [1]); Шуманъ не упоминается, можетъ быть, потому,ч то платежи съ него значатся въ числѣ 32 т. д. съ Ахаруна. У арабскихъ географовъ Ахарунъ въ маршрутахъ не значится, конечно потому, что находился въ сторонѣ отъ пути изъ Саганіана въ Вашгирдъ и далѣе. Таково положеніе и г. Каратага, на мѣсто котораго Томашекъ намѣтилъ Холумо-Ахарунъ. Можетъ быть, въ имени перваго отъ города Каратага вверхъ по его рѣкѣ селенія *Куранъ* [2]) заключается мѣстный слѣдъ имени Холумо-*Ахаруна*. Обособленность Ахаруна отъ Шумана происходила, безъ сомнѣнія, отъ того, что, при разстояніи лишь въ $30^1/_2$ в. и при нахожденіи въ одной равнинѣ, Каратагъ расположенъ въ бассейнѣ Каратагъ-Дарьи, главнаго истока Сурхана, тогда какъ Хиссаръ лежитъ въ бассейнѣ р. Кафирниханъ. Положеніе Каратага на С.-В. отъ Денау и на С.-З. отъ Хиссара подходяще къ свѣдѣніямъ Сюань Цзана о нахожденіи Холумо на В. отъ Чигояньна и на З. отъ Суманя.

70 в., отдѣляющія Хиссаръ отъ Файзабада по прямой дорогѣ на востокъ, соотвѣтствуютъ двумъ днямъ пути Истахри и Ибнъ-Хаукала отъ

---

[1]) Bibliotheca geogr. arabicorum, ed. de Goeje, t. VI, p.p. 26—27.

[2]) У В. И. Липскаго („Горная Бухара“, ч. I, 1902 г., стр. 105) упоминается кишлакъ *Караны*, откуда онъ на другой день прибылъ въ Каратагъ: не Куранъ ли это картъ и „Сборника... матеріаловъ по Азіи“?

Шумана до Вашгирда. Вашгирдъ представлялъ при арабахъ особую область (съ него поступало ежегодно 1 т. дирхемовъ, BiBl. geogr. araB., VI, p. 27) и ранѣе, вѣроятно, былъ особымъ владѣніемъ, а потому можетъ быть почитаемъ за Хуша Сюань Цзана, лежавшее, какъ Файзабадъ, на В. отъ Суманя-Хиссара. Упущеніе указанія о пограничности Хуша-Вашгирда на В. не только съ Хотуло, Хотломъ, Котланомъ, но и съ Кюмито, Каратегиномъ-Дарвазомъ, можно объяснять неполнотою свѣдѣній Сюань Цзана. Съ другой стороны, нельзя рѣшительно отвергать, что имя *Хуша* могло быть кит. транскрипціею имени области *Вахшъ* арабскихъ писателей, главный городъ которой, по разстояніямъ, приходится на мѣстность около нынѣшняго Курганъ-тюбе (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», стр. 66); если же принять въ соображеніе, что владѣніе Сумань (Хиссаръ) не могло бы имѣть 500 ли (т.-е. 5 дней пути, значитъ, не менѣе 100—125 вер.) протяженія съ В. на З., если бы въ предѣлы его не входила вся долина р. Иляка, т.-е. и мѣстность Файзабада-Вашгирда, а потому надо полагать, что Вашгирдъ входилъ въ составъ Суманя; что влад. Вахшъ могло занимать не только лѣвый берегъ Вахшаба, но и бассейнъ р. Явана, праваго притока Сурхаба, благодаря чему влад. Хуша-Вахшъ имѣло бы, дѣйствительно, около 500 ли или 5 дней пути протяженія съ Ю. на С., тогда какъ Хуша-Файзабадъ далеко не могло бы съ Ю. на С. простираться на 5 дней пути, даже съ бассейномъ Явана; что по размѣрамъ столицы Хуша (16—17 ли въ окружности) вѣроятнѣе нахожденіе ея и самаго владѣнія въ обширной и могущей содержать многочисленное населеніе долинѣ Курганъ-тюбе, чѣмъ въ незначительной долинѣ Иляка, гдѣ помѣщался Вашгирдъ-Файзабадъ, и что отсутствіе указанія на смежность Хуша съ Кюмито объяснимо не неполнотой свѣдѣній Сюань Цзана, а тѣмъ, что Хуша-Вахшъ, дѣйствительно, не соприкасалось съ Кюмито-Каратегиномъ, будучи отдѣлено отъ него Суманемъ и Котуло,—то едва ли не окажется, что Хуша Сюань Цзана есть не Вашгирдъ-Файзабадъ, а Вахшъ-Курганъ-тюбе.

По Ибнъ-Хордадбеху съ Кодамою, отъ Вашгирда до ар-Рашта или Раста 4 дня пути. «Растъ, образующій границу Хорасана съ этой стороны, занимаетъ узкую долину между двумя горными хребтами, по которой прежде вторгались тюрки, производя свои набѣги. Аль-Фадлъ ибнъ-Яхъя ибнъ-Халидъ ибнъ-Бармакъ велѣлъ построить тутъ ворота» (une porte) (BiBl. eogr. garaB., t. VI, p. 24) или «стѣну» (по изложенію В. В. Бартольда). Упомянутый Фадлъ былъ намѣстникомъ Хорасана въ 794 и 795 гг. (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ», стр. 503). Читая въ маршрутахъ Истахри и Ибнъ-Хаукала *Илякъ* вмѣсто прежняго чтенія *Илянъ*, В. В. Бартольдъ полагаетъ, что этотъ городъ находился на мѣстѣ нынѣшняго сел. Калаи-Даштъ, слѣдующую станцію Дербентъ намѣчаетъ на мѣстѣ Оби-Гарма и столицу или «крѣпость» Раштъ помѣщаетъ приблизи-

тельно около нынѣшняго Гарма (тамъ же, стр. 72 и 73). Я думаю, что первая станція отъ Вашгирда могла быть скорѣе около нынѣшняго селенія *Илякъ-дара*, у самыхъ истоковъ р. Иляка, такъ какъ разстояніе до него отъ Файзабада равняется 29 в. («Сборникъ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, 1894 г., стр. 305, 345 и 346), т.-е. почти полный день пути, тогда какъ разстояніе до Калаи-Хола (какъ, повидимому, называется по новѣйшимъ свѣдѣніямъ Калаи-даштъ) составляетъ только 23 в. (тамъ же, стр. 346). Оби-Гармъ едва ли могъ быть слѣдующей станціей, потому что отъ Илякъ-дары до него менѣе полдня пути. Къ сожалѣнію, мнѣ не встрѣчалось подробнаго маршрута отъ Файзабада до Гарма по новѣйшимъ даннымъ, но по картамъ разстояніе можетъ быть опредѣлено съ достаточной приблизительностью въ 110—120 в., т.-е., считая въ 30 в. средній день пути, отъ Иляка до Гарма будетъ не болѣе трехъ дней пути, а не четыре, какъ значится у Истахри до замка или крѣпостцы, принадлежащей Рашту. Мнѣ кажется, что столицу Рашта, до которой Ибнъ-Хордадбехъ и Кодама даютъ четыре дня пути отъ Вашгирда, не слѣдуетъ смѣшивать или отождествлять съ крѣпостью Рашта, до которой Истахри и Ибнъ-Хаукалъ показываютъ пять дней пути. Столица Рашта могла находиться около нынѣшняго Гарма, въ четырехъ дѣйствительно дняхъ пути отъ Вашгирда-Файзабада, крѣпость же должна была находиться на границѣ Рашта и могла быть въ днѣ пути отъ столицы на востокъ, служа для пресѣченія набѣговъ тюрковъ съ Алая. По свѣдѣніямъ В. Н. Ошанина, «лѣтъ сорокъ назадъ вся долина Сурхаба выше устья Оби-Кабуда принадлежала кара-киргизамъ, теперь же пространство между устьями Оби-Кабуда и Оби-Занку занято таджиками» («Каратегинъ» въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.», 1881 г., стр. 45). Высота надъ уровнемъ моря устья р. Кабуда менѣе 5200 фут. и устья р. Занку около 6000 ф., а также обиліе значащихся на лучшихъ картахъ селеній въ долинахъ Кабуда и его притоковъ удостовѣряютъ, что мѣстность эта принадлежитъ къ числу удобныхъ для земледѣлія и потому, надо думать, была занята и въ древности осѣдлымъ населеніемъ. Выше Занку долина Сурхаба узка и быстро повышается до долины Алая, которая непригодна для хлѣбопашества, но обилію же лѣтнихъ пастбищъ всегда должна была быть занята кочевниками. Весьма поэтому вѣроятно, что крѣпость Рашта находилась на границѣ земель осѣдлаго населенія Сурхаба близъ устья р. Кабуда, въ большомъ днѣ пути отъ столицы (отъ Гарма до Кабуда около 40 верстъ).

При особомъ значеніи мѣстности Кабуда, богатой хлѣбопахотными землями и расположенной на восточной границѣ осѣдлости по Сурхабу, представляется весьма вѣроятнымъ, что именно имя Кабудъ послужило мѣстнымъ оригиналомъ для имени Габэй, Габей (въ транскрипціи о. Іакинфа), Кіа-реі (западно-европейскихъ синологовъ), которое историческія извѣстія династіи Юань-вей, въ V или VI вв., давали владѣнію, носившe-

му во времена династіи Старшихъ Ханей имя Хюми, со столицею въ городѣ Хо-мо, т.-е. Гармѣ (см. главу третью наст. изслѣдованія, «Рус. Антр. Жур.», 1900 г., № 4, стр. 10 и слѣд.). Объясненіе причины, по которой вмѣсто древняго имени Хюми Каратегинъ сталъ именоваться Кабэй, можно предположить въ томъ, что во время, къ которому относятся юань-вэйскія свѣдѣнія, въ Каратегинѣ правилъ владѣтельный родъ, происходившій изъ долины Кабуда, каковое имя и явилось въ кит. транскрипціи въ формѣ Кабэй, Габэй и пр. и замѣняло нѣкоторое время названіе Хюми, которое, однако, возстановилось при дин. Танъ въ видѣ Хуми, Гуйми.

Имени Хюми, Хуми, Кюмито или подобнаго не встрѣчается у Ибнъ-Хордадбеха съ Кодамою, а также у Истахри съ Ибнъ-Хаукаломъ, но уже Якуби, писатель конца IX в., упоминаетъ область Кумедъ (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., ч. 2, стр. 71). По географу начала X в. Ибнъ-Русте, р. Вахшабъ, какъ уже было приведено, начинаясь въ горной странѣ тюрковъ-карлыковъ, протекала чрезъ области (districts) Памиръ, Раштъ и Кумидъ къ Каменному мосту. Къ выясненію положенія Рашта можетъ служить свѣдѣніе того же географа о томъ, что текущая въ Шаганіанъ р. Рамидъ беретъ начало въ горахъ выше Рашта. По «рукописи Туманскаго» (неизданное еще географическое сочиненіе, написанное въ 982—983 г. по Р. Х.), верховья Кафирнихана (т.-е. р. Рамитъ между прочимъ) находились въ области Кумедъ; «одинъ изъ истоковъ Сурхана, именно Каратагъ-дарья, носилъ названіе *Кумъ*. Область была населена народомъ *кумиджіевъ* (имя этого народа въ разныхъ видахъ встрѣчается у Гардизи и Бейхаки), которыхъ Макдиси причисляетъ къ тюркамъ» (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 72 и 14). По историку Гардизи, возмутившійся противъ саманида Нуха владѣтель Саганіана и намѣстникъ Хорасана Абу-Али въ 948 г. заключилъ союзъ съ эмиромъ Хутталя, «кумиджіями и эмиромъ Рашта», отрѣзалъ разграбившія его столицу Саганіанъ войска Нуха отъ всякаго сообщенія съ Бухарою и достигъ почетнаго примиренія съ Нухомъ (тамъ же, стр. 260). Къ числу отдаленныхъ и пограничныхъ областей, которыя имѣли при саманидахъ наслѣдственныхъ владѣтелей, отправлявшихъ, по Макдиси, въ столицу (Бухару) только подарки, а не подати, принадлежали, между прочимъ, Саганіанъ, Хутталь и Раштъ (id., стр. 243). У историка Бейхаки упоминается о вторженіи весной 1034 г. въ Хутталь, подвластный уже газневидамъ, горцевъ-кумиджіевъ (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», стр. 315); весной 1035 г. правитель Саганіана Абдулъ-Касимъ, вслѣдствіе нашествія войскъ сыновей умершаго къ этому времени владѣтеля Маверанаграа караханида Али-тегина, «бѣжалъ на сѣверъ въ страну кумиджіевъ» (тамъ же, стр. 316). Въ 1038 г. Бури-тегинъ, враждовавшій съ родственниками своими, сыновьями Али-тегина, «удалился въ страну кумиджіевъ и тамъ

набралъ трехтысячный отрядъ, съ которымъ сталъ производить опустошенія въ Вахшѣ и Хуттальѣ, въ окрестностяхъ Хульбука. Онъ уже дошелъ до Пянджа, когда получилъ извѣстіе о намѣреніи султана (Масуда, газневида, которому принадежали эти земли) лично совершить походъ противъ него. Бури-тегинъ отступилъ и изъявилъ раскаяніе; все-таки противъ него въ концѣ октября былъ отправленъ отрядъ изъ десяти тысячъ всадниковъ. Вскорѣ пришло извѣстіе, что Бури-тегинъ очистилъ Хуттальи вернулся въ страну кумиджіевъ». Султанъ Масудъ не оставилъ однако намѣренія лично покончить съ Бури-тегиномъ. 18 декабря войско его переправилось чрезъ Аму-дарью по мосту у Тармиза и 31 числа прибыло въ Саганіанъ. 9 января, когда оно «дошло до ущелья Шуніанъ» (?), получено было извѣстіе о вторженіи во владѣнія султана сельджукидовъ. «Султанъ принужденъ былъ отступить, тѣмъ болѣе, что Бури-тегинъ выступилъ изъ Шумана и занялъ ущелье; при такихъ условіяхъ борьба съ противникомъ, хорошо знавшимъ мѣстность, была невозможна» (тамъ же стр. 319 и 320).

Повидимому, «ущелье Шуніанъ» Бейхаки помѣщалъ между Саганіаномъ и Шуманомъ, но искать его надо на пути отъ Денау къ Хиссару по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи, такъ какъ дороги праваго берега идутъ по равнинѣ. Засимъ изъ приведенныхъ извѣстій можно заключить, что Рашт соотвѣтствовалъ нынѣшнему Каратегину. Что же касается Кумида, то свѣдѣнія мусульманскихъ писателей скудны и неясны. Извѣстіе Ибнъ-Русте о протеканіи Вахшаба къ Каменному мосту послѣ Рашта чрезъ область Кумидъ ни кѣмъ и ни чѣмъ не подтверждается, тогда какъ изъ маршрутовъ въ Рашт можно заключить, что по правому берегу Вахшаба Рашт прилегалъ къ Вахджирду; однако, Ибнъ-Русте, можетъ быть, разумѣлъ подъ Кумидомъ бассейнъ р. Хингоу и вообще лѣвый берегъ Вахшаба ниже Хингоу до границъ Хуттала; въ такомъ случаѣ часть теченія Вахшаба слѣва дѣйствительно касалась Кумида, такъ какъ выше уже было выяснено, что по китайскимъ извѣстіямъ въ составъ Гуйми, Кумида, входилъ не только Каратегинъ, но и Дарвазъ. Свѣдѣніе автора рукописи Туманскаго о нахожденіи вершинъ Рамида въ области Кумедъ подтверждается извѣстіемъ Бейхаки о бѣгствѣ въ 1035 г. правителя Саганіана «на сѣверъ въ страну кумиджіевъ»: въ это время Ахарунъ и Шуманъ, слѣдовательно равнинная часть бассейна Каратага и Рамита, входили уже въ составъ Саганіана (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 76), а потому бѣгство на сѣверъ отъ Саганіана въ страну кумиджіевъ означало удаленіе въ горную страну вершинъ Кафирнихана и Сурхана. По нынѣшнимъ свѣдѣніямъ (1889 г.), наиболѣе возвышенная часть этой горной страны, расположенной между Хиссарскимъ хребтомъ на сѣверѣ и долиною Хиссара и Сурхана на югѣ, представляетъ отличныя лѣтнія пастбища для стадъ тюркскихъ кочевниковъ долинъ Хиссара и Сурхана, въ горныхъ

же ущельяхъ ея и долинкахъ «расположилъ свое жилище горецъ-земледѣлецъ. Всякая терраса въ горахъ, всякое болѣе или менѣе ровное мѣстечко вдоль самой рѣки заняты пашнями» («Гиссарское и Кабадіанское бекства“ капитана Лиліенгаля въ «Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, 1894 г. стр. 293) Лучшія сообщенія въ этой странѣ, какъ обыкновенно въ горныхъ мѣстностяхъ, идутъ по ущельямъ рѣкъ, въ долину Хиссара, но очень трудны; «на каждомъ шагу встрѣчаются мѣста, гдѣ незначительный отрядъ противника можетъ не только задержать, но причинить значительный уронъ въ наступающихъ войскахъ» (тамъ же, стр. 309). Сообщенія ущелья одной рѣки съ ущельемъ другой представляютъ еще большія трудности (тамъ же, стр. 310), однако существуютъ, мѣстами даже въ обиліи, и довольно удобныя. Изъ бассейна Раумитъ-дарьи въ Каратегинъ есть много дорогъ, изъ которыхъ три выводятъ къ сел. Оби-Гармъ и двѣ къ сел. Калаи-Холъ, откуда легко проѣхать въ Оби-Гармъ (тамъ же, стр. 341—345 и 290). Южная часть горной мѣстности между Раумитъ-дарьею и Каратагомъ считается весьма доступной для сообщеній (тамъ же, стр. 290). По всей вѣроятности, существуютъ поперечныя дороги и между Каратагъ-дарьею и рѣкою Тупалангъ: В. И. Липскій проѣхалъ горами пространство между сел. Оби-Зарангъ и городомъ Каратагомъ («Горная Бухара», часть I, 1902 г., стр. 105). Такимъ образомъ въ случаѣ враждебныхъ отношеній съ долинами Кафирнихана и Сурхана, населеніе горной части бассейновъ верховій этихъ рѣкъ обладаетъ удовлетворительными для горцевъ сообщеніями между собою, а также и съ горцами Каратегина и Дарваза. Населеніе этой горной страны въ настоящее время состоитъ изъ горныхъ таджиковъ; «чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ таджикскій языкъ сохраняется чище..., а въ самыхъ глубокихъ горныхъ трущобахъ, какъ по Ягнобу» (въ бассейнѣ Зеравшана, уже на сѣверѣ отъ Хиссарскаго хребта), «Сангардаку и Туфаланку, встрѣчаются небольшія племена, говорящія на какомъ-то особенномъ нарѣчіи..., котораго не понимаютъ даже и окрестные таджики» («Бассейнъ Каратагъ-дарьи» ген. шт. капитана Стеткевича въ «Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, стр. 246). Подобнымъ образомъ горные таджики на востокъ отъ Каратагъ-дарьи «сохранили свой типъ и языкъ, въ долинѣ же въ языкѣ замѣчается уже примѣсь узбекскаго» (кап. Лиліенталь, тамъ же, стр. 316). Такъ какъ Бактріана и Согдіана имѣли иранское населеніе съ глубочайшей древности и такъ какъ къ настоящему времени иранцы удержались только въ горныхъ мѣстностяхъ и въ немногихъ городахъ, то на таджикское населеніе горной страны верховій Сурхана и Кафирнихана естественно смотрѣть, какъ на одинъ изъ остатковъ древняго иранскаго населенія Бактріаны и Согдіаны.

Однако, въ виду вышеупомянутаго извѣстія Макдиси о томъ, что кумиджіи были тюрками, возможны утвержденія, что хотя въ настоящее

время населеніе страны кумиджіевъ оказывается таджикскимъ, но это не мѣшало кумиджіямъ времени Макдиси (X в.) быть тюрками и замѣниться таджиками при усилившемся позднѣе, особенно послѣ монгольскаго завоеванія и затѣмъ въ узбекскую эпоху, вытѣсненіи въ горы и отуреченіи иранскаго населенія равнинъ Бактріаны и Согдіаны. Для оцѣнки подобныхъ предположеній необходимо разсмотрѣть имѣющіяся историческія свѣдѣнія о тюркахъ въ странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ запада и сѣвера.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 4-й. Кн. XIII.

XX 18 4

Русскій Антропологическій Журналъ

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1903 г., № 1.

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Петровка, домъ Обидиной.
1903.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

4. Свѣдѣнія Птолемея о комедахъ и сакахъ, объ ихъ странѣ и о пути чрезъ нее къ серамъ.

При историческомъ изученіи этники Памира и прилегающихъ странъ нельзя оставить безъ разсмотрѣнія свѣдѣнія Птолемея [1]) о торговомъ пути къ серамъ (китайцамъ) чрезъ горную страну комедовъ и о странѣ саковъ и ея населеніи.

По даннымъ главы 12 книги I «Изложенія географіи» Клавдія Птолемея, путь къ серамъ направлялся изъ Бактры на сѣверъ къ подъему изъ Согдіаны въ горную страну комедовъ, на параллели Византіи. По гл. 13 кн. VI, подъемъ этотъ находился у вершины Яксарта подъ 125° долг. и 43° шир. Отъ этого подъема, по гл. 12 кн. I, путь склонялся по означенной горной странѣ къ югу, къ Тѣснинѣ (или ущелью, или узкой долинѣ) Комедской (лежавшей подъ 130° долг. и 39° шир., по гл. 13 кн. VI), подъ параллелью Хеллеспонта. Путь въ 50 шен'овъ къ Каменной Башнѣ (по гл. 13 кн. VI, подъ 135° долг. и 43° шир.) отъ Тѣснины Комедской,—которою окапчиваются степи (или за которою слѣ-

---

*) См. „Русск. Антроп. Журн.", 1902 г., кн. XI.

[1]) Я пользовался изданіемъ 1605 г.— Claudii Ptolemaei Alexandrini Geographiae libri octo graeco-latini... per Gerardum Mercatorem. Jam vero ad graeca et latina exemplaria Petro Montano iterum recogniti et pluribus locis castigati etc., Amsterodammi, Anno D. 1605. Позднѣйшія изданія не внесли существенныхъ измѣненій въ греческій текстъ гл. 12 кн. I и гл. 13 кн. VI ,какъ заключилъ я изъ изложеній К. Маннерта (Geographie der Griechen und Römer 1795, Nürenberg. Vierter Theil, S.S. 478 и слѣд.), Укерта (Weimar, 1846, 3. Theil, zweite Abtheilung, S.S. 575 etc.), Бергера (Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, Leipzig, 4-te Abtheilung, 1893, S.S. 113, 134 etc.), В. В. Григорьева („Изслѣдованіе о... сакахъ", стр. 126 и слѣд.. а также „Восточный или Кит. Туркестанъ". вып. 2, стр. 60 и карта), Гренара (Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie. Deuxième partie, Paris, 1898, p. 16 и слѣд.) и др.

дуютъ степи или равнины),—по всей вѣроятности, склоняется на сѣверъ. Горы же направляются отъ Каменной Башни на востокъ и соединяются съ хребтомъ Имайскимъ, который отъ Палимботры идетъ на сѣверъ [1]). Такъ какъ въ гл. 13 кн. VI на мѣстѣ соединенія горъ Аскатанка съ хребтомъ Имайскимъ, подъ 140° долг. и 43° шир., показанъ пунктъ, гдѣ собираются купцы, отправляющіеся торговать къ серамъ, то путь къ серамъ отъ Каменной Башни долженъ былъ направляться къ этому пункту.

Въ описаніи страны саковъ (гл. 13 кн. VI) сказано, что она на западѣ граничитъ съ страною согдійцевъ, изъ описанія же послѣдней (гл. 12 кн. VI) можно заключить, что граница начинается у поворота Яксарта (на западъ) подъ 120° д. и 48°30′ ш. и идетъ вверхъ по Яксарту до его вершины подъ 125° д. и 43° ш., отсюда же направляется къ пункту подъ 125° д. и 38°30′ ш. На С. страна саковъ сосѣдитъ съ Скифіею по сю сторону Имая, граница съ которою, начинаясь у вышепоказаннаго пункта у поворота Яксарта на З. подъ 120° д. и 48°30′ ш., идетъ къ пункту подъ 130° д. и 40° ш., отсюда же къ пункту подъ 140° д. и 43° ш., гдѣ собираются купцы, отправляющіеся торговать къ серамъ, и гдѣ горы Аскатанка доходятъ до хребта Имайскаго. Восточная граница съ Заимайскою Скифіею идетъ по хребту Имайскому до пункта, подъ 145° д. и 35° ш., гдѣ Имай, прекращая свое зап.-восточное направленіе, стремится на сѣверъ. Отъ этого пункта южная граница страны саковъ идетъ (на западъ) по хребту Имайскому до вышеописанной границы (съ Согдіаною, т.-е. до пункта подъ 125° д. и 38°30′ ш., за которымъ южная граница Согдіаны идетъ на З. по Имаю до вершины Окса, находящейся подъ 119°30′ д. и 39° ш., какъ значится въ гл. 12 кн. VI). Послѣ указанія границъ говорится, что «страна саковъ есть земля кочевниковъ. Городовъ не имѣютъ. Обитаютъ въ лѣсахъ и пещерахъ». Затѣмъ даны вышеприведенныя гра-

---

[1]) По переводу Юля (Cathay and the way thither etc., by H. Yule, vol. I, p. CXLIX, London, 1866) съ греческаго текста, изъ Бактры дорога къ серамъ вела „на сѣверъ къ подъему въ горную страну комедовъ и отсюда направлялась нѣсколько на югъ чрезъ самую горную страну до ущелья, которымъ оканчиваются равнины. Такъ какъ западный конецъ горной страны сѣвернѣе, находясь (какъ указываетъ Маринъ) подъ широтою Византіи, то восточный конецъ южнѣе, находясь подъ широтою Хеллеспонта. Отсюда (такъ какъ горы идутъ съ Ю.-В. на С.-З.) дорога направляется, какъ онъ описываетъ, въ противоположномъ направленіи, т.-е. на В. съ склоненіемъ на Ю., а затѣмъ разстояніе въ 50 шенъ къ Каменной Башнѣ кажется направляющимся на С. Эта Каменная Башня стоитъ на пути тѣхъ, кто поднимается по ущелью, и отъ нея горы тянутся на В., чтобы соединиться съ хребтомъ Имайскимъ, который идетъ на С. отъ Палимботры“. Вотъ еще отрывокъ буквальнаго перевода съ греческаго же текста, сдѣланный Letronne'омъ: „Дорога въ 50 шенъ, которая отсюда приводитъ къ Каменной Башнѣ, уклоняется, повидимому, на С. ибо онъ (Маринъ) говоритъ, что, послѣ подъема, за узкою долиною слѣдуетъ Каменная Башня, откуда горы, направляясь на В., идутъ на соединеніе съ Имаемъ, который, отъ Палимботры, поднимается къ С.“ (Asie centrale etc., par A. de Humboldt, Paris, 1843, t. I, p. 151).

дусныя опредѣленія подъема въ горную страну комедовъ, Тѣснины Комедской, Каменной Башни и пункта, гдѣ собираются купцы, идущіе торговать къ серамъ. Далѣе: «Тѣхъ (саковъ), которые живутъ возлѣ Яксарта, именуютъ карат'ами и комар'ами; обитающіе въ горной странѣ суть комеды. Возлѣ (горъ) Аскатанка—массагеты. Внутри (страны) грин'ы—скифы и тоорн'ы. За ними возлѣ хребта Имайскаго—бильты».

Пріуроченія пунктовъ пути изъ Бактры къ серамъ и страны саковъ не могли быть успѣшно произведены ранѣе пріобрѣтенія точныхъ данныхъ объ истинной географіи и топографіи Памира и прилегающихъ странъ, совершившагося лишь во второй половинѣ XIX стол. Давъ въ своемъ Cathay and the way thither (London, 1866, p.p. CXLIX—CL) переводъ греческаго текста Птолемея о пути къ серамъ, Юль высказалъ мнѣніе, что трудно согласиться съ предположеніемъ К. Риттера, по которому путь къ серамъ шелъ дорогою изъ Ферганы на перевалъ Терекъ въ Кашгаръ, причемъ Каменная Башня пріурочивалась къ Ошу: какимъ образомъ могъ въ такомъ случаѣ пролегать путь къ Каменной Башнѣ (Ошу) на протяженіи 50 шенъ (150 миль?) въ направленіи на сѣверъ? Съ своей стороны Юль, не входя въ подробности и мотивировку, склонялся къ направленію пути къ серамъ чрезъ Каратегинъ на сел. Ташбалыкъ (на Ю.-З. отъ Кашгара), въ которомъ помѣщалъ онъ ὁρμητήριον, пунктъ, въ которомъ собирались ѣдущіе къ серамъ торговцы; къ Каратегину же пріурочивалъ онъ какъ страну комедовъ Птолемея, такъ и Гуйми «Танъ-шу» и Kiu-mi-tho Сюань Цзана. Позднѣе, въ очеркѣ географіи и исторіи странъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи при новомъ изданіи путешествія Вуда, Юль пришелъ къ заключенію, что страна комедовъ и Kiu-mi-tho соотвѣтствуютъ нынѣшнему Дарвазу или Дарвазу съ Рошаномъ, и что изъ Дарваза путь къ серамъ лежалъ или черезъ центральный Памиръ, или долиною Пянджа и далѣе чрезъ Ваханъ къ Ташкургану, по пути Сюань Цзана (A journey to the source of the river Oxus, by Capt. Wood, London, 1872, p.p. XXXIX—XL). Оставаясь при томъ же мнѣніи, въ засѣданіи Лондон. Геогр. Общества 8 мая 1877 г. Юль выразилъ надежду, что слѣды Каменной Башни, вѣроятно, найдутся, когда будетъ лучше извѣстна страна Шигнанъ (Proceedings of R. Geographical Society, vol. 21, p. 137).

По мнѣнію В. В. Григорьева, «Земля комедовъ есть Памирская Высь, а юго-восточный уголъ, занятый Бильтами, совпадаетъ съ нынѣшнимъ Гильгитомъ и Балтистаномъ, вслѣдствіе чего остальная часть земли саковъ должна отвѣчать пространству, занимаемому горными скатами Памирской Выси къ востоку, до перехода этихъ скатовъ въ равнину Вост. Туркестана въ 76—78 мерид. отъ Гринвича. Каменная Башня при этомъ будетъ какъ разъ приходиться на мѣстѣ нынѣшняго Кашгара, съ которымъ мы ее и отождествляемъ» («Труды Вост. Отдѣл. И. Р. Археол. О.», ч. 16, Спб., 1872 г, стр. 128). «Что страна комедовъ у Птолемея соот-

вѣтствовала Памирской Выси, оказывается несомнѣннымъ, кромѣ другихъ на то основаній» (не приведены и здѣсь, какъ и въ вышеуказанномъ сочиненіи), «изъ того, что на Памирской Выси имя комедовъ сохранялось еще въ VII-мъ в. по Р. Х. Знаемъ это изъ Сюань-Цзана, который владѣніе Kiu-mi-tho помѣщаетъ въ самомъ центрѣ Цунлина, на В. отъ владѣнія Kho-tou-lo». („Землевѣдѣніе К. Риттера... Вост. или Кит. Туркестанъ. Перевелъ... и дополнилъ... В. В. Григорьевъ, вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 61).

Въ оставшемся не оконченнымъ изслѣдованіи своемъ Monograph on the Oxus (Journ. of the R. Geogr. S., 1872, vol. 42) сэръ Х. Роулинсонъ утверждалъ, между прочимъ, что значащіяся въ одной изъ пуранъ (Brahmanda Purana), въ исчисленіи горъ по Оксу, горы Cumuda суть Комед'скія горы Птолемея (р. 498). По его же мнѣнію, Ташкурганъ несравненно болѣе, чѣмъ Ташкентъ или Ошъ, какъ думали разные писатели, имѣетъ право считаться мѣстомъ нахожденія Каменной Башни Птолемея; изображенныя на картѣ Агатодэмона [1]) Каменная Башня и особая на востокѣ отъ нея на горѣ башня [2]) суть, вѣроятно, описанныя Сюань Цзаномъ вихара въ столицѣ владѣнія Копаньто [3]) и очень древняя и высокая ступа во владѣніи Уша [4]) (тамъ же, р. 504). Задавшись за симъ вопросомъ, не существовало ли въ древности прямой дороги изъ Самарканда, которая шла бы вверхъ по р. Зеравшану до его вершины и затѣмъ проходила бы чрезъ Памиръ и оз. Каракуль въ Кашгарію, и замѣтивъ, что есть нѣкоторыя восточныя извѣстія, подтверждающія существованіе этой дороги, Роулинсонъ обѣщалъ заняться обсужденіемъ этого предмета впослѣдствіи, имѣя, вѣроятно, въ виду продолженіе своего изслѣдованія (р. 506). Въ засѣданіи Лонд. Геогр. Общества 8 янв. 1877 г. Роулинсонъ заявилъ, что его новѣйшія изысканія привели его къ заключенію, что торговый путь къ серамъ Птолемея велъ вверхъ по Сурхабу и что знаменитая Каменная Башня, вѣроятно, будетъ найдена въ Каратегинѣ (Proceedings of R. Geogr. Soc., 1877, vol 21, p.p. 137—138).

Въ засѣданіи Лонд. Геогр. Общества 12 мая 1884 г., настаивая на томъ, что путь къ серамъ шелъ по Сурхабу и затѣмъ вдоль сѣверныхъ окраинъ Памира къ перевалу Терекъ, и утверждая, что Каменная Башня

---

[1]) Карты къ географіи Птолемея, составленныя александрійскимъ механикомъ Агатодэмономъ, сохранились въ рукописяхъ, оригиналы которыхъ восходятъ къ V в. по Р. Х. Карты эти доселѣ не изданы кромѣ одного кодекса Ватопедскаго (на Аѳонѣ) монастыря (см. проф. Ю. Кулаковскаго „Карта Европ. Сарматіи по Птолемею", Кіевъ, 1899 г., стр. 1, 5 и 6).

[2]) Роулинсонъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду пунктъ, гдѣ собираются купцы, отправляющіеся торговать къ серамъ.

[3]) Объ этомъ монастырѣ, построенномъ владѣтелемъ Копаньто для водворенія буддійскаго учителя Тоншеу, упомянуто мною въ гл. 4-ой. („Р. Антр. Ж." 1901 г. №№ 3 и 4, стр. 124).

[4]) См. тамъ же, стр. 135, примѣч. 2.

находилась въ Узгентѣ или какомъ-нибудь пунктѣ въ бассейнѣ Яксарта, Роулинсонъ отвергалъ мнѣніе Юля о направленіи пути къ серамъ чрезъ Дарвазъ и Рошанъ, ибо чрезъ страны эти не существуетъ пригодныхъ для торговаго движенія дорогъ (Proceedings of the R. Geogr. Soc., new montly series, vol. VI, 1884, p.p. 501—502). Тогда же однако Роулинсонъ заявилъ, что считаетъ возможнымъ, что древній торговый путь къ серамъ проходилъ чрезъ долину рѣки Гунта, Аличуръ и Рангъ-куль къ Ташбалыку, который представляется въ такомъ случаѣ Каменной Башней; по этому же пути пролегалъ и путь Сюань-Цзана, ибо иначе Драконово озеро, которое не можетъ быть никакимъ инымъ кромѣ Б. Каракуля, осталось бы далеко въ сторонѣ; утверждая, что именно по этой дорогѣ войска Шахруха въ 808 г. (хиджры) гнались за войсками бадахшанцевъ и въ половинѣ XVIII стол. китайскія войска изъ Кашгара преслѣдовали ходжей, Роулинсонъ указывалъ на то, что по свѣдѣніямъ Троттера, давшаго маршрутъ въ Кашгаръ по этому пути, дорога по нему легче, чѣмъ по пути чрезъ Ташкурганъ; онъ находилъ также, что Ко-пань-то есть китайская транскрипція имени Гунтъ, которое онъ писалъ Гандъ (Ghand) вмѣсто Гунтъ или Гундъ (Ghund), какъ оно пишется у всѣхъ, не исключая и Троттера. Въ 1887 г., по поводу секретнаго отчета англійскаго агента Илайяса (Ney Elias) о поѣздкѣ его въ 1885 г. по Памиру и нѣкоторымъ изъ прилегающихъ странъ, Роулинсонъ заявилъ, что путешествіе Илайяса доставило подтвержденіе тому, что Сюань-Цзанъ дѣйствительно проходилъ въ Кашгаръ дорогою чрезъ Гунтъ и Рангъ-куль, и даетъ возможность признавать за Драконово озеро не Каракуль, а Рангъ-куль, ибо, во-первыхъ, Рангъ-куль въ точности соотвѣтствуетъ описанію Драконова озера у кит. путешественника: какъ у Сюань-Цзана почва береговъ озера пропитана солью, такъ и по Илайясу почва береговъ Рангъ-куля покрыта выступами соли, хотя озеро Рангъ-куль считается прѣснымъ; во-вторыхъ, съ мѣстностью Рангъ-куля и понынѣ связаны легенды о драконѣ: мѣстные киргизы разсказывали Илайясу, что въ скалѣ Чиракъ-ташъ въ котловинѣ Рангъ-куля находится пещера, которая внутри освѣщается какимъ-то таинственнымъ способомъ, и что происходитъ это отъ того, что въ пещерѣ хранится кладъ и свѣтъ испускаетъ брилліантъ на лбу стерегущаго сокровища дракона (Proceedings of the R. G. S., 1887, vol. IX, p.p. 69—71)[1]).

---

[1]) Чтобы не возвращаться къ этимъ двумъ аргументамъ, можно здѣсь же возразить, что почва не одного Рангъ-куля, а многихъ не имѣющихъ или когда-либо не имѣвшихъ истоковъ озеръ Памира и степей пропитана солью или покрыта солонцами, и что легенды о драконахъ распространены въ большей части восточной и средней Азіи и часто служатъ для объясненій различныхъ естественныхъ явленій, истинныя причины которыхъ почему-либо неизвѣстны, а потому легенда о причинѣ таинственнаго свѣта въ пещерѣ Чиракъ-таша не имѣетъ никакой необходимой связи съ Драконовымъ озеромъ въ долинѣ Памира, опи-

Относительно направленія пути къ серамъ чрезъ долину Гунта, Аличуръ, Рангъ-куль и Ташбалыкъ, на которомъ остановился Роулинсонъ, надо замѣтить, что дорога изъ Бадахшана чрезъ Калаи-Баръ-Пяджъ, по Гунту, чрезъ Аличуръ, укр. Памирское, Рангъ-куль, ущелье Геза и Ташбалыкъ, есть кратчайшій путь изъ Файзабада въ Кашгаръ (см. гл. I, стр. 17 и 18 „Р. А. Ж.“ 1900 г., № 3, гдѣ, по незамѣченной опискѣ, значится отъ Кашгара до поста Рангъ-кульскаго 214 в. вмѣсто 224 в., какъ слѣдуетъ, — 24 и 37 стр. тамъ же, а также гл. IV „Р. А. Ж.“ 1901 г. № 2, стр. 45,—гдѣ, за исправленіемъ означенной описки, слѣдуетъ читать отъ Файзабада до Кашгара 694 в., а не 684 в.), но, во-первыхъ, путь этотъ совершенно не соотвѣтствуетъ даннымъ Птолемея, ибо отъ Балха направляется не на С., какъ путь къ серамъ, а на В. къ Файзабаду, и не проходитъ совсѣмъ у вершинъ Яксарта, какъ путь Птолемея, и т. д. Во-вторыхъ, если въ настоящее время путь отъ Пянджа по Гунту и далѣе чрезъ Аличуръ и Гезъ къ Кашгару можетъ служить для довольно удобнаго торговаго движенія, то произошло это вслѣдствіе случайныхъ военно-политическихъ обстоятельствъ, по которымъ китайское правительство привело въ проѣздное состояніе дорогу по ущелью Геза, необходимую ему для сообщенія съ Ташкурганомъ, а русское распорядилось устройствомъ дороги по Гунту, для соединенія укр. Памирскаго и Ферганы съ Пянджемъ на границѣ Шигнана съ авганскимъ Бадахшаномъ. Когда Китай владѣлъ Таримскимъ бассейномъ и опасался вторженій тибетцевъ изъ-за Памира и Мустага, то имъ, конечно, устраивалась и поддерживалась дорога по ущелью Геза, для сообщенія съ Ташкурганомъ, гдѣ пребывалъ охранитель Цунлина, но дорога по Гунту едва ли когда-либо прочно приводилась въ положеніе, необходимое для постояннаго торговаго движенія и превосходящее тѣ нужды, которыя удовлетворялись пѣшеходнымъ сообщеніемъ обитателей небольшого количества шугнанскихъ кишлаковъ въ верхней и средней частяхъ долины Гунта [1]). Къ такому, по крайней мѣрѣ, заключенію приводятъ тѣ двѣ историческія справки, на которыя думалъ опираться Роулинсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, по Абдразаку-Самарканди (Матла-ассаадейнъ и

сываемымъ Сюань Цзаномъ. Позднѣйшіе путешественники (какъ русскіе, такъ и англійскіе) безъ особаго труда нашли объясненіе непонятнаго для мѣстныхъ кочевниковъ чиракъ-ташскаго феномена. По словамъ одного изъ нихъ (М. М. Воскобойниковъ „Изъ поѣздки на Памиръ“ въ „Землевѣдѣніи“, 1899 г., кн. 3, стр. 51), если смотрѣть днемъ съ опредѣленнаго мѣста въ пещеру, то въ ней ясно можно замѣтить свѣтящуюся точку, но онъ убѣдился лично, что это проникаетъ свѣтъ съ другой стороны пещеры.

[1]) По отзыву инжен. Серебренникова („Памиръ“ въ „Ежегодн. Ферганской обл.“, 1902 г., стр. 116 и слѣд.), пути сообщенія въ долинѣ Шахдары находятся „въ крайне неудовлетворительномъ состояніи и представляютъ большія затрудненія во многихъ мѣстахъ для вьючнаго движенія, а въ нѣкоторыхъ даже и для пѣшеходнаго“. „Дорога по долинѣ Гунта была до лѣта 1897 г. едва ли не хуже, чѣмъ на Шахдарѣ, но въ настоящее время она хорошо разработана, и вьючное движеніе по ней не встрѣчаетъ затрудненій“.

пр. въ переводѣ Катрмэра въ Notices et extraits de manuscrits de la Bibl. du roi, 1843, t. XIV, p. I, pp. 222 — 224), возмутившійся около 1421 г. противъ внука Тимура Шахрухъ-мирзы владѣтель Бадахшана Беха-эддинъ, при приближеніи войска Шахруха, бѣжалъ изъ столицы своей въ труднодоступныя горы, въ густые лѣса; преслѣдуя его, часть арміи Шахруха прошла за рубиновыя копи, т.-е. за Гаранъ, и проникла въ Sagnan, Gand и Bamir, гдѣ „находятся истоки р. Джейхуна“ (Аму-дарьи); тамъ она забралась на горы, которыя туземцы считали недоступными для иноземцевъ, и овладѣла имуществомъ и драгоцѣнностями Беха-эддинъ-шаха, послѣ чего возвратилась въ городъ Бадахшанъ съ огромною добычею. Хотя мѣстность, гдѣ именно захвачено имущество Беха-эддина, съ точностью не означена, но такъ какъ онъ бѣжалъ въ недоступныя горы, въ густые лѣса, то, очевидно, эта мѣстность не могла находиться на Памирѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ древесной растительности, по Гунту же въ верхнихъ частяхъ его долины встрѣчаются лишь кусты тальника, облепихи и шиповника (инж. Серебренниковъ, указ. статья, стр. 133), и только ниже появляются тополь, можжевельникъ, береза, урюкъ и пр. (тамъ же). Отсюда слѣдуетъ заключить, что передовой отрядъ, преслѣдовавшій Беха-эддина (главныя силы, повидимому, остановились въ Кешмѣ), доходилъ лишь до нижней, или, самое дальнее, до средней части долины Гунта [1]). Что касается прохода по Гунту китайскихъ войскъ въ половинѣ XVIII в., то по Дай-цинъ-и-тун-чжи (оффиціальная географія Китая, изд. 1790 г., кн. 424, перев. Клапрота, въ Magazin asiatique, 1825, t. I, p.p. 91—92), разбитые кит. генераломъ Фудэ около оз. Яшиль-куля кашгарскіе ходжи бѣжали отсюда въ Шигнанъ, подвластный Бадахшану, а потому Фудэ обратился къ владѣтелю Бадахшана съ требованіемъ объ ихъ выдачѣ; когда же выдача затянулась, то Фудэ вступилъ въ Ваханъ и оттуда приблизился къ столицѣ Бадахшана, чѣмъ и добился нѣкотораго выполненія своихъ требованій: такимъ образомъ Фудэ съ Яшиль-куля перешелъ, вѣроятно, переваливъ въ долину р. Памира, въ Ваханъ и слѣдовалъ къ Файзабаду по Вахану, конечно обычнымъ путемъ по Пянджу, дорогою же по Гунту не проходилъ, вѣроятно, по ея трудности, хотя путь по Гунту былъ бы почти вдвое болѣе близокъ. Чтобы направить путь Сюань Цзана по Гунту, пріурочить къ верховью этой рѣки владѣніе Кѣпуаньто, признать Рангъ-

[1]) По предварительному отчету Б. А. Федченко о поѣздкѣ въ 1901 г. на Памиръ и въ Шугнанъ („Изв. И. Р. Геогр. О.“, 1902 г. стр. 298), въ долинѣ Гунта, между первымъ отъ ея вершины кишлакомъ Сардымомъ и укр. Хорогомъ, есть „во многихъ мѣстахъ лѣса изъ ивняковъ и тополей“, но удобныхъ мѣстъ для посѣвовъ „имѣется очень немного“. Перевалъ Кой-Гезекъ, чрезъ который идетъ дорога съ Яшиль-куля къ Сардыму, въ іюнѣ „едва проходимъ отъ той массы снѣга, которая здѣсь скопляется зимой. Это обстоятельство заставило даже подумать объ устройствѣ иной дороги въ Шугнанъ, которая не страдала бы такъ отъ снѣжныхъ заносовъ. Въ настоящее время эта новая дорога уже намѣчена—вдоль оз. Яшиль-куль“ (тамъ же, стр. 296).

куль за Драконово озеро въ долинѣ Помило и т. д., пришлось бы отвергнуть многія показанія Сюань Цзана и его біографовъ, между прочимъ, заставить его итти въ Кѣпуаньто не по проходѣ чрезъ Памиръ и не по мимованіи Драконова озера, а наоборотъ: Драконова озера достигнуть по проходѣ чрезъ владѣніе Кѣпуаньто въ верховьяхъ Гунта; надо было бы допустить еще, что владѣніе Тамоситѣти соотвѣтствовало части Дарваза на югѣ отъ Пянджа, между Хотломъ и Шигнаномъ (Proceedings of R. G. S. 1884, vol. VI, p. 305), дабы западный истокъ Драконова озера (Каракуля или Рангъ-куля), т.-е. Мургабъ или Бартангъ, дѣйствительно соединялся съ Потсу, Пянджемъ, на восточныхъ границахъ Тамоситѣти, какъ отмѣчено Сюань Цзаномъ; въ числѣ результатовъ такого невозможнаго помѣщенія Тамоситѣти въ дарвазскихъ волостяхъ южнаго берега Пянджа, Роулинсону привелось вести Сюань Цзана въ этотъ Тамоситѣти отъ Курана съ копями ляписъ-лазури въ верховьяхъ Кокчи „чрезъ горы на сѣверѣ отъ Файзабада“ (тамъ же) и т. д.

Проф. Томашекъ полагалъ въ 1877 г. (Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, въ Sitzungsber. der kais. Akad. der Wissenschaften, phil.-hist. Classe, B. 87, Wien, 1877, S. S. 112—117), что караваны, шедшіе въ Серику, поднявшись на Алай изъ Маргинана и Оша въ Ферганѣ, пересѣкали, въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. Алайское плато и нѣкоторые изъ шести идущихъ по Памиру съ В. на З. горныхъ хребтовъ и достигали до Тѣснины Комедской, т.-е. долины Тагармы, длина которой, въ направленіи съ Ю.-З. на С.-В., равнялась 50 шенамъ, т.-е. 3 т. стадій [1]) или 6 градусамъ Птолемея; за окончаніемъ этой долины лежала знаменитая Каменная Башня, т.-е., согласно Роулинсону (Monograph on the Oxus, 1872, p. 504), нынѣшній Ташкурганъ въ Сарыколѣ; отсюда караваны приходили въ пунктъ, гдѣ собирались отправляющіеся торговать къ серамъ купцы, т.-е. въ Яркендъ. Какъ комеды, такъ и аристеи, которыхъ Птолемей помѣщаетъ на истокахъ Яксарта, принадлежали къ родственному иранцамъ народу саковъ [2]). Имя аристеи Томашекъ сопоставляетъ съ именемъ мѣстности въ Ферганѣ Риштанъ и съ именемъ области Раштъ, Аль-Раштъ арабскихъ писателей, въ Каратегинѣ [3]). По поводу извѣстій

---

[1]) Такъ какъ въ кн. I гл. 11 у Птолемея сказано, что разстояніе отъ Евфрата до Каменной Башни равняется 876 шенамъ или 26280 стадіямъ, то 1 шенъ у Птолемея равенъ 30 стадіямъ, а не 60, какъ ошибочно принялъ Томашекъ.

[2]) Аристеи, какъ приведено выше, не значатся у Птолемея въ исчисленіи племенъ саковъ. Упомянуты они въ описаніи земли согдійцевъ, въ числѣ племенъ сихъ послѣднихъ, „восточнѣе“ дрепсіанъ, „близъ Яксарта“ (кн. VI гл. 12). Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто аристеи читаютъ аніезеи, какъ видимъ, напр., у Маннерта, (IV, S. 464) На картѣ VII изданія 1605 г. значится Aniesis.

[3]) По В. В. Бартольду („Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, ч. 2, 1900 г., стр. 159), имя аристеи „вѣроятно... можно сблизить“ съ именемъ города Уреста, который „находился, повидимому“, между городомъ Куба (нынѣ селеніе Кува) и Ошемъ; „рѣка Урестъ, одинъ изъ притоковъ Сыръ-дарьи, повидимому, тожественна съ Ошской рѣкой, которая, по рукописи Туманскаго, про-

Квинта Курція о походѣ Александра Македонскаго въ 327 г. до Р. Х. въ страну Габаза и о набѣгѣ отсюда (для котораго воины обязаны были имѣть съ собою запасъ съѣстныхъ припасовъ на шесть дней) на саковъ (sagas), Томашекъ полагалъ, что страну Габаза нужно искать между Сурханомъ и Вахшабомъ, но подходящаго мѣстнаго имени не нашелъ; отличая этихъ саковъ отъ тѣхъ, съ которыми Александръ имѣлъ столкновенія на Яксартѣ, Томашекъ утверждалъ, что саки были племенемъ иранскимъ, такъ какъ имена трехъ князей саковъ во время Дарія I, приведенныя у Полліэна (VII, 12), а также имя столицы саковъ, приведенное по Ктезію Николаемъ Дамаскинымъ и Стефаномъ Византійцемъ, именно Роксанакэ или Рокшанакэ, суть чисто иранскія; изъ нихъ имя Рокшанакэ удержалось и до настоящаго времени на древней сакской почвѣ въ имени лежащей на Пянджѣ волости Рушнанъ или Рошанъ. Позднѣе, въ изслѣдованіи о памирскихъ діалектахъ (Sitzungsberichte тѣхъ же академіи и отдѣленія, B. 96, 1880 г.), Томашекъ филологически выяснилъ, что нынѣшніе діалекты сарыкольскій и шигнанскій суть два родственныхъ иранскихъ нарѣчія, сильно отличающіяся отъ таджикскаго или ново-персидскаго языка и относящіяся одно къ другому, какъ восточный и западный діалекты пушту (авганскаго яз.), съ которымъ имѣютъ родство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительныя отличія (S. S. 742—746). При этомъ онъ считалъ сарыкольскій и шигнанскій діалекты остатками языка древнихъ саковъ (S. 742), которые были близко родственны авганамъ (S. 745), именовалъ этихъ саковъ амиргійскими (S. 736) и утверждалъ, что столица ихъ Роксанакэ лежала несомнѣнно въ Рошанѣ (S. 748). Тутъ же Томашекъ настаивалъ, что грины, «т.-е. обитатели горъ», Птолемея (одно изъ племенъ саковъ, упомянутое рядомъ съ тоорнами) были частью авгановъ, оставшеюся на границѣ съ Тибетомъ (S. 745), но позднѣе въ Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden (тѣ же Sitzungsberichte, B. 117, 1889, S. 52) онъ завѣрялъ, что грины и тоорны Птолемея представляютъ собою остатки каспійскихъ или касійскихъ аборигеновъ, которые удержались на востокѣ отъ Памира и въ Тагармѣ, подобно тому, какъ соиты [1]) и бильты въ Каракорумѣ, т.-е. грины оказались не только не авганцами, но даже не арійцами [2]). Въ 1888 г., не безъ основаній утверждая, что верхнее

текала между Ошемъ и Урестомъ". Можно добавить, что по Белазори (какъ цитируетъ Томашекъ, S. 120), арабскій полководецъ Кутейба въ 94 г. хиджры, доходилъ до Кашана и Урашта въ Ферганѣ.

[1]) Такого народа у Птолемея не значится, но есть городъ Соета или Соита (въ Заимайской Скифіи подъ 145° д. и 35° 30′ ш., см. кн. VI гл. 15), кот. В. В. Григорьевымъ („Вост. Турк.", в 2, карта и стр. 64) пишется то Сота, то Сага и почитаетъ за Согюй, т.-е. Яркендъ.

[2]) По мнѣнію Томашека (тѣ же Sitzungsberichte, B. 116, 1888, S. S. 775—777), Хиндукушъ, памирское плато и западная часть Таримской впадины первоначально были обитаемы аборигенами, занимавшими, какъ по географическому положенію, такъ и по языку, средину между кавказскими и мазандеранскими

теченіе Яксарта у Птолемея соотвѣтствуетъ Кара-дарьѣ, Томашекъ допускалъ однако возможность направленія пути къ серамъ не только на Ошъ, Гульчу и Теректы-даванъ, но и на Кавукъ и перевалъ Тенгизъ-бай, такъ какъ съ послѣднимъ направленіемъ могъ удобно сходиться въ Дараутъ-курганѣ путь изъ Бактры чрезъ Хиссаръ и Каратегинъ; въ обоихъ случаяхъ Каменная Башня должна была совпадать съ Улугчатомъ (Sitzungsberichte вѣнской академіи наукъ, 1888, B. 116, S. 737).

По сходству имени съ Габэй, Кабей (см. «Р. А. Ж.», 1902 г., № 3, стр. 80 и 81), я считаю вѣроятнымъ, что страна Габаза Кв. Курція соотвѣтствовала Каратегину; обитаніе въ этомъ случаѣ саковъ на Алаѣ подтверждается тѣмъ, что путь отъ долины Кабуда до границы Каратегина

горными народами, съ одной стороны, и тибетоидными народами Хималая, съ другой. При переселеніи аріійцевъ изъ Европы въ Азію, аборигены эти, занимавшіе аральскія степи, Яксартъ, Памиръ и западную часть таримскаго бассейна, были поглощены и уцѣлѣли лишь на окраинахъ прежнихъ ихъ земель небольшими частями; къ нимъ принадлежали прежде всего каспіи или касіи; вышеисчисленныя земли аборигеновъ заняты были массагетами и саками, родственными иранцамъ. Чрезъ неизвѣстное послѣ сего число столѣтій, произошло около конца VIII в. обратное переселеніе нѣкоторыхъ народовъ на западъ, о которомъ сохранились свѣдѣнія у Геродота (IV, 13) на основаніи сказанія Аристея. По послѣднему, безпокойные аримаспы (хунны) потѣснили изъ ихъ земель исседоновъ (юечжей), послѣдніе погнали скифовъ (саковъ и массагетовъ) изъ западной части таримскаго бассейна, скифы же подались къ южному морю, т.-е. къ Черному морю, и заставили киммерійцевъ уходить чрезъ Босфоръ въ Азію. За исключеніемъ того, что скифы Аристея были массагеты и саки, что они занимали когда-либо западную часть таримскаго бассейна, что саки были арійцы и что каспіи или касіи были аборигенами указанныхъ странъ, обѣ приведенныя гипотезы Томашека не лишены ни вѣроятности, ни нѣкоторыхъ фактическихъ основаній. О сакахъ и массагетахъ рѣчь будетъ ниже. У Птолемея, въ описаніи Заимайской Скифіи, есть горы и область касійскія, но народа касіевъ нѣтъ, почему естественно думать, что имя пошло отъ слова *каш*, означающаго какъ въ персидскомъ, такъ и въ тюркскомъ языкѣ минералъ нефритъ, весьма цѣнимый въ Китаѣ и вообще на востокѣ: такъ какъ добыча его и торговля имъ имѣли важное для края значеніе, то не мудрено, если и горы, гдѣ добывается нефритъ, и область, къ нимъ прилегающая, и главный ея городъ получили имя нефритовыхъ—касійскія горы и область, а городъ—Каш гаръ. По Геродоту, населеніе пятнадцатой сатрапіи царства Дарія состояло изъ саковъ и каспіевъ, но снова каспіи же значатся у него и во главѣ народовъ одиннадцатой сатрапіи, въ числѣ которыхъ названы павзики, которыхъ считаютъ за пашайцевъ Авганистана и башгали Кафиристана, пантиматы, почитаемые за авганское племя мати, и дариты, т.-е. древніе дарады, нынѣшніе дарды (Bellew — An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, въ Imp. and Asiatic Review, 1891, October, p. 280), такъ что приходится каспіевъ этой сатрапіи считать за кашмирцевъ. Помѣщеніе каспіевъ въ двухъ сатрапіяхъ вызвало одного изъ комментаторовъ Геродота предположить, что каспіи есть ошибка переписчиковъ вмѣсто касіи, какъ названы горы и область у Птолемея. Однако, если и допустить такую описку, нѣтъ основаній относить ее непремѣнно къ пятнадцатой сатрапіи, а не къ одиннадцатой. Геродотъ (VII, 64), назвавши саковъ арміи Ксеркса скифами-амиргійцами, замѣтилъ, что зовутъ ихъ саками потому, что персы зовутъ такъ всѣхъ скифовъ. Если вѣрна догадка В. В. Григорьева о томъ, что амиргійцы обитали по р. Мургабу, отъ которой могло происходить ихъ имя („Изслѣдованіе о скифскомъ народѣ сакахъ" въ „Труд. В. О. И. Р. Археол. О.", ч. 16, 1872 г., стр. 150), то каспіи въ пятнадцатой сатрапіи должны быть сохранены, ибо дѣйствительно въ ней съ саками-амиргійцами могли находиться каспіи, вслѣдствіе обитанія которыхъ на его берегахъ, вѣроятно, и получило свое названіе Каспійское море или, обратно, каспіи пріобрѣли свое имя по причинѣ обитанія на Каспійскомъ морѣ.

съ Алаемъ равняется лишь 80 в. (маршруты г. Путяты въ «Сборн. геогр. и пр. матер. по Азіи», вып. 10, 1884, стр. 296—301), т.-е. 3 днямъ пути, такъ что 6-дневный запасъ готовой пищи долженъ былъ хватить какъ на передній, такъ и на обратный путь дѣлавшаго набѣгъ на саковъ отряда. Единственными доказательствами иранства этихъ саковъ у Томашека являются иранскія имена трехъ царей или князей, а также столицы, и нахожденіе послѣдней будто бы въ Рошанѣ. Между тѣмъ еще В. В. Григорьевъ, хотя сторонникъ арійства саковъ, справедливо призналъ имена трехъ царей у Полліена вымышленными («Изслѣдованіе о ...сакахъ», 1872 г., стр. 173). Съ своей стороны я полагаю, что Поліэнъ имена трехъ царей, а равно и надпись Семирамиды, гдѣ говорится, что она правила до саковъ и согдовъ на сѣверѣ, заимствовалъ у Ктесія или въ основанныхъ на немъ источникахъ, имя же столицы саковъ Роксанакэ сохранилось въ приведенномъ Николаемъ Дамаскинымъ отрывкѣ романическаго повѣствованія Ктесія о мидянинѣ Стріангеѣ и царицѣ саковъ Заринѣ (тамъ же, стр. 112—115). Еще у древнихъ Ктесій пользовался весьма незавидной репутаціей, какъ можно заключить, напр., изъ слѣдующаго замѣчанія о немъ Арріана (кн. V, гл. 2): Ктесій, *если только этотъ писатель заслуживаетъ какое-нибудь довѣріе*, опредѣляетъ меньшую ширину Инда въ 40 стадій, большую въ 100, а среднюю въ 70. Такое отношеніе къ нему вполнѣ оправдалось сдѣланнымъ въ прошломъ столѣтіи открытіемъ, что сказанія Ктесія о Нинѣ и Семирамидѣ и походѣ ихъ на бактр. царя Оксіарта совершенно вымышлены, такъ какъ рѣшительно не подтверждаются дѣйствительною исторіею Ассиріи, какъ она къ настоящему времени весьма подробно и достовѣрно выяснена клинописными памятниками и документами. Любовный романъ Зарины и Стріангея Ктесій выдавалъ за дѣйствительныя событія, имѣвшія мѣсто еще ранѣе эпохи Кира, но едва ли можно сомнѣваться, что романъ этотъ былъ произведеніемъ его творческой фантазіи и что имена дѣйствующихъ лицъ онъ долженъ былъ взять въ языкахъ или литературахъ, съ которыми онъ былъ знакомъ, т.-е. въ греческихъ или персидскихъ. Понятно поэтому, что имена Роксанакэ, Зарина, Кидрай (братъ Зарины), Мермеръ должны принадлежать, по своимъ по крайней мѣрѣ корнямъ, иранскому и во всякомъ случаѣ арійскому языку [1]), но нисколько однако не доказываютъ иранства саковъ,

[1]) В. В. Григорьевъ призналъ имена эти не только арійскими, но даже славянскими: Зарина происходитъ отъ „заря“, Кидрей отъ „кудри“, кудрявый, Мермеръ есть Миромиръ, а Роксанакэ сильно напоминаетъ славянскія имена поселеній, съ окончаніемъ на *яки* и *якъ*, какъ Кобеляки, Коротоякъ и пр.; въ сагар'ахъ, которыми, по Геродоту, вооружены были саки въ арміи Ксеркса, видѣлъ онъ „сѣкиры“ („Изслѣдованіе о...сакахъ“, стр. 186—192). По Томашеку (вышеупомян. Sitzungsberichte, B. 117, S 47), слово сагар'ы можно объяснить изъ угорскихъ языковъ; по-вогульски *шаграк* значитъ „двойной топоръ“, по-остяцки *сагрем* означаетъ „я рублю“. Что касается остальныхъ изъ приведенныхъ именъ, которыя всѣ почерпнуты исключительно изъ романа Ктесія, то признавать ихъ

такъ какъ нѣтъ никакихъ несомнѣнныхъ основаній принадлежности ихъ сакамъ и ихъ языку. Если и допустить, что столица саковъ, даже амиргійскихъ, дѣйствительно именовалась Роксанакэ, все же невѣроятно, чтобы она находилась въ Рошанѣ, такъ какъ горная страна эта, состоящая изъ скалистыхъ и труднопроходимыхъ ущелья Бартанга и части ущелья Пянджа, почти лишена удобныхъ путей сообщенія, какъ внутреннихъ, такъ внѣшнихъ, временно даже пѣшеходныхъ (см. гл. I, «Р. А. Ж.», 1900 г., № 3, стр. 24—26). Сверхъ того, хотя мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній объ образѣ жизни саковъ, на которыхъ сдѣланъ былъ набѣгъ изъ Габазы, но добыча, состоявшая изъ столь значительныхъ количествъ скота, что Александръ могъ изъ нихъ подарить 30 т. головъ Сисимитру, указываетъ, что эти саки были скотоводы и, вѣроятно, кочевники, какъ даетъ понять и самое имя саковъ, ибо какъ у грековъ скифами, такъ у персовъ саками именовались племена кочевыхъ скотоводовъ, обитавшія на сѣверѣ. Ни въ Рошанѣ, ни въ смежныхъ съ нимъ Дарвазѣ и Шигнанѣ нѣтъ ни пастбищъ, ни возможности кочевой жизни для сколько-нибудь значительнаго числа кочевниковъ-скотоводовъ [2]), а потому саки не могли ни обитать въ нихъ, ни имѣть въ Рошанѣ свою столицу. Принадлежность сарыкольскаго и шигнанскаго діалектовъ къ восточно-иранскимъ нарѣчіямъ нисколько не можетъ служить доказательствомъ, что Сарыколъ, Шигнанъ и Рошанъ были когда-либо населены саками. Вмѣсто не имѣющихъ реальныхъ основъ гипотезъ о сакахъ-иранцахъ въ Рошанѣ, Шигнанѣ и Сарыколѣ слѣдуетъ руководствоваться китайскими историческими извѣстіями о заселеніи Шигнана изъ Кухани, т.-е. изъ Хохона (см. въ началѣ наст. главы стр. 72 и 69 «Р. А. Ж.», 1902 г., № 3), изъ близкаго же родства сарыкольскаго діалекта съ шигнанскимъ заключить, что нынѣшнее населеніе Сарыкола происходитъ отъ переселенцевъ изъ Шигнана или отъ смѣшенія древнихъ его обитателей съ шигнанскими переселенцами, имѣвшими численное преобладаніе. Къ этому предмету я еще возвращусь.

Лично путешествовавшій по Алаю и Памиру въ 1877 и 1878 г. Н. А. Сѣверцовъ, въ доставленной въ Парижское Геогр. Общество въ 1884 г. статьѣ, которая напечатана лишь въ 1890 г., уже послѣ смерти автора, послѣдовавшей въ январѣ 1885 г. (Etudes de géographie historique sur les anciens itinéraires à travers le Pamir въ «Bull. de la Soc. de Géogr.», t. XI, Paris, 1890, p. p. 417—467, 553—610), справедливо признавалъ невозможнымъ предложенное Юлемъ помѣщеніе Тѣснины Ко-

---

сакскими столь же основательно, сколько считать личныя и географическія имена въ „Путешествіи Гулливера“, напр., или въ „Гаргантюа и Пантагрюэлѣ“ принадлежащими языкамъ вымышленныхъ Свифтомъ и Раблэ народовъ и странъ.

[2]) Въ 1893 г. во всемъ Рошанѣ оказалось 56 лошадей, 629 коровъ и быковъ и 4210 овецъ и козъ на 1792 душъ всего населенія („Сборн. ... матер. по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 92 и 87).

медской въ Дарвазѣ, ибо никакой дороги въ Серику не могло итти чрезъ долины притоковъ Окса, текущихъ по Дарвазу, по причинѣ непроходимости горъ, замыкающихъ эти долины съ востока; основательно также отвергалъ онъ гипотезу Пакье (Le Pamir, par J.-B. Paquier, Paris, 1876, p. p. 19 et suiv.), пріурочившаго Тѣснину Комедскую къ Рошану, такъ какъ долина Рошана совершенно непроходима для карававановъ (p. p. 422, 423). Съ своей стороны Сѣверцовъ утверждалъ, что въ рѣчной системѣ Окса на сѣверѣ отъ Шигнана есть только одна возможная дорога изъ Бактры въ Серику: черезъ Каратегинъ, по долинѣ Сурхаба, приводящая чрезъ 930 килом. отъ Окса въ Кашгаръ. Подтвержденіе этому пріуроченію Сѣверцовъ видѣлъ въ приводимомъ имъ, въ переводѣ Пакье, мѣстѣ Амміана Марцеллина, по которому «непосредственно за бактрійцами обитаютъ саки, народъ дикій, живущій въ мѣстахъ болотистыхъ, годныхъ только для скотоводства; надъ страною ихъ высятся горы Асканимскія и Комедскія, у подножія которыхъ есть мѣстность, именуемая Каменной Башней, гдѣ находится дорога, посѣщаемая купцами, которые, послѣ долгаго пути, приходятъ къ серамъ». Основываясь на такой смежности Бактріаны съ землею саковъ и отождествляя послѣднюю съ Хиссаромъ, долина котораго понынѣ обилуетъ болотами, удобными для скотоводства, и имѣетъ въ своемъ населеніи многочисленныхъ кочевниковъ, Сѣверцовъ находилъ, что путь Птолемея къ серамъ шелъ отъ Бактры чрезъ серію долинъ Хиссара, Каратегина, Алая и кашгарскаго Кызылъ-су и что земля комедовъ соотвѣтствовала западной части Каратегина, гдѣ, по арабскимъ географамъ, лежала область Комедъ (p. p. 423—429). Еще одно важное подтвержденіе своего мнѣнія Сѣверцовъ усматривалъ въ томъ, что Тѣснина Комедская, Каменная Башня и пунктъ, гдѣ собирались ѣдущіе къ серамъ торговцы, показаны у Птолемея одинаково подъ широтою Византіи или 43°, и что въ самомъ дѣлѣ Гармъ (Тѣснина Комедская) и Кашгаръ (упомянутый пунктъ) лежатъ подъ 39°2 и 39° 25′ шир., да и другіе пункты по пути Каратегинъ-Алай-Кашгаръ расположены также подъ 39° ш. съ нѣсколькими минутами. Каменную Башню Сѣверцовъ помѣщалъ (p. 434) въ ущельи Иркештама, гдѣ, по его увѣренію, зап.-восточная линія дороги изъ Хиссара и Кашгаръ пересѣкалась сѣв.-южною линіею выходовъ ущелій Имая (débouchés des gorges de l'Imaus).

Такъ какъ, по Птолемею, путь къ серамъ шелъ изъ Бактры на С. къ подъему изъ Согдіаны въ горную страну комедовъ и отъ этого подъема направлялся на Ю.-В., къ Тѣснинѣ Комедской, то онъ не могъ пролегать черезъ Хиссаръ и Каратегинъ, а долженъ былъ лежать чрезъ Согдіану; если бы въ самомъ дѣлѣ по Амміану Марцеллину путь къ серамъ лежалъ непосредственно изъ Бактры въ землю саковъ, то это значило бы, что Птолемей и Амміанъ Марцеллинъ говорятъ о двухъ различныхъ путяхъ. Въ дѣйствительности однако Амміанъ Марцеллинъ не

говоритъ о непосредственной смежности Бактріаны съ землею саковъ, какъ перевелъ Пакье. Именно, по переводу В. В. Григорьева, „съ согдійцами смежны саки, народъ свирѣпый, населяющій мѣста сухія (squalentia), годныя для пастьбы скота и потому лишенныя городовъ, мѣста, простирающіяся подъ горами Асканимійскими и Комедскими, мимо подошвы которыхъ и селенія, называемаго Каменная Башня, тянется обычный длинный путь, которымъ ходятъ торговцы, отправляющіеся далѣе къ серамъ» («Изслѣдованіе о сакахъ», стр. 130). Въ подлинникѣ, по изданію Карла Эрфурдта (Lipsiae, 1808, t. I, Liber XXIII, Cap. VI, § 60), значится: His contingui sunt Sacae, natio fera, squalentia incolens loca, solo pecori fructuosa, ideo nec civitatibus cultu: cui Ascanimia mons imminet, et Comedus. Praeter quorum radices, et vicum, quem Lithinon pyrgon adpellant, iter longissimum patet mercatoribus pervium, ad Seras subinde commeantibus. Вопросъ—къ кому относится His, рѣшается параграфомъ 59, который говоритъ о согдійскихъ горахъ, водахъ и городахъ, заканчиваясь послѣдними, названными въ числѣ другихъ и у Птолемея: Hic inter alia oppida celebrantur Alexandria, et Cyreschata, et Drepsa metropolis. 60. His contingui sunt Sacae и т. д. Хотя Пакье, можетъ быть, удачнѣе перевелъ слово squalentia, ибо оно встрѣчается у Цицерона въ значеніи «грязь», «нечистота» (однако у Виргилія squalens tellus означаетъ «сухая земля»), но въ дѣйствительности земли саковъ,—состоя во всякомъ случаѣ какъ изъ долинъ, такъ и изъ горъ,—должны были заключать въ себѣ и влажныя мѣстности, и сухія; притомъ же, какъ восточная часть Ферганы, которая должна быть признаваема за часть страны саковъ по даннымъ Птолемея, такъ и Хиссаръ, имѣютъ болотистыя и луговыя мѣста, а равно и сухія степныя или каменистыя пастбища. Утвержденіе Сѣверцова, что Каменная Башня должна была находиться на пересѣченіи зап.-восточной линіи пути къ серамъ съ сѣв.-южною линіею западныхъ ущелій Имая, не имѣетъ основаній въ какихъ-либо данныхъ или указаніяхъ Птолемея, по нынѣшнимъ же картамъ, дающимъ достаточное понятіе о топографіи ближайшихъ къ Иркештаму мѣстъ, не видно, чтобы пунктъ этотъ приходился на сколько-нибудь ясной линіи западныхъ выходовъ какихъ-либо ущелій. Что касается зап.-восточной линіи пути къ серамъ, то Сѣверцовъ ошибочно помѣщаетъ Тѣснину Комедскую подъ 43° ш., ибо она показана Птолемеемъ подъ 39°; за то онъ не обращалъ должнаго вниманія на нахожденіе подъема изъ Согдіаны въ страну комедовъ именно подъ 43°, тогда какъ главнѣйшая трудность пріуроченій пути къ серамъ именно и состоитъ въ направленіи этого пути отъ подъема изъ Согдіаны подъ 43° къ Тѣснинѣ Комедской подъ 39°, на юго-востокъ, и въ возвращеніи отсюда къ 43°, ш. подъ которымъ значится Каменная Башня. Сознавая, конечно, это, Сѣверцовъ старался устранить затрудненіе предположеніемъ о томъ, что торговецъ Маесъ Тиціанъ, свѣдѣнія котораго о

пути къ серамъ легли въ основу данныхъ Птолемея, утаилъ путь чрезъ Хиссаръ, какъ коммерческій секретъ, и показалъ путь къ серамъ идущимъ изъ Согдіаны вверхъ по долинѣ Зеравшана и поворачивающимъ близъ его истока на югъ чрезъ довольно трудный, но проходимый для вьюковъ перевалъ Пакшифъ и отсюда въ Каратегинъ, именно въ той его части, которая соотвѣтствуетъ «Тѣснинѣ Комедской» (р. р. 437, 432). Сѣверцовъ правильно считалъ дорогу по Зеравшану чрезъ Пакшифъ,—трудную лѣтомъ и непроходимую зимою (В. Н. Ошанинъ въ «Изв. И. Р. Г. О-», 1881 г., стр. 25, а также кап. Васильевъ, въ «Сборн. матер. по Азіи», вып. 33, 1888 г., стр. 12—13, которымъ разстояніе отъ кишлака Пакшифа на Зеравшанѣ до Сурхаба при устьѣ р. Сорбуха опредѣлено въ 78 вер.), неподходящею для торговаго пути къ серамъ, но предположеніе его о сокрытіи Маесомъ Тиціаномъ пути чрезъ Хиссаръ столь же произвольно и неосновательно, какъ и предположеніе его объ извращеніи текста Сюань Цзана, относящагося къ пути его чрезъ Памиръ, китайскимъ правительствомъ съ цѣлію предотвращенія враждебныхъ вторженій въ предѣлы Китая съ запада [1]).

---

[1]) Не имѣя возможности входить въ подробности, которыя потребовали бы много мѣста, ограничусь тѣмъ, что, по мнѣнію Сѣверцова, Сюань Цзанъ изъ Тамоситѣти, пріурочиваемаго къ округу Гаранъ, шелъ на Хорохъ (у Сѣверцова Сучанъ), откуда черезъ перевалъ Бого спустился къ С. въ долину р. Аксу (Бартанга), которою поднялся прямо на В. до устья Аличура; отсюда долина Аксу, а съ нею и путь Сюань Цзана, поворачивали на В.-С.-В. и затѣмъ на В., продолжаясь въ послѣднемъ направленіи по долинѣ р. Кудары, составлявшей въ древности западный истокъ оз. Б. Каракуля, т.-е. Драконова озера Сюань Цзана (р. р. 457, 553); отъ Драконова озера Сюань Цзанъ отправился по долинѣ Марканъ-су до сліянія этой рѣки съ Кашгаръ-дарьею (Казылъ-су): тутъ, около нынѣшняго Улугчата, и находилось владѣніе Кѣпаньто (р.р. 581, 563); направившись отсюда къ нынѣшнему Ташкургану, Сюань Цзанъ дошелъ однако только до оз. Малаго Каракуля; тутъ онъ узналъ, что въ горахъ на югѣ много разбойниковъ; чтобы избѣжать встрѣчи съ ними, онъ повернулъ на В. и спустился съ Цунлина въ Уша, находившееся на р. Кинколѣ, при выходѣ ея изъ горъ, ниже впаденія р. Гиджекъ (р.р. 581—582). Побудило къ такимъ пріуроченіямъ убѣжденіе Сѣверцова въ томъ, что Драконово озеро есть непремѣнно Б. Каракуль, ибо Драконово озеро должно быть самымъ большимъ озеромъ на Памирѣ, а таковъ именно Б. Каракуль (р. 464). Такъ какъ сдѣланныя подъ вліяніемъ этого убѣжденія пріуроченія находились въ явномъ противорѣчіи съ текстомъ описаній путешествія Сюань Цзана, то Сѣверцовъ прибѣгъ къ предположенію о порчѣ текстовъ китайскимъ правительствомъ, воспользовавшись сдѣланнымъ мимоходомъ и весьма неположительно замѣчаніемъ Риттера по поводу путаницы и несообразностей въ тогдашнихъ (1837 г.) картахъ Памира, основанныхъ главнымъ образомъ на китайскихъ и іезуитскихъ свѣдѣніяхъ: „можетъ статься, очертаніе ея (горной страны Болора) было и намѣренно представлено не въ настоящемъ видѣ, вслѣдствіе какихъ-либо политическихъ соображеній, пожалуй изъ опасенія сосѣднихъ владѣній“ („Вост. или Кит. Туркестанъ“ въ переводѣ В. В. Григорьева, вып. I, 1869 г. стр. 272). Сѣверцовъ пошелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что считалъ подложное донесеніе агента Остъ-индской компаніи о поѣздкѣ въ Кашгаръ и пр (см. гл. II-ую наст. изслѣдованія въ „Р. А. Ж.“, 1900 г. № 3, стр. 57, примѣч.) составленнымъ по фальсифицированному китайскому дорожнику (р. 573). Въ объясненіе пути Сюань Цзана вверхъ по Аксу „до устья Аличура“ надо имѣть въ виду, что Сѣверцовъ, на основаніи ошибочныхъ распросныхъ свѣдѣній, полагалъ (см. его „Орограф. очеркъ Памирской горной системы“ въ

По мнѣнію спутника погибшаго въ Тибетѣ Дютрейль де-Ренса, Ф. Гренара, за неизвѣстностью Птолемею Нарына, истинной вершины Яксарта, за главный истокъ этой рѣки принималась небольшая рѣчка Ходжа-Бакырганъ, впадающая въ Сыръ-дарью около Ходжента, почему подъемъ изъ Согдіаны у истока Яксарта долженъ былъ находиться у вершины Ходжа-Бакыргана на перевалѣ Янги-Сабакъ. Онъ допускаетъ однако, безъ объясненія причинъ (можетъ-быть, въ виду мнѣнія Сѣверцова), возможность нахожденія подъема въ Согдіану у перевала Пакшифъ близъ истока Зеравшана, не означеннаго у Птолемея. Караваны изъ Согдіаны прибывали сюда то по Зеравшану, то чрезъ Ходжентъ. Тѣснина Комедская, находившаяся въ 4° къ Ю.-В., соотвѣтствуетъ ущелью Сархада или Ваханъ-дарьи. Такимъ образомъ страна комедовъ заключала въ себѣ всѣ западныя долины Памира отъ Каратегина до Вахана. Спустившись съ перевала Пашкифъ, караваны шли прямо на востокъ по Каратегину и Алаю, проходили чрезъ мѣстность, именуемую Каменной Башней въ окрестностяхъ Иркештама, и достигали Кашгара, близъ котораго находился, по выходѣ изъ горъ, сборный пунктъ купцовъ, идущихъ къ серамъ, являвшійся одновременно караванъ-сараемъ, складомъ и укрѣпленіемъ для торговцевъ. Выраженіе подъемъ «изъ Согдіаны» несомнѣнно доказываетъ существованіе этой дороги, упоминаемой позже и Амміаномъ Марцеллиномъ. Въ текстахъ Птолемея нѣтъ указаній на существованіе дороги изъ Бактріаны чрезъ Ваханъ, но градусное опредѣленіе положенія Тѣснины Комедской само по себѣ свидѣтельствуетъ, что она находилась на торговой дорогѣ, ибо иначе Птолемей не могъ получить свѣдѣнія о ея положеніи. Дорога эта должна была отъ Сархада направляться на Чакмакъ-куль и затѣмъ долиною рѣки Аксу и чрезъ оз. Б. Каракуль итти въ Кашгаръ, соединившись, вѣроятно, съ согдіанскимъ путемъ не далеко отъ Каменной Башни. Существованіе особой дороги изъ Бактры чрезъ Ваханъ необходимо предположить и потому, что было бы нелѣпо (il serait absurde) допустить, что подъемъ изъ Согдіаны находился на той же дорогѣ, какъ Тѣснина Комедская, ибо это невозможно въ виду относительнаго расположенія этихъ двухъ пунктовъ (Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, deuxième partie, Paris, 1898, p.p. 17—19). Нельзя не обратить вниманія на то, во-первыхъ, что мнѣніе Гренара о ненахожденіи Тѣснины Комедской на пути къ серамъ отъ подъема изъ Согдіаны стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ указаніемъ гл. 12 кн. I о

„Зап. И. Р. Г. О.“ по общей географіи, т. XIII, 1886, стр. 84, 85 и др.), что текущая изъ озера Ѣшилькуля рѣка, которую онъ называлъ Аличуромъ, впадаетъ чрезъ 40—50 верс. теченія въ р. Аксу. На самомъ дѣлѣ, какъ выяснила экспедиція на Памиръ въ 1883 г. Путяты и Иванова, изъ Ѣшилькуля вытекаетъ р. Гунтъ, впадающая, по соединеніи съ р. Шахъ-дарой, въ Пянджъ; отсюда ясно, между прочимъ, что его вышеупомянутыя Etudes написаны до опубликованія отчетовъ экспедиціи 1883 г.

томъ, что отъ этого подъема путь къ серамъ склонялся или направлялся на югъ къ Тѣснинѣ Комедской. Во-вторыхъ, если путь къ серамъ не направлялся отъ подъема изъ Согдіаны на югъ къ Тѣснинѣ Комедской, дѣлается непонятнымъ,—къ чему вести этотъ путь чрезъ Ходжа-Бакырганъ или даже по Зеравшану, вмѣсто пріуроченія его къ пути чрезъ Терекъ-даванъ, древнее существованіе котораго Гренаръ признаетъ (тамъ же, р. 211), такъ какъ весьма мало допустимо, чтобы маленькая рѣчка Ходжа-Бакырганъ могла быть принята за вершину Яксарта, и тѣмъ болѣе, чтобы Зеравшанъ былъ почитаемъ верховьемъ Яксарта, не говоря уже о томъ, что трудные пути по обоимъ направленіямъ и перевалу Пакшифъ не могли быть пригодны для такого большого караваннаго движенія, которое должно предполагать на торговомъ пути къ серамъ. Зеравшанъ у Птолемея не имѣетъ никакого имени, но несомнѣнно это та его рѣка, которая беретъ начало въ горахъ Согдійскихъ и образуетъ озеро Оксійское или Оксіанское (кн. VI гл. 12): это, разумѣется, большое въ древности, озеро, которымъ кончался Зеравшанъ и котораго нынѣшній Каракуль является (или являлся, ибо на новѣйшихъ картахъ уже не показывается) маленькимъ остаткомъ.

Для правильной оцѣнки и обсужденія свѣдѣній Птолемея необходимо имѣть въ виду, что по времени своей дѣятельности ученый этотъ принадлежитъ эпохѣ Антониновъ, т.-е. половинѣ II в. послѣ Р. Х. (проф. Ю. Кулаковскій «Карта Европ. Сарматіи по Птолемею», Кіевъ, 1899 г., стр. 1). Географію Птолемей опредѣляетъ, какъ «линейное изображеніе всей нынѣ извѣстной части земли со всѣмъ тѣмъ, что къ ней вообще относится» (тамъ же, стр. 4). Сообразно этому, описанія отдѣльныхъ странъ состоятъ въ географіи Птолемея изъ указанія границъ и перечисленія горъ, рѣкъ, озеръ, городовъ и пр., съ цифровыми показаніями долготъ и широтъ; называются также племена населенія съ указаніемъ ихъ размѣщенія. Всѣхъ географическихъ именъ въ сочиненіи около 8 т., пунктовъ же, которымъ даны долготы и широты, около 400 (тамъ же, стр. 5). Полусфера Птолемея (180°) соотвѣтствуетъ на нашей современной градусной сѣти протяженію въ 126°, т.-е. выясняется ошибка болѣе чѣмъ на одну третью часть; изъ этой трети одна половина приходится на неправильное исчисленіе величины градуса, а другая—на неправильность редукціи данныхъ, коими располагалъ Птолемей (стр. 13). Астрономическія опредѣленія вообще всѣ были неточны, даже для Александріи, гдѣ жилъ Птолемей (стр. 11). Источниковъ своихъ данныхъ и свѣдѣній Птолемей не указываетъ. Но изъ первой книги сочиненія Птолемея, въ которой онъ, между прочимъ, подвергалъ общему обсужденію трудъ своего ближайшаго предшественника Марина Тирскаго, можно заключить, что главнымъ его источникомъ было сочиненіе Марина. Птолемей считалъ его весьма серьезнымъ и свѣдущимъ спеціалистомъ, добавившимъ

къ прежнимъ трудамъ обильный матеріалъ изъ новыхъ источниковъ, особенно изъ описаній путешествій на дальній востокъ, но признавалъ необходимыми поправки въ представленіяхъ о пространствѣ и видѣ земли и улучшенія въ отношеніи метода и удобства для пользованія, а также пополненія и исправленія по новымъ свѣдѣніямъ о дальныхъ странахъ (стр. 4 и 6). Изъ 11 гл. I кн. видно въ частности, что свѣдѣнія о пути къ серамъ Маринъ получилъ отъ Маеса Тиціана, македонца, который самъ къ серамъ не ѣздилъ, но имѣлъ записи отъ посылавшихся имъ къ серамъ приказчиковъ.

При зачаточномъ лишь положеніи въ древности отраслей науки, необходимыхъ для правильнаго географическаго изображенія не только отдаленныхъ странъ, но и наиболѣе близкихъ, и при неизбѣжности полученія нужныхъ данныхъ не путемъ точныхъ измѣреній и опредѣленій на мѣстахъ посредствомъ спеціалистовъ, а только помощію разспросовъ людей, знакомыхъ съ нужными мѣстностями и странами, или изученія ихъ записей, составленіе географическихъ описаній и изображеній, сколько-нибудь удовлетворительныхъ, представляло задачу весьма трудную. Маршруты и разсказы торговцевъ часто бываютъ ненадежны, особенно относительно странъ горныхъ, гдѣ оріентація и опредѣленіе разстояній наиболѣе затруднительны. Для повѣрки и исправленія имѣвшихся свѣдѣній могли служить свѣдѣнія позднѣйшихъ путешественниковъ, но рядъ поправокъ и измѣненій, сдѣланныхъ разными географами, легко приводилъ вмѣсто улучшенія къ затемненію и извращенію имѣвшихся ранѣе свѣдѣній, иногда болѣе вѣрныхъ, чѣмъ послѣдующія. Такое болѣе или менѣе частичное подновленіе географическихъ свѣдѣній, какое производили Птолемей и его предшественники, сопряжено было, между прочимъ, съ тѣмъ послѣдствіемъ, что географическія и этническія имена оказывались у нихъ иногда весьма пестрымъ конгломератомъ разныхъ хронологическихъ временъ, въ которомъ, за отсутствіемъ указаній датъ и источниковъ, разобраться часто невозможно. Первоначально достовѣрныя географическія свѣдѣнія о Бактріанѣ и Согдіанѣ пріобрѣтены были въ IV в. при Александрѣ Македонскомъ. Во время существованія греко-бактрійскаго царства, въ III и половинѣ II в. до Р. Х., когда владычество государей этого царства распространено было «до серовъ и фруновъ» (Страбонъ, кн. XI, гл. 2), должны были получиться и умножиться свѣдѣнія о странахъ на востокъ отъ Бактріаны и Согдіаны. Послѣ паденія греко-бактрійскаго царства, главнѣйшимъ, если не единственнымъ, источникомъ свѣдѣній о странахъ къ сѣверу отъ Хиндукуша сдѣлались маршруты и сказанія торговцевъ, какъ знаемъ мы изъ примѣра Маеса Тиціана. Слѣды дополненій послѣ паденія греко-бактрійскаго царства видны, между прочимъ, въ означеніи на южныхъ берегахъ Яксарта и Окса тохаровъ, которые, по Страбону (кн. XI, гл. 8), участвовали въ разрушеніи этого царства, вторгнувшись изъ-за Яксарта.

Но многія имена городовъ, рѣкъ и пр., извѣстныя изъ историковъ походовъ Александра М., отсутствуютъ уже у Птолемея, какъ имя Политимета (Зеравшанъ), хотя самая рѣка значится въ видѣ безъименной рѣки, текущей изъ Согдійскихъ горъ. Нѣтъ также у Птолемея въ Согдіанѣ Мараканды, хотя страннымъ образомъ городъ этого имени оказывается въ Бактріанѣ.

Оксъ, по Птолемею, отъ самой вершины своей течетъ на сѣверъ и поворачиваетъ на западъ къ Каспійскому морю около впаденія въ него перваго большого притока съ правой стороны, на которомъ расположенъ городъ Дрепса, метрополисъ. Послѣдній, по догадкѣ Томашека (Sogdiana, SS. 35—36), есть нынѣшній Хиссаръ, тогда какъ Хоана на правомъ берегу верхняго Окса есть нынѣшній Кундузъ, Хуо Сюань Цзана. Во всякомъ случаѣ верхняя часть Окса до поворота на западъ несомнѣнно соотвѣтствуетъ нынѣшней Кундузъ-дарьѣ, истинная же вершина Окса и главные его притоки Вахшъ и Кокча были Птолемею неизвѣстны.

Подобнымъ образомъ Птолемей не имѣлъ понятія объ истинной вершинѣ Яксарта Нарынѣ, ибо заставлялъ Яксартъ течь отъ самой вершины подъ 43° ш. и 125° д. на С.-С.-З. до самаго почти поворота рѣки на З. подъ 48° 30′ ш. и 120° д. За верховье Яксарта источниками Птолемея принимались или р. Кара-дарья *), или тотъ изъ не доходящихъ нынѣ до Сыръ-дарьи лѣвыхъ притоковъ Яксарта, по которому шла изъ Ферганы торговая дорога въ Таримскую котловину. Эта дорога могла пролегать, какъ нынѣшній путь въ Кашгаръ, чрезъ Ошъ вверхъ по р. Малому Талдыку и далѣе по Б. Талдыку на перевалъ Терекъ и отсюда въ укр. Иркештамъ, до котораго отъ Ошa 175 в. (по «Отчету о поѣздкѣ въ Кашгаръ» и пр., въ 1885 г., Б. Л. Громбчевскаго, стр. 242), или вмѣсто пер. Терекъ вверхъ по Б. Талдыку до пер. Талдыкъ, отсюда въ долину Алай и по ней чрезъ пер. Таумурунъ въ Иркештамъ, до котораго отъ Ошa этимъ путемъ, по Гренару (Mission scientifique etc., partie 3, pp. 214—215) 246,2 кил., въ томъ числѣ отъ Ошa до ур. Сары-ташъ на Алаѣ 182,2 кил. Движеніе чрезъ пер. Терекъ происходитъ лишь зимою, лѣтомъ же съ мая по октябрь оно направляется чрезъ пер. Талдыкъ и Алай, хотя этимъ путь удлиняется на 70 верстъ («Ежегодн. Ферган. обл.», т. I, 1902 г., стр. 42). Кромѣ терекскаго и талдыкскаго путей, проходящихъ въ бассейнѣ Кара-дарьи, существуютъ изъ Ферганы и болѣе западные пути на Алай по ущельямъ рѣкъ Исфайрама, Шахимарданской, Соха и Испары. Дороги чрезъ Испару и Сохъ трудны и зимою непроходимы, ибо перевалы заваливаются снѣгами (кап. Васильевъ въ «Сборникѣ... матеріаловъ

*) По завѣренію А. Федченко, въ одномъ изъ писемъ его изъ путешествія по Коканскому ханству въ 1871 г., мѣстное осѣдлое населеніе считало Карадарью главной вѣтвью Сыръ-дарьи по количству воды и было убѣждено, что только громадные арыки, выведенные изъ Кара-дарьи, дѣлаютъ ее маловодною сравнительно съ Нарыномъ при сліяніи съ послѣднимъ („Мат. для стат. Туркест. края“, подъ ред. Н. Маева, вып. 2, 1873 г., стр. 403).

по Азіи», вып. 33, 1888 г., стр. 12—13; В. Н. Ошанинъ въ «Изв. И. Р. Геогр. О.», 1881 г., стр. 25—26; Федченко въ «Мат. для стат. Турк. края», вып. 2, стр. 391—394). Путь по Шахимарданской рѣкѣ выходитъ на перевалъ Кара-казыкъ, высотою въ 14300 ф., на которомъ снѣгъ выпадаетъ иногда и лѣтомъ, вслѣдствіе чего, напр., какъ извѣстно, двинутый по этой дорогѣ въ 1878 г., во время берлинскаго конгресса, отрядъ ген. Абрамова не могъ перевалить чрезъ него на Алай и долженъ былъ итти чрезъ Ошъ. Дорога по Исфайраму, всего протяженіемъ отъ г. Нов. Маргелана до Дараутъ-кургана на Алаѣ въ 109 в., въ общемъ удобна для вьючнаго движенія (г. Путята въ «Сборн. матер. по Азіи», вып. 10, стр. 291—296) и перевалъ Тенгизъ-бай, съ котораго она спускается на Алай, служитъ для сообщенія Ферганы съ Алаемъ и укр. Памирскимъ зимою, когда пер. Талдыкъ, по которому идетъ дорога и въ Памирское укрѣпленіе, заваливается на нѣкоторое время снѣгами (Свенъ Хединъ «Въ сердцѣ Азіи», т. I, стр. 128; кап. Серебренниковъ «Памиръ» въ «Инженер. Журн.» 1894 г., декабрь, стр. 1550 и 1551). Если принять въ соображеніе, что разстояніе между Маргеланомъ и Ошемъ на сѣверѣ отъ Алайскаго хребта и разстояніе между Дараутъ-курганомъ и Сары-ташемъ на югѣ того же хребта почти равны, то при сравненіи длины трехъ путей окажется, что протяженія терекскаго и тенгизъ-байскаго пути до Иркештама почти одинаковы, около 175 в., талдыкская же дорога длиннѣе обоихъ одинаково на 70 в. Вслѣдствіе этого терекскій путь долженъ былъ предпочитаться зимою, тенгизъ-байскій же лѣтомъ, ибо, по обилію снѣговъ въ верховьи алайской долины, зимою путь по ней въ Иркештамъ былъ труденъ или прекращался. Засимъ, если принять въ соображеніе, что караванное движеніе вообще въ Средней Азіи происходитъ преимущественно или исключительно въ лѣтнее время, то представляется вѣроятнымъ, что птолемеевскій путь къ серамъ, шедшій изъ Бактры на сѣверъ въ Согдіану, поднимался въ горную страну комедовъ не терекскимъ путемъ, который не касается страны комедовъ, и не талдыкскимъ, а тенгизъ-байскимъ. Въ такомъ случаѣ за верховье Яксарта могла бы почитаться рѣка Исфайрамъ, и перевалъ Тенгизъ-бай у ея вершины соотвѣтствовалъ бы подъему изъ Согдіаны въ страну комедовъ, если бы не оказалось другихъ затрудненій въ пріуроченіи данныхъ Птолемея о пути къ серамъ. Такъ, отъ подъема къ комедамъ, находящагося у вершины Яксарта подъ 43° ш. и 120 д., путь къ серамъ идетъ, по Птолемею, къ Тѣснинѣ Комедской, находящейся подъ 39° ш. и 130° д., т.-е. на цѣлыхъ четыре градуса къ югу и на пять градусовъ къ востоку. Такъ какъ 43° ш. считается у Птолемея параллелью Византіи, которая въ дѣйствительности лежитъ почти подъ 41° ш., то, дѣлая поправку на два градуса, получимъ для вершины Яксарта 41° ш. и для Тѣснины Комедской 37° ш. На самомъ дѣлѣ всѣ перевалы изъ Ферганы на Алай расположены подъ 39° и нѣсколькими минутами, такъ

что четыре градуса отъ этой широты на югъ увели бы Тѣснину Комедскую за Хиндукушъ и Мустагъ въ Балтистанъ. Допустить это мудрено, а потому приходится предположить у Птолемея преувеличеніе въ показаніи широты и долготы Тѣснины Комедской. Мы уже видѣли (въ началѣ настоящей, шестой главы), что самою юго-восточною частью страны Кумедъ является Ваханъ, Хуми китайцевъ, въ которомъ узкая долина Ваханъ-дарьи, вѣроятно, и разумѣется подъ именемъ Тѣснины Комедской у Птолемея. Но въ такомъ случаѣ направленіе пути къ серамъ отъ подъема на Алайскій хребетъ къ Ю.-Ю.-В., къ Тѣснинѣ Комедской-Вахану и отсюда обратно на параллель подъема къ комедамъ или вершины Яксарта лишь на десять градусовъ долготы восточнѣе, къ Каменной Башнѣ, представляется совершенно необъяснимымъ и потому невѣроятнымъ, такъ какъ караванамъ приходилось бы дѣлать напрасно четыре градуса на югъ и столько же обратно на сѣверъ, на параллель Византіи и вершины Яксарта, подъ которою показана Каменная Башня, притомъ же трудными путями чрезъ Памиръ, ибо слѣдованіе чрезъ Дарвазъ и далѣе вверхъ по Пянджу для торговыхъ каравановъ невозможно по чрезвычайной затруднительности дорогъ. Было бы предпочтительнѣе допустить, что къ Тѣснинѣ Комедской-Вахану идущіе къ серамъ караваны совсѣмъ не ходили, а направлялись съ Алая на востокъ непосредственно къ Каменной Башнѣ, за которую можно считать Кашгаръ, имя котораго значитъ «нефритовый городъ», т.-е. не слишкомъ далеко отъ «каменный городъ», «каменная башня», и оттуда въ Пишань, которая соотвѣтствуетъ орметеріон'у, потому что здѣсь, какъ знаемъ мы изъ китайской исторіи, во времена Ханей начиналась («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 34) дорога въ Гибинь (и Индію); чрезъ Пишань же, конечно, проходила дорога изъ Китая въ Согюй (Яркендъ), которая вела въ Бактріану и Парфянское царство (тамъ же, 34, 109 и 110); наконецъ, изъ Пишани же, разумѣется, существовалъ проѣздъ чрезъ Яркендъ въ Кашгаръ, чрезъ который лежала дорога изъ Китая въ Давань, т.-е. Фергану и въ Бактріану, такъ что въ Пишани дѣйствительно могли встрѣчаться или собираться купцы, ѣдущіе изъ всѣхъ странъ запада торговать къ серамъ. Что Кашгаръ уже до Р. Х. былъ важнѣйшимъ по торговлѣ городомъ въ нынѣшнемъ Вост. Туркестанѣ, конечно по положенію своему на главномъ торговомъ пути къ серамъ, это видно, по справедливому замѣчанію Гренара (M. sc., partie deuxième, p. 211), изъ того обстоятельства, что по «Хань-шу» только въ Сулэ (Кашгарѣ) изъ всѣхъ городовъ В. Туркестана отмѣчено существованіе торговаго рынка: «находятся базары» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 63; въ переводѣ Wylie «market for goods»), о которыхъ умалчивается въ описаніяхъ Яркенда и Хотана; къ этому добавлено, что чрезъ Кашгаръ «лежитъ большая дорога на западъ въ Давань, Кангюй и Б. Юечжы».

Предлагаемыя пріуроченія, кажущіяся мнѣ наиболѣе близко соотвѣтствующими даннымъ Птолемея, встрѣчаютъ однако,—помимо невозможнаго направленія пути къ серамъ отъ вершины Яксарта къ Тѣснинѣ Комедской, — нѣкоторыя затрудненія въ самыхъ данныхъ Птолемея. Такъ, вмѣсто нахожденія подъ 43° ш. или подъ 41°,—если допустить тутъ поправку, необходимую для Византіи,—Кашгаръ лежитъ почти подъ 39° 30′, а сел. Пишна почти подъ 37° 30′, и притомъ первый не въ десяти градусахъ долготы отъ вершины Яксарта, какъ Каменная Башня, а только въ 347 в. отъ перевала Тенгизъ-бай [1]), второе же не въ пяти градусахъ долготы, какъ орметеріонъ отъ Каменной Башни, а только въ 292 в. отъ Кашгара (см. главу вторую, «Р. А. Ж.», 1900 г., стр. 30 и 31). Сверхъ того орметеріонъ намѣченъ Птолемеемъ въ пунктѣ, гдѣ почти меридіанный хребетъ Имайскій встрѣчается съ хребтомъ Аскатанка, идущимъ съ С.-З., тогда какъ сел. Пишна расположено почти въ равнинѣ и никакихъ хребтовъ означенныхъ направленій до этой мѣстности не доходитъ. Все это однако скорѣе показываетъ неудовлетворительность и невѣрность источниковъ Марина и Птолемея или ошибочное пониманіе Маесомъ свѣдѣній агентовъ,—которыхъ посылалъ онъ къ серамъ,—чѣмъ рѣшительно опровергаетъ предлагаемыя пріуроченія, ибо Маесъ, а потомъ и Маринъ съ Птолемеемъ не могли не впасть въ большія недоразумѣнія и ошибки въ географическомъ изображеніи Памира и окружающихъ земель по чрезвычайной сложности орографіи и гидрографіи, вообще топографіи этихъ странъ, неизвѣстныхъ, конечно, основательно и самимъ торговцамъ, свѣдѣнія которыхъ служили главными источниками: стоитъ припомнить, какія ошибочныя свѣдѣнія доставляли англійскіе развѣдчики изъ туземцевъ о Памирѣ, и объ ошибкѣ, въ которую впалъ Н. А. Сѣверцовъ, заставляя Аличуръ, на основаніи разсказовъ мѣстныхъ киргизъ, сдѣлаться притокомъ Бартанга,—чтобы понять, какова должна была быть, по представленіямъ Марина и Птолемея, географія странъ на востокъ отъ Бактріаны и Согдіаны на основаніи однихъ сказаній торговцевъ. Само собою разумѣется, что ошибки Птолемея по географіи этихъ странъ отнюдь не могутъ быть исправляемы при помощи какой-нибудь общей формулы, напр., формулы Герини, который, опредѣливъ разницы между показаніями Птолемея и дѣйствительными широтами и долготами двухъ пунктовъ въ Индо-Китаѣ, построилъ на основаніи этихъ разницъ общую формулу поправокъ Птолемея; по этой формулѣ Каменная Башня должна была находиться около нынѣшняго Хотана (Notes on the Early Geography of Indo-China, by G. E. Gerini, въ Journal of R. Asiatic Society, London, 1897, p. 568).

---

[1]) Отъ Дараутъ-кургана (только въ 11½ в. отъ пер. Тенгизъ-бай по кап. Путятѣ, стр. 294 и 295) до Сары-таша можно считать, по картамъ, около 86 кил., отсюда же до Кашгара (по Гренару, partie troizième, p. 215) 284 кил. (въ этомъ числѣ 64 кил. отъ Сары-таша до Иркештама).

Нельзя однако не признать, что подобныя общія формулы могутъ быть примѣняемы для исправленія только такихъ ошибокъ, которыя произошли отъ общихъ же причинъ, напр. отъ вообще неправильнаго опредѣленія величины градуса и т. п., а не для поправокъ отдѣльныхъ погрѣшностей, зависѣвшихъ отъ ошибочныхъ свѣдѣній источниковъ, ибо степень невѣрностей послѣднихъ зависѣла отъ разнообразныхъ причинъ, не поддающихся однообразному выясненію и исправленію.

Обратимся теперь къ странѣ саковъ и ея этникѣ. По мнѣнію Гренара, который подробнѣе другихъ изслѣдователей касался этого предмета. граница птолемеевской страны саковъ съ Согдіаною шла по рѣчкѣ Ходжа-Бакыргану, которую онъ считаетъ птолемеевскою вершиною Яксарта, до поворота Сыръ-дарьи на С.-З. около древняго Отрара (т.-е. около устья Арыса); отсюда начиналась сѣверная граница земли саковъ по линіи отъ Отрара на Аульеата и затѣмъ къ кашгарскимъ горамъ, причемъ горы Аскатанка соотвѣтствовали горамъ, занимающимъ сѣверную часть Ферганы, и простирались до окрестностей Аульеата; образовавшій восточную границу страны саковъ меридіанный Имайскій хребетъ можетъ быть лишь совокупностью горъ, которыя ограничиваютъ Памиръ съ востока, т.-е. то, что называли нѣкогда Болоромъ; бильтовъ, въ которыхъ надо видѣть балтіевъ, Птолемей помѣстилъ на сѣверѣ отъ широтнаго Имая по той причинѣ, что вслѣдствіе недостаточности своихъ свѣдѣній о сложной орографіи этихъ странъ, онъ направилъ широтный Имай по прямой линіи отъ вершины Окса около Андераба къ Хималаямъ, вслѣдствіе чего его широтному Имаю соотвѣтствуютъ горы Кафиристана и Читрала, а затѣмъ горы, лежащія на югѣ отъ верхняго теченія Инда, вслѣдствіе чего Балтистанъ, Канджутъ и Читралъ попали на сѣверъ отъ Имая въ землю саковъ; наконецъ, западная граница страны саковъ шла отъ широтнаго Имая такимъ образомъ, что Бадахшанъ отходилъ въ предѣлы Согдіаны, Каратегинъ же оставался въ землѣ саковъ (Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie, partie deuxième, p. p. 16—20). Я уже высказался выше за невозможность считать маленькую рѣчку Ходжа-Бакырганъ вершиною Яксарта и за невѣроятность существованія по ея ущелью и чрезъ перевалъ Пакшифъ торговой дороги въ Китай, и привелъ данныя, побуждающія полагать, что птолемеевскій путь къ серамъ пролегалъ чрезъ Ошъ и бассейнъ Карадарьи или, еще вѣроятнѣе, чрезъ ущелье р. Исфайрама и перев. Тенгизъ-бай. Сообразно этому граница страны саковъ съ Согдіаною должна была проходить по р. Исфайраму-Яксарту отъ вершины ея у пер. Тенгизъ-бай въ Алайскомъ хребтѣ до пункта поворота рѣки на западъ послѣ соединенія ея съ двумя первыми притоками Яксарта съ правой стороны; этими притоками должны быть почитаемы рѣки Шахимарданъ и Сохъ, а потому пунктъ поворота Яксарта на западъ долженъ былъ находиться между Коканомъ, лежащимъ въ бассейнѣ Соха, и Ходжентомъ, приблизительно около

Махрама, гдѣ дѣйствительно начинается западное направленіе Сыръ-дарьи. Дальнѣйшая граница земли саковъ опредѣляется горами Аскатанка, которымъ, всего вѣроятнѣе, можетъ соотвѣтствовать по своему направленію съ Ю.-В., у пер. Суокъ, на С.-З. до Нарына въ ур. Кетмень-тюбе Ферганскій хребетъ, замыкающій съ С.-В. долину Ферганы съ присоединеніемъ, быть можетъ, къ нему, какъ предлагалъ Томашекъ (Sitzungsberichte Вѣнской А. наукъ, фил.-ист. отд., B. 117, S. 51), хребта Узунъ-Ахматъ, служащаго дальнѣйшимъ продолженіемъ Ферганскаго хребта въ томъ же направленіи за Нарыномъ до водораздѣла съ Таласомъ. За отсутствіемъ въ дѣйствительности меридіаннаго Имая ошибочныхъ свѣдѣній Птолемея, граница земли саковъ, по окончаніи горъ Аскатанка у перевала Суокъ или нѣсколько ближе къ Кашгару, должна была направляться къ орметеріон'у — Пишани по замыкающимъ Таримскую котловину съ запада горамъ. Если бильты тождественны съ балти, то на юго-востокѣ земля саковъ включала въ себѣ Балтистанъ, отъ котораго южная граница саковъ должна была направляться на западъ до Согдіаны, захватывая въ свои предѣлы бассейны Пянджа и Вахшаба-Кызылъ-су.

Такимъ образомъ страна саковъ заключала въ себѣ Памиръ съ непосредственно прилегающими къ нему горными областями и сверхъ того значительную часть Ферганы и, наконецъ, Балтистанъ. Въ виду кочевого образа жизни саковъ и скотоводческаго ихъ промысла, можетъ представляться сомнительнымъ включеніе въ составъ ихъ земель уѣздовъ Ошскаго, Андижанскаго, большей части Наманганскаго и нѣкоторой части Маргеланскаго, тогда какъ, по китайскимъ извѣстіямъ, уже за полтора вѣка до Р. Х. Давань (Фергана и древняя Осрушна, нынѣ Ходжентскій и Джизакскій уѣзды) имѣла осѣдлое и земледѣльческое населеніе въ 300 т. душъ, вѣроятно, иранцевъ-таджиковъ, потому что населеніе это отличалось впалыми глазами и густыми бородами и говорило на языкѣ, понятномъ отъ Давани на западъ до Аньси (парфянскаго царства) включительно, т.-е. во всѣхъ почти иранскихъ земляхъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 4, 22, 59 и 61). Отсюда однако совсѣмъ не слѣдуетъ, что Давань уже при Ханяхъ занимала всю Фергану: по нахожденію столицы Давани, называвшейся Гуйшанью, въ Ходжентѣ (по мнѣнію Гутшмида Geschichte Iran's, S.S. 63) или въ Ура-тюбе (Рихтхофенъ China, Erster Band, S.S. 450—451), такъ какъ она отстояла на 1030 ли отъ Гюаньду и на 920 ли отъ Хюсюни («Собр. свѣд.», 3, стр. 62), можно полагать, что границы Давани полтора вѣка до и послѣ Р. Х. не простирались далѣе р. Исфайрама, на востокъ отъ которой помѣщались владѣнія Гюаньду и Хюсюнь, а, можетъ быть, (къ сѣверу) и другія племена кочевниковъ, не попавшія въ кит. лѣтописи. По всей вѣроятности, заселеніе Ферганы таджиками-иранцами совершилось изъ Согдіаны и производилось постепенно: при Александрѣ М. оно, кажется, не шло далѣе Ходжента, и подалось къ востоку

позднѣе. Обособленіе Давани отъ Согдіаны въ качествѣ особаго государства произошло во всякомъ случаѣ послѣ потери греками Согдіаны, потому что ни при нихъ, ни при персидскомъ владычествѣ политическое обособленіе Осрушны-Давани не могло имѣть мѣста. У Птолемея существованіе особой отъ Согдіаны страны Давани не показано потому, что политическія и историческія свѣдѣнія не входили въ число задачъ его географіи, а также, быть можетъ, и потому, что торговые агенты, доставлявшіе свѣдѣнія Маесу, видя въ Согдіанѣ и Давани одно и то же таджикское населеніе, не обратили вниманія на политическую раздѣльность Давани отъ Согдіаны, тѣмъ болѣе, что обѣ страны одинаково находились въ ханьскія времена въ вассальной зависимости отъ Кангюя (вѣроятно, тюркское племя канглы), который подчинилъ себѣ Согдіану, кажется, еще ранѣе, чѣмъ юечжы покорили Бактріану («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 58, 28 и др.). По вопросу о пригодности восточной части Ферганы для скотоводовъ-кочевниковъ надо имѣть въ виду, что дно долины и въ настоящее время имѣетъ значительные остатки болотъ и камышей, на горахъ же и теперь мѣстами уцѣлѣли слѣды покрывавшихъ ихъ лѣсовъ (см. гл. I книги В. П. Наливкина «Краткая исторія Коканскаго ханства», Казань, 1885 г.); численность кочевниковъ въ Ферганской обл. еще недавно достигала нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ (однихъ кара-киргизовъ не менѣе 300 т.), да и въ настоящее время доходитъ до 110 т. д. («Ежегодн. Ферг. обл.», т. I, 1902 г., стр. 5). По поводу извѣстія Птолемея о томъ, что жилищами для саковъ служили лѣса (шалаши изъ древесныхъ вѣтвей?) и пещеры, можно напомнить, что еще въ началѣ VI в. населеніе Бохо (Вахана) жило въ землянкахъ или пещерахъ [1]).

Сообразно размѣщенію племенъ саковъ, которое далъ Птолемей, карат'ы и комар'ы обитатели возлѣ Яксарта, т.-е., можно думать, караты на С. и В. отъ поворота Яксарта, значитъ въ западной части Наманганскаго уѣзда, комары же выше по Яксарту-Исфайраму, въ восточной части Маргеланскаго уѣзда; комедамъ назначаетъ онъ горную страну ихъ имени, т.-е. Каратегинъ съ нижней частью Алая, Дарвазъ, Шигнанъ и Ваханъ; возлѣ горъ Аскатанка, т.-е. по склонамъ Ферганскаго хребта, въ Андижанскомъ уѣздѣ значатся у Птолемея массагет'ы; засимъ внутри страны, т.-е. на Памирѣ, помѣщены скифы грин'ы и тоорн'ы; наконецъ, за ними,

---

[1]) См. главу четвертую, „Р. А. Ж.“, 1901 г., № 2, стр. 37, и №№ 3 и 4, стр. 109. Въ неприведенномъ въ своемъ мѣстѣ, по упущенію моему, переводѣ описанія путешествія Сонъ Юня и Хой Сена, принадлежащимъ Стан. Жюльену и помѣщенномъ въ Asie Centrale etc., par A. de Humboldt, Paris, 1843, t. II, p. p. 456—460, значится, что жители владѣнія По-хо, по холодности климата, живутъ въ подземельяхъ. Пользуюсь случаемъ упомянуть, что въ этомъ же переводѣ городъ Кюе-юй (по Билю) названъ Ро-і, а горы Puh-hoi Биля наименованы Ро-і; въ описаніи дальнѣйшей дороги, послѣ легенды объ укрощеніи дракона, говорится, что дорога „склоняется, образуя холмы, на протяженіи I т. ли“, а не „представляетъ постоянный подъемъ“ и пр., какъ у Биля.

на юго-востокѣ, бильт'ы. При разрѣшеніи вопросовъ по этникѣ племенъ саковъ имѣетъ немаловажное значеніе опредѣленіе времени, къ которому относятся свѣдѣнія Птолемея. Въ виду нахожденія страны саковъ на пути къ серамъ, естественно полагать, что свѣдѣнія о племенахъ саковъ и ихъ размѣщеніи почерпнуты были Птолемеемъ, чрезъ посредство сочиненія Марина, изъ свѣдѣній, полученныхъ Маесомъ отъ посылавшихся къ серамъ торговыхъ агентовъ. По мнѣнію Томашека, которое является однако лишь предположеніемъ, безъ фактическихъ основаній, Маринъ писалъ около 80—100 г.г. по Р. Х., поѣздка же къ серамъ приказчиковъ Маеса относится къ 50—70 г.г. послѣ Р. Х., т.-е. ко времени, когда китайцы потеряли на время владычество надъ таримскими странами, возстановленное лишь въ 70—95 г.г. (означенные выше Sitzungsberichte, B. 116, S. 736), такъ что Птолемей пользовался свѣдѣніями третьей четверти перваго вѣка по Р. Х. Весьма, во всякомъ случаѣ, возможно, что Птолемей не ограничивался свѣдѣніями Марина-Маеса, а дополнялъ ихъ изъ болѣе раннихъ и изъ болѣе позднихъ источниковъ. Къ числу такихъ дополненій относится, полагаю я, помѣщеніе Птолемеемъ возлѣ горъ Аскатанка массагетовъ, которые во время Геродота (1, 204) занимали значительную часть необозримой равнины, примыкающей съ востока къ Каспійскому морю, именно (1, 201) обитали по ту сторону (т.-е. на сѣверъ) Яксарта. Во время Александра М., на сѣверѣ отъ верхней части Яксарта обитали саки, противъ которыхъ онъ предпринималъ кратковременный походъ за Яксартъ; массагеты же упоминаются у историковъ Александра лишь на западѣ Согдіаны, такъ что они продолжали обитать, какъ и во время Геродота, на сѣверѣ отъ нижняго теченія Яксарта. Китайцы почти за полтора вѣка до Р. Х. нашли на сѣв.-западѣ отъ Кангюя, имѣвшаго столицу въ 2 т. ли отъ Давани, т.-е. между нынѣшними Джулекомъ и Перовскомъ, народъ яньцай, который при дин. Хэу-Хань именовался аланья («Собр. свѣд.», 3, стр. 6, 58, 121 и пр.), т.-е. это были эланы, которые, по завѣренію Амміана Марцеллина (Lib. XXI, Cap. II, 12), именовались въ древности массагетами. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ и изъ извѣстій китайскихъ (см. мои «Замѣтки объ этн. составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», 1897 г., стр. 19) и западныхъ частію историковъ о послѣдовавшемъ въ III—IV в.в. вытѣсненіи хуннами алановъ въ Европу ясно, что массагеты-аланы, обитавшіе во времена Геродота на нижнемъ теченіи Яксарта и между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, были затѣмъ вытѣснены въ Европу, а потому помѣщеніе Птолемеемъ массагетовъ на С.-В. отъ верхняго теченія Яксарта можетъ быть лишь ошибкою, истекавшею, быть можетъ, изъ какой-нибудь неудачной догадки и недоразумѣній: напр., не находя массагетовъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ своимъ, ни на Каспійскомъ морѣ, ни на Яксартѣ и не зная, что массагеты въ это время носили уже имя алановъ, Птолемей или одинъ изъ его предшественниковъ

могли помѣстить массагетовъ на пустомъ, по ихъ картамъ, кускѣ земли у горъ Аскатанка. На самомъ дѣлѣ, какъ мы несомнѣнно знаемъ изъ китайскихъ историческихъ извѣстій, самая восточная часть Ферганы занята была за столѣтіе съ лишнимъ до Р. Х. сэйскими владѣніями Гюаньду и Хюсюнь; кочевники эти являлись остатками тюрковъ сэйцевъ, саха, саковъ, обитавшихъ до половины II в. до Р. Х. во всемъ западномъ и среднемъ Тяньшанѣ; по уходѣ ихъ въ это время подъ напоромъ вытѣсненныхъ хуннами юечжей и по выселеніи послѣднихъ на Аму-дарью, окончность Тяньшаня къ западу отъ Таласа досталась не усунямъ, какъ весь Тяньшань на востокъ отсюда, а кангюйцамъ (кангламъ), ибо находившійся «отъ Давани на С.-З.» Кангюй былъ «смеженъ съ Даванію» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6, по другому же мѣсту, стр. 59, владѣніе Давань «на сѣверѣ смежно съ Кангюемъ»), тогда какъ усуни приходились отъ Давани «на сѣв.-востокѣ» (тамъ же, стр. 5), т.-е. за Ферганскимъ хребтомъ и Таласомъ. Ташкентъ, именовавшійся Юни или Юйни, находился въ то время въ предѣлахъ Кангюя и въ вассальной отъ него зависимости, какъ и Согдіана, Согдъ, Сухэ «Хань-шу» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 58, 243), а потому не занятыя пашнями и садами осѣдлаго насенія части территоріи его, вѣроятно, служили пастбищами для кангюйскихъ кочевниковъ или подчинившихся Кангюю остатковъ сэйцевъ, во всякомъ случаѣ кочевниковъ тюркскихъ племенъ, такъ что кочевникамъ иранскимъ, какими были бы массагеты, въ средѣ ихъ не было бы мѣста. Въ виду этого, карат'ы,— имя которыхъ могло происходить отъ Кара-тау, «Черныхъ горъ», какъ могли именоваться южные, слѣдовательно обыкновенно выжженные солнцемъ, склоны горъ сѣверной части Ферганской долины,—должны были принадлежать къ одному изъ племенъ тюркскихъ, какъ и южные сосѣди ихъ комар'ы, подобно сэйскимъ кочевникамъ Гюаньду и Хюсюни, изъ которыхъ первые именно занимали земли у склоновъ Ферганскаго хребта, горъ Аскатанка (будто бы, по Томашеку, отъ зендскаго iskaŧa, «горный обрѣзъ или обрывъ»), вмѣсто невѣроятныхъ массагетовъ.

Изъ остальныхъ племенъ саковъ Птолемея бильты, какъ мною уже было высказано въ главѣ пятой («Р. А. Ж.», 1902 г., № 2, стр. 70, 71 и 77), представляютъ собою помѣсь аборигеновъ Балтистана съ дравидами и съ покорившими Балтистанъ шинами. Затѣмъ грины и тоорны, занимавшіе Памиръ и прилежащія къ нему съ В.-Ю.-В. горныя страны, соотвѣтвуютъ тибетоиднымъ аборигенамъ Памира цзыхэсцамъ (см. главу вторую, «Р. А. Ж.» кн. III, 1900 г., стр. 47—57). Мнѣ кажется возможнымъ, что самыя имена этихъ племенъ грин'ы и тоорн'ы не лишены соотвѣтствія именамъ цзыхэскихъ владѣній или племенъ Улей и Пули, если принять въ соображеніе измѣненія, какія должны были потерпѣть тибетскія имена въ китайской и греческой транскрипціи: отбрасывая букву *н*, принадлежащую къ суффиксу окончанія, получимъ изъ грин'овъ

гри, откуда, по замѣнѣ буквы или звука *р*, не существующаго у китайцевъ, буквою *л*, будемъ имѣть *гли*, *гули*, *хули*, *ули*, *Улэй*; при подобной же операціи съ тоорн'ами получатся *тоор*, *тоол*, *тооли*, *тули*, *Пули*.

Если комеды были иранцами, какъ лучше выяснится въ слѣдующемъ отдѣленіи настоящей главы, по разсмотрѣніи свѣдѣній о тюркахъ на западѣ отъ Памира, то племена саковъ Птолемея оказываются принадлежащими къ тибетскимъ, иранскимъ и преимущественно къ тюркскимъ (въ восточной Ферганѣ, повидимому, находилось численное большинство) народностямъ, а потому имя саковъ присвоено имъ было источниками Птолемея въ томъ смыслѣ, какой персы давали имени саковъ, а греки имени скифовъ, т.-е. означало «сѣверные кочевые варвары», безъ этническаго значенія. Конечно, облеченныя такимъ образомъ собирательнымъ именемъ саковъ племена различнаго происхожденія и разбросанныя на огромныхъ пространствахъ не составили ни этническаго, ни политическаго цѣлаго.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 5-й. *Кн. XVII—XVIII.*

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1904 г., №№ 1 и 2.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.
1905.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

5. Юечжи-кушаны-кидариты-эфталы.

А. ЮЕЧЖИ-ТОХАРЫ.

а) Западныя и китайскія извѣстія о народахъ, овладѣвшихъ землями греко-бактрійскаго царства. Вытекающія изъ этихъ извѣстій заключенія.

Сохранившіяся до насъ свѣдѣнія классическихъ писателей о паденіи греко-бактрійскаго царства скудны и неясны. По писавшему около Р. Х. Страбону (кн. XI, гл. VIII, 2), «большая часть скифовъ за Каспіемъ именуется даями; тѣ, которые дальше отъ нихъ на востокъ, — массагетами и саками. Остальные обозначаются общимъ именемъ скифовъ, хотя каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ свое собственное имя. Большая часть ихъ ведетъ кочевую жизнь. Наиболѣе извѣстными сдѣлались изъ нихъ тѣ, которые отняли у грековъ Бактріану, т.-е. асіи, пасіаны, тохары и сакараулы, выселившіеся изъ странъ за-яксартскихъ, смежныхъ съ сакскими и согдійскими, странъ, которыми также владѣли саки». У того же писателя далѣе (тамъ же, 4) говорится, что саки «производили вторженія какъ въ дальнія, такъ и въ сосѣднія страны, ибо и Бактріану заняли, и лучшею частію Арменіи, которая по имени ихъ названа Сакасеною, овладѣли» [1]). Въ сохранившемся изложеніи содержанія книгъ (прологахъ) исторіи Трога Помпея, современника Августа, значится, между прочимъ, въ книгѣ 41: Deinde quo regnante Scythicae gentes, Saraucae et Asiani, Bactra occupavere et Sogdianos; въ книгѣ 42: Reges Thocarorum Asiani interitusque

*) См. „Русск. Антроп Журн.“, 1903 г., кн. XIII.

[1]) В. В. Григорьева „О скифскомъ народѣ сакахъ“ въ „Трудахъ В. О. И. Р. Археол. Общества“, ч. 16, 1872 г., стр. 118.

Saraucarum.[1]) Исторія Трога Помпея дошла до насъ только въ сокращеніи жившаго во II или III вѣкѣ Юстина, но въ этомъ сокращеніи о событіяхъ и народахъ, значащихся въ приведенныхъ мѣстахъ прологовъ, не говорится ничего. Только тохары упоминаются у Юстина (кн. 41, гл. 2), въ извѣстіи о томъ, что парфянскій царь Артабанъ (128—124 гг. до Р. Х.) умеръ отъ раны, полученной на войнѣ съ торгаріями (Torgariis, см. Justini Historiarum Philippicarum ex Trogo Pompeio excerptarum Libri XLIV, Lipsiae, Tauchnitii, 1829, p. 267) или тохарами, какъ теперь читаютъ.

По историческимъ свѣдѣніямъ о хуннахъ въ «Шы-цзи» и «Цянь-Ханьшу», полководецъ династіи Цинь (221—206 гг. до Р. Х.) Мынъ Тхянь отнялъ у хунновъ Ордосъ, но по смерти его, во время происходившихъ въ Китаѣ смутъ, хунны постепенно снова овладѣли отнятыми у нихъ землями («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. I, стр. 10 и 11, а также переводъ Wylie въ Journal of Anthropological Institute, 1874, vol. III, pp. 407—408)[2]). При вступленіи на престолъ шаньюя Модэ (Maou-tun), около 209 г. (по китайскимъ комментаторамъ), сосѣдившія съ хуннами на востокѣ царство Дунъ-ху и на западѣ царство Юечжы находились въ силѣ и въ цвѣтущемъ состояніи (тамъ же, стр. 10 и 12, pp. 407—408). Разгромивъ и покоривъ Дунъ-ху, «по возвращеніи, онъ (Модэ) ударилъ на западѣ на Юечжы и прогналъ (chastised) его» (тамъ же, стр. 13, p. 409); затѣмъ сдѣлалъ набѣги на китайскія земли (тамъ же). «Въ сіе время войска Дома Хань были въ борьбѣ съ Хянъ-юй» (тамъ же), т.-е. происходило это между 206—202 гг. до Р. Х., когда основатель династіи Хань велъ войны съ Хянъ-юй и другими соперниками за обладаніе Китаемъ, окончившіяся лишь къ 201 г. (тамъ же, стр. 17, p. 411). Изъ помѣщеннаго въ «Шы-цзи» письма шаньюя Модэ видно, что въ 176 г. до Р. Х. хунны вновь ходили «на западъ на Юечжы» и «поразили Юечжы. Предавъ острію меча или покоривъ всѣхъ, утвердили Лэулань (впослѣдствіи Шаньшань, на Лобъ-норѣ), Усунь, Хусѣ, (Ноо-кее) и 26 другихъ окрестныхъ владѣній. Жители сихъ владѣній поступили въ ряды хуннускихъ войскъ и составили одинъ Домъ» (тамъ же, стр. 23, p. 415), т.-е. вошли въ составъ царства хунновъ. Изъ умолчанія письма объ «утвержденіи» (въ зависимости отъ хун-

[1]) Два текста эти приведены въ томъ видѣ, какъ они читаются въ послѣднее время, напр. у Маркварта (Eränšahr nach der Geographie des Ps. Moses (Xorenaci) въ Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philologisch historische Klasse, Neue Folge, Band III, Berlin, 1901, S. 205), но въ рукописяхъ и у разныхъ ученыхъ существовали чтенія: вмѣсто regnanterege pugnante и repugnante, вмѣсто Saraucae—Sarancae, вмѣсто Thocarorum—Toclarorum, вмѣсто Saraucarum—Sarducharum, Sacarum и т. д.

[2]) Хотя Іакинфъ переводилъ изъ „Шы-цзи“, а Wylie изъ „Цянь-Хань-шу“, но по удостовѣренію послѣдняго (p. 401) „Исторія Старшихъ Ханей“ большею частію буквально повторяетъ (до 99 г. до Р. Х.) изложенное въ „Историческихъ запискахъ“ по исторіи хунновъ.

новъ) юечжійцевъ, какъ упоминается это относительно Лэулани, Усуни и остальныхъ 27 окрестныхъ владѣній, слѣдуетъ заключить, что юечжійцы, несмотря на вторичный разгромъ, не покорились хуннамъ, а бѣжали отъ нихъ. Дѣйствительно въ статьѣ «Цянь-Хань-шу» объ усуняхъ читаемъ: «Первоначально сія страна», т.-е. средній и частію западный Тяньшань съ прилегающими съ сѣвера степями, гдѣ усуни кочевали въ I в. до Р. Х., когда Китай состоялъ съ ними въ тѣсной связи противъ хунновъ,—«принадлежала народу сэ. Большой Юечжы на западѣ»,—т.-е. по уходѣ изъ непосредственнаго сосѣдства съ хуннами послѣ пораженія въ 176 г.,—«разбилъ и выгналъ сэскаго владѣтеля. Сэскій владѣтель перешелъ на югъ за Висячій Переходъ; Большой Юечжы *поселился на его земляхъ. Послѣ усуньскій гуньмо разбилъ Большого Юечжы, а сей* удалился на западъ и покорилъ Дахя» [1]).

Приведенныя изъ статьи объ усуняхъ свѣдѣнія были, по всей вѣроятности, получены первоначально китайскимъ правительствомъ отъ Чжанъ Кяня. Изъ «Шы-цзи» видно, что вступившій на престолъ въ 140 г. до Р. Х. императоръ Вуди, разспрашивая плѣненныхъ или передавшихся хунновъ, узналъ отъ нихъ, что хунны имѣютъ врага въ лицѣ юечжійцевъ. Такъ какъ Китай вынужденъ былъ съ 200 года платить хуннамъ дань, и предпринимавшіяся противъ нихъ войны успѣха не имѣли, то Вуди, подтвердившій при вступленіи на престолъ обязательство о дани («Собраніе свѣдѣній», ч. I, стр. 33, переводъ Wylie, p. 422), желая пріобрѣсти помощь противъ хунновъ, отправилъ къ юечжійцамъ посланника Чжанъ Кяня съ предложеніемъ союза противъ общаго врага. Слѣдовавшее чрезъ земли хунновъ посольство было задержано и только чрезъ десять лѣтъ Чжанъ Кяню удалось бѣжать изъ плѣна и добраться чрезъ Давань и Кангюй до юечжей, которыхъ нашелъ онъ на Аму-дарьѣ; по отдаленности отъ хунновъ и Китая, юечжи, утвердившіеся на сѣверной сторонѣ рѣки Гуй-шуй (Аму-дарьи) и покорившіе осѣдлое владѣніе Дахя (Та-hіа), уклонились отъ принятія китайскихъ предложеній. Пробывъ затѣмъ болѣе года въ странѣ Дахя, Чжянъ Кянь пустился въ обратный путь, снова былъ задержанъ хуннами, но когда, «по прошествіи года», умеръ шаньюй, и у хунновъ произошли междоусобія изъ-за престолонаслѣдія, онъ бѣжалъ и возвратился въ Китай. «Чжанъ Кянь при первоначальномъ отправленіи въ путь имѣлъ при себѣ

---

[1]) Это переводъ о. Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній“ и пр., 1851 г., ч. 3, стр. 65, но напечатанныя курсивомъ слова вставлены сюда изъ первоначальнаго перевода того же Іакинфа, помѣщеннаго въ „Описаніи Чжуньгаріи и Вост. Туркестана“ (Спб., 1829 г., ч. I, стр. 43). Въ такомъ видѣ переводъ Іакинфа совершенно сходенъ съ переводомъ Wylie (который приведенъ мною въ „Р. А. Ж.“ 1900 г., № 3, стр. 60, изъ „J. of A. I.,“ 1881, XI, p. 84), такъ что пропускъ въ 1851 г. возстановленныхъ словъ перевода 1829 г. объясняется недосмотромъ Іакинфа.

болѣе ста человѣкъ; по прошествіи 13-ти лѣтъ только двое возвратились» («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 1—3, 7 и 8, переводъ Броссэ въ «N. Journal asiatique», 1828, t. II, p.p. 418—421, The Memoir of Chang Këën, as given in the Tsëën Han Shoo, transl. by A. Wylie, въ «Journal of the Anthrop. Inst.», 1880, vol. X, pp. 66—67).

Въ помѣщенномъ въ «Шы-цзи» докладѣ Чжанъ-Кіяня между прочимъ говорится: «Модэ, по вступленіи на престолъ, поразилъ Юечжы, а хуннускій Лаошанъ шаньюй, сынъ его, убилъ юечжыскаго владѣтеля и изъ головнаго черепа его сдѣлалъ сосудъ для питья. Первоначально Домъ Юечжы занималъ страну между Дунь-хуанъ и хребтомъ Цилянь-шань, когда же хунны поразили его, то удалился оттуда»... («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6 и 7, переводъ Броссэ, p. 424; почти то же самое въ «Цянь-Хань-шу» по пер. Wylie, pp. 40—41, и у Шпехта, Journal asiatique, 1883, t. II, p. 322) [1]). Такъ какъ въ свѣдѣніяхъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» о царствованіи Лаошанъ-шаньюя («Собр. свѣд.» ч. I, стр. 27—32, Wylie, vol. III pp. 417—421), бывшаго государемъ хунновъ съ 174 до 161 г. до Р. Х., нѣтъ никакого упоминанія о походѣ его на юечжей, то слѣдуетъ, думаю я, полагать, что убіеніе юечжійскаго царя совершено Лаошаномъ въ 176 г., когда онъ могъ участвовать въ походѣ своего отца на юечжей. Что касается страны между Дунь-хуанъ и хребтомъ Цилянь-шань, которую первоначально занимали юечжійцы, то Дунь-хуанъ соотвѣтствуетъ позднѣйшему Гуа-чжеу, нынѣшнему оазису Ша- или Са-чжеу, въ чемъ согласны какъ китайскіе комментаторы, такъ и европейскіе; относительно же Цилянь-шаня мнѣнія расходятся. По мнѣнію однихъ (Янь Шыгу и др.), Цилянь-шань соотвѣтствуетъ нынѣшнему Небесному хребту, Тянь-шаню, такъ какъ «цилянь» на языкѣ хунновъ «небо»; другіе же полагали, что Цилянь-шань находился на территоріи областей Чжанъ-ѣ (нынѣ Гань-чжеу) и Цзю-цюань (нынѣ Су-чжеу), т.-е. это нынѣшній хребетъ Наньшань (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, par Ed. Chavannes, S.-Pét., 1903, p. 133 note 2). Проф. Шаваннъ, въ только что цитированной книгѣ, высказался сначала за то, что Циляньшань есть Тяньшань (p. 18, note 2), а затѣмъ призналъ, что это Наньшань (p. 133, note 2), въ обоихъ случаяхъ безъ достаточныхъ основаній. Я полагаю, что подъ Цилянь-шанемъ слѣдуетъ

---

[1]) По пер. проф. de Groot, als aber Mautun den Tron bestiegen hatte, schlug er die Jueh-ši, und zur Zeit des Šenju Lau-šang der Hiung-nu tötete man den Fürsten der Jueh-ši etc (Marquart's Erānšahr, S. 201), но согласный переводъ остальныхъ синологовъ долженъ быть вѣрнѣе. Что юечжійскій царь былъ убитъ именно Лаошаномъ, а не въ его только время или царствованіе, это видно между прочимъ изъ описанія одной присяги шаньюя въ 47 г. до Р. Х.: „Шаньюй взялъ дорожный мечъ и конецъ его омочилъ въ вино; это клятвенное вино пили изъ головного черепа юечжійскаго государя, убитаго Лаошаномъ шаньюемъ“ („Цянь-Хань-шу“ въ „Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 78).

разумѣть Тяньшань или, по крайней мѣрѣ, его восточную оконечность, потому что, во-первыхъ, между Ша-чжеу и Наньшанемъ разстояніе столь незначительно, что на этомъ пространствѣ никоимъ образомъ не могли умѣщаться кочевья столь многочисленнаго народа, какъ юечжы, у которыхъ Чжанъ Кянь считалъ отъ 100 до 200 т. войска («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6), т.-е. столько же тысячъ семей, во-вторыхъ же, изъ нѣсколькихъ мѣстъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» можно видѣть, что подъ именемъ Цилянь-шаня разумѣлся Тяньшань, хотя употреблялось и послѣднее имя [1]).

[1]) Такъ а) въ описаніи похода полководцевъ Хо Кюй-бина и Хэ-ки-хэу, совершеннаго противъ хунновъ лѣтомъ 121 г. до Р. Х., сказано, что полководцы эти „съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы выступили на хунновъ изъ Лунъ-си и Бэй-ди и прошли на сѣверо-западъ около 2000 ли. Миновавъ Гюй-янь, аттаковали горы Цилянь-шань и взяли въ плѣнъ до 30 т. хунновъ“ („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 38 и 39, въ пер. Wylie, J. of Anthropol. Institute, 1874, vol. III, p. 426). Областной городъ древней области Лунъ-си находился въ 210 ли на югъ отъ нынѣшняго Лань-чжеу-фу (Географическій указатель при „Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 44); областной городъ древней области Бэй-ди лежалъ въ 20 ли на сѣверъ отъ нынѣшняго Цинъ-янъ-фу (тамъ же, стр. 10 и 11); урочище Гюй-янь лежало на с.-в. отъ нынѣшняго Гань-чжеу-фу (тамъ же, стр. 26). Въ виду этихъ данныхъ, войска двухъ полководцевъ, соединившись около границы, т.-е. на Хуанъ-хэ, гдѣ-нибудь около Лань-чжеу-фу, и миновавъ Гюй-янь, каковое урочище приходилось нѣсколько сѣвернѣе Гань-чжеу, должны были въ 2 т. ли отъ границы дойти до Карлыгтага или восточной оконечности Тяньшаня, гдѣ и напали на хунновъ. Допустить, что Цилянь-шанемъ названъ здѣсь Наньшань, невозможно, потому что даже до самой западной оконечности Наньшаня отъ Лань-чжеу разстояніе далеко менѣе 2 т. ли. б) Въ 99 г. до Р. Х. полководецъ Гуанъ-ли „выступилъ изъ Цзю-цюань, напалъ на западнаго Чжуки-князя у Небесныхъ горъ (у Wylie Тяньшань), взялъ въ плѣнъ до 10 т. человѣкъ и пошелъ обратно“. („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 49, пер. Wylie, p. 437). Область Цзю-цюань (нынѣшній Су-чжеу) была учреждена на присоединенныхъ къ Китаю вслѣдствіе похода 121 года при-наньшаньскихъ земляхъ. Небесныя горы, до которыхъ доходилъ Гуанъ-ли, есть несомнѣнно восточный Тяньшань. в) Въ 90 г. до Р. Х. полководецъ Манъ-Тхунъ, выступивъ „изъ Цзю-цюань“, „дошелъ до Небесныхъ горъ“, сдѣлавъ „около 1000 ли“ („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 52 и 53, пер. Wylie, pp. 438—439). г) Въ 72 г. до Р. Х. изъ числа пяти полководцевъ, выставленныхъ противъ хунновъ, одинъ, наименованный *пулэйскимъ*, долженъ былъ выступить изъ Цзю-цюань и, соединившись съ усуньскимъ войскомъ въ 50 т. ч., напасть на хунновъ на озерѣ Пулэй-цзэ (нынѣ Баркуль), но усуньцы пришли раньше и ушли, не дождавшись его; другой полководецъ, названный *циляньскимъ*, долженъ былъ выступить изъ Си-хэ (областной городъ этой области Фу-чанъ находился въ Ордосѣ на сѣв.-востокѣ отъ нынѣшняго Юй-линь-фу, см. Географич. указатель при „Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 74), прошелъ же за границею только 1600 ли и возвратился („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 61—63, у Wylie, pp. 445—447). Хотя причина наименованія второго полководца *циляньскимъ* не указана, но такъ какъ первый названъ былъ *пулэйскимъ*, очевидно, по озеру *Пулэй*, указанному цѣлью его похода, то надо полагать, что и циляньскому полководцу приказано было идти до горъ *Цилянь*-шань, подъ которыми должно разумѣть восточный Тяньшань, находившійся въ обладаніи хунновъ, а не Наньшань, принадлежавшій уже около 50 лѣтъ Китаю.

По китайскимъ комментаторамъ, мнѣнію которыхъ слѣдовали Іакинфъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 7) и Wylie (Journal of Anthropol. Inst., 1874, vol. III, p. 407, note 45), юечжійцы первоначально занимали земли нынѣшнихъ областей Лянъ-чжеу, Гань-чжеу, Су-чжеу и Ань-си-чжеу. Эти мнѣнія древнихъ комментаторовъ не находятся въ противорѣчіи съ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», насколько эти памятники китайской исторіи извѣстны пока намъ въ переводахъ на европейскіе языки, и по всей вѣроятности справедливы, такъ какъ, по безплодію лежащей на западъ отъ линіи между Ша-чжеу и восточной оконечностью Тяньшаня страны по направленію къ Лобъ-нору, земли юечжей должны были простираться на востокъ, по крайней мѣрѣ, до лежащаго на лѣвомъ берегу Желтой рѣки хребта Алашань, занимая обильныя водою и растительностью предгорья Наньшаня, дабы скотоводство кочевого народа въ 100—200 т. кибитокъ было достаточно обезпечено. Подтверждается нахожденіе сѣверныхъ предгорій Наньшаня въ обладаніи юечжей и завѣреніемъ составителей «Суй-шу» о томъ, что «Домъ Юечжы» «первоначально обиталъ по сѣверную сторону хребта Цилянь-шань, въ городѣ Чжаову» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 195). Ниже мы увидимъ, что китайскій городъ этого имени упоминается въ «Цянь-Хань-шу» и другихъ источникахъ и находился въ области Чжанъ-ѣ, нынѣ Гань-чжеу, на сѣв.-западѣ отъ этого послѣдняго. Хотя я полагаю, что это былъ городъ, построенный китайцами, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ухода юечжей на западъ, въ мѣстности, гдѣ нѣкогда находилась въ извѣстное время года ставка юечжійскаго государя и которая именовалась стойбищемъ *чжаву*, т.-е. князя, царя по-тибетски, но все же существованіе стойбища чжаву и впослѣдствіи кит. города Чжаову на этомъ урочищѣ удостовѣряютъ, что территорія Гань-чжеу нѣкогда была въ числѣ земель юечжійцевъ, притомъ болѣе или менѣе въ центрѣ ихъ территоріи. Съ другой стороны, имѣются нѣкоторыя подтвержденія и того, что восточная оконечность Тяньшаня входила въ составъ земель юечжей: въ «Ганъ-му» (сокращенное названіе извѣстной всеобщей исторіи Китая), подъ 742 г., замѣчено, что le camp de Mo-li(танскихъ временъ) était sur l'emplacement de l'ancien royaume des Yue-tche; по «Танъ-шу» этотъ лагерь Моли находился въ 1 т. ли на с.-з. отъ Гуа-чжеу (Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occid., p. 309), а это уводитъ въ сторону Хами, ибо отъ Ша-чжеу до Хами, по опредѣленію Пржевальскаго, 347 верстъ («Исторія И. Р. Геогр. Общества», ч. 2, 1896 г., стр. 535).[1])

[1]) Японскій ученый Kurakichi Shiratori въ своемъ изслѣдованіи Über den Wu-sun—Stamm in Centralasien (въ Ke eti Szemle, Revue orientale pour les etudes ouralo-altaiques, Budapest, vol. III, p. p. 103—140), при опредѣленіи древняго мѣстообитанія усуней и юечжей, указываемаго въ ханьскихъ свѣдѣніяхъ между Дунь-хуаномъ и Киляньшанемъ, утверждая, что въ ханьскихъ исторіяхъ имена Тяньшань и Киляньшань употребляются одновременно (immer zu gleicher Zeit

Вслѣдствіе скудости точныхъ датъ для вышеприведенныхъ событій, а также по причинѣ различныхъ ошибокъ и недоразумѣній, событія эти относились доселѣ касавшимися исторіи юечжей изслѣдователями къ разнымъ годамъ до Р. Х. Такъ, напр., изъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ XIX в. послѣднее нападеніе хунновъ на юечжей и укочеваніе послѣднихъ въ средній и частію западный Тяньшань пріурочивали: бар. Рихтхофенъ къ 157 г. (China, B. I, 1877, p. 439), Томашекъ къ 160 г. (S. W. A, 1888, B. 116, p. 775), Сильвэнъ Леви къ 165 г. (J. asiatique, 1897, IX, p. 13), Друэнъ къ 168 г. (id., 1891, XVII, p. 45), Шаваннъ къ 140 г. (Docu-

---

vorkommen), нашелъ невозможнымъ, чтобы редакторы ханьскихъ лѣтописей считали горы Тяньшань и горы Киляньшань тождественными, потому что въ такомъ случаѣ было бы трудно понять — зачѣмъ историки эти употребляютъ два имени для однѣхъ и тѣхъ же горъ. Полагая поэтому, что Тяньшань и Киляньшань суть имена разныхъ горъ, K. Sh., въ подтвержденіе своего мнѣнія, привелъ много ханьскихъ и позднѣйшихъ текстовъ въ своихъ переводахъ и пришелъ къ заключенію, что ханьскій Тяньшань есть нынѣшній Карлыгъ-тагъ въ 100 ли отъ озера Баркуль и въ 120 ли отъ Хами (p. 105), Киляньшань же есть одна изъ горъ въ хребтѣ Наньшань, на югѣ нынѣшняго округа Гань-чжеу (p. 107). Однако K. Sh. не согласился съ мнѣніемъ составителей офиціальной географіи Китая нынѣшней династіи, по которому земли юечжей занимали нынѣшніе округа Гань-чжеу, Су-чжеу, Лянъ-чжеу и Си-Ань-фу, такъ какъ въ такомъ случаѣ не оставалось бы мѣста для усуней, которыхъ земли также помѣщались между Дунь-хуаномъ и Киляньшанемъ. Поэтому онъ обратился къ „Хэу-Ханьшу“, гдѣ значится: „Предки юечжей въ Хуанъ-чжунѣ были вѣтвью б. юечжей. Они жили сначала въ Чжанъ-ѣ (Гань-чжеу) и въ Цзю-цюань (Су-чжеу)“. Изъ этого (относящагося къ такъ называемымъ малымъ юечжи) текста, заключаетъ K. Sh., явствуетъ, что б. юечжи обитали въ нынѣшнихъ округахъ Гань-чжеу и Су-чжеу (p. 112). Если же, такимъ образомъ, весь бассейнъ р. Ецзина принадлежалъ б. юечжамъ, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что страна отъ Юй-мынь-гуанъ до Ша-чжеу находилась во владѣніи усуней, какъ это подтверждается мѣстомъ изъ письма шаньюя Модэ, гдѣ послѣ извѣстія о полномъ пораженіи и подчиненіи юечжей, сказано: „Die Leu-lang, die Wu-Sum, die Hu-kie und die benachbarten sechsundzwanzig Länder geriethen schon in die Hände der Hiûng-nu“. Упоминаніе имени усуней въ связи съ именемъ Леулани подтверждаетъ, что земли усуней лежали близко къ леуланьцамъ, обитавшимъ у Лобъ-нора (p. p. 112—113).

Я не могу здѣсь входить въ болѣе подробное обсужденіе приведенныхъ мнѣній K. Sh., съ интереснымъ трудомъ котораго мнѣ привелось ознакомиться уже во время печатанія этой части моего изслѣдованія, и долженъ ограничиться нижеслѣдующимъ: Помимо того, что географическія имена горъ и пр. могутъ быть различны для одной и той же горы и пр. въ одно и то же время, но у разныхъ народовъ, а потому и попадать въ такомъ видѣ въ лѣтописи по причинѣ необходимой ихъ зависимости отъ источниковъ, K. Sh. не привелъ ни одного текста ханьскихъ исторій, гдѣ одна и та же гора была бы называема Тяньшанемъ и Киляньшанемъ. Упущенъ приведенный мною текстъ 72 г. до Р. Х., гдѣ идетъ рѣчь о циляньскомъ (или киляньскомъ) и пулэйскомъ полководцахъ. Текстъ о походѣ 121 г. къ Циляньшаню столь сокращенъ, что изъ него не видно — кого поразили тамъ итайцы; взамѣнъ того данъ текстъ изъ біографіи

ments sur les Tou-kiue occid., 1903, p. 134, note [1]); нападеніе усуней на юечжей и удаленіе послѣднихъ изъ Тяньшаня относили: Броссэ къ 139 г. (J. a., 1828, II, 420), С. Леви къ 140 г. (J. asiatique, 1897, IX, 13), Terrien de La Couperie къ 143, (Academy, 1887, 31 Decemb.), Рихтхофенъ къ 145 г. (China, I, 448); подчиненіе юечжійцами Дахя-Бактріаны совершилось по Сенъ-Мартену въ 129 г. (Fragments d'une histoire des Arsacides, Paris, 1850, t. II, p. 68), по Рихтхофену въ 128 г. (China, I, 448); по Томашеку въ 139 г. (вышеуказ. изданіе и стр.); Вивьенъ де С.-Мартенъ относилъ отправленіе посольства Чжанъ Кяня изъ Китая къ 126 г. и прибытіе его къ юечжійцамъ на Оксъ къ 116 г. (Etudes de géographie ancienne etc., 1850, t. I, pp. 261—262).

Для опредѣленія искомыхъ датъ можетъ послужить указаніе «Шы-цзи» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 1 и 2) и біографіи Чжанъ Кяня (въ вышеупомянутомъ переводѣ Wylie, The Memoir of Chang Kĕĕn, p. 66) о томъ, что отправленіе Чжанъ Кяня къ юечжійцамъ совершилось въ правленіе Гянь-юань (Keen-yuen), т.-е. въ 140—135 гг. до Р. Х.; далѣе въ «Шы-цзи» находимъ, что по возвращеніи изъ посольства къ юечжамъ Чжанъ Кянь былъ употребленъ въ войнѣ съ хуннами и въ шестомъ году правле-

Хо-Кюйбина, доселѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчавшейся, гдѣ приводятся слова императора, говорившаго между прочимъ, что Хо-Кюйбинъ „наконецъ пошелъ противъ малыхъ юечжей и поразилъ ихъ въ Киляньшанѣ“ (p. 106): оказывается, значитъ, что вмѣсто 30 т. хунновъ поражены были въ Киляньшанѣ малые юечжи. Единственное точное указаніе на мѣстонахожденіе Киляньшаня содержится, по текстамъ K. Sh., въ сочиненіи „Kua-ti-tschi“, составленномъ во время династіи Танъ, гдѣ значится: „Киляньшань лежитъ въ 200 ли отъ уѣзда Tschang-yi въ провинціи Гань-чжеу“ (p. 107). Случайныя свѣдѣнія „Хэу-Хань-шу“ о мѣстахъ обитанія б. юечжей, отъ остатковъ которыхъ въ Наньшанѣ происходили уцѣлѣвшіе до хэу-ханьскихъ временъ такъ называемые малые юечжи, не могутъ быть почитаемы вполнѣ точными и полными: легко могло быть, что Чжанъ-ѣ и Цзю-цюань указаны лишь какъ главныя мѣстности, остальныя же упущены (болѣе полный, чѣмъ у K. Sh. переводъ хэу-ханьскихъ извѣстій данъ Іакинфомъ въ „Исторіи Тибета и Хухунора“, Спб., 1833 г., ч. I, стр. 66). Что касается письма 176 г. до Р. Х., то упоминаніе усуней въ числѣ другихъ покоренныхъ народовъ совсѣмъ не означаетъ, что усуни обитали на западѣ отъ Ша-чжеу и были сосѣдями Леулани. Въ „Шы-цзи“ древнѣйшее мѣстообитаніе усуней указано на западной границѣ хунновъ, какъ перевелъ и K. Sh. (p. 135: der Vater des K'un-mo herrschte über ein klein Land an der westlichen Grenze der Hing-nu), а такъ какъ южная часть западной границы хунновъ прилегала къ землямъ юечжей у подножія Наньшаня, то страна усуней могла лежать на западной границѣ хунновъ лишь сѣвернѣе территоріи юечжей, т.-е. сѣвернѣе озеръ, въ которыя впадаетъ Ецзинъ, бассейнъ котораго, конечно, весь принадлежалъ юечжамъ, такъ что усуни должны были обитать около Монгольскаго Алтая, какъ я уже высказывалъ въ „Замѣткахъ объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“ (Спб., 1897 г., стр. 17).

[1]) C'est vers l'année 140 av. J. — C. que les Hiong-nou vainquirent les Ta Yue-tche.

нія Юань-шо, т.-е. въ 123 г. до Р. Х., награжденъ за отличія княжескимъ достоинствомъ Бо-ванъ-хэу («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 11, см. также переводъ Броссэ, p. 428, и біографію The Memoir, p. 68); затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что единственный шаньюй, умершій между приведенными 140 и 123 гг. до Р. Х., былъ Гюньчень, вступившій на престолъ по смерти Лаошанъ-шаньюя въ 161 г. и умершій въ 126 г.; тронъ, по смерти его, захватилъ младшій его братъ Ичисѣ, одержавшій верхъ въ междоусобной войнѣ и скончавшійся на 13 году своего царствованія въ 114 г. («Собр. свѣд.», ч. 1, стр. 32, 36 и 42; пер. Wylie, pp. 421, 424, 429). Такимъ образомъ Чжанъ Кянь, успѣвшій бѣжать изъ вторичнаго плѣна у хунновъ послѣ смерти шаньюя, возвратился въ Китай изъ своего посольства въ 126 г. до Р. Х. во время смутъ, происходившихъ у хунновъ послѣ смерти Гюньченя, случившейся въ этомъ 126 г. Засимъ, такъ какъ Чжанъ Кянь возвратился въ Китай «по прошествіи 13-ти лѣтъ» послѣ отправленія въ посольство, то отправился онъ, значитъ, въ 139 г.; къ юечжійцамъ на Аму-дарью прибылъ онъ послѣ десятилѣтняго задержанія у хунновъ, слѣдовательно около 129 г.; затѣмъ пребываніе въ Дахя «болѣе года» падаетъ на часть 129 и на весь 128 г., вторичное задержаніе на годъ у хунновъ относится къ 127 г. и возвращеніе приходится на 126 г. до Р. Х.

Такимъ образомъ въ 129 г. до Р. Х. юечжи уже достовѣрно находились на Аму-дарьѣ. Выше мы опредѣлили 176 г., какъ дату ухода ихъ изъ непосредственнаго сосѣдства съ хуннами въ страну сэ. Фонъ-Гутшмидъ, основываясь на одномъ мѣстѣ свѣдѣній Чжанъ Кяня объ усуньскомъ Гуньмо, въ переводѣ Броссэ (p. 429: A la mort du Tchen-yu, le Kouen-mo s'en alla en pays lointain, où il s'établit, refusant désormais l'hommage au Tchen-yu), и признавая шаньюя, о смерти котораго тутъ упоминается, за Лаошана, а уходъ Гуньмо въ отдаленную страну—за укочеваніе усуней въ Тянь-шань для нападенія на юечжей, находилъ возможнымъ отнести изгнаніе юечжей изъ Тяньшаня къ 160 или 159 г. до Р. Х. (Geschichte Iran's und seiner Nachbarländе etc., Tübingen, 1888, S. 61). Но Гутшмидъ,—цитированный трудъ котораго есть изданный по смерти его нѣмецкій подлинникъ помѣщенной въ Encyclopaedia Britannica статьи, написанной, повидимому, въ концѣ 70-хъ годовъ, не имѣлъ въ виду ни біографіи Чжанъ Кяня, переводъ которой изъ «Цянь-Хань-шу», сдѣланный Wylie, напечатанъ въ Journ. of Anthrop. Inst., 1880 (или скорѣе, по другой датѣ, 1881), vol. X, ни перевода Іакинфа въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 1—32, той же 123 книги «Шы-цзи», которую перевелъ Броссэ. По переводу Іакинфа, представленныя Чжанъ-Кянемъ императору свѣдѣнія объ усуньскомъ Гуньмо состояли въ существѣ въ слѣдующемъ: отецъ Гуньмо «имѣлъ небольшое владѣніе на западныхъ хуннускихъ предѣлахъ; хунны убили отца его на (въ) сраженіи, а Гуньмо, только-что родившійся, брошенъ былъ въ

полѣ. Птицы склевывали насѣкомыхъ съ его тѣла; волчица приходила кормить его своимъ молокомъ. Шаньюй изумился и счелъ его духомъ, почему (по переводу Броссэ, р. 429: воронъ прилеталъ къ нему, держа въ клювѣ мясо, а волчица кормила его изъ своихъ сосцовъ; пораженный этимъ чудомъ шаньюй) взялъ его къ себѣ и воспиталъ; когда же Гуньмо подросъ, то шаньюй сдѣлалъ его предводителемъ войска. Гуньмо нѣсколько разъ отличился въ походахъ, почему шаньюй возвратилъ ему владѣнія отца его и препоручилъ надзоръ за караулами при Западной стѣнѣ (у Броссэ: et le fit gouverneur en chef de Si-thing). Гуньмо приложилъ попеченіе о поправленіи состоянія своего народа и подчинилъ себѣ окрестные небольшіе города. Онъ имѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ войска, опытнаго въ сраженіяхъ. По смерти шаньюя, Гуньмо съ своимъ народомъ отдѣлился и отказался отъ поѣздокъ въ орду хунновъ (у Броссэ: ушелъ въ отдаленную страну, гдѣ и водворился, отказавшись съ этого времени признавать зависимость отъ шаньюя). Войско, скрытно отправленное хуннами противъ него, не имѣло успѣха; оно сочло Гуньмо духомъ и удалилось, почему хунны, хотя имѣли вліяніе на него, но не нападали слишкомъ». Считая возможнымъ, богатыми подарками и выдачею за Гуньмо китайской царевны, склонить его переселиться на отнятыя у хунновъ въ 121 г. земли у сѣверныхъ подножій Наньшаня и пріобрѣсти такимъ образомъ въ лицѣ усуней поддержку противъ хунновъ, Чжанъ Кянь представляль императору объ отправкѣ къ Гуньмо съ этою цѣлію посольства. Посломъ отряженъ былъ самъ Чжанъ Кянь, но успѣха не получилъ, такъ какъ усуньскіе старѣйшины, боясь силы хунновъ и сомнѣваясь въ могуществѣ Китая, не пожелали переселяться. Гуньмо же состарился (у Броссэ, р. 431: était... cassé de vieillesse) и не могъ полновластно распоряжаться, ибо часть войска отдалъ внуку своему, назначенному наслѣдникомъ, другая же принадлежала второму изъ сыновей Гуньмо. Чрезъ годъ по возвращеніи изъ этого посольства Чжанъ Кянь умеръ (Іакинфъ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 12—15, Броссэ, рр. 429—431). По «Цянь-Хань-шу» (въ свѣдѣніяхъ объ усуняхъ), ознакомившись чрезъ свое отвѣтное посольство, отправленное при возвращеніи Чжанъ Кяня, съ богатствомъ и силою Китая, усуни снарядили въ Китай новаго посла съ ходатайствомъ о выдачѣ за Гуньмо китайской царевны. Въ срединѣ правленія Юань-фынъ, въ 107 г. до Р. Х. (по Wylie, J. of Anthr. I., 1882, XI, p. 86, in the Yuen-fung periode, B. C. 110—105), китайскій дворъ отправилъ къ Гуньмо въ супруги Сигюнь, дочь князя Гянь. «Гуньмо, будучи старъ, хотѣлъ выдать царевну за внука своего Сэньцзу. Царевна не послушала его и представила объ этомъ Двору. Сынъ Неба въ отвѣтъ совѣтовалъ ей сообразоваться съ обыкновеніями народа... И такъ Сэньцзу женился на царевнѣ и по смерти Гуньмо возведенъ на престолъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 66—68, а также пер. Wylie). Біографія Чжанъ Кяня въ общемъ содержитъ тѣ же свѣдѣнія о

посольствахъ Чжанъ Кяня къ юечжи и усунямъ, но имѣетъ и нѣкоторыя отличія, изъ которыхъ я приведу слѣдующее: первоначально отецъ Гуньмо Нань-тоу-мо и Б. Юечжы оба имѣли небольшія царства между Цилянь (шанемъ) и Дунь-хуаномъ. Б. Юечжы напалъ на Нань-тоу-мо, убилъ и завладѣлъ его страною, народъ которой бѣжалъ къ хуннамъ. Недавно родившійся сынъ убитаго усуньскаго царя Гуньмо былъ спасенъ княземъ (хи-хэу) Пу-цзю. Отлучившись для розысканія пищи и спрятавъ на это время ребенка въ травѣ, Пуцзю по возвращеніи нашелъ, что волчица кормитъ малютку молокомъ своимъ, а подлѣ сидитъ птица съ мясомъ въ клювѣ. Усмотрѣвъ въ этомъ проявленіе сверхъестественныхъ свойствъ мальчика, Пу-цзю доставилъ его къ хуннамъ. Тамъ онъ понравился шаньюю, который взялъ его къ себѣ. Когда онъ достигъ возмужалости, въ его управленіе отданы были прежніе подданные его отца и въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ отличился военными успѣхами. Около этого времени (About that time) юечжи, пораженные хуннами, напали на царя сэйцевъ (Sae) на западѣ, когда же послѣдній бѣжалъ къ югу на дальнее разстояніе, земли его были заняты юечжійцами. Чувствуя себя сильнымъ, Гуньмо испросилъ у шаньюя разрѣшеніе отмстить за гибель своего отца, двинулся на западъ, напалъ на юечжей и поразилъ ихъ; юечжи бѣжали еще далѣе на западъ и водворились въ странѣ Дахя. Гуньмо же остался въ (покинутой ими) странѣ, устроилъ управленіе народомъ и постепенно организовалъ сильное войско. По смерти шаньюя онъ отказался признавать зависимость отъ хунновъ. Послѣдніе послали войско для нападенія на него, но оно возвратилось безъ успѣха. Увѣренность въ сверхъестественныхъ свойствахъ Гуньмо чрезъ это усилилась, и хунны стали заботиться не имѣть съ нимъ столкновеній. Далѣе біографія продолжаетъ сходно съ «Шы-цзи», но раньше представляетъ еще одно довольно рѣзкое отличіе, заключающееся въ томъ, что по «Шы-цзи», послѣ убіенія хуннами царя юечжей, былъ возведенъ на престолъ старшій сынъ убитаго («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 3, Броссэ, p. 421), по біографіи же верховную власть получила вдова убитаго (J. of A. I., vol. X, pp. 66, 68, 69). Это разнорѣчіе можетъ быть объяснено, по догадкѣ Бойе, предположеніемъ, что вдова убитаго царя управляла юечжійцами въ качествѣ регентши надъ малолѣтнимъ сыномъ (Journal asiatique, 1900, t. XV, L'Époque de Kaniska, par A. M. Boyer, p. 535; тамъ же, p. 534, неправильно утверждается, что Чжанъ Кянь отправился въ посольство къ юечжи въ 135 г. и возвратился въ Китай въ 122 г. до Р. Х.), но все-таки остается неизвѣстнымъ—хунны или юечжи напали на усуней и убили отца Гуньмо. Можетъ быть, оказались бы какія-нибудь положительныя для рѣшенія данныя въ существовавшемъ еще въ 618 г., въ видѣ особаго сочиненія, описаніи путешествій Чжанъ Кяня (см. статью проф. Хирта въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1896, B. X, SS. 227—228), но сочиненіе это до насъ не сохранилось, а потому мы поста-

влены въ необходимость признать версію біографіи,—дающую вполнѣ правдоподобное объясненіе нападенія Гуньмо на юечжей местью за убійство отца,—болѣе близкою къ истинѣ, чѣмъ версія «Шы-цзи», ничего даже не говорящая о нападеніи Гуньмо на юечжей, тогда какъ это нападеніе несомнѣнно, ибо подтверждается въ приведенной выше цитатѣ изъ «Цянь-Хань-шу», гдѣ указанія на мотивъ нападенія этого не помѣщено потому, что о подробностяхъ сдѣлана общая ссылка на біографію: «см. повѣствованіе о Чжанъ Кянѣ» («Собр свѣд.», ч. 3, стр. 65). Можетъ-быть, составитель «Шы-цзи» пользовался только докладомъ Чжанъ Кяня, сдѣланнымъ передъ отправкой его къ Гуньмо, когда онъ и самъ располагалъ лишь скудными свѣдѣніями, основанными лишь на слухахъ, дошедшихъ до него во время двукратнаго задержанія въ плѣну у хунновъ. Свѣдѣнія эти, несомнѣнно, должны были значительно пополниться во время пребыванія у усуней въ посольствѣ, но почему-нибудь не дошли до автора «Шы-цзи» и послужили лишь однимъ изъ матеріаловъ для біографіи.

Въ приведенныхъ китайскихъ извѣстіяхъ нѣтъ ни датъ, ни иныхъ основаній, подтверждающихъ предположеніе Гутшмида о томъ, что шаньюя, по смерти котораго Гуньмо отказался признавать зависимость отъ хунновъ, слѣдуетъ считать Лаошаномъ. Однако въ сказаніяхъ объ усуньскомъ Гуньмо есть фактъ, дающій возможность установить приблизительно нѣкоторыя недостающія даты. Я имѣю въ виду указаніе на тотъ фактъ, что въ числѣ причинъ неуспѣха посольства Чжанъ Каня помѣщено то обстоятельство, что Гуньмо «состарился». Хотя въ приведенныхъ текстахъ упущена дата и посольства Чжанъ Кяня [1]), но въ Histoire générale de la Chine, par le père de Moyriac de Mailla (t. III, p. 51), посольство это отнесено къ 116 г. до Р. Х. Такъ какъ этотъ трудъ есть переводъ или сокращенное, но точное изложеніе весьма авторитетной китайской исторіи, извѣстной подъ названіемъ «Ганъ-му», пользовавшейся кромѣ династійныхъ исторій и другими цѣнными источниками, то дата эта общепринята (напр., она дана у Броссэ, p. 431, и у Boyer, p. 539) и можетъ считаться достовѣрною. Если же Гуньмо въ 116 г. до Р. Х. оказывался состарившимся, т. е. имѣвшимъ 60—70 лѣтъ отъ рода, то онъ долженъ былъ родиться въ 176—186 г., а, стало быть, нападеніе юечжей на усуней и убіеніе его отца должны были совершиться въ тѣ же годы. Вѣроятнѣе дата 176 г., потому что, если бы гибель Нань-тоу-мо и бѣгство усуньскаго народа къ хуннамъ совершилось ранѣе, въ 186 или тѣмъ болѣе въ 196 г., Модэ не писалъ бы въ 176 г. о подчиненіи усуней, которые поддались уже

[1]) Іакинфъ относилъ посольство Чжань-Кяня къ 105 г. („Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 15), но это явная ошибка, потому что китайская царевна была выдана въ замужество за Гуньмо еще въ 107 г., какъ значится у Іакинфа (въ срединѣ правленія Юань-фынъ, обнимавшаго 110—105 гг. до Р. Х.), посольство же Чжанъ-Кяня имѣло мѣсто за нѣсколько лѣтъ ранѣе.

10 или 20 лѣтъ раньше. Чтобы возмужать, получить управленіе бывшими подданными отца, отличиться военными подвигами и организовать достаточно многочисленное и опытное войско, Гуньмо долженъ былъ, ко времени движенія съ своимъ народомъ на юечжей съ цѣлію мести за смерть отца, имѣть по крайней мѣрѣ 35 или 40 лѣтъ отъ роду, а потому походъ его на юечжей былъ предпринятъ не ранѣе 141—136 г., во всякомъ случаѣ въ царствованіе (и съ разрѣшенія) шаньюя Гюньченя, какъ утверждалъ еще де-Гинь (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. 56). Только по смерти Гюньченя въ 126 г. Гуньмо и могъ безнаказанно отказаться отъ подчиненія хуннамъ, такъ какъ ранѣе хунны были очень сильны, уменьшеніе же ихъ могущества началось при преемникѣ Гюньченя, при которомъ, послѣ нанесенныхъ хуннамъ пораженій, китайцы отняли у нихъ въ 121 г. до Р. Х. бывшія земли юечжей у подножій Наньшаня [1]).

---

[1]) Признавая невозможнымъ точное опредѣленіе времени ухода на западъ юечжей и усуней, Kurakichi Shiratori (Keleti Szemle, vol. III, 1902, p. p. 113—117) пытался сдѣлать это приблизительно. Отвергая дату 209 г., указанную комментаторомъ Сюй Гуаномъ для восшествія на престолъ Модэ, такъ какъ предмѣстникъ его Тумань не могъ возвратиться на югъ, — откуда былъ изгнанъ полководцемъ Мынъ Тхянь, ранѣе 206 или 205 г. до Р. Х., ибо Мынъ прогналъ Туманя въ 214 г., и на сѣверѣ Тумань „оставался десять лѣтъ“, K. Sh. намѣчаетъ для смерти Туманя и восшествія Модэ 206 или 205 годъ (p. p. 113—114). Такъ какъ полнаго перевода относящихся сюда мѣстъ „Шы-цзи“ K. Sh. не далъ, по переводамъ же Іакинфа (I, 10—11) и Wylie (p. p. 406—408) не ясно—съ какого года и событія по прошествіи десяти лѣтъ“ умеръ Мынъ-Тхянь, то я остаюсь въ сомнѣніи — къ какому событію относится дата 214 г., данная Іакинфомъ, но отсутствующая въ подлинникѣ и значащаяся у K. Sh. въ видѣ 415 г., ибо передъ нею упомянуты многія дѣйствія Мынъ-Тхяня, требовавшія для выполненія нѣсколькихъ лѣтъ (въ томъ числѣ нѣчто въ родѣ построенія Великой стѣны или ея исправленія); вслѣдствіе этого Сюй Гуанъ, можетъ-быть, и имѣлъ основанія считать датою восшествія Модэ 209 г., ибо возвращенію хунновъ на югъ, по „Шы-цзи“, предшествовалъ рядъ другихъ событій: „Удѣльные князья возстали противъ Дома Цинь, срединное царство пришло въ смятеніе, гарнизоны... по границѣ всѣ разошлись“ (Іакинфъ, I, стр. 11, Wylie, p. 407). Первое нападеніе Модэ на юечжей K. Sh. относитъ къ періоду между 205 и 202 г. (p. 115), второе же къ 177 г.; основаніемъ послѣдней даты служитъ письмо Модэ, но изъ этого письма, полученнаго въ Китаѣ въ 5 мѣсяцѣ 176 г., видно, что походъ на юечжей могъ быть совершенъ съ 5 мѣсяца 177 года до времени отсылки письма („Собр. свѣд.“, ч. I, стр. 22—24). Далѣе, не приведя текстовъ, K. Sh. утверждаетъ, что юечжи сохраняли свои древнія земли во все царствованіе Модэ, оставили же ихъ и ушли на западъ лишь въ царствованіе Лаошана, продолжавшееся съ 174 по 158 г. Такъ какъ по переводамъ Іакинфа и K. Sh, S. 114, уже при первомъ нападеніи Модэ „прогналъ“ (vertrieb) юечжей, то при второмъ, въ 177—176 гг. они, вѣроятно, разгромлены были на новыхъ мѣстахъ, должно-быть, около Дунь-хуана или восточной оконечности Тяньшаня, и послѣ погрома отсюда бѣжали на западъ къ землямъ сэйцевъ, быть-можетъ, по сѣверной сторонѣ Тяньшаня, ибо мало вѣроятія, чтобы послѣ двухъ разгромовъ они стали ожидать третьяго вблизи превосходящихъ

Такимъ образомъ юечжи вынуждены были окончательно оставить Тяньшань около 141—136 г.г. до Р. Х., и въ 129 г., когда Чжанъ Кянь нашелъ ихъ на сѣверномъ берегу Аму-дарьи подчинившими себѣ Дахя, они должны были провести здѣсь уже нѣсколько лѣтъ до его прибытія, причемъ, «обитая въ привольной странѣ, рѣдко подверженной непріятельскимъ набѣгамъ», расположились «вести мирную жизнь» и «вовсе не думали объ отмщеніи хуннамъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 3). По описанію Чжанъ Кяня («Шы-цзи» въ пер. Іакинфа «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 8; см. также переводы Броссэ, p. 426, и проф. de Groot въ Marquart's Erānšahr, 1901, S. 201), «Дахя лежитъ слишкомъ въ 2.000 ли отъ Давани[1]) на юго-западъ, на южной сторонѣ рѣки Гуй-шуй (у западно-европейскихъ синологовъ рѣки «Вэй»). Тамъ ведутъ осѣдлую жизнь; имѣютъ города и домы; въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ даваньцами. Не имѣютъ верховнаго главы, а почти каждый городъ поставляетъ своего правителя. Войска ихъ слабы, робки въ сраженіяхъ. Жители искусны въ торговлѣ. Когда Б. Юечжы, идучи на западъ, разбилъ ихъ, то они поддались Дому Дахя (тутъ у Іакинфа несо-

силою враговъ. Въ шаньюѣ, воспитавшемъ гуньмо, K. Sh. предполагаетъ Лаошана, и такъ какъ послѣдній умеръ въ 158 г., а завоеваніе усуньскимъ гуньмо земель юечжей произошло до смерти шаньюя, то отнятіе у юечжей земель усунями онъ относитъ ко времени незадолго до 158 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ царство усуней существовало еще въ 177 г., какъ видно изъ письма 176 г., а потому уничтоженіе его юечжами могло послѣдовать лишь послѣ этого года, хотя и вскорѣ, то K. Sh. полагаетъ, что во время смерти шаньюя (Лаошана) усуньскому гуньмо, родившемуся около 177 г., шелъ двадцатый годъ. Съ своей стороны, имѣя въ виду, что Лаошанъ умеръ въ 161 г. (Іакинфъ) или въ 160 г. (Wylie), я нахожу недопустимымъ, чтобы шестнадцатилѣтній мальчикъ могъ быть именуемъ возмужалымъ и имѣлъ уже возможность и время къ этому возрасту отличиться въ походахъ въ качествѣ полководца, получить за эти отличія въ управленіе бывшій народъ отца, возстановить попечительностью своею благосостояніе усуньскаго народа и организовать достаточно многочисленное и опытное для нападенія на юечжей войско.

[1]) Цифры разстояній и численности населенія у Чжанъ Кяня часто увеличены или уменьшены противъ дѣйствительности, что вполнѣ естественно со стороны перваго изъ китайцевъ путешественника въ совершенно дотолѣ имъ неизвѣстныя страны. Въ данномъ случаѣ преувеличеніе разстоянія отъ столицы Давани, находившейся, вѣроятно, въ Ходжентѣ, до Бактріаны, объясняется тѣмъ, что изъ Давани попалъ онъ на Аму-дарью не прямо, а чрезъ Кангюй, т.-е., быть-можетъ, чрезъ резиденцію кангюйскаго государя, находившуюся, вѣроятно, сѣвернѣе Джулека („Даваньскій владѣтель... приказалъ... проводить его въ Кангюй, а изъ Кангюя они", т.-е. посолъ съ спутниками, „препровождены къ Большому Юечжы", см. „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 3). Насколько смутны были представленія Чжанъ Кяня о разстояніяхъ, видно изъ того, что страна самихъ юечжы показана имъ въ 2—3 т. (такъ по переводамъ западно-европейскихъ синологовъ, у Іакинфа „почти въ 3.000", тамъ же, стр. 6) ли отъ Давани, вслѣдствіе чего нѣкоторые европейскіе ученые долго помѣщали юечжей на Аму-дарьѣ противъ Хивы.

мнѣнная описка, уцѣлѣвшая по недосмотру, ибо вмѣсто «Дому Дахя» слѣдовало помѣстить «ему» или «Дому Б. Юечжы», потому что на стр. 7 въ переводѣ свѣдѣній Чжанъ Кяня о Б. Юечжы значится, что послѣдній, пройдя «отъ Давани на западъ, ударилъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе»; по переводу Броссэ, lors de l'émigration des Ta-youe-chi à l'occident, les Ta-hia furent battus et assujettis par eux; по de Groot'y, weshalb die grossen Yueh-ši, als sie nach dem Westen übersiedelten, sie schlugen und die Ta-hia völlig unterjochten). Народонаселеніе въ Дахя простирается до милліона, столица называется Ланьшы. Въ семъ городѣ есть рынокъ съ различными товарами (Marktstrassen, wo man allerhand Dinge verhandelt). Отъ Дахя на юго-востокъ лежитъ владѣніе Шеньду, иначе Иньду», т.-е. Индія. Излишне доказывать, что Дахя есть Бактріана, населеніе же ея составляло часть восточной вѣтви иранскаго племени, уцѣлѣвшіе остатки котораго продолжаютъ и понынѣ вести осѣдлый образъ жизни, сохраняютъ склонность къ торговлѣ и не пріобрѣли безстрашія и воинственности. По свѣдѣніямъ Чжанъ Кяня («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 6 и 7), сами юечжи, ведя кочевой образъ жизни, обитали на сѣверной сторонѣ рѣки Вэй (т.-е. Вахша, Аму-дарьи); на югѣ отъ нихъ за Аму дарьею находилась подвластная имъ Дахя-Бактріана, на западѣ—Аньси и на сѣверѣ—Кангюй. Именемъ Аньси китайцы называли парфянское царство, властвующій въ которомъ родъ происходилъ отъ Арсака, такъ что Аньси есть китайская транскрипція слова Арсакъ. Кочевое владѣніе Кангюй, имѣвшее до 90 т. войска, было, по Чжанъ Кяню, смежно съ Даванью, отъ которой находилось въ 2 т. ли на сѣв.-западъ. Кангюй «по малосилію своему признаетъ надъ собою на югѣ власть юечжійцевъ, на востокѣ — власть хуннovъ». На сѣв.-западѣ отъ Кангюя, почти въ 2 т. ли, лежало кочевое владѣніе Яньцай, которое имѣло болѣе 100 т. войска и на югѣ простиралось до Аньси (тамъ же). Свѣдѣнія Чжанъ Кяня о малосиліи Кангюя были не точны, такъ какъ по «Цянь-Хань-шу», — освѣдомленность источниковъ составителей которой во многомъ превосходила скудный запасъ слуховъ и личныхъ наблюденій, которыми располагалъ Чжанъ-Кянь, вслѣдствіе посылки послѣ него многочисленныхъ посольствъ въ западныя страны, — численность кангюйскаго войска простиралась до 120 т. человѣкъ, тогда какъ у юечжей насчитывалось только 100 т. (тамъ же, стр. 58 и 54); сверхъ того Кангюю подчинялось пять осѣдлыхъ владѣній (ibid., стр. 58 и 59), изъ которыхъ одно соотвѣтствовало нынѣшнему Ташкенту, другое—Хивѣ, остальныя же три занимали долину Заравшана, имѣя столицами города около нынѣшнихъ Самарканда, Катта-курiана и Бухары, о чемъ, во избѣжаніе повтореній, я буду говорить ниже, гдѣ это будетъ удобнѣе. Весьма поэтому вѣроятно, что о подчиненности Кангюя на югѣ, т.-е. вассальныхъ владѣній на Заравшанѣ, юечжійцамъ Чжанъ Кянь имѣлъ представленіе ошибочное и вытекавшее, быть можетъ, лишь изъ того возможнаго факта, что

заравшанскіе вассалы Кангюя представляли ежегодные подарки и юечжійцамъ, чтобы избѣжать обычнаго у осѣдлаго населенія воровства и грабежей со стороны сосѣднихъ кочевниковъ. Что касается, наконецъ, кочевниковъ вл. Яньцай, то при дин. Младшихъ Ханей (25—221 г.г. по Р. Х.) вл. Яньцай именовалось Аланья и находилось въ зависимости отъ Кангюя; имя аланья показываетъ, что это были аланы, и дѣлаетъ вѣроятнымъ, что яньцай есть кит. транскрипція имени асы (осы, осетины), ясы, какъ именовались аланы въ русскихъ лѣтописяхъ [1]).

Итакъ китайцы, ничего не зная о грекахъ на Аму-дарьѣ и о греко-бактрійскомъ царствѣ, сохранили намъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что кит. посолъ Чжанъ Кянь нашелъ въ 129 г. до Р. Х. на Аму-дарьѣ племя юечжей, покорившее Дахя-Бактріану и прибывшее на Аму-дарью около 141—135 г.г.; что долина Заравшана, т.-е. Согдіана, состояла въ 129 г. и позднѣе въ вассальной зависимости отъ кангюйцевъ, но неизвѣстно, съ какого времени эта зависимость началась; наконецъ, что въ томъ же 129 г. непосредственнымъ сосѣдомъ кангюйцевъ и парѳянскаго царства было племя яньцай, т.-е. асы, аланы. Мы видѣли, что у Страбона разрушившими греко-бактрійское царство народами названы асіи, пасіаны, тохары и сакараулы, у Трога же Помпея упоминаются асіаны, тохары и сарауки или сакарауки; такъ какъ асіи и асіаны, вѣроятно, одинъ и тотъ же народъ, а пасіаны легко могли быть лишь иною транскрипціею асіановъ, и такъ какъ сарауки, сакарауки и сакараулы тоже, вѣроятно, имя одного и того же народа, то и у западныхъ писателей народовъ, разрушившихъ греко-бактрійское царство, оказывается три: тохары, сакараулы и асіи, соотвѣтственно тремъ кочевымъ племенамъ, властвовавшимъ на Аму-дарьѣ, Заравшанѣ и Сыръ-дарьѣ и въ степяхъ къ западу въ 129 г. до Р. Х., по китайскимъ свѣдѣніямъ. Для того, чтобы выяснить, какія именно племена китайскихъ извѣстій соотвѣтствуютъ племенамъ западныхъ писателей и какую каждый изъ этихъ народовъ игралъ роль въ разрушеніи греко-бактрійскаго царства, необходимо привести нижеслѣдующія извѣстія западныхъ писателей.

Отправляясь въ походъ на Индію, Александръ Македонскій оставилъ въ Бактріанѣ полководца своего Аминту съ 10 т. пѣхоты и 3 т. всадниковъ (Арріанъ). По смерти Александра (323 г. до Р. Х.), азіатскія его владѣнія достались селевкидамъ. Около 250 г. до Р. Х., воспользовавшись неудачами Антіоха II Теоса въ войнѣ съ египетскимъ царемъ Птолемеемъ Филадельфомъ, селевкидскій правитель Бактріаны Діодотъ отложился и основалъ такъ называемое греко-бактрійское царство, въ составъ котораго

[1]) Vivien de Saint-Martin, Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, p. 105 et suiv. Проф. В. Ф. Миллера „Осетинскіе этюды", ч. 3, Москва, 1887 г., стр. 100 и слѣд.

кромѣ Бактріи входила и Согдіана. Когда возстановившій на короткое время могущество селевкидовъ Антіохъ III Великій, — побѣдивъ парфянъ, основавшихъ независимое царство одновременно съ Діодотомъ, — обратилъ свое оружіе противъ греко-бактрійскаго царя Евфидема, то послѣдній, добиваясь возможно менѣе тяжкихъ условій мира, представлялъ въ 206 г. послу Антіоха Пелеѣ, что ослабленіе бактрійскаго царства будетъ опасно для самого Антіоха, такъ какъ, не встрѣчая достаточнаго отпора со стороны Бактріи, полчища сосѣдящихъ съ нею скифовъ устремятся на владѣнія селевкидовъ (Поливій, XI, 34). Между тѣмъ уже сынъ Евфидема Деметрій значительно ослабилъ силы грековъ въ Бактріанѣ, употребивъ значительную часть ихъ для завоеваній въ Индіи (Страбонъ, XI, гл. I, 1). Такими же завоеваніями въ Индіи занимался и греко-бактрійскій царь Евкратидъ (Страбонъ, XV, гл. I, 3). По словамъ Юстина (XLI, 6), во время парфянскаго царя Митридата I (171—138 г.г. до Р. Х.) и греко-бактрійскаго Евкратида, когда могущество парфянъ продолжало возрастать, бактрійцы, напротивъ, доведены были разными войнами до того, что потеряли не только свое царство, но и самую свободу: столь изнурительныя войны вели они съ согдіанцами, арахотами, дрангами, индійцами, что, наконецъ, совсѣмъ обезсилѣли и утѣснены были парфянами, которые были прежде гораздо ихъ слабѣе. Дѣйствительно, мы знаемъ отъ Страбона (XI, гл. 11, 2), что парфяне отняли у Евкратида двѣ бактрійскихъ сатрапіи Аспіонъ и Туриву. Свѣдѣнія классическихъ писателей о греко-бактрійскомъ царствѣ прекращаются съ извѣстія Юстина (XLII, 6) о смерти Евкратида отъ руки собственнаго сына; послѣднимъ же упоминаніемъ о бактрійцахъ, какъ о независимомъ царствѣ, считается извѣстіе Юстина (XXXVI, I, 4) о томъ, что Деметрію Никатору въ попыткѣ его уничтожить парфянское царство обѣщали помочь, въ числѣ другихъ народовъ, и бактрійцы; это упоминаніе Гутшмидъ (Geschichte Iran's, 52) и Марквартъ (Erānšahr, 207) пріурочиваютъ къ 140 г. до Р. Х., а акад. Байеръ (Historia regni Graecorum Bactriani etc., Petropoli, 1738, p. 96) къ 142 г. Этимъ подтверждается выведенная мною по кит. даннымъ дата для появленія юечжей на Амударьѣ между 141—136 г.г. до Р. Х.

Будемъ имѣть еще въ виду слѣдующія извѣстія о столкновеніяхъ парфянскихъ царей съ скифами и тохарами (см. Гутшмида Geschichte Iran's, SS. 75—82). Наслѣдовавшій Митридату I въ 138 г. сынъ его Фраатъ II отнялъ у скифовъ Маргіану (есть его монеты съ означеніемъ мѣста чеканки въ Маргіанѣ) и успѣшно справился съ послѣднею попыткою селевкидовъ при Антіохѣ VII возстановить свою власть въ отторгнутыхъ парфянами земляхъ. Разбитый Антіохъ погибъ въ февралѣ 129 г., но Фраата постигла другая бѣда: парфянскія земли подверглись грабежамъ скифовъ, которыхъ Фраатъ призвалъ на помощь противъ Антіоха, но отказалъ имъ въ выдачѣ обѣщанной платы, ибо скифы прибыли послѣ пораженія селевкид-

скаго войска; парфянская армія выступила противъ грабителей, но, вслѣдствіе перехода во время боя на сторону скифовъ насильственно взятыхъ въ ряды арміи плѣненныхъ воиновъ Антіоха, была на голову разбита и самъ Фраатъ убитъ. По Юстину, при наслѣдовавшемъ въ 128 г. Фраату Артабанѣ I, скифы удалились во-свояси (Scythae autem, contenti victoria, depopulata Parthia, in patriam revertuntur), но, по Іоанну Антіохійскому, Артабанъ вынужденъ былъ обязаться платить имъ дань. Сверхъ того, какъ полагалъ Гутшмидъ, съ этого времени въ обладаніи скифовъ осталась часть Дрангіаны, которая стала именоваться Сакастаномъ и понынѣ удержала имя Сеистана. По Юстину (XLII, 2), Артабанъ I умеръ отъ раны, полученной въ войнѣ съ тохарами (Torgarii, Thogarii въ разныхъ рукописяхъ и чтеніяхъ). Сынъ его и преемникъ Митридатъ II Великій (123—84 г.г. до Р. Х.) нѣсколько разъ успѣшно воевалъ съ скифами, но именъ этихъ скифовъ и подробностей и результатовъ войнъ этихъ не имѣется. При преемникѣ его Артабанѣ II возникли междоусобія, и престоломъ въ 77 году до Р. Х. овладѣлъ возвратившійся изъ земли сакарауковъ Синатрукъ (Sinatruces).

Изъ приведенныхъ извѣстій ясно, что власть греко-бактрійскихъ царей опиралась только на греческое войско, численность котораго едва ли увеличилась противъ цифры 13 т. пѣхоты и конницы, оставленныхъ съ Аминтой; мирные бактрійцы не могли доставлять греческимъ царямъ достаточной поддержки, болѣе же воинственные согдійцы, — у которыхъ воинственность поддерживалась необходимостью обороны отъ постоянныхъ набѣговъ сосѣднихъ кочевниковъ,—отличались стремленіемъ къ независимости, ради которой они вынудили Александра Македонскаго потерять почти три года его короткой жизни на ихъ покореніе и на усмиреніе ихъ возстаній. Уведя значительную часть своихъ грековъ для завоеваній въ Индіи, бактрійскіе цари Деметрій и Евкратидъ окончательно ослабили свои силы на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Безсиліемъ этимъ первые воспользовались согдійцы, свергнувъ съ себя власть грековъ, что произошло при Евкратидѣ въ 160-хъ или 150-хъ годахъ, если не ранѣе, такъ какъ Юстинъ называетъ согдійцевъ во главѣ народовъ, войны съ которыми истощили силы греко-бактрійцевъ. Нахожденіе долины Заравшана въ вассальной зависимости отъ кангюйцевъ въ 129 г. до Р. Х. заставляетъ предполагать, что, для отложенія своего или для защиты противъ попытокъ грековъ возстановить свое владычество, согдійцы прибѣгли къ помощи Кангюя, обязавшись признавать вассальную зависимость и давать дань или дары. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе этой зависимости Согдіаны отъ Кангюя и послѣ покоренія юечжійцами Дахя-Бактріаны даетъ основаніе полагать, что проходъ юечжей чрезъ собственныя степи Кангюя, а также и чрезъ находившіяся подъ его зависимостью земли Юйни (Ташкентъ) и заравшанскихъ владѣній, произведенъ былъ изъ басейна р. Или и озера Иссыкъ-куля, откуда они были выгнаны усунями, на Аму-дарью по договору ихъ съ кангюйцами, на условіи воздержанія отъ вся-

кихъ обидъ населенію и признанія долины Заравшана и впредь въ зависимости отъ Кангюя. Заключеніе такого договора со стороны кангюйцевъ вызывалось не только вѣроятностью огромныхъ потерь въ борьбѣ съ доведенными до крайности юечжійцами, но и нахожденіемъ значительной части кангюйскихъ силъ въ Маргіанѣ, которой угрожали парфяне; юечжійцы же должны были принять этотъ договоръ съ благодарностью, такъ какъ гибель между усунями и кангюйцами была для нихъ почти неизбѣжна. Подтверждается существованіе подобнаго договора и продолженіемъ нахожденія заравшанскихъ владѣній въ зависимости отъ Кангюя во все время ханьскихъ династій. Засимъ отнятіе Фраатомъ II (138—128 г.г. до Р. Х.) у скифовъ (кангюйцевъ) Маргіаны даетъ основаніе думать, что, послѣ отложенія согдійцевъ и принятія ими подданства Кангюю, побуждаемые жаждою добычи кангюйскіе кочевники устремились также и на ближайшія къ нимъ западныя бактрійскія сатрапіи и завладѣли Маргіаною; у нихъ то и отнялъ ее Фраатъ II, который однако, около 129 г., долженъ былъ обратиться къ скифамъ, т.-е. къ тѣмъ же кангюйцамъ (не къ тохарамъ, которыхъ Юстинъ отличаетъ этимъ племеннымъ именемъ отъ прочихъ скифовъ), съ просьбою о помощи противъ Антіоха VII, и въ слѣдующемъ году погибъ въ бою съ ними. Весьма возможно, что, удовлетворивъ уступкою Сеистана и обязательствомъ дани кангюйцевъ, Артабанъ I сдѣлалъ попытку вознаградить себя отнятіемъ Бактріаны у терпѣвшихъ доселѣ пораженія отъ хунновъ и усуней тохаровъ-юечжей, но былъ раненъ въ руку и умеръ отъ этой раны. Извѣстіе Юстина о томъ, что претендентъ на парфянскій престолъ Синатруцесъ нашелъ убѣжище у сакарауковъ и въ 77 г. до Р. Х. овладѣлъ тономъ, вѣроятно при ихъ помощи, важно въ томъ отношеніи, что даетъ основаніе считать сакарауковъ за кангюйцевъ. Какъ кангюй есть китайская транскрипція имени племени канглы, которое (подобно именамъ многихъ тюркскихъ племенъ, происходящихъ отъ названій разныхъ урочищъ и рѣкъ въ Алтаѣ) происходитъ отъ имени рѣки Канъ или Кангъ, съ приставкою лыкъ или лы (напр. кашгарлыкъ, ташкентлыкъ и т. д. для указанія происхожденія изъ Кашгара, Ташкента и т. п.)[1]), а потому есть имя племени тюркскаго, такъ и имя сакараулъ (предпочитаю транскрипцію Страбона) есть имя племени тюркскаго, потомство котораго и въ настоящее время имѣется въ лицѣ туркменскаго рода сакаръ, обитающаго на Аму-дарьѣ выше Чарджуя въ бухарскихъ владѣніяхъ, численностью въ 3 т. кибитокъ (см. мои «Замѣтки объ этн. составѣ тюркскихъ племенъ» и пр., отд. оттискъ, 1897 г., стр. 142). Форма сакар-аулъ аналогична имени другаго туркменскаго рода бекаулъ, при существованіи родового имени бекъ (тамъ же, стр. 141 и

[1]) Китайское Khang-kiu Аб. Ремюза переводилъ demeure des Khang (Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, t. I, p. 315).

142)[1]). Асы-аланы, которыхъ Амміанъ Марцеллинъ, повидимому, вѣрно считалъ потомками массагетовъ Геродота (I, 201), занимавшихъ степи на востокъ отъ Каспія, конечно могли высылать въ западные округа Бактріаны болѣе или менѣе значительные отряды для грабежей, дѣйствуя самостоятельно или присоединяясь къ кангюйцамъ, почему и значатся у западныхъ писателей въ числѣ народовъ, принимавшихъ участіе въ разрушеніи греко-бактрійскаго царства, но едва ли, вслѣдствіе отдаленности своихъ кочевокъ, они могли играть значительную роль. Что касается бактрійскихъ грековъ, то въ виду отложенія Согдіаны и отнятія Маргіаны кочевниками, а болѣе западныхъ сатрапій (Асніона и Туривы, которыя Гутшмидъ считалъ лежавшими на Херирудѣ) парфянами, едва ли оставшееся въ восточной Бактріанѣ, послѣ гибели Евкратида, незначительное число грековъ могло сдѣлать что-либо другое, какъ удалиться къ своимъ единоплеменникамъ въ Кабулистанѣ и Индіи, вмѣсто того, чтобы ожидать несомнѣнной гибели при продолжавшемся наплывѣ кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что и туземное иранское населеніе Бактріаны начинало, вѣроятно, выходить изъ повиновенія горсти грековъ.

Такимъ образомъ, на основаніи западныхъ и китайскихъ историческихъ извѣстій, оказывается, что тохары классическихъ писателей соотвѣтствуютъ юечжійцамъ китайцевъ, сакараулы — кангюйцамъ и асіи—асамъ (яньцай, аланы). Къ сожалѣнію, вышеприведенные загадочные тексты XLI и XLII прологовъ исторіи Трога Помпея остаются безъ примѣненія и объясненія, но, во-первыхъ, тексты эти дошли до насъ въ крайне испорченномъ видѣ[2]), во-вторыхъ же, нельзя ручаться, что свѣдѣнія Трога Помпея были вѣрны и ясны, а не представляли собою смутные и противорѣчивые слухи, въ которыхъ римскій историкъ не могъ или не съумѣлъ разобраться. Хотя Плиній отзывается о Трогѣ Помпеѣ, какъ объ историкѣ добросовѣст-

[1]) Именованіе у западныхъ писателей кангюйцевъ сакараулами можетъ быть объяснено тѣмъ, что сакараулы были самымъ южнымъ изъ кангюйскихъ родовъ, кочевали между Сыръ-дарьею и Аму-дарьею и являлись участниками почти всѣхъ набѣговъ и грабежей на бактрійскихъ и парфянскихъ земляхъ, почему больше всѣхъ другихъ родовъ были извѣстны пограничному населенію, которое и распространило имя этого рода на все племя.

[2]) Первый изъ нихъ Гутшмидъ переводилъ: die scythischen Völker der Sarauken und Asianer nahmen Bactra und Sogdiana im Besitz (Geschichte Iran's, 58), а начало второго: die Könige der Thocarer seien von Asianischem Stamme gewesen (id., 70). Марквартомъ второй текстъ переводится: Asianische Könige die Herrschaft im Tocharerlande errangen und die Sakarauken vernichteten (Eranšahr, 205). По В. В. Григорьеву, въ книгѣ XLI шла рѣчь о томъ, „какъ скифскіе народы саранки и азіаны покорили Бактріану и Согдіану“, а въ книгѣ XLII о томъ, „какъ азіаны подѣлались царями у тохаровъ, и погибли сардухи“ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, 1867 г., стр. 779). Такимъ образомъ, слово regnante (или repugnante или rege pugnante) оставляется безъ перевода и прибавляется seien gewesen, „подѣлались“.

номъ и точномъ, но все же вѣрность свѣдѣній историка не можетъ не зависѣть отъ качества источниковъ. Пока существовало греко-бактрійское царство, кое-какія свѣдѣнія о судьбахъ его могли изрѣдка проникать до западныхъ грековъ и доходить до римскихъ историковъ, но съ паденіемъ царства и съ вѣроятнымъ уходомъ тамошнихъ грековъ къ ихъ соплеменникамъ въ Индію, къ западнымъ грекамъ и римлянамъ о событіяхъ на Аму-дарьѣ могли достигать лишь отрывочные и смутные слухи чрезъ посредство торговцевъ. Прискорбно, конечно, что Юстинъ опустилъ тѣ свѣдѣнія, существованіе которыхъ удостовѣряютъ прологи, но не невозможно, что сдѣлалъ онъ это на основаніи отзыва самого Трога Помпея о неудовлетворительности въ данныхъ случаяхъ его источниковъ.

б) Краткій обзоръ мнѣній главныхъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей о народахъ, овладѣвшихъ землями греко-бактрійскаго царства. Имена Дахя, юечжи, тохары.

Уже Юль въ своемъ этюдѣ о географіи и исторіи верховьевъ Окса, помѣщенномъ въ видѣ предисловія къ второму изданію путешествія Вуда (A Journey to the source of the river Oxus, by Captain John Wood, London, 1872, p. XXVII), а также въ статьѣ Notes on Hwen Thsang's account of the principalities of Tokharistan (J. of the R. A. S., 1873, vol. VI, p. p. 94—95), находилъ, что тохары, — тухоло Сюань Цзана и китайскихъ исторій,— суть юечжы, отождествленные Вивьенъ де Сенъ-Мартеномъ съ ѣда — ефталитами и отнесенные имъ къ числу народовъ тибетскихъ, и что юечжы могутъ быть почитаемы за тохаровъ Страбона и другихъ классическихъ писателей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, однако, полагалъ, что отождествленіе юечжей съ тохарами значительно затрудняется тѣмъ, во-первыхъ, что, по Кеппену (Die Religion des Buddha, II, 42), тибетцы называютъ тогарами жителей В. Туркестана, т.-е. тюрковъ, почему юечжы оказывались бы тюрками, а не тибетцами, и въ томъ, во-вторыхъ, что тохары упоминаются въ качествѣ горнаго народа, покореннаго одновременно съ дахами ассирійскимъ царемъ Сенахерибомъ (J. R. A. S., vol. XIX, 1862, p. 151), и что народъ съ подобнымъ же именемъ встрѣчается въ древне-египетскихъ скульптурныхъ пямятникахъ (Herodot, by Rawlinson, vol. IV, 45—46).

Указанныя Юлемъ затрудненія не остановили барона Рихтхофена, который призналъ юечжей тохарами на томъ основаніи, что юечжы, по китайскимъ извѣстіямъ, овладѣли Бактріаной, около 128 г. до Р. Х., въ то самое время, когда, по Страбону, она была отнята у грековъ скифами, въ числѣ которыхъ онъ называлъ тохаровъ; затѣмъ изъ сказанія Сюань Цзана о томъ, что древнее отечество тухоло'сцевъ (т.-е. юечжей) находилось на половинѣ пути между Хотаномъ и Лобъ-норомъ, и изъ упоминанія въ Ма-

хабаратѣ о доставленіи тухарами въ даръ царю Пандавѣ мѣховъ, желѣза и шелку,— изъ чего видно, что тухары обитали между Индіею и Китаемъ,— Рихтхофенъ заключилъ, что юечжы-тохары въ древнѣйшее время господствовали на пути изъ Таримской котловины въ Ладакъ,— въ сосѣдствѣ съ народомъ дарада, населявшимъ нынѣшніе Читралъ, Гилгитъ и пр. и также представлявшимъ дары Пандавѣ,— перешли потомъ въ Таримскую низменность, откуда передвинулись въ страну между Дунь-хуаномъ и Циляньшанемъ или Наньшанемъ; отсюда, тѣснимые хуннами, они двинулись на западъ, заняли страну сэй'цевъ и, наконецъ, вслѣдствіе нападенія усуней, ушли отсюда и достигли Бактріаны (China, Erster Band, Berlin, 1877, S. 439 и слѣд.). Въ статьѣ De l'origine probable des Thoukhares et de leurs migrations à travers l'Asie, G. de Vasconcellos—Abreu, professeur du sanscrit à Lisbonne (Le Muséon, revue internationale, t. II, Louvain, 1883, pp. 165—188), не соглашаясь съ мнѣніемъ Рихтхофена о тождествѣ юечжей съ тохарами Страбона, утверждалъ въ рядѣ гипотезъ, весьма слабо обоснованныхъ, что тухары происходятъ съ острововъ Средиземнаго моря и образовали многочисленный кочевой народъ, который въ доисторическія времена побывалъ на берегахъ Чернаго моря, въ окрестностяхъ Кавказа, въ Мал. Азіи и пр., по изображеніямъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ имѣлъ черты лица арійскія и прибылъ во время Рамзеса III съ сѣвера вмѣстѣ съ пелазгами, при чемъ тохары наименованы Tsekkariou, а пелазги—Poulouchtas или Pelestas. Такъ какъ ассиріологи согласны, что горы Нипуръ, около которыхъ Сеннахерибъ разбилъ Tokharri и нѣсколько другихъ народовъ, находились на границѣ между Мидіей и Сузіаной, то лиссабонскій профессоръ предполагалъ, что тохары, ускользнувъ отъ Сеннахериба, бѣжали въ горы верховьевъ Окса, между Хотаномъ и Индіею, гдѣ и спаслись отъ преслѣдованія, и что тохары эти только послѣ занятія юечжійцами Тохаристана смѣшались съ ними и образовали народъ, носившій имя тохаровъ.

Между тѣмъ въ рецензіи своей на книгу Рихтхофена А. фонъ-Гутшмидъ основательно указалъ (Z. D. M. G., 1880, B. 34, S. 203), что побѣжденные Сеннахерибомъ тохары никакого отношенія къ тохарамъ и къ Dahae не имѣютъ: 1) Dahae всегда были извѣстны только какъ живущій въ степяхъ кочевой народъ; 2) гора Нипуръ, близъ которой обитали тохарри и дахи клинописнаго памятника, населена была калдʼами и находилась въ совершенно другой части Азіи, и 3) возможно, что Сеннахерибъ воевалъ не съ тохарами и дахами, а съ населеніемъ лежавшей близъ р. Чорохъ крѣпости Тухаръ въ странѣ таевъ (арм. Tajch). Въ Geschichte Iran's, признавая тождество юечжей и тохаровъ не подлежащимъ сомнѣнію и утверждая, что имена юечжей, асіевъ, асіановъ были лишь именами господствовавшихъ въ разное время у тохаровъ родовъ (ордъ), фонъ-Гутшмидъ находилъ, что всѣ народы, которые, по классическимъ писателямъ, отняли

у грековъ Бактріану, сводятся къ двумъ — къ тохарамъ (они же асіи и асіаны) и сакараукамъ, считалъ невозможнымъ, чтобы китайскіе историки, дающіе свѣдѣнія объ юечжы-тохарахъ, ничего не знали о второмъ народѣ, о сакараукахъ, и приходилъ къ заключенію, что сакарауки могли быть лишь кангюйцами китайскихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что, въ соотвѣтствіе съ гибелью сакарауковъ, о которой повѣствовалось въ XLII книгѣ Трога Помпея, Кангюй, отправившій послѣднее посольство въ Китай въ 11 г. до Р. Х., прекратилъ затѣмъ сношенія съ Китаемъ и болѣе въ кит. лѣтописяхъ не упоминается, тогда какъ яньцайцы продолжали быть извѣстными китайцамъ еще много времени позднѣе (SS. 70 — 72). Это паденіе Кангюя или гибель сакарауковъ были, по предположенію Гутшмида, дѣломъ ставшаго царемъ юечжей-тохаровъ кушанскаго князя Кіоцзюкіо, которому онъ приписываетъ и возстановленіе на парѳянскомъ престолѣ Фраата IV, изгнаннаго, по Исидору, братомъ его Тиридатомъ, бѣжавшаго къ «скифамъ» и возвратившаго утерянный престолъ въ 26 г. до Р. Х. при помощи даннаго этими скифами войска (S. 114). Эти свѣдѣнія Гутшмида о паденіи Кангюя и прекращеніи о немъ извѣстій ошибочны и являются, вѣроятно, результатомъ сокращеннаго и неточнаго изложенія свѣдѣній о Кангюѣ у Матуаньлиня или у переводившаго его Аб. Ремюза (см. Nouveaux mélanges asiatiques, t. 1, 1829, pp. 226 — 227). На самомъ дѣлѣ, какъ значится въ свѣдѣніяхъ о Кангюѣ «Цянь-Хань-шу», хотя при императорѣ Ченъ-ди (32—7 гг. до Р. Х.) кит. намѣстникъ Западнаго края Го Шунь ходатайствовалъ о томъ, чтобы прекратить отправленіе посольствъ въ Кангюй и сношенія съ нимъ, такъ какъ кангюйскій государь, по высокомѣрію своему, не отдавалъ китайскимъ посланникамъ должныхъ почестей, чиновниковъ намѣстника сажалъ ниже усуньскихъ пословъ и т. д., но это представленіе намѣстника уважено не было [1]). Что Кангюй сохранилъ и потомъ свое могущество, это видно изъ того, что послѣ посылки къ усунямъ, именно въ 11 г. до Р. Х., кит. сановника Дуань Хой-цзуна по поводу происходившихъ у нихъ внутреннихъ смутъ, одинъ изъ усуньскихъ князей Бихуаньчжи, враждовавшій съ старшимъ и младшимъ гуньми, которые правили усуньскими землями подъ протекціею Китая, «взявъ до 80,000 душъ своихъ подданныхъ, ушелъ на сѣверъ, въ Кангюй, въ предположеніи испросить вспомогательныхъ войскъ для покоренія обоихъ гуньми. Тогда оба гуньми пришли въ страхъ и положили всю надежду на намѣстника», т.-е. на защиту Китая («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 76, пер. Wylie, J. A. I., 1881, vol. XI, p. 92). Засимъ, хотя въ «Исторіи Младшихъ Ханей» (25—221 г. г. послѣ Р. Х.) нѣтъ особаго описанія Кангюя, но существованіе

---

[1]) „Собр. свѣд.“ ч. 3, стр. 56 — 58. Переводъ Wylie, J of. A. I., 1880, vol. X, p. 43, частью не совсѣмъ сходится, но Іакинфъ кажется точнѣе понявшимъ смыслъ труднаго мѣста подлинника.

его и усиленіе его могущества ясны изъ упоминаній о нахожденіи въ подчиненіи ему алановъ (Яньцай) и народа Янь (на сѣверѣ отъ Яньцая, вѣроятно финно-угры), платившаго дань звѣриными шкурами («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 121). Мы знаемъ, что Кангюй вынудилъ яркендскаго владѣтеля Хяня (33—61 гг. по Р. Х.) возвратить въ Давань низложеннаго владѣтеля («Р. А. Ж.», 1900, № 4, стр. 3) и что въ 84 г. Кангюй выслалъ войско для защиты кашгарскаго владѣтеля противъ кит. намѣстника Бань Чао, и послѣдній достигъ удаленія этого войска, только прибѣгнувъ къ ходатайству юечжійскаго царя, который въ это время вступилъ въ брачную связь съ кангюйскимъ государемъ (тамъ же, стр. 14). Такимъ образомъ, попытка Гутшмида объяснить гибель сакарауковъ у Трога Помпея оказывается несостоятельною. Его предположеніе о томъ, что асіи и асіаны, а также юечжы суть такія же именованія родовъ или ордъ тохаровъ, пріобрѣтавшихъ владычество надъ народомъ тохаровъ-юечжей, какъ кушаны, остроумно, такъ какъ категорически разрѣшаетъ трудную загадку XLII-го пролога Трога Помпея объ асіанскихъ царяхъ тохаровъ (Excurse von den Asianischen Königen den Tocharer, S. 114), но для того, чтобы эта разгадка могла быть признана основательною, необходимо, чтобы, во-первыхъ, самый текстъ Трога не возбуждалъ сомнѣній, и во-вторыхъ, чтобы имѣлись данныя, удостовѣряющія о дѣйствительномъ существованіи у тохаровъ-юечжей рода или орды съ именемъ асіановъ. Между тѣмъ тексты XLII и предыдущаго XLI прологовъ дошли до насъ въ несомнѣнно испорченномъ и неясномъ видѣ; нѣтъ также никакихъ основаній считать асіановъ частью тохаровъ, а, напротивъ, текстъ XLI-го пролога, говорящій о томъ, что Бактріаною овладѣли сакарауки и асіаны (а не тохары), побуждаетъ думать, что асіаны были особымъ отъ тохаровъ-юечжей народомъ, который достигъ позже, по XLII-му прологу, господства надъ тохарами.

По мнѣнію д-ра Маркварта,—цѣнному и интересному труду котораго, въ значительной своей части касающемуся исторіи юечжей и ефталитовъ, далъ должную оцѣнку проф. Нёльдеке (Z. D. M. G., 1902, B. 56, S. 427 и слѣд.) и нѣсколько преувеличенную — проф. Chavannes (Journal asiatique, 1901, t. XVIII, p. 550 и слѣд.), — Та-hia=Tocharі, гдѣ неполная транскрипція произошла отъ того, что китайцы для передачи иностранныхъ именъ употребляли не болѣе двухъ знаковъ (почему изъ Tocharі вышло Та-hia, Erānšahr etc., 1901, 204). Это заключеніе, по словамъ Маркварта, вытекаетъ «съ логической необходимостью» изъ сопоставленія китайскихъ и греко-римскихъ извѣстій. На самомъ дѣлѣ, однако, Марквартъ ни сколько и ни чѣмъ не доказалъ, что Дахя и тохары одно и то же. Приведя на страницахъ 200—203 часть уже извѣстныхъ намъ изъ вышеизложеннаго извѣстій Юстина и «Шы-цзи» съ «Цянь-Хань-шу» и сопроводивъ ихъ нѣкоторыми

своими замѣчаніями, не относящимися, за однимъ исключеніемъ [1]), къ тождеству дахя'сцевъ и тохаровъ, Маркваргъ неожиданно, на стр. 204, утверждаетъ: «изъ этихъ историческихъ сопоставленій греко-римскихъ и китайскихъ извѣстій съ логическою необходимостью вытекаетъ уравненіе Та-hia= Tocharі». Обращаясь затѣмъ (205) къ XLII прологу Трога Помпея, Маркваргъ находилъ, безъ указанія основаній, что асіаны, видимо, соотвѣтствуютъ жившимъ сначала на сѣверѣ отъ Аму-Дарьи юечжамъ китайцевъ, сарауки же или сакарауки сидѣли въ западной Бактріи, позднѣйшемъ Гузганѣ, такъ что для тохаровъ оставалась только восточная Бактріана съ столицею Бактрой. Въ прологѣ XLI, по мнѣнію Маркварта, Трогъ Помпей разсказывалъ объ утвержденіи сакарауковъ и асіановъ въ Бактріи и Согдіанѣ, но жалкое извлеченіе (der jämmerliche Auszug) Юстина не сохранило намъ ничего ни изъ этого разсказа, ни изъ позднѣйшей исторіи скифовъ. Въ этомъ прологѣ XLI вторгшіеся народы (сарауки и асіаны) и занятыя ими страны (Бактріана и Согдіана) противопоставлены другъ другу парами; этимъ намѣреннымъ параллелизмомъ хорошо, по Марквату, объясняется пропускъ тохаровъ, смыслъ же пролога тотъ, что сначала Бактріана занята была сакарауками и тохарами(?), а потомъ Согдіана — асіанами. Далѣе Маркваргъ утверждаетъ, — все бездоказательно и безъ указанія основаній, — что юечжы очистили долину Заравшана и переселились на южный берегъ Гуй-шу подъ напоромъ кангюйцевъ, выгнанныхъ (изъ своихъ земель) нападеніями хунновъ (S. 205), и что сѣверная граница Дахя еще до переселенія юечжей совпадала съ сѣверной границей позднѣйшаго Тухоло, достигая до Желѣзныхъ воротъ на югѣ отъ Кеша (S. 206). Сакарауки, обитавшіе въ западной Бактріанѣ [2]), были ки-

[1]) Именно, по его мнѣнію, изображая населеніе Дахя, какъ невоинственное и занимающееся торговлею, Чжанъ Кянь недостаточно строго отличалъ господствующее племя отъ коренного иранскаго населенія, Трогъ же строго различалъ тохаровъ отъ скифовъ (S. 202). На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ выше мною приведенныхъ по „Шы-цзи“ свѣдѣній Чжанъ Кяня о Дахя, китайскій посолъ этотъ не зналъ въ Дахя никакого иного населенія кромѣ осѣдлаго, искуснаго въ торговлѣ и имѣвшаго войска слабыя, робкія въ бояхъ, словомъ, иранскихъ туземцевъ, а потому не могъ и отличать это населеніе отъ несуществовавшаго въ странѣ Дахя „господствующаго племени“, ибо, хотя дахя'сцы уже находились въ зависимости отъ юечжей, но послѣдніе во время Чжанъ Кяня обитали не въ Дахя, лежавшей на южной сторонѣ Аму-дарьи, а на сѣверной сторонѣ этой рѣки. Что же касается Трога Помпея, то ни откуда не видно, чтобы онъ не считалъ тохаровъ въ числѣ скифскихъ народовъ; напротивъ, по всей вѣроятности, тохары имъ также причислялись къ скифскимъ племенамъ, какъ сарауки и асіаны.

[2]) По Птолемею (кн. VI, гл. XII, 4, гл. XIV, 14) сакарауки обитали на горахъ Оксійскихъ (высоты на правой сторонѣ нижняго теченія Окса); за ними, уже въ Согдіанѣ, означены у него пасики, въ смежности съ послѣдними на нижнемъ Яксартѣ—ятіи и тахоры; онъ называетъ (кн. VI, гл. XI, 6) и тохаровъ въ качествѣ большого народа въ Бактріанѣ. Землеописаніе Орозія, относящееся ко времени Агриппы († 14 г. послѣ Р. Х.) и Августа, помѣщаетъ сакарауковъ въ горахъ

тайцамъ, по мнѣнію Маркварта, совершенно незвѣстны, имя же ихъ, вѣроятно, иранскаго происхожденія. Изъ свѣдѣній Сюань Цзана о мѣстонахожденіи древняго царства Тухоло (Mémoires, t. 2, p. 247) Марквартъ заключилъ, что оно находилось въ разстояніи около I т. ли или около девяти дней пути отъ восточной границы Хотана, и что тохары жили тогда въ цвѣтущихъ городахъ, столь же рѣзко этимъ отличаясь отъ кочевниковъ юечжей, какъ различалось отъ нихъ по «Шы-цзи» населеніе Дахя. Это приводитъ къ заключенію, что переселеніе тохаровъ въ Бактріану совершилось вполнѣ особо отъ юечжей и состоялось по далеко болѣе южному пути; съ теченіемъ времени, впрочемъ, оба народа, послѣ водворенія юечжей въ Тохаристанѣ, слились между собою (S. 207). Движеніе тохаровъ и сакарауковъ въ Бактрію было, вѣроятно, слѣдствіемъ попытокъ греко-бактрійскихъ царей распространить свое владычество до серовъ и фауновъ, но коренная причина переселенія тохаровъ, вѣроятно, заключалась въ засыпаніи культурныхъ мѣстностей движущимися песками, какъ это продолжается и понынѣ (S.S. 207—208). Эллины начали выселяться изъ Бактріаны за Хиндукушъ, вѣроятно, со времени завоеваній Деметрія и Евкратида въ Индіи; въ послѣдній же разъ бактрійцы, т. е. бактрійскіе греки, упоминаются (у Юстина) въ качествѣ независимаго царства, въ 140 г. до Р. Х. (S. 207). Извѣстіе Страбона объ отнятіи у грековъ Бактріаны асіями, пасіанами, тохарами и сакараулами Маркваргъ объявляетъ неточнымъ (ungenau), потому что вмѣсто пасіановъ слѣдуетъ читать асіановъ, какъ у Трога Помпея, а также потому, что у китайскихъ историковъ нѣтъ ни малѣйшей опоры для допущенія, что тохары и сакарауки достигли земель по Оксу путемъ чрезъ страну саковъ и Согдіану (S. 206) [1]).

Партау между дахами и Парфіеною, недалеко отъ долины рѣки Атрека (см. Гутшмида Geschichte Iran's, 70). Показанія приведенныхъ двухъ географовъ не помѣшали однако Гутшмиду признать сакарауковъ за китайскихъ кангюйцевъ, безъ сомнѣнія потому, что при ненадежности географическихъ свѣдѣній временъ Орозія и Птолемея о средней Азіи полагаться на одни показанія географовъ, при неимѣніи другихъ основаній, нельзя.

[1]) Въ дополненіяхъ (Ērānšahr, 318—320) Маркваргъ старался доказать, что Дахя, гдѣ, по повелѣнію императора Хуанъ-ди (за 25 столѣтій до Р. Х.), взятъ былъ тростникъ для музыкальныхъ дудокъ или трубъ (именно въ долинѣ рѣки Ніе, на сѣверѣ отъ Jüen-jü и на западѣ отъ Да-хя), есть та самая мѣстность, которая по Сюань Цзану была древнимъ мѣстонахожденіемъ владѣнія Тухоло, потому что Jüen-jü издавна считаютъ за хребетъ, который зовется у китайцевъ Куэнь-лунь, такъ что Ніе есть, вѣроятно, Хотанъ-дарья, а Да-хя, отъ котораго она находилась на западѣ, есть Тухоло Сюань Цзана, въ 1 т. ли на востокъ отъ Хотана, подъ древнимъ своимъ именемъ Дахя. Независимо сомнительности самого извѣстія, такъ какъ въ достовѣрность китайскихъ историческихъ свѣдѣній за 25 вѣковъ до Р. Х. мало вѣрятъ сами китайцы, отожествленіе Jüen-jü съ Куэнь-лунемъ и рѣки Ніе съ Хотанъ-дарьею, есть не болѣе какъ предположеніе, а потому и связанное съ нимъ признаніе Дахя за древнее Тухоло Сюань Цзана также лишено твердыхъ основаній.

Предположеніе Маркварта о томъ, что Бактріаною, между 140 и 129 гг. до Р. Х., овладѣли тохары, не имѣющіе ничего общаго съ юечжійцами, основано главнымъ образомъ на гипотезѣ о тождествѣ Дахя и тохаровъ, которое зиждется на довольно отдаленномъ и неполномъ сходствѣ этихъ именъ и могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы гипотеза эта подтверждалась удовлетворительными данными и не находилась въ противорѣчіи съ несомнѣнными историческими извѣстіями. Между тѣмъ при внимательномъ изученіи китайскихъ извѣстій оказывается, что подъ именемъ Дахя извѣстія эти разумѣли не только страну (Бактріану) и ея населеніе (см. выше свѣдѣнія о Дахя изъ «Шы-цзи»), но употребляли выраженіе «дахяскія племена» въ обширномъ этническомъ смыслѣ. Такъ въ біографіи Чжанъ-Кяня, по переводу Wylie (J. of. A. I., vol. X, p. 69), въ докладѣ о необходимости войти въ сношенія съ усунями, Чжанъ Кянь говорилъ, что если усуни вступятъ въ связь съ Китаемъ противъ хунновъ, то «дахя'скія племена запада всѣ сами подчинятся (Китаю) въ качествѣ вассаловъ» (the Ta-hea tribes on the west may all be induced to submit themselves as vassals); затѣмъ тамъ же (p. 70) находимъ, что «послы, отправленные для сношеній съ дахя'скими племенами, почти всѣ возвратились, привезя съ собою нѣсколько уроженцевъ этихъ странъ» (the envoys who had been sent to communicate with the Ta-hea tribes, nearly all returned, bringing some of natives of these countries with them). Въ двухъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ «Шы-цзи» у Іакинфа значится «Дахя и другія владѣнія на западѣ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 13 и 15); въ переводѣ Броссэ въ первомъ изъ этихъ мѣстъ стоитъ: les Ta-hia et les autres peuples de l'ouest (p. 430), и во второмъ: Ta-hia et autres lieux, но въ переводѣ второго мѣста Boyer читаемъ: ceux que Kien avait envoyés pour visiter en messagers les peuples du genre des Ta-hia, presque tous revinrent, accompagnés de gens de ces pays (J. asiatique, 1900, t. XV, p. 539). Въ «Шы-цзи» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 22) сдѣлано и въ «Цянь-Хань-шу» повторено слѣдующее замѣчаніе, которое я привожу по Іакинфу, у котораго гдѣ переводъ кажется болѣе удачнымъ (тамъ же, стр. 61): «Отъ Давани на западъ до государства Аньси хотя есть большая разность въ нарѣчіяхъ, но языкъ весьма сходенъ, и въ разговорахъ понимаютъ другъ друга. Жители имѣютъ впалые глаза, густыя бороды, искусны въ торговлѣ, соперничаютъ въ выгодахъ». Очевидно, что этотъ языкъ могъ быть лишь иранскимъ, съ его діалектами, и что населеніе, говорившее на этомъ языкѣ, имѣвшее впалые глаза и густыя бороды и занимавшееся торговлею, было иранское, занятыя осѣдлостями котораго земли простирались отъ Давани (Ферганы) на западъ (и юго-западъ) чрезъ Заравшанъ, Аму-дарью, верховья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Хильменда, Керманъ и Фарсъ до Персидскаго залива и оттуда чрезъ Мидію и пр. на сѣв.-востокъ до Аньси-Парфіи (см. «Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3, стр. 67, примѣч., объ Угэшаньли-Хорасанѣ). Такимъ образомъ китайскіе

историки во II в. до Р. Х. терминъ «дахя'скія племена» примѣняли къ племенамъ иранскимъ. При такомъ значеніи термина «дахя» недопустимо, чтобы это имя могло быть китайской транскрипціей имени народца тохарскаго, выселившагося, по Маркварту, изъ песковъ на востокѣ отъ Хотана послѣ 140 г. до Р. Х., т. е. уже во время нахожденія Чжанъ Кіяня въ его посольствѣ, при которомъ онъ 128-й годъ провелъ за Аму-дарьей у дахя'сцевъ и первый принесъ ихъ имя въ Китай въ 126 г. до Р. Х., — недопустимо потому, что совершенно невѣроятно, чтобы нѣсколько, самое большое, сотенъ семей изъ маленькаго оазиса въ пескахъ Таримской низменности не только покорили милліонное населеніе Бактріаны, но въ какіе-нибудь пять лѣтъ или менѣе (до прихода юечжей) успѣли утвердить свое имя въ качествѣ имени населенія Бактріаны и даже настолько, что оно перенесено было китайцами на всѣ иранскія племена. Сверхъ того, и ссылка Маркварта на сказаніе Сюань Цзана, на которомъ единственно основана его гипотеза о тохарахъ, едва ли можетъ служить сколько-нибудь достаточною опорою. Вступивъ за городомъ Нижанъ (Ni-jang), находившимся въ 530 ли на востокъ отъ Хотана (Mémoires, t. 2, pp. 242 — 246, но по Histoire de la vie etc., p. p. 288 — 289, только 500 ли), въ огромную пустыню съ движущимися песками, Сюань Цзанъ достигъ, послѣ 400 ли пути, мѣста, гдѣ нѣкогда находилось древнее царство Тухоло [1]), чрезъ 600 ли далѣе прибылъ въ древнее царство Чемодона (Tche-mo-t'o-na), гдѣ еще высились стѣны города, но безъ всякихъ слѣдовъ населенія, и чрезъ 1000 ли на сѣв.-востокъ — въ древнее царство Напопо, соотвѣтствующее странѣ Леулань (Mémoires, t. 2, p. 247, Histoire de la vie etc., p. 290). Въ своихъ описаніяхъ странъ, посѣщенныхъ на пути въ Индію и обратно, Сюань Цзанъ далъ довольно подробныя свѣдѣнія о царствѣ Тухоло, несомнѣнно Тохаристанѣ, и многихъ изъ двадцати семи составлявшихъ его областей или владѣній, гдѣ, между прочимъ, сообщилъ о прошломъ этого Тухоло, что царскій его домъ угасъ уже многія сотни лѣтъ, и страна раздѣлилась на независимыя одно отъ другого владѣнія, которыя всѣ были подвластны въ его время тюркамъ; изъ свѣдѣній о населеніи страны можно заключить, что оно несомнѣнно было главнымъ образомъ иранское (Mémoires etc., t. I, pp. 23 — 24). Такъ какъ Сюань-Цзанъ не говоритъ ни слова и не дѣлаетъ никакого намека на то, что древнее Тухоло въ сыпучихъ пескахъ на бывшихъ низовьяхъ р. Кара-мурана (такъ, повидимому, приходится по разстоянію въ 930 ли отъ Хотана) было первоначальнымъ мѣстонахожденіемъ аму-дарьинскаго Тухоло-Тохаристана, то ничто въ его Mémoires etc. не дѣлаетъ необходимымъ ставить эти два Тухоло въ какую-

[1]) Après avoir fait environ quatre cents li, il arriva dans l'ancien royaume de Tou-ho-lo (Toukhâra). Depuis longtemps ce royaume est dépeuplé; toutes les villes n'offrent qu'une surface inculte et sauvage.

либо между собою связь, ибо сходство имени могло быть случайностью. По мнѣнію Свенъ Хедина, «наименованіе *Ту-хо-ло* безъ сомнѣнія тождественно съ именемъ *Такла*... Открытыя мною мѣста,—продолжаетъ онъ,—которыя, какъ и вся пустыня, называются туземцами Такла-маканъ, навѣрно, принадлежали къ древнему царству Тухоло. Наконецъ, небольшое селеніе Такла около Хотана, куда жители древнихъ городовъ переселялись, когда песокъ началъ надвигаться, напоминаетъ, по крайней мѣрѣ своимъ названіемъ, о нѣкогда мощномъ народѣ, который, согласно Клапроту и В. де С. Мартену, былъ тибетскаго происхожденія» («Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, В. Туркестанъ». Путешествіе Свена Гедина, пер. Ганзена, т. 2, Спб., 1899 г., стр. 84). Обращеніе имени Тохаръ, Тогаръ въ Такла, вопреки Свену Хедину, весьма сомнительно въ устахъ туземцевъ, составившихся изъ смѣшенія племенъ тибетской, иранской, тюркской, главнымъ образомъ, народностей, съ небольшою примѣсью индусовъ и китайцевъ. Вѣрнѣе было бы допустить, что именемъ поглощеннаго песками владѣнія, города или мѣстности было именно Такла, которое довольно близко къ Тухоло, особенно для китайца, почему, слыша это имя на мѣстѣ отъ своихъ хотанскихъ проводниковъ, Сюань Цзанъ изобразилъ его въ видѣ Тухоло, хотя и воздержался отъ признанія песчаной пустыни за первоначальную родину народа Тухоло-Тохаристана или его царскаго дома. Увлекаясь, тоже вѣроятно случайнымъ, сходствомъ имени Напопо съ какимъ-то народцемъ Нараеі Плинія, В. В. Григорьевъ не только видѣлъ въ Тухоло таримскихъ песковъ тухаровъ, которые «двинулись отсюда на западъ и, перейдя черезъ Памиръ, осѣли въ Бактріанѣ», но утверждалъ: «Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что край былъ извѣстенъ ему (Сюань-Цзану) по источникамъ, о которыхъ мы или не знаемъ еще, или которые до насъ не дошли. Доказательствомъ этому служатъ, какъ упоминаніе его о пребываніи Тохаровъ въ Вост. Туркестанѣ, такъ и названія Чжемодона и Набобо, которыя даетъ онъ какимъ-то владѣніямъ, т.-е. народамъ, жившимъ нѣкогда въ предѣлахъ земель, бывшихъ извѣстными китайцамъ въ его время подъ именами Цзюймо (Нѣмо) и Шаньшань (Леулань) — названія, ни въ какихъ другихъ извѣстныхъ китайскихъ источникахъ не встрѣчающіяся». («Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Кит. Туркестанъ». Перевелъ и дополнилъ В. В. Григорьевъ, Спб., 1873 г., вып. 2, стр. 162 и 163). Несомнѣнно, что Сюань Цзанъ былъ очень свѣдущъ въ буддійской религіозной литературѣ, но столь же вѣрно, что ни съ исторіею посѣщенныхъ имъ странъ помимо буддійскихъ легендъ, ни даже съ отдѣлами китайскихъ династійныхъ исторій о западныхъ странахъ знакомъ онъ основательно не былъ, какъ ясно изъ дошедшаго до насъ его сочиненія. Такъ, напр., онъ совершенно ничего не знаетъ о томъ, что Тухоло-Тохаристанъ занималъ земли страны Дахя, подвластной при дин. Хань юечжійцамъ. Поэтому помѣщеніе древняго Напопо въ страну Леулань, именовавшуюся при первоначальномъ ознакомленіи

Китая во время дин. Хань этимъ именемъ, замѣненнымъ вскорѣ при той же династіи именемъ Шаньшань («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 42), принадлежитъ, вѣроятно, не самому Сюань Цзану, а назначеннымъ правительствомъ офиціальнымъ редакторамъ его «Записокъ» о западныхъ странахъ.

По мнѣнію Гренара, il est probable que le voyageur a lu ou entendu dire que les Tokhares étaient venu du pays à l'est du Khotan et qu'ils n'existaient plus dans leur patrie d'origine; en traversant le désert, de son temps completement inhabité, qui sépare Nia du Lob nor, désert où la tradition voulait qu'il y ait eu autrefois plusieurs cités, depuis disparues, il a supposé gratuitement qu'une d'entre elles avait été la patrie des Tokhares (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, deuxième partie, Paris, 1898, p. 27, note 2). Я, однако, предпочитаю объяснить Тухоло у Сюань Цзана въ 930 ли на востокъ отъ Хотана транскрипціею имени *Такла* или слышаннаго имъ отъ хотанскихъ провожатыхъ или отъ населенія ближайшихъ обитаемыхъ мѣстъ имени *тогар*'овъ, какъ именовалось, вѣроятно, уже и тогда населеніе В. Туркестана тибетцами, а, можетъ-быть, и имъ самимъ [1]).

Извѣстіе Страбона о томъ, что асіи (они же асіаны и пасіаны), тохары и сакараулы, отнявшіе у грековъ Бактріану (съ входившей въ составъ греко-бактрійскаго царства Согдіаной), прибыли изъ-за Яксарта, разрушаетъ гипотезу Маркварта о тохарахъ, переселившихся изъ таримскихъ песковъ болѣе южнымъ путемъ, чѣмъ юечжы, и о сакараукахъ-иранцахъ, имя которыхъ оказывается у Страбона совершенно тюркскимъ въ формѣ сакарауловъ, но все это не даетъ права отвергать свѣдѣнія весьма свѣдущаго и сознательно примѣнявшаго къ своимъ источникамъ и предшественникамъ критическій методъ научнаго изслѣдованія писателя, только по противорѣчію съ гипотезами, опирающимися лишь на произвольныя толкованія сохранившихся въ совершенно извращенномъ видѣ двухъ отрывковъ прологовъ Трога Помпея.

Изъ числа изслѣдователей, признававшихъ тохаровъ за особый отъ юечжей народъ, будетъ не лишнимъ привести мнѣніе Вивіенъ де-Сенъ-Мартена: Quant aux Tokhares, leur nom paraît devoir s'appliquer à des peuples montagnards sortis des hautes vallées qui couvrent la Transoxane à l'est, et non à des hordes venues avec les autres Scythes des steppes du Yaxartès et de l'Aral (Etudes de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, p. 253). Основанія заключались въ томъ, что а) toukhâra по-санскритски означаетъ снѣгъ, и это имя издревле примѣнялось индусами, какъ видно изъ ихъ древнихъ поэмъ,

[1]) Въ книгѣ Миньчжула Хутукты, умершаго въ 1839 г., значится между прочимъ, что рѣка Сита (Яркендъ-дарья) „впадаетъ въ Соленое озеро (т. е. въ Лобъ-Норъ) въ *тогарскои* странѣ Турфань“ („Географія Тибета. Переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ-Хутукты В. Васильева“, Спб., 1895 г., стр. 5).

къ обитателямъ страны верховій Окса и Инда, и б) существовало имя Тохаристана для страны между Балхомъ и истоками Окса, и имя тахаровъ упомянуто у Плинія, Діонисія Періегета, Птолемея и Амміана Марцеллина (тамъ же, pp. 253 — 254). Но а) уже во время Вивіенъ де-С.-Мартена было выяснено, что Махабарата въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, содержитъ вставки новаго происхожденія (тамъ же, p. 328, note 1), а потому упоминанія въ Махабаратѣ тухаровъ могли попасть туда не только послѣ завоеваній тохаровъ-юечжей-кушановъ въ Индіи, но и много позднѣе; б) нѣтъ никакихъ указаній на существованіе имени Тохаристанъ ранѣе завоеванія Бактріаны юечжами, упоминанія же у Плинія и другихъ названныхъ авторовъ слишкомъ неопредѣленны и смутны и притомъ исходятъ отъ писателей, жившихъ уже много позже завоеванія Бактріаны юечжами и имѣвшихъ кое-какія свѣдѣнія, подъ именемъ тохаровъ, вѣроятно объ юечжійцахъ, властвовавшихъ въ ихъ время въ Бактріанѣ. Тотъ же Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ отвергалъ отождествленіе Да-ся китайцевъ съ Бактріаною; Да-ся, по его мнѣнію, суть Dahae классическихъ писателей «на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, на югѣ отъ древняго устья Окса, тамъ, гдѣ восточные географы помѣщали также свой Дахистанъ, котораго имя сохранилось до насъ въ имени Taka, которое носитъ еще понынѣ одно изъ значительнѣйшихъ племенъ этой страны», упоминаемое Бернсомъ въ описаніи его путешествія въ Бухару и пр.; «притомъ же и Чжанъ Кянь высказывалъ ясно, что дахя'сцы находились отъ Шень-ту, т.-е. отъ странъ Синда, въ нѣсколькихъ тысячахъ ли на сѣв.-западъ, и сколь это указаніе ни неопредѣленно, все же оно уводитъ насъ за Бактріану, которой восточная граница была лишь въ сотнѣ лье отъ Инда» (тамъ же, p. 267, т. 2). Однако у Бернса имя извѣстнаго племени туркменовъ читается не така, а теке (по Vambery, Das Türkenvolk, 1885, S. 395, Tekke bedeutet Steinbock), что отъ Dahae очень далеко. Чжанъ Кянь самъ въ Индіи не былъ, а такъ какъ разстоянія китайцы считаютъ между столицами, то нѣсколько тысячъ ли отъ Балха до какой-нибудь столицы Индіи на Гангѣ или Джумнѣ окажется разстояніемъ вѣрнымъ. Такъ какъ по Чжанъ Кяню Аньси, т.-е. парфянское царство, граничило на сѣверѣ съ Лиганью, въ которой Гутшмидъ не безъ основанія узналъ Гирканію (Geschichte Iran's, S. 66), и Яньцаемъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 7, и Brosset, p. 425), т.-е. съ аланскими землями, а не съ Дахя и не съ юечжами, то ни Дахя, ни юечжы не находились на восточномъ берегу Каспія. Также склонявшійся къ отождествленію Да-ся съ Dahae В. В. Григорьевъ предпочиталъ Страбону Арріана, по которому будто бы даи помѣщались въ Согдіанѣ и Бактріанѣ («Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867, стр. 782, и «Изслѣдованіе о сакахъ» въ «Трудахъ В. О. И. Р. Археол. Общ.», ч. 16, 1872 г., стр. 149), но изъ его же статьи «Походы Александра Великаго въ Западный Туркестанъ» («Журналъ М. Нар. Пр.»,

1881 г., сентябрь, стр. 38) видно, что въ томъ мѣстѣ Арріана, на которое онъ ссылался, говорится о даяхъ, пришедшихъ съ береговъ Танаиса, т.-е. Яксарта, разумѣется, съ низовьевъ.

Гутшмидъ, отвергавшій (какъ и Марквартъ, Eranšahr, 204, примѣч. 5) тождество Да-хя съ Dahae (Geschichte Iran's, 62, пр. 2), считалъ дахя именемъ нарицательнымъ (ein Appellativum), можетъ быть зендскимъ dahyu — земля, страна (тамъ же, 64). Я думаю, что Гутшмидъ стоялъ въ принципѣ на правильномъ пути, но, конечно, искомое нарицательное имя едва ли могло быть зендскимъ словомъ, значащимъ земля или страна, къ обращенію котораго въ собственное имя народа и страны не указывается никакихъ основаній. Разгадка, кажется мнѣ, заключается въ словѣ *даха*, сохранявшемся до недавняго времени у горныхъ иранцевъ, отчасти же въ долинѣ Заравшана. Это слово даха въ «Матеріалахъ для статистики Туркестанскаго края» (вып. 2, Спб., 1873, стр. 567) объясняется, какъ «отдѣлъ амлякства, соотвѣтствующій волости». Такъ въ сугутскомъ (древній Сугудъ, Согдъ) участкѣ состояло «25 дахъ», въ которыхъ управляли «амини или даха-аксакалы», т.-е. «наши волостные старшины» (тамъ же, стр. 95); также на «даги» (это, конечно, только иная транскрипція даха), дѣлился ягнобскій участокъ, но остальные три участка (тюменя) Когистана, т.-е. нагорья, дѣлились на «сада»; эти три тюменя имѣютъ населеніе значительно каждый большее, чѣмъ Ягнобъ (тамъ же, стр. 80). Также на сада дѣлился Ваханъ: Wakhan formerly contained three «sads» or hundred (i. e. districts), containing 100 houses each (Trotter въ Forsyth's Report of a Mission to Yarkund in 1873, Calcutta, 1875, p. 275). Въ Тарихи-Рашиди встрѣчается именованіе областей или округовъ въ верховьяхъ Аму-дарьи хезареджатомъ, а каждаго округа въ отдѣльности *хезаре* (The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammed - Haidar, transl. by E. Denison Ross, 1895, London, p. 353), «тысяча». Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что у иранскаго населенія Заравшана и Аму-дарьи существовало административное и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, податное и земельное дѣленіе на десятки (отъ dah, 10, на минджанскомъ діалектѣ и теперь, по Шау, см. И. Минаева «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», Спб., 1879 г., стр. 211), сотни и тысячи, даха, сада и хезаре. Начальною, основною общинною единицею была, очевидно, даха, десятокъ. Примемъ теперь въ соображеніе, что отличительною чертою политико-общественнаго положенія населенія древней Бактріаны было, по Чжанъ-Кіяню, отсутствіе общаго государя, главы, правительства, такъ что «почти каждый городъ ставляетъ своего правителя», какъ значится въ «Шы-цзи» по переводу Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 8); das Volk besitzt keine Oberfürsten, sondern ab und zu setzten die Städte geringere Häupter ein — переводитъ профессъ. de Groot (Eranšahr etc., 201); les Ta-hia n'avaient pas un

souverain ou un magistrat principal; chaque ville, chaque bourgade était gouvernée par son magistrat — стоитъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ «Цань-Хань-шу» по Шпехту (Journal asiatique, 1883, t. II, pp. 322—323). Владычество грековъ-чужеземцевъ въ иранскихъ земляхъ опиралось главнымъ образомъ на военныя силы и централизацію. Когда это владычество чужеземцевъ рушилось, не только въ восточныхъ иранскихъ странахъ, какъ Согдіана и Бактріана, но и у западныхъ иранцевъ усиленно проявилось стремленіе къ децентрализаціи, къ обособленію на возможно болѣе мелкія, но самостоятельныя общинно-территоріальныя дѣленія. Парфянамъ удалось, правда, объединить земли западныхъ иранцевъ, но они вынуждены были допустить существованіе многихъ мелкихъ царствъ, признававшихъ верховную власть арзакидскаго царя царей, съ значительной однако самостоятельностью во внутреннихъ дѣлахъ. У мусульманскихъ писателей періодъ арзакидовъ назывался временемъ «мулуки теваифъ», т.-е. родовыхъ или племенныхъ царей, происхожденіе которыхъ объяснялось тѣмъ, что будто бы, по совѣту Аристотеля, Александръ Македонскій раздѣлилъ Иранъ и Аравію на множество мелкихъ и независимыхъ другъ отъ друга царствъ, дабы лишить народы этихъ странъ возможности объединенія съ цѣлью отмстить Руму за завоеваніе Ирана (Modjmel al-Tevarikh въ Journal asiatique, 1841, t. XI, p. 431; Le livre de la création et de l'histoire, de Motahhar ben Tahir al-Maqdist, trad. par Cl. Huart, Paris, 1903, t. III, p. 158, и др). Еще при завоеваніи Согдіаны и Бактріаны Александромъ Македонскимъ положено было начало уничтоженію мѣстной туземной аристократіи, гнѣздившейся въ трудно доступныхъ крѣпостяхъ, овладѣніе которыми отняло у Александра много времени и потребовало большихъ хлопотъ. Вѣроятно, во время дальнѣйшаго греческаго владычества эта опасная для греческихъ царей туземная аристократія была истреблена, такъ что во время удаленія послѣднихъ грековъ изъ Бактріаны у ея населенія не осталось иной организаціи кромѣ даха и сада, ибо находившееся, вѣроятно, въ рукахъ самихъ грековъ управленіе округами (хезаре) и городами едва стало населеніемъ устраиваться по уходѣ грековъ, какъ нагрянули юечжы. Такъ какъ въ 129—128 г. г. до Р. Х. царь юечжей, вѣроятно съ большею частью своего народа, обиталъ на сѣверной сторонѣ Окса, то надо полагать, что юечжи довольствовались отъ иранскаго населенія Бактріаны данью, оставивъ внутреннее управленіе его въ прежнемъ положеніи, т.-е. въ основѣ этого управленія продолжали оставаться даха, сада и хезаре, главы или старшины которыхъ «поставлялись» самимъ населеніемъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно, что осѣдлое населеніе подчиненной юечжійцамъ Бактріаны и занимаемая имъ страна получили отъ юечжійцевъ или иныхъ сосѣдей имя даха отъ слова, которымъ именовалась начальная и основная единица ихъ административно-податной и поземельной общинной организаціи. Могло бы также иранское населеніе Бак-

тріаны получить имя даха въ видѣ транскрипціи именованія *дихканъ*, значащаго селянинъ, земледѣлецъ, а также землевладѣлецъ, дворянинъ и т. д. (см. объ этомъ словѣ Le Livre des rois, par Firdousi, trad. par Jules Mohl, t. I, Paris, 1838, Préface, p. VIII, Geschichte der Perser und Araber aus Tabari, von Nöldeke, 1879, S. 440, и др.), какъ зовутся потомки древняго иранскаго населенія въ бассейнѣ Пенджкоры, въ Лемганѣ и пр. въ нынѣшнихъ авганскихъ земляхъ (В. В. Григорьевъ «Кабулистанъ и Кафиристанъ», Спб., 1867 г., стр. 633 и 634), но даха для китайской транскрипціи да-хя несомнѣнно болѣе близко.

По завѣренію Потье, первый знакъ имени юе-чжи значитъ по-китайски луна, второй же — племя, раса, такъ что имя юечжи означаетъ лунная раса, la race lunaire (Journal asiatique, 1839, t. VIII, p. 265). По Клапроту, второй знакъ этого имени у китайскихъ историковъ «очень часто» изображался знакомъ, произносимымъ *ти*, а потому полное имя народа этого есть *да-юе-ти*, что соотвѣтствуетъ имени *массагет*'овъ, т.-е. великихъ готовъ, арійцевъ, а не тибетцевъ, какъ онъ въ началѣ той же книги ошибочно полагалъ (Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 288). По словамъ проф. В. П. Васильева, знакъ *юе*, по мнѣнію нѣкоторыхъ китайскихъ ученыхъ, слѣдуетъ читать *жоу*, да сверхъ того тотъ же знакъ сходенъ съ знаками, читаемыми *мао* и *чжоу*; онъ же замѣчалъ, что имя юечжи напоминаетъ названіе рѣки Эчжинэ («Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азіатскимъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., сент., стр. 114). Kingsmill полагалъ, что истинное древнее имя юе-ти было vidhal (Journal of R. Asiatic Society, 1878, vol. X, p. 291); Terrien de La Couperie (Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres pendant l'année 1889, t. XVII, Paris, 1890, pp. 343—344) думалъ, что во время династіи Хань имя это произносилось gwet-ti; проф. Шлегель признавалъ древнимъ произношеніемъ get-ti (Marquart's Erānšahr, 1901, 206); синологи эти основывались на произношеніи знаковъ въ нынѣшнихъ южныхъ китайскихъ діалектахъ, но это пока лишь сомнительное предположеніе, которое въ примѣненіи къ практикѣ слишкомъ часто не оправдывалось. Также полагающій, что древнее произношеніе знака юе было get, Биль утверждаетъ въ то же время, что въ китайскомъ переводѣ одной буддійской сутры чрезъ юечжи переведено имя народа vrijjis или vajjans, иначе lichchhavis или litsabyis, обитавшаго во времена Будды въ странѣ Vaisâli и являвшагося, повидимому, народомъ пришлымъ, чужеземнымъ; чтобы объяснить, какимъ образомъ юечжы находились въ Индіи уже во времена Будды, Биль предполагалъ, что во время Кира или Дарія, когда юечжи-массагеты ушли въ Китай, часть ихъ направилась въ Индію (J. of. R. Asiatic Society, 1884, vol. XVI, pp. 254—257).

Такъ какъ въ «Хэу-Хань-шу», по удостовѣренію Шпехта (Journal asiatique, 1883, t. II, p. 320), выяснено, что второй знакъ въ имени

юечжи долженъ произноситься чжы (tchi), то, въ виду бо́льшей древности и авторитетности этой исторіи младшей династіи Хань, сравнительно съ позднѣйшими компиляторами, на которыхъ основано чтеніе Клапрота, слѣдуетъ произносить имя народа, покорившаго Дахя, юечжы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что имя это есть китайская транскрипція имени главной рѣки страны у подножій Наньшаня, которую занимали до нападеній хунновъ юечжы, рѣки, около которой находилось стойбище ихъ царя, а также китайскій городъ Чжаову, построенный по завоеваніи страны этой отъ хунновъ Китаемъ, т.-е. рѣки Ецзинъ или Эчжинъ, какъ она называется и понынѣ. Я полагаю, что имѣются достаточныя данныя, чтобы считать юечжей племенемъ тибетскимъ, но къ какой бы группѣ народностей они ни принадлежали, юечжы легко могли получить отъ сосѣдей имя по мѣстности или рѣкѣ, на которой обитали, и сдѣлаться извѣстными китайцамъ подъ этимъ именемъ. Кореннымъ именемъ юечжей однако, вѣроятно, было имя тохаровъ, потому что имя тохаровъ и Тохаристана появилось на Аму-дарьѣ только послѣ появленія на ней юечжей; въ такомъ случаѣ, въ виду сохранившагося до настоящаго времени у тибетцевъ именованія тогарами населенія таримской низменности, приходится допустить, что юечжы были лишь самой восточной частью тохаровъ. Во всякомъ случаѣ, занимая средину между тюркскими племенами на сѣверѣ и тибетцами на югѣ, тохары должны бы имѣть болѣе или менѣе значительную примѣсь тюркской крови, тогда какъ въ занимавшей болѣе западное положеніе части тохарскаго народа, т.-е. въ населеніи нынѣшняго Вост. Туркестана, присоединилась и примѣсь иранцевъ съ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи.

в) Свѣдѣнія объ юечжахъ на Аму-дарьѣ.

Свѣдѣнія объ юечжахъ послѣ поѣздки къ нимъ Чжанъ Кяня, т.-е. позже 128 г. до Р. Х., должны заключаться въ исторіи Старшихъ Ханей до 25 г. послѣ Р. Х., когда династія эта замѣнилась династіею Младшихъ Ханей. Дѣйствительно, въ «Цянь-Хань-шу» есть особая статья «Большой Юечжы». Въ статьѣ этой,—содержанія которой я уже частью касался («Р. Антропол. Журналъ», 1900 г., № 4, стр. 6 и слѣд.), указавъ имѣвшіеся переводы, къ которымъ потомъ прибавился переводъ проф. de Groot въ Erānšahr Маркварта, 1901 г., S. S. 201—202,— помѣщены свѣдѣнія не только о самихъ юечжы, но и о входящей въ составъ ихъ царства странѣ Дахя. Въ ней излагаются, нѣсколько короче, тѣ же свѣдѣнія, какія даны по Чжанъ Кяню въ «Шы-цзи», но есть существенныя добавленія: «Правленіе государства, называемаго Большимъ Юечжы, находится въ городѣ Гяньши» (у Wylie, p. 40, Keen-she, у Шпехта, p. 321, Kien-chi). Царство Б. Юечжы «на югѣ смежно съ Гибинію. Почва, климатъ, вещи, обычаи народа и монета одинаковы съ аньсискими. Находятся одногорбые верблюды. Боль-

шой Юечжы собственно есть кочевое государство (по переводу Шпехта, p. 321, originairement les Youe-tchi étaient nomades). Жители съ своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хуннами». Далѣе соотвѣтственныя «Шы-цзи» краткія свѣдѣнія о столкновеніяхъ съ хуннами и уходѣ на западъ, гдѣ Юечжы «напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе; столицу основалъ по сѣверную сторону рѣки Гуй-шуй. Остальные роды (юечжей), которые по малосилію не въ состояніи были слѣдовать (на западъ съ главною массою народа), засѣли въ южныхъ горахъ (въ Наньшанѣ?) и тангутами (въ подлинникѣ должно быть, какъ у западно-европейскихъ переводчиковъ, «кянами») названы Малымъ Юечжы. Дахя собственно не имѣетъ верховнаго государя, а каждый городъ поставляетъ своего владѣтеля. Народъ слабъ и боится войны, почему и покоренъ нашедшими юечжысцами (тутъ у Wylie, p. 41, добавлено and they (дахя'сцы) presented a united petition to the Chinese envoy, вмѣсто чего у de Groot'a: Alle werden sie mit Befehlen von der Han-dynastie versehen, съ замѣчаніемъ, что эта фраза въ переводѣ Шпехта пропущена, S. 202). Находятся пять Хи-хэу, *которые доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы* (далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ хихэу съ указаніемъ ихъ резиденцій и разстояній отъ мѣстопребыванія намѣстника и отъ китайской пограничной крѣпости Янъ-гуань, въ заключеніе же сказано:) Сіи пять владѣтелей (у Wylie Heih-hows) состоятъ въ зависимости отъ Большого Юечжы» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 54—56). Подчеркнутой фразы нѣтъ въ переводахъ Wylie, Шпехта и de Groot'a.

Утверждая, что вѣренъ переводъ Шпехта, по которому юечжы первоначально «были кочевниками», переводъ же Wylie — are a wandering nation — неправиленъ, Бойе полагаетъ, что изъ сличенія свѣдѣній «Шы-цзи», законченной въ 91 г. до Р. Х., и «Цянь-Хань-шу», данныя которой имѣютъ въ виду болѣе позднее время, слѣдуетъ заключить, что положеніе юечжей существенно измѣнилось: они уже не кочевники; они занимаютъ теперь города страны Дахя и ихъ кланы раздѣлили между собою ея территорію; царь юечжей пребывалъ прежде на сѣверѣ отъ Окса, теперь столицею юечжей сдѣлалась столица страны Дахя; прежде у юечжей былъ одинъ глава, теперь они раздѣлены на пять княжествъ; прежде на югѣ отъ нихъ находилась Дахя, теперь — Гибинь (Journal asiatique, 1900, t. XV, p. p. 541—542). Мнѣніе это, которое частью высказывалъ уже Шпехтъ (Journal asiatique, 1883, t. II, p. 348), нельзя признать основательнымъ. Хотя и проф. de Groot далъ переводъ, сходный съ переводомъ Шпехта (ursprünglich Waren die Grossen Jueh-ši ein nomadisches Volk), но согласнымъ переводамъ двухъ столь свѣдущихъ синологовъ, какъ Іакинфъ и Wylie,— имѣвшихъ возможность во время долгаго пребыванія въ Китаѣ пользоваться помощью китайскихъ ученыхъ для выясненія точнаго значенія трудныхъ мѣстъ китайскихъ подлинниковъ,—должно быть отдано предпочтеніе, тѣмъ

болѣе, что изъ всего содержанія статьи «Цянь-Хань-шу» ясно, что юечжи не только были во время Чжанъ Кяня, но и остались при династіи Хань кочевниками. Во-первыхъ, совершенно невѣрно утвержденіе Бойе о томъ, что столицею юечжей сдѣлалась столица страны Дахя: столица Дахя при Чжанъ Кянѣ находилась въ городѣ Ланьши, столицею же юечжей «Цянь-Хань-шу» называетъ городъ Кяньши (такъ во всѣхъ переводахъ), который долженъ былъ находиться на сѣверѣ отъ Окса, ибо въ «Цянь-Хань-шу» сказано ниже, что Юечжы, послѣ покоренія Дахя, «столицу основалъ по сѣверную сторону рѣки Гуй-шуй», изъ чего ясно, что столица или «правленіе государства», городъ Гяньши, находилась на сѣверѣ отъ Аму-дарьи. По отсутствію на сѣверномъ берегу Аму-дарьи лѣтнихъ пастбищъ и въ виду умолчанія «Цянь-Хань-шу» о нахожденіи долины Кашка-дарьи въ числѣ подвластныхъ Кангюю вассальныхъ владѣній, слѣдуетъ полагать, что долина эта занята была юечжійцами, и верхняя ея часть, а равно удобныя мѣста Гиссарскаго хребта служили для юечжей лѣтними пастбищами, почему мѣстопребываніе юечжійскаго царя должно было находиться въ долинѣ Кашка-су, и городъ Гяньши соотвѣтствуетъ Кешу или Карши [1]). Неосновательны также увѣренія о занятіи юечжами городовъ страны Дахя и о раздѣленіи между родами юечжей территоріи этой страны, а равно о раздѣленіи юечжей и ихъ земель на пять княжествъ, потому что ничего подобнаго въ «Цянь-Хань-шу» нѣтъ. Всѣ переводы согласны въ свѣдѣніи о существованіи пяти хи-хэу и о нахожденіи ихъ въ зависимости отъ Большого Юечжы, т.-е. конечно отъ юечжійскаго государя. Разногласіе переводчиковъ относительно труднаго мѣста китайскаго подлинника, которое Шпехтъ совсѣмъ пропустилъ, а Іакинфъ передалъ въ значеніи: «доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы», должно быть рѣшено въ пользу вѣрности перевода Іакинфа, потому что какъ передача его у Wylie, такъ и переводъ de Groot'a, очевидно, невѣроятны: дахясцы не могли ни обращаться къ какому-либо китайскому посланнику съ какой-либо общей просьбой политическаго содержанія, достойной занесенія въ лѣтописи, послѣ покоренія ихъ юечжійцами, ни исполнять «всѣ повелѣнія» китайскаго правительства, потому что ничего такого не допустили бы покорившіе ихъ юечжійцы. Напротивъ, снабженіе китайскихъ посольствъ съѣстными припасами, проводниками и пр., по просьбамъ ихъ о томъ, со стороны управлявшихъ пограничными округами юечжійскихъ князей, вполнѣ естественно и вѣроятно, такъ что и составители статьи «Цянь-Хань-шу» свѣдѣніи свои объ этихъ хи-хэу, вѣроятно, получили изъ отчетовъ посольствъ. Что это были именно правители пограничныхъ округовъ, чрезъ которые китайскія посольства вступали въ подвластную юечжамъ страну, это подтверждается и

[1]) Подробности по этому предмету, къ которому еще возвращусь, будутъ изложены ниже.

пріуроченіями, которыя возможно имъ сдѣлать при помощи свѣдѣній, содержащихся въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу», на основаніи которыхъ округа эти или княжества хи-хэу соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ Каратегину, Хиссару, бассейну Кашка-дарьи, Баміану и Кабулу, какъ уже выяснено мною («Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3, стр. 6—14, и 1902 г. № 3, стр. 78, 80 и 81) и будетъ еще дополнено ниже. Всѣ пять хи-хэу оказываются находившимися на сѣверной и южной границахъ; но нельзя сомнѣваться, что существовали пограничные хи-хэу и на западѣ, на границахъ съ парфянами, которые, надо полагать, почему-либо остались неупомянутыми у составителей «Цянь-Хань-шу».

Что касается показанія у юечжей смежности на югѣ съ Гибинью, тогда какъ по Чжанъ Кяню на югѣ лежала Дахя, то въ виду недавняго покоренія дахясцевъ юечжами Чжанъ Кянь описывалъ юечжей и Дахя отдѣльно; напротивъ, въ «Цянь-Хань-шу» описано одно государство «Б. Юечжы», и Дахя является въ составѣ этого государства лишь покореннымъ населеніемъ, а потому границею Б. Юечжы показана на югѣ Гибинь, занимавшая нижнюю и среднюю части бассейна Кабулъ-дарьи, на западѣ же— Аньси, т.-е. парфянское царство. Такъ какъ описаніе имѣетъ въ виду государство Б. Юечжы во всемъ составѣ его территоріи и населенія, то показаніе одинаковости съ аньсійскими вещей и обычаевъ народа должно быть относимо къ большинству населенія, т.-е. къ милліону дахясцевъ (или иранцевъ, какъ населеніе Аньси), объ обычаяхъ же самихъ юечжей численность которыхъ означена лишь въ 400 т. душъ (такъ что милліонъ дахясцевъ-иранцевъ, значившійся у Чжанъ Кяня, очевидно, въ эту цифру не могъ входить), говорится ниже, что это кочевой народъ, сходный въ обычаяхъ съ хуннами.

Итакъ, измѣненіе въ положеніи юечжей противъ времени Чжанъ Кяня по свѣдѣніямъ »Цянь-Хань-шу», относящимся слѣдовательно ко времени между 128 г. до Р. Х. и 25 г. послѣ Р. Х., сводится лишь къ тому, что опредѣлилась точнѣе столица юечжей въ г. Гяньши, на сѣверной сторонѣ Аму-дарьи, какъ при Чжанъ-Кянѣ, и къ появленію пограничныхъ юечжійскихъ правителей или хи-хэу. Послѣднее обстоятельство легко объясняется необходимостью для юечжей, кочевавшихъ на сѣверѣ отъ Окса, защищать населеніе покоренной Дахя-Бактріаны и занимаемыя имъ земли на южной сторонѣ Аму-дарьи отъ вторженій и нападеній сосѣдей, въ особенности парфянъ, царь которыхъ Артабанъ умеръ около 123 г. до Р. Х. отъ раны, полученной въ войнѣ съ тохарами. Вслѣдствіе этого на границы, въ потребныя мѣстности, были, вѣроятно, помѣщены юечжійскіе роды съ ихъ старшинами, съ подчиненіемъ послѣднимъ мѣстныхъ иранцевъ и съ отводомъ изъ ихъ земель необходимыхъ для юечжійскихъ воиновъ и ихъ семействъ кочевокъ. Этихъ-то старшинъ китайцы именовали князьями, хи-хэу.

Б. ЮЕЧЖИ-КУШАНЫ.

Въ статьѣ «Большой Юечжы» исторіи второй или младшей династіи Хань,—которая должна заключать въ себѣ, какъ принято для всѣхъ династійныхъ исторій, историческія свѣдѣнія лишь за свое время, т.-е. съ 25 до 220 г. послѣ Р. Х.,—содержится слѣдующее (по переводу Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 118 и 119; ср. переводъ Шпехта въ J. asiatique, 1883, t. II, p. 324): «Владѣтель Большаго Юечжы имѣетъ пребываніе въ городѣ Ланьшы. Отселѣ на западъ до Аньси 49 дней пути; на востокъ до мѣстопребыванія правителя (китайскихъ владѣній въ Таримскомъ бассейнѣ) 6.537, до Лояна (столица Китая) 16.370 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 100.000 семействъ, 400.000 душъ; строеваго войска около 100.000 человѣкъ. Когда Домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на пять княжескихъ Домовъ: Хюми, Шуанми, Гуйшуанъ, Хисѣ (у Шпехта Hi-thun) и Думи. По прошествіи съ небольшимъ ста лѣтъ, гуйшуанскій князь Кіоцзюкю покорилъ прочихъ четырехъ князей и объявилъ себя государемъ подъ названіемъ гуйшуанскаго. Онъ началъ воевать съ Аньси, покорилъ Гаофу, уничтожилъ Пуду и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ. Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ. По смерти его сынъ Яньгаочжень получилъ престолъ и еще покорилъ Индію, управленіе которой вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ. Съ сего времени Юечжы сдѣлался сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ Домомъ. Сосѣднія государства называли его гуйшуанскимъ государемъ, но китайскій дворъ удержалъ прежнее ему названіе: Большой Юечжы». Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи владѣнія Гаофу, лежавшаго отъ Б. Юечжы на юго-западѣ и считавшагося большимъ государствомъ, въ которомъ «обыкновенія сходны съ индійскими, жители слабы и покореніе ихъ незатруднительно», «искусны въ торговлѣ и богаты», говорится: «Владѣніе Гаофу поперемѣнно находилось подъ зависимостью другихъ. Его покоряли: Индія, Гибинь и Аньси, когда усиливались, а когда ослабѣвали, то теряли, но никогда еще оно не было подъ зависимостью Большаго Юечжы. Исторія Старшаго Дома Хань увѣряетъ, что Гаофу находилось подъ зависимостью пяти юечжыскихъ князей. Это несправедливо. Оно было подъ зависимостью Аньси, а Юечжы пріобрѣлъ Гаофу съ покореніемъ Аньси».

Число дней пути до Аньси и свѣдѣнія о численности населенія повторяютъ сказанное въ «Цянь-Хань-шу» и, вѣроятно, оттуда заимствованы, причемъ составители «Хэу-Хань-шу» (въ частности отдѣлъ о западныхъ странахъ, по словамъ проф. Хирта, см. China and the Roman Orient, Shangai, 1885, p. 7, написанъ ученымъ Chih) упустили изъ вида, что цифры населенія относились въ исторіи Старшихъ Ханей только къ самимъ юечжійцамъ. Я уже высказывался (см. «Р. А. Ж.», 1900 г. № 4, стр. 7—9),

что сдѣланныя исторіею Младшихъ Ханей,—составители которой писали въ V вѣкѣ послѣ Р. Х., т.-е. болѣе чѣмъ чрезъ два столѣтія послѣ паденія династіи Младшихъ Ханей,—поправки и измѣненія противъ содержащагося въ «Цянь-Хань-шу»,—оконченной въ концѣ I столѣтія послѣ Р. Х. и имѣвшей редакторами ученаго Бань Гу и сестру его, которые кромѣ архивовъ и существовавшей въ ихъ время литературы могли относительно западныхъ странъ пользоваться свѣдѣніями брата ихъ Бань Чао, состоявшаго долго кит. правителемъ таримской части запада, — не могутъ быть почитаемы правильными и заслуживающими довѣрія. Вслѣдствіе этого утвержденіе «Хэу-Хань-шу» о раздѣленіи юечжей на пять княжествъ должно быть отвергнуто, какъ противорѣчащее свѣдѣніямъ «Цянь-Хань-шу» и ни на чемъ не основанное. Это, однако, не мѣшаетъ пользоваться свѣдѣніями «Хэу-Хань-шу», о гуйшуанскомъ князѣ Кіоцзюкю, пріобрѣвшемъ власть надъ всѣми юечжами, о его завоеваніяхъ и о покореніи юечжійцами при сынѣ его Индіи, ибо владычество кушановъ (гуйшуановъ въ кит. транскрипціи) за Хиндукушемъ и въ Индіи подтверждается монетными легендами и различными надписями, найденными въ разныхъ мѣстностяхъ, продолженіе же господства ихъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша въ бывшей Бактріанѣ послѣ Р. Х. удостовѣряется отрывочными извѣстіями западныхъ писателей и историковъ. Замѣна Гаофу именемъ Думи и утвержденіе, что Гаофу (Кабулъ) завоеванъ юечжійцами впервые при Кіоцзюкю, легко объяснимы тѣмъ, что, въ виду свѣдѣній, конечно времени династіи Младшихъ Ханей, о покореніи, при войнѣ съ парфянами (Аньси), юечжійскимъ Кіоцзюкю Гаофу, редакторы «Хэу-Хань-шу» сдѣлали неосновательное заключеніе, что цянь-ханьское свѣдѣніе о юечжійскомъ хи-хэу Гаофу было ошибочно, ибо Гаофу попалъ въ руки юечжей лишь при Кіоцзюкю. Между тѣмъ легко могло быть, а такъ какъ «Цянь-Хань-шу» называетъ въ числѣ хи-хэу правителя Гаофу, то и дѣйствительно было, что Гаофу былъ подчиненъ юечжійцами во время Старшихъ Ханей, напр., послѣ неудачной войны съ ними Артабана I или при одномъ изъ позднѣйшихъ столкновеній съ парфянами, если Кабулъ находился во власти парфянъ, а не отнятъ у одного изъ слабыхъ греко-индійскихъ царей, и т. п. Исключивъ Гаофу изъ числа пяти княжествъ, составители «Хэу-Хань-шу» помѣстили вмѣсто него Думи. По справедливой догадкѣ Томашека, рѣка Думо, въ десяти ли къ югу отъ которой находилась по «Суйшу» («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 203) резиденція владѣнія Шы, нынѣшнаго Шахрисябза, есть нынѣшняя Кашка-дарья (Sogdiana, 1877, S. 21—22). Думи и Думо столь близки, что это, вѣроятно, одно и то же имя, такъ что княжество Думи соотвѣтствовало мѣстности Кашка-дарьи, въ бассейнѣ которой находилось и княжество Гуйшуанъ. Объясненіе кажущагося на первый взглядъ противорѣчія можетъ состоять въ томъ, что по достиженіи гуйшуанскимъ княземъ верховной власти надъ всѣми юечжами - кушанами сохраненіе за областью или кня-

жествомъ Гуйшуанъ прежняго имени было неудобно, и оно замѣнено было именемъ Думи. Это имя одного изъ юечжійскихъ княжествъ-областей Думи какимъ-нибудь образомъ было извѣстно составителямъ «Хэу-Хань-шу» или источнику ихъ свѣдѣній и употреблено было для замѣны Гаофу, дабы достигнуть цифры пяти княжествъ, при чемъ осталось неизвѣстнымъ, что это лишь новое имя для гуйшуанскаго княжества и что число пограничныхъ хи-хэу на дѣлѣ было далеко болѣе пяти.

Такъ какъ по «Цянь-Хань-шу» у юечжей имѣлся государь, съ резиденціею въ г. Гяньши, и извѣстные китайцамъ хи-хэу состояли отъ него въ зависимости, то прекращеніе династіи, происходившей отъ сына убитаго хуннами юечжійскаго царя, и возвышеніе въ цари кушанскаго Кіоцзюкю должны были совершиться послѣ Р. Х. во время династіи Мл. Ханей, ибо въ «Цянь-Хань-шу» объ этихъ событіяхъ не упомянуто, что, несомнѣнно, было бы сдѣлано, если бы это произошло до 25 г. по Р. Х. Овладѣніе царской властью, по прекращеніи династіи, было всего легче для кушанскаго хи-хэу, если онъ имѣлъ резиденцію въ Хоцзо-Хузарѣ, по близости къ юечжійской столицѣ Гяньши на Кашка-дарьѣ, благодаря которой онъ могъ заранѣе пріобрѣсти преобладающее вліяніе на управленіе государствомъ.

Изъ особой статьи «Хэу-Хань-шу» объ Индіи видно, что изъ этой страны присылались въ Китай посольства нѣсколько разъ между 89 и 105 гг. по Р. Х. и два посольства въ 159 и 161 гг. Въ той же статьѣ сказано, что Индія заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ владѣній и что «въ это время всѣ находились подъ зависимостью юечжыскаго государя, который, убивъ индійскаго государя, управленіе Индіею ввѣрилъ своему полководцу» (переводъ Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 120). Въ предисловіи къ описанію западныхъ странъ въ той же «Хэу-Хань-шу» подъ 73 г. по Р. Х. упоминается, что въ этомъ году вновь открыто сообщеніе съ западнымъ краемъ, которое было прервано передъ тѣмъ 65 лѣтъ (тамъ же, стр. 102). Въ біографіи китайскаго намѣстника Бань Чао, помѣщенной въ той же «Хэу-Хань-шу», разсказывается между прочимъ о сношеніяхъ его съ юечжійскимъ государемъ въ 84 г. и о неудачномъ походѣ посланнаго послѣднимъ въ 90 г. войска въ 70 т. ч. за Цунлинъ въ подвластныя Китаю земли (Ed. Specht въ Journal asiatique, 1897, t. X, pp. 184—187). По этимъ даннымъ Индія была завоевана юечжійцами до 89—105 гг., а такъ какъ отецъ завоевателя Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ и царствовалъ поэтому, вѣроятно, долго, то возвышеніе его въ цари юечжей произошло, конечно задолго до 73 г., съ котораго китайцы возобновили, послѣ 65-лѣтняго перерыва, сношенія съ западомъ и могли получить свѣдѣнія о происходившихъ тамъ событіяхъ. Въ этомъ, видимо, и заключается причина смутности и хронологической неопредѣленности «Хэу-Хань-шу» о началѣ кушанской династіи у юечжей. Не помогаетъ тутъ и

отнесеніе покоренія гуйшуанскимъ княземъ прочихъ четырехъ князей ко времени чрезъ «съ небольшимъ» сто лѣтъ послѣ переселенія юечжей въ Дахя и раздѣленія на пять княжескихъ домовъ, потому что переселеніе юечжей на Аму-дарью совершилось во всякомъ случаѣ ранѣе 129 г., и столѣтіе послѣ этого года приходится на 29 г. до Р. Х., т.-е. на время династіи Старшихъ Ханей, исторія которыхъ ничего не знаетъ о Кіоцзюкю, конечно потому, что у юечжей продолжала еще существовать прежняя династія; раздѣленіе же юечжійскаго царства на пять княжествъ есть не болѣе какъ ошибочное предположеніе или недоразумѣніе редакторовъ «Хэу-Хань-шу» или ихъ источниковъ.

Хотя такимъ образомъ китайскія извѣстія не даютъ точныхъ датъ для времени основанія кушанской династіи и завоеванія Индіи, но они весьма важны, какъ пособіе для повѣрки попытокъ опредѣленія времени царствованія кушанскихъ государей Индіи и нынѣшняго Авганистана, отъ которыхъ сохранились монеты и иные памятники, частію даже съ датами въ видѣ знаковъ или буквъ, имѣющихъ цифровое значеніе. Относительно эры, которой принадлежатъ эти монетныя даты, возможны пока лишь предположенія, изъ которыхъ кажется удачнѣйшимъ новѣйшее, принадлежащее Винсенту Смиту (The Kushan, or Indo-Scythian, Period of Indian History, въ Journal of the R. Asiatic Society, London, 1903, January, pp. 1—64). По его догадкамъ, даты монетъ кушанскихъ царей Канишки, Хувишки и Джушки или Васудевы даютъ года эры Лаукика (Laukika), такъ что дата 5 древнѣйшей изъ имѣющихся монетъ извѣстнаго по надписямъ, а особенно по буддійскимъ легендамъ, царя Канишки соотвѣтствуетъ 129 г. послѣ Р. Х. На этомъ основаніи и сообразно датамъ монетъ Смитъ опредѣляетъ для Хувишки, преемника Канишки, годы царствованія 153—185 послѣ Р. Х., для самаго Канишки намѣчаетъ 125—152 гг., для предшественника Канишки, кушанскаго царя, именуемаго на монетныхъ легендахъ греческаго письма Кадфизесомъ, предполагаетъ годы 85—125, считая его за Яньгаочжени «Хэу-Хань-шу», и относитъ предположительно овладѣніе отцомъ его Кіоцзюкю верховной властью надъ юечжами и его завоеванія къ 45—60 гг. по Р. Хр. (pp. 60, 61). Вѣрны или нѣтъ предположенія В. А. Смита въ своей основѣ, хронологическія его опредѣленія препятствій въ китайскихъ извѣстіяхъ не встрѣчаютъ.

Таримскія владѣнія Китая были потеряны въ началѣ второй половины II вѣка послѣ Р. Х. («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 108), причемъ прекратились и политическія сношенія съ западомъ, а съ ними и свѣдѣнія о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Изъ сокращенія исторіи династіи Вэй (220—265 гг.) узнаемъ однако, что въ эпоху трехъ царствъ (220—280 гг.) владѣніе Гибинь, а также Дахя, Гаофу и Тяньчжу находились подъ владычествомъ юечжей; затѣмъ, хотя исторія династіи Цзинь (265—420 гг.) не содержитъ особой статьи о кушанахъ—юечжы, но въ одномъ мѣстѣ ея,

въ книгѣ 97, владѣніе Да-Юечжы упоминается, какъ находящееся на югѣ отъ Давани (Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. 327).

Изъ западныхъ свѣдѣній времени кушановъ надо упомянуть о присылкѣ въ Римъ при императорѣ Адріанѣ (117—138 гг. по Р. Х.) посольства отъ царей бактрійскихъ (reges Bactrianorum) съ просьбою о союзѣ и дружбѣ (Aet. Spartianus, 21, 14), вѣроятно противъ парфянъ (Tomaschek, Sogdiana, 75). Trebellius Pollio, въ своихъ біографіяхъ императоровъ Валеріана и Авреліана, говоритъ о посольствахъ въ Римъ, за время этихъ императоровъ, отъ бактрійцевъ; конечно, посольства эти должны были имѣть цѣлью союзъ противъ общихъ съ римлянами враговъ, т.-е. персовъ (Histoire du Bas-Empire, par Lebeau, ed. par de S.-Martin, t. III, Paris, 1825, p. 387), а такъ какъ Валеріанъ былъ плѣненъ персами въ 260 г., то вѣроятны вообще враждебныя отношенія между кушанами и персами въ третьей четверти III вѣка, на которую приходятся царствованія сассанидовъ Шапура I (241—272 гг.), Ормизда I (272—273) и Бахрама I (273—276). По Клавдію Мамертину, Panegyr., противъ Бахрама II (276—293) велъ войну братъ его Орміесъ, т.-е. Ормиздъ, при помощи saccis et ruffis et gellis: тутъ вмѣсто ruffis читаютъ cussis, а потому помогавшими Ормизду оказываются саки (седжестанскіе), кушаны и какіе-то гелы (Marquart's Erānšahr, 36). Vopiscus (Vita Cari [1]), 8), по поводу междоусобій у персовъ, также называлъ саковъ, кушановъ (cussi) и геловъ (Марквартъ, тамъ же). Изданныя Друэномъ серебрянныя монеты съ именемъ Пероза, «великаго царя кушановъ», и Томасомъ, а также Кеннингэмомъ монеты Охоромизда, «великаго царя царей кушанскихъ», Марквартъ основательно приписываетъ первыя брату Шапура I Перозу, вторыя же брату Бахрама II Ормизду, возставшему при помощи саковъ, кушановъ и геловъ, или Хормизду, который впослѣдствіи царствовалъ съ именемъ Хормизда II (302 — 309 гг.), полагая, что эти сассанидскіе принцы чеканили эти монеты въ бытность свою намѣстниками Хорасана, присвоивая себѣ приведенные титулы, хотя въ дѣйствительности надъ кушанами не властвовали (Erānšahr, 48—50). Сирійскій писатель Бардезанъ, жившій во второй половинѣ II вѣка по Р. Х. и въ первой III столѣтія, даетъ свѣдѣнія о положеніи женщинъ между прочимъ у «бактрійцевъ, называемыхъ кашанами» (Collection des historiens de l'Arménie, publiée par Langlois, 1867, t. I, p. 84), изъ чего ясно, что на западъ Азіи проникало не только имя, но даже свѣдѣнія о бытѣ кушановъ, властвовавшихъ въ древней Бактріанѣ. По Амміану Марцеллину (XVI, 9, 4), Шапоръ II въ 356 году зимовалъ въ лагерѣ на границѣ съ хіонитами и евзенами; послѣднее имя теперь читаютъ (Нёльдеке, Марквартъ) cuseni вмѣсто euseni, т.-е. признавая этотъ народъ за кушановъ. Томашекъ сверхъ того усматривалъ еще кушановъ въ

[1]) Императоръ Каръ царствовалъ въ 282—3 гг.

gelanis другого мѣста, гдѣ у Амміана (XVII, 5, 1) говорится о заключеніи Шапоромъ въ 358 г. мира и союза съ хіонитами и геланами (Sogdiana, 92), но такая порча имени мало вѣроятна и скорѣе въ геланахъ можно узнавать народность, давшую свое имя провинціи Гилянъ. Въ хіонитахъ Томашекъ (тамъ же, 93) видѣлъ хунновъ. Въ виду китайскихъ извѣстій о Юебани и Судэ (см. мои «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ» и пр., 1897 г., стр. 29, а также проф. Хирта Ueber Wolga-Hunnen въ Sitzungsberichte der Bayer. Akademie der Wissenschaften, phil. hist.-Klasse, B. II, 1900, SS. 253, 274) слѣдуетъ полагать, что въ первой половинѣ III вѣка хунны покорили алановъ, а потому дѣйствительно могли распространяться до границъ Персіи и имѣть столкновенія съ сассанидами, а потому хіониты греческихъ писателей, хунайе или хуны сирійскихъ и т. п. могли быть хунны.

Мусульманскіе писатели (Табари, Масуди и др.) и Фирдуси въ «Шахъ-намэ» разсказываютъ о нашествіи на Персію хакана тюрковъ съ многочисленнымъ войскомъ, объ убіеніи этого хакана и пораженіи его войска въ окрестностяхъ Мерва Бахрамомъ V Гуромъ (который занималъ престолъ съ 420 по 438 г.), и о покореніи затѣмъ страны побѣжденныхъ враговъ съ Балхомъ, при чемъ братъ Бахрама Нарсе назначенъ былъ правителемъ этихъ земель съ опредѣленіемъ границы Персіи по Аму-дарьѣ. Сказанія эти носятъ легендарный и фантастическій характеръ и не подтверждаются никакими извѣстіями современныхъ или позднѣйшихъ западныхъ, армянскихъ, сирійскихъ, китайскихъ и пр. историковъ, но трудно признавать ихъ и за полные вымыслы, не имѣвшіе основанія въ дѣйствительности. Именованіе дѣлавшихъ нашествіе кочевниковъ тюрками должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто, потому что тюрки появляются подъ этимъ именемъ въ исторіи болѣе чѣмъ на сто лѣтъ позднѣе. По мнѣнію Нёльдеке, нашествіе произведено было не турками, а кушанами, какъ видно изъ титула марзбани-кушанъ, который данъ былъ намѣстнику Бахрама Нарсе; онъ полагаетъ, что именно непріязненныя дѣйствія кушановъ побудили Бахрама закончить въ 422 г. начатую по вступленіи его на престолъ войну съ Римомъ поспѣшнымъ миромъ на довольно выгодныхъ для римлянъ условіяхъ, несмотря на нанесенное имъ въ 421 г. пораженіе (Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden etc., Leiden, 1879, SS. 99 Anm., 102, а также Aufsätze zur Persische Geschichte, Leipzig, 1887, S. 105). Д-ръ Марквартъ утверждаетъ, что врагомъ, сдѣлавшимъ нашествіе на Персію и пораженнымъ Бахрамомъ, были хіониты, такъ какъ бой съ этимъ врагомъ произошелъ въ той же мѣстности въ окрестностяхъ Мерва, гдѣ, по Яткари-Зарираиъ, Виштаспъ сражался съ хіонами: Wir dürfen daher wohl annehmen, dass die von Bahram besiegten Feinde Chioniten waren, was durch ganze historische Lage nahegelegt wird (Eranšahr, 52). Онъ полагаетъ затѣмъ, что «марзбани-кушанъ» значило Hüter der Mark

gegen Kūšan, ничего болѣе (тамъ же); граница съ кушанами при Бахрамѣ Гурѣ не измѣнилась и оставалась тою же, какая существовала ранѣе и сохранилась до гибели Пероза, т.-е. земли персовъ простирались лишь до Талакана; это подтверждается тѣмъ, что въ спискахъ сирійскихъ (несторіанскихъ) епископовъ, въ которыхъ показывались лишь кафедры въ персидскихъ областяхъ, послѣдними на востокъ значились епископы Мерва, Бадхыза, Мерви-руда; въ спискѣ городовъ Ирана, изданномъ Блоше, Бахраму V приписывается построеніе города Мерви-рота, т.-е возобновленіе его укрѣпленій: такое усиленіе укрѣпленій Мерви-руда показываетъ, что резиденція марзбана оставалась, какъ и прежде, въ Мервѣ; въ томъ же спискѣ сказано, что основателемъ главнаго города Хваризма былъ Нарсе, что понятно лишь при распространеніи предѣловъ марзбанства на сѣверо-западъ (тамъ же, 53). Въ эпической легендѣ, сохранившейся въ рукописи не моложе XIV вѣка и содержащей повѣсть о войнѣ, которую долженъ былъ вести царь Виштаспъ противъ хіонскаго князя Арджаспа, требовавшаго, чтобы Виштаспъ отказался отъ маздеизма и возвратился къ древней вѣрѣ, которую продолжалъ сохранять Арджаспъ, городъ Мервъ дѣйствительно упоминается въ мѣстности, которую Арджаспъ назначилъ для того великаго боя, въ которомъ погибъ полководецъ и братъ Виштаспа Зариръ, отмщенный, однако, своимъ сыномъ (Sitzungsberichte der philol.-philosoph. und histor. Classe der Akademie der Wissenschaften zu München, Jahrgang 1890, Zweiter Band, S. 50). Но только въ мѣстности боя и состоитъ все общее между Бахрамомъ Гуромъ и легендарнымъ Виштаспомъ. Изъ того, что Виштаспъ воевалъ съ княземъ хіонскимъ въ какія-то отдаленныя легендарныя времена, отнюдь не слѣдуетъ, что Бахрамъ Гуръ въ концѣ первой четверти V вѣка послѣ Р. Х. воевалъ съ хіонитами, хотя бы рѣшительный бой произошелъ въ той же мѣстности около Мерва. Весьма вѣроятно, что граница Персіи съ кушанами осталась при Бахрамѣ V безъ измѣненія, въ томъ видѣ, какъ существовала она и затѣмъ до гибели Пероза, что подтверждается списками несторіанскихъ епископовъ, но изъ этого отнюдь нельзя правильно заключить, что нашествіе на Персію сдѣлали и были поражены въ окрестностяхъ Мерва хіониты, а не кушаны. Изъ факта неизмѣненія границъ съ кушанами при Бахрамѣ слѣдуетъ сдѣлать только то заключеніе, что сказанія мусульманскихъ писателей о завоеваніи Бахрамомъ земель кушанскихъ съ Балхомъ и о назначеніи границею между землями персидскими и кушанскими Аму-дарьи представляютъ собою неимѣвшій основанія въ дѣйствительности вымыселъ или преувеличеніе. Хотя мало вѣроятно, чтобы перешедшіе уже въ 375 г. за Донъ хунны, занимаясь на западѣ подчиненіемъ обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ и утвержденіемъ надъ ними своей власти, сдѣлали около 422 г. большое нашествіе на Персію на востокѣ отъ Каспія къ Мерву, тогда какъ ближе и удобнѣе было имъ совершить такое нашествіе въ Мидію со сто-

роны Кавказа (какъ произведенъ былъ позже набѣгъ, о которомъ сообщалъ Приску римскій посланникъ Ромулъ, см. «Сказанія Приска панійскаго», перев. Дестуниса, въ «Ученыхъ Запискахъ И. Академіи наукъ», кн. VII, вып. I, 1861, стр. 64 и 65), но совершенной невозможности этого нашествія утверждать было бы нельзя, если бы имѣлись хотя какія-либо данныя, подтверждающія, что нашествіе при Бахрамѣ V произвели хунны, т.-е. хіониты. Но никакихъ рѣшительно основаній приписывать это нашествіе хуннамъ не имѣется, тогда какъ, напротивъ, есть причины полагать, что нашествіе сдѣлали кушаны. Эти причины заключаются въ томъ, что по тѣмъ же мусульманскимъ сказаніямъ, которыя являются единственнымъ источникомъ свѣдѣній о нашествіи тюркскаго будто бы хакана на Персію при Бахрамѣ V, послѣдній послѣ убіенія хакана и пораженія тюрковъ вторгается въ земли кушановъ, завоевываетъ часть ихъ, опредѣляетъ границею съ остальными кушанскими землями Аму-дарью и назначаетъ брата своего Нарсе марзбани-кушан'омъ. Если все это или главное отвергать, то нѣтъ причинъ допускать и нашествіе кого бы то ни было, потому что свѣдѣнія объ этомъ нашествіи почерпаются единственно изъ тѣхъ же мусульманскихъ сказаній. Между тѣмъ едва ли эти сказанія были сплошнымъ вымысломъ. Мы знаемъ, что кушаны вели войны съ персами и при предшественникахъ Бахрама V. Весьма поэтому возможно, что въ началѣ царствованія Бахрама, пользуясь войною его съ римлянами или считая силы Бахрама слабыми,—такъ какъ онъ только-что силою овладѣлъ престоломъ и не успѣлъ еще, какъ имѣли кушаны право полагать, утвердить свою власть,—кушанскій царь сдѣлалъ въ персидскіе предѣлы нашествіе и былъ Бахрамомъ разбитъ. Затѣмъ, повидимому, Бахрамъ съ своей стороны вторгся во владѣнія кушановъ, но безъ особыхъ успѣховъ, и война кончилась миромъ съ сохраненіемъ прежней или лишь частію подвинутой на востокъ границы. Значитъ ли марзбанъ «охранитель марки» или Gränzherr, Markgraf, какъ полагалъ Нёльдеке (Geschichte der Perser und Araber, 102), несомнѣнно, что у персовъ существовали въ разное время марзбаны Арменіи, напр., не въ смыслѣ граничащей съ Арменіею области, а въ смыслѣ самой Арменіи, подвластной персамъ, и т. п. Такъ какъ мусульманскія сказанія говорятъ о произведенныхъ въ земляхъ кушановъ завоеваніяхъ и затѣмъ уже о назначеніи Нарсе марзбани-кушан'омъ, то они, несомнѣнно, разумѣли, что Нарсе былъ правителемъ не только прилегавшихъ къ границѣ частей персидскаго Хорасана, но и завоеванныхъ у кушановъ земель до Аму-дарьи. Не трудно также понять, почему въ мусульманскихъ сказаніяхъ царь кушановъ превратился въ хакана тюрковъ. Произошло это отъ того, что арабы при своемъ завоеваніи Тохаристана и Мавераннагра нашли ихъ подвластными уже около столѣтія тюркамъ и съ именемъ кушановъ могли познакомиться лишь по преданіямъ, остатки же властвовавшаго до тюрковъ народа, хайталовъ, были малочисленны и не имѣли большого политическаго

значенія. Вслѣдствіе этого и за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній объ историческомъ прошломъ Тохаристана и Мавераннагра, властвовавшій въ этихъ странахъ до арабовъ народъ, въ мусульманскихъ сказаніяхъ объ этомъ прошломъ, составленныхъ на основаніи народныхъ преданій и легендъ, обратился въ тюрковъ, и имя кушановъ проскальзывало въ нихъ, напр., у Табари и Фирдуси, весьма рѣдко.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о кушанахъ, для удобства выясненія этническихъ отношеній ихъ къ кидаритамъ, необходимо изложить въ связи съ историческими извѣстіями о кидаритахъ.

В. КУШАНЫ-КИДАРИТЫ.

а) Извѣстія армянскихъ, византійскихъ и сирійскихъ историковъ о кушанахъ, уннахъ-кидаритахъ, хепталахъ и уннахъ-ефталитахъ V вѣка.

Сынъ Бахрама V Яздигердъ II (царствовавшій, по Нёльдеке, съ 4 августа 438 г. до 30 іюля 457 г.) большую часть своего царствованія находился въ войнѣ съ кушанами. По «Исторіи Егише Вардапета» (переводъ П. Шаншіева, Тифлисъ, 1853 г.), уже во второмъ году царствованія, собравъ конницу подвластныхъ народовъ въ «области Апаръ (Хорасанъ)», пошелъ онъ «въ страну гунновъ, которую называютъ также землею кушановъ» (въ подлинникѣ «кушанкъ», гдѣ к есть знакъ множественнаго числа, по замѣчанію и переводчика, а потому, хотя Шаншіевъ писалъ вездѣ «кушуны» вмѣсто «кушаны», я помѣщаю послѣднее имя) «и сражался тамъ два года, не сдѣлавъ ничего замѣчательнаго». Замѣняя одинъ составъ милиціи другимъ, «такъ дѣлалъ онъ ежегодно, начиная съ четвертаго года своего царствованія до одиннадцатаго, и велѣлъ построить въ землѣ кушановъ городъ, гдѣ основалъ временную резиденцію». «Царь кушановъ былъ обезсиленъ; Іездигердъ опустошилъ многія его провинціи» (стр. 15, 18 и 19). «Въ началѣ двѣнадцатаго года своего царствованія (449—450 гг.) Іездигердъ собралъ во владѣніяхъ своихъ новыя полчища и съ этимъ послѣднимъ войскомъ двинулся на провинціи Итагаканъ [1]). Царь кушановъ испугался, увидя войска многочисленныя, и такъ какъ онъ не могъ сражаться, не потерпѣвъ непремѣннаго пораженія, то бѣжалъ въ степи не-

[1]) По объясненію переводчика „въ текстѣ стоитъ слово Итагаканъ, которое, по всему вѣроятію, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа о кушанахъ, должно быть искаженное переписчиками слово Ипгагаканъ или Епгагаканъ, т.-е. Ephtalites“. J. Garrez (Journal asiatique, 1869, t. XIII, p. 174), по венеціанскому изданію 1864 г., читалъ Italakan и видѣлъ въ этомъ древнюю форму имени Талаканъ, считая его первоначальною формою Hetalakan, „городъ или страна хеталовъ“. По Маркварту, Яздигердъ цѣлью похода имѣлъ страну Талаканъ (S. 56).

обозримыя и неприступныя, съ войсками своими, отказавшись вступить въ сраженіе. Іездигердъ, разграбивъ и опустошивъ его провинціи, взялъ множество крѣпостей, множество плѣнныхъ, и съ огромною добычею возвратился въ Персію» (30 и 31). Во время послѣдовавшаго затѣмъ возстанія армянъ, вслѣдствіе попытокъ Яздигерда обратить ихъ изъ христіанъ въ послѣдователей вѣры маговъ, «получено было извѣстіе изъ земли кушановъ, что непріятели сдѣлали вторженіе въ земли персидскія и опустошили нѣсколько провинцій» (81). Повидимому, Яздигердъ выступилъ противъ кушановъ, но «съ востока возвратился онъ пораженнымъ, а не побѣдителемъ» (136). Между тѣмъ, возстаніе въ Арменіи разгорѣлось, и армяне заключили союзный договоръ съ «гуннами», обитавшими на сѣверѣ Кавказа (стр. 129). «На шестнадцатомъ году (453—454) своего царствованія Іездигердъ съ сильнымъ гнѣвомъ пошелъ войною въ страну кушановъ. Онъ перешелъ землю Верканъ и когда достигъ страны Апаръ, то приказалъ въ крѣпости города Ніушапу (нынѣ Нишабуръ) задержать плѣнными (армянскихъ) князей и священниковъ, которыхъ велъ за собою» (235 и 236). Царь кушановъ, по многочисленности персидскаго войска, не могъ дать персамъ большого сраженія и „предпринялъ вести съ ними войну партизанскую. Онъ бросился на арріергардъ войска Іездигерда, разбилъ его совершенно и безпрестанными стычками съ войскомъ персидскимъ въ ущельяхъ и мѣстахъ опасныхъ такъ обезсилилъ Іездигерда, что онъ поспѣшно возвратился назадъ. Жестоко преслѣдовалъ его царь кушановъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ въ Персію, разграбилъ множество провинцій и благополучно возвратился въ свою страну» (237). «Іездигердъ умеръ на девятнадцатомъ году своего царствованія. Два сына его, Ормиздъ и Перозъ, оспаривавшіе другъ у друга тронъ, подняли въ Персіи междоусобную войну... Эта война длилась два года», пока «наставникъ» Пероза Раамъ не напалъ на Ормизда, не разбилъ его и не велѣлъ убить. Для усмиренія албанскаго князя Вачe Перозъ «послалъ огромныя сокровища въ землю хайландуровъ для уплаты многочисленнымъ войскамъ гунновъ». Эти наемныя войска взяли «врата алановъ» (Дербендъ) и разбили Вачe (стр. 332—336).

Эти извѣстія умершаго (по Шаншіеву) въ 480 г. армянскаго прелата, современника событій, имѣвшаго, конечно, возможность получать о нихъ свѣдѣнія отъ своихъ армянскихъ соплеменниковъ, участвовавшихъ въ составѣ милицій Яздигерда, а также отъ князей и священниковъ, содержавшихся въ нишабурской крѣпости, и т. п., могутъ быть дополнены изъ византійскаго историка Приска, извѣстнаго между прочимъ своимъ участіемъ въ посольствѣ къ Аттилѣ въ 448 г. и несомнѣнно пользовавшагося вѣрными свѣдѣніями отъ византійскихъ дипломатовъ и изъ архивовъ. По сохранившимся отрывкамъ его историческаго труда, въ 456 г., когда «римское войско вступило въ Колхиду и дало сраженіе лазамъ», Говазъ, (повидимому, глава этихъ лазовъ) «отправилъ посольства и къ парфамъ, и

къ римлянамъ, но парфскій монархъ, ведя войну съ уннами-кадаритами, отвергъ прибѣгнувшихъ къ нему лазовъ» («Сказанія Приска панійскаго», перев. Г. Дестуниса, 1861, стр. 83 и 84). Въ 464 г. персы требовали, между прочимъ, чрезъ пословъ своихъ, чтобы римляне участвовали въ содержаніи крѣпости Юроипаахъ, лежащей при Вратахъ Каспійскихъ, и говорили, что римляне обязаны помогать персамъ деньгами въ войнѣ «противъ такъ называемыхъ унновъ-кидаритовъ» и что если персы одержатъ побѣду, то римляне будутъ имѣть ту выгоду, что уннамъ не будетъ позволено переходить (для грабежей) въ римскія владѣнія (стр. 89). Въ 9-мъ году царствованія императора Леона, т.-е. въ 465 году, когда отправленъ былъ къ Перозу византійскій посолъ Константій, персидскій государь «находился на границѣ персовъ и унновъ-кидаритовъ. Онъ велъ съ сими уннами войну подъ предлогомъ, что они не платили ему дани, которую древніе цари парфовъ и персовъ на нихъ наложили». Война велась въ это время съ главою унновъ Кунхою, но началась еще при его отцѣ и хотя прерывалась было вслѣдствіе примиренія и выдачи за очень молодого тогда Кунху сестры Пероза, но возобновлена была Кунхою за обманъ со стороны персовъ, ибо обнаружилось, что выданная въ качествѣ сестры Пероза женщина совсѣмъ не была царевною, почему Кунха, выманивъ у Пероза 300 отборныхъ персидскихъ предводителей и офицеровъ для командованія войсками унновъ въ войнѣ ихъ съ сосѣдними народами, всѣхъ ихъ перебилъ или изувѣчилъ. «Константій былъ принятъ Пирозомъ въ Горгѣ: такъ называлось селеніе, гдѣ персы имѣли свой станъ» (стр. 90 и 91). Въ 468 году «пришло изъ Персіи посольство съ извѣстіемъ, что персы одержали побѣду надъ уннами-кидаритами и осаждаютъ городъ ихъ Валаамъ» (стр. 97 и 98).

По сирійскому писателю Іисусу Стилиту, писавшему около 510—515 гг., персидскій царь Пирузъ часто велъ войны съ Kounoié, т.-е. Hounoié (Нёльдеке, Geschichte, 115, предлагалъ читать Kûsânâje d'hinnon Hunnâje, а отождествляющій этотъ народъ съ хіонитами Марквартъ, Erânšahr, 50, читаетъ Xyionayje), и покорилъ было ихъ, присоединивъ къ своему царству многія ихъ провинціи, но потомъ плѣненъ ими; расплатившись за освобожденіе золотомъ, присланнымъ ему императоромъ Зеноном (занималъ престолъ съ 474 до 491 г., тогда какъ Перозъ царствовалъ, по Нёльдеке, съ 30 іюля 457 или 459 по 23 іюля 484 г.), и обязавшись не нападать болѣе на хунновъ, Пирузъ нарушилъ договоръ и снова былъ разбитъ и плѣненъ; по освобожденіи съ уплатою тридцати навьюченныхъ монетою муловъ, при чемъ до присылки части этого выкупа оставался въ заложникахъ сынъ его Кавадъ, и по принятіи обязательства отнюдь не воевать болѣе съ хуннами, Пирузъ еще разъ нарушилъ договоръ и вторгся въ земли хунновъ, но былъ разбитъ и погибъ, такъ что и трупъ его остался не найденнымъ. Тронъ его занялъ братъ его Балашъ (Abhandlungen für die Kunde des

Morgenlandes, B. VI, № 1, Chronique de Josué le Stylite, écrite vers l'an 515, texte et traduction par M. l'Abbé Paulin Martin, Leipzig, 1876, pp. XV—XVII, XX).

Прокопій, назначенный въ 526 г. совѣтникомъ къ Велисарію, собиравшемуся въ походъ персидскій, въ своей исторіи войнъ римлянъ съ персами, разсказывая кратко и безъ датъ о войнахъ Пероза съ уннами-эфѳалитами, говоритъ, что унны эти «сосѣдятъ съ персами на сѣверѣ, тамъ, гдѣ городъ, называемый Горго, у самой персидской окраины; тутъ между ними и персами часто происходитъ война за границы» («Записки ист.-филол. факультета Спб. университета», ч. I, Спб., 1876 г., «Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ римлянъ съ персами» и пр., пер. С. Дестуниса, стр. 21). По его свѣдѣніямъ, когда, въ сопровожденіи «прибывшаго къ нему отъ царя Зинона посла, по имени Евсевія» (стр. 19 и 25), Перозъ вторгся въ ихъ земли, унны завлекли персидское войско въ горное ущелье и здѣсь поставили его въ необходимость заключить миръ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ въ томъ, что «персы никогда не пойдутъ войною на эфѳалитовъ» (стр. 30). Перозъ, однако, нарушилъ клятву, выступилъ «къ лежащему на персидской границѣ городу Горго» (стр. 37) и погибъ въ этой войнѣ съ тридцатью сыновьями своими (стр. 38). На престолъ Персіи возведенъ былъ единственный сынъ Пероза, оставшійся въ живыхъ, Кавадъ. «Персы послѣ того были данниками эфѳалитовъ до тѣхъ поръ, пока Кавадъ, утвердившись въ своей власти, не отказался отъ ежегоднаго платежа дани. Зависимость персовъ отъ сихъ варваровъ продолжалась два года» (стр. 46).

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что цитированные историки употребляли терминъ гунны (Егише), унны (Прискъ, Прокопій), хуны или куны (Іисусъ Столпникъ) въ качествѣ нарицательнаго для означенія совокупности кочевыхъ преимущественно народовъ сѣвера и сѣверо-востока, какъ раньше греки и римляне примѣняли терминъ скифы и потомъ сарматы, а персы—саки. Но тѣ же историки даютъ имѣвшимъ столкновенія съ персами народамъ или народу собственныя имена кушановъ, кидаритовъ, ефталитовъ. Старѣйшій изъ этихъ историковъ Егише (иначе Елисей) даетъ гуннамъ, съ которыми воевалъ Яздигердъ, на сѣверѣ и востокѣ отъ персидскаго Хорасана, имя кушановъ, которымъ, какъ мы знаемъ, со времени династіи Младшихъ Ханей стали именоваться юечжи-тохары; Прискъ, въ своихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ съ 456 г. и кончая 468 г., именуетъ восточный народъ, съ которымъ боролись персы при Яздигердѣ (въ 456 г. царствовалъ еще онъ) и затѣмъ при Перозѣ, кидаритами; наконецъ, Прокопій, который едва ли могъ пріобрѣсти свѣдѣнія по этому предмету ранѣе 526 г., называетъ народъ, съ которымъ часто воевали персы, ефталитами, утверждая, что въ войнѣ съ нимъ погибъ Перозъ. При походѣ своемъ на кушановъ въ 454 г., Яздигердъ, по Егише, прошелъ землю Верканъ (Гир-

канію, бассейнъ нынѣшней рѣки Гюргенъ) и затѣмъ уже достигъ восточнаго персидскаго Хорасана; по Приску, Перозъ имѣлъ въ 465 г. станъ свой, гдѣ принялъ посла Константія, въ Горгѣ, на границѣ персовъ съ кидаритами; по Прокопію, Перозъ предъ гибелью своею вторгся въ земли ефталитовъ чрезъ городъ Горго на границѣ между персами и ефталитами, гдѣ часто происходили между ними войны; наконецъ, и по армянскому писателю Лазарю Парбеци, въ походъ свой противъ хепталовъ (въ подлинникѣ *хепталкъ*, какъ удостовѣрилъ д-ръ Марквартъ, Erānšahr, 61, во французскомъ же переводѣ, которымъ я пользуюсь, Hephthalites), въ которомъ въ 484 г. погибъ, Перозъ выступилъ изъ Vergan, куда послѣ гибели его бѣжали немногіе спасшіеся изъ его войска (Collection des historiens de l'Arménie, publiée par V. Langlois, t. II, Paris, 1869, p. 350). Такимъ образомъ, граница персовъ съ кушанами, кидаритами и ефталитами при Яздигердѣ и Перозѣ находилась одинаково около Веркана, Вергана, Горги, Горго, т.-е. Хирканіи, Гургена. Граница Гирканіи или бассейна Гургена, отъ Каспійскаго моря до верховьевъ Гургена, столь недлинна, что на ней Персія никоимъ образомъ не могла имѣть сосѣдями одновременно такихъ двухъ или трехъ народовъ, изъ которыхъ каждый былъ въ состояніи помѣряться съ нею силами одинъ на одинъ. Вслѣдствіе этого кушаны, кидариты и ефталиты могли быть сосѣдями Персіи на Гургенѣ лишь послѣдовательно, одинъ народъ за другимъ. Но такая замѣна кушановъ послѣ 454 года,—когда Яздигердъ продолжалъ, по Егише, бороться съ ними,—кидаритами, съ которыми, по Приску, персы вели войну уже въ 456 г., а затѣмъ смѣна послѣднихъ ефталитами, въ войнѣ съ которыми, по Прокопію и Лазарю Парбеци, погибъ Перозъ въ 484 г., представляются весьма сомнительными и мало вѣроятными, потому что о нихъ ничего не говорятъ никакіе историки, тогда какъ ни Прискъ, ни Прокопій не могли бы остаться о нихъ въ совершенной неизвѣстности, потому что переходы владычества въ бассейнѣ Аму-дарьи отъ одного народа къ другому и отъ другого къ третьему не могли не сопровождаться войнами или смутами, которыя должны были имѣть значеніе въ успѣхахъ и неудачахъ Персіи, продолжавшей вести съ ними борьбу. Если же принять въ соображеніе, что, какъ увидимъ ниже, китайскія извѣстія объ юечжахъ-кушанахъ кончаются свѣдѣніями о царѣ Кидоло, совершившемъ завоеванія на югѣ отъ Хиндукуша; что имѣются монеты, съ легендами «кидара-кушана», указывающими на существованіе царей, прибавившихъ къ прежнему именованію кушанскаго царства имя *кидара*, быть-можетъ, вслѣдствіе происхожденія ихъ отъ Кидоло-Кидара, и что, по Θеофану-византійцу, евталиты имя свое получили отъ царя своего Евталана, который побѣдилъ Пероза, — то дѣлается необходимымъ вытекающій изъ вышеизложеннаго выводъ, что кушаны, кидариты и ефталиты суть одинъ и тотъ же народъ, именовавшійся первоначально то-

харами, а затѣмъ принимавшій послѣдовательно имена юечжей, кушановъ, кидаритовъ и ефталитовъ [1]).

б) Относящіяся къ кушанамъ-кидаритамъ китайскія извѣстія.

Въ «Бэй-шы», по переводу о. Іакинфа, имѣются слѣдующія, сходныя съ содержащимися въ «Вэй-шу», по переводу Шпехта, свѣдѣнія: «Владѣтель Большого Юечжы имѣетъ пребываніе въ городѣ Юньланьшы (по завѣренію Шпехта, J. a., 1883, t. II, p. 328, въ «Бэй-шы» значится Ching-kien-chi, а въ «Вэй-шу» Lou-kien-chi), отъ Фудишы [2]) на западѣ, отъ Дай (столица сѣвернаго Китая при династіи Юань-Вэй) въ 14.500 ли. По смежности съ жужаньцами (avec les Jouan-jouan) на сѣверѣ, онъ (les Ta-Yue-tchi) часто терпѣлъ нападенія отъ нихъ, почему перенесъ свой Дворъ далѣе на западъ въ городъ Боло (Po-lo), за 2.100 ли отъ Фудиши. Послѣ сего (этого «послѣ сего» въ «Вэй-шу», по увѣренію Шпехта, нѣтъ) храбрый юечжыскій государь Цидоло перешелъ съ своими войсками черезъ большія горы, напалъ на сѣверную Индію и покорилъ пять государствъ, лежащія отъ Гантоло къ сѣверу» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 172). У Шпехта послѣдній періодъ переведенъ такъ: Leur roi Ki-to-lo, prince brave et guerrier, leva une armée, passa au midi des grandes montagnes, fit une invasion dans l'Inde du nord, et les cinq royaumes au nord de Kan-tho-lo se soumirent à lui (p. 328). Абель Ремюза (N. mélanges asiatiques, t. I, p. 223) считалъ Каньтоло за Кандахаръ, Вивьенъ де С.-Мартенъ за Гандару (Etudes, t. I, p. 272). По Шпехту (p. 328), въ Hai-koue-tchi, на исторической картѣ временъ дин. Юань-Вэй, означены два города съ именемъ Kan-tho-lo, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ Гандарѣ, другой же Кандахару; съ своей стороны Шпехтъ полагаетъ, что вынужденный удалиться на западъ отъ Баміана и пересѣчь на югѣ большія горы Китоло не могъ завоевать Пенджаба, какъ кушаны въ I вѣкѣ послѣ Р. Х., а потому думаетъ, что пять царствъ, подчиненныхъ Кидоло, были расположены на сѣверѣ отъ Кандахара.

---

[1]) Армянскимъ писателямъ имя кидаритовъ осталось, кажется, неизвѣстнымъ. Себеосъ („Исторія императора Ираклa“, сочиненіе епископа Себеоса, перев. съ армянскаго К. Патканьяна, Спб., 1862 г., стр. 26, 73—75), сначала употребляетъ терминъ кушаны, говоря о гибели въ сраженіи съ ними Пероза, но позднѣе, въ изложеніи событій начала VII вѣка, имя кушановъ мѣстами замѣняетъ именами хефталитовъ и теталовъ, какъ однозначущими. Это указываетъ, что и у армянскихъ историковъ существовало убѣжденіе, что имена кушановъ и ефталитовъ или теталовъ суть имена одного и того же народа.

[2]) Фудиша описывается въ „Бэй-шы“ и „Вэй-шу“, какъ одно изъ пяти владѣній, соотвѣтствовавшихъ пяти княжествамъ юеяжійскихъ хи-хэу ханьскихъ временъ. Шпехтъ, p. 328, слѣдуя многимъ изъ прежнихъ изслѣдователей, признаетъ Фудиша за Баміанъ по имени столицы этого владѣнія Бомао (Po-mao).

Въ статьѣ «Большой Юечжы» далѣе разсказывается, что въ царствованіе императора Тхай-вуди (424—452 г.г.) торговцы изъ владѣнія Юечжы, находившіеся въ кит. столицѣ, научили производству цвѣтныхъ стеколъ. Разсказъ этотъ никакой связи съ извѣстіями о Кидоло не имѣетъ, а потому я его не привожу. Въ имѣющейся въ тѣхъ же династійныхъ исторіяхъ статьѣ «Малый Юечжы» содержится слѣдующее: «Резиденція Малаго Юечжы въ городѣ Фулэуша. Владѣтель происходитъ отъ сына владѣтеля Кидолу, царствовавшаго въ Большомъ Юечжы. Кидолу (Ki-to-lo), изгнанный хуннами, (у Шпехта: ayant été poursuivi par les Hioung-nou, но, по его замѣчанію, въ компиляціяхъ Т'унъ-тіень и Матуаньлиня вмѣсто «хіунну» стоитъ «жуань-жуань»), ушелъ на западъ, а управленіе резиденціи поручилъ сыну своему (у Шпехта, p. 330: et s'étant retiré dans l'ouest il ordonna à son fils de s'établir dans cette ville de Fou-leou-cha), отъ чего сіе владѣніе и названо Малымъ Юечжы. Оно лежитъ отъ Болу на юго-западѣ, отъ Дай въ 16.600 ли, а прежде находилось между областями Си-Пьхинъ и Чжанъ-ѣ» (т.-е. между нынѣшними Сининомъ и Гань-чжеу, см. «Собр. свѣд.», ч. 3, Геогр. указ., стр. 60 и 97). «Одѣяніе жителей сходно съ тангутскимъ (est le même que celui des Khiang). Употребляютъ золотую и серебряную монету. Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ. Въ десяти ли отъ резиденціи на востокъ есть буддайскій священный обелискъ (une tour), имѣющій 350 шаговъ окружности, 800 футовъ вышины. Отъ основанія сего обелиска до восьмаго года правленія Ву-динъ, 550, считаютъ 842 года» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 175, Шпехтъ, p.p. 329—330, съ добавленіемъ къ концу: C'est ce qu'on nomme la tour du Bouddha, ou la Tour des cent tchang).

Хотя источники, изъ которыхъ почерпнуты приведенныя свѣдѣнія «Бэй-шы» и «Вэй-шу», не пояснены, нѣтъ также въ нихъ никакихъ указаній на время, къ которому относятся изложенныя событія [1]), и многія второстепенныя обстоятельства представляются, какъ увидимъ, сомнительными или по меньшей мѣрѣ неясными, тѣмъ не менѣе весьма важное въ историко-этническомъ отношеніи извѣстіе о сдѣланныхъ царемъ юечжей

[1]) Въ какія ошибки вовлекало это отсутствіе датъ, можно видѣть изъ страннаго заблужденія довольно извѣстнаго (теперь уже покойнаго) синолога Terrien de La Couperie, который считалъ Кидоло жившимъ до Р. Х. По его мнѣнію, позже 129 г. до Р. Х., когда Чжанъ Кянь нашелъ юечжей на берегу Окса, „Kitolo, ихъ глава, устремился на югъ, перешелъ на востокѣ черезъ Хиндукушъ, завоевалъ пять царствъ Гандаріи, страну Пишавера, и учредилъ передовой постъ въ самомъ городѣ Пишаверѣ. Ихъ владѣнія такимъ образомъ увеличились и образовали пять княжествъ, которыя были соединены подъ однимъ скипетромъ къ 40 г. до Р. Х. главой одного изъ этихъ княжествъ, гуйшуанскаго или кушанскаго (у персовъ), Кіо-цзю-кіо“ и т. д. (Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres pendant l'année 1899, 4-ème série, t. XVII, Paris, 1890, p.p. 344—345).

кушановъ Кидоло завоеваніяхъ въ сѣверной Индіи и объ основаніи оставленнымъ имъ въ Фулэуша (Пишаверѣ) сыномъ династіи вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подтверждается монетами, находимыми въ Авганистанѣ и Пенджабѣ. Въ 1893 г. Кеннингамомъ были изданы двѣ серебряныя монеты, походящія на монеты персидскихъ сасанидовъ, съ изображеніемъ жертвенника огню, съ легендою древними письменами гупта «кидара кушана шахи» и съ тремя знаками, имѣющими, по догадкамъ Кеннингама, значеніе 339, которые онъ предположилъ датою эры сака, начинающейся въ 78 г. послѣ Р. Х., а потому призналъ чеканенными въ 417 г. послѣ Р. Х.; я не вижу, однако почему бы не считать этой даты 339 продолженіемъ датировки, принятой на монетахъ Канишки и его преемниковъ, что было вполнѣ естественно со стороны царей, именующихъ себя кушанами же: въ такомъ случаѣ, ежели притомъ считать первымъ годомъ царствованія Канишки 125 г. по Р. Х., по гипотезѣ В. Смита (см. выше), дата 339 окажется соотвѣтствующею 125+339, т.-е. 464 г. по Р. Х. Кромѣ серебряныхъ есть еще много золотыхъ и мѣдныхъ монетъ, въ которыхъ «слово *кидара*, болѣе или менѣе полное, всегда находится подъ лѣвой рукой (изображеннаго на монетѣ) царя и кажется употреблявшимся, какъ общее династическое имя». Существуютъ еще монеты, гдѣ вмѣсто «кушана» написано «кашана» и т. д. Не вдаваясь въ дальнѣйшія нумизматическія и другія подробности, которыя можно найти у Винсента А. Смита, — свѣдѣніями котораго я преимущественно пользовался (см. его статьи въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXIII, Part I, 1894, p.p. 181—185, Journal of the R. Asiatic Society of Great Britain, 1897, p. 906),—и въ указываемыхъ имъ источникахъ, я нахожу яснымъ, что добавленіе къ имени царства и народа кушанскаго новаго имени кидара, видимо, тождественнаго съ Кидоло китайскихъ извѣстій, подтверждаетъ и удостовѣряетъ вѣрность послѣднихъ относительно завоеванія кушанскимъ Кидоло или Кидаромъ части сѣверной Индіи, въ которой и основалось царство, управляемое потомствомъ оставленнаго Кидаромъ въ Пурушапурѣ сына, съ именемъ для этой династіи «кушана-кидара». Существованіе для кушановъ на Аму-дарьѣ, воевавшихъ съ Яздигердомъ и Перозомъ, по извѣстіямъ Приска, между 456 и 468 г.г., имени кидаритовъ даетъ достаточное основаніе полагать, что явилось оно сначала у кушановъ на сѣверѣ Хиндукуша, какъ и должно было быть, если оно произошло отъ имени или прозвища Кидоло-Кидара или отъ рода, которому онъ принадлежалъ [1]), ежели Кидоло не былъ потомкомъ Кіоцзюкю,

[1]) Едва ли можетъ быть признано основательнымъ предположеніе Томашека о томъ, что имя кидаритовъ произошло отъ тюрбановиднаго головнаго убора или отъ имени города Кидара или Кедра въ области Барабъ на нижнемъ Яксартѣ (Sogdiana, 1877 г., S. 93). Томашекъ не могъ указать сколько-нибудь близкаго слова, кромѣ семитическихъ, которыя, конечно, не могутъ имѣть чего-либо общаго съ именами средне-азіатскихъ народовъ; что же касается области Фарабъ

а достигъ власти вслѣдствіе прекращенія или устраненія династіи Кіоцзюкю.

Обращаясь къ свѣдѣніямъ о столицѣ Б. Юечжы,— имя которой въ «Бэй-шы» Іакинфъ прочелъ Юньланьшы, тогда какъ, по Шпехту, это имя въ той же исторіи читается Шинъ-кянь-ши, а въ «Вэй-шу» Лу-кянь-ши,— мы встрѣчаемъ мнѣніе Шпехта, который склоненъ думать, что эти два имени суть лишь болѣе полныя формы именъ Ланьши (въ «Шы-цзи» и въ «Хэу-Хань-шу») и Кяньши (въ «Цянь-Хань-шу»), но всѣ эти четыре имени суть, вѣроятно, лишь болѣе или менѣе удачныя китайскія транскрипціи имени Александрейя, бактрійскаго города, упоминаемаго Стефаномъ-византійцемъ,—транскрипціи, произведенныя изъ уже испорченной пехлевійской формы, въ которой имя Александръ произносилось Аласандаръ, Сикандаръ и т. под.; городъ этотъ, вѣроятно, помѣщался около или на мѣстѣ Балха, который по одному преданію, приводимому Якутомъ, былъ построенъ Александромъ Македонскимъ (Journal asiatique, 1897, t. X, 9-ème série, p.p.159—161). Съ этимъ мнѣніемъ согласиться, по моему, невозможно, потому что, во-первыхъ, нельзя считать сколько-нибудь вѣроятнымъ, чтобы четыре или пять именованій ючжійскихъ столицъ были транскрипціями одного и того же имени, да притомъ имени, самое существованіе котораго весьма сомнительно; во-вторыхъ, столица Гянь-ши времени Старшихъ Ханей находилась, по всей вѣроятности, на сѣверѣ отъ Аму-дарьи, въ долинѣ Кашка-дарьи, какъ я предполагаю, столица же хэу-ханьскаго времени Ланьши должна быть тождественна съ столицею Дахя и находилась, слѣдовательно, на югѣ отъ Окса. Если считать достовѣрными извѣстія о нападеніяхъ жуженей, вынудившихъ перенести столицу въ Боло, то столица эта должна была бы, до перенесенія въ Боло, находиться на сѣверѣ отъ Аму-дарьи, всего скорѣе въ долинѣ Кашка-дарьи, т.-е. это была цянь-ханьская Гяньши, потому что именно здѣсь вѣроятнѣе могла имѣть мѣсто та «смежность съ жуженьцами на сѣверѣ», вслѣдствіе которой юечжійскій владѣтель «часто терпѣлъ нападенія отъ нихъ», тогда какъ, въ случаѣ нахожденія столицы на югѣ отъ Окса, трудность переправы чрезъ эту рѣку дѣлала безопасною юечжійскую столицу отъ всякихъ неожиданныхъ набѣговъ. Поэтому и въ Боло слѣдовало бы видѣть Балхъ, хотя онъ находился не на западѣ отъ прежней столицы Гяньши, какъ гласили ошибочно китайскія свѣдѣнія, а на югѣ; въ этомъ случаѣ Фудиша, въ 2.100 ли отъ которой лежалъ на западѣ Боло, должна почитаться Бадахшаномъ, какъ полагалъ Гутшмидъ (S. 169), а не Фудиша-Баміаномъ, какъ, вѣроятно, предполагали ошибочно редакторы «Вэй-шу» и

или Барабъ на Сыръ-дарьѣ съ главнымъ городомъ Кедеръ (см. о ней извѣстія Истахри, Ибнъ-Хаукаля и Макдиси у В. В. Бартольда „Туркестанъ“ и пр., 1900, стр. 177 и 178), то она и Кедеръ сдѣлались извѣстными лишь въ X вѣкѣ, и не имѣется никакихъ данныхъ о какомъ - либо отношеніи ея къ кушанамъ - кидаритамъ.

«Бэй-шы», помѣщая свѣдѣнія о Фудишѣ, въ числѣ пяти владѣній, соотвѣтствующихъ княжествамъ пяти хи-хэу, непосредственно передъ статьей «Б. Юечжы».

Шпехтъ не могъ опредѣлить, гдѣ именно находился городъ Боло, но утверждаетъ, что это не былъ Балхъ, потому что Боло лежалъ на западѣ Фодиши-Баміана, а не на сѣверѣ, какъ Балхъ относительно Баміана (J. asiatique, 1883, t. II, p. 329). По мнѣнію Маркварта, Боло (Po-lo) не Балхъ, потому что Балхъ описанъ въ «Вэй-шу» подъ именемъ Po-сi [1]); такъ какъ вл. Фодиша показано только на 100 ли ближе къ Дай, чѣмъ соотвѣтствующее ханьскому Гаофу - Кабулу владѣніе Яньфогѣ, то Боло должно было лежать намного западнѣе или скорѣе сѣверо-западнѣе отъ Фодиша и Кабула, чѣмъ Балхъ, а потому онъ отождествляетъ Боло съ городомъ Балханомъ на древнемъ руслѣ Окса у горъ Малые Балханы на востокѣ отъ Красноводскаго залива, а также съ городомъ Балаамъ, который, по Приску, осаждалъ и взялъ Перозъ (Erānšahr, S. 55). По мнѣнію Томашека, на котораго Марквартъ сдѣлалъ ссылку, Балаамъ Приска напоминаетъ возвышенность Балджанъ, близъ которой, по Ибнъ-аль-Асиру, лежала столица Харезма на восточномъ или правомъ берегу Окса (Sogdiana, S.S. 93, 112). Догадку относительно того, что имя горы Балджанъ, близъ которой по Ебнъ-Атиру лежала древняя столица Хаваризма, повторяется (se retrouve) въ имени залива и горы Балканъ, которыя упоминаются въ «Путешествіи въ Туркменію Муравьева», высказалъ еще Катрмэръ (Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi, t. XIII, Paris, 1838, p. 290), но такъ какъ древній Харезмъ во всякомъ случаѣ занималъ территорію на Аму-дарьѣ въ предѣлахъ нынѣшняго хивинскаго ханства и аму-дарьинскаго округа, отъ которыхъ до Балкановъ очень далеко, то столица Харезма не могла находиться близъ Балкановъ, и гора или возвышенность Балджанъ не имѣетъ съ послѣдними ничего общаго, какъ и Балаамъ Приска. Этотъ Балаамъ можетъ быть скорѣе почитаемъ за Тала-

[1]) Аргументъ этотъ не можетъ быть признанъ основательнымъ, потому что ниже (S. 215) Марквартъ призналъ городъ Боти юань-вэйской же статьи Тухуло („Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 176) за Балхъ, объясняя, что Балхъ является въ юань-вэйскихъ свѣдѣніяхъ дважды, первый разъ, какъ столица владѣнія Бочжи, и другой, какъ большой городъ въ Тухуло-Тохаристанѣ, вслѣдствіе политическихъ перемѣнъ или вслѣдствіе различія матеріаловъ, которыми составители описаній пользовались. Если такимъ образомъ существованіе слишкомъ краткаго и безсодержательнаго описанія вл. Бочжи (вотъ оно, по Іакинфу, стр. 170: „*Бочжи.* Бочжискій владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Бочжи, отъ Гашени на югѣ, отъ Дай въ 13.320 ли. Много разныхъ плодовъ“) не препятствуетъ узнать въ Боти описанія Тухуло Балхъ, то нельзя по причинѣ одного существованія статьи Бочжи отвергать тождество Боло въ статьѣ „Б. Юечжы“ съ Балхомъ, ибо свѣдѣнія всѣхъ трехъ статей могли быть получены изъ различныхъ источниковъ разнаго, хотя все-таки юань-вэйскаго, времени.

канъ, какъ предполагалъ де-Гинь (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I., partie 2, p. 329), по нѣкоторому сходству звуковъ. Во всякомъ случаѣ нельзя допустить чтобы столица кушановъ - кидаритовъ - ефталитовъ когда-либо находилась въ Таликанѣ и вообще многимъ западнѣе Балха, потому что она тогда подвергалась бы опасности при каждой войнѣ съ Персіею, тогда какъ войны съ сассанидами были часты, и персы были далеко болѣе сильные враги, умѣвшіе осаждать и брать даже хорошо укрѣпленные города,—какъ извѣстно изъ историческихъ свѣдѣній о войнахъ ихъ съ римлянами и византійцами,—чѣмъ жужани, которые, по свидѣтельству китайцевъ, около 470 г., «умѣютъ грабить только въ полѣ, но осаждать городъ не могутъ». Это было высказано по поводу просьбы хотанцевъ о помощи противъ жужаньскаго войска, которое уже стояло подъ Хотаномъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 146). Харезмъ и степи на сѣверъ отъ Мерва и Гургена, вѣроятно, находились подъ владычествомъ кушановъ-ефталитовъ во времена ихъ могущества, а также возможно, что въ случаѣ нашествій сассанидовъ съ огромными силами цари кушановъ искали временнаго убѣжища съ своимъ войскомъ подъ защитою трудно проходимыхъ песковъ своихъ степей, но совершенно невѣроятно, чтобы они переносили свою столицу къ Красноводску или Хивѣ, такъ какъ они скоро потеряли бы свои наиболѣе цѣнныя и населенныя владѣнія въ верховьяхъ Амударьи и на Заравшанѣ.

Въ приведенной выше статьѣ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» о вл. Малый Юечжы содержатся явныя несообразности въ фразѣ: «Кидолу, изгнанный *хуннами*, ушелъ на западъ, а управленіе резиденціи поручилъ сыну своему, отъ чего сіе владѣніе и названо Малымъ Юечжы». Въ позднѣйшихъ компиляціяхъ, какъ уже упомянуто, хунны замѣнены жуань-жуанями, вѣроятно въ соотвѣтствіе съ статьей «Большой Юечжы», гдѣ владѣтель терпѣлъ нападенія не отъ хунновъ, а отъ жуань-жуаней, и перенесъ свою столицу «далѣе на западъ» вслѣдствіе этихъ нападеній. Однако, одна замѣна хунновъ жуань-жуанями не устраняетъ другихъ разногласій между двумя статьями. Такъ въ статьѣ «Б. Юечжы» не выражено нисколько, что подвергавшійся нападеніямъ жужаней владѣтель былъ именно Кидоло. Допустимъ, согласно статьѣ «М. Юечжы», что это былъ Кидоло, но тогда, согласно этой же статьѣ, выйдетъ, что завоеваніе сѣверной Индіи съ Пурушапурою было произведено царемъ Кидоло ранѣе нападеній жуань-жуаней, ибо, лишь подвергшись имъ, онъ поручилъ сыну править въ Фулэуша, самъ же ушелъ на западъ, куда именно — объ этомъ статья «М. Юечжы» умалчиваетъ, но по статьѣ «Б. Юечжы» можно думать — въ городъ Боло, свою резиденцію на сѣверѣ Хиндукуша. Далѣе изъ статьи «М. Юечжы» явствуетъ, что имя М. Юечжы владѣніе это получило вслѣдствіе того, что правившая имъ династія происходила отъ сына владѣтеля Б. Юечжы, отдавшаго Фулэуша съ остальными, конечно, землями, покоренными на югѣ

отъ Хиндукуша, этому сыну, тогда какъ самъ Кидоло и потомство его, властвуя на сѣверѣ Хиндукуша, сохранили (все это, конечно, у китайцевъ, которые одни держались этого древняго именованія) за своимъ царствомъ именованіе Б. Юечжы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, статья «М. Юечжы» добавила, что вл. М. Юечжы «прежде находилось между областями Си-пьхинъ и Чжанъ-ѣ», т.-е. въ горахъ Наньшань, между Сининомъ и Гань-чжеу, а это побуждаетъ имѣть въ виду извѣстіе «Цянь-Хань шу» о томъ, что по уходѣ отъ хунновъ главной массы юечжей во II в. до Р. Х. «остальные роды, которые по малосилію не въ состояніи были слѣдовать, засѣли въ южныхъ горахъ и тангутами (кянами, т.-е. тибетцами) названы Малымъ Юечжы» («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 55). Это замѣчаніе о прежнемъ нахожденіи М. Юечжы въ Наньшанѣ даетъ, мнѣ кажется, ключъ для выясненія причины несообразностей въ статьѣ «М. Юечжы». Она заключается въ склонности позднѣйшихъ китайскихъ историковъ повторять, до буквальнаго иногда переписыванія, свѣдѣнія древнѣйшихъ династійныхъ исторій, особенно «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», вслѣдствіе, вѣроятно, убѣжденія, что лучше и вѣрнѣе о тѣхъ же странахъ и народахъ противъ содержащагося въ древнихъ образцовыхъ исторіяхъ ничего сказать невозможно. Примѣры такихъ, часто весьма неудачныхъ, списываній изъ древнихъ династійныхъ исторій намъ еще встрѣтятся. Въ статьѣ «М. Юечжы» рабское слѣдованіе «Цянь-Хань-шу» вполнѣ ясно: какъ тамъ вслѣдствіе нападеній хунновъ юечжы удаляются на западъ, такъ и здѣсь «Кидолу, изгнанный хуннами, ушелъ на западъ»; какъ въ «Цянь-Хань-шу» послѣ ухода юечжей на западъ оставшіеся роды называются «Малымъ Юечжы», такъ и въ исторіяхъ дин. Юань-Вэй владѣніе оставленнаго царемъ Кидолу въ Фулэуша при уходѣ на западъ сына «названо Малымъ Юечжы»; какъ юечжы ханьскихъ временъ «съ своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, въ обыкновеніяхъ сходствуютъ съ хуннами», такъ и юань-вэйскіе Малые Юечжы «перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ». Конечно, выраженныя архаически свѣдѣнія юань-вэйскихъ исторій въ существѣ своемъ вообще должны быть вѣрны, но нельзя не опасаться, что стремленіе ихъ составителей копировать исторію Старшихъ Ханей не отражалось иногда болѣе или менѣе невольнымъ искаженіемъ истины. Такъ юечжы, оставленные съ сыномъ Кидоло въ Фулэуша, несомнѣнно были кушаны, т.-е. б. юечжы, и прибыли съ Кидоло съ Аму-дарьи, съ малыми же юечжами ханьскихъ временъ, оставшимися въ Наньшанѣ, не имѣли въ это время ничего общаго, кромѣ принадлежности нѣкогда къ одному племени, а потому увѣреніе о томъ, что пурушапурскіе малые юечжы прежде находились «между областями Си-пьхинъ и Чжанъ-ѣ», не согласно съ истиною. Да едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что владѣніе сына Кидоло и его потомковъ со столицею въ Фулэуша ни кѣмъ Малымъ Юечжы» не названо, кромѣ составителей юань-вэйскихъ исторій

или ихъ источниковъ, столь же зараженныхъ склонностью къ архаизмамъ. Въ статьѣ «Б. Юечжы» Кидоло подвергается нападеніямъ жужаньцевъ, а не хунновъ, какъ въ статьѣ «М. Юечжы», но на мой взглядъ весьма возможно, что и нападенія жужаней появились у юаньвэйскихъ историковъ лишь вслѣдствіе заимствованій изъ ханьской исторіи. Склоненъ я такъ думать потому, что нахожу весьма мало возможными набѣги жуань-жуаней въ бассейнъ Аму-дарьи. Правда, восточные тюрки, можетъ быть, дѣйствительно совершили въ 689, 701 и 711 г. г. (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. 2, 1900 г., стр. 189 и 190),—какъ обнаружено древне-тюркскими памятниками Монголіи, тексты которыхъ, однако, именно въ этихъ мѣстахъ страдаютъ порчею и неясностями,—три похода въ долину Заравшана и Кашка-дарьи, но для тюрковъ набѣги эти были возможны, такъ какъ бассейны Сыръ-дарьи и Аму-дарьи находились еще въ это время въ болѣе или менѣе дѣйствительной зависимости отъ западныхъ тюрковъ, и походы восточныхъ тюрковъ были предпринимаемы немедленно послѣ подчиненій ими западныхъ тюрковъ и, быть можетъ, по просьбамъ иранскаго населенія долины Заравшана о помощи противъ арабовъ, стремившихся въ это время утвердить надъ нимъ свое владычество. Что же касается жуань-жуаней, то ихъ владѣнія въ апогеѣ ихъ могущества «на западѣ простирались до Харашара» только («Бэй-шы» въ переводѣ Іакинфа «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 209); хотя жужаньцы нѣсколько разъ производили набѣги на усуньскаго владѣтеля,—вынудивъ его переселиться въ Цунлинъ (надо полагать на Нарынъ), вѣроятно, ранѣе 436 г., ибо эти свѣдѣнія должны быть получены отъ кит. посольства этого года («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 162),—и около 470 г., какъ выше приведено, сдѣлали набѣгъ на Хотанъ, но и отъ Нарына, какъ и отъ Хотана до Заравшана и Аму-дарьи разстоянія столь еще велики, что выполненіе жуань-жуанями нашествій на кушановъ весьма сомнительно, тѣмъ болѣе, что кромѣ дальности разстояній походъ ихъ мало вѣроятенъ и потому, что путь ихъ долженъ былъ лежать чрезъ владѣніе Юебань, съ которымъ они находились въ враждебныхъ отношеніяхъ со времени четвертаго жужаньскаго хана Датаня (съ 414 до 429 или 430 г., первый же жужаньскій ханъ Шелунь объявилъ себя ханомъ въ 402 г. и умеръ въ 410 г.) и которое въ 449 г. вступало въ союзъ съ юань-вэйскимъ императоромъ Тхай-ву противъ жужаней («Собр. свѣдѣній», ч. 3, стр. 163—165). Серьезныя нападенія жужаней тѣмъ болѣе невѣроятны, что, находясь въ частыхъ и продолжительныхъ войнахъ съ воинственными юань-вэйскими императорами, вторгавшимися въ ихъ земли и наносившими страшныя пораженія («Собр. свѣд.», г. I, стр. 212 и слѣд.), жужани не имѣли возможности отправлять на отдаленный западъ сколько-нибудь значительныя силы, грабительскія же ихъ шайки отнюдь не могли причинять большого вреда, если кушаны

принимали необходимѣйшія мѣры предосторожности противъ набѣговъ кочевниковъ съ сѣвера и востока.

Нападенія ли жужаней были причиною перенесенія столицы кушановъ въ Боло, да и совершилось ли перемѣщеніе кушанской столицы — это, при крайней вообще скудости нашихъ свѣдѣній о событіяхъ въ странѣ кушановъ за все время ихъ существованія, особо важнаго значенія не имѣетъ. Несравненно необходимѣе опредѣленіе времени завоеваній Кидоло въ сѣверной Индіи. Единственная дата въ статьѣ «Б. Юечжы» состоитъ въ упоминаніи о томъ, что ознакомившіе китайцевъ съ производствомъ цвѣтныхъ стеколъ торговцы изъ владѣнія Юечжы заявили о своей готовности приготовлять эти стекла и произвели ихъ выплавку въ царствованіе императора Тхай-ву, который занималъ престолъ съ 424 до 452 г. Къ этому времени съ достовѣрностью можетъ быть относима только часть свѣдѣній статьи «Б. Юечжы», именно производство цвѣтныхъ стеколъ, потому что свѣдѣнія о Кидоло могли быть получены и не отъ помянутыхъ торговцевъ. Несомнѣнно, однако, что свѣдѣнія, содержащіяся въ статьѣ «М Юечжы», относятся къ значительно болѣе позднему времени, такъ какъ современный имъ владѣтель происходилъ отъ сына Кидоло: неуказаніе колѣна даетъ основаніе полагать, что владѣтель этотъ жилъ по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Кидоло. Дата 550 г., данная при опредѣленіи времени построенія ступы въ 10 ли на востокъ отъ Фулэуша, даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что извѣстія о «М. Юечжы» взяты «у какого-нибудь буддійскаго путешественника, бывшаго въ Пурушапурѣ, или писавшаго сказаніе свое о хожденіи своемъ туда, въ 550 г.» (В. В. Григорьевъ, «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867 г., стр. 810), но это предположеніе остается не подтвердившеюся догадкою, такъ какъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній о путешественникѣ 550 года, кажется, не обнаружено. Изъ китайскихъ буддистовъ, оставившихъ о своихъ путешествіяхъ въ Индію подробныя и сохранившіяся до насъ описанія, старѣйшій Фа-Сянь, около 401 г., прибылъ въ Фулэуша (Fo-lau-sha) послѣ четырехдневнаго пути на югъ изъ Гандары (Kin-to-wai); никакихъ этническихъ и политическихъ свѣдѣній о странахъ Гандарѣ и Фулэуша Фа-Сянь не даетъ, ограничиваясь описаніями буддійскихъ святынь и сообщеніемъ относящихся къ нимъ легендъ; въ странѣ Фулэуша упоминаетъ онъ о ступѣ высотою въ 470 ф., построенной царемъ Канишкой; въ этой же странѣ хранится горшокъ, служившій Буддѣ для собиранія милостыни; нѣкогда юечжійскій царь сдѣлалъ на эту страну нашествіе съ большою арміею, чтобы овладѣть этимъ горшкомъ и увезти его, но ни слонъ, на котораго положенъ былъ горшокъ для увоза, ни нарочно сдѣланная для отвоза горшка колесница не могли двинуться съ мѣста (Travels of Fa-hian and Sung-yun, transl. by S. Beal, London, 1869, p. p. 34—37); впослѣдствіи на островѣ Цейлонѣ Фа-Сянь слышалъ предсказаніе, по которому находящійся въ Гандарѣ гор-

шокъ Будды будетъ лѣтъ черезъ сотню перемѣщенъ въ страну западныхъ юечжей, откуда, тоже лѣтъ черезъ сотню, будетъ перемѣщенъ въ страну Хотанъ и т. д. (тамъ же, pp. 161 — 164). Такъ какъ въ современной Индіи Фа-Сянь нигдѣ болѣе юечжей не упоминаетъ, то подъ царствомъ «западныхъ юечжей» нечего болѣе разумѣть, кромѣ владѣній юечжей-кушановъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша, которыхъ этотъ паломникъ не посѣтилъ, ибо въ передній путь слѣдовалъ чрезъ Хотанъ, Памиръ, Дарелъ, Учанъ въ Гандару, оставивъ кушанское царство въ сторонѣ, на западѣ; обратный же путь въ Китай совершилъ моремъ. О восточномъ или юго-восточномъ, индійскомъ царствѣ юечжей Фа-Сянь ничего не говоритъ, вѣроятно, потому, что его уже не существовало задолго до его путешествія: по надписямъ и монетамъ извѣстно достовѣрно, что еще въ концѣ первой четверти IV вѣка Чандра Гупта (318 — 345 г.г.) основалъ на Гангѣ могущественную имперію, вѣроятно, изъ восточныхъ владѣній разрушавшагося къ этому времени индо-кушанскаго царства; изъ числа государей, съ которыми, по надписи на аллахабадскомъ столбѣ, Самудра Гупта (около 345—380 г. г.) имѣлъ сношенія, Винсентъ А. Смитъ склоненъ считать тѣхъ, которые носили титулы девапутра и шахи, за кушанскихъ царей Гандары, западнаго Пенджаба и долины Кабулъ-дарьи (Journal of the R. Asiatic Society, 1897, pp. 903—905). Весьма возможно, что ко времени путешествія Фа-Саня, къ началу V вѣка, когда Чандра-Гупта II совершалъ походы съ одной стороны за семь устьевъ Инда и въ страну Ванга (Бенгалъ) съ другой (тамъ же, pp. 7 — 9), владычество кушановъ на Индѣ и Кабулъ-дарьѣ окончательно пало и изъ бывшихъ владѣній ихъ образовались мелкія царства съ туземными царями, изъ которыхъ Фа-Сянемъ были посѣщены царства Су-хо-то (Сватъ), Гандара (нынѣшній Буниръ съ прибрежьемъ Инда и со столицею въ Ундѣ), Фуляуша и На-гѣ (въ нынѣшнемъ округѣ Джелальабада). Китайское посольство, при которомъ состоялъ Сонъ Юнь, нашло въ 520 г. царствующимъ въ Гандарѣ воинственнаго государя, первый изъ двухъ предмѣстниковъ котораго былъ поставленъ въ цари Гандары ѣда'цами (ефталитами), по завоеваніи ими этой страны; государь этотъ уже три года велъ войну противъ Гибини изъ-за границъ царства; въ 7 ли на юго-востокъ отъ столицы находилась построенная царемъ Канишкой чрезъ 300 лѣтъ послѣ Нирваны ступа, высотою въ 700 футовъ, самая главная изъ находящихся въ странахъ запада (Travels of Fa-hian and Sung-yun, transl. by S. Beal, London, 1869, pp. 197, м. 201—203, а также «Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 181). Хотя Сонъ Юнь не назвалъ столицы Гандары, но это, конечно, была Pou-lou-cha-pou-lo, какъ во второй четверти VII вѣка, когда Сюань Цзанъ въ 8 — 9 ли на юго-востокѣ отъ этой столицы Гандары (Kien-t'o-lo) посѣтилъ огромную ступу, воздвигнутую Канишкой; страна въ его время сильно опустѣла, и въ самой столицѣ, имѣвшей около 40 ли въ окружности, уцѣлѣло населенія не болѣе 1 т. семействъ, царскій же

родъ ея угасъ и царство находилось въ зависимости отъ царя Каписы (Mémoires etc., t. I, pp. 104 et suiv.).

Биль въ 1869 г. готовъ былъ считать гандарскую династію Сонъ Юня за династію, основанную сыномъ Кидоло въ Фулэуша (p. 197), но въ настоящее время можно полагать общепринятымъ, на основаніи надписей, монетъ и отчасти литературныхъ источниковъ, что царь Гандары Сонъ Юня соотвѣтствовалъ царю «бѣлыхъ унновъ» Козмы Индикоплевста, путешествовавшаго въ 522—530 гг., Голласу и царю хуна Михиракулѣ индійскихъ надписей и монетъ. Древнѣйшая индійская надпись, упоминающая хуна, есть бхитарійская (Bhitari) надпись Сканда Гупты, относимая приблизительно къ 470 г. и сообщающая между прочимъ тотъ фактъ, что означенный царь имѣлъ столкновенія съ хуна (joined in close conflict with the Hûnas, см. Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. III, Inscriptions of the Early Gupta Kings, by John F. Fleet, Calcutta, 1885, p. 52); мандасорская надпись царя сѣверной Индіи Ясодармана (около 535 г.) утверждаетъ, что царь этотъ выказалъ свою доблесть завоеваніемъ тѣхъ странъ, которыя не смогли покорить вожди хуна, и что Михиракула призналъ свою зависимость отъ Ясодармана; одна изъ надписей въ Гваліорѣ датирована 15-мъ годомъ царствованія Михиракулы, сына Тораманы; надпись Адитьясены, царя Магадды, упоминаетъ о пораженіи Дамодарою Гупта (около 535 г.) маухаріевъ, которые сами поразили хуна (Further Observations on the History and Coinage of the Gupta Period, by Vincent A. Smith, въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXIII, 1894, Part I, pp. 186—187). Д-ръ Р. Хернле намѣтилъ, на основаніи различныхъ данныхъ и предположеній, для царствованія основателя династіи хуна Хираніи 465—490 гг., приписывая ему завоеваніе Пенджаба; Торамана, его сынъ, царствовалъ съ 490 г. до 515 г. и завоевалъ Кашмиръ; наслѣдовавшій ему въ 515 г. сынъ Михирагула былъ около 533 г. разбитъ царемъ Ясоварманой Викрамадитьей и удалился въ Кашмиръ, такъ какъ Гандарою и Пенджабомъ завладѣлъ его родной братъ Праварасена (Some Problems of Ancient Indian History, by Rudolf Hoernle, въ Journal of R. Asiatic Society, 1903, p. 570). [1])

Такъ какъ династія хуна посажена въ Гандарѣ ѣда-ефталитами, то болѣе подробное изложеніе и разсмотрѣніе относящихся сюда китайскихъ свѣдѣній откладываю я до обсужденія извѣстій объ ефталитахъ, при чемъ выскажусь и относительно времени основанія династіи хуна въ Гандарѣ. Возвращаясь къ разсмотрѣнію юань-вэйскихъ описаній Б. Юечжы и М. Юечжы, я остановлюсь теперь на указаніи послѣдняго изъ этихъ описаній

[1]) Имя Хираніи взялъ онъ изъ „Раджа-тарангини“, гдѣ, въ одномъ изъ сказаній, Михирагула названъ сыномъ Васакулы (Торамана) и внукомъ Хиранія кулы (p. 568).

о томъ, что вл. М. Юечжы «лежитъ отъ Болу на юго-западѣ». Точно также показано находящимся отъ Болу на юго-западѣ владѣніе Гибинь, описаніе котораго помѣщено въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» тотчасъ послѣ статьи «Малый Юечжы»: «Резиденція гибиньскаго владѣнія въ городѣ Шань-цзянь (Chen-kian, по переводу Шпехта, J. asiatique, 1883, t. II, p. 333), отъ Болу на юго-западъ, отъ Дай въ 14200 ли; окружена со всѣхъ сторонъ горами. Сіе владѣніе отъ востока къ западу простирается на 800, отъ сѣвера къ югу на 300 ли. *Земля ровная, климатъ умѣренный. Растутъ разныя деревья и травы, свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ. Удобряютъ и огороды, и поля. Земля имѣетъ влажную почву и произращаетъ рисъ; даже зимою ѣдятъ свѣжую зелень. Жители искусны въ рѣзьбѣ и тканьѣ шерстяныхъ издѣлій. Имѣютъ золото, серебро, мѣдь и олово, и дѣлаютъ изъ сихъ металловъ посуду. Въ торговлѣ употребляютъ деньги. Скотъ такой же, какой и въ другихъ владѣніяхъ.* Часто отправляютъ къ Двору посольства съ дарами» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 175 и 176). Отмѣченныя мною курсивомъ части этого описанія Гибини являются болѣе или менѣе буквальнымъ повтореніемъ описанія Гибини въ «Цянь-Хань-шу», которое, въ существенномъ, было приведено мною въ «Р. Антрополог. Журналѣ» 1900 г. № 3, стр. 66 и 67,—т.-е. въ описаніи Гибини юань-вэйскіе редакторы обнаружили ту же склонность почти списывать ханьскія описанія, какъ и въ статьѣ «М. Юечжы» и отчасти въ статьѣ «Б. Юечжы». Юань-вэйское описаніе владѣнія Болу, помѣщенное непосредственно предъ статьею «М. Юечжы», мною уже было приводимо («Р. А. Ж.», 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 144), при чемъ Болу было признано соотвѣтствующимъ нынѣшнему Гилгиту (тамъ же, стр. 145). Изъ предисловія или вступленія къ свѣдѣніямъ о западныхъ странахъ въ «Бэй-шы» видно, что первыя посольства юань-вэйской династіи были въ западныя страны отправлены при императорѣ Тхай-ву (съ 424 до 452 г.); первое его посольство не пропущено было жуанями, но второе успѣло въ третьемъ году правленія Тхай-янь (436—440 гг.), т.-е. въ 438 г., проникнуть до Полоны (Фергана) и Чжеше (Ташкентъ); затѣмъ проѣзду посольствъ сталъ препятствовать владѣтель царства Лянъ (у Наньшаня на древнихъ земляхъ юечжей) Цзюйкюй Мугянь; тогда Тхай-ву объявилъ Мугяню войну и завоевалъ его царство въ пятомъ году правленія Тхай-янь, т.-е. въ 440 г. («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 137—140, а также ч. 1, стр. 440). Далѣе, въ свѣдѣніяхъ «Бэй-шы» о владѣніи Шаньшань упоминается, что послѣ завоеванія юань-вэйцами царства Цзюйкюй-Мугяня братъ его Ухой утвердился въ Дунь-хуанѣ и послалъ брата Аньчжеу покорить Шаньшань; тамошній владѣтель Билунъ хотѣлъ было ему покориться, но въ это время «посланники Дома Юань-вэй, возвращавшіеся изъ путешествія въ *Иноію* и *Гибинь*, случайно прибыли въ Шаньшань» и посовѣтовали «силу отражать силою». Аньчжеу выну-

женъ былъ удалиться безъ успѣха, но «впослѣдствіи Билунъ пришелъ въ страхъ и съ своимъ народомъ бѣжалъ на западъ въ Цюйми» въ третье лѣто правленія Чжень-гюнь, т.-е. въ 443 г. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 142 — 144). Оставшійся съ частью народа въ Шаньшани сынъ его поддался Аньчжеу, но это вызвало высылку юань-вэйцами войскъ въ Шаньшань и ея покореніе Китаю (тамъ же, стр. 143 и 144). Такимъ образомъ выясняется, что между 440 и 443 годами чрезъ Шаньшань возвращались изъ Гибини и Индіи юань-вэйскіе посланники. Свѣдѣній о другихъ посольствахъ въ Гибинь за юань-вэйское время не имѣется: нѣтъ датъ и о посольствахъ изъ Гибини, за исключеніемъ посольства 452 г., о которомъ, по словамъ профессоровъ Шаванна и Леви (J. asiatique, 1895, t. VI, p. 374) упоминается въ «Вэй-шу», при чемъ они, однако, не указали мѣста и перевода не дали. Нѣтъ въ «Бэй-шы» (и въ «Вэй-шу») и описанія Индіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ о «Южной Индіи», откуда упоминается посольство въ 500 — 516 гг. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 176 и 177). Въ вышеупомянутомъ же вступленіи къ свѣдѣніямъ о западныхъ странахъ Бэй-шы» значится: «Вначалѣ было только двѣ дороги, ведущія въ Западный край, впослѣдствіи открыли еще двѣ дороги»; подъ двумя послѣдними разумѣются дороги отъ Яркяна: одна на западъ до Габей, т.-е. до Каратегина, другая же «на юго-западъ 500 и отъ Луковыхъ горъ (Цунлина) на юго-западъ же 1300 ли до Болу» (тамъ же, стр. 140 и 141). Отсюда слѣдуетъ заключить, что путь юань-вэйскаго посольства 442 г. (къ этому году между 440 и 443 слѣдуетъ, кажется, относить точнѣе время возвращенія посланниковъ изъ Гибини и Индіи чрезъ Шаньшань) въ Гибинь и Индію лежалъ чрезъ Болу-Гилгитъ, почему и оріентировка лежавшихъ далѣе на югъ странъ должна была производиться на Болу. Но хотя указаніе въ описаніяхъ М. Юечжы и Гибини на нахожденіе ихъ на юго-западѣ отъ Болу даетъ основаніе полагать, что путь въ эти владѣнія изъ Китая при юань-вэйской династіи лежалъ чрезъ Болу, отсюда еще не слѣдуетъ, что свѣдѣнія объ обоихъ владѣніяхъ получены чрезъ посольство 442 г. Съ достаточной вѣроятностью можно допустить это только относительно Гибини, такъ какъ имѣются несомнѣнныя извѣстія о посольствѣ въ Индію и Гибинь въ это время.

Изъ приведенныхъ выше извѣстій византійскихъ, армянскихъ и пр. историковъ видно, что въ продолженіе царствованій Яздигерда и Пероза съ 439 г. по 484 г. кушаны находились въ войнахъ съ персами, и единственнымъ перерывомъ въ этихъ войнахъ, въ продолженіе котораго могли бы они предпринять дальній походъ за Хиндукушъ, не оставляя въ опасности отъ персидскаго вторженія собственныхъ земель на сѣверѣ отъ Хиндукуша, были нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Яздигерда въ 457 г., когда въ Персіи происходили междоусобія изъ-за престола между Перозомъ и его братомъ, пока черезъ два года не успѣлъ одержать верхъ Перозъ. Такимъ образомъ

завоеваніе пяти царствъ на югѣ отъ Хиндукуша, вѣроятно, произведено кушанскимъ царемъ Кидоло или Кидаромъ около 458 г. Что въ этомъ году царствовалъ Кидаръ, видно изъ того, что еще въ 456 г. Прискъ именовалъ кушановъ, съ которыми воевалъ Яздигердъ, уннами-кидаритами. Вѣроятно, именно этотъ царь Кидаръ и велъ все время царствованія Яздигерда упорную оборону противъ силъ Персіи, пріобрѣвши своимъ мужествомъ такую славу и извѣстность, что народъ его сталъ именоваться народомъ Кидара, кидаритами у византійцевъ. Можно думать, что, несмотря на успѣхъ обороны отъ Яздигерда, Кидаръ не считалъ возможнымъ покорить Персію или прочно овладѣть частію ея, воспользовавшись смутами послѣ смерти Яздигерда, и предпочелъ употребить свои закаленныя въ бояхъ съ персами войска на завоеванія за Хиндукушемъ, чтобы увеличить этимъ свои силы и средства. Возможно также, что по утвержденіи своемъ на престолѣ, желая съ своей стороны воспользоваться нахожденіемъ кушано-кидаритскихъ войскъ и ихъ царя за Хиндукушемъ, Перозъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ кушановъ. Это-то нападеніе персовъ (а не хунновъ, какъ значится въ статьѣ «М. Юечжы») и должно было вынудить Кидоло возвратиться поспѣшно изъ-за Хиндукуша на сѣверъ для защиты своихъ коренныхъ владѣній, при чемъ для управленія завоеванными землями оставилъ онъ сына, основавшаго, какъ гласятъ кит. свѣдѣнія, династію, царствовавшую потомъ въ Фуліэуша.

Дальнѣйшія свѣдѣнія и объясненія по нѣкоторымъ предметамъ, которые здѣсь не выяснены, даны будутъ ниже, при изложеніи и разсмотрѣніи извѣстій объ ѣда-эфталитахъ.

Н. А. Аристовъ.

Годъ 5-й. Кн. XIX—XX.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1904 г., №№ 3 и 4.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.
1905.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

Г. ЂДА, ИДАНИ, ХЕФТАЛЫ, ХАЙТАЛЫ, ЯФТАЛЫ.

а) Свѣдѣнія объ ѣда „Вэй-шу", „Чжеу-шу", „Суй-шу" и „Бэй-шы".

Въ свѣдѣніяхъ «Вэй-шу» о западныхъ странахъ имѣется особая статья «Ѣда»; въ исторіи династіи Чжеу также есть такая статья, содержащая свѣдѣнія за время этой династіи (534—583 г.г., въ томъ числѣ 534—557 г.г. времени западной династіи Юань-Вэй); наконецъ, въ «Бэй-шы» статья Ѣда содержитъ свѣдѣнія какъ за время Юань-Вэй, Ци и Чжеу, такъ и за время династіи Суй. Ниже мы увидимъ, что «Вэй-шу» въ томъ видѣ, какъ теперь имѣется исторія династіи Юань-Вэй, есть лишь воспроизведеніе относящихся до этой династіи свѣдѣній «Бэй-шу». Вслѣдствіе этого я изложу нужныя свѣдѣнія объ ѣда по переводу «Бэй-шы» Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 177 и слѣд.), приводя, въ случаяхъ отличій, переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу», при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что китайскіе подлинники одинаковы, такъ какъ Шпехтъ никакихъ разницъ текста «Вэй-шу» отъ текста «Бэй-шы» не указалъ.

«Владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода съ Большимъ Юечжы. Другіе сказываютъ, что Ѣда есть отрасль Гаогюйскаго племени. Вначалѣ сей Домъ показался за сѣверною границею, отъ Алтайскихъ горъ на югъ, отъ Хотана на западѣ. Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ, отъ Чань-ань въ 10.000 ли». По Шпехту (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 339—343): Les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi; d'autres disent que c'est une branche particulière des Kao-Tché. Ils sont originaires des pays qui sont au nord de la Grande Muraille;

---

*) См. „Русск. Антроп. Журн.", кн. XVII—XVIII.

et au sud du Kin-chan, d'où ils sont partis, ils vinrent, en passant à l'ouest du Khotan, établir la résidence de leur chef à 200 li au sud de la rivière Ma-hiu [1]) à 10.100 li de Tchang-ngan.

По завѣренію Шпехта, въ T'oung-Tièn, — гдѣ въ остальномъ статья объ ѣда мало отличается отъ статьи въ «Вэй-шу» редакціи Леу Шу, жившаго въ 1052—1078 г.г., въ которой она до насъ дошла и которая служитъ подлинникомъ перевода Шпехта, — есть слѣдующее: Des monts Kin-chan, ils passèrent à l'ouest du Khotan, sous le règne Wen-tch'ing-ti des seconds Weï (452—465), il y a de cela quatre-vingts à quatre-vingt-dix ans. По этому поводу Шпехтъ замѣтилъ: Le T'oung-tièn fut composé par T'ou-yeou, qui vivait au commencement de IX-e siècle; il ne peut donc reproduire dans ce passage de l'histoire des Weï que le texte non remanié de Weï-cheou (p. 340, note 2), жившаго при сѣверной династіи Ци, существовавшей съ 550 по 577 г. (p. 339, note 3). Признавшій въ виду этого, что по точнымъ извѣстіямъ «Вэй-шу», какъ они сохранились въ «Тунъ-тіень», ѣда двинулись отъ горъ Гинь-шань въ царствованіе «Вень-чень-ди» (Ēränšahr, 1901, S. 59), д-ръ Марквартъ нашелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такъ какъ юань-вэйскія извѣстія объ этихъ странахъ восходятъ, какъ видно изъ показанія возраста ступы въ Пурушапурѣ, къ 8 году (правленія) Ву-динъ, т.-е. къ 550 г., то въ виду указанія «Тунъ-тіень» о томъ, что со времени движенія ѣда отъ Гинь-шаня до составленія о семъ событіи извѣстій протекло 80—90 лѣтъ, для переселенія ѣда получаются 460—470 годы (тамъ же, Anm. 3).

Въ моихъ краткихъ свѣдѣніяхъ о «Вэй-шу» («Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 4, стр. 19) сказано, что исторія династіи Юань-Вэй «была первоначально составлена ученымъ Вэй Шеу во время династіи Ци», но «до насъ сохранилась лишь ея передѣлка, относящаяся ко времени сунской [2]) династіи». Между тѣмъ въ 1901 г., въ своей рецензіи на трудъ Марквартъ Ēranšahr (J. as., 1901, t. XVIII, p. 552) и затѣмъ въ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux (St.-Pétersbourg, 1903, p.p. 99—100) проф. Эд. Шаваннъ выяснилъ, что, какъ видно изъ біографіи Вэй Шеу, помѣщенной въ «Бэй-Ци-шу», указъ составить исторію дин. Юань-Вэй послѣдовалъ ему въ 551 г., представилъ же онъ изготовленную имъ «Вэй-шу» въ 554 году и состояла она всего изъ 130 главъ (или книгъ); что въ нынѣ существующей «Вэй-шу» всего только 114 главъ, такъ что она не дошла до насъ въ томъ составѣ, какой далъ ей Вэй-шеу; что «Вэй-шу» была пересоставляема

---

[1]) Le Margus. Ma-Touan-lin écrit Ou-hiu (Oxus). Это примѣчаніе Шпехта. Съ своей стороны, считаю не лишнимъ упомянуть, что въ изложеніи этого же мѣста „Вэй-шу“ у Паркера (Imp and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 146) рѣка названа Uhu и признается Паркеромъ за древній Охусъ.

[2]) Въ подлинникѣ опечатка „суйской“ и сверхъ того упущена ссылка (кромѣ трехъ указанныхъ въ примѣч. 3 источниковъ) на статью проф. Шпехта въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. 339, note 3.

во время династіи Сунъ и при этомъ болѣе тридцати недостающихъ (?) главъ были вновь составлены особой комиссіею ученыхъ подъ предсѣдательствомъ Фань Цу-юй; что, — какъ значится въ критическихъ примѣчаніяхъ изданія, произведеннаго въ правленіе Цянь-лунъ, — главы 102 нынѣшней «Вэй-шу», содержащей свѣдѣнія о западныхъ странахъ, не доставало въ исторіи Вэй Шеу и ее сполна списали съ главы «Бэй-шы» о западныхъ странахъ за исключеніемъ ея конца, начиная съ владѣнія Ань; и что такимъ образомъ 102 глава имѣющейся «Вэй-шу» о западныхъ странахъ не имѣетъ значенія въ качествѣ самостоятельнаго источника. Къ этому г. Шаваннъ добавилъ, подтверждая это примѣрами, что и въ видѣ копіи пользованіе данною главою «Вэй-шу» не безопасно, такъ какъ въ ней есть передѣлки текста «Бэй-шы», состоящія въ неправильномъ измѣненіи датъ событій времени другихъ династій на юань-вэйскія, и т. п. Къ этому необходимо прибавить, что по болѣе точнымъ, чѣмъ имѣвшіяся доселѣ въ европейской литературѣ, свѣдѣніямъ проф. Шаванна (Documents etc., 1903, p. 100), «Суй-шу» окончена въ 636 г., а «Бэй-шу» около 644 г. Наконецъ, по проф. Хирту (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. X, 1896, S. 231), за неимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, «Чжеу-шу» (558—581 г.г.) составлена одновременно съ «Суй-шу», время составленія которой имъ отнесено къ 629—644 г. Такъ какъ въ «Бэй-шу», въ главѣ или книгѣ ея о западныхъ странахъ, судя по имѣющимся переводамъ, воспроизведены почти буквально всѣ статьи «Суй-шу» о западныхъ странахъ, начиная съ владѣнія Канъ, въ нѣсколькихъ же изъ предшествующихъ статей, очевидно, включены свѣдѣнія, заимствованныя изъ «Суй-шу», то «Суй-шу» должна была выйти раньше «Бэй-шы», т.-е. не въ 644, а въ 636 году, какъ утверждаетъ г. Шаваннъ, а такъ какъ въ ней имѣются и свѣдѣнія, находящіяся въ «Чжеу-шу», то слѣдуетъ полагать, что и «Чжеу-шу» составлена раньше «Бэй-шы» и могла служить для нея источникомъ. Составитель «Бэй-шу» пользовался, какъ извѣстно (между прочимъ см. Шаванна Documents etc., p. 100), матеріалами, собранными его умершимъ въ 628 г. отцомъ, намѣревавшимся писать исторію Китая за то же время, а потому надо полагать, что авторъ «Бэй-шу» непремѣнно имѣлъ въ числѣ своихъ матеріаловъ какъ исторію Вэй Шеу, вышедшую въ 554 г., такъ и исторію той же династіи Юань-Вэй, составленную при суйской династіи ученымъ Вэй Дань (Іакинфъ въ «Собр. свѣд.», ч. I, «Предувѣдомленіе», стр. XVI), а также исторіи все той же династіи танскихъ ученыхъ Чжанъ Да-со и Пхэй Ань (тамъ же, стр. XVII), если онѣ были составлены до 644 г., и даже исторію дин. Юань-Вэй, которую составлялъ ранѣе Вэй Шеу ученый Tçoui-hao, какъ это видно изъ Histoire générale de la Chine de Moyriac de Mailla (Paris, 1777, t. I, Préface, p. XXXIV). Сверхъ того составитель «Бэй-шу» могъ пользоваться записками и сочиненіями, до насъ не сохранившимися, подобно тому, напр., какъ состави-

тели «Танъ-шу» включили въ свои описанія западныхъ странъ свѣдѣнія изъ «Записокъ» извѣстнаго буддійскаго паломника Сюань Цзана, какъ мнѣ приходилось уже упоминать, и изъ записокъ взятаго въ 751 г. въ плѣнъ арабами на Таласѣ Ту Хуана (см. проф. Хирта Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S.S. 370—72), и мы объ этихъ источникахъ, вѣроятно, совсѣмъ не знали бы, если бы «Записки» Сюань Цзана не сохранились до насъ въ подлинникѣ, а изъ записокъ Ту Хуана не оказалось извлеченій въ компиляціи X вѣка T'oung-Tien.

Въ виду неуказанія въ излагающей свѣдѣнія о западныхъ странахъ главѣ или книгѣ «Бэй-шы» на источники и за отсутствіемъ какихъ-либо свидѣтельствъ объ этихъ источникахъ, мы можемъ въ настоящее время съ достовѣрностью считать источниками свѣдѣній статьи «Бэй-шы» объ ѣда только тѣ китайскія историческія сочиненія, которыя дошли до насъ, но существовали вмѣстѣ съ тѣмъ ранѣе 644 г., т.-е. до появленія «Бэй-шы». Такими оказываются, сколько мнѣ извѣстно, только «Чжеу-шу» и одновременно, по Хирту, составленная съ нею, т.-е. къ 636 г., «Суй-шу». Статья первой объ ѣда начинается слѣдующимъ образомъ, по переводу проф. Шпехта (J. asiatique, 1883, II, p. 344): «Владѣніе Ѣда (des Yé-tha) находится на западѣ отъ Юйтяни (Хотана) и въ 10 т. ли на востокъ (описка переводчика или подлинника вмѣсто «на западъ») отъ Чанъ-ань. Жители (les habitants) этой страны происходятъ отъ племени Б. Юечжы» (sont de la race des Ta-Yué-tchi).

Въ статьѣ «Суй-шу» Идань («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), въ переводѣ Пфицмайера Yi-tan (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, B. 97, 1880, S. 468) и въ переводѣ Шпехта (J. a., 1883, II, p. 346) Yi-ta, значится: «Резиденція иданьскаго владѣнія лежитъ въ 200 ли отъ рѣки Уху (Пфицмайеръ U-hu, у Шпехта les Yi-ta habitent au sud, et à 200 li environ de la rivière Ou-hiu, т.-е. Oxus). Иданьскій Домъ есть отрасль Большого Юечжы (по Пфицмайеру: Die Bewohner sind ein Stamm des Grossen Yue-tschi. По Шпехту: ils sont de la race des Grand Yué-tchi). Приведемъ, наконецъ (по переводу Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 256, и Шаванна въ Documents etc., p. 158), свѣдѣнія объ ѣда-иданяхъ «Танъ-шу», исторіи династіи, при которой ѣда прекратили историческое существованіе, исторіи, въ которой можно видѣть окончательно выработавшееся у китайскихъ историковъ мнѣніе объ этническихъ отношеніяхъ этого народа: «Домъ Идань есть отрасль Большого Юечжы, извѣстнаго еще при династіи Хань (въ изложеніи Паркера, p. 151, Yih-tah State is of the Ta Yüeh-chï seed in Han times). Большой Юечжы, вытѣсненный усуньцами (изъ бывшихъ земель сэйцевъ въ Тяньшанѣ и на его сѣверныхъ подножіяхъ), удалился на западъ, прошелъ Давань, напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе, а мѣстопребываніе утвердилъ въ городѣ Ланьшы. *Дахя* есть *Тухоло*; прозваніе владѣтеля

было *Ѣдэ* (Паркеръ: Yeh-t'ah is the King's family name). Потомки прозваніе превратили въ названіе государству, а Ѣдэ — въ *Идань* или *Идянь*. Обыкновенія сходны съ дулгаскими (тюркскими). Въ срединѣ правленія Тьхянь-бао, 748, отправилъ посланника къ Двору съ данію». «Le royaume des *I-ta* (Hephthalites) est de la race des *Ta Yue-tche* de l'époque des Han; les *Ta Yue-tche*, ayant été dépouillés par les Ou-suen, traversèrent à l'ouest (le pays de) *Ta-yuan*, attaquèrent les *Ta-hia* et les asservirent; leur capitale fut la ville de *Lañ-che*; les *Ta-hia* ne sont autres que le *T'ou-ho-lo* (Tokharestan). *Ye-ta* était le nom de famille du roi; ses descendants firent de ce nom de famille celui du royaume; ce nom est devenu *I-ta* par corruption; on dit aussi *I-t'ien*. Les moeurs (de ce peuple) sont les mêmes que celles des Tou-kiue (Turcs). Pendant la période *Tien-pao* (742 — 755), (les Hephthalites) envoyèrent (une ambassade) rendre hommage et apporter tribut».

Изъ приведенныхъ въ переводахъ текстовъ ясно, что положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжей уже содержалось въ составленныхъ ранѣе «Чжеу-шу» и «Суй-шу». Почерпнули ли составители «Чжеу-шу» и «Суй-шу» это заключеніе изъ свѣдѣній китайскихъ посольствъ и изъ показаній посольствъ отъ ѣда-иданей и другихъ западныхъ владѣній или изъ литературныхъ источниковъ своего и предшествующаго времени, въ томъ числѣ и изъ существовавшихъ уже нѣсколькихъ редакцій «Вэй-шу»—все это неизвѣстно. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній не допускать, что какъ эти династійныя исторіи, такъ и первоначально составленная въ X в. «Танъ-шу», принимали въ соображеніе какъ свѣдѣнія своего времени, такъ и историческіе и литературные источники предшествующихъ династій. Если же сверхъ того не оставить безъ вниманія, что послѣ ханьскихъ династій суйская и танская обнаруживали наибольшій интересъ къ собиранію свѣдѣній о западныхъ странахъ и имѣли при томъ наибольшую къ полученію ихъ возможность,—ибо суйскій императоръ Янъ-ди (605—616 гг., правленіе Даѣ) самъ посылалъ нѣсколько посольствъ на западъ, между прочимъ въ Персію и Гибинь («Суй-шу» въ переводѣ Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 191 и 206), а танская династія возвратила подъ власть Китая нынѣшній Вост. Туркестанъ и подчинила себѣ земли западныхъ тюрковъ, ведя затѣмъ частыя и постоянныя сношенія съ странами Аральскаго бассейна, считавшимися въ вассальныхъ болѣе или менѣе къ ней отношеніяхъ,—то слѣдуетъ признать, что согласное показаніе трехъ династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей можетъ почитаться соотвѣтственнымъ дѣйствительности, до тѣхъ по крайней мѣрѣ поръ, пока не будетъ опровергнуто достаточными данными. Цитированные мною переводы нѣсколько отличны между собою, вслѣдствіе прибавки Іакинфомъ, напр., слова «Домъ», когда рѣчь идетъ о народѣ, а также употребленія французскими переводчиками выраженія, въ составъ котораго входитъ слово la race, имѣющее

разнообразныя значенія, и проч., но китайскіе подлинники, вѣроятно, очень близки между собою, если не тождественны совершенно. Наиболѣе полонъ и ясенъ текстъ «Танъ-шу», по которому ѣда признаются за потомство б. юечжей, принявшее имя ѣда отъ имени одного изъ позднѣйшихъ своихъ царей. Поэтому вмѣсто «владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода (?) съ Б. Юечжы», а также вмѣсто «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi» и т. д. слѣдовало бы, можно думать, переводить: «ѣдасцы происходятъ отъ б. юечжы». Таковъ во всякомъ случаѣ смыслъ разсматриваемыхъ свѣдѣній четырехъ династійныхъ исторій.

Выразивъ положительно, что ѣда'сцы происходятъ отъ б. юечжійцевъ или являются потомками послѣднихъ, «Бэй-шы» приводитъ однако, не указывая источниковъ и не объясняя, кому именно оно принадлежитъ, и иное мнѣніе: «Другіе сказываютъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени». Слѣдующая затѣмъ фраза,—въ переводѣ которой Іакинфъ и Шпехтъ, слѣдовавшій Ст. Жюльену, переводившему Матуаньлиня, сильно разнятся, а потому весьма желателенъ и необходимъ новый тщательный переводъ,—должна была входить въ составъ сказанія «другихъ» и относиться къ ѣда, признаваемымъ за одинъ изъ родовъ или племенъ гаогюйцевъ, такъ какъ, во-первыхъ, эта фраза или фразы слѣдуютъ непосредственно за сказаніемъ «другихъ», и такъ какъ, во-вторыхъ, къ ѣдасцамъ, происходящимъ отъ б. юечжей, сѣверъ, Великая стѣна, Хотанъ не имѣютъ никакого отношенія: коль скоро ѣда происходятъ отъ б. юечжы, они являются потомствомъ народа, обитавшаго на Аму-дарьѣ, предки же ихъ, б. юечжи пришли сюда за нѣсколько вѣковъ до юань-вэйской династіи, притомъ въ то время, когда Великой Стѣны на югѣ отъ Алтая еще не было, ибо стѣна эта возведена была въ отнятыхъ Китаемъ у хунновъ земляхъ, съ которыхъ они прогнали юечжей, много лѣтъ спустя послѣ ухода юечжей въ Тяньшань и затѣмъ на Аму-дарью. Поэтому въ сказаніи о ѣда, какъ особомъ родѣ или племени гаогюйцевъ, могло бы значиться что-нибудь въ такомъ родѣ: первоначально этотъ народъ обиталъ на сѣверѣ отъ Великой Стѣны, на югѣ отъ Алтая, отсюда же перешелъ (въ нынѣшнюю его страну) на западъ отъ Хотана.

Продолжаю изложеніе статьи «Бэйшы» Ѣда по тѣмъ же переводамъ: «Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Бадіянь. Городъ сей есть дворецъ владѣтеля; въ окружности содержитъ около десяти ли. Въ немъ множество храмовъ и обелисковъ (т.-е. ступъ) буддійскихъ, и всѣ украшены золотомъ». По переводу Шпехта (p. 340): Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching, ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré; on y voyait beaucoup de temples et de tours bouddhiques, tous ornés d'or. Проф. Шаваннъ переводитъ первую фразу: Leur capitale royale Pa-ti-yen n'est autre que la ville de la résidence royale (Documents etc., 1903, p. 224,

note 5). Для сличенія привожу продолженіе статьи Ѣда изъ «Чжеу-шу» въ переводѣ Шпехта (p. 344): «Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré». Вотъ еще изъ статьи «Суй-шу» *Идань* («Собр. свѣдѣній», 3, стр. 203): «Резиденція имѣетъ десять ли окружности. Много храмовъ и священныхъ обелисковъ, и всѣ украшены золотомъ». Оказывается, что все, относящееся къ столицѣ, склеено въ «Бэй-шы» изъ свѣдѣній «Суй-шу» и «Чжеу-шу»: «Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ» взято изъ «Суй-шу» о столицѣ Идани, продолженіе же «отъ Чанъ-ань въ 10 т. ли» почерпнуто изъ «Чжеу-шу». Для правильности подобнаго соединенія свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ необходимо, чтобы они относились къ одному и тому же предмету и притомъ приблизительно одного и того же времени. Между тѣмъ въ «Чжеу-шу», какъ увидимъ ниже, значится, что послѣднее посольство отъ Ѣда прибыло въ 558 г., а затѣмъ сношенія прекратились вслѣдствіе уничтоженія ихъ владычества тюрками; свѣдѣнія же «Суй-шу» объ Идани, видимо, относятся къ правленію Даѣ (605—616), ибо въ статьѣ этой упоминается о присылкѣ въ Китай изъ Идани единственнаго посланника именно въ это время. Свѣдѣнія «Чжеу-шу» относятся, слѣдовательно, ко времени около половины VI в., когда Ѣда имѣли могущественное царство, простиравшееся отъ Хотана до Персіи, суйскія же свѣдѣнія имѣютъ въ виду Ѣда-иданей въ началѣ VII стол., когда они составляли маленькое владѣніе, подвластное тюркамъ. Можетъ быть, столица Ѣда Батіянь не была уже безыменною столицею иданей въ суйское время. Батіянь напоминаетъ Боти въ Тухуло, столицею же иданей суйскихъ временъ могъ быть нынѣшній Гори, какъ будетъ выясняться ниже.

Далѣе читаемъ въ «Бэй-шы»: «Обыкновенія нѣсколько сходны съ дулгаскими обыкновеніями (у Паркера, p. 146, the customs are rather like those of the Turks). Братья имѣютъ одну жену. Жена мужа, не имѣющаго братьевъ, т.-е. одномужняя, носитъ шляпу съ однимъ угломъ; многомужняя же умножаетъ число угловъ по числу братьевъ; на одѣяніи нашиваетъ такое же число кистей. Остригаютъ волосы на головѣ. Языкъ жителей совершенно отличенъ отъ языковъ и жужаньскаго, и гаогюйскаго и тюркскаго» (по Паркеру, p. 147, their language is different from the speech of the Geougen, Hiqh Carts, and the various Hu). Въ кит. подлинникѣ стоитъ «ху», а это слѣдовало перевести не «тюркскаго», какъ неточно переводилъ Іакифъ, а «варваровъ», какъ у Ст. Жюльена, или «всѣхъ сѣверныхъ варваровъ», какъ видимъ у Д. М. Позднѣева («Историческій обзоръ уйгуровъ», Спб., 1889 г., стр. 37). По переводу Шпехта (p. 341): «Les moeurs des habitants se rapprochent de celles des Tou-kioue (Turcs). La coutume est que les frères aient en commun une même femme. Si un mari n'a pas de frères, sa femme porte sur la tête un bonnet qui n'a

qu'une seule corne; s'il a des frères, le bonnet prend plusieurs cornes, en proportion du nombre de ces derniers. Ils ajoutent à leurs vêtements des rubans et des cordons. Ils se coupent les cheveux ras. Leur langue n'est pas le même que celui des Jouan-jouan, des Kaotché et des autres barbares. Изъ приведенныхъ свѣдѣній особенно важны существованіе у ѣда многомужества и совершенное отличіе ихъ языка отъ языковъ жужаньскаго, гаогюйскаго и другихъ сѣверныхъ варваровъ. Совершенно особый отъ гаогюйцевъ языкъ ѣда опровергаетъ сказаніе о томъ, что они есть отрасль гаогюйцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входящее въ составъ этого сказанія утвержденіе о приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, изъ-за Великой Стѣны. Остается, слѣдовательно, въ силѣ лишь положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжы или, точнѣе, о томъ, что ѣда есть потомство б. юечжей. Засимъ, если языкъ ѣда былъ совершенно особый отъ тюркскаго (гаогюйцы иля гаоче были племенемъ тюркскимъ), жужаньскаго (т.-е. тунгузскаго, какъ большею частію полагаютъ) и другихъ сѣверныхъ варваровъ, то языкъ ихъ могъ быть лишь тибетскимъ, какъ и у предковъ ихъ юечжей, на что для послѣднихъ имѣются указанія, которыя будутъ приведены впослѣдствіи. Тибетизмъ ѣда-юечжей потверждается и существованіемъ у нихъ поліандріи, составляющей и въ настоящее время отличительную черту тибетскихъ племенъ, тогда какъ у остальныхъ народовъ Средней Азіи ея нѣтъ и не было, судя по отсутствію какихъ-либо на это историческихъ и бытовыхъ указаній. Такъ какъ при поліандріи женщины выходятъ изъ того приниженнаго положенія, которое составляетъ ихъ удѣлъ у народовъ моногамныхъ и полигамныхъ, то нижеслѣдующія извѣстія сирійскаго писателя третьяго вѣка по Р. Х. Бардезана указываютъ на существованіе у юечжей-кушановъ поліандріи: «У бактрійцевъ, именуемыхъ кашанами, женщины украшаютъ себя мужскою одеждою и большимъ количествомъ золота и драгоцѣнностей... Онѣ ѣздятъ верхомъ и нѣкоторыя одѣваются въ платья, вышитыя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями. Эти женщины не соблюдаютъ цѣломудрія и имѣютъ прелюбодѣйныя сношенія съ своими рабами и съ прибывающими въ страну иностранцами, и мужья не воспрещаютъ имъ этого. Эти женщины ничего не боятся, потому что кушаны смотрятъ на нихъ, какъ на высоко стоящія надъ ними (существа)» и т. д. (Collection des historiens anciens et modernes de l' Arménie, etc., par Victor de Langlois, Paris, 1867, t. I, p. 84—85). Почти все это замѣчается и нынѣ въ Тибетѣ, если же Бардезанъ ничего не говоритъ о поліандріи, то это легко объясняется тѣмъ, что слухи о такой формѣ семьи не дошли до него или встрѣчены были имъ съ недовѣріемъ.

Буду продолжать статью «Бэй-шы», приводя переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу» только въ имѣющихъ значеніе случаяхъ отличій отъ Іакинфа. «Народонаселеніе простирается до ста тысячъ душъ». Ils peuvent être au

nombre d'environ 100.000 [1]). Я думаю, что не все населеніе царства Ѣда простиралось до 100 т. д., а только численность самихъ ѣдасцевъ, да и то лишь душъ мужскаго пола. «Городовъ не имѣютъ, а живутъ въ мѣстахъ привольныхъ травою и водою, въ войлочныхъ кибиткахъ». Ils n'ont pas de villes; ils émigrent avec leurs troupeaux pour chercher des eaux et des pâturages et se font des tentes de feutre. «Лѣтомъ избираютъ прохладныя мѣста, а зимою теплыя. Жены владѣтеля отдѣльно живутъ, въ 200 и 300 ли одна отъ другой; и онъ, объѣзжая ихъ по порядку; каждый мѣсяцъ посѣщаетъ одно мѣсто, а во время зимнихъ морозовъ три мѣсяца не путешествуетъ». En été, ils se transportent dans les cantons froids; en hiver, ils recherchent les lieux tempérés. Leurs femmes habitent dans des lieux séparés, et se trouvent parfois à des distances de 200 et 300 li (de leur maris). Le roi change successivement de demeure et chaque mois il en adopte une nouvelle; pendant les froids d'hiver seulement, c'est-à-dire pendant trois mois, il n'émigre pas. Такъ какъ невѣроятно, чтобы жены всѣхъ ѣда жили въ отдѣльныхъ мѣстахъ и находились «иногда» въ разстояніи 200 и 300 ли отъ мужей, и нѣтъ примѣровъ дѣйствительнаго существованія какого-либо народа съ такимъ изумительнымъ обычаемъ, то кажется несомнѣнною ошибочность перевода проф. Шпехта: не «ихъ» жены, а только «жены владѣтеля» (какъ значится у Іакинфа и у Паркера, p. 146) жили отдѣльно не «отъ своихъ мужей», а «одна отъ другой», и т. д. «Престолъ не передается наслѣдственно, а получаетъ его способнѣйшій изъ родственниковъ. Въ семъ владѣніи нѣтъ телѣгъ, а употребляютъ носилки (по Паркеру, p. 147, no carts, only litters; по Шпехту, il n'y a pas de chariots ouverts dans ce pays, mais des chariots fermés); много лошадей и верблюдовъ. Наказанія чрезмѣрно строги. За кражу, безъ опредѣленія количества, положено отсѣченіе головы; за украденное взыскиваютъ въ десять кратъ. Умершихъ изъ богатыхъ домовъ погребаютъ въ каменныхъ склепахъ (dans un tombeau formé de pierres amoncelées), а бѣдныхъ зарываютъ въ выкопанныхъ могилахъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу вещи, ношенныя имъ. Народъ жестокій и смѣлый, способный къ сраженіямъ (belliqueux). Отъ ѣдаскаго владѣтеля въ Западномъ краѣ зависятъ Кангюй, Хотанъ, Шалэ (по Шпехту, вмѣсто Cha-le въ T'oung-tièn и въ T'oung-tchi написано Sou-le, т.-е. Кашгаръ), Аньси (по проф. Шаванну это Бухара, Documents etc., 1903, p. 225 note I, но такъ какъ это мнѣніе, см. p. 137, основано единственно на томъ, что Бухара, въ 656—660 гг., переименована была въ округъ Ань-си, то оно могло быть слѣдствіемъ ошибочнаго увѣренія «Суй-шу» о томъ, что Ань, Бухара, есть «бывшее при династіи государство Аньси»; Parker, p. 147, видитъ въ Аньси персидскую сатрапію, соотвѣтствующую

[1]) У Паркера: Perhaps there are 100.000 of them, ferocious and able to fight (p. 147).

древней Парфіи») и до тридцати другихъ мелкихъ владѣній. Ѣда считается сильнымъ государствомъ и находится въ брачномъ родствѣ съ жужаньцами». У Шпехта (p. 342): Les habitants contractèrent des mariages avec les Jouan-jouan, но вѣренъ, конечно, лишь переводъ Іакинфа: по «Бэй-шы» («Собр. свѣдѣній», ч. I, стр. 233), въ 521 г., во время смутъ у жужаней, поддавшійся было Китаю жужаньскій ханъ Поломынь «вскорѣ замыслилъ отложиться и уйти къ Идѣ: три жены у Иды были родныя сестры Поломыневы».

«Со времени правленія Тхай-ань, 455, владѣтель часто отправлялъ посланника съ дарами. Въ концѣ правленія Чженъ-гуанъ, 525, послалъ льва». У Шпехта вмѣсто 455 г. означенъ 460, а вмѣсто 525 г.—527 [1]). На самомъ дѣлѣ правленіе Тхай-ань обнимало годы 455—460, а правленіе Чженъ-гуанъ простиралось съ 520 по 525 г. (см. Visdelou въ Bibliothèque orientale d'Herbelot, t. IV, 1779, p. p. 69—70), такъ что вѣрнѣе у о. Іакинфа. У де-Гиня первое посольство отъ Ѣда отмѣчено 456 г. (Histoire générale des Huns etc., 1756, Paris, t. I, partie I, p. 184); у Паркера также 456 (p. 147). «Со времени правленія Юнъ-си, 532, представленіе даровъ прекратилось». Правленіе это обнимало годы 532—534, какъ правильно указалъ Шпехтъ. Засимъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о посольствѣ, при которомъ состояли Хой Сенъ и Сонъ Юнь, мною уже приведенныя въ «Р. Антр. Ж.», 1901 г., № 2 (стр. 35 и 36); у Паркера, p. p. 147—148, есть нѣкоторыя отличія.

На этомъ статья Ѣда въ «Вэй-шу», въ переводѣ Шпехта, оканчивается, но «Бэй-шы» продолжаетъ: «Въ двѣнадцатое лѣто правленія Датхунъ, 546, владѣтель прислалъ посольство съ мѣстными произведеніями. Во второе лѣто Фэй-ди, 553, и во второе лѣто Минъ-ди изъ дома Чжеу, 558, вмѣстѣ (къ обоимъ дворамъ, по поясненію Іакинфа, т.-е. къ дворамъ Чжеу и Ци, между которыми дѣлился Сѣверный Китай) отправилъ посольство съ дарами. Послѣ сего дулгасцы разорили владѣніе Ѣда, и поколѣнія разсѣялись, вслѣдствіе чего и представленіе даровъ прекратилось». Все это взято, видимо, изъ «Чжеу-шу», гдѣ, по переводу Шпехта (Journal asiatique, 1883, t. II, p. p. 344 — 345) говорится еще слѣдующее: «Уголовные законы и нравы жителей сходны съ тюркскими. Есть обычай, чтобы

---

[1]) По переводу Паркера, p. 147, присылка льва отнесена къ 524 г. и добавлено отсутствующее совершенно у Іакинфа и Шпехта извѣстіе о томъ, что въ 525 г. посланникъ отъ Yeh-t'ah, по имени Chu Kao-hwei, былъ избранъ на короткое время въ цари возмутившимся (противъ дин. Юань-Вэй) населеніемъ Ho-chou (часть древней страны юечжей). Вмѣсто этого у Іакинфа значится (стр. 178—179): „Въ концѣ правленія Чженъ-гуань, 525, послалъ льва. Когда посольства пришли къ возвышенной плоскости, Гуйну поднялъ бунтъ: почему левъ былъ остановленъ, и снова отправленъ уже по усмиреніи Гуйну". У Шпехта, ссылающагося на переводъ Аб. Ремюза: Vers la fin des années Tching-kouang (527), ils envoyèrent des ambassadeurs offrir un lion. Arrivés à Kao-p'ing, ils rencontrèrent les Ouan-sé et les Tcheou-nou, qui étaient en révolte et qui les retinrent prisonniers; les Tcheou-nou ayant été soumis, ils conduisirent le lion à la capitale (p. p 342—343). Въ виду полнаго противорѣчія между тремя переводами необходима повѣрка ихъ свѣдущими синологами.

братья женились всѣ вмѣстѣ на одной женѣ. Если у мужа нѣтъ братьевъ, она носитъ головной уборъ съ однимъ рогомъ (corne), если же есть братья, то нѣсколько роговъ по ихъ числу. Народъ этотъ жестокъ, храбръ, силенъ. Юйтянь (Хотанъ) и А-си (арзакиды, по Шпехту) и другія, около 20, большихъ и малыхъ владѣній были ихъ данниками».

Статья «Ѣда» оканчивается слѣдующимъ, взятымъ, очевидно, изъ «Суй-шу»: «При династіи Суй, въ правленіе Да-ѣ, 605 — 616, владѣтель прислалъ къ кит. Двору посольство съ мѣстными произведеніями. Отъ Ѣды до владѣнія Цао 1500, на востокъ до Гуа-чжеу 6500 ли». Тутъ упущено указанное до Цао направленіе «на югъ». Сверхъ того въ той же статьѣ «Суй-шу» Идань есть еще слѣдующія, кромѣ приведенныхъ выше, свѣдѣнія: «Строевого войска отъ 5 до 6 т. человѣкъ. Въ прежнее время, какъ въ Идани открылись безпокойствія, то дулгасцы насильственно поставили своего правителя». Въ переводѣ Шфицмайера (l. cit.) вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ einen Vorgesetzer den Waffen, а у Паркера, p. 150, a shêh (i. e. a shad, or turkish Governor). По переводу Шаванна: Auparavant, ce royaume ayant été troublé, les Tou-kiue envoyèrent le t'ong chad Tse-k'i prendre de force le commandement de ce royaume (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p. 159, note 1). Это же самое мѣсто въ переводѣ Стан. Жюльена изъ компиляціи Матуаньлиня представляется въ такомъ видѣ: A la suite de troubles qui eurent lieu anciennement chez les Yi-ta, les Tou-khioue (Turks) envoyèrent chez eux Song-yu, intendant général des troupes (tchong-ché), pour prendre de vive force le commandement du royaume (Etudes de géographie ancienne etc. par Vivien de Saint-Martin, Paris, 1850, t. I, p. 280 [1]). «Женщина, имѣющая одного мужа, носитъ шляпу съ однимъ угломъ или рожкомъ; если братьевъ много, то дѣлаетъ рожки по числу братьевъ». Въ предшествующей статьѣ «Суй-шу» Тухоло сказано, что «жители перемѣшаны съ иданьцами» и что «братья имѣютъ одну жену. Сыновья отъ нея принадлежатъ старшему брату» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 202 и 203). Это, конечно, относится къ ѣда-иданямъ, ибо у остального васеленія, иранскаго, поліандрія невѣроятна.

Кромѣ того, что составитель «Бэй-шы» могъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, взять изъ «Чжеу-шу» и изъ «Суй-шу», а также изъ реляцій Сонъ Юня и Хой Сена, которыя частію приведены будутъ ниже, остаются еще столь важныя свѣдѣнія, какъ объ отличіи языка, о численности, о посольствахъ отъ ѣда и болѣе мелкія подробности, источники которыхъ неизвѣстны. Нельзя, однако, не думать, что главными изъ этихъ источниковъ должны были быть первоначальныя «Вэй-шу» редакціи Вэй Шеу и позднѣйшихъ, потому что во время составленія «Бэй-шы» они еще существо-

[1]) Въ переводѣ Шпехта (изъ „Суй-шу“) значится тоже самое; только вмѣсто Soung-yu стоитъ Tse-kie, съ поясненіемъ, что таково имя этого генерала по „Суй-шу“ и Toung-tièn (p. 347).

вали и, конечно, должны были составить главное основаніе для статьи объ ѣда. Между прочимъ, надо думать, что и сказаніе о томъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени и пришли на Аму-дарью изъ нынѣшней Монголіи, взято изъ одной изъ редакцій «Вэй-шу», до насъ не дошедшихъ, или изъ какого-нибудь литературнаго источника, также до насъ не сохранившагося; необходимо также обсудить, не изъ такого же ли источника или источниковъ взяты и свѣдѣнія «Тунъ-тіень» о времени ухода ѣда на Аму-дарью въ царствованіе Вень-ченъ-ди (452 — 465 гг.) и за 80 — 90 лѣтъ «до сего» (de cela).

Относительно послѣднихъ необходимо возникаетъ вопросъ: до какого же это момента за 80 — 90 лѣтъ совершилось передвиженіе гаогюйцевъ-ѣда изъ Монголіи на Аму-дарью? Въ «Бэй-Ци-шу» совсѣмъ нѣтъ отдѣла объ иностранныхъ государствахъ и народахъ (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. 100), а такъ какъ въ «Чжеу-шу» и «Суй-шу» нѣтъ и помина о гаогюйскомъ происхожденіи ѣда и приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, то сказаніе это могло быть взято въ «Бэй-шы» не иначе, какъ изъ «Вэй-шу» редакціи времени дин. Бэй-Ци (550 — 577 гг.) или изъ литературныхъ источниковъ того же времени. Но редакторы «Вэй-шу» означеннаго времени, излагая историческія свѣдѣнія за время дин. Юань-Вэй, естественно должны были, по принятымъ въ исторіяхъ предшествовавшихъ династій правиламъ, считать позднѣйшимъ предѣломъ составляемой ими исторіи 550 годъ, во второй половинѣ котораго дин. Вэй замѣнена была династіею Бэй-Ци. Можно бы поэтому допускать, хотя и безъ полной достовѣрности, что, можетъ-быть, именно по этой причинѣ возрастъ ступы въ Пурушапурѣ опредѣленъ въ статьѣ «М. Юечжы» къ году смѣны дин. Вэй династіею Ци. Однако, въ переведенномъ Шпехтомъ мѣстѣ «Тунъ-тіень» положительнаго удостовѣренія въ этомъ смыслѣ не содержится, да и при вычетѣ изъ 550 годовъ 80 — 90 лѣтъ получается 460 — 470 года, что не сходится удовлетворительно съ указаніемъ на царствованіе Вень-ченъ-ди, обнимающее 452 — 465 гг. Если допустить, какъ полагаетъ, безъ ясныхъ и достаточныхъ, однако, основаній, г. Шпехтъ, что разсматриваемыя даты взяты въ «Тунъ-тіень» изъ «Вэй-шу» редакціи Вэй-Шеу, и въ виду обнаруженной непригодности даты 550 г. предположить, что 80 — 90 лѣтъ прошли ко времени окончанія труда Вэй Шеу, т.-е. къ 554 г., то для передвиженія ѣда получаются 464 — 474 гг., но это тоже плохо соотвѣтствуетъ царствованію Вень-ченъ-ди. Не мирятся, наконецъ, получаемыя даты съ свѣдѣніями о посольствахъ отъ ѣда въ Китай, начавшихся съ 455—460 гг., по Дегиню съ 456 г.: мало вѣроятно, чтобы ѣда начали отправлять пословъ въ Китай до движенія своего на Аму-дарью или съ пути туда, когда имъ было слишкомъ много заботъ безъ не имѣвшихъ никакого политическаго значенія сношеній съ Китаемъ. Все это приводитъ къ заключенію, что какъ сказанія о происхожденіи ѣда отъ гаогюйцевъ и о переходѣ ихъ изъ Мон-

голіи на Аму-дарью, такъ и двѣ несходныя даты для этого передвиженія,— о причинахъ и обстоятельствахъ котораго свѣдѣнія совсѣмъ отсутствуютъ,— суть результатъ какихъ-нибудь не провѣренныхъ, худо понятыхъ и извращенныхъ слуховъ, дополненныхъ неудачными догадками и помѣщенныхъ безъ надлежащей критики въ какія-нибудь сочиненія второй четверти VI вѣка о западныхъ странахъ и народахъ, до насъ не дошедшія, откуда они были заимствованы въ первоначальныя редакціи «Вэй-шу» и попали отсюда въ «Бэй-шы», съ исключеніемъ явно несообразныхъ датъ, которыми, однако, не оставили воспользоваться впослѣдствіи компиляторы историческихъ и иныхъ энциклопедій, чрезъ посредство которыхъ даты эти попали въ «Тунъ-тіень», разумѣется безъ особой провѣрки.

б) Извѣстія «Лянъ-шу» о владѣніи и народѣ Хоа.

Слѣдуя указаніямъ главныхъ династійныхъ исторій, де-Гинь признавалъ ѣда происшедшими отъ юечжей (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p.p. LXXXIX, 378), хотя ему извѣстно было и сказаніе о томъ, что ѣда есть вѣтвь гаогюйцевъ (тамъ же, p. 42), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ ихъ имя Getes и утверждалъ, что эти юечжи-Getes были предками тѣхъ готовъ, которые опустошали Европу подобно нѣкоторымъ ордамъ сейцевъ (Szu), также вторгшимся на западъ, гдѣ они, послѣ достаточнаго для воспринятія нравовъ сѣверныхъ народовъ времени, спустились на югъ подъ именемъ свевовъ, и т. д. (p. 326). Абель Ремюза, который сначала не прочь былъ видѣть въ юечжійцахъ монголовъ (Recherches sur les langues tartares, t. I, Paris, 1820, p. 247), а въ ѣда потомковъ сейцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ готовъ (тамъ же, p. 327) остановился впослѣдствіи на томъ, что да-юечжи суть массагеты, великіе готы (Nouveaux mélanges asiatiques, t. I, 1829, p. 220). Клапротъ въ своихъ Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826) отнесъ юечжей къ племенамъ тибетскимъ, а ѣда считалъ ихъ потомками (p. p. 132—134, и Aperçu générale des cartes, p. p. VII, XII), въ концѣ же книги объявилъ это ошибочнымъ и сталъ утверждать, что имя юечжи слѣдуетъ произносить юети и что имена юети и ѣда напоминаютъ ютовъ или готовъ, которые прибыли съ Одиномъ въ Скандинавію, а потому возможно, что готы суть юечжи, пришедшіе изъ Центральной Азіи позже другихъ германскихъ народовъ (p. p. 287—289); вмѣстѣ съ этимъ онъ сталъ находить, что ефталиты были, вѣроятно, тюркскимъ народомъ съ князьями хуннскаго происхожденія: «быть-можетъ, это тюрки чи-лэ или телэ, которые въ это время (въ V в.) распространились до Джейхуна и Каспійскаго моря; вѣроятно, ихъ имя сохранилось въ имени хайятеле» (p. 258). Посвятившій «бѣлымъ хуннамъ или ефталитамъ византійскихъ историковъ» особое изслѣдованіе Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, отвергая гипотезы де-Гиня, А. Ремюза

и Клапрота, пришелъ, при помощи переведенныхъ Стан. Жюльеномъ изъ компиляціи Матуаньлиня китайскихъ извѣстій, къ заключенію, что юечжи племя тибетское, а ѣда-ефталиты — ихъ потомство; тибетизмъ юечжѣй доказывалъ онъ тѣмъ, что они первоначально обитали въ сѣверномъ Тибетѣ; что языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ языковъ тюркскихъ и монгольскихъ, а языкъ малыхъ юечжей, оставшихся въ Наньшанѣ, былъ сходенъ съ языкомъ цановъ или тибетцевъ, и, наконецъ, что нравы и обычаи юечжей и ѣда были сходны съ тибетскими, особенно по господству поліандріи, которая во всѣ времена была отличительной чертой тибетской народности (Etudes de géographie ancienne et d'éthnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, Sur les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins, p.p. 283 — 286, 291 — 295). Мнѣніе Вивьенъ де-Сенъ-Мартена болѣе тридцати лѣтъ пользовалось преобладаніемъ, хотя оставались еще немногіе приверженцы арійства юечжей и ѣда, какъ сэръ Генри Роулинсонъ (Proceedings of the R. Geographical Society, 1885, p. 579: Hiyatheleh were not Turks, but Scytho-Aryans, of the same race indeed as the ancient Sacae, and were named indifferently Tokhari and Kushan), а также считающіе юечжей племенемъ тюркскимъ, какъ Вамбери («Исторія Бохары», переводъ Павловскаго, Спб., 1873, т. I, стр. 10), Girard de Rialle (Mémoire sur l'Asie centrale, son histoire, ses populations, deuxième édition, Paris, 1875, p. 36) и др.

За неимѣніемъ переводовъ на западно-европейскіе языки статей и мѣстъ династійныхъ исторій, относящихся къ юечжамъ и ѣда, Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ вынужденъ былъ довольствоваться переводами изъ компилятивнаго труда Матуаньлиня. Хотя затѣмъ появились переводы изъ династійныхъ исторій Іакинфа Бичурина («Собр. свѣд.» и пр., 1851 г.), а въ 1880 г. Wylie далъ переводы отдѣла «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ, но извѣстіями слѣдующихъ династійныхъ исторій западно-европейскимъ ученымъ, для большинства которыхъ трудъ Іакинфа недоступенъ, приходилось пользоваться чрезъ посредство переводовъ изъ компиляцій. Поэтому французскій синологъ Шпехтъ оказалъ въ 1883 г. большую услугу изученію исторіи и этнологіи юечжей и ѣда, давъ переводы извѣстій о нихъ династійныхъ исторій съ нѣкоторыми комментаріями и справками въ своихъ Etudes sur l'Asie centrale d'apres les historiens chinois. I. Indo-scythes et Ephthalites (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 317 — 350). Важнѣйшими изъ данныхъ Шпехтомъ впервые переводовъ являются свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и «Чжеу-шу» объ ѣда. Шпехтъ утверждаетъ, что по даннымъ этихъ свѣдѣній «ѣда не имѣютъ ничего общаго ни по происхожденію, ни по обычаямъ, ни по своей исторіи съ юечжійцами или индоскифами» (p. 335: les Yé-tha n'ont rien de commun par leurs origines, leurs moeurs et leur histoire, avec les Yué-tchi ou Indo-Scythes). Хотя со времени появленія указаннаго труда Шпехта прошло уже болѣе двадцати

лѣть, но мнѣ не встрѣчалось ни опроверженія его мнѣнія, ни обстоятельнаго разбора переведенной имъ статьи «Лянъ-шу»; между тѣмъ многіе писатели, касавшіеся послѣ того исторіи средней Азіи, приняли мнѣніе Шпехта, и одинъ изъ нихъ (Mémoire sur les Huns Ephthalites etc., par Ed. Drouin, въ Le Muséon, t. XIV, 1895, p. 142) считалъ возможнымъ утверждать, что мнѣніе о происхожденіи ѣда отъ юечжей всѣми оставлено, другіе же уклонялись отъ выраженія какого-либо мнѣнія объ этническихъ отношеніяхъ юечжей и ѣда (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. p. 158, 159, 222 —225, д-ръ Марквартъ, Eranšahr etc., 1901, 58,59 и др.

Переведенныя Шпехтомъ свѣдѣнія «Чжеу-шу» мною приведены и разсмотрѣны уже выше. Приведемъ теперь въ переводахъ Шпехта (1883 г.) и Паркера (1902 г.) и разсмотримъ свѣдѣнія «Лянъ-шу», а затѣмъ изложимъ и разберемъ мнѣнія обоихъ переводчиковъ объ этническихъ отношеніяхъ ѣда и юечжей.

Свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и критическая ихъ оцѣнка.

Свѣдѣнія эти имѣютъ заглавіе «Владѣніе Хоа» (Le royaume de Hoa). Шпехтъ дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе (p. 335, note 2), что по «Тунъ-тіень» (историческая компиляція, составленная танскимъ ученымъ Ту Юй, жившимъ съ 733 по 812 г., по проф. Хирту Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S. 3) сказано: «Въ эпоху вторыхъ Вэй», т.-е. династіи Юань-Вэй, 386—534 гг.,—поясняетъ Шпехтъ,—«ихъ называли Хоа-тюнь». Если читать,—говоритъ Шпехтъ,—два знака, изображающіе имя Hoa-tun, какъ гомофоны, къ которымъ китайцы прибѣгаютъ для указанія произношенія словъ въ своихъ словаряхъ, то вышло бы H + un, т.-е. Hun. Какъ бы то ни было,—продолжаетъ онъ,—довольно вѣроятно, что именно отъ этого имени происходитъ имя Huns, которое западные писатели давали этому народу». Но «Тунъ-тіень» не словарь, и Хоа-тюнь есть имя, а не гомофоны для произношенія по ихъ первому и послѣднему звукамъ. Затѣмъ имя, подъ которымъ сдѣлались извѣстны въ Европѣ хунны, конечно, еще до перехода ихъ черезъ Донъ около 375 г., было извѣстно китайцамъ за многіе вѣка до Р. Х. и никакого отношенія къ народцу хоа, именовавшемуся по «Тунъ-тіень», въ 386—534 гг., во время династіи Юань-Вей Хоа-тюнь, не имѣетъ и происходить отъ имени хоа или хоа-тюнь, разумѣется, не можетъ.

«Этотъ народъ есть особая вѣтвь чешы'сцевъ (Tche-sse). Въ первомъ году (правленія) Young-kien (126 г. послѣ Р. Х.) династіи Младшихъ Ханей, Ра-Ноа, слѣдуя за Бань Юномъ (Pan-Young) въ одной войнѣ на сѣверѣ, отличился (заслугами). Бань Юнъ возвелъ его въ достоинство Heou-pou-thsin-han-heou» [1]). Кромѣ ссылки на главу (или книгу) 118 «Хэу-

[1]) У Паркера (The Ephthalites Turks, by E. H. Parker, въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p p. 155—156) начало статьи „Лянъ-шу“ о влад. Хуа (Hwah) передано такъ: It describes this mysterious State as being „another

Хань-шу», г. Шпехтъ никакихъ разъясненій по приведенному мѣсту не далъ. Обратившись къ переведенному Іакинфомъ изъ исторіи Младшихъ Ханей «Повѣствованію о западномъ краѣ», находимъ: «Въ первое лѣто правленія Юнъ-гянь, 126, Бань Юнъ» (тогдашній правитель китайскихъ вассальныхъ владѣній Таримскаго бассейна) «съ Гядэну, сыномъ (чешы'ского) восточнаго (или задняго) владѣтеля Нунки, и съ Бахуа съ отборнымъ войскомъ, разбилъ хуннускаго Хуань-князя, почему поставилъ Гядэну заднимъ владѣтелемъ, а Бахуа сдѣлалъ княземъ [1]) («Цинь-хай-хэу») въ Заднемъ Чешы» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 134). Заднее Чешы имѣло при Младшихъ Ханяхъ населеніе около 4 т. семействъ, до 15 т. душъ, но было самымъ многолюднымъ изъ 6 чешы'скихъ владѣній, занимавшихъ восточный Тяньшань и его южныя и сѣверныя подножія (тамъ же, стр. 131—133), такъ что общая цифра душъ всѣхъ чешы'сцевъ едва ли превышала 50 т. душъ. Упомянутый Бахуа былъ, вѣроятно, однимъ изъ чешы'скихъ старѣйшинъ, титулъ же циньхайскаго (если *хай* вмѣсто han у Іакинфа не ошибка) князя данъ былъ ему, вѣроятно, отъ озера Цинь-хай, которое упоминается вмѣстѣ съ Пхулэй-хаемъ (нынѣ оз. Баркуль) (тамъ же, стр. 104). Изъ свѣдѣній о чешы'скихъ владѣніяхъ въ исторіяхъ Старшихъ и Младшихъ Ханей (тамъ же, стр. 87—97 и 131—135) видно, что чешы'сцы были народомъ кочевымъ и скотоводческимъ, хотя нѣкоторая часть не чуждалась и хлѣбопашества и даже имѣла городки или селенія. Китайскія исторіи ничего не говорятъ о языкѣ и этническихъ отношеніяхъ этого народа, но по географическому положенію ихъ страны слѣдуетъ полагать, что населеніе ея было продуктомъ смѣшенія народностей тюркскихъ, тибетскихъ и иранскихъ, какъ и населеніе таримской котловины, съ бо̀льшимъ только преобладаніемъ тюркскаго элемента вслѣдствіе большей близости тюрковъ (хунновъ). Во второй четверти V вѣка, когда сѣверными сосѣдями были жужани, чешы'скія земли были завоеваны около 444—446 гг. бѣжавшимъ въ Дунь-хуанъ, послѣ покоренія юань-вэйцами около 440 г. при-наньшаньскихъ владѣній Цзюйкюй-Мугяня, братомъ Цзюйкюй-Ухоемъ, но въ 460 г. братъ и преемникъ послѣдняго Цзюйкюй-Аньчжеу былъ разбитъ и убитъ жужанями, которые поставили государемъ образовавшагося съ этого времени изъ чешы'скихъ земель владѣнія Гаочана одного изъ мѣстныхъ жите-

Kind of Küshï" (i. e. of ancient Hiung-nu sibjects, or Turks of modern Turfan). It goes on to say that „in the year A. D. 126 a certain Pah Hwah (apparently one of the rival Kü-shï Princes) assisted General Pan Yung (son of Pan Ch'ao) against the Hiung-nu, for which service he was recommended for a mediatzed marquisate". Я думаю, что вмѣсто Kü-shï въ кит. подлинникѣ стоитъ *чешы*, какъ и передалъ Шпехтъ и какъ значилось въ нижеприведенномъ текстѣ „Хэу-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа: подъ именемъ Гу-шы (Kü-shi) страна и народъ, о которыхъ идетъ рѣчь, извѣстны были до 88 г. до Р. Х., когда были покорены Китаемъ и раздѣлены на Чешы переднее и Чешы заднее („Цянь-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа, „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 36 и 89, а также перев. Wylie, p. 22).

[1]) Терминомъ „князь" Іакинфъ, повидимому, перевелъ Heou-pou, ибо хэу = князь, бу = родъ, такъ что выходитъ родовой старѣйшина или князь.

лей китайскаго происхожденія («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 148—151). Съ 80-хъ годовъ V в. Гаочанъ находился въ зависимости отъ гаогюйцевъ или отъ жужаньцевъ, враждовавшихъ между собою, смотря по тому, кто бралъ въ борьбѣ верхъ. Сохранилось отрывочное извѣстіе, что населеніе западнаго Чешы было переселено гаогюйцами въ Карашаръ «и здѣсь Ѣда покорилъ» этихъ переселенцевъ (тамъ же, стр. 152 и 192), вѣроятно, во время войны гаогюйцевъ съ ѣда или иданями, когда въ 507 г. идани убили гаогюйскаго государя Цюнки («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 253, и «Историческій очеркъ уйгуровъ» Д. Позднѣева, Спб., 1899 г., стр. 30). Послѣ покоренія гаогюйцевъ тюрками во второй четверти VI в. Гаочанъ перешелъ въ зависимость отъ тюрковъ.. Всѣ эти свѣдѣнія возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности невѣдомо на чемъ основаннаго утвержденія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа (ѣда) суть вѣтвь чешы'сцевъ, тѣмъ болѣе, что крайне сомнительно, чтобы не только какая-нибудь часть чешы'сцевъ, но и весь чешы'скій народъ, никогда не бывшій ни многочисленнымъ, ни воинственнымъ, могъ покорить юечжей-кушановъ-кидаритовъ и овладѣть ихъ землями, тогда какъ этого не въ состояніи были выполнить Яздигердъ и Перозъ со всѣми силами Персіи.

Продолжаю изложеніе свѣдѣній «Лянъ-шу»: «При (династіяхъ) Вэй и Цзинь [1]) до настоящаго времени народъ хоа не имѣлъ сношеній съ Срединной имперіей. Въ 15 году (правленія) Thien-kien (516 г.), его царь Ye-ta-i-li-to [2]) началъ присылать посланниковъ, которые представляли произведенія своей страны. Въ первый годъ (правленія) P'ou-t'oung (520 г.) онъ прислалъ пословъ съ представленіемъ льва желтаго цвѣта, мѣха горностая и разныхъ вышитыхъ предметовъ изъ Персіи (Po-sse). Въ 7 году (520 г.) они снова представили подарки, въ числѣ которыхъ былъ плащъ (un manteau). Во время (династіи) Юань-Вэй они обитали въ (мѣстности) Санъ-гань [3]). Бывши небольшимъ народомъ подъ владычествомъ жужаней (Joui-joui) [4]), хоа постепенно сдѣлались затѣмъ большимъ и могущественнымъ (народомъ) и завоевали огромное царство, которое простиралось до владѣній (qui s'étendit jusqu'aux royaumes de) Po-sse (Персія), P'an-p'an [5]),

[1]) Династія Вэй или Цао-Вэй существовала съ 220 по 265 г., а династія Цзинь, замѣнившая ее въ южномъ Китаѣ, съ 265 по 240 г. (см. „Собр. свѣд.“ и пр., ч. I, стр. XXVI—XXVII).

[2]) По объясненію Шпехта, второй знакъ этого имени обыкновенно произносится tai, но онъ пишетъ ta, ибо таковымъ полагаетъ его древнее произношеніе.

[3]) Sous les Yuan -Weï (386—534) ils demeuraient à Sang-kan. По объясненію Шпехта, это рѣка, орошающая провинціи Шань-си и Пе-чи-ли.

[4]) Проф. Шаваннъ передаетъ предшествующую фразу и это мѣсто такъ: Au temps où les Weï résidaient à Sang-kan, dans le nord du Chan-si, c'est-à-dire de 386 à 494, les Hoa n'étaient qu'un petit peuple soumis aux Joan-joan (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 222). При этомъ онъ объясняетъ справедливо: Les Weï étaient une dynastie tongouse qui, pendant plus d'un siècle, résida à Tai, sur le haut cours de la rivière Sang-kan, à l'est de Ta-t'ong-fou du Chan-si (тамъ же, note 5).

[5]) По замѣчанію Шпехта, вмѣсто этого имени въ T'oung-tièn и у Матуаньлиня значится K'o-p'an, а въ Тунъ-чжи K'o-pan-t'o. Проф. Шаваннъ полагаетъ

Ki-pin (Гибинь), Yen-ki (Карашаръ), Kieou-tse (Куча), Sou-le (Кашгаръ), Kou-me (Гумо), Yu-thien (Хотанъ), Kiu-p'an (?)» [1]). По словамъ Шпехта, послѣдняго имени въ «Тунъ-тіень» и у Матуаньлиня нѣтъ; проф. же Шаваннъ (Documents etc., p. 224) читаетъ (Tchou-) kiu-p'an (Kougiar), т.-е. это Сигюйбань или Чжугюйбо китайскихъ свѣдѣній временъ династіи Юань-Вэй, Суй и Танъ, замѣнявшее древнее Согюй и имѣвшее свою столицу не въ Кугіярѣ, какъ утверждаетъ, не указывая основаній, Шаваннъ, а на Яркендъ-дарьѣ между нынѣшними селеніями Чимду и Актамомъ, какъ выяснено уже мною («Р. Антр. Ж.», 1901 г. № 2, стр. 34 и слѣд., № 3, стр. 108 и слѣд., и стр. 131 и слѣд.).

«Страна эта», т.-е. владѣніе Хоа, «имѣетъ 1000 ли. Это страна съ умѣреннымъ климатомъ; есть горы и долины и немного деревьевъ; сѣются всѣ пять родовъ зерновыхъ хлѣбовъ. Пища населенія — изъ баранины и пшеничной муки. Животныя: левъ, двуногій верблюдъ (страусъ), дикій оселъ. У нихъ есть роговые офицеры [2]), хорошіе стрѣлки. Носятъ длинныя одежды съ короткими, обшитыми золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукавами. Головной уборъ у женщинъ мѣховой, съ рогомъ (avec une corne), украшеннымъ золотомъ и серебромъ, высотою въ шесть футовъ и имѣющимъ форму обрѣзаннаго дерева (d'un arbre taillé). Такъ какъ женщинъ мало, то всѣ братья имѣютъ одну жену. Городовъ не имѣютъ. Живутъ въ войлочныхъ палаткахъ, которыхъ двери открываются на востокъ. Владѣтель возсѣдаетъ на золотомъ ложѣ. Ils suivent la revolution de la grande année (?). Женщинамъ дозволено принимать гостей и сидѣть съ ними. Письменъ у нихъ нѣтъ, и договоры заключаются при помощи кусковъ дерева [3]). Они имѣютъ сношенія съ сосѣдними владѣніями и отправляютъ къ нимъ пословъ. Какъ же, однако, имѣютъ они варварскія книги, писанныя на бараньихъ кожахъ, замѣняющихъ у нихъ бумагу? У нихъ нѣтъ

что слѣдуетъ, можетъ-быть, читать Но-p'an-t'o (Ташкурганъ); см. Documents etc., p. 224, note 7.

[1]) Это мѣсто „Лянъ-шу“ Шаванномъ передатся нѣсколько отлично отъ Шпехта: Les Hoa, c'est-à-dire les Hephthalites, auraient porté leurs armes non seulement en Perse, mais encore dans le Ki-pin (Kapiça), à Yen-k'i (Karachar) и т. д. (p. 224).

У Паркера (p. 156) имѣются слѣдующія отличія въ переводѣ: ... In the year 516 the King Yen-tai I-lih-t'o for the first time sent a tribute envoy; and in the year 520 a second mission was sent ... A mission was once more sent in the year 526. During the period (386—495) when the Toba Wei Dynasty (386—534) were still on the Sang-kan River (i. e., at Ta-t'ung Fu), Hwah was still petty State, and under the Geougen; but afterwards, gaining strength, it sent expeditions against neighbouring States, such as Persia, P'an-p'an (*sic*), Cophene..., modern Karashar, Kuche, modern Kashgar, Kumeh (near Aksu), Khotan, Kü-p'an etc., extending its domain over 1000 li (*sic*). По завѣренію Паркера (p. 158), кромѣ посольствъ 516, 520 и 526 г., упоминаемыхъ въ описаніи Hwah, въ общей части (general record) „Лянъ-шу“ сказано, что царь Hwah по имени An-loh Sah-tan присылалъ посольство съ данью въ 525 г.

[2]) Des officiers des cornes, по китайски kio-jin, какъ называлась у китайцевъ какая-то должность.

[3]) Т.-е. бирокъ. Шпехтъ указываетъ на существованіе бирокъ и у тюрковъ.

администраціи. Они боготворятъ духа неба и духа огня. Каждый день они выходятъ къ порогу двери своей, чтобы совершить жертвоприношеніе духамъ; по совершеніи, преклоняютъ колѣни и заканчиваютъ поклономъ. Умершихъ хоронятъ въ деревянныхъ гробахъ. Когда умерли отецъ или мать, сыновья разрѣзываютъ себѣ уши и избираютъ для погребенія счастливый день. Ихъ языкъ былъ понятъ однимъ переводчикомъ изъ (провинціи) Хэнань (Ho-nan) и затѣмъ съ нимъ ознакомились».

У Паркера въ остальной части перевода отличія столь часты, что привожу ее цѣликомъ (p. p. 156—157): «The territory is mild and warm, whith many mountains and rivers, trees, and various grains. The natives use parched wheat and mutton (or goat) flesh as provision. Their beast include lions, two-footed (*sic*) camels, and wild asses with horns (*sic*). The men are all good archers, and wear small-sleeved fall-length gowns, with gold and jade in theirs belts. The women wear capes, with horns of carved wood on their heads, six feet (*sic*) in lenght, ornamented with gold and silver. Women being few, brothers join in one wife. There are no cities or *towns*, felt houses serving as homes, and with doors facing east. The King sits on a golden throne, turning in the direction of the *t'ai-sai* (twelve alternate starry divisions of the sideral year), and receives guests sitting in company with his wife. They have no written caracters, but use wood as tally-signs. When they correspond with adjoining States, they employ the Hu of adjoining States to do Hu writing, sheepskin serving as paper. They have no graded officials. They serve the god of heaven and the god of fire. Every day they go out at the door and worship the god, after which they eat. Their kneeling consists of one obeisance only. In burials they use wood for coffins. Where parents die, the sons cut off an ear, and when the burying is over it is counted lucky. Their talk needs the interpreting of Ho-nan (i. e., old Yüeh-chï land or modern Ordos) men to be understand".

По поводу разногласій въ приведенныхъ переводахъ гг. Шпехта и Паркера не будетъ лишнимъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) По словамъ Паркера (p.p. 157—158), «нѣкоторые европейскіе писатели транскрибировали вполнѣ ясныя слова (plain words) Yen-t'ai въ видѣ Yeh-t'ah на томъ основаніи, что новая «Танъ-шу» (составленная четыре столѣтія позже!) считала Yeh-t'ah эпонимнымъ именемъ (an eponymons name); тѣ же писатели сдѣлали I-lih-t'o частью передаточнаго (transmissible) титула, отождествили Hwah съ ефталитами и заставили жужаней уничтожить этихъ предполагаемыхъ ефталитовъ. Къ несчастію для такого мнѣнія, жужани никогда не проникали въ Трансоксіану, и хотя они угрожали б. юечжи, но не дѣлали этого въ отношеніи къ ефталитамъ, и (жужаньскій) ханъ Брахманъ (Поломынь), тѣснимый въ 520 г. войсками(дин.) Тоба, раз-

считывалъ прибѣгнуть къ покровительству ефталитовъ, за царемъ которыхъ находились въ замужествѣ три его сестры... Сверхъ того, ни одинъ арабскій, персидскій или армянскій писатель не упоминаетъ объ этихъ жуанъ-скихъ повелителяхъ грозныхъ ефталитовъ, которые сражались съ персами почти цѣлое столѣтіе». Не касаясь здѣсь мнѣній, приписываемыхъ Паркеромъ неназваннымъ писателямъ, безъ указанія—гдѣ такія мнѣнія были высказаны, я нахожу достаточнымъ замѣтить, что чтеніе Ye-tai-i-li-t'o повторено и проф. Шаванномъ въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (1903, p. 223). Такъ какъ въ рецензіи своей на эту книгу Шаванна, опровергая отождествленіе жуанъ-жуанъ съ «истинными аварами», Паркеръ не возражалъ противъ правильности чтенія Ye-tai-i-li-t'o (I. and A. Q. R., 1904, April, p. 340), то можно думать, что онъ отказался отъ чтенія Yen-t'ai I-lih-t'o или не нашелъ для его поддержки убѣдительныхъ доказательствъ.

2) Совпаденіе переводовъ Паркера и Шаванна того мѣста текста, въ которомъ упоминается Санъ-гань, обнаруживаетъ несомнѣнную ошибочность перевода того же мѣста у Шпехта и выясняетъ, что текстъ «Лянъ-шу» говоритъ лишь о томъ, что во время нахожденія столицы дин. Тоба въ бассейнѣ рѣки Санъ-гань,—т.-е. въ Дай, между 386 и 494 гг.,—хоа были небольшимъ народцемъ, подвластнымъ жуанямъ, впослѣдствіи же, усилившись, они предпринимали походы противъ сосѣднихъ владѣній, каковы Персія и пр., и распространили свои владѣнія болѣе чѣмъ на 1 т. ли.

3) Хотя «роговые офицеры» Шпехта мало понятны, но «ослы *съ рогами*» Паркера совсѣмъ невѣроятны.

4) Нескладицѣ перевода Шпехта о неимѣніи у хоа письменъ при существованіи, однако, варварскихъ книгъ, писанныхъ на бараньей кожѣ, слѣдуетъ, конечно, предпочесть переводъ Паркера, по которому, хотя хуа не имѣли письменъ и употребляли бирки, но для сношеній съ сосѣдними владѣніями прибѣгали къ ихъ письменамъ, при помощи людей изъ этихъ царствъ, употребляя вмѣсто бумаги бараньи кожи.

5) Невѣроятно, чтобы сынъ по смерти отца и матери отрѣзывалъ себѣ по уху. Можетъ-быть, ефталиты дѣлали по смерти родителей надрѣзы и царапины на ушахъ, какъ тюрки, которые изрѣзывали себѣ въ знакъ скорби по родителямъ лица («Танъ-шу» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 269, и Менандръ въ переводѣ Дестуниса, стр. 421 и 422); тибетцы по смерти отца или матери обрѣзывали себѣ волосы и чернили лица («Исторія Тибета и Хухунора», ч. I, стр. 128, и переводъ Бушелл'я, Journal of R. A. Society, 1880, p. 443).

6) Текстъ, въ которомъ упоминается Хэнань, вѣроятно, переведенъ Паркеромъ правильнѣе, но едва ли онъ правъ, считая тутъ Хэнань за нынѣшній Ордосъ, особенно же утверждая, что Ордосъ входилъ въ составъ земель, принадлежащихъ юечжамъ (до ухода на западъ при Модэ), такъ

какъ самъ признавалъ (р. 131) территорію юечжей соотвѣтствовавшею лишь нынѣшнимъ Ша-чжеу, Су-чжеу, Гань-чжеу и Синингъ-фу. Нынѣшній Ордосъ при династіяхъ Цинь и Хань дѣйствительно назывался Хэнань, т.-е. (страна) къ югу отъ (Желтой) рѣки, но мы знаемъ изъ «Шы-цзи» и «Хань-шу», что она принадлежала не юечжамъ, а хуннамъ. Въ настоящее время имя Хэнань носитъ провинція, «занимающая южный берегъ Желтой рѣки отъ ея поворота къ восточному морю» («Собр. свѣд.», ч. 3, Геогр. указатель», стр. 84). не знаю, съ какого времени имя Хэнань присвоено этой провинціи, но для Ордоса уже въ 697 г. встрѣчается въ «Танъ-шу» именованіе Хэ-тхао, что значитъ «изгибъ или излучина Желтой рѣки» («Собр. свѣд.,» ч. 3, стр. 325, примѣч. 5). Во всякомъ случаѣ какъ въ южномъ Ордосѣ, такъ у въ западной части нынѣшней провинціи Хэнань въ первой половинѣ VI вѣка, во время дин. Лянъ, не невѣроятно существованіе остатковъ еще не вполнѣ окитаившихся хунновъ, съ одной стороны, и инородцевъ тибетскаго племени, съ другой, такъ что существованіе въ лянскую эпоху въ Хэнани потомковъ инородцевъ, понимавшихъ языкъ хоа-ѣда, едва ли можетъ рѣшить вопросъ о тюркскомъ или тибетскомъ происхожденіи этого народа.

По словамъ Паркера (р. 157), въ числѣ состоящихъ отъ Hwah въ вассальной зависимости владѣній названо въ «Лянъ-шу» нѣсколько такихъ, которыя нигдѣ и никогда болѣе не упоминаются; имя одного изъ нихъ Hu-mih-tan, о которомъ не дано никакихъ подробностей, напоминаетъ Hiu-mih, одно изъ княжествъ пяти юечжійскихъ хи-хэу ханьскихъ временъ, Hu-mih Сюань Цзана (Тамоситѣти, т.-е. Ваханъ), имя же другого Peh-t'i, находившагося «въ шести дняхъ къ востоку» (откуда—не сказано), выдается за родъ хунновъ, по поводу чего Паркеръ замѣтилъ, что такой родъ дѣйствительно существовалъ лѣтъ 700 ранѣе, но только у предѣловъ Китая [1]); описывая Хотанъ, Khavanda (Ташъ-курганъ), Персію и Куча, «Лянъ-шу» не упоминаетъ о зависимости ихъ отъ Hwah, но указываетъ, что Hwah находится на востокѣ отъ Персіи и на западѣ отъ Khavanda.

Описаніе Hwah скопировано изъ «Лянъ-шу» въ «Нань-шы» («Исторія южныхъ дворовъ», написанная тѣмъ же ученымъ, который составилъ «Бэй-шы»), но такъ какъ ни одна изъ остальныхъ династійныхъ исторій не знаетъ этой страны, о которой не упоминаютъ также ни Фа-Сянь, ни Сюань Цзанъ, ни остальные китайскіе паломники, и такъ какъ все означенное описаніе представляется апокрифическимъ и содержитъ въ себѣ больше явныхъ заблужденій, чѣмъ здраваго смысла, и «Лянъ-шу» не указываетъ своихъ источниковъ (no authority is given by the «Liang-shu»), то Паркеръ приходитъ къ заключенію, что свѣдѣнія «Лянъ-шу» о Hwah есть ничѣмъ не подтвержденная сказка (unsupported tale), происхожде-

[1]) Это Peh-t'i есть, вѣроятно, поколѣніе бай-ди, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

ніе же ея объясняетъ слѣдующимъ предположеніемъ: во время упорной войны между Южнымъ Китаемъ и Сѣвернымъ нѣкоторые посланники изъ нынѣшняго Туркестана, — задержанные, какъ извѣстно изъ «Вэй-шу», военными дѣйствіями, — успѣли пробраться въ Нанкинъ или къ находившемуся въ походѣ лянскому императору и насказали ему или совершенно невѣдавшимъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на дальнемъ западѣ лянскимъ чиновникамъ турусы на колесахъ; показанія ихъ чиновники и записали, какъ сумѣли (I. and Asiatic Q. Review, 1992, July, p.p. 157—159). Позднѣе (то же періодическое изданіе, 104, April, p. 340) г. Паркеръ высказалъ догадку, что основанное на слухахъ сказаніе «Лянъ-шу» о таинственной странѣ Hwah было, вѣроятно, результатомъ того факта, что столицею ефталитовъ былъ городъ Хуо (Hwoh), Варвализъ арабовъ, нынѣшній Кундузъ: оба китайскихъ знака двухъ именъ (Hwah и Hwoh) донынѣ произносятся въ Кореѣ Hwal, что именно и даетъ War или Wâl, и даже китайцы иногда называли этотъ городъ A-hwan. Паркеръ не указалъ, откуда именно почерпнулъ онъ свѣдѣніе о томъ, что городъ Хуо былъ столицею ефталитовъ, но такъ какъ писалъ онъ это въ рецензіи на Documents sur les Tou-kiue occidentaux пр. Шаванна, то можно полагать, что источникомъ послужили ему приведенныя тамъ (p. 123, note 6) слѣдующія строки изъ Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud, t. II, partie 2, p. 207: Walwâlidj est la capitale du Tokhâristan, qui fut anciennement le royaume des Hayâtilah (Ephthalites). Однако, изъ извѣстія о томъ, что Варвализъ былъ столицею Тохаристана еще не слѣдуетъ, что этотъ же городъ былъ раньше и столицею ефталитовъ; затѣмъ, какъ бы ни произносились нынѣ въ Кореѣ два китайскихъ знака, очертанія которыхъ одно отъ другого различны (см. ихъ въ той же книгѣ Шавана, p.p. 329—330), для насъ важно только ихъ китайское произношеніе, о которомъ мы можемъ судить лишь по нынѣшнимъ Хуо и Хуа, ибо прежнее произношеніе неизвѣстно.

Вслѣдствіе этого предположеніе Паркера о связи Хуа или Хоа, какъ читаютъ французскіе синологи, съ Хуо оказывается лишеннымъ основанія. Столь же неудовлетворительно обосновано мнѣніе Паркера о томъ, что описаніе Хуа въ «Лянъ-шу» есть ни чѣмъ неподкрѣпленная сказка. Указанія на источники свѣдѣній отсутствуютъ не въ одной «Лянъ-шы», а во всѣхъ династійныхъ исторіяхъ относительно большей части ихъ содержанія. Это умолчаніе объ источникахъ не лишаетъ, однако, науку возможности въ значительной части случаевъ намѣчать эти источники на основаніи свѣдѣній о пріемахъ составленія династійныхъ исторій вообще. Ошибки и заблужденія также встрѣчаются не въ одной «Лянъ-шу» и требуютъ лишь критики и разъясненій ихъ происхожденія, а не объявленія огуломъ историческихъ извѣстій сказками, когда самъ же Паркеръ призналъ свѣдѣнія «Лянъ-шу» интересными и относящимися къ ефталитамъ (p. 157).

Критическое разсмотрѣніе извѣстій «Лянъ-шу» о хоа или хуа уже начато мною выше разборомъ ханьскихъ свѣдѣній о Бахуа, на которыя сдѣлано указаніе. Теперь я закончу это разсмотрѣніе.

По о. Іакинфу, исторіи династіи Лянъ (502—556 г.г.) и замѣнившей ее династіи Чень (557—581 г.г.) составлены были Яо Сы-лянемъ, ученымъ династіи Танъ, принятымъ основателемъ этой династіи Гао-цзу (618—626 г.) на службу къ его двору («Собр. свѣд.», ч. I, стр. XIX и XX). По свѣдѣніямъ Хирта, «Лянъ-шу» составлена въ началѣ VII вѣка (Wiener Zeitschrift für die K. des M-s, B. X, 1896, S. 230); Паркеръ указываетъ 630 г. (p. 155). Хотя одному изъ лянскихъ императоровъ, Юаню (552—555 г.г.), извѣстному своимъ покровительствомъ искусствамъ, приписывается составленіе илюстрированной книги о западныхъ странахъ, которая существовала еще въ началѣ дин. Танъ, но до насъ не дошла (Хиртъ, тамъ же); однако это обстоятельство недостаточно гарантируетъ основательность и вѣрность свѣдѣній о западныхъ народахъ и странахъ у лянской династіи, потому что, будучи отдѣлены отъ нихъ тибетскими землями и владѣніями враждебныхъ царствъ сѣвернаго Китая, лянцы не имѣли для запада никакого политическаго значенія, и за посольства съ запада у нихъ, вѣроятно, по большей части выдавали себя торговцы, желавшіе воспользоваться льготами и привиллегіями посланниковъ; въ частности изъ владѣнія Хоа послѣднее посольство было при династіи Лянъ въ 526 г., слѣдовательно за 26 лѣтъ до вступленія на престолъ Юаня, такъ что свѣдѣнія объ этомъ владѣніи, если оно значилось въ приписываемой Юаню книгѣ, не были получены отъ современныхъ книгѣ посольствъ, а взяты изъ записей показаній прежнихъ посольствъ изъ Хоа или почерпнуты изъ слуховъ и разспросовъ у посольствъ изъ другихъ западныхъ владѣній царствованія Юаня. Весьма затѣмъ возможно, что, при скудости свѣдѣній, составлявшіе книгу или лишь помогавшіе ему въ ея составленіи ученые прибѣгали къ догадкамъ. Къ такимъ догадкамъ можетъ быть отнесено поставленіе владѣнія или народа хуа на Аму-дарьѣ въ генетическую связь съ чешы'скимъ старѣйшиною ханьскихъ временъ Ба-хуа на основаніи, видимо, лишь звукового сходства второго слога имени Ба-хуа съ именемъ владѣнія Хуа или Хоа, при чемъ этотъ второй слогъ имени старѣйшины обращался въ родовое названіе, безъ всякихъ, однако, въ «Хэу-Хань-шу» или иныхъ основаній. Слѣдующая послѣ указанія на Ба-хуа историческая справка о неимѣніи у Китая сношеній съ хуа во время династій Вэй и Цзинь (220—420 г.г. по Р. Х.) и свѣдѣніе затѣмъ о нахожденіи хоа подъ владычествомъ жуженей въ періодъ 386—494 г.г. кажутся доводящими исторію хуа непрерывно до временъ дин. Лянъ (502 г.). Но это только миражъ: на самомъ дѣлѣ существованіе чешы'скаго рода хуа въ 126 г. ничѣмъ не удостовѣрено; если же такого рода у чешы'сцевъ не было, то отсутствіе свѣдѣній о сношеніяхъ съ нимъ Китая въ 220—420 г.г. ничего не доказы-

ваетъ; наконецъ, утвержденіе о нахожденіи хуа въ 386—493 г.г. подъ владычествомъ жуженей, въ видѣ маленькаго народца, не заслуживаетъ довѣрія въ виду отсутствія всякихъ объ этомъ упоминаній и свѣдѣній въ исторіи жуженей, въ свѣдѣніяхъ о владѣніи Чешы и замѣнившемъ его Гаочанѣ («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 205—240 и ч. III, стр. 147—149 и слѣд.), а также объ ѣда (тамъ же, стр. 177—179). Лянскіе хоа и юань-вэйскіе ѣда несомнѣнно тождественны, но юань-вэйскія свѣдѣнія, по большей ихъ продолжительности (лянскія лишь съ 516 по 526 г., юаньвэйскія же и замѣнившихъ ее династій съ 455 г. по 558 г.) и по возможности ихъ пополненія и повѣрки не только разспросами несравненно болѣе многочисленныхъ посольствъ отъ ѣда, но чрезъ собственныя посольства, должны быть много полнѣе и правильнѣе, а потому пользоваться предпочтеніемъ.

Откуда, однако, взялось въ «Лянъ-шу» имя хоа или хуа, а въ «Тунъ-тіень» имя хоа-тюнь, какъ бы подтверждающее правильность перваго?

Еще Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, встрѣтивъ у Матуаньлиня, въ переводѣ Абеля Ремюза, упоминаніе о Хоа (Nouveaux mélanges asiatiques, 1829, t. I, p. 243: Il y a un auteur qui pretend que ce nom de Ye-tha était primitivement celui de la famille royale du pays de Hoa, dont les habitants furent connus avant l'an 144 de J.-C., et avaient assujeti tous les royaumes voisins, la Perse... etc. [1]), узналъ въ странѣ Хоа владѣніе Хо кит. династійныхъ исторій, полагая, что обширныя завоеванія царей Хоа во II вѣкъ по Р. Х. могли быть совершены лишь царями юечжей-кушановъ, находившихся тогда въ апогеѣ своей силы (Etudes de géographie ancienne etc., Paris, 1850, t. I, p.p. 284—285). По всей вѣроятности, приведенныя свѣдѣнія, — извращенныя, особенно въ датѣ 144 г., вмѣсто 126 г. по Р. Х., самимъ Матуаньлинемъ или переводчикомъ, — были взяты изъ «Лянъ-шу». Маленькое владѣніе Хэ (такъ пишетъ это имя Іакинфъ, «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 204, 205, 188, западно-же европейскіе синологи произносятъ Хо), имѣвшее лишь 1 т. войска и столицу въ 2 ли въ окружности, упоминается и описывается, сколько извѣстно, впервые въ «Суй-шу» и затѣмъ въ «Бэй-шы»; по нахожденію на югѣ въ нѣсколькихъ ли отъ р. Нами (Заравшана), въ 150 ли на западъ отъ Цао, лежавшаго въ сто ли на западъ отъ Кана (Самаркандъ), и въ трехъ стахъ ли на востокъ отъ вл. Малаго Ань (на сѣверѣ отъ нынѣшняго Кермине, теперь сел. Калганъ-ата, см. В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 100), вл. Хо должно было располагаться около нынѣшняго Катты-кургана, на сѣверѣ отъ него.

---

[1]) По д-ру Маркварту (Ērānšahr, 61), который считаетъ *ѣ-та-и-ли-то* за титулъ, а не имя, древнее произношеніе *ѣ-та* было Jeptah=Ephtal—имя главъ орды, *и-ли* же есть тюркское *илъ* (äl). Что такое остающейся слогъ *то*—г. Маркваргъ не говоритъ.

Присвоеніе имени вл. Хо царству и народу ѣда можетъ быть, думаю я, объяснено тѣмъ, что въ дѣйствительности государи ѣда никакихъ посольствъ въ лянскій Китай не отправляли, такъ какъ южный Китай для нихъ никакого политическаго значенія не имѣлъ, подъ именемъ же посольствъ отъ нихъ всѣ три раза (въ 516, 520 и 526 г.г.) являлись выдававшіе себя за посланниковъ торговцы изъ вл. Хо; они, однако, могли не скрывать, что сами они родомъ изъ находящагося въ числѣ подвластныхъ царю ѣда земель вл. Хо; по незнанію или малознанію этими торговцами китайскаго языка и по трудности имѣть въ южномъ Китаѣ переводчиковъ иранскаго нарѣчія, на которомъ они говорили, рѣчи ихъ могли быть поняты такъ, что они послы отъ царства и народа Хо, при чемъ имя Хо лянцами передано знакомъ Хоа, совершенно отличнымъ отъ знака, произносимаго Хо, имя же ѣ-та (вѣроятно, ефталъ), которымъ они называли властвующій народъ и царство, принято лянцами за имя царя, съ добавленіемъ по какому-нибудь недоразумѣнію слоговъ и-ли-то, потому что считать ѣ-та-и-ли-то за ефталитъ, по моему, невозможно, ибо это византійская форма съ спеціальнымъ конечнымъ суффиксомъ *ит*, какъ и въ *кидаритъ*.

Что касается имени *Хоа-тюнь*, то упоминаніе въ «Суй-шу» и въ повторившей ея свѣдѣнія «Бэй-шы», что владѣтель Хэ имѣлъ «прозваніе» *дунь* (у Іакинфа, по Пфицмайеру же, l. c., 471, Tün) даетъ возможность думать, что хоа-тюнь должно было означать *тюнь* (т.-е. государь, князь) вл. Хоа, потому что это тюнь не какое-то «прозваніе» или Junglingsname (у Пфицмайера), а титулъ, которымъ именовался владѣтель Хо; ясно это изъ того, что во многихъ суйскихъ описаніяхъ, вѣроятно, по общему правилу данной для нихъ программы, помѣщены эти «прозванія», въ томъ числѣ государя Босы (Персіи) *кусахо*, т.-е., конечно, *хозрой*, какъ титуловались персидскіе цари. Отсутствіе имени хоа-тюнь въ «Лянъ-шу» и въ «Бэй-шы» заставляетъ предполагать, что составленіе этого имени для ѣда-ефталитовъ изъ лянскаго *хоа* и суйскаго *тюнь* есть догадка какого-нибудь танскаго ученаго, которую и помѣстилъ въ свою компиляцію составитель «Тунъ-тіень», если она не была плодомъ его собственнаго остроумія.

Основываясь на томъ, что владѣніе Хо называлось также у китайцевъ Кю-шуан-ни-кя и было около 655 г. переименовано въ округъ Гуйшуанъ, Томашекъ утверждалъ, что истинное мѣстное имя Кю-шуан-ни-кя было Кушани-катъ, т.-е. «жилище кушановъ», а это въ связи съ переименованіемъ въ округъ Гуйшуанъ показываетъ, что именно тутъ находилось мѣстообитаніе кушанскаго племени юечжей, котораго князь Кучуку подчинилъ впослѣдствіи остальныя четыре племени юечжей и основалъ кушанскую династію. Доказательствомъ того, что юечжи овладѣли первоначально Согдіаною, и отсюда уже подчинили себѣ Тохаристанъ и т. д., считалъ онъ

то обстоятельство, что князья Кана (Самарканда) признавали себя происходившими изъ царскаго дома юечжей (Sogdiana, SS. 89—91). Изъ всего этого вѣрно, какъ значится въ «Танъ-шу», что Хо или Хэ иначе именовалось Кюйшуаннига и Гуйшанни и что оно при переименованіи западныхъ владѣній въ губернаторства, округа и т. д. «обращено въ округъ Гуйшуанъ»; тамъ же сказано, что «по восточную сторону города (должно быть столицы вл. Хэ) есть двухъ-этажное зданіе (un pavillon à étages); на сѣверной его стѣнѣ красками написаны древніе императоры Срединнаго государства (т.-е. Китая); на восточной—дулгаскіе ханы и индійскіе владѣтели; на западной—владѣтели босыскіе и фолиньскіе; владѣтель, учинивъ поклоненіе предъ ними, уходитъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 246, и Documents etc., par Chavannes, p. 145, гдѣ послѣдняя фраза переведена: Le prince de ce pays va le matin s'y prosterner, puis il se retire). Объ этой сказкѣ достаточно замѣтить, что по своей невѣроятности она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Не считая доказаннымъ, но и не находя невозможнымъ, что имя Хо или Хэ китайской транскрипціи есть зендское гау или *гава*, какъ предполагалъ Томашекъ (S. 96), я допускаю, что владѣніе Хо или столица его именовались также Кашаномъ (или Кашаніей мусульманскихъ писателей), но нахожу весьма мало вѣроятнымъ, чтобы имя резиденціи гуйшуанскаго или кушанскаго хи-хэу ханьскихъ временъ Хо-цзо или Хо-цзао составилось изъ именъ владѣній Хо или Гава и Цао (S. 90). Мною уже выяснено выше, согласно даннымъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», что Согдіаною юечжи не овладѣвали, и что она еще до прихода ихъ въ Междурѣчье подчинена была кангюйцами и осталась въ вассальныхъ къ послѣднимъ отношеніяхъ нѣсколько столѣтій послѣ завоеванія юечжами Бактріаны; поэтому противоположное предположеніе Томашека считаю я ошибочнымъ; несостоятельность же аргумента о происхожденіи княжескихъ домовъ Согдіаны отъ юечжей будетъ выяснена при обсужденіи происхожденія титула чжаову.

Мнѣнія Шпехта и Паркера о тюркскомъ происхожденіи юечжей и ѣда.

Сдѣланный выше разборъ статьи «Лянъ-шу» дѣлаетъ понятнымъ, почему «Чжеу-шу», «Суй-шу», «Бэй-шы» съ воспроизведшей ея свѣдѣнія «Вэй-шу» и, наконецъ, «Танъ-шу» оставили увѣреніе «Лянъ-шу» о происхожденіи хуа или хоа-ефталитовъ отъ чешы даже безъ упоминанія: вѣроятно, неосновательность и произвольность догадокъ «Лянъ-шу» были слишкомъ ясны и общеизвѣстны, чтобы стоило о нихъ серьезно говорить. Всѣ пять исчисленныхъ династійныхъ исторій согласно признаютъ ѣда потомствомъ юечжей и только двѣ изъ нихъ («Бэй-шы» и повторявшая ее «Вэй-шу») упомянули о существованіи сказанія о происхожденіи ѣда будто

бы отъ гаогюйцевъ, помѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ положительно опровергающее это сказаніе свѣдѣніе о томъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Если г. Шпехтъ находилъ согласное утвержденіе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей ошибочнымъ, то ему, очевидно, надлежало выяснить достаточными данными эту ошибочность, указать, которому изъ несогласныхъ между собою сказаній о принадлежности ѣда къ чешы или о принадлежности ихъ къ гаогюйцамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, по какимъ основаніямъ, и, наконецъ, въ случаѣ признанія ѣда вѣтвью гаогюйцевъ, объяснить, какимъ образомъ это могло быть, когда языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Вмѣсто этого Шпехтъ ограничился слѣдующимъ (p. 340, note 1): Nous avons vu, d'après *l'Histoire des Liang*, que les Hoa devaient être une nation de race turque. Cette phrase: «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi, etc.», doit signifier que les premiers ont demeuré dans les contrées habitées anciennement par les Yué-tchi. On trouve dans les auteurs grecs des expressions semblables. Ménandre ne dit-il pas que les Turcs se nommaient anciennement Saces? Aussi M. de St.-Martin fait remarquer (Lebeau, IX, 383) que ces sortes de synonymes dans les auteurs grecs et dans les anciens, en général, indiquent seulement que les peuples qu'ils font descendre l'un de l'autre, ont successivement dominé dans les mêmes régions. Между тѣмъ въ «Лянъ-шу», какъ приведено по переводу г. Шпехта, совсѣмъ не говорится, что хоа были «народомъ тюркскаго племени», а сказано лишь, что хоа «есть вѣтвь чешы'сцевъ»; отнесеніе чешы къ народамъ тюркскимъ и выводъ, что хоа были народомъ тюркскимъ, принадлежатъ г. Шпехту, а не «Лянъ-шу». Если и допустить, что чешы народъ тюркскій, чего Шпехтъ не доказалъ, необходимо установить вѣрность увѣренія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа есть вѣтвь чешы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это утвержденіе представляется лишь неосновательною догадкою и опровергается свидѣтельствомъ пяти династійныхъ исторій о томъ, что ѣда принадлежатъ племени юечжей. Умолчавъ объ опровергающемъ принадлежность ѣда къ тюркскимъ народамъ свидѣтельствѣ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» о совершенномъ отличіи языка ѣда отъ гаогюйскаго, а стало-быть и вообще отъ тюркскаго, ибо гаогюйское нарѣчіе было однимъ изъ тюркскихъ, Шпехтъ думаетъ устранить завѣреніе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей увѣреніемъ, что это завѣреніе означаетъ только то, что ѣда занимали тѣ страны, которыя раньше были обитаемы юечжами. Правильно и безспорно доказать это свое увѣреніе г. Шпехтъ могъ бы лишь приведеніемъ текстовъ каждой изъ пяти исторій, которые ясно показывали бы, что составители ихъ постоянно или хотя достаточно часто признавали народы происходящими отъ племенъ, ранѣе ихъ обитавшихъ на той же территоріи, только на основаніи такого обитанія. Недо-

статочно было бы ссылаться на примѣры въ этомъ родѣ другихъ китайскихъ историковъ, ибо и у китайскихъ историковъ бывали эпохи не только прогресса, но и регресса. Хотя г. Шпехтъ не воспользовался примѣрами китайской исторической литературы, но не трудно указать на примѣры «Дай-Цинъ-и-тун-чжи» (государственная географія дин. Цинъ, т.-е. нынѣшней, манчжурской, первое изданіе которой относится къ 1743 г.) и «Си-юй-ту-чжи» («Описаніе западнаго края», составленное особой комиссіей, учрежденной въ 1756 г.). Составители послѣдняго сочиненія полагали, что усуни ханьскихъ временъ были предками нынѣшнихъ бурутовъ (т.-е. кара-киргизовъ), потому единственно, что послѣдніе обитаютъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣкогда усуни, и имѣютъ такой же кочевой образъ жизни (Recueil de documents sur l'Asie centrale, par C. Imbault - Huart, Paris, 1881, pp. 159—161). По «Дай-Цинъ-и тунъ-чжи» усунь есть древнее имя цзунгаровъ или калмыковъ («Описаніе Чжуньгаріи» и пр., монаха Іакинфа, Спб., 1829 г., извлеченное изъ Государственной Китайской Географіи алфавитное объясненіе древнихъ мѣстъ, стр. VI и XXXVI), вѣроятно по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ усуни признавались предками бурутовъ. Однако, промахи манчжуро-китайскихъ чиновниковъ XVIII в. не даютъ основаній полагать, что историки древнихъ династій не знали о недостаточности обитанія на однихъ мѣстахъ и сходства образа жизни для признаванія позднѣйшаго народа происходящимъ отъ древнѣйшаго и о необходимости для этого лингвистическихъ, антропологическихъ и т. д. данныхъ, въ связи съ достаточно непрерывными историческими свѣдѣніями, устраняющими возможность замѣны первоначально обитавшаго народа другими, принадлежавшими къ инымъ племенамъ, — не даютъ тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ династійскихъ исторіяхъ встрѣчаются свѣдѣнія о языкахъ и о физическихъ типахъ народовъ и что перерывы въ сношеніяхъ съ западными народами были до танской династіи сравнительно незначительны.

Указаніе на Менандра (писавшаго: «Турки, въ древности называвшіеся саками, отправили къ Юстину посольство» и т. д., см. вышеуказывавшійся переводъ Дестуниса, стр. 375) едва ли удачно, потому что подъ собирательнымъ именемъ саковъ извѣстны были у персовъ (отъ которыхъ это имя проникло и на западъ) народы разныхъ племенъ, ведшихъ кочевую жизнь на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ отъ Персіи; въ числѣ ихъ находились, кромѣ иранскихъ, и тюркскія племена канглы и сэ; истинное имя послѣднихъ было, вѣроятно, саха и оно-то, вѣроятно, обратилось у персовъ въ сака, какъ мнѣ уже приходилось высказываться. Не отвергая, что нѣкоторые западные писатели ошибочно или неосновательно присвоивали современнымъ имъ народамъ имена и происхожденіе отъ болѣе древнихъ народовъ единственно потому, что тѣ и другіе обитали въ однихъ и тѣхъ же странахъ, я не нахожу, однако, никакихъ основаній полагать, что и соста-

вители пяти династійныхъ исторій впали въ такую же ошибку относительно ѣда и юечжей.

Уклонившись отъ критической повѣрки извѣстій «Лянъ-шу» и сказанія «Вэй-шу», а также отъ выясненія, къ какому дѣйствительно племени принадлежатъ хоа-ѣда: чешускому ли, какъ гласитъ первый источникъ, или гаогюйскому, какъ утверждаетъ второй, г. Шпехтъ настоятельно утверждаетъ, что хоа-ѣда не потомки юечжей, а совершенно особый народъ, ибо юечжи-кушаны, бывъ первоначально кочевниками, сдѣлались вскорѣ народомъ осѣдлымъ и усвоили, по крайней мѣрѣ частію, индо-эллинскую цивилизацію, тогда какъ ефталиты не имѣли монеты, остались кочевниками, по нравамъ и обычаямъ много походили на тюрковъ и практиковали поліандрію, о которой у юечжей-кушановъ не упоминается (pp. 319, 338, 349 и 350). Я уже выяснилъ выше («Р. А. Ж.», 1904 г., кн. XVII—XVIII, стр. 38), что содержащееся въ статьѣ «Цянь-Хань-шу» о б. юечжы замѣчаніе объ одинаковости «почвы, климата, вещей, обычаевъ народа и монеты» съ аньсискими относится не къ землямъ и народу юечжійскому, составлявшему менѣе трети населенія страны, а ко всей странѣ вообще и въ частности къ ея милліонному туземному иранскому населенію, къ дахясцамъ, ибо объ юечжахъ собственно сказано тамъ же, что это кочевой народъ (nation по переводу Wylie, «государство»—по неудачному выраженію Іакинфа), сходный по обычаямъ съ хуннами. Засимъ мною уже показана неосновательность мнѣнія Бойе, по которому еще при Старшихъ Ханяхъ юечжы раздѣлили между своими кланами территорію дахясцевъ на югѣ отъ Аму-дарьи, заняли города и сдѣлались осѣдлымъ народомъ: ничего подобнаго въ «Цянь-Хань-шу» нѣтъ, если же въ «Хэу-Хань-шу» говорится, что «когда Домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на пять княжескихъ Домовъ»,—это не согласно съ свѣдѣніями «Цянь-Хань-шу», которыя, какъ основанныя на свѣдѣніяхъ современныхъ, только и должны быть почитаемы вѣрными, вопреки неточностямъ и поправкамъ составителей исторіи Младшихъ Ханей черезъ нѣсколько столѣтій послѣ эпохи Старшихъ Ханей. Что юечжы продолжали вести кочевую жизнь еще въ пятомъ, а можетъ-быть, и въ шестомъ вѣкахъ, это удостовѣряется въ вышеприведенныхъ (тамъ же, стр. 53) свѣдѣніяхъ статьи о пурушапурскихъ «малыхъ юечжы», управлявшихся потомками Кидоло, гдѣ послѣ словъ объ употребленіи золотой и серебряной монеты сказано: «Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ». Въ томъ, что юечжы-кушаны-ефталы сохраняли кочевой образъ жизни девять вѣковъ своего существованія въ бассейнѣ Аму-дарьи, нѣтъ ничего безпримѣрнаго, если принять въ соображеніе, что въ средѣ существующаго здѣсь нынѣ кочевого населенія, численностью и теперь превосходящаго численность юечжей, есть роды тюркскіе и арабскіе, остающіеся кочевниками болѣе тысячелѣтія.

Сходство обычаевъ юечжей и ѣда съ хунскими и тюркскими отнюдь не означаетъ, что юечжы и ѣда принадлежали къ племени хунновъ или тюрковъ, ибо объясняется тѣмъ, что у всѣхъ кочевниковъ Средней Азіи, къ какому бы племени они ни принадлежали, существуетъ значительное сходство въ обычаяхъ, зависящее отъ сходства природныхъ условій и отъ одинаковыхъ требованій скотоводческо-кочевого и родового быта. Что касается поліандріи, то вообще свѣдѣнія древнихъ китайскихъ историковъ о нравахъ и обычаяхъ иностранныхъ народовъ очень кратки. О поліандріи въ частности они ничего не говорятъ не только у отдаленныхъ юечжей, но и у тибетцевъ (см. «Исторію Тибета и Хухунора. Переводъ съ кит. монаха Іакинфа Бичурина», Спб., 1833 г., ч. I, объ обычаяхъ цяновъ до Р. Х., стр. 2, и въ танское время, стр. 237). Объ обычаяхъ «малыхъ юечжей», оставшихся около Наньшаня и попавшихъ вскорѣ подъ владычество Китая, говорится: «Одѣяніемъ, пищею и языкомъ нѣсколько сходны съ цянами и такъ же имя или прозваніе отца и матери служитъ названіемъ роду. Большихъ родовъ считается у нихъ семь; войска въ сложности около десяти тысячъ» (тамъ же, стр. 66). За неимѣніемъ китайскихъ свѣдѣній о поліандріи у юечжей, можно довольствоваться приведенными выше (стр. 123, въ «Свѣдѣніяхъ объ ѣда въ «Вэй-шу» и пр.) извѣстіями сирійца Бардезана о такомъ положеніи женщинъ у кушановъ, которое у тибетцевъ является слѣдствіемъ поліандріи. По Прокопію кесарійскому, писавшему во второй четверти VI в., «самые богатые» изъ ефталитовъ «пріобрѣтаютъ себѣ друзей, человѣкъ до двадцати и болѣе; друзья всегда обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, раздѣляютъ ихъ достатокъ, имѣя на него общее съ ними право. Когда же тотъ, кто пріобрѣлъ друзей, умретъ, то, по закону, и они должны быть положены въ гробъ вмѣстѣ съ нимъ живые» («Исторія войнъ римлянъ съ персами» и пр., переводъ Дестуниса, 1862, стр. 14). Такой же оригинальный обычай существовалъ, по «Танъ-шу», у туфаней (634 — 866), т.-е. тибетцевъ: «У нихъ государь заключаетъ дружество съ вельможами. Пять или шесть человѣкъ клянутся вмѣстѣ жить и умереть; по смерти же государя, сіи вельможи сами себя предаютъ смерти, чтобы вмѣстѣ быть похороненными» («Исторія Тибета и Хухунора», Бичурина, 1833, ч. I, стр. 129 и 130; то же самое въ переводѣ Bushell'я, Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 12, 1880, p. 443).

По мнѣнію Паркера, юечжы и усуни, — которыхъ имена произносились въ древности Et-the и O-sen, такъ какъ и въ настоящее время таково произношеніе знаковъ, которыми имена эти изображались при династіи Хань, на дюжинѣ хорошо извѣстныхъ діалектовъ (въ томъ числѣ на корейскомъ и аннамскомъ [1]), — принадлежали къ племенамъ тюркскимъ, ибо

[1]) Въ книгѣ своей A Tousand Years of Tartars, 1895, p. 30, Паркеръ склоненъ былъ думать, что древнее произношеніе имени Wu-sun было Aw-sen или Orson. О степени же довѣрія, которое можно имѣть къ опредѣленію древняго

китайскіе историки причисляли ихъ къ категоріи народовъ *ху*, изъ которой строго исключались племена тибетскія (The Ephthalites Turcs въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 131). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи Паркеръ опредѣляетъ ху, какъ a provokingly vague name for all Persians, Hindoos and «Tartars» (p. 135), слово же Tartar, which no European can intelligibly define, seems, in its Chinese forms, Ta-ta, Ta-ta-êrh, Ta-tsz, to belong strictly to Mongols, or to Tung-hu (i. e. Eastern Hu), who were not of Manchu race (p. 154). Всѣ эти утвержденія Паркера не подкрѣплены ни текстами, ни указаніями, по крайней мѣрѣ, на авторитеты, тогда какъ китайскіе термины для категорій инородцевъ не имѣютъ надлежащей опредѣленности и значеніе ихъ вообще спорно. Такъ, по С. Георгіевскому, инородческія племена получили «отъ китайцевъ по странамъ свѣта четыре главныхъ наименованія: *жунъ* на западѣ, *ди* на сѣверѣ, *и* на востокѣ, *манъ* на югѣ» («Первый періодъ китайской исторіи», Спб., 1885, стр. 236, а также «О корневомъ составѣ кит. языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», 1888, стр. 75). Іакинфъ утверждаетъ, что «древняя кит. исторія, когда слова *жунъ* и *ху* придаетъ къ племенамъ, обитавшимъ на сѣверѣ Китая, то разумѣетъ однихъ монголовъ, а когда примѣняетъ сіи названія къ народамъ на западѣ Китая, то подъ словомъ *жунъ* разумѣетъ хухэнорскихъ тангутовъ, а подъ словомъ *ху* разумѣетъ племена тюркскаго и персидскаго семейства» («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 7 и 8). По проф. Шаванну, *ху* есть désignation générale des barbares d'Occident (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, p. 329), *ди* — un nom générique des barbares du Nord (p. 368), *жунъ* — nom générique des barbares (p. 332), какъ и *манъ* (p. 345), а *и* просто варвары (barbares, p. 330); въ текстахъ встрѣчаются именованія западныхъ тюрковъ «западными жунами» (p. 24) и тюркскихъ племенъ чуюе, чуми и пр. «жунами, ху и ди» (p. 61).

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о хуннахъ, помѣщенныхъ въ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», терминъ *ху* встрѣчается, кажется, впервые въ 307 г., когда князь удѣла Чжао Вулинъ «ввелъ въ своихъ владѣніяхъ одѣяніе кочевыхъ ху...; онъ разбилъ на сѣверѣ поколѣнія Линьху [1]) и Лэуфань, построилъ Долгую стѣну» и т. д. (Іакинфъ «Собр. свѣд.», I, стр. 9, Wylie въ J. of Anthropol. Institute, 1874, III, p. 406). Когда династія Цинь (221 — 206 гг. до Р. Х.) объединила Китай, императоръ Ши-

---

произношенія при помощи „дюжины“ нынѣшнихъ діалектовъ, можно судить по его же словамъ, предпосланнымъ произношенію Et-the и O-sen (p. 131): Jt is dangerous to lay down any absolute rule as to what foreign sounds the ancient Chinese, themselve speaking several dialects, intended to imitate when they used a given character.

[1]) Линьху, по Георгіевскому („О корневомъ составѣ кит. языка“ и пр., стр. 81 и 82), были въ 244 г. до Р. Х. истреблены или вытѣснены въ южную Манчжурію, гдѣ слились съ родственными имъ корейскими племенами.

Хуанъ-ди «отправилъ на сѣверъ противъ *ху* полководца Мынъ-тьхянь» (стр. 10, р. 407). Мы знаемъ, что тогда хунны были вынуждены очистить Ордосъ и удалиться на сѣверъ отъ Желтой рѣки, пока смуты въ Китаѣ при паденіи дин. Цинь не дозволили имъ возвратиться въ прежнія земли (стр. 11, р. 407). Мы знаемъ также, что чрезъ нѣкоторое послѣ того время хуннускій шаньюй Модэ неожиданно напалъ на кочевавшихъ на востокѣ отъ хунновъ *дунъ-ху* и уничтожилъ ихъ царство, по возвращеніи же «ударилъ на западѣ на Юечжы и прогналъ его» (стр. 13, р. 409). Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи правовъ, обычаевъ и пр. хунновъ во время Модэ сказано, что князья и правители западной части земель хунновъ занимаютъ «западную сторону противъ Шанъ-гюнь [1]) и далѣе на западъ до Юечжы, Ди и Кяновъ» («Собр. свѣд.», I, стр. 15). Въ переводѣ Wylie слова, отмѣченныя кавычками, переведены: the western region from Shang-keun westward as far as the Te Keang (p. 410), такъ что юежей въ этомъ переводѣ не оказывается и земли хунновъ простираются на западъ до ди и кяновъ. Я думаю, что вѣренъ тутъ текстъ и переводъ Wylie, а не Іакинфа, потому что, если Модэ прогналъ юечжей изъ прежнихъ ихъ земель, то земли хунновъ могли не доходить до удалившихся юечжей, а потому хунны граничили лишь съ ди и кянами. Терминомъ ди должны были здѣсь именоваться обитавшіе на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и западѣ народы Кюеше (Keu-shih), Динлинъ и Гэгунь (Kih-hwang-l'ung), которые впослѣдствіи покорены были хуннами при томъ же Модэ (стр. 17, р. 411) вмѣстѣ съ владѣніями Хуньюй (Hwang-yu) и Цайли (Sin-le). Два послѣднія я опредѣлить затрудняюсь, изъ первыхъ же трехъ Кюеше кажется мнѣ возможнымъ считать за вл. Гушы, впослѣдствіи покоренное китайцами и переименованное въ Чешы; оно лежало у подножій Восточнаго Тяньшаня. Динлинами китайцы называли рыжеволосый, голубоглазый и румянолицый народъ сѣверной Монголіи, киргизской степи и южной Сибири, физическій типъ котораго еще въ танское время сохранялся у енисейскихъ кыргызовъ, говорившихъ уже по-тюркски («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 443 и слѣд.), тогда какъ съ сѣвера къ кыргызамъ прилегалъ народъ по-ма, походившій на нихъ по наружности, но говорившій особымъ языкомъ (тамъ же, 442), вѣроятно динлинскимъ, который долженъ былъ сохраниться и у потомковъ этихъ пома въ лицѣ найденныхъ русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ ариновъ, асановъ, коттовъ и енисейскихъ остяковъ. Что же касается кяновъ, до земель которыхъ доходили земли хунновъ на западѣ въ началѣ царствованія Модэ, то это могли быть цяны или кяны, занимавшіе еще вѣроятно во время юечжей хребетъ Наньшань, такъ какъ по приводившимся мною уже не разъ кит. извѣстіямъ отставшіе

[1]) Нынѣ земли территорій Янъ-ань-фу и Суй-дэ-чжеу въ Шаньси („Собр. свѣд.“, Геогр. указ., стр. 101).

отъ массы юечжей при уходѣ ея на западъ малые юечжи стали жить въ южныхъ горахъ съ цянами; кромѣ того кочевники же кяны занимали окраины Тибета отъ Дунь-хуана до Хотана и Хиндукуша, начиная съ вл. Жокянъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 37, 45 и 47).

Въ письмѣ, посланномъ въ 89 г. до Р. Х., шаньюй хунновъ, взявшихъ въ предшествовавшемъ году въ плѣнъ лучшаго кит. полководца съ 50 т. войска, называлъ себя «сильнымъ *Ху*» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 55, въ переводѣ Wylie, p. 440, the formidable Hoo), чрезъ нѣсколько строкъ въ переводѣ Іакинфа значится «хунны», въ переводѣ же Wylie, p. 441, какъ, конечно, и въ подлинникѣ, стоитъ Hoo. Можетъ-быть, упомянутый шаньюй назвалъ себя «сильнымъ ху» въ виду того, что ху (начертаніе знака иное, чѣмъ у того же слова въ значеніи иноземцевъ сѣвера и запада) значитъ тигръ (судя по переводу у Wylie именованія одного полководца Hoo-уа чрезъ Tiger's teeth, p. 446). По завѣренію тибетскаго хутукты Миньчжула, китайское *ху*, представляющее собою извращеніе имени племени или народа хоръ, «если перевести по смыслу, значитъ сѣверный, а если перевести буквально, то значитъ покрышка» («Географія Тибета. Переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты. В. Васильева», Спб., 1895, стр. 32). Проф. Васильевъ съ своей стороны подтверждалъ: «Хоръ несомнѣнно древнее кит. ху, которое прилагалось ко всѣмъ народамъ, жившимъ на западѣ отъ Китая» (тамъ же, стр. 5). На основаніи довольно темныхъ извѣстій того же Миньчжула (стр. 53—55) и тибетскаго же сочиненія Бодимуръ (Geschichte der Ost-Mongolen, übersetzt von Schmidt, 1829, S. 359) можно допустить, что хорами именовались у тибетцевъ переселившіеся изъ южной Манчжуріи (изъ Ляодуна) къ Кукунору роды сяньбійцевъ, основавшіе здѣсь царство тукухуней (по имени его основателя), существовавшее до 663 г., когда оно было завоевано тибетцами («Исторія Тибета и Хухунора», пер. Іакинфа, 1833 г., ч. I, стр. 74 — 96 и 135). Если мы затѣмъ согласимся, что существующіе понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прежняго царства тукухуней небольшіе народцы, именуемые у разныхъ путешественниковъ и авторовъ джахурами, широнголами, далдами и пр. (см. интересные и содержательные «Матеріалы по этнологіи Амдо и области Кукунора» Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ «Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. О.», томъ 39, 1903 г.), суть остатки хоровъ-тукухуней-сяньбійцевъ, то ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать потомками дунъ-ху, такъ какъ по «Хэу-Хань-шу» сяньбійцы были отраслью дунъ-ху («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 162). Изучавшій языкъ названныхъ народцевъ по словарямъ и образцамъ, собраннымъ Г. Н. Потанинымъ («Тангутско-тибетская окраина Китая», т. II, стр. 410—425), проф. А. О. Ивановскій призналъ языкъ этотъ монгольскимъ, но нашелъ, что въ фонетическомъ отношеніи онъ очень напоминаетъ дахурскій, при чемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и

въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и тюркскія, очевидно заимствованныя уже впослѣдствіи. Съ своей стороны, въ виду завѣренія проф. Васильева («Исторія и древности вост. части Средней Азіи» въ «Трудахъ В. О. И. Р. Арх. О.», ч. 4, стр. 30 и 130), что дахуры ближе къ манчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ, и что языкъ ихъ занимаетъ средину между монгольскимъ и манчжурскимъ, я полагаю, что, быть-можетъ, было бы правильнѣе считать языкъ широнголовъ - хоровъ - сяньбійцевъ не монгольскимъ, а дахурскимъ, такъ какъ по уходѣ сяньбійцевъ въ сѣверный Тибетъ пріобрѣсти имъ тамъ даурскія слова и фонетику было не у кого, тогда какъ монгольскіе элементы ихъ языка легко могли умножиться и усилиться подъ владычествомъ и вліяніемъ монголовъ со временъ Чингизъ-хана и калмыковъ съ XVII в. Такъ какъ дахуры къ манчжурамъ ближе, чѣмъ къ монголамъ, то и предки сяньбійцевъ дунъ-ху могутъ быть вѣроятнѣе почитаемы племенами тунгузскими, чѣмъ монгольскими. Въ имени хоръ я отказываюсь видѣть китайское ху, къ чему нѣтъ никакихъ основаній, и предпочитаю предполагать *дахуръ*, сокращенное въ *хуръ* и измѣненное въ *хоръ*, хотя сохранилась и близкая къ *дахуръ* форма *джахуръ*, гдѣ *да* передѣлано въ тибетское *чжа* или *джа*. Въ имени же *дунъ-ху* я готовъ видѣть сокращенное и измѣненное на китайскій ладъ имя *тунгузъ*. Въ такомъ случаѣ дунъ-ху съ именованіемъ категоріи инородцевъ ху ничего общаго не имѣло и переводу «восточные ху» не подлежитъ. По этой же причинѣ недопустимы «западные ху», сочиненные, кажется, нѣкоторыми синологами (Wylie, p. 410, note 49, а также Visdelou, Bibliothèque orient., 1779, IV, p. 48) вслѣдствіе перевода дунъ-ху «восточные ху». Паркеръ утверждаетъ (A Tousand Years of the Tartars, 1895, p. 119), что терминъ *си-ху* встрѣчается, хотя и очень рѣдко, но текстовъ или доказательствъ, по обыкновенію, не даетъ.

Выше изложенное даетъ достаточныя основанія заключить, что жунъ, ди, и, мань и, наконецъ, ху суть не этническія, а скорѣе географическаго значенія именованія категорій инородцевъ, подобныя терминамъ *скифы* у классическихъ народовъ и *саки* у персовъ, а потому тибетскія племена, попадавшія на сѣверо-западъ или западъ, всѣ народы которыхъ зачислялись въ категорію ху, какого бы происхожденія и языка ни были, также должны были попадать въ категорію ху [1]). Но это, конечно, не мѣшало имъ оставаться народами тибетскаго языка. Мы видѣли, что «Бэй-шы» положительно удостовѣряетъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ языковъ жуаньскаго, гаогюйскаго и другихъ ху. Такъ почти перевелъ и Паркеръ, но въ виду невозможности вслѣдствіе этого считать ѣда и юечжей за тюр-

[1]) Такъ о „нѣсколько“ сходныхъ съ цянами (тибетцами) по языку остаткахъ юечжей въ Чжанъ-ѣ (нынѣ Гань-чжеу) у кит. историковъ (кажется, въ „Хэу-Ханьшу“) говорится, что они назывались И-цунъ-ху, т.-е. добровольно поддавшіеся инородцы („Исторія Тибета и Хухунора“, 1833 г., ч. I, стр. 66).

ковъ онъ прибѣгъ къ предположенію, что отличіе языка ѣда отъ языковъ жужаней, гаогюйцевъ и пр., вѣроятно, произошло вслѣдствіе вліянія на него языка ихъ арійскихъ сосѣдей (p. 147: probably affected by their Aryan surroundings). Это предположеніе ни на чемъ не основано и опровергается историческими примѣрами. Такъ тюркскія племена, водворившіяся на Аму-дарьѣ и вообще на персидскихъ земляхъ, при сельджукидахъ въ XI в., при нашествіи монголовъ въ XIII стол., при вторженіи узбековъ въ началѣ XVI в., донынѣ сохранили свой языкъ и частію даже кочевой образъ жизни. Весьма поэтому естественно, что и юечжи-ѣда могли сохранить свой языкъ, хотя бы и тибетскій, съ I в. до Р. Х. до половины VI в. послѣ Р. Х., пока удерживали въ своихъ рукахъ владычество въ бассейнѣ Аму-дарьи.

в) Свѣдѣнія юань-вэйскаго посольства 519—520 гг.

Посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, доставившіе о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ исторіи храмовъ въ Лоянѣ, вступило изъ владѣнія Бо-хо (Ваханъ) въ предѣлы царства Ѣда (Ye-ta) въ началѣ десятаго мѣсяца (въ декабрѣ 519 г.). Долины (les champs) обширны, горы и озера простираются за предѣлы зрѣнія. Народъ не живетъ въ городахъ, а ведетъ кочевую жизнь, въ войлочныхъ палаткахъ, слѣдуя за потоками водъ и отыскивая мѣста, обильныя травами. Лѣтомъ идутъ въ мѣстности прохладныя, зимою же ищутъ умѣренныя. Ѣда получаютъ дань со всѣхъ сосѣднихъ владѣній, числомъ около сорока, которыя простираются на югъ до Тѣлэ (Tie-le), на сѣверъ до Лай-лэ (Lai-le), на востокъ до Юйтяни (Iu-thian = Khotan), на западъ до Бо-сы (Po-sse = la Perse). Всѣ государи этихъ владѣній являются ко двору ихъ для изъявленія зависимости (переводъ Стан. Жюльена, помѣщенный въ Asie centrale, par A. de-Humboldt, Paris, 1843, t. 2, p.p. 459 — 460). Вмѣсто Tie-le въ переводахъ другихъ синологовъ значится: у Неймана (Zeitschrift für die historische Theologie, B. 3, zweites Stück, Leipzig, 1833, S. 162) Tie-lo, у Биля (Travels of Fa-hian and Sung-yun, London, 1869, p. 184) Tieh-lo, можетъ-быть, по его мнѣнію, Химотало Сюань Цзана, у проф. de Groot (Marquart's Erānšahr, 1901, S. 216) Tieh-lo, что произносилось Tiep-lo; взамѣнъ Lai-le Стан. Жюльена стоитъ: у Неймана (тамъ же) Tschi-le, у Биля (p. 185) Lae-leh, но съ замѣчаніемъ, что можно читать и Chih-leh, у проф. de Groot (S. 216) T'ik-k'in. Далѣе въ свѣдѣніяхъ того же посольства о владѣніи Гандарѣ (Kan-to-lo) сказано, что оно первоначально имѣло имя, по Нейману (S. 172) и Билю (p. 197 и поправка въ Errata) Nie-po-lo, по проф. de Groot (S. 211) Yeh-p'o-lo; что оно было опустошено ѣда'цами, которые поставили въ немъ государемъ по Нейману Li-tschi-le, по Билю Lae-lih, по de Groot'y T'ik-lek, и что съ того времени прошло

уже два поколѣнія (Нейманъ и Биль, по de Groot'y же: schon die zweite Generation den Tron bestiegen).

При опредѣленіи правильнаго чтенія спорныхъ именъ необходимо принимать въ соображеніе несомнѣнно заимствованныя изъ отчетовъ о посольствѣ Сонъ Юня съ тов. въ «Бэй-шы» и оттуда въ существующую «Вэй-шу» свѣдѣнія о владѣніи Гандарѣ: По переводу Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181), «владѣніе Кяньто лежитъ отъ Учана къ западу. Подлинное его названіе есть Ѣбо. Когда Ѣда покорилъ Кяньто, то перемѣнилъ ему названіе. Владѣтель его произошелъ изъ смежнаго владѣтельнаго Дома Чилэ, и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ». Переводъ проф. de Groot'a изъ «Вэй-шу» (Marquart's Erānšahr, 211): Das Reich Kan-t'o (Gandhāra) liegt westlich von U-čang. Ursprünglich hiess es Jeh-p'o, aber nachdem es durch die Jeh-tah niedergeworfen war, erhielt es den anderen Namen. Der Fürst ist eigentlich ein t'ik-lek; er ist der zweite regierende Fürst seines Hauses. Паркеръ, изъ «Вэй-шу», приводитъ, что Kan-t'o State (the same as Kan-to-lo, Kien-t'o-lo or Gândâhar) is west of Udyâna, and was originally called Yeh-po until the Yeh-t'ah conquered them ats changed its name. Its King was originally a Ch'ih-lêh (i. e. Tölös, or early Ouigohr) and two generation of them reigned.; there were three years war with Kipin (p. 149). Проф. Шаванъ переводитъ изъ «Бэй-шы»: «(Le Gandhâra) était appelé primitivement *Chepo*; il fut détruit par les Hephthalites et c'est alors qu'il changea de nom. Le roi était à l'origine un *tch'e-le* (tegin); il gouverne ce pays depuis deja deux générations». Cette dernière phrase doit être sans doute entendue dans ce sens que deux rois se sont succédé sur le tron (Documents etc., 1903, p. 225, note 3).

Имѣя переводъ de Groot'a и принимая въ соображеніе, что въ китайскихъ исторіяхъ произведена ошибочная замѣна термина t'ik-kin (tigin) терминомъ T'ik-lek (проф. Шлегель въ T'oung-pao, vol. VII, 1896, p. 158 и слѣд., и Parker въ China Review, XXIV, 1900, p. 128), д-ръ Марквартъ нашелъ, что такая же ошибочная замѣна произведена въ текстѣ Сонъ Юня и въ «Вэй-шу», т.-е. вмѣсто T'ik-lek слѣдуетъ читать тигинъ, такъ что у ефталитовъ принцы именовались, какъ и у тюрковъ, тегинами. Относительно же пограничности земель ефталитовъ на югѣ съ Tiep-lo и на сѣверъ съ T'ik-kin д-ръ Марквартъ разсудилъ, что имена эти доселѣ не встрѣчались въ качествѣ именъ для странъ, но такъ какъ у Сонъ Юня тиккиномъ или тегиномъ названъ царь Гандары, находившейся на югѣ отъ земель ефталитовъ, то нашелъ возможнымъ, что имена Tik-kin и Tiep-lo попали въ текстѣ ошибочно одно на мѣсто другого, а потому, смотря и на Tiep-lo, какъ на княжескій же титулъ, полагалъ, что данное мѣсто слѣдовало бы читать: «на югѣ до Тиккина (въ Гандарѣ), на сѣверѣ до Tiep-lo» (S. 216). Въ рецензіи (Journal asiatique, 1901, No-

vembre-Décembre, p. 553) на Eranšahr Маркварта, пр. Шаваннъ замѣтилъ, что знаки Tie-le суть не только ошибочная транскрипція имени тегинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и имя народа телесовъ древне-тюркскихъ надписей, о которомъ въ «Тан-шу» сказано: «называли ихъ также Tch'e-le, изъ котораго ошибочно сдѣлали Tie-le»; многочисленные роды этихъ тѣ-лэ простирались по «Суй-шу» отъ р. Толы до границъ римской имперіи, сталобыть, должны были граничить съ землями ефталитовъ на сѣверѣ. Поэтому тѣ-лэ правильно показаны Сонъ Юнемъ на сѣверной границѣ ѣда, хотя, онъ, Шаваннъ, не можетъ выяснить, что такое Tie-lo, показанный на югѣ. Въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (St.-Pét., 1903, p. 225, note 5), давъ выше приведенный переводъ изъ «Бэй-шы», г. Шаваннъ писалъ: On sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois *t'e-le*, au lieu de t'e-k'in; anciennement on se servait aussi de l'orthographie *tch'e-le* (cf. *Tse tche t'ong kien*, chap. CLXIV, p. 7 r⁰), Les mots *tch'e-le* transcrivent aussi parfois le nom du peuple Tölös (cf. *T'ang chou*, chap. CCXVII, a, p. I r⁰); mais il ne semble pas qu'il faille recourir ici à cette explication; l'interprétation *tegin* nous est en effet garantie par le texte de *Song Yun* (*Lo yang kia lan ki*, chap. V, p. 9 v⁰ et 10 r⁰): „(Le Gandhâra) était appelé primitivement royaume de Che-po-lo; il fut détruit par les Hephthalites qui nommèrent alors roi un *tch'e-kin* (tegin); depuis que celui-ci a pris le gouvernement jusqu'à maintenant, deux générations se sont déjà écoulées“. Что князья Гандары дѣйствительно носили титулъ тегинъ, это, по словамъ Шаванна, подтверждается, какъ указалъ ему Сильвэнъ Леви, *Раджатарангини*, гдѣ говорится объ одномъ изъ нихъ, названномъ thakkana (tegin).

Чтеніе одного и того же имени или титула въ одномъ и томъ же мѣстѣ реляціи о посольствѣ Сонъ Юня съ тов., какъ выше приведено, у наиболѣе свѣдущихъ синологовъ различно до того, что гдѣ одинъ читаетъ Лай-лэ, другой находитъ Чи-лэ, третій Тик-кинь, четвертый Че-кинь. Изъ замѣчанія Стан. Жюльена о томъ, что Нейманъ пользовался дурнымъ изданіемъ (Journal asiatique, 1847, t. X, p. 273), и изъ объясненія Шаванна (Documents etc., p. 225, note 5), что Биль имѣлъ изданіе, гдѣ знаки, которые онъ, Шаваннъ, читаетъ tch'e-kin, даны совершенно отлично и прочитаны Билемъ Hae-lih, слѣдуетъ заключить, что существуютъ нѣсколько изданій, между собою сильно разнящихся. Такъ какъ «Исторія храмовъ въ Лоянѣ» въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ издавалась, вѣроятно, много разъ усердіемъ ревнителей буддизма и монастырей, но безъ того вниманія и точности, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ офиціальныхъ изданій династійныхъ исторій, производившихся по правительственнымъ распоряженіямъ, то имѣющимся изданіямъ «Исторіи храмовъ въ Лоянѣ» слѣдуетъ, въ случаяхъ разночтенія, отдавать предпочтеніе тексту «Бэй-шы» въ тѣхъ мѣстахъ послѣдняго

которыя должны были быть заимствованы изъ реляціи Сонъ Юня, тѣмъ болѣе, что редакторы «Бэй-шы» имѣли не только возможность пользоваться древнѣйшими, еще неиспорченными, текстами реляціи, но, быть-можетъ, имѣли въ своемъ распоряженіи и какія-нибудь офиціальныя данныя юань-вэйскихъ архивовъ объ этомъ посольствѣ. Поэтому, до той по крайней мѣрѣ поры, пока существующіе тексты реляціи посольства Сонъ Юня не будутъ подвергнуты сличенію и научному изученію, при пособіи различныхъ данныхъ китайской исторіи и литературы, слѣдуетъ отдавать преимущество тексту «Бэй-шы». Вслѣдствіе этого и такъ какъ въ «Бэй-шы» имя или титулъ и т. д. посаженнаго эфталитами царя читается Іакинфомъ, Паркеромъ и Шаванномъ одинаково Чилэ, Chih-lêh и Tch' e-le, и съ ними сходится Нейманъ (если изъ Li-tschi-le отбросить лишнее Li), слѣдуетъ, согласно чтенію этого большинства свѣдущихъ синологовъ, признать правильнѣйшимъ въ «Бэй-шы», а потому и въ реляціи Сонъ Юня съ тов., чтеніе имени, титула или рода-племени посаженнаго въ Гандарѣ царя *Чилэ*. Засимъ, что касается до именъ странъ, народовъ, племенъ, или царскихъ ихъ родовъ, до которыхъ по реляціи Сонъ Юня простирались владѣнія ѣда на сѣверъ и на югъ, то, за неимѣніемъ тутъ руководства «Бэй-шы», приходится слѣдовать указаніямъ большинства свѣдущихъ синологовъ, если не встрѣтится достаточныхъ основаній для иного рѣшенія. Для имени на сѣверной границѣ должно принять чтеніе *Чилэ* согласно большинству синологовъ, которое составляется изъ Неймана (Tschi-le) Биля (Chih-leh) и Шаванна (1901 г., Tch'e-le). Для имени на южной границѣ три же синолога даютъ чтеніе *Тѣ-ло*, именно Нейманъ Tie-lo, Биль Tieh-lo и de Groot Tieh-lo, но сомнительно, чтобы такое чтеніе было правильно, потому что до сихъ поръ не оказалось ни одной страны, народа, племени или рода, царства съ подобнымъ именемъ на вѣроятныхъ южныхъ границахъ ѣда V или VI в. в., почему мнѣ кажется необходимымъ принять чтеніе Ст. Жюльена *Тѣ-лэ*, имѣвшаго, быть-можетъ, наиболѣе въ данномъ случаѣ исправное изданіе текста, такъ какъ такое имя даетъ возможность понять и объяснить причины разнообразія китайскихъ текстовъ разныхъ изданій, а также опредѣлить, кого или что означаютъ разсматриваемыя имена. Ключемъ для этого является вышеупомянутое свидѣтельство «Танъ-шу» (Собр. свѣд.», ч. I, стр. 373) о томъ, что гаогюйскія племена именовались также *чилэ* и *тѣлэ*. Ниже мною будетъ показано, на основаніи кит. историческихъ свѣдѣній, что къ VII в. племена тѣлэ простирали свои кочевки на юго-западъ до Сыръ-дарьи и что еще въ началѣ VI в. ѣда имѣли съ ними то враждебныя, то дружественныя столкновенія и отношенія, изъ чего ясно, что въ 520 г. сѣверными сосѣдями ѣда дѣйствительно были тѣлэ или чилэ, а потому чтеніе въ реляціи Сонъ Юня съ тов. чилэ оказывается соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Мы увидимъ затѣмъ, что около половины V в. обстоятельства были таковы, что допускали вѣроятность

нахожденія на службѣ у ѣда значительныхъ отрядовъ гаогюйцевъ, а потому дѣлали возможнымъ отдачу одному изъ полководцевъ или главному предводителю отрядовъ изъ чилэ-тѣлэ завоеванной Гандары въ вассальное владѣніе: имя Чилэ для перваго царя Гандары, посаженнаго ѣда, оказывается именемъ его племени—чилэ, но такъ какъ племя имѣло другое имя—тѣлэ, то въ реляціи Сонъ Юня оно употреблено для означенія Гандары этимъ именемъ при указаніи южной границы владѣній ѣда до Гандары, наименованной Тѣлэ по другому имени племени ея династіи. На пути кит. посольства, какъ видно изъ его реляціи и «Бэй-шы», зависящія отъ ѣда владѣнія доходили до Гандары, но о зависимости Гандары, хотя основатель ея династіи былъ посаженъ въ цари ея ефталитами, умалчивается, безъ сомнѣнія потому, что сдѣлавшіеся скоро вслѣдствіе своихъ завоеваній въ Индіи могущественными цари дин. хуна освободились отъ подчиненія ѣда. И это уцѣлѣвшее въ индійскихъ историческихъ памятникахъ имя *хуна* подтверждаетъ, что династія была гаогюйскаго происхожденія, ибо гаогюйцы дѣйствительно происходили отъ хунновъ, очень мало отличаясь и по языку («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 248), и въ V в. эта принадлежность ихъ къ племенамъ хунновъ не была еще забыта ни самими ими, ни другими народами Азіи.

Переводъ Іакинфа изъ статьи «Бэй-шы» о вл. Кяньто: «Владѣтель его произошелъ изъ *смежнаго* владѣтельнаго дома Чилэ»—совпадаетъ съ только-что сдѣланными мною выясненіями о томъ, что племя чилэ дѣйствительно было «смежно» съ ѣда на сѣверѣ ихъ владѣній. Я думаю, это указаніе на «смежность» есть и въ кит. текстѣ, хотя почему-то ускользнуло отъ вниманія остальныхъ переводчиковъ кромѣ Іакинфа. Переводъ Іакинфа «и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ» мнѣ кажется по смыслу совпадающимъ съ переводами Паркера и Шаванна, т.-е. гласитъ, что къ данному времени, къ 520 г., царствовалъ уже третій царь династіи, внукъ, послѣ отца и основателя династіи, дѣда.

Послѣ вышеприведеннаго (стр. 150), въ свѣдѣніяхъ о посольствѣ Сонъ Юня содержится описаніе представленія посольства царю ѣда и богатыхъ нарядовъ придворныхъ дамъ, которыя носили, между прочимъ, на головахъ рогъ длиною въ восемь и болѣе футовъ, часть котораго на три фута состояла изъ краснаго коралла (Биль, p. 186), по Нейману же, (S. 163) супруга царя носила не рогъ, а двѣ косы, одна длиною въ восемь футовъ и другая въ три фута. Подобные же головные уборы употребляли жены вельможъ, съ роговъ которыхъ висѣли кругомъ ленты (veils), образуя какъ бы балдахины. Изъ числа всѣхъ варварскихъ народовъ, это—самый могущественный. Большинство—невѣрующіе (въ Будду и его ученіе). Многіе поклоняются ложнымъ богамъ. Убиваютъ животныхъ и ѣдятъ ихъ мясо. У нихъ обиліе всякихъ драгоцѣнностей, которыя доставляются въ видѣ даней изъ всѣхъ окрестныхъ странъ. Дознано, что разстояніе страны ѣда отъ

китайской столицы превышаетъ 20 т. ли (Биль, р. 186). Такъ какъ посольство вступило въ предѣлы Вахана (Po-ho) въ средней декадѣ 9 мѣ. сяца (р. 183) и прибыло въ страну ѣда въ первой декадѣ 10 мѣсяца (р. 184), а въ I-й декадѣ 11-го мѣсяца вышло уже изъ страны ѣда въ предѣлы владѣнія Бочжи, то, принимая въ соображеніе, что, при необходимости употребить дней десять на путь чрезъ Ваханъ и по крайней мѣрѣ недѣли двѣ на пребываніе при дворѣ царя ѣда, слѣдуетъ полагать, что посольство не проникало на западъ далѣе предѣловъ нынѣшняго Бадахшана. Вслѣдствіе этого разстояніе въ 20 т. ли до страны ѣда несомнѣнно значительно преувеличено. По догадкѣ Маркварта (S. 240, Anmerk. 3), 20 т. ли есть ошибка вмѣсто 10 т. ли, но вѣрнѣе думать, что не озаботившіеся собираніемъ точныхъ свѣдѣній о пройденныхъ разстояніяхъ члены посольства опредѣлили общее разстояніе въ 20 т. ли гадательно, желая большой цифрой выразить, что разстояніе дальнее. Въ заключеніе не лишне отмѣтить, что сличеніе реляціи о посольствѣ 519—520 г. г. съ свѣдѣніями объ ѣда «Бэй-шы» показываетъ, что редакторъ «Бэй-шы» помѣстилъ многія весьма важныя свѣдѣнія, совершенно отсутствующія въ реляціи упомянутаго посольства, каковы особенно извѣстія о поліандріи, объ особомъ языкѣ, о численности ѣда и пр.; его свѣдѣнія объ обычаяхъ гораздо опредѣленнѣе, въ томъ числѣ и о рогахъ на головныхъ уборахъ женщинъ, по поводу которыхъ реляція Сонъ Юня даетъ свѣдѣнія смутныя и частію мало правдоподобныя, особенно относительно длины роговъ въ восемь и болѣе футовъ, безъ всякаго при томъ объясненія столь страннаго обычая. Все это побуждаетъ полагать, что составители «Бэй-шы» пользовались, кромѣ реляціи посольства 519 г., гораздо болѣе солидными и цѣнными источниками, которые до насъ не дошли. Можетъ-быть, источниками этими служили первоначальныя редакціи «Вэй-шу» или литературные источники; и тѣ, и другіе могли пользоваться юань-вэйскими офиціальными данными.

г) Юань-вэйскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ ѣда съ гаогюйцами.

Свѣдѣнія эти я извлекаю изъ историческихъ извѣстій «Бэй-шы» о хойху, какъ именовались также гагюйцы, они же чилэ и тѣлэ, въ переводѣ Іакинфа («Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 248—255), являющемся единственнымъ, кажется, переводомъ этого отдѣленія «Бэй-шы» на европейскіе языки. Поссорившись съ жужаньскимъ ханомъ Дэулунемъ, вступившимъ на престолъ въ 485 г., глава гаогюйскаго рода фуфуло Афучжило ушелъ около 487 г. на западъ, уведя съ собою свой народъ, простиравшійся свыше 100 т. кибитокъ. «По прибытіи» отъ прежняго аймака (такъ слѣдуетъ читать вмѣсто ошибочно значащихся у Іакинфа словъ «отъ передняго поколѣнія», см. Д. М. Позднѣева «Историческій очеркъ уйгуровъ», Спб., 1899 г., стр. 24) «на сѣверо-западъ, Афучжило объявилъ

себя независимымъ», вслѣдствіе чего началась съ жужанями война, въ которой Афучжило успѣшно отразилъ Дэулуня. Переселеніе на западъ (по мнѣнію Іакинфа, слѣдующаго, конечно, китайскимъ комментаторомъ, «съ вершинъ Селенги на западъ къ Иртышу») Афучжило совершилъ совмѣстно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Цюнки, на новыхъ же мѣстахъ «они раздѣлили аймакъ и каждый управлялъ своею половиною. Афучжило жилъ на сѣверной, а Цюнки—на южной сторонѣ». Послѣ свѣдѣній о посольствѣ отъ Афучжило въ 490 г. къ юань-вэйскому двору «Бэй-шы» продолжаетъ: «Впослѣдствіи иданьцы убили Цюнки, и въ плѣнъ взяли сыновей и внуковъ его, какъ-то Мивоту и пр.» Д. М. Позднѣевъ, пользующійся «Бянь-и-дянь» (часть одной изъ большихъ историческихъ компиляцій), даетъ (стр. 30) для этихъ событій 507 г. «Послѣ Афучжило былъ государемъ Баліянъ. По прошествіи года Идань объявилъ войну гаогюйцамъ, чтобы они приняли Мивоту. Баліянъ былъ убитъ и Мивоту сдѣлался государемъ». Въ 516 г. Мивоту попался въ плѣнъ къ жужанямъ и былъ убитъ. «Народъ Мивотуева аймака ушелъ къ Иданю» (далѣе продолжаю по переводу Д. М. Позднѣева, ибо у Іакинфа видимыя несообразности) и поставилъ надъ собою правителемъ младшаго брата убитаго Ифу («Истор. очеркъ уйгуровъ», стр. 34). Ифу и преемники его продолжали воевать съ жужанями съ перемѣнными успѣхами, пока жужани не были уничтожены тюрками, которые подчинили себѣ и гаогюйцевъ («Собраніе свѣдѣній», ч. I, стр. 255, 266,267 и 271).

По мнѣнію Д. М. Позднѣева, при уходѣ изъ-подъ власти жужаней, Афучжило и Цюнъ-ци, каждый съ своею ордою, «двинулись изъ юго-восточной части степи, но, вѣроятно, въ разныя мѣста. Афу-чжи-ло, по нашему мнѣнію, ушелъ къ Байкальскому бассейну, въ плодородныя долины Толы, Орхона и Селенги, а Цюнъ-ци на западъ нагорья (?) къ Восточному Туркестану, при чемъ гдѣ-то около Алтая (Цзинь-шань) ему пришлось выдержать рядъ битвъ съ Нагаемъ» (стр. 25). Мнѣніе это представляется лишеннымъ всякихъ основаній. Въ исторіи жужаней («Бэй-шы», въ «Собраніи свѣдѣній», ч. I, стр. 221) говорится: «Въ Дэулуневыхъ владѣніяхъ гаогюйскій Афучжило съ 100,000 своего народа ушелъ *на западъ* и объявилъ себя государемъ. Дэулунь и дядя его Нагай погнались за нимъ двумя дорогами. Дэулунь пошелъ по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ; Нагай пошелъ отъ Золотыхъ горъ (г. Позднѣевъ поправилъ: «а Нагай удалился отъ горъ Цзинь-шань»). Афучжило разбилъ Дэулуня, а Нагай въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», въ результатѣ чего жужаньскіе вельможи убили Дэулуня и возвели на престолъ Нагая. И тутъ, слѣдовательно, именно сказано, какъ и въ свѣдѣніяхъ о хойху, что Афучжило ушелъ «на западъ», а не на сѣверъ, какъ онъ долженъ былъ бы направляться, если бы ушелъ къ Байкалу. Опровергается предположеніе г. Позднѣева и тѣмъ, что только послѣ ухода на западъ, слѣдовательно на новыхъ уже мѣстахъ, Афучжило и Цюнки, которые «жили въ большомъ согла-

сіи», «раздѣлили между собою аймакъ», послѣ чего «Афучжило жилъ на сѣверѣ, а Цюнъ-ци на югѣ». Вслѣдъ за этимъ «Бэй-шы повѣствуетъ («Собр. свѣдѣній», I, стр. 252): «Дэулунь пришелъ съ войскомъ для усмиренія; Афучжило разбилъ его, почему Дэулунь съ своимъ войскомъ обратно ушелъ на востокъ», а не на югъ и не на западъ, какъ это было бы, если бы Афучжило находился около Байкала. При такой силѣ жужаней, что и соединенныя силы гаогюйцевъ не всегда въ состояніи были противостоять имъ съ успѣхомъ, раздѣленіе гаогюйцевъ на два аймака, изъ которыхъ одинъ водворился бы около Байкала, а другой на западѣ, повело бы къ тому, что оба были бы уничтожены жужанями, ибо не могли бы подать другъ другу помощи по дальности разстояній. Хотя Дэулунь и Нагай пошли на Афучжило двумя дорогами, первый по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ, второй же отъ Алтая, но, конечно, оба войска направились на западъ, куда ушли гаогюйцы подъ предводительствомъ Афучжило съ Цюнки. Такъ какъ по «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 209) «постоянное мѣсто» жужаньской «орды лежало противъ Дунь-хуана (нынѣ Шачжеу) и Чжанъ-ѣ (Гань-чжеу) на сѣверѣ», т.-е. между Орхономъ и Кобдо, то походъ противъ гаогюйцевъ, совершенный въ 492 г. или позднѣе, ибо предъ извѣстіями о походѣ помѣщено событіе, отнесенное къ 492 г. (тамъ же, стр. 221), Дэулунь предпринялъ, вѣроятно, по болѣе южному пути, по сѣверной сторонѣ Тянь-шаня (тутъ, по сѣверную сторону озера Пху-лэй-хай, т.-е. нынѣшняго Баркуля, гаогюйскій Мивоту былъ разбитъ жужаньскимъ ханомъ Футу, но чрезъ нѣкоторое время тутъ же Мивоту совершенно разбилъ и убилъ Футу, тамъ же, стр. 253 и 254), или по сѣверной сторонѣ одного изъ мелкихъ хребтовъ между Алтаемъ и Тяньшанемъ, тогда какъ Нагай пошелъ отъ Алтая. Вѣроятно, это раздѣленіе силъ имѣло результатомъ, что Дэулунь былъ разбитъ болѣе значительными, быть-можетъ, силами Афучжило, и долженъ былъ уйти обратно на востокъ, тогда какъ Нагай «въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», потому что, можетъ-быть, противъ него дѣйствовали малочисленные отряды гаогюйцевъ, главныя силы которыхъ были выставлены противъ Дэулуня; послѣ пораженія Дэулуня, конечно, и Нагаю пришлось поспѣшно отступить. Неосновательность гипотезы о переселеніи Афучжило къ Байкалу ясна между прочимъ, во-первыхъ, изъ отсутствія какихъ-либо свѣдѣній объ этихъ гаогюйцахъ на Байкалѣ, тогда какъ при начавшемся съ конца пятаго вѣка паденіи жужаней эти гаогюйцы несомнѣнно должны были причинять жужанямъ много хлопотъ при всякой неудачѣ въ борьбѣ ихъ съ западными гаогюйцами; во-вторыхъ, если бы Афучжило жилъ у Байкала, а Цюнки на западѣ, будучи раздѣлены жужаньскими владѣніями, то какимъ образомъ они могли отправить послѣ 490 г. одного общаго посланника къ юань-вэйскому двору, о которомъ упоминается въ «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 252); въ-третьихъ, въ томъ же случаѣ, какимъ образомъ объявленіе

иданями войны съ требованіемъ посаженія въ государи гаогюйцевъ Мивоту могло имѣть результатомъ убіеніе преемника Афучжило Баліяна и возведеніе на его мѣсто Мивоту?

По несомнѣнности переселенія Афучжило вмѣстѣ съ Цюнки на западъ слѣдуетъ полагать, что привенныя ими 100 т. кибитокъ должны были занять не только земли между Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, въ томъ числѣ бассейны Эбинъ-нора и Аяръ-нора, но также и бассейны Алакуля, а частію и Балхаша со включеніемъ долины р. Или, тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе значительная часть тюркскихъ родовъ, составлявшихъ владѣніе Юебань, занимавшее именно эти земли (свѣдѣнія о немъ прекращаются во второй половинѣ пятаго вѣка,—см. «Бэй-шы» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 163—165), вѣроятно, осталась на своихъ прежнихъ земляхъ, присоединившись къ гаогюйцамъ и признавши владычество ихъ государей. При раздѣленіи переселившихся гаогюйцевъ на два аймака (сѣверный—въ вѣдѣніи Афучжило и его потомства, и южный въ управленіи Цюнки), сѣверному аймаку должны были достаться земли между восточнымъ Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, тогда какъ бассейны Алакуля и Балхаша съ долиною р. Или составили, вѣроятно, территорію южнаго аймака. Возможно, что гаогюйцы Цюнки, не довольствуясь доставшимися имъ землями, начали распространяться за р. Чу и до Сыръ-дарьи, пользуясь малосиліемъ мѣстныхъ кочевниковъ, являвшихся остатками сейцевъ, усуней, кангюйцевъ и хунновъ (юебаньцевъ). Со стороны ѣда-иданей, освобожденныхъ съ 484 г. послѣ гибели Пероза отъ опасности со стороны Персіи, являлось весьма благоразумнымъ дать заблаговременно отпоръ нашествію гаогюйцевъ, угрожавшихъ уже Ташкенту, который, какъ Фергана, земли по Заравшану и Харезмъ, находился, конечно, въ числѣ ихъ вассальныхъ владѣній. Военныя силы ѣда выступили вслѣдствіе этого противъ южнаго аймака гаогюйцевъ и нанесли имъ жестокое пораженіе, при которомъ убитъ былъ Цюнки и взяты въ плѣнъ его сыновья и внуки, вѣроятно, въ долинѣ р. Или, изъ которой, преслѣдуя бѣжавшихъ гаогюйцевъ, побѣдители проникли въ подвластный имъ Карашаръ, какъ уже упоминалось выше. Члены плѣннаго семейства Цюнки успѣли, однако, такъ скоро пріобрѣсти расположеніе и довѣріе иданей, что черезъ годъ они потребовали отъ гаогюйцевъ, чтобы они приняли и признали своимъ государемъ Мивоту, одного изъ плѣненныхъ. Это являлось и искусной политикой, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ и доставившей иданямъ полную безопасность со стороны гаогюйцевъ. Страхъ, нанесенный погромомъ Цюнки, былъ такъ великъ, что сѣверные гаогюйцы убили властвовавшаго надъ ними Баліяна и признали своимъ государемъ Мивоту. Черезъ десять лѣтъ послѣ пораженія Мивоту и убіенія его жужанями, народъ его нашелъ безопасное убѣжище у иданей и, оправившись, подъ предводительствомъ брата Мивоту Ифу возвратился на свои земли, чтобы продолжать затѣмъ борьбу свою съ жужанями, пока исто-

щеніе обѣихъ сторонъ не повело къ уничтоженію жужаней и къ подчиненію гаогюйцевъ тюрками.

Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ историческаго труда Менандра византійца уцѣлѣло отъ разсказа о покореніи эфталитовъ тюрками слѣдующее мѣсто: «Катулфъ, удержавъ эфталитскаго вождя отъ дальнѣйшаго похода, говорилъ пословицу простую, въ которой, однако-жъ, есть сила убѣжденія: въ своемъ дворѣ одна собака сильнѣе десяти чужихъ» («Византійскіе историки Дексиппъ и др.», переводъ съ греческаго С. Дестуниса, Спб., 1860 г., стр. 328). Катулфъ этотъ, какъ видно изъ другого отрывка изъ Менандра (стр. 372), есть «тотъ эфталитъ, который предалъ туркамъ своихъ единоплеменниковъ за то, что государь эфталитскій изнасиловалъ его жену». Изъ отрывковъ этихъ должно заключить, что для борьбы съ нашествіемъ тюрковъ ефталитскій царь намѣревался, быть можетъ, слѣдуя удачной политикѣ своего предка съ гаогюйцами, выступить за сѣверные предѣлы своего государства, т.-е. за Сыръ-дарью, въ долины рѣкъ Чу и Или, чтобы тамъ дать первоначальный отпоръ угрожающему врагу, котораго армія, на границахъ своей страны, быть-можетъ, не сразилась бы съ тѣмъ мужествомъ отчаянія, которое должна была выказать при боѣ въ странѣ ефталитовъ, гдѣ пораженіе влекло за собою вѣроятность совершеннаго ея истребленія.

Выясненіе, согласно «Бэй-шы», что въ 520 г. царствовалъ уже третій царь, внукъ основателя династіи чилэ, посаженной въ Гандарѣ иданями, а также вышеуказанныя данныя надписи Сканда Гупты 470-го приблизительно года, упоминающей о столкновеніяхъ этого царя съ хуна, въ связи съ другими надписями и монетами, кажутся показывающими, что династія чилэ царствовала въ Гандарѣ гораздо ранѣе, чѣмъ произошли столкновенія ѣда съ гаогюйцами Цюнки и Афучжило, которые притомъ и переселились на западъ позже 487 г. Но если гандарскіе чилэ происходили не изъ рода фуфуло, это не устраняетъ возможности и вѣроятности принадлежности ихъ къ одному изъ гаогюйскихъ родовъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ ѣда ранѣе фуфуло. По свѣдѣніямъ «Бэй-шы», «предки гаогюйцевъ составляли двѣнадцать родовъ», которыхъ приведены и имена, между прочимъ тулу, дабо и фуфуло. «Бэй-шы» не даетъ никакихъ свѣдѣній о другихъ родахъ, ограничившись замѣчаніемъ, что «поколѣніе фуфуло покорено было жужаньцами», и сообщивъ вышеприведенныя извѣстія объ отложеніи «фуфулоскаго Афучжило» съ его двоюроднымъ братомъ Цюнки. Но въ «Суй-шу» есть болѣе подробныя свѣдѣнія о родахъ гаогюйцевъ съ указаніями мѣстъ ихъ обитанія. Хотя дин. Суй, времени которой принадлежатъ эти свѣдѣнія, уществовала съ 581 до 618 г., такъ что данныя ея исторіи относятся ко времени болѣе чѣмъ на столѣтіе позднему эпохи основанія династіи чилэ въ Гандарѣ, но многія изъ гаогюйскихъ племенъ, конечно, существовали уже въ юань-вэйскія времена, хотя и не попали въ исторіи династіи

Юань-Вэй. Суйскія свѣдѣнія о родахъ тѣлэ воспроизведены, по завѣренію проф. Шаванна (Doc. etc., p. 122, note) въ «Бэй-шы», но почему-то отсутствуютъ въ «Собраніи свѣдѣній» и пр. Іакинфа. Полнѣйшее, повидимому, изъ нихъ извлеченіе дано Д. М. Позднѣевымъ въ его «Историческомъ очеркѣ уйгуровъ» (Спб., 1899 г., стр. 38—40), но было уже сдѣлано ранѣе Дулиттлемъ въ его A Vocabulary and Handbook of the Chinese Language, vol. II); изложилъ также эти свѣдѣнія, но съ пропускомъ многихъ родовыхъ именъ, проф. Хиртъ (Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, SS. 37—40) и перевели нѣкоторые изъ нихъ отрывки, съ полезными комментаріями Kurakichi Shiratori (Keleti Szemle, 1902, pp. 131—133) и проф. Шаваннъ (Doc., pp. 122, 123, note, 311). По этимъ суйскимъ свѣдѣніямъ тѣлэ'скіе роды разсѣяны были на обширномъ пространствѣ отъ Байкала едва не до предѣловъ Фолини (Византійской имперіи), но ближайшею къ Идани ихъ группою должны быть почитаемы тѣ роды, которые кочевали на берегахъ рѣки А-дэ (у Хирта A-tö, по K. Sh. A-tek или Ya-tek-Yak-sat), которую Хиртъ и Дулиттль считаютъ за Волгу, а K. Sh. за Яксартъ; по-моему, это Сыръ-дарья, такъ какъ рѣка Адэ показана съ обитающими на ней родами «на сѣверѣ отъ вл. Канъ», т.-е. Самарканда. Затѣмъ для насъ здѣсь представляетъ значеніе суйское упоминаніе въ числѣ родовъ группы, обитавшей «на юго-западѣ отъ Гинь-шаня», т.-е. Алтая, рода *чжилэ*, названнаго у г. Позднѣева, тогда какъ проф. Хиртъ изъ числа четырехъ именъ, данныхъ Позднѣевымъ, привелъ только одно, потому что ограничивался тѣми родовыми именами, которыя считалъ возможнымъ отождествить съ извѣстными изъ другихъ своихъ источниковъ. Хотя изображенія первыхъ слоговъ именъ чи-лэ и чжи-лэ различны (см. у Позднѣева на стр. 37 и 39), но весьма возможно и вѣроятно, что это есть лишь послѣдствіе записыванія разными лицами одного и того же имени въ разныя притомъ времена. Поэтому я считаю вѣроятнымъ, что это транскрипціи одного и того же родового имени, изъ существованія же рода чилэ въ суйское время заключаю, что онъ существовалъ и ранѣе, въ юань-вэйскую эпоху. Такъ какъ по завѣренію «Танъ-шу» гаогюйцы назывались въ юань-вэйское время чилэ («Собр. свѣд.», ч. 1, стр. 373, (Chavannes, Docum. etc., p. 87), то можно думать, что такое имя получили они вслѣдствіе преобладанія въ то время рода чилэ надъ прочими одноплеменными родами. Имѣло мѣсто это временное преобладаніе или нѣтъ, идани, имѣя гаогюйцевъ сосѣдями на Сыръ-дарьѣ, вѣроятно, также и въ продолженіе V вѣка входили съ ними въ враждебныя или дружелюбныя столкновенія, какъ и въ началѣ VI столѣтія. Мы видѣли, что въ «Бэй-шы» численность ѣда опредѣлена въ 100 т.; если это цифра только душъ мужескаго пола, то и въ такомъ случаѣ собственныя силы ихъ были недостаточны для многолѣтней борьбы съ персами, даже при сборахъ ополченій изъ вассальныхъ владѣній, ибо боевая

годность и стойкость такихъ ополченій весьма сомнительны. Вслѣдствіе этого можно съ увѣренностью полагать, что идани прибѣгали къ содержанію наемныхъ войскъ изъ среды сосѣднихъ тюрковъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи владѣвшіе тѣми же странами саманиды, караханиды, газневиды, хорезмъ-шахи и пр. Возможно также, что въ числѣ отрядовъ, набранныхъ изъ родовъ тѣлэ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пятаго вѣка для войнъ съ Персіею, находился на службѣ у ѣда значительный отрядъ изъ племени чилэ, подъ начальствомъ одного изъ старѣйшинъ этого рода; что отрядъ этотъ принималъ участіе въ предпринятыхъ иданями завоеваніяхъ на югѣ отъ Хиндукуша, и что, наконецъ, вождь отряда чилэ, въ награду за свою службу, получилъ отъ царя ѣда часть завоеванныхъ земель, именно Гандару, въ вассальное владѣніе, обратившееся съ теченіемъ времени, при немъ или его преемникѣ, въ независимое царство, сдѣлавшееся потомъ, благодаря завоеваніямъ въ Пенджабѣ и на Индѣ, могучимъ царствомъ *хуна*.

д) Кидаритская династія въ Гибини.

Юань-вэйскія свѣдѣнія о посольствѣ 519—520 гг. и о гаогюйцахъ дали возможность съ достаточною вѣроятностью установить, что династія хуна, владѣвшая по индѣйскимъ надписямъ и пр. Гандарою, Пенджабомъ, Кашмиромъ и, быть-можетъ, Синдомъ, основана была гаогюйцемъ или чилэ, которому идани отдали въ вассальное владѣніе завоеванную ими Гандару. Объ отношеніяхъ этой династіи хуна къ основанной въ Пурушапурѣ сыномъ Кидоло кидаритской династіи прямыхъ свѣдѣній пока не имѣется, какъ нѣтъ такихъ свѣдѣній и о самой кидаритской династіи позже статьи «Бэй-шы» о малыхъ юечжахъ въ Пурушапурѣ, но, исходя изъ извѣстій Аль-Бируни о томъ, что брахманской династіи, у которой газневиды отняли ея владѣнія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и за Индомъ, предшествовала древняя династія тибетскаго происхожденія, къ числу государей которой принадлежалъ построившій знаменитую вихару въ Пурушапурѣ Каника, д-ръ М. А. Штейнъ, — извѣстный уже новымъ изданіемъ «Раджа-тарангини» и переводомъ этой исторіи царей Кашмира на англійскій языкъ, — призналъ этого Канику за Канишку, который на монетахъ имѣлъ титулъ shâhŏ и shâhonano shâhŏ, и заключилъ, что государи кабульской древней династіи, носившіе, по Аль-Бируни, титулъ shâhiyas, принадлежали къ династіи большихъ юечжей или кушановъ, властвовавшей въ Индіи, послѣ паденія же ея замѣненной потомствомъ кушанскаго царя Кидоло, основавшаго около 430 г. царство малыхъ юечжей въ Пурушапурѣ; государемъ кидаритской династіи былъ и царь, найденный Сюань Цзаномъ въ Капише; существованіе Михиракулы (т.-е. царства династіи хуна) не устраняло существованія царства династіи малыхъ юечжей, такъ какъ отношенія

этого царства на западѣ отъ Инда (т. е. западные предѣлы его владѣній въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, въ средней и верхней части котораго могло продолжать существовать царство кидаритовъ или династіи кабульскихъ шаховъ) совершенно неизвѣстны (Festgruss an Rudolf von Roth zum Doctor-Jubiläum 24 August 1893 von seinen Freunden und Schulern, Stuttgart, 1893, SS. 195—202, Zum Geschichte der Çahis von Kâbul). Помѣщенная на первыхъ трехъ страницахъ (195—197) небольшой статейки случайнаго сборника гипотеза д-ра Штейна не обратила вниманія, котораго она вполнѣ заслуживаетъ[1]), отчасти вслѣдствіе появленія въ мало извѣстномъ юбилейномъ сборникѣ, отчасти же вслѣдствіе чрезвычайной краткости изложенія и отсутствія детальной ея разработки и обоснованія. Между тѣмъ, если использовать имѣющіеся въ настоящее время историческіе матеріалы по этому предмету, многихъ изъ которыхъ д-ръ Штейнъ совершенно не касался, то окажется, что гипотеза его достигаетъ одной изъ высшихъ степеней вѣроятности, какія доступны для историческихъ изслѣдованій въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточныхъ прямыхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а потому, по необходимости, приходится выяснять и разрѣшать темныя историческія проблемы на основаніи преданій и сказаній, подкрѣпляемыхъ, однако, съ своей достовѣрности различными историческими данными, хотя и не составляющими сами по себѣ прямыхъ свидѣтельствъ. Это я и попытаюсь сдѣлать въ намѣченныхъ для настоящаго изслѣдованія предѣлахъ, но вдаваясь въ мелочи и прибѣгая преимущественно къ китайскимъ извѣстіямъ, но не отказываясь обращаться и къ другимъ источникамъ, когда это возможно и необходимо.

Китайскія извѣстія о Гибини суйскаго и танскаго временъ.

Изъ приведенныхъ выше («Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 63) юань-вэйскихъ свѣдѣній о Гибини, относящихся, вѣроятно, ко времени около 442 г., несмотря на отсутствіе въ нихъ политическихъ и этническихъ данныхъ, можно, однако, заключить, что Гибинь была тогда особымъ

---

[1]) Рецензія покойнаго Эдм. Друэна въ Journal asiatique (1894, t. III, pp. 378—381) дала ошибочное и невыгодное для статьи Штейна понятіе о ней, такъ какъ Друэнъ помѣстилъ собственныя неосновательныя мнѣнія и предположенія, не озаботившись ясно отличить свои личныя догадки отъ мнѣній Штейна. Такъ Друэнъ сочинилъ двѣ брахманскихъ династіи въ Кабулѣ, изъ которыхъ первая основана была будто бы въ 641 или 643 гг. брахманомъ Чачемъ, а вторая въ 850 г., когда Лага-турманъ былъ свергнутъ брахманомъ Калларомъ. Столь же произвольно и безъ всякихъ же указаній на основанія и источники Друэнъ отождествлялъ Барха-тегина сказанія Аль-Бируни съ Кидоло и утверждалъ, что потомство его царствовало только въ продолженіе двухъ вѣковъ, и т. д.

государствомъ, занимавшимъ, судя по теплому климату и пр., нижнее и среднее теченіе Кабулъ-дарьи, такъ какъ 800 ли или восемь дней пути съ востока на западъ (отъ Инда до перевала Джигделика между Джелаль-абадомъ и Кабуломъ около 280 верстъ)обнимаютъ раіоны Пишавера и Джелаль-абада. Во всякомъ случаѣ юань-вэйскія свѣдѣнія о Гибини 442 г. относились ко времени до завоеваній Кидоло на югѣ отъ Хиндукуша, которыя не могли не касаться хотя части Гибини, а потому обойти ихъ молчаніемъ въ этихъ свѣдѣніяхъ было едва-ли возможно. Въ 520 г., т.-е. менѣе 80 лѣтъ послѣ юань-вэйскаго посольства въ Гибинь и Индію, новое посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, нашло Гандару и столицу ея Пурушапуру въ обладаніи третьяго царя династіи Чилэ или хуна; этотъ царь въ 520 г. велъ войну съ Гибинью изъ-за границъ съ нею, и армія его уже три года занималась этой войною (переводъ Биля, 1869 г., р.р. 197—198, по переводу же Неймана, S. S. 172—173, царь этотъ своимъ злымъ и свирѣпымъ нравомъ и невѣріемъ въ ученіе Будды, которому слѣдовало населеніе страны, вызвалъ возстаніе народа; возмутившіеся удалились на границы Гибини; съ того же времени, какъ они взялись за оружіе, прошло уже три года). Такимъ образомъ Гибинь существовала и въ 520 г. при Михиракулѣ, сильнѣйшемъ государѣ дин. хуна, при которомъ произошло и паденіе ея. Этимъ паденіемъ, хотя оно послѣдовало вслѣдствіе вѣроятной коалиціи индійскихъ царей, естественно должна была воспользоваться и враждовавшая съ хуна Гибинь. Дѣйствительно въ «Суй-шу» оказывается описаніе довольно значительнаго владѣнія Цао, въ которомъ сказано, что «это при династіи Хань было владѣніе Гибинь». О. Іакинфъ какимъ-то образомъ упустилъ помѣстить въ своемъ переводѣ суйскаго «Повѣствованія о западномъ краѣ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 190 — 206) описаніе Цао, можетъ-быть, потому, что описаніе это цѣликомъ повторено въ «Бэй-шы» и дано имъ въ переводѣ изъ послѣдней (стр. 189). Но имѣется переводъ Пфицмайера изъ «Суй-шу» (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, ph.-hist. Klasse, Bd. 97, 1880, S. 473), совершенно почти сходный съ іакинфовскимъ переводомъ изъ «Бэй-шы», и переводъ Аб. Ремюза изъ Матуаньлиня, весьма мало отличающійся, такъ что въ тождествѣ статей «Суй-шу» и «Бэй-шы» не можетъ быть сомнѣнія, а потому я буду цитировать переводъ Іакинфа, указывая два другихъ лишь въ случаѣ серьезнаго различія. Въ этомъ описаніи владѣнія Цао говорится, что «въ срединѣ правленія Да-ѣ, 610, было оттуда посольство съ данію», такъ что источникомъ суйскихъ свѣдѣній могли служить показанія этого посольства, но въ предисловіи къ вышеупомянутому суйскому повѣствованію есть свѣдѣніе о томъ, что при томъ же императорѣ Янъ-ди, котораго правленіе именовалось Да-ѣ (605—616 г.г.), были отправлены сановники Вэй Цзѣ и Ду Хинъ-мань, которые, «по прибытіи въ Гибинь, получили агатовую чашу» (стр. 191), а потому свѣдѣнія о Цао-Гибини суйцы могли имѣть и отъ

собственнаго посольства на западъ [1]). Въ описаніи владѣнія Цао значится, что оно «лежитъ отъ Луковыхъ горъ на сѣверъ» (у Пфицмайера, im Norden des Tsung-ling, у Аб. Ремюза по Матуаньлиню, p. 210, au sud-ouest des Montagnes Bleues). Такъ какъ въ томъ же суйскомъ описаніи владѣнія Цао сказано, что отъ него «на сѣверъ до Фаньянь 700» ли (у Аб. Ремюза, Fan-yen, у Пфицмайера, Fang-tsching), и сверхъ того въ суйскихъ же описаніяхъ владѣній Тухоло (Тохаристанъ) и Идани говорится, что отъ перваго на югъ до владѣнія Цао 1700 ли и отъ второго 1500 («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), то при такихъ разстояніяхъ на югъ отъ Баміана въ 7 дней пути, отъ Тохаристана (Балха или Кундуза) въ 17 и отъ Идани въ 15, Цао могло находиться не иначе, какъ на югѣ отъ Хиндукуша, въ долинѣ Кабулъ-дарьи, а потому въ «Суй-шу» и въ механически воспроизведшей ее «Бэй-шы» несомнѣнна ошибка, и вмѣсто «на сѣверъ» отъ Луковыхъ горъ слѣдуетъ читать «на югѣ» или, какъ у Матуаньлиня, «на юго-западѣ». Переведя изъ «Танъ-шу» «Владѣніе Гибинь при династіи Суй называлось Цао», проф. Шаваннъ настоятельно увѣряетъ, что это утвержденіе «Танъ-шу», отсутствующее въ первой редакціи этой исторіи, совершенно ошибочно (est absolument erronnée), ибо а) суйское царство Цао находилось на сѣверѣ отъ Цунлина, тогда какъ Гибинь «Танъ-шу» лежала на югѣ, и б) «Бэй-шы», помѣстившая описаніе царства Цао, даетъ, однако, и описаніе царства Гибинь, изъ чего слѣдуетъ, что если Цао на сѣверѣ Цунлина тождественно съ Гибинью ханьскихъ временъ, то оно не имѣетъ ничего общаго съ Гибинью временъ Суй и Танъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не соглашается съ д-ромъ Марквартомъ, отождествлявшимъ суйское Цао съ Цаогюйчжа Сюань Цзана: суйское Цао лежало на сѣверѣ отъ Цунлина, Цаогюйчжа же (Забулистанъ) находилась на югѣ отъ Хиндукуша (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 130, note 2). Но изъ помѣщенія въ «Бэй-шы» юань-вэйскаго описанія Гибини и суйскаго описанія Цао не слѣдуетъ, что это два царства разныя, ибо мы имѣемъ въ «Бэй-шы» много примѣровъ помѣщенія свѣдѣній объ одной и той же странѣ подъ разными именами: ея юань-вэйская Сивиньгинь тождественна съ ея же суйскимъ Каномъ, юань-вэйскій Чешы одно и тоже съ суйскимъ Гаочаномъ и т. д. Отстаиваніе нахожденія Цао на сѣверѣ отъ Цунлина несостоятельно не только потому, что г. Шаваннъ не въ состояніи былъ указать, гдѣ же тамъ обрѣтался Цао, но и потому, что такое помѣщеніе непримиримо съ положеніемъ, намѣченнымъ для Цао въ отношеніи Фаньяна, Тухоло и Идани. Г. Шаваннъ повторилъ здѣсь то же упущеніе, какъ при ошибочномъ пріуроченіи цянь-ханьской Гибини къ Кашмиру, когда онъ

[1]) По словамъ проф. Хирта, названные сановники посланы были въ страны по Оксу и въ Индію за рѣдкостями и буддійскими книгами, но изъ свѣдѣній ихъ сохранились до насъ только отрывки (Nachworte zu Inschrift des Tonjukuk, S. 38).

не обратилъ должнаго вниманія на положеніе Гибини относительно Наньду (Читралъ), Б. Юечжы и Угѣшаньли (см. «Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3) стр. 66 и слѣд.).

Въ суйскихъ свѣдѣніяхъ о владѣніи Цао, ханьской Гибини, значится, что «владѣтель прозывается Чжаову; проименованіе ему Шуньда. Онъ происходитъ изъ рода канскаго владѣтеля». Ниже суйскія свѣдѣнія о титулѣ чжаову будутъ разсмотрѣны подробно и выяснится, что это есть тибетское слово *чжаву*, значащее князь, государь, и что титулъ этотъ естественно носили юечжійскіе цари; ношеніе этого титула царемъ Цао-Гибини показываетъ, что онъ принадлежалъ къ юечжійско-кидаритской династіи, а совсѣмъ не къ роду канскаго владѣтеля, какъ ошибочно гласили суйскія свѣдѣнія о всѣхъ государяхъ, носившихъ титулъ чжаову. «Резиденція имѣетъ четыре ли въ окружности. Войска около 10,000 человѣкъ». «Сія страна много производитъ рису, проса, бобовъ, пшеницы, изобилуетъ слонами, лошадьми» и пр., между прочимъ «каменнымъ медомъ», т.-е. засохшимъ сокомъ сахарнаго тростника, какъ объяснилъ это Ст. Жюльенъ (Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. I, p. 105).

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ суйскаго посольства 610 года, слѣдовавшій изъ Баміана (тамъ же, p. 36) Сюань Цзанъ нашелъ по переходѣ черезъ Хиндукушъ царство Kia-pi-che, со столицею въ 10 ли въ окружности (p. 40), откуда, сдѣлавъ около 600 ли въ восточномъ направленіи (p. 55), достигъ царства Lam-po (Ламганъ), и изъ него, пройдя на юго-востокъ около 100 ли и переправясь черезъ большую рѣку (Кабулъ-дарью), прибылъ въ царство (p. 96) Na-kie-lo-ho (по Вивіену де Сенъ-Мартенъ, тамъ же, t. 2, p. 306, Нагаракъ въ округѣ нынѣшняго Джелальабада, въ 2-хъ льё на С.-В. отъ Хидды), откуда чрезъ 500 ли пути (p. 104) пріѣхалъ въ царство Kien-t'o-lo (Гандара), т.-е. въ тогдашнюю столицу его Pou-lou-cha-pou-lo (Пурушапура). Всѣ эти владѣнія, всего съ десятокъ царствъ, подвластны были царю Кяпише, изъ касты (t. I, p. 41) кшатріевъ (de la race T'sa-li). Такъ какъ царскіе роды Индіи, въ томъ числѣ и происходящіе отъ иностранныхъ завоевателей, числились въ кастѣ кшатріевъ (p. 81), то и царь Кяпише могъ принадлежать къ роду юечжей-кушановъ. Кромѣ земель отъ Снѣжныхъ горъ (Хиндукушъ), слѣдовательно начиная съ бассейновъ Горбенда и Пенджшира, внизъ по Кабулъ-дарьѣ до Инда, царю Кяпише подчинялось (t. II, pp. 183—184) и лежавшее на югѣ царство Fa-la-na (нынѣ Банну или Бану).

По свѣдѣніямъ же Сюань Цзана (тамъ же, pp. 186—189), къ владѣніямъ царя Кяпише должно было на западѣ прилегать царство Цаогюйчжа(Tsao-kiu-tch'a), которое называли также Цаоли (Tsao-li); тогдашній государь, усердный буддистъ, «наслѣдовалъ длинному ряду предковъ». По положенію и имени столицы (Ho-si-na = Газна) царство Цаогюйчжа соотвѣтствуетъ Забулистану персо-арабскихъ писателей. По Сюань Цзану же

(тамъ же, p. 190), въ 500 ли на сѣверъ отъ Цаогюйчжа находилось еще небольшое царство Fo-li-chi-sa-t'ang-na, съ царемъ тюркскаго племени, ревностнымъ буддистомъ, и со столицею Хубина (Hou-pi-na). Въ «Танъ-шу» объ этомъ владѣніи нѣтъ никакихъ свѣдѣній кромѣ одного мѣста, гдѣ въ трехъ съ половиною строчкахъ помѣщено («Собр. свѣд»., ч. 3, стр. 249) сокращеніе извѣстій Сюань Цзана (t. 2, pp. 189 — 190).

За-то въ «Танъ-шу» имѣются собственныя свѣдѣнія о Гибини и Забулистанѣ. Въ статьѣ о Гибини (Іакинфъ, ч. 3, стр. 236 — 238 и переводъ Шаванна въ Documents sur les Tou-kiue occ., 1903, pp. 130—134) сказано, что «владѣтель живетъ въ городѣ Сюсянь и постоянно находится въ зависимости отъ Большого Юечжы (по Шаванну, il est toujours soumis aux Ta Yue-tche). Страна жаркая и влажная. Жители ѣздятъ на слонахъ. Держатся буддайскаго закона». Такъ какъ первое посольство изъ Гибини показано засимъ во второмъ году царствованія перваго императора дин. Танъ, въ 619 г., лишь за 11 или 12 лѣтъ до путешествія Сюань Цзана, то постоянная зависимость отъ несуществовавшихъ уже много вѣковъ б. юечжей, да и столица Сюсянь, близкая по имени къ Сюньсянь ханьскихъ временъ, представляются анахронизмами. Слѣдующее посольство изъ Гибини упоминается въ правленіе Чженъ-гуань (627 — 649 гг.); за присланныхъ съ нимъ лошадей отправленному въ Индію китайскому послу поручено было отвести гибиньскому владѣтелю богатые подарки. Слѣдующее посольство отмѣчено 642 г. «Жители сего владѣнія сказываютъ, что первый предокъ ихъ владѣтеля назывался Хинъѣ и родъ его продолжается въ двѣнадцатомъ колѣнѣ». Подобнымъ образомъ перевелъ и Шаваннъ (p. 131: Les gens de ce pays rapportaient tous que le premier ancêtre du roi s'appelait Hing-ye et que, jusqu'au roi actuel Ho-hie-tche, le pouvoir s'était transmis à travers douze générations), но утверждаетъ (note 4), что по тексту первой изъ имѣющихся двухъ редакцій «Танъ-шу» этотъ отзывъ населенія относится не къ 642 г., а къ 658 г., когда китайцы собирали свѣдѣнія для переименованія владѣній запада. «Въ третье лѣто правленія Хянь-кинъ, 658, владѣнія его переименованы областью Сюсянь». Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», гдѣ между прочимъ содержатся исчисленія намѣстничествъ, губерній и округовъ, учрежденныхъ послѣ покоренія земель западныхъ тюрковъ въ 658 г., значится gouvernement de Sieou-sien, établi dans la ville de Ngo-ho du royaume de Ki-pin; ce gouvernement régissait dix (у Шаванна, p. 70, note, опечатка deux, тогда какъ названо десять округовъ) arrondissements: 1) округъ Pi-cho, учрежденный въ городѣ Lo-man, 2) Yn-mi въ г. Tsien-na, 3) Po-lou въ г. Ho-lan, 4) Long-tche въ г. I-hen, 5) Ou-i въ г. Sai-pen-ni-lo-se, 6) Lo-lo въ г. Lan-kien, 7) T'an-t'o въ г. Pan-tche, 8) Ou-li въ г. Pou-peng, 9) Mo въ г. Hou-hoan, 10) Hiuen-tou (Passages suspendus) въ г. Pou-lou-kien. Такъ какъ имена губерній лишь

иногда даны изъ древнихъ именъ мѣстныхъ странъ, народовъ и городовъ, извѣстныхъ исторически, при чемъ пріуроченія произведены были часто неправильно, имена же округовъ почти всегда произвольны, хотя и архаичны, то опредѣленія мѣстонахожденія округовъ возможны лишь по именамъ городовъ, въ которыхъ помѣщены окружныя управленія. Шаванну удалось узнать изъ именъ этихъ городовъ два: въ г. Lan-kien нынѣшнюю область Кабулистана Ламганъ и въ имени округа Pan-tche имя рѣки Пянджширъ (p. 227). Г. Ngo-ho мнѣ кажется соотвѣтствующимъ Na-kie-lo-ho Сюань Цзана, т.-е. это Ненкъ-нагаръ «Записокъ» султана Бабера, Нагара Птолемея, около нынѣшняго Джелальабада. Названіе Сюсянь для царства Гибинь есть, видимо, имя древней, ханьскихъ временъ, столицы Гибини Сюньсянь, переиначенное въ Сюсянь. Можетъ быть, и въ дѣйствительности мѣстопребываніе царя Гибини около 658 г. находилось около Джелальабада, истиннаго центральнаго пункта бассейна Кабулъ-дарьи.

Далѣе въ статьѣ «Танъ-шу» Гибинь упоминается въ 719 г. посольство изъ Гибини и пожалованіе императоромъ ея владѣтелю титула «Гэлодачжы Дэлэ», Ko-lo-ta-tche t'e-k'in (tegin de l'Arokhadj, по Шаванну). «Впослѣдствіи (dans la suite, въ 739 году, по старой «Танъ-шу») Усань Дэлэ (Ou-san t'e-k'in cha, по Шаванну), состарившись, просилъ у кит. императора дозволенія передать престолъ сыну Фолинь-Гипо. Императоръ согласился». Въ 745 г. «сына его Бофу-чжунь пожаловалъ государемъ владѣній Гибинь и Учанъ». Въ 758 г. «онъ прислалъ посланника съ дарами». Этимъ кончается описаніе Гибини въ «Танъ-шу».

Въ «Танъ-шу» почему-то совсѣмъ не упоминается о посольствѣ изъ Гибини 750 г. и объ отвѣтномъ китайскомъ посольствѣ, но о немъ сохранились свѣдѣнія въ Дорожникѣ Укона, переведенномъ и снабженномъ комментаріями гг. Шаванна и Леви (Journal asiatique, 1895, Septembre-Octobre, pp. 341 — 384). Просившее о помощи (вѣроятно, противъ арабовъ) гибиньское посольство имѣло во главѣ двухъ сановниковъ, одного изъ которыхъ звали Сабо-*таканъ*, тарханъ должно быть, извѣстный тюркскій титулъ. Отвѣтное китайское посольство въ мартѣ 753 г. прибыло въ Кяньтоло (Гандара), гдѣ находилась восточная столица Гибини, въ которой царь ея жилъ зимою, пребывая лѣтомъ въ Гибини (p. 349), т.-е. въ западной ея части. Царь принялъ посольство съ почетомъ, послѣ чего оно отправилось въ обратный путь. Находившійся въ свитѣ Уконъ по болѣзни долженъ былъ остаться, по выздоровленіи же принялъ обѣты буддійскаго монаха, провелъ много лѣтъ въ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ и монастырямъ Гандары, Кашмира и Удіяны или Учана, и возвратился въ Китай лишь въ 790 г. Въ числѣ монастырей Гандары онъ упоминаетъ основанные сыномъ и женою царя тюрковъ (p. 357). По мнѣнію Шаванна, вышеупомянутый Усань-тегинъ-ша тождественъ съ Тегинъ-ша, сыномъ

тюркскаго царя, основавшимъ монастырь въ Гандарѣ, причемъ ша есть титулъ шахъ, который носили цари Кабула (Doc., p. 132, note 3).

Цаогюйчжа Сюань Цзана описывается въ «Танъ-шу» подъ именемъ Сѣи («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 257, Doc., pp. 160—161). «Владѣніе Сѣи (Sie-yu) лежитъ отъ Тухоло на юго-западъ; собственно называется Цаогюйчжа и Цаогюй; во время правленія Хянъ-кинъ, 656—660, называлось Хэдалочжы (по мнѣнію Шаванна, Ho-ta-lo-tche, peut-être faut-il lire Ta-lo-ho-tche = Tarokhadj, pour Arokhadj). Императрица Ву-хэу дала ему нынѣшнее названіе. На востокъ до Гибини, на сѣверо-востокъ до Фаньянь считается по 400 ли; на югѣ граничитъ съ Индіею (P'o-lo-men), на западѣ съ Босы, на сѣверѣ съ Хушигянію. Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Хосина (Hou-si-na), а временемъ въ городѣ Асони (le roi a aussi pour capitale la ville de A-so-ni). Владѣнія его содержатъ около 7000 ли въ окружности... Проводятъ ключи для орошенія полей. Въ семъ владѣніи вмѣстѣ живутъ и Дулгасцы (Tou-kiue), и Гибиньцы, и Тухолосцы. Гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. арабами. «Въ первое лѣто правленія Цзинъ-юнь, 710, владѣтель прислалъ посольство съ данію, а послѣ сего онъ призналъ себя вассаломъ Гибини» (по Матуаньлиню, въ переводѣ Ab. Rémusat, N. mél. asiatiques, 1829, t. I, p. 213, depuis cette époque, ils se joignirent à ceux de Kipin; по Шаванну, puis il s'asservit le Ki-pin). Въ 720 г. «Сынъ неба грамотою облекъ владѣтеля въ царское достоинство» (по Шаванну: le Fils du Ciel conféra par brevet le titre de roi à Tcha-k'iu-eul, hie-li-fa du Ho-ta-lo-tche). «До средины правленія Тьхянь-бао, до 748 (pendant la période t'ien-pao, 742 — 755), нѣсколько разъ присылалъ посольства съ дарами».

Газна не совсѣмъ подходитъ для столицы Сѣюя, потому что Фаньянь, т.-е. Баміанъ, отъ нея находится на С.-С.-З., а не на С.-В., и Гушигянь, т.-е. Гузганъ, нынѣшнее Меймене, расположена отъ нея не на сѣверѣ, а на сѣверо-западѣ. Но если бы мы стали искать для столицы Сѣюя мѣстность на западъ, т.-е. на Хельмендѣ, то хотя орієнтація можетъ оказаться болѣе подходящей, за-то разстояніе въ 400 ли на востокъ до столицы Гибини окажется недостаточнымъ. Между тѣмъ возможно, что полученныя распросными путями показанія о положеніи сосѣднихъ владѣній относительно Хосины ошибочны или неточны.

Въ виду извѣстія статьи Сѣюй о томъ, что это владѣніе подчинило себѣ послѣ 710 — 711 г. Гибинь, проф. Шаваннъ находитъ, что въ статьѣ Гибинь неточно говорится о пожалованіи въ 719 г. титула тегина Арохаджа царю Гибини: слѣдовало сказать, напротивъ, что тегинъ Арохаджа получилъ титулъ царя Гибини; необходимость такой поправки подтверждается однимъ извѣстіемъ энциклопедіи Tch'e fou yuen koei (Doc., p. 132, note 1). Въ этомъ сборникѣ, изданномъ въ 1013 г. (тамъ же,

p. 199, note I), говорится, что въ 720 г. императоръ пожаловалъ чрезъ отправленнаго посланника le titre de roi du royaume de Sie-yu à Tche-k'iu-eul, hie-li-fa du Ko-ta-lo-tche, et le titre de roi du royaume de Ki-pin au tegin du Ko-ta-lo-tche (p. 161, note 1). По г. Шаванну (тамъ же), изъ этого текста слѣдуетъ, что кит. правительство этими титулами официально признало недавнія завоеванія Забулистана: повидимому, овладѣвъ Гибинью, царь Сѣюя поставилъ во главѣ этого государства одного изъ своихъ братьевъ или сыновей, имѣвшаго титулъ тегина; титулъ же хѣлифа, который носилъ царь Забулистана, объясняется тѣмъ, что этотъ тюркскій титулъ присвоенъ былъ западно-тюркскимъ Тунъ Шеху-ханомъ всѣмъ вассальнымъ владѣтелямъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, — добавляетъ къ этому Шаваннъ, — что въ докладѣ императору 724 г. царь Сѣюя даетъ себѣ титулъ тегина (Doc., 1903, p. 161, note 1). Если бы это замѣчаніе было вполнѣ вѣрно, то, очевидно, объясненіе Шаванна пожалованія въ 720 г. царю Гибини титула тегина Коталочжы поставленіемъ въ главы Гибинй брата или сына царя Сѣюя, имѣвшаго титулъ тегина, оказалось бы весьма сомнительнымъ, но въ дѣйствительности, судя по данному переводу (тамъ же, p. p. 205 — 206), въ докладѣ отъ имени царя Сѣюя 724 г. владѣтель Сѣюя просто называетъ свое царство Сѣюемъ, а себя царемъ его, титула же тегина совсѣмъ не употребляетъ. Титулъ тегина встрѣчается лишь въ невходящемъ въ составъ самаго доклада предисловіи изъ трехъ строкъ, въ которомъ сказано, что въ 724 г. «тегинъ царь Сѣюя» (le tegin roi du royaume de Sie-yu) прислалъ посла, который présenta une requête conçue en ces termes». Содержаніе приведеннаго за симъ доклада, ходатайства или челобитной заключается въ томъ, что въ предшествовавшемъ году китайская царевна (выданная, по Шаванну, за царя Тибета въ 707 г. и умершая потомъ въ 740 г.) прислала съ своими двумя китайцами къ царю Кашмира запросъ: приметъ ли онъ ее, если она успѣетъ бѣжать (изъ Тибета, у котораго въ это время началась война съ Китаемъ) и искать у него убѣжища? Царь Кашмира отвѣтилъ ей утвердительно, но по недостаточности своихъ войскъ, въ случаѣ нападенія тибетцевъ, обратился къ царю Сѣюя съ просьбою о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ. Увѣдомивъ царя Кашмира, что съ радостью исполнитъ его желаніе, царь Сѣюя довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, пояснивъ, что царство Сѣюй лежитъ въ 1500 ли отъ царства Кашмиръ и что послѣднее находится въ семи дняхъ пути отъ мѣстопребыванія царевны. Пользовавшійся переводами изъ «Танъ-шу» проф. de Groot'a, близкими къ переводамъ Шаванна, д-ръ Марквартъ полагаетъ, что Гибинь сохранила особыхъ своихъ государей и послѣ подчиненія своего Цаогюйчжѣ между 710 и 720 годами, но государи эти были назначаемы изъ собственной семьи царя Цаукуты, на что какъ будто указываетъ титулъ тегина Коталочжи, или въ Гибини была оставлена прежняя династія, признавшая верховенство Цаогюйчжи; въ послѣднемъ случаѣ

титулъ Коталочжи-тегинъ выражалъ зависимость правителя Гибини отъ царя Коталочжи (Eränšahr, 1901, S.S. 190—191).

Мы видѣли, что, по переводу Іакинфа, владѣтель царства Сѣи послѣ 710 г. «призналъ себя вассаломъ Гибини», и что это извѣстіе подтверждается Матуаньлинемъ, по которому сѣюйцы въ это время «присоединились къ гибиньцамъ». Шестому отдѣленію третьей части «Собранія свѣдѣній и пр.», гдѣ помѣщена статья «Сѣи», предпослано (стр. 207) предъувѣдомленіе: «Сіе отдѣленіе извлечено изъ «Исторіи династіи Тханъ», источникъ же Матуаньлиня не выясненъ. По переводу Шаванна изъ новой «Танъ-шу», наоборотъ, Сѣюй подчинилъ себѣ Гибинь; сходится съ этимъ и переводъ профессора de Groot'a (Eränšahr, S. 290): zwischen 710 und 720 wurde Ki-pin von Tsau kü-tscha unterworfen). Такъ какъ гг. Шаваннъ и de Groot упустили выяснить, что говорится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ первой или старой редакціи «Танъ-шу», то я считаю себя въ правѣ предполагать, что Іакинфъ и Матуаньлинь слѣдовали тексту старой «Танъ-шу» или инымъ надежнымъ источникамъ, руководствуясь указаніями китайскихъ ученыхъ комментаторовъ, которые остались гг. Шаванну и de Groot'у неизвѣстными. Ненадежность въ данномъ случаѣ текста новой «Танъ-шу», составленной между 1044 и 1060 годами, возможна потому, что редакторы ея могли подчиниться вліянію свѣдѣній и документовъ энциклопедіи Че-фу-юань-гуй, изданной въ 1013 г., тогда какъ, по завѣренію проф. Шаванна, давшаго переводъ отрывковъ изъ этого сборника, китайскій текстъ ихъ часто ошибоченъ (p. 199, note 1), какъ это, впрочемъ, будетъ отчасти видно и изъ нижеслѣдующаго. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ недосмотровъ и ошибокъ со стороны составителей Че-фу-юань-гуй могли быть вовлекавшія ихъ въ заблужденіе недоразумѣнія и промахи въ самыхъ архивныхъ документахъ, служившихъ источниками, между прочимъ, по причинѣ путаницъ, легко возможныхъ вслѣдствіе произвольныхъ переименованій иностранныхъ владѣній. Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», въ числѣ 16 губерній, учрежденіе въ которыхъ округовъ и уѣздовъ поручено было въ 661 г. кит. чиновнику Ванъ Минъ-юаню (Doc., p. 156, note 3), третьею значится Тяо-чжи, въ царствѣ Хоталочжи, съ помѣщеніемъ управленія въ городѣ Fou-pao-che-tien и съ раздѣленіемъ на девять округовъ (тамъ же, p. p. 69, 70, note). Именъ округовъ, все архаическихъ или вымышленныхъ, я не привожу, управленія же ихъ были помѣщены въ четырехъ городахъ, именно Hou-wen, Tsan-heou-che-tien, Ou-li-nan, Ho-sa-ta и на территоріяхъ пяти родовъ (tribu): Kiu-che, Ngo-hou, I-lan, Houo-hen и Folang (Chavannes, Documents sur les T. o., 70, note). Изъ именъ родовъ мнѣ кажутся тюркскими илянъ (змѣя) и буранъ (Folang) или бурханъ (одинъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ нынѣшняго племени гильджи, древнихъ каладжей). Д-ръ Марквартъ предполагаетъ, что городъ Hou-wen тождественъ съ Hou-pi-na Сюань Цзана и находился около нынѣшняго Ка-

була (S. 228), но эти предположенія сомнительны. Такимъ образомъ пріуроченія столицы и всѣхъ девяти округовъ пока не сдѣланы, можетъ-быть потому, что географія страны хезарейцевъ на западъ отъ Газны намъ немногимъ извѣстнѣе до сихъ поръ, чѣмъ китайцамъ. Выше было уже приведено, что императрица Ву-хэу (684—705 гг.) дала той же странѣ имя Сѣюй, которое и сохранилось до прекращенія сношенія династіи Танъ съ западомъ. Такъ какъ произвольныя китайскія официальныя имена для западныхъ владѣній могли въ послѣднихъ оставаться неизвѣстными или забываться, то при веденіи записей объ иностранныхъ посольствахъ въ завѣдующемъ пріемомъ ихъ учрежденіи (хунъ-лу-сы) случались, вѣроятно, нерѣдкія недоразумѣнія и путаницы, выяснить которыя впослѣдствіи, при обработкѣ архивныхъ свѣдѣній, было не всегда возможно.

По поводу титула владѣтеля Коталочжи-Сѣюя тегинъ необходимо имѣть въ виду, что хотя на самомъ дѣлѣ въ китайскихъ текстахъ вездѣ значится те-ле, а не те-гинь (Doc., p. 225, note 3: on sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois t'e-le au lieu de t'e-k'in), но тѣмъ не менѣе г. Шаваннъ вмѣсто теле употребляетъ вездѣ терминъ тегинъ, утверждая, что въ обѣихъ транскрипціяхъ находится титулъ тегинъ (p. 367: en réalité, sous les deux transcriptions, c'est toujours le titre tegin qu'on retrouve). Такъ какъ второй слогъ слова те-ле и те-гинь отличается не только произношеніемъ, но и изображеніемъ, ибо въ знакѣ гинь или к'инь имѣются двѣ добавочныя черточки, отсутствующія въ знакѣ ле; такъ какъ далѣе у всѣхъ китайскихъ историковъ стоитъ теле (Hirth's Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 47, Anmerk. I: in allen Historiken steht t'ö-lö = töre), и такъ же значилось во всѣхъ переводахъ европейскихъ синологовъ до недавняго времени, то для чтенія тегинъ вмѣсто теле необходимы достаточно солидныя основанія. Между тѣмъ, начали такое чтеніе единственно вслѣдствіе того, что въ найденныхъ въ 1889 г. на Орхонѣ Ядринцевымъ памятникахъ оказались и въ китайскихъ текстахъ именованія Кюе-тегиномъ лица, которое въ «Танъ-шу» названо Кюе-теле. Фактъ этотъ китайцамъ былъ очень давно извѣстенъ и нѣкоторые ученые еще во время династіи Юань, въ XIII — XIV стол., утверждали, что теле «Танъ-шу» ошибочно и что слѣдуетъ писать и читать тегинь (см. переведенный проф. Васильевымъ отрывокъ изъ Мэн-гу-ю-му-цзи въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» Г. Н. Потанина, вып. 4, Спб., 1883 г., стр. 840 и 841, а также La stèle funéraire de Kiueh.—Theghin, par Devéria, въ T'oung-Pao, 1891, p.p. 229 — 231), но мнѣніе это успѣха не имѣло [1]). Дѣйствительно, если, какъ значится въ «Танъ-шу», у тюрковъ «сыновья и младшіе братья хана именовались те-ле» (проф. Шаваннъ, въ Doc., p. 164,

[1]) См., между прочимъ, Д. Позднѣева „Историч. очеркъ уйгуровъ“, 1899, стр. 96, примѣч. 1.

note 3, пишетъ tegin, но приведенные имъ тутъ же знаки произносятся те-ле и въ переводѣ этого самаго мѣста у Стан. Жюльена, въ Journal asiatique, 1864, t. IV, p. 201, стоитъ Te-le), то китайцы имѣли основаніе именовать Кюль-тегина Кюе-теле, потому что онъ былъ младшимъ ханомъ братомъ хана, хотя бы онъ именовался у тюрковъ и Кюль-тегиномъ. Я думаю, что проф. Шлегель совершенно основательно выяснилъ, что терминъ тегинъ могъ быть присвоенъ каждому храброму воину (полководцу), титулъ же теле = töre носили лишь сыновья и братья хана (Tögin et Töre, въ T'oung-pao, 1896, t. VII, p.p. 158—160), почему и до настоящаго времени у киргизъ-казаковъ потомки хановъ именуются тöре. Отвергая такимъ образомъ общую замѣну термина теле китайскихъ текстовъ терминомъ тегинъ, я, однако же, въ виду возможности случайныхъ смѣшеній двухъ терминовъ этихъ вслѣдствіе нѣсколько сходнаго начертанія второго ихъ знака, допускаю возможность исправленія текстовъ, замѣны термина теле титуломъ тегинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость такой замѣны имѣетъ достаточныя основанія. Такъ, въ виду отсутствія какихъ-либо причинъ приписывать царямъ Каталочжи-Сѣюя тюркское происхожденіе и считать ихъ сыновьями или братьями хановъ, я полагаю, что цари эти не могли носить титулъ теле, присвоеніе же имъ титула тегина, вслѣдствіе нахожденія въ числѣ ихъ подданныхъ тюрковъ, которые должны были составлять и важную часть ихъ войска, весьма возможно, если этотъ титулъ давался храбрымъ воинамъ и полководцамъ. Выше уже приведено извѣстіе «Танъ-шу» о томъ, что во владѣніи Сѣи «вмѣстѣ живутъ и дулгасцы, и гибиньцы, и тухолосцы», и что «гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. съ арабами. Подъ гибиньцами разумѣлись, конечно, восточно-иранскія племена, обитавшія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, и остатки индо-арійцевъ, прошедшихъ долиною Кабулъ-дарьи въ Индію. Тухолосцами, т.-е. тохаристанцами, названы тутъ, вѣроятно, какъ ранцы бассейна Аму-дарьи, такъ и ѣда-иданьцы, ибо, послѣ покоренія тюрками Тухоло, въ немъ «жители» (т.-е. коренное иранское населеніе) были «перемѣшаны съ иданьцами» («Суй-шу» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 202). Что касается тюрковъ («дулгасцы» Іакинфа), то у китайцевъ, повидимому, не было свѣдѣній, когда и откуда появились эти тюрки на югѣ Хиндукуша; взамѣнъ есть свѣдѣнія персо-арабскихъ писателей о найденныхъ арабами во время завоеванія Сагистана и окрестныхъ странъ тюркскихъ племенахъ, которыя въ большинствѣ извѣстій называются каладжами, нѣкоторые же авторы упоминаютъ и гузовъ. Эти тюрки признавались поселившимися здѣсь въ глубокой древности, но сохраняли свой языкъ, обычаи и кочевой образъ жизни еще въ X в. (см. эти извѣстія у д ра Маркварта въ Eranšahr, S. S. 250—253). Впослѣдствіи каладжи объавганились и составляютъ нынѣ многолюднѣйшее изъ авганскихъ племя кильджіевъ или гильджіевъ, гильзаевъ (см. мой очеркъ «Англо-индійскій

Кавказъ», Спб., 1900 г., стр. 25 — 28), первоначальное же водвореніе ихъ въ бассейнѣ озера Заре слѣдуетъ, съ наибольшей вѣроятностью, относить ко II в. до Р. Х.: это тѣ саки, которые, какъ полагалъ Гутшмидъ, дали свое имя нынѣшнему Сеистану. Эти саки, какъ извѣстно изъ отрывочныхъ историческихъ извѣстій, которыя я не буду здѣсь приводить, то признавали надъ собою власть парфянъ, а потомъ сасанидовъ, то дѣлались независимыми; вмѣстѣ съ тѣмъ они временами играли значительную роль не только въ бассейнѣ Хильменда, но также въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и даже въ долинѣ Инда. Благодаря этимъ-то тюркамъ, нѣкоторые роды которыхъ находились въ числѣ подданныхъ царей Сѣюя и составляли часть его войска, придворныхъ и сановниковъ, и могло, вѣроятно, появиться и утвердиться именованіе царей Коталочжи тегинами, присвоенное, быть-можетъ, тюркскими воинами одному изъ царей за его храбрость и военные подвиги и обратившееся потомъ въ общій титулъ его преемниковъ. Этотъ титулъ тегина для царей Газны такъ прочно укрѣпился, что его стали носить въ X в. и отнявшіе у мѣстной династіи страну Газны Альпъ-тегинъ, Бильгя-тегинъ и Себукъ-тегинъ, основатель династіи газневидовъ: всѣ трое были изъ тюрковъ-рабовъ и возвысились, благодаря воинскимъ подвигамъ. Если такимъ образомъ мѣстнымъ титуломъ царей Сѣюя - Коталочжи (Арохаджа арабовъ, Арахозіи грековъ) былъ титулъ тегинъ, то сохранившееся въ «Танъ-шу» извѣстіе о пожалованіи вслѣдствіе посольства 719 года царю Гибини титула тегина Коталочжи не можетъ быть правильно объясняемо и понимаемо иначе, какъ послѣдствіе подчиненія Сѣюя Гибини, а потому долженъ быть почитаемъ правильнымъ и текстъ старой «Танъ-шу» или вообще тотъ китайскій историческій текстъ, которому слѣдовали Іакинфъ и Матуаньлинь въ статьѣ о Сѣюѣ, говоря, что послѣ 710 г. вл. Сѣюй подчинилось или присоединилось къ Гибини. Текстъ новой «Танъ-шу», говорящій о подчиненіи Гибини Сѣюю, есть, вѣроятно, ошибочное измѣненіе этого болѣе древняго и правильнаго текста, произведенное подъ вліяніемъ текстовъ энциклопедіи Че-фу-юань-гуй. Ясно это изъ того, что въ текстѣ Іакинфа о пожалованіи владѣтелю Сѣюя царскаго достоинства не было имени царя и титула хѣлифы Коталочжи. Такъ какъ имя Че-кію-ёль и титулъ хѣлифа Коталочжи оказываются въ энциклопедіи, изданной въ 1013 г., то составители новой «Танъ-шу», оконченной въ 1060 г., почерпнули это изъ нея, а именно изъ первой половины выше приведеннаго въ переводѣ Шаванна текста, гласящаго, что въ 720 г. былъ пожалованъ «титулъ царя владѣнія Сѣюй Чекіюёл'ю, хѣлифѣ Коталочжи». А такъ какъ въ продолженіи этого текста говорилось: «и титулъ царя владѣнія Гибини тегину Коталочжи», то, усмотрѣвъ изъ другого мѣста той же энциклопедіи, что царь Сѣюя именовалъ себя тегиномъ, и разсудивъ, что хѣлифа и тегинъ Коталочжи есть одно и то же лицо, составители «Танъ-шу», вѣроятно, рѣшили исправить прежній текстъ о подчиненіи Сѣюя Гибини въ обратномъ смыслѣ,

ибо пожалованіе хѣлифѣ и тегину Коталочжи титула царя Гибини возможно было лишь при подчиненіи Гибини Сѣюю, а не обратно. Между тѣмъ, въ виду сохраненнаго въ «Танъ-шу» извѣстія о пожалованіи владѣтелю Гибини послѣ посольства 719 г., можетъ-быть, не въ томъ же году, а въ слѣдующемъ 720 г., титула тегина Коталочжи, слѣдуетъ полагать, что во второй половинѣ вышеприведеннаго текста Че-фу-юань-гуй случилась описка или ошибка: слѣдовало сказать «и царю владѣнія Гибинь титулъ тегина Коталочжи», а не «и титулъ царя вл. Гибини тегину Коталочжи».

Перс0-арабскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ мусульманъ съ владѣльцами Кабула.

Приведя изъ новой «Танъ-шу» извѣстіе о подчиненіи, между 710 и 720 гг., Гибини Сѣюю, д-ръ Маркварть замѣтилъ (Erānšahr, 290), что извѣстіе это совпадаетъ съ арабскими свѣдѣніями о возвышеніи могущества замбиля. По назначеніи Котейбы бенъ Муслима,—продолжаетъ Маркварть,—намѣстникомъ Харасана и Сагистана, Котейба поручилъ управленіе Сагистаномъ своему брату Амрѣ. Послѣдній потребовалъ, чтобы замбиль вносилъ дань монетой; когда же тотъ объявилъ, что можетъ уплачивать дань лишь произведеніями страны, какъ опредѣлено было договоромъ съ Хаджаджемъ, то Котейба открылъ противъ него въ 92 г. Х. (710—711 г. по Р. Х.) военныя дѣйствія. Однако, при возобновленіи замбилемъ просьбы о принятіи дани натурою, Котейба на это согласился и возвратился въ Хорасанъ. При слѣдующихъ намѣстникахъ замбиль уплачивалъ до калифата Мансура дань большею частію исправно. Источниками этихъ свѣдѣній показаны Марквартомъ Беладори и Якуби.

Чтобы выяснить, дѣйствительно ли арабскіе историки даютъ свѣдѣнія, подтверждающія мнѣніе Маркварта о подчиненіи Гибини Сѣюю послѣ 710 г., необходимо ознакомиться съ мусульманскими извѣстіями о столкновеніяхъ арабовъ съ владѣльцами Кабула и Газны. Эти извѣстія давно уже собраны и переведены Рено и Элліотомъ (Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde etc., par M. Reinaud, въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettrs, t. 18, partie deuxième, Paris, 1849. The History of India, as told by its own historians. Edited from the posthumous papers of the late sir H. M. Elliot, by prof. John Dowson, London, 1867, vol. I, 1869, vol. II), а недавно пересмотрѣны и дополнены д-ромъ Марквартомъ (въ Erānšahr, 1901). Я приведу, возможно короче, самое необходимое.

По Беладори, который считается наиболѣе достовѣрнымъ изъ историковъ арабскихъ завоеваній, Седжестанъ (или Сакастанъ, Сагистанъ) покоренъ былъ при халифѣ Османѣ (644—656 гг. по Р. Х.) въ 30 г. Х.

(650—1 г. по Р. Х.) Рабіемъ б. Зіядъ; при Османѣ же намѣстникъ Седжеетана Абдэррахманъ б. Самра подчинилъ Даверъ, Бостъ и Забулъ (Rawlinson въ «Journal of the R. Geogr. S,. 1873, vol. 43, p. 292, Erānšahr, 37), но во время внутреннихъ у арабовъ смутъ при калифѣ Али (656—661 гг.) земли эти отложились; при халифѣ Моавіи (661—680 гг.) Седжестанъ былъ снова покоренъ и вторично назначенный намѣстникомъ Абдрахманъ бенъ Самра снова подчинилъ Даваръ-и-Заминъ, Бостъ и Забулъ, а затѣмъ осадилъ и взялъ Кабулъ (Reinaud, p. 172, Marquatr's Erānšahr, 37, 255, Elliot, II, 414—415); однако владѣлецъ кабульскій (названный у Беладори Ретбилемъ, см. В. В. Григорьева «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867, стр. 835) призвалъ войска изъ Индіи и вынудилъ мусульманъ удалиться изъ Кабула, проникъ въ Забулистанъ и Аль-Рохаджъ и овладѣлъ городомъ Бостомъ и страною Даваръ; несмотря на это, когда стали приходить вспомогательныя къ мусульманамъ войска, онъ просилъ мира и обязался платить ежегодную дань въ 1 м. дирхемовъ (Mémoire sur l'Inde, par Reinaud, p. 178). Послѣднія событія д-ръ Марквартъ, по Беладори же, излагаетъ такъ, что по смерти Абдрахмана б. Самура (670 г.) шахъ Кабула воспрянулъ духомъ и выгналъ мусульманъ изъ своей страны, а зунбиль овладѣлъ Забулистаномъ и Аль-Рохаджемъ до Боста; онъ былъ разбитъ и преслѣдуемъ до Аль-Рохаджа преемникомъ Абдрахмана Рабіемъ и заключилъ съ преемникомъ послѣдняго Обайдуллахомъ б. Абу-Бакра договоръ, по которому обязался платить дань 1 м. дирхемовъ въ дань какъ за занятыя имъ земли, такъ и за Кабулъ (Erānšahr, 37). Во время послѣдовавшихъ въ халифатѣ междоусобій царь Кабула пересталъ платить дань; тогда, въ 64 г. Х. (683 по Р. Х.), губернаторъ Седжестана Абдъ-аль-Азисъ пошелъ на него, побѣдилъ и убилъ; война продолжалась при преемникѣ убитаго, но и тотъ вынужденъ былъ возобновить платежъ дани (Mémoire sur l'Inde, pp. 178—179, Elliot, II, p. 416). По д-ру Маркварту, ссылающемуся на Беладори и Табари, по смерти халифа Язида б. Моавіи (64 г. Х., 683—4 по Р. Х.), жители Кабула возмутились и взяли въ плѣнъ Абу-Обаида б. Зіяда; тогда выступилъ противъ нихъ Язидъ б. Зіядъ и далъ имъ сраженіе при *Газна*, но погибъ съ большею частію войска. Замѣчая, что подъ Ганзою нечего разумѣть кромѣ Газны, Марквартъ приводитъ, по Беладори, что во время послѣдовавшихъ у арабовъ междоусобицъ (между оммейядами и поставленнымъ въ Меккѣ халифомъ Абдаллахомъ аз-Зубаиръ (64—73 гг. Х.) могущество зунбиля такъ возросло, что онъ угрожалъ арабамъ даже въ Зарангѣ, но во время вышеназваннаго халифа Абдаллаха онъ былъ убитъ однимъ арабомъ около Заранга (Erānšahr, 37). Въ 80 г. Х. (699 г. по Р. Х.) походъ правителя Седжестана Убейдъ-ул-Лаха кончился тѣмъ, что арабы были окружены войсками владѣльца Кабула (Ренбеля) и частію погибли въ бою, частію избавились отъ плѣна лишь цѣною выкупа въ 300 (или 700) т. дирхе-

мовъ; въ слѣдующемъ году преемникъ этого правителя Абдрахманъ б. Мохаммедъ б. Ашатъ дѣйствовалъ осторожно, но успѣшно, когда же Хаджаджъ остался его дѣйствіями недовольнымъ, то возмутился и нашелъ убѣжище у владѣльца Кабула, который, однако, согласился выдать его Хаджаджу (В. В. Григорьевъ, тамъ же, стр. 835 и 836, Elliot, vol. II, p. p. 416—417, и Reinaud, p. 179). По Вейлю, слѣдовавшему Табари, около 79 г. Х. (съ 20 марта 698 до 9 марта 699 г. по Р. Х.), führte Ubeid Allah Ibn Abu Bekrah (вновь назначенный Хаджаджемъ въ намѣстники Седжестана) ein Heer gegen Zenbil, ein allgemeiner Name für den König der Turkomanen, hier aber besonders der Fürst von Kabul und dem zwishen Herat und Kabul gelegenen Lande. Zenbil lockte ihn immer weiter in sein Land, bis er ihn von seinen Truppen umzingelt hatte, die ihm den Rückzug abschnitten. Ein kleiner Theil des Heeres unter Schareih Ibn Hani ward abgerieben und ein anderer capitulirte mit Aufopferung von 300,000 Dirham (Geschichte der Chalifen, etc., von D-r Gustav Weil, Erster Band, Mannheim, 1846, S.S. 448—449). Къ сожалѣнію, д-ръ Марквартъ не далъ перевода или полнаго изложенія извѣстій Беладори по этому предмету; повторивъ (S. 249) уже приведенное имъ (S. 37) извѣстіе о заключеніи замбилемъ договора съ Убандъ-аллахомъ б. Абу Бакра, какъ за свою страну, такъ и за Кабулъ, онъ высказалъ мнѣніе, что, обязуясь данью и за непринадлежащій ему Кабулъ, замбиль желалъ пріобрѣсти у арабовъ обладаніе Кабуломъ [1]), и затѣмъ говоритъ: Ob und auf welche Weise dem Zambil seine Absichten auf Kabul glückten, wird uns nicht ausdrücklich berichtet. Es ist zweifelhaft, ob er bei Beladori... wo Ubaid-allah b. Abu Bakra in einem Engpass in der Nähe von Kabul von den Feinden abgeschnitten wird und diese von Zambil Zuzug erhalten, als Herrscher oder bloss als Bundesgenosse derselben gedacht ist (S. 269). Выше мною уже приведены свѣдѣнія Маркварта о столкновеніяхъ замбиля съ Кутейбою въ 710—11 гг. и о томъ, что затѣмъ до халифа Мансура (754 г.) замбиль, по Беладори и Якуби, платилъ дань исправно. Въ 162 г. Х., когда, по исторіи Якуби, халифъ Аль-Махди (158—169 гг. Х., 775—785 по Р. Х.) отправлялъ посольства для привлеченія въ подданство иностранныхъ государей, на первыхъ мѣстахъ въ числѣ послѣднихъ стояли шахъ, царь Кабула, по имени Хингиль, ширъ, царь Баміана, замбиль, царь Сагистана, и пр.; по Беладори, замбиль Сагистана регулярно уплачивалъ дань намѣстникамъ халифовъ Аль-Магди и Рашида (786—809 гг.), но подчиненность Кабулъ-шаха, по словамъ Маркварта, была болѣе или менѣе сомнительна, какъ доказываетъ это предпринятый при Рашидѣ по распоряженію намѣстника его Фадля б. Яхъя въ 792 г. походъ на его

[1]) А развѣ не могъ замбиль дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго отъ Кабулъ-шаха въ относящейся до послѣдняго части договора?

владѣнія (Erānšaḥr, 291). По краткому изложенію В. В. Григорьева (стр. 836), въ этотъ походъ были завоеваны и присоединены къ владѣніямъ халифовъ города Пенджгиръ, Перванъ и Горбендъ. Д-ръ Марквартъ далъ переводъ всего относящагося сюда отрывка географическаго труда Якуби, оконченнаго въ 891 г. (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 8), съ своими комментаріями (Erānšaḥr, 277 и слѣд.) Къ сожалѣнію, по отсутствію въ именахъ городовъ и лицъ діакритическихъ точекъ и невозможности поэтому читать ихъ съ достовѣрностью, главное же по темнотѣ текста, происшедшей, вѣроятно, вслѣдствіе смутности свѣдѣній самого Якуби по этому предмету, переведенный отрывокъ не представляетъ никакихъ данныхъ для выясненія отношеній Кабулъ-шаха къ арабамъ и мѣстонахожденія его столицы, которой имя хотя и дано, но доселѣ не прочитано. По мнѣнію г. Маркварта, походъ при Фадлѣ не произвелъ никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ Кабулъ-шаха къ арабамъ (S. 291). По Беладори, Аль-Мансуръ, въ бытность намѣстникомъ Хорасана (809—813 гг.), потребовалъ, чтобы Кабулъ-шахъ впредь платилъ двойную дань; за отказъ онъ взялъ Кабулъ, и царь его обратился въ мусульманство (Mémoire sur l'Inde, p. 196). Но въ другомъ мѣстѣ Беладори говоритъ только о посылкѣ войска противъ Кабула, объ обращеніи же царя въ мусульманство умалчиваетъ (тамъ же, p. 197); по Табари, передъ началомъ войны съ халифомъ Аминомъ (811 г.) Мамунъ жаловался своему везиру, что ему приходится начать войну въ самый неблагопріятный моментъ, когда сосѣдніе владѣтели замышляютъ выйти изъ повиновенія, и, между прочимъ, царь Кабула готовится совершить набѣгъ на прилегающія къ его владѣніямъ мѣстности Хорасана; везиръ посовѣтовалъ ему послать подарки кабульскому царю и предложить ему заключеніе договора, на который онъ охотно согласится, относительно же другихъ сосѣдей употребить подобныя же мѣры (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 207): въ виду этихъ извѣстій, свѣдѣніе объ обращеніи Кабулъ-шаха въ исламъ можетъ быть и ошибочно. По росписанію податей, которыя собирались намѣстникомъ Абуль-Аббасомъ б. Тахиромъ въ 211 и 212 гг. Х. (826—827 гг. по Р. Х.), съ Кабула было назначено 2.000,500 дирхемовъ и 2 т. рабовъ изъ тюрковъ-гузовъ (Bibliotheca geograph. arabicorum, t. VI, 1889, p. 27). Въ 870—1 г. Якубъ б. Лейтъ, идя чрезъ Балхъ и Баміанъ, гдѣ разграбилъ буддійскій храмъ, овладѣлъ Кабуломъ и плѣнилъ замбиля (Erānšaḥr, 292, у Reinaud, p. 209, «самого царя», у В. В. Григорьева, стр. 837, «самого владѣльца кабульскаго»). Въ 896 г. войска Амра б. Лейта разрушили идоловъ въ индійскихъ храмахъ рустака (волости) Логаръ (рѣка и долина между Газной и Кабуломъ); противъ нихъ выступилъ Камалу, раджа Индустана, но мусульманскія войска получили сильныя подкрѣпленія изъ Хорасана (Erānšaḥr, 296). Послѣ пораженія и плѣненія Амра весною 900 г. Исмаиломъ саманидомъ владѣнія его перешли къ саманидамъ. Въ 962 г. возвысившійся изъ тюрковъ-рабовъ саманидскій военачальникъ Альпъ-тегинъ, вынужден-

ный оставить постъ намѣстника Хорасана, удалился въ Газну, низложилъ мѣстнаго владѣльца (котораго д-ръ Марквартъ находитъ возможнымъ считать потомкомъ плѣненнаго Якубомъ б. Лейтомъ замбиля, S. 298) и положилъ начало самостоятельному государству, въ которомъ Себукъ-тегинъ, сдѣлавшійся эмиромъ Газны въ 977 г., основалъ династію газневидовъ, началъ отнимать у индійскихъ государей Кабулистана земли ихъ на правой сторонѣ Инда, сынъ же его Махмудъ (998 — 1030 гг.) совершилъ обширныя завоеванія въ Индіи.

По отзыву Маркварта, арабскія свѣдѣнія о Кабулѣ во всѣхъ отношеніяхъ поверхностны, темны и неопредѣленны, такъ что изъ нихъ нельзя извлечь ничего точнаго о границахъ этого царства, а также и о политическихъ его отношеніяхъ къ царству халифовъ (S. 248). Замѣчая, что у Беладори зунбиль появляется какъ deus ex machina, тогда какъ въ предыдущей строчкѣ шла рѣчь о Кабулъ-шахѣ (S.S. 248—249), д-ръ Марквартъ привелъ изъ Табари сказаніе Саифа, по которому, во время халифа Моавіи, шахъ (Кабула?) бѣжалъ отъ своего брата, по имени Зунбиля, въ сагистанскій городъ, именуемый Амулемъ (Забуломъ—полагаетъ Марквартъ), подъ защиту Сальма б. Зіяда, который въ то время былъ намѣстникомъ Сагистана; но по смерти Моавіи, во время внутреннихъ смутъ у арабовъ, шахъ возмутился и завладѣлъ Амулемъ; зунбиль же, страшась его, укрѣпился въ томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится, но, не довольствуясь этимъ, сталъ тѣснить нашихъ (арабовъ), покушался на Зарангъ и осаждалъ его, пока не пришли подкрѣпленія изъ Басры (Ērānšahr, 38). Признавая, что въ сказаніи этомъ невѣрно утверждается, что Сальмъ былъ намѣстникомъ во время Моавіи, ибо на самомъ дѣлѣ Сальмъ былъ намѣстникомъ при халифѣ Язидѣ (680—681 гг.) и внутреннія смуты начались у арабовъ по смерти Язида, а не Моавіи, Марквартъ усматривалъ также въ сказаніи Саифа путаницу: не шахъ, а зунбиль бѣжалъ отъ своего брата шаха (S. 38), но тѣмъ не менѣе находилъ это сказаніе удостовѣряющимъ, что царство замбиля, по крайней мѣрѣ сначала, было особое отъ царства Кабулъ-шаха, какъ это подкрѣпляется и означеніемъ (Якуби) въ исчисленіи царей, подчинявшихся въ 778 г. калифу Аль-Махди, на-ряду съ царемъ Кабула шахомъ Хингилемъ царя Сагистана замбиля (S. 248). Вмѣстѣ съ тѣмъ это послѣднее обстоятельство, а также наслѣдованіе первому зунбилю второго князя того же имени, и плѣненіе въ Кабулѣ Якубомъ б. Лейтомъ замбиля приводятъ Маркварта къ заключенію, что замбиль не имя, а титулъ, какъ ябгу у тюрковъ, или родовое, а не личное именованіе, что подтверждается извѣстіемъ Масуди о томъ, что каждый царь, который въ этой части индійской земли (именно въ Бостѣ, Газнинѣ, Багнинѣ и Заминъ-и-Даварѣ) властвовалъ, назывался замбилемъ (249); по Ибнъ-Хордадбеху, царь Сагистана, ар-Рухаджа и Заминъ-и-Давара имѣлъ титулъ замбиль; по приведенному Ибнъ-Халликаномъ свидѣтельству, царь тюрковъ въ пограничной

области Сагистана и три другихъ мѣстныхъ князя, которые были убиты Якубомъ бинъ Лейтомъ, всѣ носили титулъ замбиля; по одному извѣстію Табари, относящемуся къ событіямъ 79 г. Х., воины замбиля были изъ тюрковъ и самъ замбиль, сообразно этому, часто титуловался царемъ тюрковъ (S. 250).

Вслѣдствіе разнообразія или отсутствія діакритическихъ точекъ титулъ, который Маркварть читаетъ зунбиль или замбиль, другими учеными читался Zentil, Zenbil, Ratbyl, Zenbyl, Rateil, Ratpeil, Ratbal, Rantal, Ratpil, Zantil, Reteil, Ratteil, Retpeil, Vittel, Ratna-pala, Rutun-pal и т. д. (Elliot, vol. II, p. 417). По мнѣнію проф. Нёльдеке, произношеніе (Aussprache) зунбиль или замбиль для имени князей Забула невѣроятно (Zeitschrift der D. M. G., 1902, Bd. 56, S. 434). [1]) При неизвѣстности, такимъ образомъ, правильнаго чтенія и языка, которому данный титулъ принадлежитъ, приходится оставить его въ числѣ неразрѣшенныхъ еще загадокъ. Мнѣ кажется, однако,—въ виду нѣсколькихъ арабскихъ свидѣтельствъ о томъ, что титулъ этотъ носили цари Сагистана и нѣсколькихъ сосѣднихъ областей,—достаточно яснымъ, что онъ присваивался лишь владѣльцамъ земель бассейновъ озеръ Заре и Абъ-Истаде, но не распространялся на бассейнъ Кабулъ-дарьи. По этой, быть-можетъ, причинѣ титулъ этотъ не дошелъ до китайскихъ историковъ, ибо прямыя упоминанія о сношеніяхъ съ Сѣюемъ имѣются лишь за время съ 710 по 742—755 гг., тогда какъ съ Гибинью сношенія велись съ начала дин. Танъ, съ 619 г. до 759 г.; свѣдѣнія о Сѣюѣ, между прочимъ, и о титулѣ царя его, естественно, должны были оказываться менѣе полными и подробными, чѣмъ о Гибини. Я думаю, что цари Гибини, Кабулъ-шахи, не носили титула замбиля или подобнаго, упоминаніе же у арабскихъ историковъ ретбиля или зунбиля и т. п. въ Кабулѣ объясняется тѣмъ, что источниками этихъ упоминаній служили сагистанскіе или сосѣдніе арабы или мусульмане, привыкшіе именовать мѣстныхъ царей ретбилями или зунбилями и распространявшіе тотъ же титулъ на языческаго же государя Кабула или Гибини: въ самомъ дѣлѣ, именованіе владѣльца кабульскаго ретбилемъ встрѣчается у Беладори въ разсказѣ о войнѣ, которую арабы вели со стороны Сагистана, стало-быть, источниками свѣдѣній служили сеистанцы; равнымъ образомъ главная часть войска и самъ Якубъ б. Лейтъ, плѣнившій въ Калулѣ «замбиля», были сеистанцами; напротивъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ у арабскихъ историковъ владѣлецъ Кабула названъ шахомъ, источники были хорасанскіе или балхскіе, изъ тѣхъ странъ, гдѣ царь кабула именовался шахомъ, какъ у подвластнаго ему населенія долины Кабулъ-дарьи и въ Индіи.

---

[1]) По Раверти, не дающему основаній этого мнѣнія, титулъ правителя Кабула былъ шахъ, Ренбель же, Зентиль, Зенбиль и пр. были именемъ династіи; правильнымъ произношеніемъ считаетъ онъ Ретенъ-палъ или Ринъ-палъ (Notes on Afghanistan etc., by Major Rowerty, London, 1880, p. 62).

Здѣсь, и вообще для уясненія отношеній арабовъ къ Кабулу, слѣдуетъ имѣть въ виду, что силъ арабскаго племени, затратившаго часть этихъ силъ на завоеванія въ сѣверной Африкѣ, хватило въ Азіи только на покореніе и омусульманеніе земель, занятыхъ семитами (Сирія, Месопотамія) и иранцами. Какъ въ Индіи арабы не могли распространиться за предѣлы Синда, такъ и въ бассейнѣ озера Заре они прочно утвердились лишь въ персидской части Сагистана и должны были довольствоваться взиманіемъ дани съ владѣльцевъ сосѣднихъ земель, занятыхъ тюрками (халаджи) и иранскими племенами, смѣшанными съ индійцами или находившимися подъ индійскимъ вліяніемъ. Горныя страны между Хератомъ на западѣ и Кабуломъ на востокѣ, и Таликаномъ съ Баміаномъ на сѣверѣ и, наконецъ, Сагистаномъ и Газною на югѣ, занятыя воинственными горными племенами, происходившими, вѣроятно, отъ объираненныхъ аборигеновъ, не были покорены ни арабами, ни саманидами и оставались частію языческими до временъ газневидовъ, конечно, потому, что подчиненіе ихъ потребовало бы значительнаго количества войскъ, огромныхъ расходовъ и долгаго времени безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Вѣроятно, по такой же трудности и невыгодности, халифы и ихъ намѣстники, а потомъ и саманиды довольствовались полученіемъ отъ владѣльцевъ Кабула дани. Отказываясь отъ принужденія замбиля къ платежу дани монетою вмѣсто продуктовъ, Кутейба въ 710—711 г. мотивировалъ этотъ отказъ тѣмъ, что «страна эта для арабовъ несчастлива, Абдаллахъ б. Умайя и Ибнъ Абу Бакра, и не одни, погибли уже здѣсь прежде, и мы не обезпечены отъ сожженія хлѣба и фуража въ видѣ военной хитрости, къ какимъ замбиль имѣетъ обыкновеніе прибѣгать» (Ērānšahr, 290: Da riet Qotaiba seinem Heere die Naturallieferungen anzunehmen, «denn es ist eine unselige Gegend, und Abdallah b. Umaiya und Ibn Abu Bakra und mehr als einer sonst sind da zu Grunde gegangen, und wir sind nicht vor der Kriegslist sicher, die Zambil anzuwenden pflegt, das Getreide und Futter zu verbrennen». So liess man es dabei bewenden und Qotaiba kehrte nach Chorasan zurück). Очевидно, Котайба имѣлъ тутъ въ виду несчастливый походъ Убеидъ-ул-Лаха б. Абу Бакра (см. выше), который окруженъ былъ войсками Зентбиля, владѣльца Кабула, завлекшими арабовъ въ ущелье между Кабуломъ и Джигдаликомъ (Раверти Notes on Afghanistan, p. 62); тутъ, слѣдовательно, ренбелемъ или замбилемъ названъ не владѣлецъ Забулистана, а владѣлецъ Кабула, Кабулъ-шахъ. Трудно думать, чтобы Кутейбу могла устрашать война съ однимъ замбилемъ Забулистана (о Кабулъ-шахѣ въ приводимыхъ Марквартомъ свѣдѣніяхъ, S. 290, совсѣмъ не упоминается), потому что Кутейба, какъ намѣстникъ Хорасана и Сагистана, располагалъ большими силами, и владѣнія замбиля Забулистана не были ограждены никакими серьезными естественными препятствіями, ибо путь къ Газнѣ лежалъ изъ Сагистана по долинамъ Хельменда, Аргандъ-аба, Тарнака и рѣки

Газны, какъ видно изъ приводимыхъ Марквартомъ извѣстій Беладори о походѣ Абдрахмана б. Самура при Моавіи (въ 43 г. Х., т.-е. 663—4 г. по Р. Х., какъ утверждаетъ Раверти, Notes on Afghanistan, p. 62): Взявъ приступомъ Бостъ (нынѣ, по Роулинсону, l. c, p. 293, Kileh-Bist, т.-е. Кала-Бистъ, при впаденіи Аргандъ-аба въ Хельмендъ), Абдрахманъ «пошелъ на Разанъ, жители котораго бѣжали, почему онъ занялъ его; отсюда онъ двинулся на Хушшакъ, населеніе котораго сдалось на капитуляцію; потомъ прибылъ онъ въ ар-Рухаджъ, гдѣ нашелъ отпоръ, но одержалъ верхъ и завоевалъ (эту страну); затѣмъ двинулся онъ въ Забулистанъ, гдѣ встрѣтилъ сопротивленіе, такъ какъ страна эта (ранѣе покоренная, потомъ) отложилась, но онъ завоевалъ (ее), набралъ (много) плѣнныхъ и пошелъ на Кабулъ, населеніе котораго отложилось, и завоевалъ его» (Ērānšahr, 255). Хотя, такимъ образомъ, Абдрахману б. Самура удалось взять Кабулъ и вынудить Кабулъ-шаха платить дань и хотя и впослѣдствіи отъ платежа дани этой владѣтели Кабула освободиться не могли, тѣмъ не менѣе дальнихъ походовъ во владѣнія Кабулъ-шаха арабы не предпринимали послѣ пораженія, нанесеннаго Обейдъ-ул-Лаху въ горной мѣстности между Кабуломъ и Джигдаликомъ, гдѣ впослѣдствіи, въ 1842 г., истреблена была авганами англійская армія, отступавшая изъ Кабула въ Джелальабадъ. Если бы арабы успѣшно одолѣли сопротивленіе въ ущельяхъ и на перевалахъ между Кабуломъ и Джелальабадомъ, имъ предстояло, чтобы проникнуть въ долину Пишавера, пройти Хайберское ущелье. Между тѣмъ, если для арабовъ «почти не существовали трудности степныхъ походовъ, то къ горной войнѣ они привыкли только съ большимъ трудомъ и очень неудачно дѣйствовали даже на такихъ перевалахъ, которые для современныхъ войскъ не представляютъ никакихъ затрудненій» (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», Спб., 1900, стр. 185). Положеніе же Кутейбы осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что при такомъ начальникѣ, какъ Хаджаджъ, ему даже въ случаѣ лишь замедленія въ войнѣ могла угрожать участь Абдрахмана б. Ашата, особенно если онъ не испросилъ разрѣшенія на требованіе дани монетою вмѣсто платежа натурою, какъ согласился Хаджаджъ, можетъ-быть, въ вознагражденіе Кабулъ-шаха за выдачу Абдрахмана [1]).

Во всякомъ случаѣ, если бы походъ Кутейбы 710 — 711 г. и предпринятъ былъ противъ замбиля Забулистана, какъ думаетъ Маркварть, а

---

[1]) По Табари, разсказы объ участи Абдэррахмана разнорѣчивы. По нѣкоторымъ, вслѣдствіе обѣщанія Хаджаджа простить дань на семь лѣтъ и угрозы въ случаѣ неисполненія требованія отправить противъ него войско, зенбиль послалъ Хаджаджу голову Абдэррахмана; по другимъ, онъ умеръ отъ болѣзни; по-третьимъ, будучи отправленъ въ Седжестанъ, Абдэррахманъ во время пути бросился въ пропасть (Weil, Geschichte der Chalifen etc., I, 464—465).

не противъ Кабулъ-шаха, какъ полагаю я [1]), отказъ Кутейбы отъ своего требованія и отъ непріязненныхъ дѣйствій ни мало не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо усиленіи могущества замбиля Забулистана, а истекалъ изъ другихъ мотивовъ, а потому не можетъ служить подтвержденіемъ утвержденія новой «Танъ-шу» о подчиненіи послѣ 710 г. Гибини Сѣюю. Напротивъ, легкодоступность Забулистана движеніямъ въ предѣлы его мусульманскихъ войскъ изъ Сагистана, съ одной стороны, и большая отдаленность Гибини въ соединеніи съ возможностью успѣшной обороны вслѣдствіе горной природы страны и полученія вспомогательныхъ войскъ изъ Индіи и отъ сосѣднихъ горныхъ народовъ, съ другой стороны, дѣлаютъ невѣроятнымъ, при существованіи столь сильнаго врага, какъ арабы, подчиненіе слабому Сѣюю гораздо болѣе способной противодѣйствовать общему врагу Гибини. Что касается сказанія Саифа, которое, какъ полагаетъ Марквартъ, объясняетъ образованіе особаго отъ царства Кабулъ-шаха, Гибини, владѣнія замбиля Забулистана, Сѣюя, то это нескладное соединеніе смутныхъ и извращенныхъ слуховъ о бѣгствѣ какого-то шаха предъ какимъ-то зунбилемъ, въ какой-то городъ Амуль, во время Моавіи, но при намѣстникѣ Сальмѣ, который въ дѣйствительности назначенъ былъ на эту должность по смерти Моавіи, не заслуживаетъ ни довѣрія, ни серьезнаго вниманія, тѣмъ, болѣе, что существованіе Цаогюйчжи или Цао-ли (Заула, Завула) удостовѣрено еще въ 643 — 644 г. Сюань Цзаномъ, возвращавшимся изъ Индіи чрезъ это владѣніе до завоеванія арабами Сагистана и говорящимъ, что тогдашній царь наслѣдовалъ длинному ряду предковъ, изъ чего ясно, что Забулъ, какъ особое владѣніе, имѣлъ особый царскій домъ, свою династію уже многіе десятки, а, можетъ-быть, и сотни лѣтъ.

Извѣстія Аль-Бируни о тибетской династіи царей Кабула. Заключительные выводы и соображенія о кидаритахъ и отношеніяхъ ихъ къ ефталитамъ и хуна.

По словамъ Аль-Бируни [2]), «индійцы имѣли царей, пребывавшихъ въ Кабулѣ, тюрковъ, которые, говорятъ, были тибетскаго происхожденія» (of Tibetan origin). О первомъ изъ нихъ, Бархатекинѣ, Аль-Бируни сообщаетъ смутное и неинтересное преданіе, которое приводитъ безполезно.

---

[1]) Именованіе Кабулъ-шаха въ извѣстіяхъ о походѣ Кутейбы зенбилемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что снаряженіе для этого похода производилось, по Табари, въ Седжестанѣ: въ 92 г. X. ging Kuteiba nach Sedjestan und rüstete sich zu einem Feldzüge gegen Zenbil, der es aber zu keinem Kriege kommen liess (ibid., 510).

[2]) Alberuni's India, an English Edition, by dr. Edw. Sachau, London, 1888, vol. II, p.p. 10—13. Прежніе переводы: Reinaud въ Journal asiatique, 1844, Septembre-Octobre, p.p. 289 — 291, и въ Mémoire sur l'Inde (Mémoires de l' Académie des Inscriptions etc., t. XVIII, partie II, 1849), p. p. 73 et suiv. Sir H. M. Elliot, History of India, as told by its own historians, London, 1869, vol. II, p. p. 9—13.

Бархатекинъ носилъ тюркскую одежду и оружіе, и управлялъ Кабуломъ «съ титуломъ шахія Кабула (shâhiya of Kâbul). Царство оставалось въ управленіи его потомковъ поколѣній, сказываютъ, около шестидесяти (The rule remained among his descendants for generations, the number of which is said to be about sixty). Къ несчастію, индійцы не обращаютъ большого вниманія на историческій ходъ вещей; они не озаботились о сохраненіи свѣдѣній о хронологической послѣдовательности ихъ царей, когда же отъ нихъ настоятельно требуютъ свѣдѣній (по этому предмету), то, не зная что говорить, они всегда принимаются передавать ходячіе разсказы. Поэтому и мы должны сообщить читателямъ преданія, которыя получили отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я слышалъ, что родословіе (the pedigree) этого царскаго рода, написанное на шелку, существуетъ въ крѣпости Нагаркотъ, и очень желалъ ознакомиться съ нимъ, но по разнымъ причинамъ сдѣлать этого мнѣ не привелось. Въ рядѣ этихъ царей былъ Каникъ, тотъ самый, который, говорятъ, построилъ пишаверскую вихару» (буддійскій монастырь). О немъ, затѣмъ, Аль-Бируни и приводитъ легендарный разсказъ, не представляющій здѣсь для насъ никакого интереса. Послѣдній царь этой тибетской династіи (of this Tibetan house) Лага-турманъ дурнымъ своимъ нравомъ и поведеніемъ возбудилъ жалобы народа, почему везиръ его брахманъ Калларъ заключилъ его въ цѣпи и посадилъ въ тюрьму, а управлять сталъ самъ. Этотъ Калларъ и сдѣлался основателемъ брахманской династіи, существовавшей до временъ Аль-Бируни и лишенной своихъ владѣній Себукъ-тегиномъ и сыномъ его Махмудомъ. По Аль-Бируни, послѣ Каллара царствовали Самандъ, Камалу, Бхимъ, Джайпалъ, Анандапалъ, Тароджанапалъ; послѣдній былъ убитъ въ 412 г. Х. (1021 г. по Р. Х.), а его сынъ Бхимпалъ пять лѣтъ позже.

Сочиненіе Аль Бируни объ Индіи составлено или точнѣе редактировано въ маѣ—августѣ 1030 г., въ Газнѣ, во время смутъ, послѣдовавшихъ за смертію султана Махмуда. По нахожденію своему при дворѣ газневидовъ, Аль-Бируни имѣлъ возможность собрать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ газневидамъ владѣтеляхъ Кабула при помощи и на основаніи сообщеній пребывавшихъ въ Газнѣ и являвшихся въ столицу газневидовъ по дѣламъ индусовъ и лицъ другихъ народностей бассейна Кабулъ-дарьи. Разумѣется, при отсутствіи иныхъ источниковъ, кромѣ устныхъ разсказовъ и преданій, свѣдѣнія Аль-Бируни могли быть наиболѣе вѣрны лишь относительно брахманской династіи, послѣдніе цари которой были современниками Себукъ-тегина и Махмуда, завоевавшихъ ихъ владѣнія, именно Джайпалъ и его преемники. Изъ предмѣстниковъ Джайпала существованіе Бхима и Саманда подтверждается монетами съ ихъ именами и притомъ того же типа, какъ монеты Анандапала (В. В. Григорьева «Кабулистанъ» и пр., стр. 842, 843 и 848); сверхъ того, по Раджатарангини, жена кашмирскаго царя Ксемагупты (950—956 гг.) была внучкою

Бхимы, сахія Удабхандхапуры (Stein, Zur Geschichte etc., 200). Выше былъ, по мусульманскимъ извѣстіямъ, упомянутъ раджа Индустана, Камалу, выступавшій въ 896 – 897 гг. противъ войскъ Амра б. Лайта за разрушеніе индійскихъ храмовъ въ долинѣ Логара; отождествляя этого Камалу съ третьимъ царемъ брахманской династіи у Аль-Бируни того же имени, д-ръ Штейнъ указалъ, что въ Раджатарангини же разсказывается, что предпринимавшій при кашмирскомъ царѣ Гопалаварманѣ (901 — 903 гг.) походъ противъ сахи Удабхандхапуры министръ Прабхакарадева отнялъ у этого мятежнаго сахи его царство и отдалъ его Тораманѣ, сыну Лалліи, давъ ему имя Камалука, а объ упомянутомъ Лалліи, при сказаніи о царствованіи кашмирскаго царя «Самкаравармана (883 — 901 гг.), говорится, что въ столицѣ его Удабхндахапурѣ находили вѣрное убѣжище цари, лишившіеся своихъ владѣній; при этомъ положеніе царства Лалліи между владѣніями дарада (можетъ-быть, нынѣшніе дарды на верхнемъ Индѣ) на сѣверѣ и турушка (тюрковъ) на югѣ сравнивалось съ положеніемъ Аріаварты между горами Хималайскими на сѣверѣ и горами Вхиндійскими на югѣ. Д-ръ Штейнъ находилъ возможнымъ принимать Лаллію за Каллара Аль-Бируни, безыменнаго же сахи, царство котораго было отдано Тораманѣ, за Саманда Аль-Бируни (S.S. 198—200). Признавая вѣроятнымъ, что низверженіе послѣдняго царя древней династіи Лагатурмана его министромъ брахманомъ Калларомъ или Лалліей было результатомъ нашествія Якуба б. Лайта на Кабулъ и недостаточности, повидимому, выказанной Лагатурманомъ при оборонѣ энергіи, д-ръ Марквартъ нашелъ, что Камалука Раджатарангини, получившій это имя въ 901—903 гг., не могъ быть Камалу 896 — 897 гг. мусульманскихъ историковъ, если держаться редакціи и перевода этого мѣста у Штейна; съ своей стороны онъ принялъ предложеніе проф. Керна читать данное мѣсто Раджатарангини съ замѣною двухъ буквъ другими и переводить: «послѣ того онъ (министръ Прабхакарадева)отнялъ царство у мятежнаго сахи по имени Камалука и отдалъ это царство Тораманѣ, сыну Лалліи»; Камалу или Камалука могъ въ 896—897 г. выступать противъ войскъ Амра, а въ 901 г. подвергнуться лишенію царства, отданнаго кашмирскимъ министромъ Тораманѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ можно, по мнѣнію Маркварта, допустить, что Камалу, отнявшій престолъ у состоявшаго вассаломъ Кашмира Саманда, старшаго сына Лалліи, принадлежалъ къ лишенной Лалліею трона тибетской династіи, Торамана, же возстановленный кашмирскимъ министромъ, былъ членомъ династіи Лалліи, и хотя онъ упущенъ у Аль-Бируни, но у послѣдняго между Самандомъ и Бхимомъ могъ быть пропускъ (Ērānšahr etc., 1901, S. 297). Если принять въ соображеніе, что Лаллія могъ обратиться въ Каллара у переписчиковъ, то окажется, что имена царей брахманской династіи Аль-Бируни подтверждаются монетами или извѣстіями Раджатарангини и мусульманскихъ писателей, притомъ въ той же послѣдовательности. Такъ какъ Камалу дѣйствовалъ

противъ войскъ Амра въ 896 г., а нашествіе Якуба б. Лайта, взятіе имъ Кабула и плѣненіе его царя совершились около 871 г., то для сверженія плѣненнаго царя или его преемника, можетъ-быть, около 880 г., т.-е. послѣ смерти Якуба, совершившейся въ 879 г., и на царствованія Лалліи и Саманда имѣлся достаточный періодъ времени съ 880, положимъ, года до 895 или 896 г. Лаллія, упоминаемый въ царствованіе кашмирскаго Самкаравармана (883—891 гг.), во всякомъ случаѣ занималъ престолъ Кабула въ началѣ царствованія Самкаравармана, т.-е. нѣсколько лѣтъ послѣ 883 г., такъ что правленіе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, т.-е. достаточное для утвержденія его династіи время.

Давъ оказывающійся такимъ образомъ вѣрнымъ списокъ царей брахманской династіи, Аль-Бируни, естественно, не могъ составить подобнаго списка царей тибетской династіи, замѣненной брахманскою за полтора столѣтія до 1030 г., такъ какъ ему не удалось воспользоваться сохранявшейся еще въ Нагаркотѣ родословной, распросныя же сказанія и преданія, конечно, были для этого совершенно недостаточны. Было бы неосновательно, однако, отвергать собранныя Аль-Бируни свѣдѣнія о предшествовавшей брахманской тибетской династіи, о ея племенномъ происхожденіи [1]), продолжительности существованія и принадлежности къ этой династіи строителя знаменитой вихары пишаверской Каника, т.-е. Канишки, столь извѣстнаго по монетамъ надписямъ, литературѣ буддизма и сказаніямъ китайскихъ паломниковъ. Кажущееся у Аль-Бируни на первый взглядъ страннымъ именованіе древней кабульской династіи тюркскою, при тибетскомъ ея происхожденіи, можетъ быть объяснено съ достаточной удовлетворительностью. Во-первыхъ, персо-арабскіе писатели, предшествовавшіе Аль-Бируни, а подъ ихъ вліяніемъ и самъ онъ, по скудости и смутности свѣдѣній о странахъ Средней Азіи на сѣверъ и востокъ отъ мусульманскихъ владѣній, представля-

[1]) По мнѣнію Паркера, приписывающаго, какъ мы видѣли уже, юечжамъ и ефталитамъ тюркское происхожденіе, Albiruni's „report" that they were of Tibetan origin is probably founded on the Chinese statement that some of their ways were like Tibetan ways, and that polyandry existed amongst them; also that they fled from Hiung-nu westwards along the nord edge of the Tibetan territory, and some of them took service as Tibetans officials (J. and Asiatic Quarterly Review, 1904, January, p. 143). Китайскія династійныя исторіи, сколько извѣстно, ничего не говорятъ о сходствѣ обычаевъ юечжей-ѣда съ тибетскими; единственное упоминаніе о подобномъ сходствѣ относится къ нѣкоторому подобію одѣянія, пищи и языка оставшихся на китайскихъ земляхъ юечжей (такъ называемыхъ малыхъ юечжей) съ таковыми же цяновъ, какъ мною уже было приводимо (см. выше стр. 145). О поліандріи у тибетцевъ прямыхъ упоминаній также нѣтъ (см. выше тамъ же). О бѣгствѣ юечжей отъ хунновъ на западъ по сѣверной окраинѣ тибетскихъ земель у кит. историковъ также нѣтъ ничего, какъ и о состояніи юечжей на службѣ у тибетцевъ въ качествѣ должностныхъ лицъ. Все это, повидимому, лишь предположенія самого Паркера, основаній которыхъ онъ не указалъ. Но если бы у кит. историковъ и было что-нибудь подобное, это не давало бы права утверждать, что свѣдѣнія эти были доступны Аль-Бируни. Изъ сохранившихся до насъ двухъ сочиненій его (Alberuni's India, 1888, и The Chronologie of Ancient Nations, 1879, въ переводахъ Edw. Sachau), напротивъ, вполнѣ ясно, что никакого знакомства съ китайскою исторіею, литературою и языкомъ Аль-Бируни не имѣлъ.

ли себѣ эти страны занятыми тюрками и считали и тибетцевъ племенемъ тюркскимъ (см. В. В. Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», вып. 2,1873, стр. 200 и слѣд.); повидимому, именно вслѣдствіе этого Аль-Бируни зачислялъ народъ, властвовавшій въ Гилгитѣ и сосѣднихъ странахъ верхняго Инда, съ царемъ, носившимъ титулъ Бхать-шаха, въ число народовъ тюркскихъ, тогда какъ властителями этихъ странъ въ то время были, по всей вѣроятности, тибетцы (см. «Р. А. Ж.», 1901, №№ 3 и 4, стр. 157 [1]); во-вторыхъ, несмотря на тибетское происхожденіе, древняя династія кабульскихъ царей могла быть названа тюркскою потому, что позднѣйшіе государи ея носили тюркскіе титулы и имѣли часть войскъ, а вслѣдствіе этого и часть сановниковъ, придворныхъ и должностныхъ лицъ изъ тюрковъ. По «Танъ-шу», западно-тюркскій Тунъ-шехуханъ (618 — 628 или 630) покорилъ въ числѣ другихъ царствъ запада Персію и Гибинь, далъ царямъ покоренныхъ владѣній титулъ сылифа (hie-lifa) и отправилъ тутуней (t'ou-t'oen) имѣть надзоръ за ними и собирать подати («Собраніе свѣдѣній», ч. 1, стр. 346, и Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occ., p. 52). Вѣроятно, фактическая зависимость Гибини отъ западныхъ тюрковъ прекратилась по смерти Тунъ-шехухана, вслѣдствіе почти непрерывныхъ у нихъ смутъ и паденія ихъ могущества, но номинально Гибинь еще долго считалась тюркскимъ правителемъ (джабгу) Тохаристана въ нѣкоторой подчиненности. Такъ въ 718 г., когда Тохаристанъ находился уже во власти арабовъ, братъ джабгу Шуло-тегинъ, четырнадцать лѣтъ уже состоявшій на службѣ при китайскомъ дворѣ, добиваясь повышенія въ чинахъ соотвѣтственно значенію брата, увѣрялъ, что джабгу подчинены 212 царей и правителей разныхъ странъ, въ томъ числѣ царь Сѣюя и царь Гибини, имѣющіе по 200 т. ч. войска, царь Хоттала и т. д. (Documents sur les T. o., pp. 200 — 203). Но десятокъ лѣтъ фактической зависимости Гибини отъ западныхъ тюрковъ не могъ повести къ прочному отуреченію гибиньской династіи, двора и войска. Это отуреченіе должно было находится въ связи съ приведенными уже выше свѣдѣніями «Танъ-шу» о томъ, что гибиньцы набирали для войны съ арабами ратниковъ въ Сѣюѣ и что населеніе послѣдней страны состояло изъ тюрковъ, гибиньцевъ и тохаристанцевъ. Тюрками этими могли быть, какъ я уже выяснялъ, лишь каладжи Истахри и др. мусульм. писателей X вѣка, потомки водворившихся во II в. до Р. Х. саковъ. Какъ впослѣдствіи каладжи составляли значительную часть войскъ газневидовъ, такъ и ранѣе они, оказывается, служили въ войскахъ тибетской династіи,

[1]) Въ переводѣ Захау (vol. I, p. 207) важнѣйшее изъ цитированныхъ мною по Рено мѣстъ таково: Leaving the ravine by which you enter Kashmir and entering the plateau, then you have for a march of two more days on your left the mountains of Bolor and Shamilan. Turkish tribes who are called Bhattavaryân. Their king has the title Bhatta-Shâh. Their towns are Gilgit, Aswira, and Shiltâs, and their language is the Turkish.

достигали, разумѣется, высшихъ военныхъ и придворныхъ должностей и могли постепенно, но прочно, ввести тюркскіе титулы, вооруженіе и одежду и т. п. въ войскѣ и при дворѣ, особенно въ VII—IX стол., когда древняя кабульская династія вынуждена была, для борьбы съ мусульманами, набирать бо́льшую, быть-можетъ, часть своихъ войскъ изъ каладжей, отличавшихся воинственностью и храбростью, конечно, болѣе, чѣмъ индійцы и таджики. Тюркская одежда и вооруженіе послѣднихъ царей тибетской династіи даютъ объясненіе, почему преданія представляли и основателя династіи Барха-тегина одѣтымъ и вооруженнымъ, какъ тюрки. Хотя каладжамъ не пришлось завладѣть царской властью въ Гибини, и сверженіе тибетской династіи выпало на долю брахмана Лалліи, но тѣ *турушка*, съ которыми, по Раджатарангини, граничили владѣнія Лалліи на югѣ, были, вѣроятно, каладжи, завладѣвшіе, можетъ-быть, долиною Курама и Банну, которые во время Сюань Цзана подвластны были царю Каписы-Гибини. Тюркскій царь Фолишисаданны, владѣнія, находившагося, повидимому, въ верховьи Кабулъ-дарьи и въ вершинѣ Хильменда, былъ, вѣроятно, изъ каладжей.

По «Дорожнику Укона», китаецъ этотъ, по прибытіи около 763 г. изъ Кашмира въ «городъ» Гандары, жилъ въ монастырѣ царя Жу-ло-ли, носившемъ имя его основателя, потомка древняго царя Ki-ni-tch'a (т.-е. Канишки); повидимому, городъ этотъ былъ Пурушапура, потому что тамъ же, въ числѣ другихъ обителей, упоминается обладавшій костью изъ черепа Будды монастырь при ступѣ царя Ki-ni-tch'a (Journal asiatique, 1895, Sept.-Oct., p. 356), такъ что память о Канишкѣ и его потомкахъ, царяхъ Гибини, еще во время Укона сохранялась. Уконъ упоминаетъ еще въ томъ же городѣ монастырь T'e-k'in-li, основанный сыномъ тюркскаго царя, и монастырь хатуни (k'o-tun), жены тюркскаго царя (p. 357). Этого Текин-ли, читая уже Тегин-ша, Шаваннъ находитъ возможнымъ, согласно предложенію Маркварта, отождествлять съ царемъ Гибини Усань-тегин-ша (Doc., p. 198), у Іакинфа Усань-дэлэ. Такъ какъ титулъ тегинъ могъ употребляться и у тюрко-гаогюйской династіи хуна, то съ своей стороны я полагаю, что монастыри Те-кин-ли или Тегинъ-ша и хатуни, какъ и монастыри сына царя тюрковъ Ye-li-t'e-le и катуни (K'o-toen) въ Кашмирѣ (pp. 354—355) могли быть основаны членами династіи хуна, ибо хотя царь Гандары 520 г. представленъ у Сонъ Юня и Хой Сена противникомъ буддизма, какъ подтверждаетъ и Сюань Цзанъ, имѣвшій преданія о Михиракулѣ, какъ о гонителѣ буддистовъ (Mémoires etc., I, pp. 190—191), но его предмѣстники и члены семьи могли имѣть къ ученію Будды иное отношеніе.

Вычисляя время основанія тибетской династіи Кабула Аль-Бируни и полагая на каждое изъ 60 поколѣній ея существованія по 14 лѣтъ, сэръ Генри Элліотъ находилъ, что, если признать 850-й годъ датою ея пре-

кращенія, то начало ея придется около Р. Х., если же считать по 16 лѣтъ на поколѣніе, то основаніе ея приблизится къ 125 г. до Р. Х., ко времени паденія греко-бактрійскаго царства (History of India, II, pp. 409—410). Д-ръ Марквартъ для опредѣленія начала царствованія основателя гибиньской династіи Хинъ-ѣ, послѣ котораго до царя Хо-хе-чже, царствовавшаго въ 658 г., престолъ передавался 12 поколѣній въ его родѣ, принималъ поколѣнія за царствованія и находилъ, полагая на каждое по 18 лѣтъ, что начало царствованія сына Кидоло въ Пурушапурѣ восходитъ къ 440 году (Ērānsahr, 285). Если взять на поколѣніе или царствованіе среднюю изъ принятыхъ двумя названными изслѣдователями цифръ, т.-е. 16 лѣтъ, то 12 поколѣній или царствованій составятъ 192 года, т.-е. отъ 658 г. это уведетъ къ 466 г., но изъ этой цифры слѣдуетъ еще исключить начало царствованія Хо-хе-чже, который могъ до 658 г. занимать престолъ уже лѣтъ 8: въ такомъ случаѣ начало царствованія Хинъ-ѣ относится къ 458 г., т.-е. сходится съ опредѣленною мною датою похода Кидоло и завоеваній его на югѣ отъ Хиндукуша (см. выше «Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 64—65), чѣмъ подтверждается правильность счета по 16 лѣтъ на поколѣніе или царствованіе. Принявъ тотъ же счетъ въ 16 лѣтъ въ основаніе для опредѣленія начала древней тибетской династіи свѣдѣній Аль-Бируни, мы получимъ на 60 поколѣній или царствованій (16×60) 960 лѣтъ, т.-е., относя прекращеніе этой династіи ко времени около 880 г., мы найдемъ, что началась она около 80 года до Р. Х. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для выясненія съ какого времени Кабулъ былъ покоренъ юечжійцами, но по «Цянь-Хань-шу» въ числѣ названныхъ тамъ пяти юечжійскихъ хи-хэу или пограничныхъ князей-правителей былъ хи-хэу (княжества или области) Гао-фу (Kao-foo), имѣвшій пребываніе въ городѣ того же имени («Собр. свѣд.», III, стр. 55, Wylie, J. A. I., X, p. 41), который почти всѣми принимается за Кабулъ. Такъ какъ отдѣлъ «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи описанія, составленнаго въ 74—39 гг. до Р. Х., какъ значится въ предисловіи къ этому отдѣлу (тамъ же, стр. 37, р. 23), то, очевидно, въ эти года Гаофу-Кабулъ находился уже во власти юечжей, попасть же въ ихъ руки могъ онъ не ранѣе смерти Митридата II Великаго, который царствовалъ съ 123 по 84 г. до Р. Х., при преемникѣ его Артабанѣ II, когда междоусобія у парфянъ могли дать возможность юечжамъ захватить часть парфянскихъ восточныхъ земель, именно Кабулъ, овладѣніе которымъ и могло такимъ образомъ совершиться около 80 г. до Р. Х. Если есть что-нибудь вѣрное въ увѣреніи «Хэу-Хань-шу» о томъ, что Гаофу было подвластно Аньси (парфянамъ) и попало въ руки юечжей при Кіоцзюкю («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 119), то лишь фактъ (вторичнаго) покоренія Гаофу при Кіоцзюкю: послѣ покоренія около 80 г. до Р. Х. и несомнѣннаго нахожденія подъ властью юечжей между 79—39 гг., до Р. Х. Гаофу

могъ быть отнятъ парфянами и вторично завоеванъ юечжійцами при Кіоцзюкю послѣ 45 г. по Р. Х., если держаться предположительной хронологіи В. А. Смита. Мы знаемъ затѣмъ, что Кіоцзюкю, кромѣ Гаофу въ верхней части бассейна Кабулъ-дарьи, завоевалъ и Гибинь, занимавшую низовья того же бассейна, а сынъ его покорилъ Индію, что какъ Дахя, такъ и Гибинь, Гаофу и Тянь-чжу (Индія) продолжали находиться подъ владычествомъ юечжей-кушановъ въ эпоху трехъ царствъ въ Китаѣ (220 — 280 гг. по Р. Х.) и что паденіе владычества кушановъ въ Индіи послѣдовало въ первой половинѣ IV в., когда изъ значительной части ихъ земель за Индомъ образовалась имперія Чандра Гупты, но бассейнъ Кабулъ-дарьи, можетъ-быть, продолжалъ находиться во владѣніи потомковъ Кіоцзюкю во второй половинѣ того вѣка или въ части ея. Во всякомъ случаѣ Фа-Сянь въ началѣ V в. нашелъ въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи лишь мелкія, повидимому независимыя одно отъ другого, владѣнія. Между тѣмъ, юечжы-кушаны на сѣверѣ отъ Хиндукуша, подъ властью ли вѣтви потомковъ Кіоцзюкю или иной династіи, продолжали сохранять свои тамошнія владѣнія, вѣроятно, распространивъ ихъ на сѣверъ до Сыръ-дарьи и на западъ, между границами Персіи и Сыръ-дарьею, до Каспійскаго моря. Послѣ многолѣтней и трудной борьбы съ Персіею, продолжавшейся почти все царствованіе Яздигерда II, убѣдившись, вѣроятно, въ невозможности распространить свои владѣнія на счетъ Персіи, кушанскій царь Кидоло или Кидаръ, воспользовавшись безопасностью своихъ владѣній со стороны персовъ во время междоусобной войны между двумя сыновьями Яздигерда, предпринялъ съ своимъ закаленнымъ въ предшествовавшей борьбѣ съ персами войскомъ походъ за Хиндукушъ для завоеванія бывшихъ владѣній кушановъ. Едва онъ успѣлъ покорить пять мелкихъ царствъ, лежавшихъ не къ сѣверу (какъ значится въ китайскихъ источникахъ нашихъ), а къ сѣверо-западу и западу отъ Гандары [1]), какъ извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Пероза, въ 459 г. утвердившагося на престолѣ, должны были побудить его возвратиться на сѣверъ, оставивъ для управленія завоеванными землями своего сына въ Пурушапурѣ. Такъ какъ, по Приску, персы еще въ 464 г. домогались отъ римлянъ субсидій на войну свою съ уннами-кидаритами, надъ которыми, по свѣдѣніямъ византійскаго посла Константія, собраннымъ въ 464 г., царствовалъ уже Кунха, то слѣдуетъ полагать, что отецъ его Кидоло долженъ былъ возвратиться изъ-за Хиндукуша около 460 г., ибо для отпора съ его стороны возобновившему прекращенную по смерти Яздигерда войну Перозу, для смерти затѣмъ Кидоло, для заключенія потомъ наслѣдовавшимъ ему Кунхою мира съ Перозомъ на условіи выдачи

[1]) Этими пятью царствами въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи могли быть: 1) нынѣшняя пишаверская область на югѣ отъ Кабулъ-дарьи, 2) нынѣшняя джелальабадская область, 3) Легманъ, 4) бассейнъ Горбендской и Пянджширской рѣкъ и 5) вершины Кабулъ-дарьи и Хельменда.

послѣднимъ сестры въ замужество за Кунху, для выполненія этого условія, для обнаруженія совершеннаго при этомъ Перозомъ обмана, для мести со стороны Кунхи, за которою послѣдовало возобновленіе войны въ 464 г., если не ранѣе, потребно было года по меньшей мѣрѣ три-четыре до 464 года. Д-ръ Марквартъ по сходству имени Хинъ-ѣ (Hing-giĕt, по de Groot'y) готовъ считать юнаго Кунху за оставленнаго Кидаромъ въ Фулэуша въ 440 г. сына и затрудняется лишь тѣмъ, какъ могъ тотъ же Хинъ-ѣ наслѣдовать отцу около 465 г. въ Хорасанѣ (S. 285). Затрудненія относительно 440 и 465 гг. устраняются, если завоеванія Кидоло за Хиндукушемъ произведены около 458 г., а смерть Кидара послѣдовала около 461 г., и если сынъ Кидоло Хинъ-ѣ, оставленный въ Пурушапурѣ, есть особое лицо отъ сына же Кунхи, наслѣдовавшаго отцу на сѣверѣ Хиндукуша. Поэтому я полагаю, что, несмотря на отдаленное сходство именъ Хинъ-ѣ, основатель кидаритской династіи Гибини, и Кунха, наслѣдовавшій Кидару на сѣверѣ Хиндукуша, были лица разныя, хотя одинаково сыновья Кидоло. Я считаю затѣмъ вѣроятнымъ, что, прославившись своими побѣдоносными войнами съ Перозомъ, Кунха оставилъ своему народу, взамѣнъ имени кидаритовъ, утвердившагося вслѣдствіе долгаго и славнаго царствованія его отца Кидара, новое имя *ефтал*'овъ, по своему имени или прозвищу. Что имя это дѣйствительно появилось и утвердилось во время царствованія Кунхи, ясно изъ этого, что Прискъ, послѣднія извѣстія котораго доходятъ до 468 г., употреблялъ еще имя унновъ-кидаритовъ, тогда какъ у Лазаря Парбеци уже является имя хефталовъ, а у Прокопія исключительно имя унновъ-ефталитовъ. Имѣемъ мы, наконецъ, и прямое историческое извѣстіе: въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ исторіи Ѳеофана византійца, въ которомъ разсказано о началѣ въ Византіи шелководства, затѣмъ говорится, что «царь Юстинъ впослѣдствіи показалъ туркамъ» (вѣроятно, тюркскимъ посланникамъ, третьей четверти VI вѣка) «рожденіе и работу сихъ (шелковичныхъ) червей и тѣмъ изумилъ ихъ, потому что турки въ то время занимали торговые города и порты сировъ (китайцевъ), прежде обладаемые персами. Послѣ того, какъ царь эфталитовъ, *Эвталанъ*, отъ котораго и народъ получилъ свое имя, побѣдилъ Пероза, персы потеряли эти мѣста. Ими уже владѣли эфталиты, но вскорѣ послѣ того турки побѣдили ихъ въ сраженіи и отняли у нихъ тѣ мѣста» («Византійскіе историки Дексиппъ» и другіе, перев. съ греческаго Спир. Дестуниса, Спб., 1860, стр. 493). Хотя источники приведенныхъ свѣдѣній Ѳеофана неизвѣстны, но отъ другого византійскаго историка Менандра мы знаемъ, что въ началѣ 4-го года царствованія Юстина, въ 568 г., въ Византію прибыло посольство отъ тюрковъ, отправленное царемъ послѣднихъ Дизабуломъ и имѣвшее во главѣ начальника подвластныхъ тюркамъ согдантовъ тархана Маніаха, съ просьбою о союзѣ и дружбѣ противъ персовъ, которые препятствовали согдантамъ продавать шелкъ на западъ

чрезъ Персію (тамъ же, стр. 370 и слѣд.). Такъ какъ посольство это доставило подарки, «состоявшіе изъ немалаго количества шелку» (тамъ же, стр. 373), и имѣло бесѣды съ Юстиномъ, между прочимъ сообщивъ, на его вопросы, о полномъ покореніи тюрками эфталитовъ, вынужденныхъ платить имъ дань (стр. 374), то возможно, что свѣдѣнія Θеофана восходили къ источнику, основанному на сообщеніяхъ Маніаха или другихъ членовъ означеннаго посольства. Если Эвталанъ былъ побѣдителемъ Пероза, погибшаго въ 484 г., то можно съ большою вѣроятностію полагать, что то былъ Кунха сказаній Приска, по относящимся къ 465 г. извѣстіямъ котораго Кунка, при заключеніи мира съ Перозомъ по смерти отца, былъ «очень молодъ и не имѣлъ еще дѣтей» («Сказанія Приска панійскаго», перев. Дестуниса, стр. 91), а потому, конечно, могъ пережить Пероза, сдѣлавшись притомъ послѣ гибели Пероза властелиномъ не только Самарканда, Бухары, Бейкенда, но, быть-можетъ, на время, и персидскихъ Херата, Мерви-руда и Мерва, т.-е. всѣхъ торговыхъ городовъ и рынковъ Средней Азіи, чрезъ которые шла торговля китайскимъ шелкомъ, которымъ средне-азіатскіе торговцы, съ согдійцами во главѣ, снабжали западную Азію и Европу. Истинная основная форма именъ Эвталанъ, эвталитъ и т. д. есть, всего вѣроятнѣе, *ефталъ* или *яфталъ*, какъ можно заключить изъ транскрипціи *хепталк* у Лазаря Парбеци, соотвѣтственно *кушанк* отъ *кушан* въ единствен. числѣ, и изъ существованія въ сѣверо-западной части Бадахшана мѣстности *Ефталъ* или *Яфталъ*. По свѣдѣніямъ пандита Манфуля (J. of R. Geographical Society, vol. 42, 1872, p. 441), Yaftál есть одно изъ четырехъ административныхъ отдѣленій файзабадскаго округа (остальныя три: Файзабадъ, Аргу и Шива), отдѣляется отъ Файзабада низкою цѣпью горъ и представляетъ собою плодородную и густо заселенную гористую мѣстность, населеніе которой состоитъ изъ таджиковъ. Къ этому можно прибавить, изъ свѣдѣній почти того же времени (къ концу 1860-хъ годовъ) бадахшанцевъ Мухаммеда-Наби и Мирза-Джана (I. and A. Q. Review, 1894, July, p. 175), что Yaftál этотъ лежитъ на востокѣ отъ Рага и на сѣверѣ отъ г. Файзабада и что таджикское его населеніе говоритъ на персидскомъ языкѣ, какъ и таджики Рага, Рустака и другихъ мѣстностей сѣверо-западнаго Бадахшана. Эта самая мѣстность упоминается въ «Запискахъ» султана Бабера (Mémoires, traduits par A. Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 464), гдѣ говорится о томъ, что беки Батахшана, изгнавшіе въ 912 г. Х. (1507 г. по Р. Х.) изъ этой страны правившаго ею брата Бабера Насиръ-мирзу, собрали для того войска свои въ долинѣ р. Кокчи, въ направленіи Ефтеля (Yeftel) и Рага. Объ этомъ же Яфталѣ находимъ у Якута (писалъ въ 1223 по Р. Х.), что Yaftal — городъ, расположенный на границѣ Тохаристана, и что отсюда былъ родомъ Насръ-аль-Яфтали, который былъ однимъ изъ главныхъ эмировъ Хорасана, какъ упоминается въ лѣтописяхъ этой страны по поводу

его столкновеній съ племенемъ Карабуль въ области Балха (Dictionnaire géograph., hist. et littéraire de la Perse, extrait de... Yaqout, par M. Barbier de Meynard, Paris, 1861, p. 612).

Молчаніе свѣдѣній Аль-Бируни о первомъ перерывѣ властвованія юечжей надъ Кабуломъ до вторичнаго завоеванія при Кіоцзюкю и затѣмъ о второмъ перерывѣ послѣ паденія имперіи кушановъ, во второй половинѣ IV и первой V в., легко и естественно объясняется неполнотою устныхъ преданій, хотя въ числѣ ихъ отдаленныхъ источниковъ могли быть и письменные историческіе памятники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, относясь къ начавшемуся за десять слишкомъ столѣтій до Аль-Бируни владычеству юечжей въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, преданія эти не могли сохранить такихъ сравнительно малыхъ подробностей, какъ смѣны династій собственно-юечжійской на кушанскую и послѣдней на кидаритскую. Что же касается отношеній кидаритовъ къ хуна, кратковременное владычество которыхъ также не попало въ свѣдѣнія Аль-Бируни, то слѣдуетъ между прочимъ имѣть въ виду, что именно при гаогюйскомъ происхожденіи династіи хуна и при раздѣленіи владѣній Кидара между двумя его сыновьями отношенія эти наиболѣе легко понятны и объяснимы. Какъ оставленный въ Фулэуша сынъ Кидара Хинъ-ѣ сдѣлался по смерти отца самостоятельнымъ государемъ кидаритскихъ владѣній на югѣ отъ Хиндукуша, такъ находившійся при Кидарѣ Кунха, которому во время возобновленной Перозомъ войны привыкли повиноваться войска и управители на сѣверѣ отъ Хиндукуша, сталъ по смерти отца государемъ сѣверныхъ владѣній Кидара. Конечно, одинъ изъ братьевъ былъ узурпаторомъ въ глазахъ другого, который считалъ себя наслѣдникомъ всѣхъ владѣній отца. Въ результатѣ мы должны предполагать естественныя съ обѣихъ сторонъ отчужденіе и непріязнь, не дошедшія, однако, до междоусобной войны, такъ какъ наиболѣе сильный изъ братьевъ, Кунха, поглощенъ былъ заботами объ оборонѣ противъ нападеній Пероза. Съ теченіемъ времени непріязненныя чувства должны были смягчиться, хотя вполнѣ дружественныхъ сношеній, вѣроятно, не установилось. При такихъ обстоятельствахъ завоеваніе Кунхою, во время одного изъ мирныхъ перерывовъ войнъ съ Перозомъ, по примѣру отца, горныхъ владѣній въ мѣстностяхъ нынѣшняго Читрала, а также Удіяны (въ бассейнѣ Свата) и Гандары, и отдача имъ послѣдней, въ видѣ вассальнаго владѣнія, состоявшему въ его войскахъ съ значительнымъ отрядомъ своихъ родовичей гаогюйскому вождю рода чилэ не представляются невозможными и невѣроятными. Гандара [1]),

[1]) Гандары упоминаются еще Геродотомъ и Страбономъ, но опредѣленное указаніе на ихъ страну даетъ Птолемей (кн. VII, гл. I), помѣщая гандаровъ между р. р. Суастомъ (нынѣ Сватъ) и Индомъ. Такъ какъ, по Птолемею же, Суастъ былъ притокомъ р. Коаса, который соотвѣтствовалъ во всякомъ случаѣ нынѣшней Кабулъ-дарьѣ въ нижнемъ ея теченіи, то южною границею страны гандаровъ, т.-е. Гандары, должна была служить Кабулъ-дарья, такъ что долина Пишавера на югѣ отъ Кабулъ-дарьи въ составъ Гандары собственно не входила.

по точному содержанію относящихся до завоеванія Кидаромъ на югѣ отъ Великихъ горъ пяти царствъ китайскихъ свѣдѣній, не была покорена Кидаромъ [2]) и не находилась поэтому въ числѣ земель, доставшихся оставленному въ Пурушапурѣ сыну, а потому завоеваніе ея не могло почитаться явно враждебнымъ противъ кидаритовъ дѣйствіемъ. Можно затѣмъ съ вѣроятностью полагать, что получившій Гандару на правахъ вассала гаогюйскій правитель, а затѣмъ и его преемникъ воздерживались отъ враждебныхъ дѣйствій и покушеній на владѣнія брата своего верховнаго государя и долго направляли свои усилія на завоеванія на лѣвомъ берегу Инда. Во всякомъ случаѣ существованіе сильной Гибини, т.-е. царства въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, которое, очевидно, являлось царствомъ потомковъ сына Кидоло Хинъ-ѣ, удостовѣряется извѣстіями Сонъ-Юня и Хой Сена о войнѣ третьяго царя хуна съ Гибинью, начатой уже за три года до 520 г. изъ-за границъ между двумя государствами; 700 слоновъ этого царя («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181, Neumann, S. 173, Beal, p. 197), конечно, пріобрѣтены были имъ или его предмѣстникомъ въ предшествовавшихъ войнахъ за Индомъ.

Признавъ сначала, на основаніи перевода Биля, что къ 520 г. со времени покоренія Гандары ефталитами прошло два поколѣнія, и полагая на поколѣніе по 25 лѣтъ, д-ръ Марквартъ находилъ, что при вычетѣ этихъ 50 лѣтъ изъ 520 получается 470 г., какъ дата завоеванія Гандары (Ērānsahr, S. 58); при этомъ, въ виду близости 470 г. ко времени основанія царства М. Юечжы сыномъ Кидоло, онъ задавался оставшимся безъ разрѣшенія вопросомъ: не смѣшалъ ли Сонъ Юнь ѣда съ юечжійцами? Позднѣе, на основаніи перевода проф. de Groot'a, по которому въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ лишь второй государь со времени завоеванія, г. Марквартъ сталъ считать поколѣніе въ 30 лѣтъ и заключилъ, что покореніе Гандары совершилось около 480 г. (S. 212). Полагая, что относящіеся сюда китайскіе тексты имѣютъ тотъ смыслъ, что въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ преемственно по прямой линіи третій государь дина-

---

Однако политическія границы нерѣдко не совпадаютъ съ этническими, а потому Пурушапура иногда оказывалась въ составѣ Гандары и тогда столицею Гандары являлись то Пурушапура, то истинная столица собственно Гандары Удабхандапура, нынѣ Ундъ на западномъ берегу Инда. Имя и, вѣроятно, потомки гандаровъ сохранились къ настоящему времени въ лицѣ рода gandari или gandhari, числящагося въ составѣ авганскаго племени сафи; родъ этотъ, по свѣдѣніямъ Белью, насчитываетъ около 3 т. семей и обитаетъ въ ханствѣ Навагай между р. Кунаромъ и горами Баджаура (A Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, by H. W. Bellew, Woking, 1891, p. 63).

[2]) См. „Р. А. Ж.“, 1904 г., книжки XVII — XVIII, стр. 52, гдѣ приведены переводы Іакинфа и Шпехта, по которымъ Кидоло „покорилъ пять государствъ лежащія отъ Гантоло къ сѣверу“. Поэтому считаю ошибочнымъ изложеніе Поркера, по которому Кидоло завладѣлъ Kan-t'o-lo with four other states to the north of it (J. and A. Quarterly Review, 1902, July, p. 145).

стіи хуна (см. выше стр. 154), и имѣя затѣмъ въ виду, что царь 520 г. занималъ престолъ уже болѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ уже три года велъ войну съ Гибинью, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу лучшимъ считать на каждое царствованіе, какъ было принято для опредѣленія датъ начала тибетской династіи Кабула и кидаритской Гибини, по 16 лѣтъ. Два царствованія по 16 лѣтъ и 3 года третьяго составляютъ въ сложности 35 лѣтъ. По вычетѣ этой цифры изъ 520 получимъ 485 годъ. Такъ какъ смерть Сканда Гупты предположительно относятъ ко времени около 480 г., и государь этотъ имѣлъ уже столкновенія съ хуна, то начало династіи хуна въ Гандарѣ не можетъ быть относимо ко времени позже 470 — 480 г. или по крайней мѣрѣ позже 475 — 480, вслѣдствіе чего приходится полагать, что Михиракула въ 520 г. царствовалъ уже не три года, а 8 — 13 лѣтъ.

Мы видѣли, что по Сонъ Юню и Хой Сену прежнее имя Гандары до завоеванія ея ефталитами было, по разнымъ чтеніямъ синологовъ, Nie-po-lo, Yeh-p'o-lo (стр. 150), въ сокращенныхъ же формахъ (стр. 150) Ueh-p'o, Che-po. Въ статьѣ Ал. Кеннингама Ephthalites or White Huns (Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists, London, 1893, vol. I, pp. 222 — 244), въ виду Jaüvla въ надписи Тораманы и Jabubla или Jabuvla на его монетахъ, утверждалось, что страна называлась сначала по имени завоевателей Jabula = Ye-po-lo, т.-е. родовымъ именемъ Тораманы, которое было тождественно съ именемъ страны Забулъ, Забулистанъ древнихъ мусульманскихъ писателей (p. 233); населеніе страны Забула говорило на языкѣ, называвшемся Zaüli. Jabula же слѣдуетъ читать значащееся въ Чачъ-намэ (мусульманская исторія Синда, составленная въ VIII в. послѣ взятія арабами Мультана) имя происходившаго отъ раджи Кашмира правителя города (Мультана) Jibawin или Jabüin, построившаго знаменитый храмъ богу солнца съ идоломъ изъ краснаго золота (p.p. 233, 226, 228), такъ какъ царемъ Синда во время построенія этого храма въ 505 г. былъ Торамана, четыре преемника котораго властвовали въ Синдѣ до низложенія послѣдняго изъ нихъ брахмановъ Чач'емъ, основателемъ найденной арабами въ Синдѣ династіи (p.p. 228, 241); прямое доказательство тому, что царями Синда были до Чача, т.-е. предположительно до 643 г., бѣлые хунны, Кеннингамъ видитъ въ извѣстіи цитированнаго Элліотомъ (History of India, etc., II, p. 418) мусульманскаго писателя Khâki Shirâzi, по которому въ 22 году Хиджры (начинался съ 30 ноября 642 г. по Р. Х.) послѣ Седжистана былъ подчиненъ арабами и Мекранъ, правитель котораго былъ и правителемъ Синда, и име-

---

[1]) На стр. 62 книжки XVII — XVIII „Р. Антропологич. Ж." пораженіе маухаріевъ отнесено по недосмотру ко времени „около 535 г.", слѣдовало же: „около 565 г."

новался на языкѣ страны Zambil'емъ: въ послѣднемъ свѣдѣніи Кеннингамъ усмотрѣлъ достаточное основаніе для утвержденія, что Janbula монетъ было вѣрною индійскою формою скифскаго Zanbol илу Zabul, ибо индійскіе алфавиты не имѣютъ z (р. 243). Считая безъ всякихъ основаній индійское именованіе хуна транскрипціею китайскаго имени народа жуань-жуань (Jwan-Jwan or Yuan-Yuan) и ссылаясь на китайскихъ писателей, ни именъ которыхъ, ни извѣстій не привелъ, Кеннингамъ отождествилъ ефталитовъ съ жуанями и утверждалъ, что вторженіе въ Персію при Бахрамѣ V Гурѣ сдѣлалъ, въ 428 будто бы году, жуаньскій ханъ Татань (Tâtâ), который и былъ пораженъ и убитъ около Мерва; что съ Яздигердомъ II воевалъ съ 443 г. до 451, вынудивъ его въ 456 г. удалиться изъ своихъ владѣній на югъ отъ Окса, жуаньскій ханъ Уди (Uti) и т. д. (р. р. 223 — 224). Хорасанъ и Забулистанъ были, по его мнѣнію, захвачены ефталитами послѣ пораженія и смерти Пероза въ 483 г. (р. 240), индійскіе же *хуна* суть вѣтвь этихъ бѣлыхъ хунновъ (р. 224), водворившихся въ концѣ V вѣка на Индѣ подъ предводительствомъ Lae-lih Сонъ Юня, которому наслѣдовалъ Торамана и за нимъ Михиракула (228). Что касается кидаритовъ, которыхъ Кеннингамъ признаетъ происходящими отъ кушанскаго царя Ki-to-lo = Kidara, оставившаго около 425 — 440 гг. своего сына въ Пишаверѣ, то, по его предположенію, кидариты эти были вытѣснены ефталитами Лай-ли въ концѣ V в. въ сосѣднія страны, вѣроятно частію на востокъ отъ Инда въ Shâh-dhêri и Mansera, на западѣ отъ Кашмира, частію же въ Ясинъ и Читралъ на западъ отъ названной рѣки (см. статью Кеннингама въ Numismatic Chronicle, 1893, р. р. 115, 190, которую, за неимѣніемъ названнаго изданія въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ, цитирую по V. A. Smith въ J. of A. S. of Bengal, 1894, vol. 63, Part I, p. p. 179, 183). Гипотеза покойнаго генерала Кеннингама о тождествѣ ефталитовъ съ жуанями совершенно неосновательна и не можетъ быть принята по непримиримости ея съ свѣдѣніями китайскихъ историковъ, по которымъ это были два народа, обитавшіе въ особыхъ одинъ отъ другого странахъ, одинъ на Аму-дарьѣ, другой въ Монголіи, и говорившіе на совершенно особыхъ языкахъ. Въ частности, изъ историческихъ свѣдѣній о жуаняхъ, помѣщенныхъ въ «Бэй-шы», извѣстно, что жуаньскій Датань, который, по Кеннингаму, будто бы убитъ былъ въ 428 г. въ бою съ Бахрамомъ Гуромъ, въ дѣйствительности «занемогъ и умеръ» въ 430 г. послѣ неоднократныхъ пораженій, нанесенныхъ ему китайскимъ императоромъ Тхай-ву-ди (переводъ Іакинфа въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 214), наслѣдникъ же его Уди, послѣ тяжкихъ погромовъ отъ того же императора, умеръ въ 445 г. (тамъ же, стр. 217). Хотя послѣ гибели Пероза въ 484 г. границы ефталитскихъ земель, можетъ быть, немного и подвинулись на западѣ, но никакихъ данныхъ въ подтвержденіе предположенія о захватѣ ефталитами Забулистана не имѣется. Мнѣніе Кеннингама о томъ,

что хуна Гандары были вѣтвью ефталитовъ, также не имѣетъ никакихъ основаній. Предположеніе объ изгнаніи ефталитами потомковъ Кидоло изъ Гандары за Индъ и въ Читралъ съ Яссиномъ, основанное, быть-можетъ, на случайномъ и притомъ весьма отдаленномъ сходствѣ имени Кидаръ съ сказаніями о происхожденіи рода нынѣшнихъ правителей Читрала отъ какого-то Шахъ-Катура, брата Шахъ-Хушвахта, предка царскаго дома Яссина (Биддельфъ «Народы, населяющіе Гиндукушъ», переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886, стр. 81), опровергается свѣдѣніями посольства 520 г. и «Бэй-шы» о нахожденія владѣній Бочжи и Шеми, соотвѣтствующихъ нынѣшнему Читралу, въ зависимости отъ ѣда-ефталитовъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180), помимо другихъ данныхъ, которыя мною приведены были о судьбахъ кидаритовъ выше.

Д-ръ Марквартъ находилъ сначала, что Кеннингамъ правильно призналъ Джаувла надписи Тораманы и Джанбула, Джабувла и пр. монетъ родовымъ именемъ Ērānšahr, 39), но затѣмъ пришелъ къ заключенію, что лучше держаться авторитета китайскихъ историковъ, у которыхъ Yeh-p'o-lo есть имя страны Гандары до завоеванія ея ефталитами (тамъ же, 247), находя, однако, при помощи амойскаго и кантонскаго діалектовъ, древнимъ произношеніемъ этого имени Ǧeb̀bul, Ǧab̀bul, т.-е. Ǧab̀ul [1]). Проф. Шаваннъ, который хотя и не отвергаетъ пользованія діалектами для опредѣленія древняго произношенія китайскихъ письменныхъ знаковъ, но лично къ этому пользованію почти не прибѣгаетъ, передаетъ прежнее имя Гандары въ «Бэй-шы» и Исторіи храмовъ въ Лоянѣ, въ видѣ Che-po и Che-po-lo, и рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этого имени такимъ образомъ, что это есть древнее санскритское имя народа *сиби*, такъ какъ Сюань Цзанъ (Mém., I, 122 — 123) пріурочиваетъ къ Гандарѣ легенду о царевичѣ Суданѣ (соотвѣтствующемъ Висвантарѣ санскритскихъ текстовъ); между тѣмъ сутра о царевичѣ Суданѣ (въ японской Трипитакѣ) говоритъ, что царевичъ этотъ былъ сыномъ царя страны Che-po, тогда какъ санскритская Джатакамала выясняетъ, что Вивсантара былъ сыномъ царя сибійцевъ (des Çibis); однако Шаваннъ добавилъ потомъ, что читаетъ Che, а не Ye, вслѣдствіе употребленія знака Ye въ сутрѣ о царевичѣ Суданѣ, гдѣ употребленъ знакъ Che (отличный, какъ видно по изображенію, отъ знака, который читается Ye), и говоритъ: cependant l'identification reste hypothétique (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p.p. 225, note 3, 322).

---

[1]) Еще проф. В. П. Васильевъ задавался вопросомъ: «Какимъ образомъ жаргоны провинцій Фу-цзяня и Кантона, вошедшихъ въ составъ Китая гораздо позже, населенныхъ инородцами, считать оригиналомъ для подлиннаго кит. произношенія?“ („Очеркъ исторіи кит. литературы“ въ „Всеобщей исторіи литературы“, подъ ред. В. Корша, Спб., 1880, т. I, стр. 436). Въ настоящее время, кромѣ южныхъ діалектовъ, все болѣе усиливается примѣненіе для той же цѣли корейскаго и японскаго языковъ.

Имена царскихъ родовъ, племенныя, народныя могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ именами странъ и государствъ, но вообще не встрѣчаются въ качествѣ царскихъ титуловъ; поэтому трудно допустить, чтобы царскій титулъ замбиль могъ быть тождественнымъ съ именами Джаувла, Забулъ и т. п., если это имена царскаго рода или племени, какъ полагалъ Кеннингамъ. Обращеніе проф. Шаванномъ Ye-ро въ Che-ро, причемъ третій слогъ имени lo отбрасывается, представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительное существованіе въ Гандарѣ народа сиби нуждается въ подтвержденіяхъ помимо буддійскихъ легендъ. Поэтому вопросъ о вышеприведенныхъ именахъ приходится считать пока неразрѣшеннымъ.

Н. А. Аристовъ.